

**Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА № 11, 2014

**Ежемесячный научный журнал
Издается с января 2004 г.**

*Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
Журнал включен в крупнейшую международную базу данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования*

Председатель редакционного совета журнала

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

ПЕТРУЧАК Лариса Анатольевна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Председатель Редакционно-издательского совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

СЕМИСОРОВА Ксения Николаевна — начальник Отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: 2700, Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Quest Nanterre La Défense (Франция).
Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Републик, д. 200.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, главный научный сотрудник кафедры уголовного и, в частности, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

Почтовый адрес: 14482, Германия, г. Потсдам, ул. Августа Бебеля, д. 89.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

Почтовый адрес: 109012, Россия, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9.

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области.

Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Европейского Союза Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры Жана Монне (Европейский Союз).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КУЧЕРЯВЕНКО Николай Петрович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», академик Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Почтовый адрес: 61024, Украина, г. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77.

МАРИНО Иван — кандидат юридических наук, доцент государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда Конституционных Реформ.

Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, ул. Виа Карло Поэрио, д. 15.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель председателя экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — доктор права, магистр философии, профессор Афинского университета, вице-ректор Университета Центральной Греции, Президент Международной ассоциации спортивного права (IASL), специальный эксперт в области спортивного права в Европейском Союзе, награжден премией «Право: Человек года» (2009) Американским биографическим институтом (ИНК).

Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Федерального арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы.

Почтовый адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 32/27.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института.

Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, а/я №4553.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.

ЧЕРНЫШЕВА Ольга Сергеевна — кандидат юридических наук, начальник отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.

Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург, Cedex, ЕСПЧ.

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии психологических наук.

Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, ректор Института экономики и управления Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша).

Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромскиго, д. 5.

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Education Institution of Higher Professional Education
«Kutafin Moscow State Law University»**

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LAW № 11, 2014

**Monthly scientific journal
Published since January of 2004**

*Recommended by the Supreme Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publication of results of doctoral theses*

*The Journal is included in the largest international database of periodicals Ulrich's Periodicals Directory.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index*

Chairperson of the Board of Editors

GRACHEVA, Elena Yurievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

PETRUCHAK, Larisa Anatolievna — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Vice-Rector on Educational Work of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

Editor-in-Chief

SHUGRINA, Ekaterina Sergeevna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Editorial Advisory Board of the Kutafin Moscow State Law University.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

SEMISOROVA, Ksenia Nikolaevna — Head of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

BELOVA-GANEVA, Gabriela — PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and History of the South Western University named after the Neophyte Rilsky (Bulgaria)

Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

BOLTINOVA, Olga Viktorovna — Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of the Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

CHANNOV, Sergey Evgenievich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

CHERNYSHEVA, Olga Sergeevna — PhD in Law, Head of the Department of the Secretariat of the European Court of Human Rights.

Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

DUBROVINA, Elena Pavlovna — PhD in Law, Member of the Election Committee of Russia, Merited Lawyer of the Russian Federation.

Mailing address: 109012, Russia, Moscow, B.Cherkasskiy per., d. 9.

ERSHOVA, Inna Vladimirovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Justice of Russia.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

GAZIER, Anne — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Quest Nanterre La Défense (France).

Mailing address: Université Paris Ouest Nanterre La Défense, 200 avenue de la République, 92001, Quest Nanterre, La Défence, France.

GOLOVNENKOV, Pavel Valerievich — Doctor of Law, Law Assessor, Chief Legal Researcher of the Department of Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the University of Potsdam (Germany).

Mailing address: Universität Potsdam, Juristische Fakultät, August-Bebel-Str. 89, 14482 Potsdam, Deutschland.

JASKIERNIA, JERZY — Prof. dr hab. Jan Kochnowski University, Kielce, Poland, Department of Management and Administration Director, Institute of Economy and Administration, Chair, Administration and Legal Sciences Division.

Contact information: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland, 25369.

KASHKIN, Sergey Yurievich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, the Professor of the Department named after Jean Monnet (the EU).

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

KHVAN, Leonid Borisovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute.

Mailing address: 100 000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, a/ya 4553.

KOKOTOV, Aleksandr Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1.

KORNEV, Arkadiy Vladimirovich — Doctor of Law, Professor, Vice-Chairman of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

KUCHERYAVENKO, Nikolay Petrovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Academician of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, the Merited Specialist in Science and Technology of Ukraine.

Mailing address: 61024, Ukraine, Kharkiv, ul. Pushkinskaya, d. 77.

MARINO, Ivan — PhD in Law, Associate Professor of the University «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.

Mailing address: Via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.

MATSKEVICH, Igor Mikhailovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, vice-chairman of advisory council of the Highest certifying commission of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

PANAGIOTOPOULOS, Dimitrios — Assoc. Prof, University of Athens, Attorney-at-Law Vice-Rector, University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL), awarded «Person of the Year in Law» (2009) from the American Biographical Institute (INC).

Mailing address: 4 Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

RESHETNIKOVA, Irina Valentinova — Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Federal Arbitration Court of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.

ROSSINSKAYA, Elena Rafailovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Judicial Expertise», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Merited Scientist of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

SHALUMOV, Michael Slavovich — Doctor of Law, Professor, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, a member of the International Academy of Psychological Science

Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Cook, 15.

VOSKOBITOVA, Lidia Alekseevna — Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

ZAKHAROV, Vladimir Viktorovich — Doctor of Law, Professor, chairman of Arbitration court of Kursk region.

Mailing address: 305000, Russia, Kursk, ul. Radischeva, d. 33.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Подведены итоги конкурса
на лучшую статью 2391

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Воронин М.В.

Концепция оснований системности права
в структуре компаративистского
правового анализа 2392

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Куранов В.Г.

Гражданско-правовая ответственность
за правонарушение
в сфере здравоохранения: основания, виды,
порядок её определения
и наложения на виновных 2398

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ляпидов К.В.

Анализ и предложения к действующему
Федеральному закону № 187-ФЗ
«О внесении изменений в отдельные
законодательные акты Российской Федерации
по вопросам защиты интеллектуальных прав
в информационно-коммуникационных
сетях» 2405

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Гринь Е.С.

К вопросу о правовой природе
открытых лицензий 2411

Торба С.Н.

Отраслевая принадлежность
и особенности сетевого контракта
на железнодорожном транспорте 2417

Красавчикова Л.И.

К проблеме правового мониторинга
применения норм о корпоративных
юридических лицах 2423

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Хасан Х.А.Х.

О практике применения Конвенции
о предупреждении преступления геноцида
и наказании за него
кампания «Аль-Анфаль» в Ираке) 2427

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Агабаева А.В.

Участие прокурора
в судебном следствии при рассмотрении дел
судом с участием присяжных заседателей
(по Уставу уголовного судопроизводства
1864 г.) 2431

Борисевич Г.Я.

Нарушение уголовно-процессуального
и (или) уголовного законов, неустранимые
в суде апелляционной инстанции 2436

Вовк М.З.

Правовое значение возраста
субъекта преступления
при назначении наказания 2444

Гловюк И.В.

Некоторые вопросы
уголовно-процессуальных функций
по УПК Украины 2012 г. 2452

Горак Н.В.

Вопросы обжалования прокурору
действий и решений лиц,
осуществляющих
уголовное судопроизводство,
по Уставу уголовного судопроизводства
1864 г. и УПК РФ 2001 г. 2459

Гудовских Т.С.

Некоторые проблемы использования
специальных знаний в доказывании
по уголовному делу в контексте
реализации права
на состязательное судопроизводство 2465

Дикарев И.С.

Инстанционность пересмотра
вступивших
в законную силу судебных решений
по уголовным делам:
история и современность 2470

Дроздова А.А.

Суд присяжных:
история и современность 2475

Егорова Р.Е.

Уголовно-процессуальное
законодательство России конца XIX в.
о сроках предварительного расследования
(на примере Устава
уголовного судопроизводства 1864 г.) 2480

Закотянский А.С.

Влияние Устава
уголовного судопроизводства 1864 г.
на современные требования
к допустимости доказательств 2485

Ибрагимова Л.Д.

Генезис института предания суду
в русском уголовном процессе 2491

Исакова Т.В.

Краткий очерк развития
ювенального уголовного правосудия в России:
от законодательных новелл
Устава уголовного судопроизводства
Российской империи
до современных реалий 2497

Кожевников О.А.

Реформирование прокуратуры России
(по актам судебной реформы 1864 г.
и Концепции судебной реформы
в Российской Федерации 1991 г.) 2504

Костенко К.А.

К вопросу о правах лица
на возмещение вреда
при осознанном самооговоре –
исторические аспекты и недостатки
современного законодательства 2512

<i>Лантух Н.В.</i> Институциональное значение и эволюция апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве 2518	<i>Угольникова Н.В.</i> Дознание через околных людей как способ доказывания обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого 2599
<i>Лифанова Л.Г.</i> Процессуальный статус следователя по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. 2525	<i>Шаров Д.В.</i> Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы 2603
<i>Минчук О.В.</i> Особенности уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии в последней трети XIX — начале XX вв. 2531	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
<i>Михайлова А.А.</i> Исторический опыт развития института судебных издержек в России: от Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. до наших дней 2536	<i>Бессонов А.А.</i> Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений 2607
<i>Никитина Е.В.</i> Из истории развития средств доказывания 2540	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
<i>Ничипоренко А.А.</i> Обжалование следователем, дознанием судебных решений: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до УПК РФ 2546	<i>Моисеев А.И.</i> Проблема международного информационного обмена в борьбе с терроризмом 2612
<i>Парамонова Л.Ф.</i> От «сведущих людей» к «судебному эксперту»: эволюция понятия (на примере Республики Казахстан) 2551	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
<i>Сахневич И.В.</i> Вопросы подведомственности и подсудности дел о нарушениях торговых уставов по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. 2558	<i>Калиниченко П.А.</i> Правовые аспекты взаимоотношений между Россией и Европейским союзом в рамках Всемирной торговой организации 2617
<i>Смирнова Е.В.</i> Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: история и современность 2563	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
<i>Сопнева Е.В.</i> Развитие представлений о заподозренном лице 2568	<i>Серов Д.О.</i> Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень (из истории и предыстории судебной реформы 1864 г.) 2622
<i>Таболина К.А.</i> Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: история и современность 2574	<i>Корнев А.В., Борисов А.В.</i> Развитие юридического образования в пореформенной России: уроки для современной России (ч. 1) 2630
<i>Таран А.С.</i> Институт отвода по Уставу уголовного судопроизводства и УПК РФ: актуальные параллели 2581	<i>Семисорова К.Н.</i> Юридическая наукометрия: эффективное управление юридической наукой 2635
<i>Тонков В.Е.</i> Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов 2587	ПЕРСОНА
<i>Тузов А.Г.</i> Пересмотр итоговых решений суда по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1960 г. (теоретический подход) 2592	<i>Чеджемов С.Р.</i> Корифей российского права 2647
	ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS 2650
	УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ 2668

CONTENTS

CONTEST WINNERS

The results of the contest
for the best article 2391 2391

TOPICAL PROBLEMS OF THEORY OF STATE AND LAW

Voronin, M. V.
The concept of the basis
of the systematization of law in the structure
of the comparative legal analysis 2392

TOPICAL PROBLEMS OF CIVIL LAW

Kuranov, V.G.
Civil law responsibility for torts
in the healthcare sphere: grounds,
types, procedure for its determination
and imposing on guilty persons..... 2398

TOPICAL PROBLEMS OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Lyapidov, K.V.
Analysis and proposals to
the Federal Law № 187-FZ "On Amendments
to Certain Legislative Acts
of the Russian Federation on the protection
of intellectual property rights
in the information
and communication networks" 2405

TOPICAL PROBLEMS OF ENTERPRENEURIAL LAW

Grin', E.S.
On the issue of the legal nature
of open licenses..... 2411

Torba, S.N.
Industry affiliation and features
of network contract for railway transport 2417

Krasavchikova, L.I.
On the problem of the legal monitoring
of the application of rules
on corporate legal entities..... 2423

TOPICAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW

Hasan Hunar Ameen Hasan
On the practice of Genocide Convention
(«Al-Anfal» campaign in Iraq) 2427

TOPICAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE

Agabaeva, A.V.
Participation of the Prosecutor
in the court investigation and the jury trial
(upon the Charter of criminal justice
of 1864) 2431

Borisevich, G. Y.
Violation of the criminal procedure
and (or) criminal laws that are inherent
in the court of appeal 2436

Vovk, M. Z.
Legal effect of the age of a subject
of crime in sentencing 2444

Glovyuk, I.V.
Some issues of criminal procedure functions
under the Criminal Procedure Code
of Ukraine 2012 2452

Gorak, N.V.
Issues of appeal
to a procurator against actions
and decisions of persons exercising
criminal justice under the Charter
of Criminal Proceedings 1864
and Criminal Procedure Code
of the Russian Federation 2001..... 2459

Gudovskikh, T.S.
Some issues of using special knowledge
in proof in a criminal case in the context
of exercising the right
to adversarial proceedings 2465

Dikarev, I.S.
Availability of instances for reviewing valid
judgments in criminal cases:
past and present..... 2470

Drozdova, A.A.
Jury trial: Past and Present 2475

Egorova, R.E.
Russian criminal procedure law of the late
19 century on the length
of a preliminary investigation
(using the 1864 Charter
of Criminal Proceedings as an example)..... 2480

Zakotyanskiy, A.S.
Impact of the Charter
of Criminal Proceedings 1864
on modern requirements for admissibility
of evidence 2485

Ibragimova, L.D.
Genesis of the institute of committal
in the Russian criminal procedure..... 2491

Isakova, T.V.
A brief outline of the development
of the juvenile criminal justice system
in Russia from the legislative developments
of the Charter of Criminal Proceedings
of the Russian Empire
to the modern realities..... 2497

Kozhevnikov, O.A.
Russian Procuracy reformation
(under the judiciary reform of 1864
and the Concept of the judicial reform
in the Russian Federation of 1991)..... 2504

Kostenko, K.A.
On the issue of indemnity
in intentional self-accusation —
historical aspects and drawbacks
of the current legislation 2512

Lantukh, N.V.
Institutional meaning and evolution
of appellate and cassation judicial review
in criminal proceedings 2518

Lifanova, L.G.
Procedural status of investigator under
the Charter of Criminal Procedure of 1864 2525

Minchuk, O.V.
Peculiarities of criminal proceedings
in magistrates' courts
of the Arkhangelsk government
in the late XIX — the beginning
of the XX centuries 2531

<i>Mikhailova, A.A.</i> Historical review of the evolution of the institute of legal costs in Russia: from the Criminal Procedural Charter of November the 20-th, 1864 up to the present day	2536	<i>Sharov, D.V.</i> Fact in Proof in a Criminal Court Procedure: Historical Experience and Contemporary Issues	2603
<i>Nikitina, E.V.</i> Historical evolution of the phenomenon of providing evidence	2540	TOPICAL PROBLEMS OF FORENSIC STUDIES AND JUDICIAL EXPERTISE	
<i>Nichiporenko, A.A.</i> Filing complaint against judicial decisions by investigator, interrogator: from the Criminal Procedural Charter of 1864 to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.....	2546	<i>Bessonov, A.A.</i> Historical grounds of emergence and development of the institute of criminalistic assessment of crimes	2607
<i>Paramonova, L.F.</i> The evolution of the notion: from «the informed people» to «the forensic science expert» illustrated by example of the Republic of Kazakhstan	2551	TOPICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW	
<i>Sakhnevich, I.V.</i> The issues of subordination and judicial jurisdiction in reference to trade charter violations under the Criminal Procedural Charter of 1864.....	2558	<i>Moiseev, A.I.</i> The Issue of International Information Exchange.....	2612
<i>Smirnova, E.V.</i> Indemnification for the committed offence in the framework of criminal judicial procedure in Russia: evolution over time and present-day situation.....	2553	TOPICAL PROBLEMS OF EUROPEAN UNION LAW	
<i>Sopneva, E.V.</i> Development of notions of a suspected person	2568	<i>Kalinichenko, P.A.</i> Legal aspects of relations between Russia and EU within the framework of the World trade organization	2617
<i>Tabolina, K.A.</i> Public Prosecutor's review over bringing and investigating criminal cases: history and modern age	2574	TOPICAL PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION	
<i>Taran, A.S.</i> The Institute of Challenge under the Criminal Procedure Charter and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Topical Parallels	2551	<i>Serov, D.O.</i> Prosecutorial investigative personnel of the Russian Empire in the 1850–1860 s: educational level (from the history and prehistory of the judicial reform of 1864)	2622
<i>Tonkov, V.E.</i> Special Court Proceedings: The Influence of an Abridged Form of Court Procedure on the Implementation of the Constitutional Principles	2587	<i>Kornev, A.V., Borisov, A.V.</i> Development of Legal Education in Post-Reform Russia: Lessons for Modern Russia (Part 1).....	2630
<i>Tuzov, A.G.</i> Review of the Final Court Decisions under the 1864 Criminal Procedure Charter and the 1960 Criminal Procedure Cod of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (A Theoretical Approach).....	2592	<i>Semisorova, K.N.</i> Legal scientometrics: the effective management of legal science	2635
<i>Ugol'nikova, N.V.</i> Inquest through third persons as a method of proving circumstances characterizing the personality of the accused	2599	PERSON	
		<i>Chedzhemov, S.R.</i> Corypheus of Russian law.....	2647
		ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS	2650
		PUBLISHING CONDITIONS AND THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS FOR THE JOURNAL	2668

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Подведены итоги конкурса на лучшую статью

Летом 2014 г. в связи с 10-летним юбилеем Журнала «Актуальные проблемы российского права» был учрежден Конкурс лучших публикаций в журнале.

По результатам заседания конкурсной комиссии приняты следующие решения:

1. Учитывая, что Журнал «Актуальные проблемы российского права» создавался как площадка для продвижения научных результатов молодых ученых, переименовать конкурс, проводимый в 2014 г., в «Конкурс лучших статей, опубликованных молодыми учеными», а также упразднить номинацию «Лучшая статья молодого ученого». С 2015 г. проводить конкурс лучших статей, публикуемых всеми авторами Журнала в течение года по ранее установленным номинациям.

2. В номинации «Лучшая статья по историко-теоретическим проблемам отраслей права» объявить победителями:

1 место — **Жилицына О.В.** Предпосылки и особенности формирования правовой идеологии тоталитаризма (2011. № 1).

2 место — **Закатова О.В.** Генезис протоколов следственных и судебных действий (2010. № 2).

3 место — **Аверьянов К.Ю.** Действие решений Европейского Суда по правам человека в рамках российской правовой системы (2013. № 5).

3. В номинации «Лучшая статья по проблемам совершенствования законодательства» объявить победителями:

1 место — **Иволжатов А.В.** Основания признания юридических лиц взаимозависимыми в контексте сравнительного межотраслевого исследования (2013. № 11).

2 место — **Покачалова А.С.** Проблемы гражданского правового регулирования договорных отношений (2013. № 12).

3 место — **Катасонов Д.А.** Ответственность государства за действия, не запрещенные международным правом (проблема страхования и иных заблаговременно принимаемых финансовых программ) (2012. № 2).

4. В номинации «Лучшая статья по вопросам исследования правоприменительной практики» объявить победителями:

1 место — **Симонова С.В.** Установление режима специально отведенных для публичных мероприятий мест: юридико-ошибочный аспект правового регулирования (2013. № 12).

2 место — **Ильинская О.И.** К вопросу о способах обеспечения выполнения международных договоров (2011. № 3).

5. Ввести номинацию Совета молодых ученых Университета имени О.Е. Кутафина на лучшую статью и объявить победителями:

1 место — **Рудакова В.Д.** Права на имущество публичных юридических лиц (2014. № 5).

2 место — **Бодров Н.Ф.** К вопросу о способах преступлений коррупционной направленности в сфере образования (2012. № 3).

3 место — **Дорогин Д.А.** Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами (2014. № 3).

6. Победителей наградить:

За 1 место — дипломом, ценными подарками, годовой подпиской на журнал на 2015 г., а также правом на внеочередное опубликование 2 статей в течении 2015 г. (одобренная статья публикуется в ближайшем номере).

За 2 место — дипломом, ценными подарками, полугодовой подпиской на журнал на 2015 г., а также правом на внеочередное опубликование 1 статьи в течении первого полугодия 2015 г. (одобренная статья публикуется в ближайшем номере).

За 3 место — дипломом, ценными подарками, полугодовой подпиской на журнал на 2015 г., а также правом на внеочередное опубликование 1 статьи в течении второго полугодия 2015 г. (одобренная статья публикуется в ближайшем номере).

7. Опубликовать информацию о результатах Конкурса в ближайшем номере Журнала.

Поздравляем победителей!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М.В. Воронин*

Концепция оснований системности права в структуре компаративистского правового анализа

Аннотация. Объектом исследования является системный подход в компаративистском правовом анализе. Предмет исследования — концепция оснований системности права в структуре компаративистского правового анализа. В концепции оснований системности права выделяются базовые основания системности права, которые, с нашей точки зрения, необходимы для более глубокого сравнительно-правового анализа, так как способствуют раскрытию природы взаимодействия анализируемых правовых систем, объясняют потребность в компаративистском правовом анализе конкретных правовых систем. Базовые основания системности права необходимо учитывать при анализе методологии сравнительного правоведения. К базовым основаниям системности права относятся: общественные отношения в их системном взаимодействии; государственно-волевой характер права; правовая политика; принципы права. Центральное звено в методологическом аппарате исследования занимает методологический инструментарий общей теории систем, базирующийся на парадигме всеобщей системности окружающего мира. Исходным методологическим положением работы является системный подход к праву, предполагающий его осмысление в контексте структурного, содержательного, уровневого срезов системного познания права. Методология исследования строится на диалектической платформе, которая предполагает использование адекватных ей методов. В статье за основу было взято позитивное правопонимание, однако для всестороннего исследования системности права привлекались знания и подходы к праву, выработанные в рамках иных концепций правопонимания. В контексте настоящей статьи элементы иных концепций правопонимания обогащают представления о системности права, не исключают, а дополняют друг друга, позволяют увидеть важные грани рассматриваемой проблемы, учесть современные тенденции развития права. В статье исследованы основные характеристики базовых оснований системности права, которые являются универсальными для познания оснований связей правовых систем современности. Обосновано, что первичные общественные отношения являются универсальными для любой правовой системы. В особенности это касается частноправовых отношений. Аргументировано, что государственная воля, проявляясь в функционировании государства и права, воспринимая объективные условия социальной среды, влияет на содержательную и структурную составляющие системы права. Показано, что при помощи усвоения основных составляющих правовой политики на основе уровневого подхода к ней возможно достижение понимания целей правового развития, ориентиров правовых систем. Раскрыта универсальность системообразующей природы принципов права вне зависимости от их формализации в источниках права. Обозначены перспективы познания системности права в структуре компаративистского правового анализа.

Ключевые слова: право, системность, системность права, общественные отношения, основания системности права, концепция оснований системности, компаративистский правовой анализ, сравнительное правоведение, методология, структура правового анализа.

Предметом компаративистского анализа являются структурные составляющие разных правовых систем. В современных условиях, когда в науке и практике существуют

полярные точки зрения на процесс сближения (конвергенции) правовых систем современности, на роль глобализации и европеизации в правовом развитии, на значение регионализации прав

© Воронин М.В., 2014

* Воронин Максим Валерьевич — ассистент кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

[maksim.v.voronin@mail.ru]

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, ауд. 305.

человека и прочее, необходимо использовать подход к анализу процессов в правовой действительности, позволяющий интегрировать разные приемы и способы познания правовой материи, сочетать дополняющие друг друга знания в различных областях юриспруденции. Таким подходом выступает системный подход.

Системный подход дает возможность ученым-юристам выявить не только онтологические закономерности в праве, но и в целом совершенствовать методологию правовых исследований.

Обращаясь к системности права, подчеркнем социальную природу этой категории. «Системность» используется как одна из «важных характеристик, параметров объективного мира, и прежде всего мира социального... Системные представления становятся важной чертой современного познания и практики, в особенности практики управления... обществом»¹.

В основе компаративистского правового анализа уже заложена системная методология, но интерпретироваться она может по-разному. Все зависит от того, как воспринимать саму системность права и правосистемность.

Системность права — категория универсальная, пронизывающая все сферы правового бытия. Системность права, на наш взгляд, можно понимать как свойство права, как принцип правового регулирования, как признак системы права и правовой системы, как принцип деятельности, отраженный в праве (например, правотворчества). Многоаспектность понимания системности права объясняется многогранностью ее оснований и проявлений, неразрывно связанных между собой.

С нашей точки зрения, системность права — прежде всего свойство права создавать системы правового порядка. При этом указанное свойство производно от общесоциальной системности, задающей взаимодействие первичных общественных отношений.

Понимание развития разных правовых систем, на наш взгляд, связано с осознанием прежде всего одной из главных составляющих в методологии компаративистики — того, на чем основывается взаимодействие правовых систем современности, того, что подводит нас к компаративистскому анализу, — это системные связи правовых систем и основания этих связей. При этом необходимо отметить, что наиболее важна для нас все-таки категория *оснований* системных связей правовых систем, ибо наличие таких оснований порождает межсистемное взаимодействие компонентов правовой действительности.

Думается, что наиболее верно рассматривать указанные основания связей правовых систем в контексте системности права и правосистем-

ности. Определим место этих категорий в понятийном ряду концепции оснований системности права. Но прежде скажем, что, на наш взгляд, понимание оснований системных связей правовых систем всецело должно опираться на концепцию (способ понимания, трактовки каких-либо явлений) системности права.

Итак, «анализ категорий “системноправовое образование” и “правосистемное образование” подводит к необходимости выделения “правосистемности” как свойства правовой системы, определяющего системную связанность и системную природу всех правовых явлений, всех правосистемных образований, в том числе и системы права. Правосистемность, в отличие от системности права, увязывает не только нормы права и их элементы, а разные правовые компоненты. К примеру, связь между правовой культурой как системным образованием и механизмом реализации права налицо, но было бы странным объяснять наличие указанной связи системностью права. Необходимо помнить, что наличие правовых явлений объясняется наличием самого права, поэтому системность права будет являться основанием наличия правосистемности.

Основания системности права находятся во взаимосвязи с основаниями правосистемности, базовые основания системности права являются основаниями правовой системы общества»².

К базовым основаниям системности права относятся: общественные отношения в их системном взаимодействии, государственно-волевой характер права и правовая политика, принципы права. Учет этих базовых оснований является, с нашей точки зрения, необходимым как при раскрытии онтологического среза предмета компаративистского исследования, так и при познании самой методологии сравнительного правоведения.

Обозначим наиболее существенные характеристики указанных базовых оснований системности права, которые в определенной степени можно признать универсальными для познания *оснований связей (основания взаимодействия)* правовых систем современности.

Общественные отношения интегрированы в социуме, находятся в диалектической взаимосвязи. Здесь уместно сказать о видах общественных отношений, которые объективируются через социальные системы и находятся в указанном нами диалектическом единстве, — это экономические, политические, социальные, духовные отношения. Подобные общественные отношения необходимо рассматривать в пределах сфер общественной жизни, в которых они возникают, исходя из человеческих потребностей, и уже как

¹ Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. С. 16.

² Воронин М.В. Основания и проявления системности права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 16.

следствие включаются в системное взаимодействие с другими общественными отношениями, институционализируются в обществе. Так, можно говорить о том, что в рамках сфер общественной жизни, под которыми исследователи понимают элементы общества, его части, объективно существующие, структурно оформленные, связанные с другими социальными сферами, с обществом в целом³, происходит интегрирование социальных систем (как первичных, так и вторичных).

Социальная система всегда складывается на базе социальной общности, а ее функционирование связано с деятельностью людей, поведение которых определяется социальными статусами и ролями, нормами и лежащими в их основе ценностными установками⁴. Право — это вторичная социальная система, состоящая из норм и создаваемая людьми.

Любая сфера общественной жизни подчинена общим законам социального регулирования. Право выступает элементом в системе социального регулирования, оно воздействует на первичные общественные отношения в пределах определенных границ. Вторичные общественные отношения порождаются наличием права, а первичные отношения возможны и без правового опосредования, регулирования.

Потребности людей, цели и задачи лежат в основе системности права, в основе системного взаимодействия различных правовых семей. Вполне можно признать взаимодействие первичных общественных отношений основанием и системных связей правовых систем.

Первичные общественные отношения являются универсальными для любой правовой системы. В особенности это касается частно-правовых отношений. Их природа способствует интеграции права. В советской правовой доктрине частное право было принято связывать исключительно с интересами конкретных людей, а публичное — с интересом государства в целом. С точки зрения генезиса вторичных отношений, отношений, санкционированных государственной властью, вполне уместно говорить о системной связи публичного и частного права как проявлении связей первичных и вторичных общественных отношений⁵. С позиции системно-правовой интерпретации социальной реальности стоит согласиться с В.Ф. Яковлевым относительно концепции социальных интересов: публичных и частных, где публичные интересы нельзя отождест-

влять с государственными⁶. В таком случае первичное, базовое основание системности права — общественные отношения в их системном взаимодействии — усиливает свое значение в компаративистском правовом познании. Это связано с признанием единой правовой природы не только у частных отношений, но и у отношений публичных, ввиду чего вполне можно говорить о расхождении структуры указанных отношений, структуры их нормативных правовых регуляторов и вместе с тем о единстве природы этих общественных отношений в разных правовых системах. Вполне понятно, что отношения могут порождаться одной и той же потребностью в разных правовых системах, и здесь не имеет существенного значения то, как связана эта потребность с публичным и частным интересом, важно то, что она дает основания для компаративистского анализа компонентов правовых систем. Подобная логика вполне присуща для раскрытия связей генеалогического характера («между потребностями и ценностями правотворческих субъектов и характером правовых норм»⁷) в правовых системах и в правовой действительности в целом.

Общественные отношения именно в системном взаимодействии выступают определяющим фактором для внешней (экстрасоциетальной) и внутренней (интрасоциетальной) социальных сред, воздействующих на право. К примеру, анализируя систему права (в позитивном понимании) в конкретном государстве, необходимо учитывать развитие иных правовых систем, а также понимать процессы, происходящие в самом государстве. Здесь мы согласимся с М.В. Захаровой в том, что «чем адекватнее будут «ответы» правовой системы на внешние вызовы, тем выше будет степень ее эффективности. Причины возникновения в обществе правового нигилизма и идеализации я как раз вижу в этом несоответствии между «входом» (социальные требования) и «выходом» (юридическая реакция) правовой системы»⁸.

Базовыми основаниями системности права, рассматриваемыми нами применительно к компаративистскому правовому анализу, являются государственно-волевой характер права и конкретизирующая государственную волю правовая политика. Отметим, что действие права⁹ невозможно вне государственной воли. Это положение является ключевым при описании механизма во-

³ См.: Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 23.

⁴ См.: Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб.: Астерион, 2010. С. 9.

⁵ См.: Воронин М.В. Характеристика первичных общественных отношений, определяющих системность частного права // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 37–40.

⁶ См.: Яковлев В.Ф. Частное право в современной правовой системе России // Пермский конгресс ученых-юристов, 2012 / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: б.и., 2012. С. 37.

⁷ Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2013. С. 174.

⁸ Захарова М.В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // Lex Russica. 2008. № 2. С. 247.

⁹ См.: Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 407–411.

площения в жизнь системно-связанных, урегулированных правом общественных отношений. Система права, безусловно, должна функционировать и развиваться сообразно общественным потребностям, при этом вполне допустима ее функциональная анизотропность, то есть неоднородность и неравнозначность функциональных возможностей для преобразования и действия системы в различных направлениях, неравномерность элементов и связей. Так, одно государство не может распространять свою волю, особенности функционирования своей правовой системы на другое суверенное государство. В пределах же своего суверенитета каждое государство может использовать разнообразные функциональные возможности права, придавая ему определенное содержательное наполнение. Системность права — неотъемлемое свойство права, проявляющееся и в балансировке разных общественных отношений, в том числе международных и внутригосударственных. Здесь вполне уместно говорить о роли государственной воли в системообразовании права, а также в определении соотношения юридических систем, правосистемных образований разных уровней.

Наглядно рассмотрим это на примере международного и внутригосударственного права. Не вдаваясь в дискуссию о соотношении международного и внутригосударственного права, обозначим место государственной воли в механизме их взаимодействия. Существенную роль государственная воля играет в процессе имплементации норм международного права в национальную правовую систему, выступает особым направляющим звеном в определении содержания и структурного строения системы права. Дуалистический подход к пониманию международного и внутригосударственного права дает возможность определить «уровни функционирования данных систем правового регулирования»¹⁰. При совпадении сфер правового воздействия в плоскости предмета регулирования коллизий между ними возникать не должно, так как международное право реализуется в силу «инкорпорации» в национальное¹¹. «Учитывая необходимость санкционирования действия международного права во внутригосударственной сфере, сторонники дуалистической концепции признавали полную свободу в определении методов и средств осуществления этой процедуры: государство может включать международное право в свою правовую систему, а может и не делать этого, однако в случае включения международного права в национальную правовую систему государство должно

ему подчиняться и обеспечивать условия его действия»¹².

Таким образом, получается, что государственная воля, проявляясь в функционировании государства и права, воспринимая объективные условия социальной среды, влияет на содержательную и структурную составляющие системы права.

Государственно-волевой характер права, так или иначе, свойственен каждой правовой системе. Это предопределено тесной связью права и государства. Какие бы структурные элементы правовых систем ни исследовались в процессе компаративистского анализа, ясно, что они не прошли вне государственной воли. Даже такой правовой феномен, как преемственность в праве, опосредуется государственно-правовой реальностью.

Здесь хочется подчеркнуть специфику государственно-волевого характера права для каждой правовой системы в контексте научной концепции идентификации социальных фактов, сформулированной В.Н. Синюковым¹³. С нашей точки зрения, эта концепция: 1) высвечивает генеалогические связи в самой правовой системе, опираясь на парадигму цивилизационного подхода к праву; 2) позволяет объяснить комплексно организованное пространство правовой системы, согласованность ее элементов; 3) способствует повышению механизма эффективности правового регулирования; 4) позволяет верифицировать качество и генезис компонентов для компаративистского анализа, к примеру, определить, исторически ли присущ сравниваемый элемент той или иной правовой системе или он был заимствован ею.

С нашей точки зрения, интегрирование подходов к праву как государственно-волевому производному и «выделению права из факта»¹⁴ должно способствовать обогащению содержания компаративистского правового анализа.

Согласимся с тем, что «социальные факты — далеко не первичное “сырье” для правовой системы, как, главным образом, принято их рассматривать в позитивистских доктринах. Эти факты в известном смысле заведомо “запрограммированы” на конкретный образ правосознания и правокультурные стандарты, поэтому важно идентифицировать эти образы специальными, искусственными юридическими средствами. В противном случае неизбежен эффект раздвоения правовой системы, когда ее имманентная фактологическая часть не сумеет найти дополнения в официальной системе права и юрисдикционных структурах, заставив последние специально изобретать и даже выдумывать “под себя” все недо-

¹⁰ Правовое регулирование и правореализация / Л.Т. Бакулина [и др.]; науч. ред. Ю.С. Решетов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. С. 59.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же.

¹³ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2013. С. 439–463.

¹⁴ Там же. С. 460.

стающие в обществе фактические отношения»¹⁵.

Отдельно необходимо сказать о таком основании системности права, которое конкретизирует сущность права, как правовая политика. Во многом познание правовой политики позволяет раскрыть генезис ключевых, и порой даже сходных, элементов разных правовых систем. При помощи усвоения основных составляющих правовой политики на основе уровневого подхода к ней возможно достижение понимания целей правового развития, ориентиров правовых систем. Так, вполне резонно выделять следующие уровни для изучения правовой политики в контексте компаративистского правового анализа:

1. Правовое пространство мира;
2. Основные правовые сообщества (например: французское, англо-американское, германское, славянское, мусульманское);
3. Семьи и группы правовых систем;
4. Формирующиеся правовые системы и сообщества (одним из ярких примеров является Европейский союз);
5. Национальные правовые системы;
6. Международное право в развитии правового пространства мира и национальных правовых систем¹⁶.

Функционирование системы права невозможно представить себе без принципов права. «Принципы права генерируют опыт социальной практики, являются отражением наиболее жизнеспособных идей. Являясь основанием системности права, принципы права проходят более длительный период формирования, по сравне-

нию с нормами права, но выступают по отношению к нормам более устойчивыми правовыми явлениями»¹⁷.

Принципы права, являясь фундаментальным правосистемным образованием, не просто изучаются в процессе компаративистских исследований, но и несут определенную нагрузку в процессе познания иных правовых явлений. Проиллюстрируем универсальность системообразующей природы принципов права. Среди обязательных источников романо-германской правовой семьи в науке выделяются общие принципы права (General-Klauseln; principes généraux), примерный перечень которых содержится в Гражданском уложении Германии (§138, 157 и др.¹⁸) и Гражданском кодексе Франции (ст. 565, 1382–1386¹⁹). При этом отмечается, что «эти принципы права аналогичны справедливости (equity²⁰) в англо-американском общем праве»²¹. Расхождения в формализации основополагающих начал правовых систем не меняют системообразующей природы принципов права.

Подводя итог рассмотрению концепции оснований системности права в структуре правовой компаративистики, коротко отметим перспективы познания системности в этом ключе. Наиболее актуальные перспективы, которые можно здесь выделить: содержательная конкретизация уровневого подхода как грани системных исследований права и государства; дальнейшее использование структурного подхода к правовой действительности; раскрытие новых системных связей в праве.

Библиография:

1. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 576 с.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
3. Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 230 с.
4. Воронин М.В. Основания и проявления системности права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 27 с.
5. Воронин М.В. Характеристика первичных общественных отношений, определяющих системность частного права // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 37–40.
6. Гуляихин В.Н. Структурно-функциональные особенности различных состояний правосознания человека // ВВ: Вопросы права и политики. 2012. № 2. С. 90–116. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_153.html
7. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб.: Астерион, 2010. 306 с.
8. Захарова М.В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // Lex Russica. 2008. № 2. С. 243–259.

¹⁵ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 451.

¹⁶ См.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. С. 94–118.

¹⁷ Воронин М.В. Основания и проявления системности права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 21.

¹⁸ Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands vom 18.08.1986 // RGBI. S. 195.

¹⁹ Code Civil (21 mars 1804) // Paris: Edition Dalloz, 2012.

²⁰ См.: Garner B.A. A dictionary of modern legal usage. New-York: Oxford Press, 2001. P. 321.

²¹ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2002. С. 85.

9. Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2013. 584 с.
10. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2002. 464 с.
11. Правовое регулирование и правореализация / Л.Т. Бакулина [и др.]; науч. ред. Ю.С. Решетов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 164 с.
12. Синуков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2013. 672 с.
13. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. 528 с.
14. Яковлев В.Ф. Частное право в современной правовой системе России // Пермский конгресс ученых-юристов, 2012 / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: б.и., 2012. С. 36–41.
15. Garner B.A. A dictionary of modern legal usage / B.A. Garner. New-York: Oxford Press, 2001. 953 p.

References (transliteration):

1. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie / otv. red. R.V. Shagieva. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 576 s.
2. Afanas'ev V.G. Sistemnost' i obshchestvo. M.: Politizdat, 1980. 368 s.
3. Barulin V.S. Dialektika sfer obshchestvennoi zhizni. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 230 s.
4. Voronin M.V. Osnovaniya i proyavleniya sistemnosti prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2013. 27 s.
5. Voronin M.V. Kharakteristika pervichnykh obshchestvennykh otnoshenii, opredelyayushchikh sistemnost' chastnogo prava // Biznes v zakone. 2013. № 6. S. 37–40.
6. Gulyaikhin V.N. Strukturno-funktsional'nye osobennosti razlichnykh sostoyanii pravosoznaniya cheloveka // NB: Voprosy prava i politiki. 2012. № 2. С. 90–116. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_153.html
7. Dorskaya A.A., Chestnov I.L. Evolyutsiya sistemy prava Rossii: teoreticheskii i istoriko-pravovoi podkhody. SPb.: Asterion, 2010. 306 s.
8. Zakharova M.V. Rossiiskaya pravovaya sistema: problemy identifikatsii i razvitiya // Lex Russica (Nauchnye trudy MGYuA). 2008. № 2. S. 243–259.
9. Kashanina T.V. Strukturа права: monografiya. M., 2013. 584 s.
10. Osakve K. Sravnitel'noe pravovedenie v skhemakh: Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb.-prakt. posobie. M.: Prospekt, 2002. 464 s.
11. Pravovoe regulirovanie i pravorealizatsiya / L.T. Bakulina [i dr.]; nauch. red. Yu.S. Reshetov. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2008. 164 s.
12. Sinyukov V.N. Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. M., 2013. 672 s.
13. Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy. T. 1. Pravovye sistemy Vostochnoi Evropy / pod red. V.I. Lafitskogo. M.: Norma, 2012. 528 s.
14. Yakovlev V.F. Chastnoe pravo v sovremennoi pravovoi sisteme Rossii // Permskii kongress uchenykh-yuristov, 2012 / Perm. gos. nats. issled. un-t. Perm': b.i., 2012. S. 36–41.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В.Г. Куранов*

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения в сфере здравоохранения: основания, виды, порядок ее определения и наложения на виновных

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения гражданско-правовой ответственности в сфере оказания медицинской помощи. Автором рассмотрены практические особенности наложения ответственности на медицинские учреждения, выявлены пробелы нормативного регулирования данного вопроса. Обосновано предложение об изменении Закона о защите прав потребителей с учетом специфики сферы здравоохранения.
Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, правонарушение, ГК РФ, медицинская организация, вред жизни и здоровью, убытки, причинно-следственная связь, защита прав потребителей, медицинская деятельность, пациент, качество медицинской услуги.

Как известно, ответственность в гражданском праве наступает за совершенные правонарушения только при наличии вины. При этом особенностью гражданско-правовой ответственности причинителя вреда является презумпция его виновности, которая заключается в том, что виновность ответчика предполагается до тех пор, пока он не докажет обратное.

Так как ответственность, предусмотренная за гражданско-правовые проступки, носит право-восстановительный характер в форме имущественных или неимущественных санкций, то и понятие виновность в гражданском праве применимо ко всем субъектам правоотношений (к физическим и к юридическим лицам). При этом необходимо отметить, что вина организации (юридического лица) является производной от вины её сотрудников. Данное правило следует из ст. 402 ГК РФ, которая гласит, что «действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника, должник отвечает за эти действия, если они повлекли неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства»¹.

Конституция РФ содержит указание на обязанность государства охранять здоровье людей в качестве гарантии социальной защиты (п. 2 ст. 7). Государство гарантирует соблюдение прав граждан в области охраны здоровья, согласно ст. 5 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»². Из чего можно сделать вывод о законодательном закреплении особой социальной значимости медицинской деятельности. Но, тем не менее, отказ отечественного законодателя от понятия «система государственного здравоохранения» и трактовка медицинской деятельности как деятельности по «оказанию медицинских услуг» свидетельствует о фактическом упразднении бесплатной медицины, а следовательно, деятельность всех медицинских учреждений (независимо от их правового статуса) направлена на извлечение прибыли и оказывается в соответствии с гражданско-правовым договором возмездного оказания услуг, и потому обладает всеми признаками предпринимательской деятельности, закреплёнными в ст. 2 ГК РФ. Для того чтобы как-то нивелировать негативное

¹ Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014) // Российская газета. 1994. 8 дек.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 21.07.2014.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб.

© Куранов В.Г., 2014

* Куранов Владимир Григорьевич — заведующий курсом правоведения Пермской государственной медицинской академии им. акад. Е.А. Вагнера (ПГМА), помощник депутата Государственной Думы РФ (Комитет по охране здоровья).

[kuranov.perm@yandex.ru]

614000, Россия, г. Пермь, ул. Н. Островского, д. 29, корп. 3.

воздействие отхода от понятия «система здравоохранения», отечественный законодатель ввёл понятие «медицинская помощь», которое трактуется как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Но данная замена представляется недостаточной, так как не учитывает системность в работе всех медицинских учреждений России, а только комплексность определенных манипуляций, что не предусматривает ориентацию на результативность лечения. Данный вопрос является очень существенным и будет дополнительно изучен в научной работе.

Опираясь на теорию права, гражданско-правовую ответственность хозяйствующих субъектов (медицинских учреждений), можно условно разделить на общеправовую ответственность и специальную:

- в качестве общеправовой ответственности можно указать ответственность за несоблюдение налогового законодательства, предусмотренную разделом VI НК РФ, которая применяется с учётом специфики налогообложения медицинских учреждений;
- состав специальной гражданско-правовой ответственности медицинских учреждений как юридических лиц определяется законодательством, регламентирующим порядок проверки соответствия медицинского учреждения лицензионным требованиям, которые содержатся в Положении о лицензировании медицинской деятельности, утверждённом Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 № 291³, в рамках обязательного медицинского страхования регламентируют специальные нормы⁴.

Кроме того, ГК РФ предусматривает возмещение не только вреда, но и ущерба. Под ущербом ГК РФ понимает утрату или повреждение имущества (реальный ущерб) и неполученные доходы, которые лицо могло бы получить в случае, если бы его право нарушено не было (упущенная выгода) — эти два понятия составляют основу убытков, которые несёт субъект, чьё право было нарушено (ст. 15 ГК РФ). Если ориентироваться на ст. 1082 ГК РФ, то можно сделать вывод о том, что понятия «вред» и «ущерб» соотносятся как

общая и составная часть. А убытки, как верно отмечает О.Н. Садиков, в свою очередь, делятся на договорные и деликтные⁵.

Состав гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств регламентируют такие нормы, как общие основания ответственности за причинение вреда (ст. 1064 ГК РФ); ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником (ст. 1068 ГК РФ); возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных либо иных обязательств (ст. 1084 ГК РФ); возмещение вреда при повреждении здоровья лица, не достигшего совершеннолетия (ст. 1087 ГК РФ); возмещение вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ); возмещение расходов на погребение (ст. 1094 ГК РФ); возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 1095 ГК РФ); компенсация морального вреда (§ 4 гл. 59 ГК РФ). Определяется степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека с учётом медицинских критериев, утверждённых Приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н⁶.

Вред жизни и здоровью определяется законодателем неоднозначно. Например, под вредом жизни и здоровью понимается «нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды» или «реальный ущерб, причиненный жизни, здоровью лица, а также упущенная им выгода, связанные с действием или бездействием работников учреждений здравоохранения, независимо от форм собственности, или частнопрактикующих врачей (специалистов, работников) при оказании медицинской и (или) лекарственной помощи и подлежащие возмещению». Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в соответствии с утверждёнными Правилом РФ Правилами определения степени тяжести вреда⁷.

В силу специфики медицинской деятельности, обеспечивающей доступ медицинским работникам к телу человека, сопровождающейся возможностью непосредственного неконтролируемого влияния медиков на человеческий

³ Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (в ред. от 15.04.2013) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 17. Ст. 1965.

⁴ Письмо ФФОМС от 05.05.1998 № 1993/36.1-и «О методических рекомендациях “Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования”» // Здравоохранение. 1998. № 8.

⁵ См.: Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 132.

⁶ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (с изм. от 21.03.2011) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сент.

⁷ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (в ред. от 24.03.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.

организм, некоторые учёные рассматривают медицинскую деятельность как источник повышенной опасности, а вред, причинённый медицинскими работниками здоровью пациента, как вред, причинённый источником повышенной опасности⁸. Ответственность за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, наступает в силу ст. 1079 ГК РФ, которая предусматривает солидарную ответственность владельцев источников повышенной опасности за вред, причинённый в результате взаимодействия этих источников третьим лицам. Также у потерпевшего появляется возможность требовать компенсации морального вреда в случае причинения вреда жизни или здоровью источником повышенной опасности, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 1100 ГК РФ. При этом, согласно ст. 1080 ГК РФ, по заявлению потерпевшего и в его интересах суд вправе возложить на лиц, совместно причинивших вред, ответственность в долях, определив их применительно к степени вины каждого причинителя вреда.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что гражданско-правовая ответственность медицинских учреждений ориентирована на возмещение вреда, нанесённого здоровью и жизни пациента, и возникает независимо от вида правоотношений между причинителем вреда и потерпевшим (то есть может быть связана с нарушением условий договора об оказании медицинских услуг или может возникнуть независимо от наличия договора между сторонами).

Говоря о практических особенностях наложения ответственности на медицинские учреждения, необходимо отметить принципиальную позицию суда, изложенную в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 14.12.2010, в котором сказано «государство должно обеспечить адекватную правовую защиту права в регулятивной системе, особенно обеспечив доступность и предсказуемость закона»⁹. В Определении Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О также указывается, что

⁸ См.: Приступа С.Н. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности: учеб. пособие. Харьков, 1986. С. 76. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в гражданском праве. Л., 1983. С. 56. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб., 2002. С. 88. Муравьева Е.В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 14.12.2010 по делу «Терновски (Ternovszky) против Венгрии» (№ 67545/09). По делу обжалуется законодательство, регулирующее ответственность медицинских работников и лишующее будущих матерей права на медицинскую помощь при домашних родах. По делу допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6.

«здоровье человека является высшим неотчуждаемым благом, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности. Провозглашая право на охрану здоровья и медицинскую помощь одним из основных конституционных прав, государство обязано осуществлять комплекс мер по сохранению и укреплению здоровья населения, в том числе посредством развития государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, установления правовых гарантий получения каждым необходимой медико-социальной помощи»¹⁰.

П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 предусматривает применение законодательства о защите прав потребителей к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования¹¹. Однако применение Закона «О защите прав потребителей» к гражданско-правовым отношениям, возникающим между медицинским учреждением и пациентом, осложняется тем, что пациент не может оценить качество оказываемых ему медицинских услуг и выявить основания предъявления претензий к качеству таких услуг. Этот недостаток Закона «О защите прав потребителей» в случае его применения к отношениям «медицинское учреждение — пациент» отмечали многие правоведа¹².

По нашему мнению, социальная значимость оказываемых медицинскими учреждениями услуг и высокая опасность для жизни и здоровья дефектов медицинских услуг диктует необходимость принятия отдельного закона о защите прав потребителей медицинских услуг, который бы:

- содержал чётко сформулированные критерии дефектности оказанной медицинской услуги, понятные простому обывателю;
- регламентировал особенности предъявления претензий к качеству медицинских услуг, приостановления некачественного лечения и

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е.З. Мартыновой на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 779 и п. 2 ст. 782 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

¹² См.: Салыгина Е.С. Проблема правового регулирования результата медицинских услуг и ответственности за его недостижение // Медицинское право. 2012. № 6. С. 35–38; Ситдикова Л.Б. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг // Медицинское право. 2010. № 4. С. 12; Александрова О.Ю., Григорьев И.Ю., Тимошенко Т.В. Правовая основа медицинской деятельности по оказанию качественной медицинской помощи. URL: <http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?id=536&show=1&theme=4/> (дата обращения — 13 мая 2011 г.).

порядка возмещения стоимости лечения или осуществления качественного лечения в оперативном порядке пострадавшему от некачественной медицинской помощи пациенту;

- предусматривал бы случаи применения определённых санкций как к медицинскому учреждению, так и к медицинскому персоналу за качество оказываемых ими услуг (приостановление деятельности медицинского учреждения или временное отстранение от должности медицинского работника и др.).

Данный нормативный акт должен применяться ко всем медицинским учреждениям, должен быть доступен широкому кругу потребителей (потенциальным и реальным пациентам) и разрекламирован среди всех слоёв населения.

Размер материального возмещения вреда, нанесённого здоровью, определяется в соответствии со ст. 1086, 1087, 1088, 1089 ГК РФ и включает в себя все группы как прямых затрат на диагностику, лечение и реабилитацию пациента, так и потерянных доходов не только пациента, но и членов его семьи, которые были вынуждены ухаживать за больным человеком. В группы доходов, которые учитываются при определении убытков, входят:

- 1) оплата труда по трудовому договору;
- 2) оплата труда по гражданско-правовым договорам;
- 3) доходы от предпринимательской деятельности;
- 4) авторский гонорар¹³.

Судебная практика свидетельствует о том, что размер материального возмещения вреда, нанесённого здоровью, может быть уменьшен в случае, если возникновению или увеличению вреда содействовал своими действиями потерпевший, или в связи со сложным имущественным положением ответчика (за исключением случаев, когда вред был причинен ответчиком умышленно) (ст. 1083 ГК РФ).

Поскольку обязательства по возмещению вреда жизни и здоровью являются длящимися и предназначены для содержания пострадавшего в результате причинения вреда, то размер взыскиваемых денежных сумм должен индексироваться в связи с инфляцией. Механизм индексации сумм, подлежащих выплате в качестве возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, предусмотрен ст. 318 и 1091 ГК РФ. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2003 г., утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.04.2004, содержит указание на необходимость индексировать суммы возмещения вреда, при-

чиненного жизни или здоровью потерпевшего, в соответствии с утверждённым индексом потребительских цен¹⁴. Такой вывод был сделан судом на основании утверждённых Постановлением Госкомстата РФ от 25.03.2002 № 23 Положений о порядке наблюдения за потребительскими ценами, которые устанавливают, что показателем, характеризующим инфляционные процессы в стране, является индекс потребительских цен.

Кроме того, решение об увеличении размера возмещения вреда может быть принято судом в случае, если трудоспособность потерпевшего уменьшилась, по сравнению с той, которая была у него на момент присуждения ему возмещения вреда.

В случае ликвидации юридического лица, признанного судом ответственным за вред, причиненный жизни или здоровью, соответствующие платежи должны быть капитализированы для выплаты их потерпевшему по правилам, установленным законом или иными правовыми актами. Как указывается в Обзоре судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного здоровью, капитализация платежей при ликвидации юридического лица должна происходить в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁵, п. 4 ст. 134 которого содержит очерёдность удовлетворения требований кредиторов, согласно которой в первую очередь производятся расчеты по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, путём капитализации соответствующих повременных платежей, компенсации морального вреда. Порядок и условия капитализации соответствующих повременных платежей определяются Правительством РФ, которые Правительством РФ не приняты до сих пор. Потому действует порядок, описанный в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.11.2006 № 57, согласно п. 5 которого «по смыслу пункта 1 статьи 135 Закона о банкротстве капитализации подлежат только повременные платежи, уплачиваемые на основании пункта 1 статьи 1085, пункта 1 статьи 1092 ГК РФ в счёт возмещения утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел или определенно мог иметь»¹⁶. В таких случаях обязательства должни-

¹⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 07.04.2004 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2003 г.» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 7.

¹⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 12.03.2014 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.11.2006 № 57 «О некоторых вопросах установления в деле о банкротстве требований о выплате капитализированных платежей» // Вестник ВАС РФ. 2007. № 1.

¹³ Обзор судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного здоровью» (подготовлен судебной коллегией по гражданским делам Саратовского областного суда) // СПС «Консультант Плюс».

ка перед гражданами переходят к государству и исполняются в соответствии с федеральным законом в порядке, определенном Правительством РФ. Соглашения Российской Федерации на переход к ней обязательств должника не требуется, и обязанности, перешедшие к Российской Федерации, исполняются за счёт государственной казны, а после определения Правительством РФ государственного органа, уполномоченного производить соответствующие выплаты, — указанным органом. Данный же порядок закреплён Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1¹⁷.

Заслуживает внимания особенность наложения ответственности в виде компенсации морального вреда, которая, согласно ст. 12 ГК, является способом защиты гражданских прав. В случае причинения гражданину физических или нравственных страданий суд, в силу ст. 151 и 1100 ГК РФ, вправе возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда. Наиболее полно специфика применения законодательства о компенсации морального вреда изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда», которое под моральным вредом понимает нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права, в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред также может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.¹⁸

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

¹⁸ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 (в ред. от 06.02.2007 г.) «Некоторые во-

При разрешении вопроса о компенсации морального вреда значимыми для дела обстоятельствами являются следующие вопросы:

- 1) в чем выразились нравственные или физические страдания истца;
- 2) в чём выразились и существовали ли действия (бездействие) ответчика, причинившие истцу нравственные или физические страдания;
- 3) определение нарушенных действиями (бездействием) ответчика личных неимущественных прав истца;
- 4) степень вины ответчика в размере причинённого вреда;
- 5) размер компенсации.

Примечательно, что на требование о компенсации морального вреда, вытекающего из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ, исковая давность не распространяется, в силу ст. 208 ГК РФ, кроме случаев, предусмотренных законом.

Требования разумности и справедливости являются важнейшим критерием при определении размера компенсации и предусматривают обязательную оценку имущественного положения ответчика и виновного поведения истца, в силу ст. 1083 ГК РФ. Действующее законодательство предусматривает компенсацию морального вреда исключительно в денежном эквиваленте, но не содержит указаний на размеры такой компенсации, определяя лишь общие критерии оценки, которые должны приниматься судом во внимание (ст. 1101 ГК РФ).

В «Обзоре судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причинённого здоровью», указывается, что при определении размера компенсации морального вреда суды, как правило, принимают во внимание: степень тяжести вреда, причиненного здоровью истца (на основании заключений судебно-медицинских экспертиз); время нахождения пострадавшего на стационарном и амбулаторном лечении, количество проведенных операций, наличие (либо отсутствие) на момент рассмотрения дела в суде последствий полученных на производстве травм; процент утраченной профессиональной трудоспособности (по заключению МСЭ); характер и степень нравственных страданий истца, которые выразились в осознании беспомощности в результате последствий полученной травмы и необходимости посторонней помощи в молодом возрасте, невозможности вести полноценный образ жизни, продолжить работу по своей специальности, изменение уровня материально обеспечения семьи после полученной истцом травмы и др.¹⁹

просы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. 8 февр.

¹⁹ См.: Обзор судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного здоровью (подготовлен

Примечательно, что в судебной практике встречаются случаи увеличения размера компенсации морального вреда, исходя из характера и степени физических и нравственных страданий потерпевшего²⁰.

В методических рекомендациях Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее — ФФОМС) содержится описание механизма возмещения вреда пациентам в случае оказания им некачественной медицинской помощи, который предусматривает досудебный и судебный способы защиты прав пациентов²¹.

В качестве досудебного порядка выступает возмещение потерпевшему застрахованному лицу материальной компенсации медицинским учреждением после медицинской экспертизы состояния здоровья потерпевшего, которая проводится после подачи потерпевшим в ФФОМС или непосредственно руководству медицинского учреждения соответствующего заявления, которое во всех случаях должно быть рассмотрено руководством медицинского учреждения в течение 10 дней.

Судебный порядок осуществляется при участии страховщика (ФФОМС), который организует и производит экспертизу качества медицинской помощи, содействует застрахованному потерпевшему в оформлении претензии и иска к учреждению здравоохранения или частнопрактикующему врачу и направляет заявление застрахованного пациента вместе с необходимыми документами в суд.

Но данные «Методические рекомендации» являются ведомственным актом, который распространяется только на те медицинские учреждения, которые действуют в системе медицинского страхования, и не являются обязательными для тех медицинских учреждений, которые не входят в систему обязательного медицинского страхования, а потому не являются универсальными.

На наш взгляд, обязательство по оказанию медицинских услуг высокого качества может быть обеспечено общегражданскими методами обеспечения обязательств, которые призваны «создать такие условия, при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и (или) гарантировался бы имущественный интерес кредитора»²² и представляют собой, по мнению Б.М. Гонгало, «установленные законом или договором меры имущественного характера, существующие в виде аксессуарных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисправности должника»²³. В качестве такого метода обеспечения обязательства по соблюдению высокого качественного уровня медицинских услуг может выступать система обязательного страхования гражданско-правовой ответственности врачей и медицинских учреждений, которой необходимо придать статус обязательной и закрепить её на федеральном уровне путём принятия соответствующего закона «Об обязательном страховании медицинской деятельности», который бы предусматривал обязательное страхование ответственности медицинских учреждений и врачей, а размер страховых взносов должны определяться в зависимости от перечня и от экспертной оценки качества оказываемых медицинских услуг. Более подробное изучение данного тезиса будет представлено в нашей диссертационной работе.

Таким образом, в настоящей работе были рассмотрены практические особенности наложения ответственности на медицинские учреждения, выявлены пробелы нормативного регулирования данного вопроса и изучены различные существующие научные концепции изменения действующего законодательства с целью совершенствования института ответственности медицинских учреждений.

Библиография:

1. Александрова О.Ю., Григорьев И.Ю., Тимошенко Т.В. Правовая основа медицинской деятельности по оказанию качественной медицинской помощи. URL: <http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?id=536&show=1&theme=4/>
2. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 354 с.
3. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут, 2002. 546 с.

судебной коллегией по гражданским делам Саратовского областного суда) // СПС «Консультант Плюс».

²⁰ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.03.2009 № 33-2183/2009. URL: <http://www.reshehnya-sudov.ru/2009/79685/> (дата обращения — 20 августа 2011 г.).

²¹ Письмо ФФОМС от 05.05.1998 № 1993/36.1-и «О методических рекомендациях “Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования”».

²² Гонгало Б.М. Указ. соч. С. 35.

²³ Там же. С. 40.

4. Муравьева Е.В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 54 с.
5. Пристupa С.Н. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности: учеб. пособие. Харьков: Юрид. ин-т, 1986. 278 с.
6. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М: Статут, 2009. 450 с.
7. Салыгина Е.С. Проблема правового регулирования результата медицинских услуг и ответственности за его недостижение // Медицинское право. 2012. № 6. С. 35–38.
8. Ситдикова Л.Б. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг// Медицинское право. 2010. № 4. С. 10–17.
9. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в гражданском праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 506 с.

References (transliteration):

1. Aleksandrova O.Yu., Grigor'ev I.Yu., Timoshenkova T.V. Pravovaya osnova meditsinskoj deyatel'nosti po okazaniyu kachestvennoj meditsinskoj pomoshchi // URL: <http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?id=536&show=1&theme=4/>
2. Boldinov V.M. Otvetstvennost' za prichinenie vreda istochnikom povyshennoj opasnosti. SPb.: Yuridicheskij tsentr Press, 2002. 354 s.
3. Gongalo B.M. Uchenie ob obespechenii obyazatel'stv. M.: Statut, 2002. 546 s.
4. Murav'eva E.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' v sfere meditsinskoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2004. 54 s.
5. Pristupa S.N. Otvetstvennost' za prichinenie vreda istochnikom povyshennoj opasnosti: ucheb. posobie. Khar'kov: Yurid. in-t, 1986. 278 s.
6. Sadikov O.N. Ubytki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federatsii. M: Statut, 2009. 450 s.
7. Salygina E.S. Problema pravovogo regulirovaniya rezul'tata meditsinskikh uslug i otvetstvennosti za ego nedostizhenie // Meditsinskoe pravo. 2012. № 6. S. 35–38.
8. Sitdikova L.B. Pravovye kriterii otsenki kachestva meditsinskikh uslug // Meditsinskoe pravo. 2010. № 4. S. 10–17.
9. Smirnov V.T., Sobchak A.A. Obshchee uchenie o deliktnykh obyazatel'stvakh v grazhdanskom prave. L.: Izd-vo LGU, 1983. 506 s.

Материал поступил в редакцию 28 августа 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

К.В. Ляпидов*

Анализ и предложения к действующему Федеральному закону № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях»

Аннотация. В статье проведён анализ действующего Федерального закона от 02.07.2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях», приведена схема алгоритма ограничения доступа к материалам, распространяемым с нарушением авторских прав в сети Интернет. Сформулированы предложения по совершенствованию как действующего законодательства, так и системы реализации легального контента в сети Интернет. Целью данного исследования является разработка способа правовой защиты и регулирования интеллектуальных прав в сети Интернет на базе ФЗ № 187-ФЗ, учитывающего и поддерживающего баланс интересов различных заинтересованных групп, а также способствующего экономическому развитию. Для достижения поставленной цели в работе использован метод анализа ФЗ № 187-ФЗ и выявления недостатков в механизмах его работы. На основе анализа ФЗ № 187-ФЗ разработаны предложения по его изменению и дополнению. Рассмотрены технологические возможности, позволяющие распространять контрафактный контент вне рамок правового поля. Разработан комбинированный вариант системы реализации легального контента в сети Интернет, поддерживающий баланс интересов различных заинтересованных групп, а также способствующий экономическому развитию.

Ключевые слова: информационные технологии, информационный посредник, легальный контент, контрафактный контент, Федеральный закон, Интернет, правообладатель, авторское право, DMCA, обеспечительные меры.

Стремительное развитие и повсеместное внедрение Интернет-технологий привело к возникновению и обострению проблем регулирования авторских прав в сети Интернет. Появилась необходимость развития правового регулирования отношений в сети Интернет, реформирования законодательства в области авторского права, оперирующего на сегодняшний день понятиями доцифровой эпохи.

Это подтверждается принятием Федерального закона от 02.07.2013 г. № 187-ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях» (ФЗ № 187-ФЗ), направленного на устранение пробелов в законодательстве, защиту авторского права в сети Интернет и внедрение новых правовых механизмов. Однако данный Закон не в полной мере соответствует поставленной цели и международному опыту в области регулирования авторского права в цифровую эпоху, так как имеет целый ряд недостатков.

© Ляпидов К.В., 2014

* Ляпидов Константин Валерьевич — соискатель, ООО «Куйбышевская дорожная ПМК».

[constantin.1988@mail.ru]

443099, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 52.

Целью данного исследования является разработка способа правовой защиты и регулирования интеллектуальных прав в сети Интернет на базе ФЗ № 187-ФЗ, учитывающего и поддерживающего баланс интересов различных заинтересованных групп, а также способствующего экономическому развитию.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи:

- на основе анализа ФЗ № 187-ФЗ выявить недостатки в механизмах его работы;
- разработать предложения по изменению и дополнению ФЗ № 187-ФЗ;
- рассмотреть технологические возможности, позволяющие распространять контрафактный контент вне рамок правового поля;
- разработать предложения по созданию эффективной системы реализации легального контента в сети Интернет.

ФЗ № 187-ФЗ вносит изменения в следующие нормативно-правовые акты РФ:

- АПК РФ;
- ГПК РФ;
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ФЗ № 149-ФЗ);
- ГК РФ.

Основные изменения в законодательстве заключаются в следующем:

- ст. 28 АПК РФ дополнена словами «за исключением дел, рассматриваемых Московским городским судом в соответствии с частью третьей статьи 26 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», что определяет подведомственность дел и исключает коллизию права между ГПК РФ и АПК РФ;
- в соответствии с п. 1 ст. 2 ФЗ № 187-ФЗ, «Московский городской суд рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела, которые связаны с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, и по которым им приняты предварительные обеспечительные меры в соответствии со статьей 144.1»¹ ГПК РФ;
- ч. 1 ст. 140 ГПК РФ дополнена п. 3.1: «возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет», что определяет меры, необходимые по обеспечению иска;

- ГПК РФ дополнен ст. 144.1.: «Предварительные обеспечительные меры защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет», которая определяет: порядок подачи и перечень документов, необходимых для вынесения Московским городским судом Определения о принятии предварительных обеспечительных мер; срок для подачи искового заявления по требованию, в связи с которым судом приняты меры по обеспечению имущественных интересов заявителя; условия и порядок отмены предварительных обеспечительных мер; основания возмещения убытков организации или гражданину, права и (или) законные интересы которых нарушены принятием предварительных обеспечительных мер;
- ст. 320.1 ГПК РФ дополнена п. 5, который устанавливает рассмотрение апелляционных жалоб и представлений «апелляционной инстанцией Московского городского суда — на решения данного суда по гражданским делам, которые связаны с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, и по которым им приняты предварительные обеспечительные меры в соответствии со статьей 144.1 настоящего Кодекса»;
- внесены изменения в ч. 1 ст. 428 ГПК РФ, а также дополнение ст. 429 ГПК РФ ч. 3, которые определяют порядок и сроки выдачи исполнительного листа (или исполнительных листов) взыскателю;
- ФЗ № 149-ФЗ дополнен ст. 15.2: «Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы»², в которой определяются: порядок взаимодействия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Роскомнадзор) с хостинг-провайдером и оператором связи (Интернет-провайдером), по вопросу ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы;
- ч. 4 ГК РФ дополнена ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника», которая определяет понятие информационного посредника, а также рамки его ответственности;

¹ Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях».

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

- ст. 1302 ГК РФ дополнена п. 3, в котором определяется, что «в порядке обеспечения иска по делам о нарушениях исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, при их размещении в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, к ресурсам, в отношении которых выдвинуто предположение о нарушении исключительных прав, могут быть приняты обеспечительные меры, установленные гражданским процессуальным законодательством и направленные на ограничение доступа к информации, нарушающей исключительные права. Порядок ограничения доступа к информации устанавливается законодательством Российской Федерации об информации».

Таким образом, на сегодняшний день схема алгоритма ограничения доступа к материалам, распространяемым с нарушением авторских прав, может быть представлена следующим образом (см. рис. 1 на с. 2408).

Пояснения к схеме алгоритма ограничения доступа к материалам, распространяемым с нарушением авторских прав, показанной на рис. 1:

Правообладатель (п. 1) подаёт заявление (п. 2) в Московский городской суд (п. 3), который выносит Определение о принятии обеспечительных мер (временной блокировке) (п. 5). Выписывается исполнительный лист (п. 6), который направляется в Роскомнадзор (п. 7). Роскомнадзор направляет хостинг-провайдеру (п. 10) уведомление о блокировке незаконного контента (п. 9). Если хостинг-провайдер или администратор ресурса не реагируют на уведомление, Роскомнадзор направляет уведомление (п. 13) оператору связи (п. 14), который блокирует доступ к незаконному контенту.

Правообладатель, получив Определение о принятии обеспечительных мер (временной блокировке), в срок до 15 дней подаёт иск (п. 17) в Московский городской суд. Если иск не подан в срок (п. 18), временная блокировка контента снимается (п. 20). Если правообладатель выигрывает суд (п. 19), Роскомнадзор направляет хостинг-провайдеру требование об удалении незаконного контента (п. 23). В случае неисполнения требования хостинг-провайдером или администратором ресурса, Роскомнадзор направляет уведомление оператору связи, который блокирует доступ к незаконному контенту на постоянной основе (что равносильно удалению контента) (п. 24).

Основные недостатки в механизмах работы действующего ФЗ № 187-ФЗ и предложения по их устранению:

1. Отсутствие обязательного досудебного порядка разрешения споров и подсудность дел только Московскому городскому суду неизбежно приведёт к высокой нагрузке на суд.

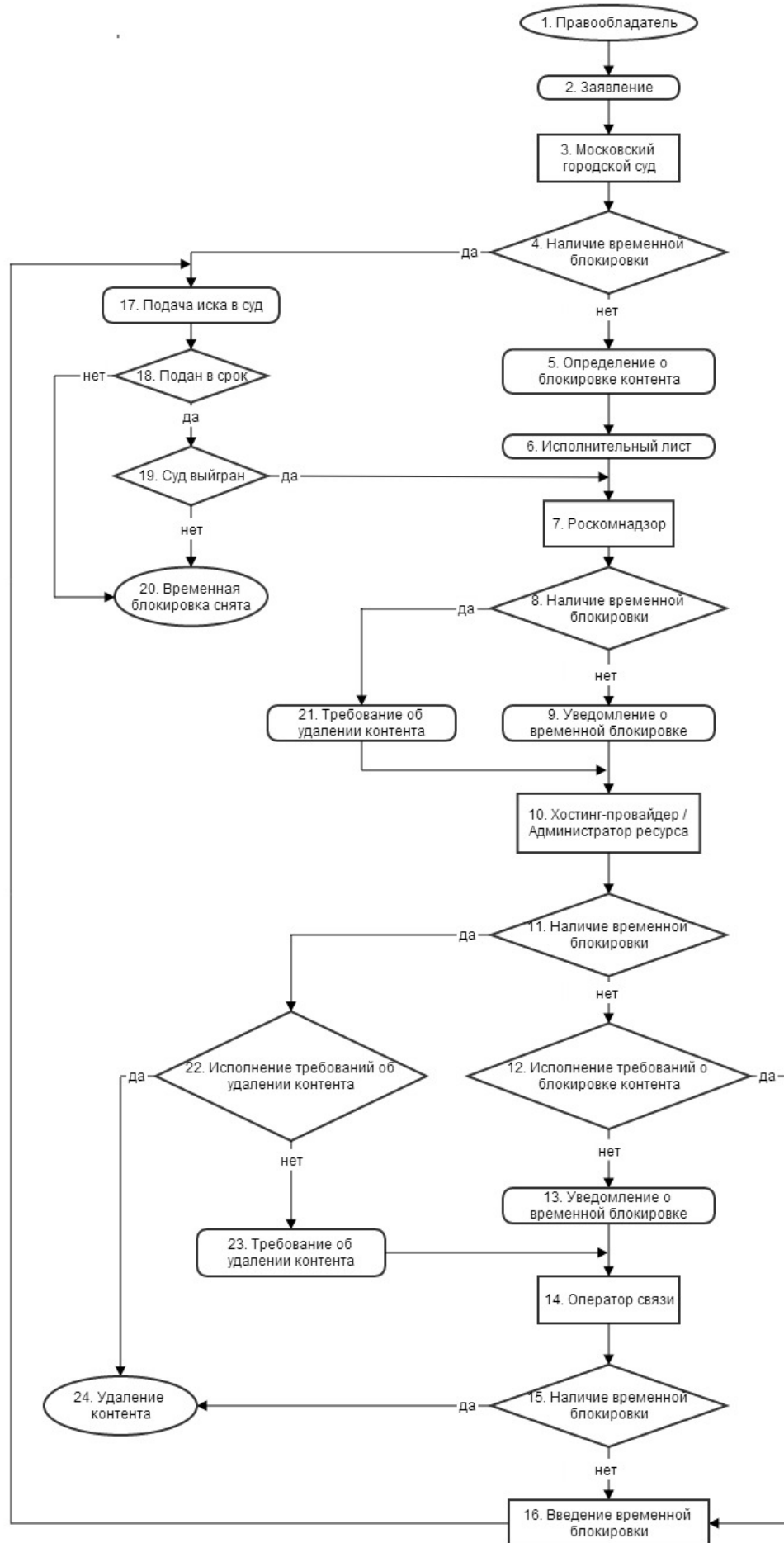
Предлагается: используя модель американского Акта о защите авторских прав в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act (DMCA)), возложить на правообладателя обязанность направлять предполагаемому нарушителю уведомление с требованием о прекращении противоправных действий (нарушения авторских прав) с установлением разумного срока, в течение которого такие действия должны быть устранены, и только тогда, когда это требование остаётся без удовлетворения, инициировать судебный порядок. Закрепить в п. 4 ст. 144.1 ГПК РФ необходимость предоставления доказательств правообладателем о совершении им действий в целях урегулирования разногласий в досудебном порядке.

2. В соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ информационным посредником является: «лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети». Данное определение является некорректным, так как при определенной интерпретации информационными посредниками могут быть признаны: пользователи, передающие или размещающие контент посредством сети Интернет; поисковые системы, предоставляющие ссылки на различные Интернет-ресурсы; новостные агрегаторы (RSS-агрегаторы) автоматически собирающие информацию с различных Интернет-ресурсов. Это обстоятельство противоречит сложившейся отечественной и мировой судебной практике, а также способно существенно сократить темпы развития Интернет-индустрии в России, что негативно отразится на экономической ситуации в целом.

Предлагается: внести изменения в п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, ограничивающие круг информационных посредников: хостинг-провайдером и оператором связи (Интернет-провайдером). Такой подход позволит, с одной стороны, обеспечивать защиту авторских прав в сети Интернет (так как исходя из п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ именно хостинг и Интернет-провайдеры являются основными информационными посредниками), а с другой — сохранит динамику развития Интернет-индустрии в России.

3. Используемый механизм блокировки Интернет-ресурсов по IP-адресу в качестве обеспечительных мер является неэффективным так как администратор заблокированного сайта может:

- изменить его IP-адрес;
- использовать защищённый доступ к сайту (HTTPS), который скрывает IP-адрес;

- использовать технологию быстрого и частого перехода на другие IP-адреса.

Блокировка по IP-адресу может привести к негативным последствиям, а именно: блокировке всех сайтов использующих один IP-адрес (как следствие, вместе с сайтом, на котором расположен контент, нарушающий авторские права, будут заблокированы легитимные сайты).

Отсутствие требования указания уполномоченным органом прямой ссылки (URL) и описания материала, нарушающего авторские права, создаёт условия, при которых предусмотренные ФЗ № 187-ФЗ процедуры по удалению нелегального контента становятся технически невыполнимыми, так как предполагают поиск, постоянный мониторинг и фильтрацию Интернет-ресурса на предмет нелегального контента.

Предлагается: возложить обязанность на хостинг-провайдеров и операторов связи при наличии технической возможности использовать блокировку Интернет-ресурсов по URL (адресу страницы сайта), на которой размещен нелегальный контент или по DNS (доменному имени) ресурса. Такой подход позволит блокировать только те ресурсы (а в случае блокировки по URL — Интернет-страницы ресурсов), на которых размещён нелегальный контент, не нарушая при этом работоспособность легитимных сайтов; обязать правообладателя направлять информационному посреднику уведомление, которое должно включать в себя: URL-ссылку на незаконный контент, его описание, обоснование наличия нарушения, а также полное наименование, адрес и контактные данные правообладателя.

В настоящее время имеется ряд технологических возможностей, позволяющих распространять контрафактный контент вне рамок правового поля.

Наиболее распространёнными на сегодняшний день являются:

- облачное хранилище данных (cloud storage), когда хранение данных осуществляется на нескольких виртуальных серверах различных провайдеров. Особенность cloud storage заключается в следующем: провайдеры могут находиться в различных странах; каждый сервер «облака» имеет копию данных (таким образом, если один сервер становится недоступен, то доступ к контенту осуществляется через другой сервер); отсутствие возможности идентификаций IP-адресов и передаваемого контента (так как весь трафик шифруется);
- magnet-ссылки, позволяющие обмениваться пользователям контентом через анонимные пиринговые сети. Такие ссылки идентифицируют файлы не по их расположению или имени, а по содержанию (хеш-коду);

- I2P («Invisible Internet Project» или «Проект Невидимый Интернет») — анонимная, оверлейная, зашифрованная сеть, применяемая для веб-сёрфинга, анонимного хостинга (создания анонимных сайтов, форумов и чатов, файлообменных серверов и т. д.), систем обмена мгновенными сообщениями, ведения блогов, а также для файлообмена (в том числе P2P — Torrent, eDonkey, Kad, Gnutella и т. д.), электронной почты, VoIP и др.³ Информация в I2P передаётся пакетами по различным каналам в зашифрованном виде, вместо IP-адресов используются криптографические ключи, а вместо DNS-сервера — постоянно обновляемые базы адресов. Адреса сайтов в сети I2P находятся в псевдо-доменном пространстве «.i2p».

Все вышеперечисленные технологические возможности позволяют преодолеть правовые и технические ограничения, предусмотренные законодательством большинства стран, а рост их популярности в России обусловлен слабо развитой системой реализации легального контента в сети Интернет. Поэтому в целях повышения эффективности правовой защиты и регулирования, интеллектуальных прав в сети Интернет необходимо наряду с правовыми и техническими методами использовать экономическую составляющую, которая заключается в создании такой бизнес-модели, которая способна сохранять интересы правообладателей и при этом являться приемлемой для пользователей.

На сегодняшний день сложились две основные модели, реализации легального видео-контента в сети Интернет:

а) платная бизнес-модель, основанная на полной оплате пользователем потребляемого контента. Однако практика показывает, что платная модель является неэффективной в российских условиях, так как подавляющее большинство пользователей, с одной стороны, не готовы оплачивать доступ к информации, а с другой — часто лишены этой возможности в силу недостаточной развитости инфраструктуры Интернет-платежей.

б) рекламная бизнес-модель, позволяющая привлечь пользователей, которые в обмен на доступ к высококачественному видео готовы посмотреть короткую рекламу перед началом фильма⁴. Основные недостатки рекламной модели заключаются в следующем:

- пользоваться легальными сервисами потокового видео можно только при условии доступа к широкополосному Интернету;

³ Wikipedia.org; Свободная энциклопедия «Википедия». URL: <<http://ru.wikipedia.org/wiki/I2P>> (последнее посещение — 20 февраля 2014 г.).

⁴ Enforce.spb.ru; Авторское право в интернете: конфликты, распределение ответственности и варианты регулирования. URL: <http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/Copyright-report2.pdf> (последнее посещение — 21 февраля 2014 г.).

- использование пользователями программного обеспечения, позволяющего отключать рекламные ролики и блокировать баннерную рекламу, что приводит к нерентабельности рекламной бизнес-модели;
- зарубежные правообладатели не всегда готовы идти на сотрудничество с ресурсами, реализующими контент по рекламной модели.

Учитывая вышеописанные недостатки рекламной и платной бизнес-моделей **предлагается** создать комбинированный вариант реализации легального видео-контента в сети Интернет, который сможет обеспечивать:

- 1) возможность скачивания видео-контента пользователями с использованием технологии BitTorrent с официальных ресурсов, реализующих контент, что позволит получать материалы даже в случае плохого соединения с Интернетом;
- 2) встраивание рекламных роликов в видеодорожку контента с целью сохранения рентабельности в случаях, когда контент реализуется в рамках рекламной бизнес-модели;
- 3) возможность предоставления как платной, так и рекламной моделей реализации легального

видео-контента в рамках одного Интернет-ресурса, что позволит нивелировать проблему с предоставлением контента зарубежными правообладателями и расширит ассортимент Интернет-ресурса.

Использование комбинированного варианта реализации легального видео-контента может стать реальной альтернативой ужесточению наказания за нарушения авторских прав в сети Интернет.

В заключение следует отметить, что только использование комплексных (правовых, технических, экономических) мер позволит эффективно осуществлять правовую защиту и регулирование интеллектуальных прав в сети Интернет, поддерживать баланс интересов различных заинтересованных групп, а также способствовать экономическому развитию.

Все вышеописанные предложения по изменению и дополнению действующего законодательства, системы реализации легального контента, а также проведённый анализ ФЗ № 187-ФЗ могут служить базой для дальнейших исследований или методическим материалом в правоприменительной практике.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Е.С. Гринь*

К вопросу о правовой природе открытых лицензий**

Аннотация. В рамках масштабного реформирования гражданского законодательства в ч. 4 ГК РФ были введены нормы об открытых лицензиях, что является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в сфере права интеллектуальной собственности. В данной статье автор исследует историю возникновения, понятие и правовую природу конструкции открытых лицензий как новой формы распоряжения исключительным правом. Практика предоставления авторами/правообладателями возможности использования произведения неограниченному кругу лиц на основании специального вида лицензионного договора известна за рубежом, и такие договоры (зарубежный аналог открытым лицензиям — конструкция *Creative Commons*) заключаются, как правило, в отношении произведений, распространяемых в сети Интернет и посредством данной сети. Поэтому в связи со стремительным развитием цифровых технологий и отсутствием должной правовой регламентации отношений по использованию произведений на основании современных форм распоряжения исключительными правами, исследуемые в статье изменения в российское законодательство представляются актуальными и своевременными. Автор анализирует нормы новой статьи ч. 4 ГК РФ (ст. 1286.1), посвященной открытым лицензиям, и обращает внимание на различные правоприменительные аспекты функционирования данного правового инструмента.

Ключевые слова: открытые лицензии, интеллектуальные права, *Creative Commons*, программа для ЭВМ, мультимедийный продукт, авторы.

В свете масштабных изменений, которые вносятся во все части ГК РФ, особо актуальными и наиболее обсуждаемыми в сфере интеллектуальной собственности стали изменения, касающиеся правового регулирования отношений, возникающих в рамках функционирования сети Интернет.

Введение в ч. 4 ГК РФ норм об открытых лицензиях, пожалуй, является одной из наиболее обсуждаемых и вызывающей неоднозначную реакцию юридического сообщества проблематикой.

Вопросы правовой регламентации открытых лицензий и внедрения зарубежного аналога так называемых свободных лицензий или *Creative Commons* (CC) в российское законодательство поднимались задолго до внесения изменений

в ч. 4 ГК РФ Федеральным законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 35-ФЗ)¹.

¹ См.: Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 11. Ст. 1100. Более подробно об эволюции использования лицензий *Creative Commons* в российском правовом порядке см.: Использование лицензий *Creative Commons* в Российской Федерации. Аналитический доклад (далее — Аналитический доклад) / под ред. Ю.Е. Хохлова. М.: Институт развития информа-

© Гринь Е.С., 2014

* Гринь Елена Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[helenkotenko@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; НИР «Новые договорные конструкции и реформирование классических договорных моделей в условиях перехода к инновационной экономике», проект № 2.1.1.4.

Основную часть инициаторов соответствующих новелл составляли представители Интернет-сообщества: в связи со стремительным развитием цифровых технологий при обороте прав на результаты интеллектуальной деятельности между российскими и зарубежными участниками возникало множество правовых проблем из-за отсутствия должной правовой регламентации отношений по свободному использованию произведений.

Подобный интерес, в особенности в сфере Интернет-индустрии, обусловлен в том числе тем, что в настоящее время большинство программ для ЭВМ (например, так называемые компьютерные движки) зарубежных и российских разработчиков распространяются по сети Интернет бесплатно или на возмездной основе неопределенному кругу лиц.

Так, например, для создания компьютерных игр программисты зачастую используют уже разработанные «игровые движки»². Вместе с тем компьютерные движки могут как создаваться отдельно для каждой игры и использоваться исключительно в рамках одной компании (как правило, такие движки создают для своих игр известные разработчики: движок *CryEngine 2* компании «Crytek», графический движок *Vampire* компании «Raven Software»), так и находиться в **свободном использовании**: движки *qFusion*, *Doom engine* и др. Именно такие движки, которые находятся в свободном использовании, являются наиболее востребованными в сети Интернет. Следует отметить, что движки являются лишь небольшой частью тех объектов, относящихся к компьютерным программам (программам для ЭВМ), которые используются в сети Интернет, поэтому рассматриваемому вопросу уделяется большое внимание.

За рубежом для правовой регламентации отношений, возникающих по поводу свободного использования произведения в сети Интернет, зачастую применяют механизм Creative Commons. Как отмечается в аналитическом докладе, подго-

ционного общества, 2011. С. 94; Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013.

² Игровой движок — это основа компьютерной игры (подобно двигателю автомобиля). Он может состоять из нескольких частей: одна из них, например, будет отображать 3D-мир и объекты на экране, другая — отвечать за «игровую логику» (то есть последовательность событий в игре: в случае поворота ручки — должна открываться дверь и т.п.). С помощью движков становится возможным воссоздать события, происходящие в реальной жизни: смена дня и ночи, изменение погодных условий, включение/выключение света и др. И чем с технической точки зрения разработанный движок будет сложнее, тем качественнее будет компьютерная игра, созданная на его основе. Подробнее об этом см.: Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2014. С. 52.

товленном Институтом развития информационного общества, «суть лицензий СС заключается в том, что они позволяют авторам (правообладателям) сообщить общественности, от каких прав на свои произведения они хотели бы отказаться, а какие права они оставляют за собой (этот подход был назван “some rights reserved” — “некоторые права сохранены”, в отличие от стандартного подхода копирайта “все права сохранены”)³. Вместе с тем, несмотря на разработанные предложения, проведение многочисленных конференций, посвященных необходимости разработки правовой регламентации механизма свободного использования произведений, данная идея в отечественном законодательстве продолжительное время не получала должного развития.

Представляется, что «точкой отсчёта» для изменения российского законодательства применительно к конструкции открытых лицензий и разработки механизма, являющегося российским аналогом Creative Commons, стала встреча Президента РФ с представителями Интернет-сообщества 29 апреля 2011 г.

Именно на этой встрече был остро затронут вопрос о необходимости правового регулирования отношений, возникающих по поводу свободного использования произведений.

Как отмечалось участниками встречи, главной задачей идеологов принятия «формулы Creative Commons»⁴ было разработать «унифицированный вид разрешения автора или правообладателя использовать произведение»⁵. Главный плюс от представленного механизма — простота заключения договора (заключение в электронной форме) и возможность повсеместного использования объекта.

По результатам встречи в п. 1 Поручения Президента РФ Пр-1547 Министерству связи и массовым коммуникациям отмечалось, что необходимо «подготовить предложения о внесении изменений в гражданское законодательство Российской Федерации, направленных на закрепление для авторов произведений возможности предоставлять свои произведения на условиях свободных лицензий неограниченному кругу лиц (аналогичных Creative Commons, GNU FDL)»⁶.

³ Аналитический доклад. С. 6; О содержании лицензий Creative Commons см. подробнее: Там же. С. 33–39, 44–47.

⁴ См.: Сайт Президента РФ в разделе новости. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11115> (дата обращения — 14 сентября 2014 г.).

⁵ По словам одной из участниц встречи, Creative Commons — это «не длинный дисклеймер, который пользователь, как правило, не читает, а не читая, не знает. Говорят, что проводили эксперимент, какая нация быстрее всего читает. И проводили этот эксперимент по скорости прочтения лицензионного соглашения. Так вот — мы читаем быстрее всех. Просто потому, что мы его не читаем — мы сразу кликаем “Согласен”» (См.: Там же.)

⁶ См.: Сайт Президента РФ в разделе в разделе «Пору-

Акцент прежде всего предполагалось сделать именно на правовое регулирование отношений в сети Интернет. Процесс эволюции подготовки соответствующих изменений в ч. 4 ГК РФ во исполнение указанного поручения Президента РФ нашел отражение в работах отечественных специалистов в сфере интеллектуальной собственности⁷.

Не углубляясь в анализ отдельных переходных предложений по открытым лицензиям на разных этапах существования проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»⁸, более подробно остановимся на исследовании положений, которые вступают в силу с 1 октября 2014 г.

Прежде всего следует отметить, что правовое регулирование отношений, возникающих по поводу открытых лицензий, распространяется на произведения науки, литературы и искусства, не только размещенные в сети Интернет, как это было заявлено изначально, но и на объекты авторских прав, используемые вне виртуальной среды.

В ст. 1286 ГК РФ были внесены существенные изменения применительно к заключению лицензионного договора на использования программы для ЭВМ. В п. 4 ст. 1286 ГК РФ в редакции Закона № 35-ФЗ указывается, что **пользователю программы для ЭВМ** наряду с правами, принадлежащими в силу ст. 1280 ГК РФ, по лицензионному договору может быть предоставлено **право использования программы для ЭВМ или базы данных** в предусмотренных договором пределах.

Так, в ст. 1280 ГК РФ были внесены изменения, и в редакции Закона № 35-ФЗ статья назы-

чения». Перечень поручений по итогам встречи Дмитрия Медведева с представителями Интернет-сообщества. URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/11427> (дата обращения — 14 сентября 2014 г.).

⁷ См. об этом: Войниканис Е.А. Указ. соч.; Савельев А.И. Свободные лицензии на программное обеспечение в контексте реформы гражданского законодательства // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 75–101; Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России. Законодательство и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2012; Соболев И.А. К вопросу о понятии свободной (открытой) лицензии в авторском праве России // Право и экономика. 2014. № 4. С. 39–44 и др.

⁸ См.: Первое и второе чтение проекта № 47538-6 Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения — 14 сентября 2014 г.).

вается «Право пользователя программы для ЭВМ и базы данных»⁹. Таким образом, законодатель конкретизирует анализируемую норму и подробно прописывает действия пользователя программы для ЭВМ, которые он вправе осуществлять.

Пользователем программы для ЭВМ, согласно п. 1 ст. 1280 ГК РФ, признается лицо, правомерно владеющее экземпляром программы для ЭВМ, которое вправе **без разрешения автора или иного правообладателя** и без выплаты дополнительного вознаграждения осуществлять действия, перечисленные в данной статье. Так, согласно подп. 1 п. 1 ст. 1280 ГК РФ, пользователь программы для ЭВМ может осуществлять действия, необходимые для функционирования программы для ЭВМ или базы данных (в том числе в *ходе использования* в соответствии с их назначением), включая запись и хранение в памяти ЭВМ (одной ЭВМ или одного пользователя сети), внесение в программу для ЭВМ или базу данных изменений исключительно в целях их функционирования на технических средствах пользователя, исправление явных ошибок, если иное не предусмотрено договором с правообладателем. В остальной части ст. 1280 ГК РФ осталась без изменений.

Таким образом, нормой п. 4 ст. 1286 ГК РФ в редакции закона № 35-ФЗ регламентируется право использования программы для ЭВМ в предусмотренных договором пределах, что дополнительно развивается в следующих правовых конструкциях.

В п. 5 ст. 1286 ГК РФ в редакции Закона № 35-ФЗ законодатель конкретизирует, что лицензионный договор с пользователем о предоставлении ему простой (неисключительной) лицензии на использование программы для ЭВМ или базы данных может быть заключен в *упрощенном порядке*.

Законодатель квалифицирует юридическую природу такого лицензионного договора, который заключается в упрощенном порядке, как классического гражданско-правового договора присоединения. Условия такого договора могут быть отражены на приобретаемом экземпляре программы для ЭВМ или базы данных либо на упаковке такого экземпляра. Особое значение имеет положение о возможности заключения договора также путем обмена документами посредством электронной связи (то есть условия договора могут быть изложены в электронном виде), согласно правилам п. 2 ст. 434 ГК РФ. Анализируемое положение имеет важное практическое значение, поскольку большинство договоров на использование программ для ЭВМ в настоящее время заключается посредством сети Интернет. Поскольку рассматриваемый договор является

⁹ Ранее статья называлась «Свободное воспроизведение программ для ЭВМ и баз данных. Декомпилирование программ для ЭВМ».

договором присоединения, одной из сторон для его заключения достаточно одним компьютерным кликом сделать отметку о принятии условий договора.

Более того, само **начало использования** программы для ЭВМ пользователем (как оно определено соответствующими условиями) означает его согласие на заключение договора. В этом случае письменная форма договора считается соблюденной.

По общему правилу, рассматриваемый лицензионный договор на использование программы для ЭВМ, заключаемый в упрощенном порядке, является **безвозмездным**, однако в договоре может быть предусмотрено иное. Так, многие зарубежные компании по производству игровых движков распространяют некоторые из них по безвозмездной лицензии. Как правило, это необходимо для рекламы программы для ЭВМ (игрового движка) и демонстрации его качества, а также для использования в образовательных и некоммерческих целях (движки id Tech 2, Tenebrae, Agar и многие другие)¹⁰.

Вместе с тем в лицензионном договоре отдельно предусматривается положение, согласно которому, в случае использования игровых движков для целей создания в дальнейшем высококачественных компьютерных игр и иных электронных продуктов, движков и специальный комплект программного обеспечения — SDK (*от англ.* — software development kit) предоставляются по договору на возмездных условиях. Это не означает, что движки, предоставляемые на безвозмездной основе, невозможно использовать при создании тех же самых игр, однако такие движки, как правило, являются базовыми и используются не профессиональными программистами, а любителями или небольшими компаниями по производству электронных продуктов.

Те движки, которые предоставляются на возмездной основе, представляют собой программы для ЭВМ, необходимые для создания наиболее современных с точки зрения компьютерных технологий объектов. Так, немецкая компания Crytek Corp. предоставляет компьютерные движки и на безвозмездной и на возмездной основах. Последний игровой движок CryEngine (4-го поколения) предоставляется бесплатно для некоммерческих целей, а если лицензиату понадобится использовать все программные коды (движок и SDK) в целом, то в этом случае необходимо заключить возмездный лицензионный договор, как правило, по модели Creative Commons¹¹.

¹⁰ См. примеры игровых движков, представляемых разработчикам как на безвозмездной, так и на возмездной основе: Сайт компании DevMaster.net, посвященный разработке компьютерных игр. URL: <http://devmaster.net/> (дата обращения — 14 сентября 2014 г.).

¹¹ См. об этом: Сайт компании Crytek. URL: <http://www.crytek.com/> (дата обращения — 14 сентября 2014 г.).

На наш взгляд, анализируемые изменения в ч. 4 ГК РФ в отношении введения правового механизма заключения договоров в упрощенном порядке по модели открытой лицензии являются важным шагом для поддержки развития отечественной IT-индустрии и предпосылкой для расширения возможностей использования отечественных программ для ЭВМ, в том числе за рубежом.

Следует отметить, что в редакции Закона № 35-ФЗ не содержится термина «свободные лицензии» (которое зачастую используется в литературе), а законодатель называет такие лицензии открытыми.

Важным законодательным изменением в рассматриваемой сфере стало введение в ч. 4 ГК РФ специальной статьи, посвященной открытой лицензии на использование произведений науки, литературы и искусства (ст. 1286.1 в редакции Закона № 35-ФЗ). Таким образом, указанные положения распространяются не только на те объекты, которые используются в сети Интернет, как это предполагалось ранее, но и на все иные объекты авторских прав.

Основной задачей механизма Creative Commons является внедрение такой лицензионной модели, которая «могла бы работать в любой стране»¹², решив проблему несовместимости лицензий, «предоставив правообладателям возможность разрешать использование их произведений и объектов смежных прав неопределенному кругу лиц по всему миру»¹³. Подобные механизмы с учетом международных стандартов были разработаны в отечественном законодательстве.

Так, лицензионный договор, по которому автором или иным правообладателем (лицензиаром) предоставляется лицензиату простая (неисключительная) лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства, может быть заключен в упрощенном порядке (**открытая лицензия**) (п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ в ред. Закона № 35-ФЗ)¹⁴.

По своей юридической природе открытая лицензия является договором присоединения (так же, как и рассмотренный выше применительно к программам для ЭВМ аналогичный договор). Условия такой лицензии должны быть доступны неопределенному кругу лиц и размещены таким образом, чтобы лицензиат ознакомился с ними перед началом использования соответствующего произведения.

Согласно норме абз. 2 п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ в редакции Закона № 35-ФЗ, в открытой лицензии

¹² Аналитический доклад. С. 32.

¹³ Там же.

¹⁴ В литературе ведутся дискуссии относительно легального определения открытой лицензии, предлагаемой в ГК РФ. См. об этом: Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России. Законодательство и практика. 2012. С. 409–410; Войниканис Е.А. Указ. соч.

может содержаться указание на действия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий. В этом случае применяются общие положения об акцепте договора, согласно ст. 438 ГК РФ. В случае соблюдения требований, предусмотренных в ст. 438 ГК РФ, письменная форма договора считается соблюденной.

Законодатель конкретизировал условие о предмете данного договора — в качестве такого названо само **право использования** произведения науки, литературы или искусства в предусмотренных договором пределах.

Важным правом автора или правообладателя является то, что он может предоставить лицензиату право на использование *принадлежащего ему произведения* для создания нового результата интеллектуальной деятельности.

В данном случае, по общему правилу, (если иное не предусмотрено открытой лицензией) считается, что лицензиар сделал предложение заключить договор (согласно нормам о публичной оферте п. 2 ст. 437 ГК РФ) об использовании принадлежащего ему произведения любым лицом, желающим использовать новый результат интеллектуальной деятельности, созданный лицензиатом на основе этого произведения, в пределах и на условиях, которые предусмотрены открытой лицензией.

Акцепт такого предложения считается также акцептом предложения лицензиара заключить лицензионный договор в отношении этого произведения (абз. 2 п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ в ред. Закона № 35-ФЗ).

Следует также отметить, что одновременно с введением специальной ст. 1286.1 в ГК РФ, были внесены изменения также в ст. 1266 ГК РФ применительно к нормам о неприкосновенности произведения. Ст. 1266 ГК РФ, посвященная праву на неприкосновенность произведения, была дополнена п. 3, в котором указывается, что в случаях, предусмотренных п. 5 ст. 1233 ГК РФ (правила о залоге исключительного права) и п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ (предоставление лицензиату права использовать принадлежащее ему произведение для создания нового результата интеллектуальной деятельности), *автор может дать согласие на внесение в будущем изменений, сокращений и дополнений в свое произведение, на снабжение его при использовании иллюстрациями и пояснениями, если это вызвано необходимостью (исправление ошибок, уточнение или дополнение фактических сведений и т.п.), при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения* (п. 3 ст. 1266 ГК РФ в редакции Закона № 35-ФЗ). На наш взгляд, в данном случае можно говорить об определенном *ограничении права на неприкосновенность произведения*. Таким образом, в случаях заключения договора по механизму открытой лицензии на

использование произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности, автор, в силу п. 3 ст. 1266 ГК РФ в редакции Закона № 35-ФЗ, может предоставить право вносить изменения в своё произведение.

Условие о цене по открытой лицензии определяется аналогично рассмотренному выше применительно к договору о предоставлении права использования программы для ЭВМ. По общему правилу, открытая лицензия является безвозмездной, однако в договоре может быть предусмотрено иное.

Если в договоре не определен срок действия открытой лицензии, то договор считается заключенным на пять лет, а в отношении программ для ЭВМ и баз данных договор считается заключенным на весь срок действия исключительного права (абз. 3 п. 3 ст. 1286.1 ГК РФ в ред. Закона № 35-ФЗ). Территория действия также может быть определена в договоре, однако если специального указания в договоре не содержится, использование произведения допускается на территории всего мира.

В случае расторжения договора применяются общие правила, предусмотренные для гражданско-правовых договоров. Лицензиар, предоставивший открытую лицензию, вправе в одностороннем порядке полностью или частично отказаться от договора, согласно п. 3 ст. 450 ГК РФ, в случаях, если лицензиат будет предоставлять третьим лицам права на использование принадлежащего лицензиару произведения; либо на использование нового результата интеллектуальной деятельности, созданного лицензиатом на основе этого произведения, за пределами прав и (или) на иных условиях, чем те, которые предусмотрены открытой лицензией (п. 4 ст. 1286.1 ГК РФ в ред. Закона № 35-ФЗ).

Автор или иной правообладатель в случае, если исключительное право на произведение нарушено неправомерными действиями по предоставлению или использованию открытой лицензии, вправе требовать применения к нарушителю мер защиты исключительного права в соответствии со ст. 1252 ГК РФ (общие положения о защите исключительных прав).

Проанализировав основные изменения относительно открытых лицензий в ч. 4 ГК РФ, можно сделать вывод, что они являются своего рода «первыми шагами» на этапе совершенствования законодательства в эпоху развития компьютерных технологий. Так, наряду с механизмом Creative Commons, за рубежом используются правовые инструменты для передачи автором произведения в общественное достояние — CC0 и Public Domain Mark (Знак общественного достояния)¹⁵, которые требуют дополнительного изучения и осмысления, прежде чем вводить в отечественное законодательство схожие правовые конструкции.

¹⁵ См. об этом подробнее: Аналитический доклад. С. 7, 39–41.

Библиография:

1. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. 552 с.
2. Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект. 2014. 128 с.
3. Использование лицензий Creative Commons в Российской Федерации // Аналитический доклад / под ред. Ю.Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2011. 94 с.
4. Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России. Законодательство и практика. Инфотропик Медиа. 2012. 432 с.
5. Савельев А.И. Свободные лицензии на программное обеспечение в контексте реформы гражданского законодательства // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 75–101.
6. Соболев И.А. К вопросу о понятии свободной (открытой) лицензии в авторском праве России // Право и экономика. 2014. № 4. С. 39–44.

References (transliteration):

1. Voynikanis E.A. Intellectual property law in the digital age: the paradigm of balance and flexibility. M.: Jurisprudence, 2013. 552 p.
2. Grin E.S. Copyright in the multimedia product. M.: Prospect. 2014. 128 p.
3. The use of Creative Commons licenses in the Russian Federation // Analytical Report, Ed. YE Khokhlova. M.: Institute of the Information Society, 2011. 94 p.
4. Savelyev A.I. Free software licenses in the context of the reform of the civil legislation // Herald civil law. 2012. № 4. P. 75–101.
5. Savelyev A.I. Software Licensing in Russia. Legislation and practice. Infotropik Media. 2012. 432 p.
6. Sobol I.A. On the concept of the free (open) licenses in copyright // Russian Law and Economics. 2014. № 4. P. 39–44.

Материал поступил в редакцию 28 сентября 2014 г.

Отраслевая принадлежность и особенности сетевого контракта на железнодорожном транспорте

Аннотация. Проект Постановления Правительства РФ «О порядке разработки сетевого контракта на гарантированное транспортное обеспечение инфраструктурным комплексом железнодорожных перевозок» предусматривает заключение сетевого контракта между государством и владельцем инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. Сетевой контракт определяет порядок финансирования и условия осуществления регулируемой деятельности владельца инфраструктуры. Сетевой контракт имеет сходство с соглашением об условиях осуществления регулируемой деятельности в сфере водоснабжения и водоотведения. Сетевой контракт является публично правовым договором с элементами договоров о предоставлении бюджетных инвестиций и субсидий юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями. Законодательство о железнодорожном транспорте не предусматривает заключение такого договора и не наделяет Правительство РФ полномочиями по установлению требований к сетевому контракту. Предмет сетевого контракта, стороны и условия его заключения должны быть предусмотрены Федеральным законом «О железнодорожном транспорте».

Ключевые слова: сетевой контракт, регуляторный контракт, инфраструктура железнодорожного транспорта, бюджетные инвестиции, субсидии, владелец инфраструктуры.

Министерством транспорта РФ разработан проект Постановления Правительства РФ «О порядке разработки сетевого контракта на гарантированное транспортное обеспечение инфраструктурным комплексом железнодорожных перевозок»¹ (далее — «Проект о разработке сетевого контракта»). Необходимость разработки сетевого контракта и поэтапный переход на него предусматривались в Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика»², Государственной программе «Развитие транспортной системы»³, Прогнозе социально-экономического развития

Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг.⁴

Установление отраслевой принадлежности правоотношений по сетевому контракту, вида договоров, к которому он относится, имеет существенное значение для определения места правовых норм, регулирующих сетевой контракт, в общем массиве законодательства о железнодорожном транспорте. В правовой литературе вопросы правовой природы сетевого контракта, необходимости его регламентации в законодательстве, уровне нормативных актов для правового регулирования содержания и порядка заключения договора не получили отражения.

В процессе обсуждения введения сетевого контракта в систему государственного регулирования деятельности в области железнодорожного транспорта представители органов власти и экспертного сообщества высказывали следующие точки зрения на роль и содержание этого соглашения.

¹ Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. URL: <http://regulation.gov.ru/project/10356.html> (последнее посещение — 20 августа 2014 г.).

² Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2013 № 2492-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (в новой редакции)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 7294.

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2600-р «Об утверждении государственной программы «Развитие транспортной системы»» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 2. Ст. 131.

⁴ Прогноз социально-экономического развития РФ на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. // Официальный Интернет-ресурс Министерства экономического развития РФ. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130924_5 (последнее посещение — 20 августа 2014 г.).

© Торба С.Н., 2014

* Торба Светлана Николаевна — начальник юридического отдела аудиторско-консалтинговой компании «Вектор развития», соискатель кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[torbasn@mail.ru]

127422, Россия, г. Москва, ул. Дубки, д. 13–30.

Первая точка зрения состояла в обозначении потребности в упорядочении с помощью сетевого контракта применяемых в настоящее время механизмов государственного регулирования деятельности владельца инфраструктуры. Цель введения в действие сетевого контракта в этом случае состояла в сведении в один документ положений о государственном регулировании тарифов, выделении бюджетных инвестиций на развитие инфраструктуры; предоставлении субсидий из федерального бюджета на компенсацию потерь в доходах, которые образуются в результате установления тарифов ниже экономически обоснованных, и льгот по их уплате. Правоотношения по финансированию инфраструктурных проектов, в том числе предусмотренные федеральными целевыми программами и инвестиционной программой ОАО «Российские железные дороги» (далее — ОАО «РЖД»), имеют место в настоящее время, однако их недостаток состоит в том, что они не согласованы друг с другом. Сетевой контракт в таком качестве не создаст новых обязательств, он станет лишь формализацией существующих отношений сторон. Его достоинство в том, что он может быть документом среднесрочного планирования, заполняя место между краткосрочными документами, такими как Федеральный закон о бюджете и инвестиционная программа ОАО «РЖД»; и долгосрочными стратегическими программными документами.

Вторая точка зрения на содержание сетевого контракта не ограничивалась констатацией потребности в суммировании имеющихся подходов к бюджетному финансированию содержания и развития инфраструктуры, а требовала выстраивания в рамках сетевого контракта новых отношений государства и владельца инфраструктуры. Ее приверженцы высказывали мнение о необходимости установления в договоре принципиально иных обязательств владельца инфраструктуры и государства в этой области, отмечая недостатки существующего порядка финансирования и договорного регулирования отношений сторон. Сетевой контракт противопоставлялся договору о предоставлении бюджетных субсидий, причем негативной стороной последнего признавалось отсутствие гарантий его исполнения. Отмечалось, что в настоящее время объем государственного финансирования не зависит от качества работы владельца инфраструктуры. Было высказано мнение о необходимости регулирования в сетевом контракте параметров услуг, оказываемых по результатам финансирования инфраструктурных проектов. Отмечалось, что в сетевом контракте необходимо отразить не только финансовые обязательства государства, но и обязательства второй стороны по финансированию инфраструктурных проектов за счет собственных средств. Подчеркивалась необходимость закрепления параметров эффектив-

ности деятельности владельца инфраструктуры и показателей снижения издержек на инфраструктуру при обеспечении требуемого объема и качества услуг, причем с указанием количественных характеристик, которые дадут возможность осуществлять контроль надлежащего исполнения указанных обязательств и привлечения его к установленной в договоре ответственности.

Были высказаны предложения о целесообразности стратификации проектов реконструкции и строительства объектов инфраструктуры по показателю их последующей окупаемости и зависимости источников финансирования от этого показателя. Данное предложение связано с необходимостью устранения одного из существенных недостатков действующей системы бюджетного финансирования, а именно: низкой прозрачности для потребителей услуг железнодорожного транспорта направлений развития (сокращения) инфраструктуры, что признается фактором, затрудняющим для них планирование и расширение собственных производств.

Можно ли предусмотреть весь объем обязательств, и существующих в настоящее время, и новых, в смешанном договоре, совмещающем в себе исключительно элементы инвестиционного договора (ст. 80 БК РФ⁵), и договора о предоставлении бюджетных субсидий (ст. 78 БК РФ) или необходимо констатировать, что отношения сторон выходят за рамки этих договоров?

На основании анализа предмета договора, целей его заключения, существенных условий можно сделать вывод о его характере и отраслевой принадлежности. Предметом сетевого контракта является финансирование и выполнение работ по содержанию, эксплуатации и (или) развитию объектов инфраструктурного комплекса. Существенные условия договора прямо не указаны в Проекте о разработке сетевого контракта, однако в нем предусмотрен перечень основных показателей сетевого контракта. Сетевой контракт заключается сторонами на основании утвержденных государственными органами основных показателей. Значимая роль основных показателей обнаруживает их сходство с существенными условиями гражданско-правового договора.

Благодаря правовой цели, преследуемой лицами, совершающими сделку, она приобретает конкретную юридическую определенность, позволяющую ответить на вопрос, к какому типу волеизъявлений относится этот договор⁶. В п. 3 Проекта о разработке сетевого контракта предусмотрено, что сетевой контракт разрабатывается в целях гарантированного транспортного обеспе-

⁵ Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁶ См.: Российское гражданское право: в 2 т. / отв. редактор Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. Т. 1. С. 341.

чения социально-экономического развития Российской Федерации, а также с целью обеспечения доступности для пользователей услуг инфраструктуры. Указанные цели заключения сетевого контракта не носят имущественного характера. Это общественно значимые государственные задачи, которые предусмотрены законодательством⁷. Они решаются в процессе исполнения сторонами договора и обуславливают его публично-правовой характер.

В комментариях⁸ Министерства транспорта РФ к замечаниям и предложениям Российского союза промышленников и предпринимателей, представленным в процессе общественного обсуждения Проекта о разработке сетевого контракта, было указано, что сетевой контракт является частью системы государственного регулирования, включающей в себя в том числе решения, принимаемые в установленном порядке относительно индексации тарифов. Только на основании этих решений определяются основные показатели сетевого контракта, в том числе размер бюджетных ассигнований. Такая характеристика сетевого контракта свидетельствует о том, что контракт заключается сторонами на основании императивных предписаний. Здесь усматривается и юридическое неравенство сторон, так как одна из сторон — государство регулирует деятельность другой стороны — владельца инфраструктуры, и контракт заключается с целью осуществления такого регулирования. Это также подтверждает публично-правовой характер контракта.

О наличии в договоре публично-правовых элементов свидетельствуют условия заключения сетевого контракта. Гражданско-правовой метод регулирования состоит в автономии воли участников складывающихся отношений. Заключение сетевого контракта скорее является необходимой составляющей деятельности владельца инфраструктуры общего пользования и государства, осуществляющего регулирование этой деятельности. Неотъемлемым элементом статуса владельца инфраструктуры общего пользования является обязанность оказывать услуги по тарифу, не окупающему затрат на их оказание, осуществлять коммерчески невыгодную деятельность в виде содержания малозагруженных железнодорожных линий и станций; осуществлять развитие железнодорожной инфраструктуры, имеющей государственное (политическое), а не предпринимательское значение. Сетевой контракт направлен на установление

порядка реализации и источника финансирования этих обязанностей, а также количественных и качественных характеристик основной деятельности владельца инфраструктуры на среднесрочный период, определяемый горизонтом планирования тарифов. В настоящее время часть этих отношений регулируется нормативными актами (установление и индексация тарифов, утверждение государственных программ), часть — договорами (предоставление бюджетных инвестиций и субсидий), часть — корпоративными решениями (Инвестиционная программа ОАО «РЖД»). Сетевой контракт призван стать документом, объединяющим акты регулирования в области эксплуатации и развития инфраструктуры. ГК РФ наделяет субъектов отношений правом самостоятельно принимать решение о заключении договора, формулировать в договоре свои права и обязанности. В отличие от них в публично-правовых отношениях содержание прав и обязанностей для их участников определяется законодательством⁹. Отсутствие добровольности заключения сетевого контракта свидетельствует о его публично-правовом характере.

Дополнительным аргументом в пользу отличия сетевого контракта от существующих договоров о предоставлении инвестиций и субсидий является возможность заключения контракта без включения в него условий, касающихся бюджетного финансирования. В этом случае деятельность владельца инфраструктуры по оказанию услуг, содержанию и развитию инфраструктуры может финансироваться за счет его собственных средств. Такая возможность предусмотрена п. 7 Проекта о разработке сетевого контракта, который устанавливает три самостоятельных источника финансирования затрат на инфраструктуру, в том числе доходы владельца инфраструктуры. Если на услуги инфраструктуры будет установлен экономически обоснованный тариф, позволяющий владельцу инфраструктуры осуществлять ее эксплуатацию и развитие за счет своего дохода от оказания услуг, заключение сетевого контракта все равно будет иметь правовой смысл для сторон. Государство будет выполнять обязанности по созданию условий для осуществления регулируемой деятельности в виде учета при установлении тарифов долгосрочных параметров их регулирования, а владелец инфраструктуры будет обеспечивать оговоренные в контракте качество и количество услуг, а также осуществлять работы по содержанию и развитию инфраструктуры в том объеме, в котором это позволяют доходы от тарифа, в отсутствие бюджетных инвестиций и субсидий.

Согласно п. 6 Проекта о разработке сетевого контракта, к основным показателям сетевого

⁷ Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 № 17-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 169.

⁸ Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. URL: <http://regulation.gov.ru/project/10356.html> (последнее посещение — 20 августа 2014 г.).

⁹ См.: Гражданское право: в 3 т. / отв. ред. С.А. Степанов. М.: Проспект, 2010. Т. 2. С. 18.

контракта относятся планируемые объемы и источники финансирования затрат на выполнение работ по содержанию, эксплуатации и (или) развитию объектов сетевого контракта. Бюджетные субсидии и бюджетные инвестиции являются основными источниками финансирования по сетевому контракту, наравне с собственными средствами владельца инфраструктуры. Указанное означает, что сетевой контракт, являясь новым видом договора, содержит в себе элементы договоров о предоставлении субсидий (ст. 78 БК РФ) и о предоставлении бюджетных инвестиций (ст. 80 БК РФ).

Договор о предоставлении бюджетных инвестиций носит гражданско-правовой характер. Это следует из п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹⁰, в котором установлено, что отношения между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основе договора и (или) государственного контракта, заключаемых между ними в соответствии с ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 80 БК РФ, участие публично-правовых образований в уставных (складочных) капиталах юридических лиц в связи с предоставлением бюджетных инвестиций также регулируется гражданским законодательством РФ. В правовых исследованиях обосновывается мнение о гражданско-правовом характере инвестиционного договора и его принадлежности к смешанным договорам¹¹.

Вопрос о характере отношений, складывающихся между сторонами договора о предоставлении субсидии, не является однозначным, так как законодатель прямо не определил возможность применения к договору о субсидировании норм гражданского законодательства. В юридической литературе превалирует мнение о гражданско-правовом характере договора о предоставлении бюджетных субсидий и возможности отнесения его к договорам дарения (пожертвования)¹². Судебная практика довольно уверенно идет по пути признания гражданско-правового характе-

ра договоров субсидирования с учетом особенностей, установленных бюджетным законодательством¹³.

Таким образом, помимо смешанного характера, можно отметить двойственную природу сетевого контракта, так как он совмещает в себе гражданско-правовые и публично-правовые элементы. Мнение о двойственном характере отдельных договоров, таких как концессионное соглашение, высказывалось в правовых исследованиях¹⁴. Сетевой контракт представляет собой новый вид договора, содержащий соглашение сторон, направленное на долгосрочное регулирование условий осуществления регулируемой государством деятельности владельца инфраструктуры, и включает в себя элементы договоров о предоставлении бюджетных инвестиций и субсидий. Сетевой контракт носит преимущественно публично-правовой характер и анонсирован как часть системы государственного регулирования в сфере железнодорожных перевозок. Учитывая это, на сетевой контракт не может распространяться норма ст. 421 ГК РФ о свободе договора, то есть о праве сторон заключить договор, не предусмотренный законами или иными правовыми актами. Возможность заключения сетевого контракта, его предмет и условия должны быть закреплены в законодательстве.

В правовой литературе рассматривался вопрос о пределах правоспособности государства в выборе способов решения публичных задач и нормативных основаниях привлечения частных субъектов к осуществлению публичных задач в невластных формах. Например, М.Н. Сикачев¹⁵ подчеркивает целевую правоспособность публично-правовых образований и их участие в корпоративных отношениях по принципу «разрешено лишь то, что закон прямо разрешил», а не на основе принципа «разрешено все то, что прямо

¹⁰ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

¹¹ См.: Бычков А.И. Инвестиционный контракт как смешанный договор // Юридический мир. 2011. № 8. С. 29–30; Попондопуло В.Ф. Инвестиционная деятельность: правовые формы осуществления, публичной организации и защиты // Юрист. 2013. № 19. С. 15–23.

¹² См.: Ильин А.В. Разрешение судами споров, возникающих по поводу распределения бюджетных средств. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 86; Отнюкова Г.Д. Государственная поддержка предпринимательской деятельности в форме субсидий // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 4. С. 24–26.

¹³ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.05.2012 по делу № А67-4873/2011; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.09.2012 по делу А56-47850/2011; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.02.2013 по делу № А63-7904/2012; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.04.2013 по делу № А56-44361/2012; Постановление ФАС Уральского округа от 27.08.2013 по делу № А50-19774/2012.

¹⁴ См.: Булаева Л.М. Правовая природа концессионного соглашения // Современное право. 2013. № 9. С. 57–60; Савельева В.М. К вопросу об определении места концессионного соглашения в системе гражданско-правовых договоров // Право и политика. 2008. № 4. С. 994–997; Городов О.А. Понятие, элементы и отраслевая принадлежность концессионного соглашения по праву России // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 67–78; Камышанова А.Е. Особенности концессионных соглашений в сфере реформирования жилищно-коммунального комплекса // Семейное и жилищное право. 2011. № 2. С. 41–44.

¹⁵ См.: Сикачев М.Н. Сторона договора о создании юридического лица: закон и практика // Юрист. 2011. № 1. С. 24–30.

не запрещено законом». Е.Н. Горлова¹⁶, рассматривая общие признаки публичных договоров в гражданском и публичном праве, выделяет среди них установление в законе обязательных требований к их заключению и исполнению.

Актуальным остается вопрос об уровне нормативного правового акта, определяющего понятие и существенные условия сетевого контракта. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г.¹⁷ предусматривает введение в действие механизмов регуляторного (сетевого) контракта на железнодорожном транспорте путем принятия нормативных актов на уровне постановления Правительства РФ, без внесения изменений в законодательство.

Необходимо осуществить анализ нормотворческих полномочий Правительства РФ в области установления требований к договорам, заключаемым в связи с регулированием деятельности владельца инфраструктуры общего пользования и предоставлением бюджетных средств на содержание и развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Согласно ст. 78 БК РФ, Правительство РФ уполномочено принимать нормативные правовые акты, касающиеся субсидий юридическим лицам, если они предусмотрены федеральным законом о бюджете. Ст. 80 БК РФ предусмотрено, что Правительством РФ устанавливаются требования к договорам о предоставлении бюджетных инвестиций юридическим лицам за счет средств федерального бюджета.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О железнодорожном транспорте», законодательство РФ о железнодорожном транспорте основывается на Конституции РФ и ГК РФ и состоит из настоящего Федерального закона, Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта РФ» и других федеральных законов. Деятельность в области железнодорожного транспорта также регулируется актами Президента РФ, актами Правительства РФ, а также актами федеральных органов исполнительной власти, на которые законодательством РФ возложены соответствующие функции.

БК РФ и федеральные законы не предусматривают полномочий Правительства РФ в части установления требований к договорам государства и владельца инфраструктуры, по своему характеру отличающихся от договоров о предоставлении бюджетных инвестиций и субсидий.

В соответствии с принципом разделения властей, исполнительная власть участвует в законода-

тельном процессе только в объеме и порядке, установленном законом. Правительство осуществляет нормотворческую деятельность на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ. Правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом по вопросу нормотворческой деятельности Правительства РФ, состоит в том, что принцип определенности, ясности и непротиворечивости законодательного регулирования распространяется на правовые нормы, которыми законодатель делегирует Правительству те или иные полномочия. Иное означало бы, что законодатель может передать Правительству неопределенные по объему полномочия, а Правительство — реализовать их произвольным образом, чем нарушался бы принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную¹⁸. Согласно указанной правовой позиции, нормотворческие полномочия Правительства РФ не должны толковаться расширительно, по сравнению с тем, как они определены в законе, устанавливающим эти полномочия.

Появление схожих по содержанию договоров, опосредующих отношения государства и негосударственной инфраструктурной организации в части бюджетного финансирования расходов на содержание и развитие сетевого хозяйства и условий осуществления регулируемой деятельности, является одной из тенденций развития законодательства. Так, Стратегия развития электросетевого комплекса РФ¹⁹ предусматривает возможность заключения соглашений об условиях осуществления регулируемой деятельности (регуляторных договоров). С этой целью запланировано внесение необходимых изменений в законодательство.

Ст. 36 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении»²⁰ предусмотрено заключение между субъектом РФ или муниципальным образованием и организацией, осуществляющей водоснабжение и водоотведение, соглашения об условиях осуществления регулируемой деятельности. Им закрепляется обязанность организации осуществлять поддержание и развитие эксплуатируемой сети в соответствии с пока-

¹⁶ См.: Горлова Е.Н. Публичные договоры, их виды и роль в финансовом праве // Финансовое право. 2010. № 3. С. 13–16.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р «О транспортной стратегии РФ на период до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 50. Ст. 5977; 2014. № 25. Ст. 3349.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 15. Ст. 1519; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3199; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2008 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 6. Ст. 540.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 03.04.2013 № 511-р «Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1738.

²⁰ Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7358.

зателями, закрепленными в инвестиционной и производственной программах. Для регулятора устанавливается обязанность учитывать расходы, предусмотренные инвестиционной и производственной программой, при установлении тарифов и неизменность тарифов на период действия соглашения. В юридической литературе соглашение об условиях осуществления регулируемой деятельности отнесено к договорам публично-правового характера²¹.

Таким образом, в области энергетики, водоснабжения и водоотведения нормативное регулирование договоров государства и сетевой организации об условиях содержания, эксплуатации и

развития сети предусматривается в законах, а не подзаконных нормативных правовых актах.

В законе Правительству РФ могут быть делегированы полномочия по принятию нормативных правовых актов, устанавливающих требования к долгосрочным договорам об условиях осуществления регулируемой деятельности в сфере железнодорожного транспорта. Наиболее целесообразным решением представляется внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон «О железнодорожном транспорте», так как этот закон регулирует основы взаимодействия организаций железнодорожного транспорта с органами государственной власти.

Библиография:

1. Буслаева Л.М. Правовая природа концессионного соглашения // Современное право. 2013. № 9. С. 57–60.
2. Бычков А.И. Инвестиционный контракт как смешанный договор // Юридический мир. 2011. № 8. С. 29–30.
3. Горлова Е.Н. Публичные договоры, их виды и роль в финансовом праве // Финансовое право. 2010. № 3. С. 13–16.
4. Городов О.А. Понятие, элементы и отраслевая принадлежность концессионного соглашения по праву России // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 67–78.
5. Гражданское право: в 3 т. / отв. ред. С.А. Степанов. М.: Проспект, 2010. Т. 2. 712 с.
6. Гриценко Е.В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // Закон. 2013. № 2. С. 113–128.
7. Камышанова А.Е. Особенности концессионных соглашений в сфере реформирования жилищно-коммунального комплекса // Семейное и жилищное право. 2011. № 2. С. 41–44.
8. Попондопуло В.Ф. Инвестиционная деятельность: правовые формы осуществления, публичной организации и защиты // Юрист. 2013. № 19. С. 15–23.
9. Российское гражданское право: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.
10. Савельева В.М. К вопросу об определении места концессионного соглашения в системе гражданско-правовых договоров // Право и политика. 2008. № 4. С. 994–997.
11. Сикачев М.Н. Сторона договора о создании юридического лица: закон и практика // Юрист. 2011. № 1. С. 24–30.

References (transliteration):

1. Buslaeva L.M. Pravovaya priroda kontsessionnogo soglasheniya // Sovremennoe pravo. 2013. № 9. S. 57–60.
2. Bychkov A.I. Investitsionnyi kontrakt kak smeshanniy dogovor // Yuridicheskii mir. 2011. № 8. S. 29–30.
3. Gorlova E.N. Publichnye dogovory, ikh vidy i rol' v finansovom prave // Finansovoe pravo. 2010. № 3. S. 13–16.
4. Gorodov O.A. Ponyatie, elementy i otraslevaya prinadlezhnost' kontsessionnogo soglasheniya po pravu Rossii // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2011. № 6. S. 67–78.
5. Grazhdanskoe pravo: v 3 t. / otv. red. S.A. Stepanov. M.: Prospekt, 2010. T. 2. 712 s.
6. Gritsenko E.V. Konstitutsionnye osnovy i pravovye formy privlecheniya chastnykh sub"ektov k resheniyu munitsipal'nykh zadach v Rossii v sravnitel'noi perspektive // Zakon. 2013. № 2. S. 113–128.
7. Kamyshanova A.E. Osobennosti kontsessionnykh soglashenii v sfere reformirovaniya zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2011. № 2. S. 41–44.
8. Popondopulo V.F. Investitsionnaya deyatelnost': pravovye formy osushchestvleniya, publichnoi organizatsii i zashchity // Yurist. 2013. № 19. S. 15–23.
9. Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. / otv. red. E.A. Sukhanov. M.: Statut, 2011. T. 1. 958 s.
10. Savel'eva V.M. K voprosu ob opredelenii mesta kontsessionnogo soglasheniya v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov // Pravo i politika. 2008. № 4. S. 994–997.
11. Sikachev M.N. Storon dogovora o sozdaniy yuridicheskogo litsa: zakon i praktika // Yurist. 2011. № 1. S. 24–30.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2014 г.

²¹ См.: Гриценко Е.В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // Закон. 2013. № 2. С. 113–128.

К проблеме правового мониторинга применения норм о корпоративных юридических лицах**

Аннотация. На основании проведения мониторинга законодательства и применения норм о юридических лицах в настоящей статье рассмотрены основные проблемы современного корпоративного права. В результате анализа положений о правоспособности, создании юридических лиц, их деятельности и прекращении автор приходит к выводу, что ряд норм о юридических лицах требует существенного изменения.

Ключевые слова: правовой мониторинг, корпоративное право, юридическое лицо, правоспособность, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал, несостоятельность.

На Центр мониторинга законодательства и правоприменения (Ситуационного центра) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) возложены важнейшие задачи по развитию современного права. Деятельность Ситуационного центра направлена на разрешение актуальных проблем, существующих в правоприменительной практике. Многие проблемы основаны на неопределенности действующего законодательства и систематическом его изменении, различии в подходах понимания ряда явлений, сложности регулирования общественных отношений.

Одной из ключевых задач Ситуационного центра, созданного в Университете имени О.Е. Кутафина, является совершенствование законодательства о юридических лицах. В современной системе отраслей права корпоративное право приобретает все большую актуальность. Несмотря на то, что нормативное регулирование отношений с участием юридических лиц (частных корпораций) было предусмотрено еще в римском праве¹ и получило наибольшее развитие в XVIII–XIX вв., многие проблемы остались нерешенными и на сегодняшний день.

Выявление существующих на практике проблем, нахождение способов их решения представляют цели деятельности Ситуационного центра. Основу деятельности Ситуационного центра составляют нормативные акты, правопримени-

тельная практика, статистические данные, доктринальные источники. Наиболее эффективным способом достижения поставленной перед Ситуационным центром цели является использование в работе опыта регулирования общественных отношений в правовых системах различных государств. В ходе решения проблем корпоративного права широко используются нормативные акты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Сербии и других государств континентальной правовой семьи. Особое внимание уделяется, в частности, исследованию нормативных правовых актов ФРГ, законодательством которой впервые был закреплен институт общества с ограниченной ответственностью.

Перед Ситуационным центром поставлен ряд задач в области корпоративного права. Во-первых, большое значение имеет определение круга субъектов общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Во-вторых, необходимо исследовать требования, предъявляемые к субъектам предпринимательской деятельности, касающиеся прежде всего их создания. В-третьих, большой актуальностью обладает реализация механизма защиты прав лиц, вступающих в правоотношения с субъектами предпринимательской деятельности. В целях соблюдения принципа обеспечения прав и законных интересов участников гражданских правоотношений перед Ситуационным центром стоит задача по выявлению правонарушений, связанных с участием в общественных отношениях корпораций.

¹ См.: Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2013. С. 132.

© Красавчикова Л.И., 2014

* Красавчикова Лариса Ивановна — преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[larisa.krasavchikova@yandex.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; НИР «Организация системы мониторинга законодательства и правоприменительной практики на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», проект № 2.4.1.4.

Определение круга субъектов корпоративных отношений

На сегодняшний день круг субъектов корпоративных отношений в недостаточной степени определен. Законодательство РФ предусматривает такие способы участия в предпринимательской деятельности, как создание юридических лиц, регистрация индивидуальных предпринимателей. Несмотря на наличие определения юридического лица в ст. 48 ГК РФ², а также закрепления иных норм о юридических лицах, многие вопросы правоспособности и дееспособности юридического лица остаются нерешенными. Ситуационный центр при Университете имени О.Е. Кутафина обращается, в частности, к исследованию момента возникновения юридического лица как самостоятельного субъекта права.

При решении данной задачи большое внимание уделено созданию юридического лица в ФРГ. В германской литературе по торговому праву³ этапам создания ООО уделяется большее внимание, чем в отечественной, что объясняется прежде всего степенью разработанности законодательства, совершенствующегося на протяжении столетий. Выделение этапов в процессе учреждения корпоративного юридического лица имеет практическое значение. Несмотря на то, что юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации⁴, некоторые юридические акты могут быть совершены и до регистрации. В частности, могут быть заключены трудовые договоры, договоры аренды движимого и недвижимого имущества, договоры купли-продажи и иные сделки⁵. В данном случае возникает существенный вопрос о возможности участия в правоотношениях таких субъектов, которые формально не являются юридическими лицами, однако фактически осуществляют определенные виды деятельности. Актуальность в указанном аспекте приобретает и проблема гражданско-правовой ответственности участников образуемого юридического лица. Законодательством ФРГ рассматриваемая проблема решена следующим образом. На пути к созданию общества с ограниченной ответственностью в доктрине предусматривается выделение ряда стадий, предшествующих государственной регистрации в Торговом реестре⁶. В

частности, до момента государственной регистрации к создаваемому обществу применяются либо положения Германского гражданского уложения⁷ (далее — ГГУ), либо положения Закона ФРГ об обществах с ограниченной ответственностью⁸ (далее — Закон ФРГ об ООО). При применении норм ГГУ создаваемое общество приравнивается по своему правовому положению к полному товариществу, на участников которого может быть возложена субсидиарная солидарная ответственность при недостаточности имущества общества. В случае утверждения устава общества применению подлежат положения Закона ФРГ об ООО. Из этого принципа исходит и правоприменительная практика, допускающая участие в процессуальных правоотношениях юридического лица, не зарегистрированного в Торговом реестре⁹.

Таким образом, одной из важнейших задач Ситуационного центра является выявление возможности применения сложившихся в течение двух столетий норм германского права о юридических лицах, предусматривающих возможность участия в имущественном обороте создаваемых юридических лиц, не зарегистрированных в установленном законом порядке, а также возможности их привлечения к гражданско-правовой ответственности в случае заключения договоров на стадии, предшествующей государственной регистрации.

Определение требований к созданию юридического лица

Ключевую задачу Ситуационного центра представляет осуществление мониторинга проблем, существующих в области установления требований к созданию юридических лиц — участников предпринимательской деятельности. В первую очередь необходимо обратить внимание на широкое применение такой организационно-правовой формы юридического лица, как общество с ограниченной ответственностью. Если законодательство об акционерных обществах предусматривает в ряде случаев императивное регулирование, то нормы об ООО имеют либо диспозитивный характер (например, в вопросах способов оплаты уставного капитала, компетенции и структуры органов управления), либо не соответствуют условиям современной экономики и правовой действительности. По определенным причинам институт ООО широко применяется не только в Российской Федерации, но и в ФРГ, Австрии, Сербии. Примечательным является, од-

² Гражданский кодекс РФ (ч. 1) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См.: Saenger I. Gesellschaftsrecht. München: Franz Vahlen Verlag, 2010. S. 373–381.

⁴ Ст. 51 ГК РФ; §11 Закона ФРГ об обществах с ограниченной ответственностью (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) vom 20. April 1892. RGBl. S. 477); § 36 Закона ФРГ об акционерных обществах (Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089).

⁵ См.: Eisenhardt U. Gesellschaftsrecht. 14. Auflage. München: C.H. Beck Verlag, 2009. S. 374–383.

⁶ См.: Раздел 2 Торгового уложения Германии. Handelsgesetzbuch vom 10. Mai 1887. BGBl. S. 219.

⁷ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) vom 18.08.1896 // Fassung der Bekanntmachung vom 2.01.2002. Stand: 1. Februar 2009. BGB1. I S. 42, ber. S. 2909 und BGB1. 2003 I S. 738. FNA 400-2.

⁸ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) vom 20. April 1892. RGBl. S. 477.

⁹ BHF II ZR 311/83 vom 24.09.1984.

нако, тот факт, что среди иных организационно-правовых форм в Швейцарии зарегистрировано наибольшее число акционерных обществ.

Если говорить о праве РФ, самой распространенной и неоднозначной организационно-правовой формой юридического лица является общество с ограниченной ответственностью. Очевидными и известными представляются преимущества ООО: порядок образования, образование капитала за счет долей (и, соответственно, отсутствие необходимости выпуска акций), небольшой размер уставного капитала, система органов управления, отсутствие ответственности участников принадлежащим им имуществом. Несмотря на то, что в современном виде институт ООО закреплен в конце XX в., несмотря на наличие споров и дискуссий об ООО, стабильном признании ООО несостоятельным, законодательство об ООО не меняется существенным образом.

Деятельность Ситуационного центра при Университете имени О.Е. Кутафина направлена на изменение сложившейся в отношении ООО практики. По своей юридической природе ООО представляет собой наиболее благоприятную форму для осуществления деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Многие нормы Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью¹⁰ носят позитивный характер, способствуют формированию и обеспечению рыночных отношений, однако целый комплекс норм может быть использован в противоречии с интересами иных участников гражданских правоотношений. Для устранения существующего злоупотребления правами ООО Ситуационным центром разработана система мер, касающихся увеличения размера уставного капитала ООО, создания иных имущественных фондов общества, четкой структуры органов управления ООО, привлечения участников ООО к гражданско-правовой ответственности в случае доказанности их вины в уменьшении уставного капитала общества, а также возложения гражданско-правовой ответственности на участников в отношениях с зависимыми и дочерними обществами, основанной на соблюдении ряда разработанных условий.

Реализация механизма защиты прав лиц, вступающих в правоотношения с субъектами предпринимательской деятельности

Третьим направлением деятельности Ситуационного центра, тесно связанным с предыдущим, является разработка концепций и норм, обеспечивающих соблюдение прав и свобод лиц, вступающих в отношения с корпорациями. В

первую очередь в целях предотвращения возможности нарушения прав лиц, вступающих в правоотношение с юридическим лицом, необходимо принять комплекс мер, рассмотренных в предыдущем параграфе работы.

Не менее актуальным представляется обозначение круга лиц, с которыми юридическое лицо вступает в правоотношения. Речь идет о кредиторах юридического лица — участниках договорных правоотношений; дочерних и зависимых обществах, на имущественное положение которых основное юридическое лицо оказывает прямое либо косвенное воздействие; государстве, с которым юридическое лицо вступает в налоговые правоотношения. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о наличии многочисленных правонарушений, связанных с участием юридических лиц в имущественных правоотношениях. При этом следует отметить особенности прекращения юридических лиц в порядке признания последних несостоятельными. Институт несостоятельности, целью которого является также и предотвращение прекращения юридического лица, фактически имеет в качестве последствия признание лица банкротом и внесение записи в ЕГРЮЛ о его ликвидации. В ходе признания лица несостоятельным удовлетворение прав кредиторов становится практически невозможным ввиду отсутствия имущества у ликвидируемого юридического лица.

В ходе исследования положений Федерального закона о несостоятельности (банкротстве)¹¹ в качестве мер, направленных на предотвращение банкротства, выделяется институт досудебной санации, а также оговорка о соглашении между учредителями и руководителем юридического лица. Указанная оговорка в законе дает возможность говорить о необходимости регулирования данных положений внутренними актами, отражающими корпоративные отношения в определенном юридическом лице. Для того чтобы права кредиторов обеспечивались не только гражданско-правовыми способами, но и юридическими средствами внутри корпорации, необходимо закрепить во внутренних корпоративных актах возможности действий должника и его учредителей (участников) при банкротстве.

Наконец, необходимо обратить внимание и на вопрос ответственности лиц, осуществляющих функции органов управления корпоративного юридического лица, а также его участников (учредителей). Положение ФРГ о несостоятельности¹² предусматривает основания для возло-

¹⁰ Федеральный закон от 18.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

¹¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹² Insolvenzordnung (InsO) vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866).

жения различного рода ответственности (в том числе уголовной) за совершение определенных правонарушений, связанных с признанием лица несостоятельным. Различия в законодательстве РФ и ФРГ о несостоятельности юридического лица проявляются в большей императивности законодательства, закреплении более жестких санкций за совершение правонарушений, расширении субъектного состава, привлекаемого к ответственности. В ряде случаев основания возложения мер ответственности совпадают. Приведем пример, действующий в отношении признания несостоятельным ООО по российскому и германскому праву.

Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника, сокрытие имущества, сведений об имуществе, уничтожение, фальсификация бухгалтерских документов, преднамеренное или фиктивное банкротство являются основаниями уголовной ответственности учредителей (участников) отечественного общества с ограниченной ответственностью¹³. В ФРГ уголовно наказуемыми деяниями также являются удовлетворение прав отдельных кредиторов в нарушение положений об очередности, фальсификация бухгалтерских документов, совершение сделок

с имуществом общества в нарушение действующего законодательства, сокрытие, повреждение или уничтожение имущества общества, доведение общества до состояния банкротства¹⁴. Таким образом, ряд оснований для возложения уголовно-правовой ответственности на участников общества совпадают в праве РФ и ФРГ, однако объективная сторона правонарушения выражена в германском законодательстве более детальным образом.

Тем самым для обеспечения соблюдения прав субъектов правоотношений с участием юридических лиц необходим комплекс мер, касающихся как процесса создания юридических лиц, так и их деятельности и прекращения.

Исследуя многочисленные проблемы корпоративного права, из которых лишь некоторые были представлены в настоящей работе, следует сделать вывод о целесообразности совершенствования действующего законодательства. Мониторинг изменения законодательства, опыта права зарубежных государств, правоприменительной практики представляется необходимым для построения логичной и непротиворечивой системы регулирования общественных отношений, основанной на принципе обеспечения прав и свобод участников гражданских правоотношений.

Библиография:

1. Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2013. 448 с.
2. Eisenhardt U. Gesellschaftsrecht. 14. Aufl. München: C.H. Beck Verlag 2009.
3. Saenger I. Gesellschaftsrecht. München: Franz Vahlen Verlag, 2010.

References (transliteration):

1. Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. / pod red. I.B. Novitskogo, I.S. Pereterskogo. M.: KNORUS, 2013. 448 s.

Материал поступил в редакцию 22 сентября 2014 г.

¹³ См.: ст. 195–197 УК РФ // Собрание законодательства. 1996. № 25. ст. 2954.

¹⁴ См.: § 283, 283 a, 283 b, 283 c Уголовного уложения Германии. Strafgesetzbuch vom 15. Mai 1871. RGBl. S. 127.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Х.А.Х. Хасан*

О практике применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (кампания «Аль-Анфаль» в Ираке)

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному российской юридической общественности преступлению — геноциду, совершенному в ходе проведения военной кампании под кодовым названием «Аль-Анфаль» в Иракском Курдистане (1988 г.). Показана объективность квалификации данного преступления судебными органами Ирака и ее полное соответствие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.).

Ключевые слова: геноцид, кампания «Аль-Анфаль», преступления против человечности, военные преступления, Иракский Курдистан, Иракский Высший Трибунал.

Одним из последних преступлений, квалифицированных в мировой практике как геноцид (на основании Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него), является военная кампания против иракских курдов под кодовым названием «Аль-Анфаль» (или «Анфаль»). По мнению ряда зарубежных авторитетных специалистов, «из числа более недавних эпизодов массового истребления людей юридическому определению геноцида отвечают... кампания «Анфаль», направленная против иракских курдов»¹. Согласно еще одному мнению, «преступления, совершенные лидерами Ирака по отношению к курдам Ирака на севере страны... вполне сопоставимы со злодеяниями нацистов»². Неслучайно, кампания «Аль-Анфаль» отдельными исследователями именуется «курдским Холокостом».

Слово «Анфаль» в переводе с арабского языка означает «добыча». Оно содержится в названии восьмой суры Корана. В ней говорится о войне мусульман против неверных, о разделе добычи³. По-сути, режим

Саддама Хусейна, начав военную операцию против иракских курдов, приравнял последних (в большинстве своем мусульман) к «неверным», дал «зеленый свет» на совершение преступлений и разграбления, завоевания добычи и трофеев в Курдистане.

Сама военная операция прошла несколько фаз — всего восемь. С перерывами она была проведена в период с 23 февраля по 6 сентября 1988 г. Результатами ее стали:

- гибель почти 200 000 человек;
- помещение 700 000 человек в концентрационные лагеря;
- перемещение с мест своего постоянного жительства около 2 000 000 человек;
- разрушение 4 000 сел, 1754 школ, 270 больниц, 2450 мечетей и 27 церквей.

Наиболее известной военной атакой против (собственного!) мирного населения была химическая бомбардировка города Халабджа, повлекшая мгновенную смерть 5 000 мирных его жителей (иракской авиацией были применены горчичный газ инервно-паралитический газ GB (зарин)).

Проведенные в 1992–1993 г. исследования позволили международной правозащитной организации «Эмнисти Интернэшнл» (Amnesty International) квалифицировать преступления против иракских курдов как геноцид. Кроме того, в 1992 г. после войны в Персидском заливе

¹ Военные преступления / пер. с англ., под ред. Р. Гутмана и Д. Риффа. М.: Текст, 2001. С. 123.

² Найер Арье. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / пер. с англ. М.: Юристъ, 2000. С. 257.

³ Коран / пер. И.Ю. Крачковского. М.: Вектор СП, 1991. С. 110–116.

© Хасан Х.А.Х., 2014

* Хасан Хунар Амеен Хасан — аспирант очной формы обучения кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), гражданин Республики Ирак. [bazyan45@yahoo.com]
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

другая международная правозащитная организация — «Хьюман Райтс Уотч» (Human Rights Watch) — направила команду исследователей в Северный Ирак (Иракский Курдистан). В течение нескольких месяцев команда провела обширные исследования. Ее члены опросили около 350 лиц, пострадавших в ходе проведения «Аль-Анфалья», и многочисленных свидетелей совершенного преступления, провели анализ почвы в районах, где было использовано химическое оружие. Для целей безопасного хранения и последующего анализа, в свою очередь, курдскими ополченцами было передано «Хьюман Райтс Уотч» 18 тонн ценных документов, захваченных ими после бегства из Курдистана правительственных сил безопасности.

На основе полевых исследований и анализа документов «Хьюман Райтс Уотч» также пришла к выводу, что кампания «Аль-Анфаль» является преступлением, подпадающим под действие Конвенции о геноциде. В 1994—1995 гг. «Хьюман Райтс Уотч» попыталась даже убедить правительства нескольких государств возбудить дело против правительства Ирака в соответствии с положениями указанной Конвенции в Международном Суде. К сожалению, эта инициатива ни к чему не привела: тогда еще никто не хотел ссориться с Саддамом Хусейном. «Отсутствие у курдов международных покровителей, — писал в 2001 г. С.М. Кочои, — а также геополитические интересы мировых держав не позволяют сегодня довести до конца и вопрос об ответственности за геноцид курдов, осуществляемый диктаторским режимом Саддама Хусейна»⁴. Лишь после свержения деспотического режима появилась возможность привлечения к ответственности организаторов ужасного преступления. В августе 2006 г. по обвинению в геноциде Иракскому Высшему Трибуналу⁵ были преданы шесть человек:

- Али Хасан аль-Маджид, двоюродный брат Саддама Хусейна, генеральный секретарь Северного бюро Партии Арабского Социалистического Возрождения Ирака (БААС), которому в период кампании против курдов были предоставлены специальные полномочия в Северном Ираке (Иракском Курдистане), эквивалентные полномочиям президента государства;
- Султан Хашем Ахмед, министр обороны Ирака, военный руководитель кампании;
- Сабир Абдель Азизаль-Дури, директор службы военной разведки;

⁴ Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. 2001. № 32. С. 97.

⁵ Сам Трибунал был учрежден 10 декабря 2003 г. для рассмотрения дел о преступлениях против человечности, совершенных режимом Саддама Хусейна в период с 17 июля 1968 г. (когда БААС захватила власть в Ираке) до 1 мая 2003 г. (когда Президент США объявил о завершении основных боевых действий против армии Ирака).

- Хусейн Рашид аль-Тикрити, заместитель по оперативной деятельности Иракских вооруженных сил;
- Тахир Тауфикаль-Ани, губернатор северной провинции Мосул;
- Фархан Мутлак аль-Джабури, глава военной разведки в Северном Ираке.

Обвинения в геноциде против Саддама Хусейна были сняты после его казни 30 декабря 2006 г.

Все шестеро подсудимых обвинялись в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Обвинения в преступлениях против человечности включали: умышленное убийство; порабощение и тюремное заключение; другое жестокое лишение физической свободы. Обвинения в военных преступлениях включали: умышленное нанесение ударов по гражданскому населению; умышленное нанесение ударов по культурным, религиозным, медицинским, образовательным или другим зданиям, не используемым в военных целях; уничтожение или изъятие имущества, которое действительно не диктовалось обстоятельствами конфликта.

По каким признакам деяния верхушки прежнего иракского режима квалифицированы как геноцид? Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Согласно Конвенции, наказуемы следующие деяния:

- а) геноцид;
- б) заговор с целью совершения геноцида;
- в) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- г) покушение на совершение геноцида;
- е) соучастие в геноциде⁶.

Вначале международными экспертами, а затем и юристами постсаддамовского Ирака, были установлены неоспоримые доказательства совер-

⁶ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (последнее посещение — 09 января 2014 г.).

шения преступлений против курдов как этнической группы. Данный вывод подтверждается тем обстоятельством, что курды всегда были мишенью иракской политической и военной верхушки⁷. Правящий режим часто называл именно курдов «угрозой» арабской нации. Для ее устранения режим не только уничтожал курдов посредством расстрелов и использования отравляющих газов, но также проводил политику максимального ограничения территории их проживания. В частности, осуществлял политику «арабизации» курдонаселенных областей Северного Ирака, поощряя арабских жителей юга и центра страны переезжать на север Ирака (особенно интенсивно «арабизации» подвергалась богатая нефтью провинция Киркук).

Кроме того, иракское правительство создавало так называемые запретные зоны. Границы этих зон соответствовали границам тех областей Северного Ирака, в которых проживали исключительно сельские курды. После создания этих зон курдам было запрещено находиться там. Их села были уничтожены. Массовые казни, произвольные аресты и исчезновения курдов стали обычным явлением. Утверждения багдадского режима, что убитыми или удаленными из «запретных зон» были повстанцы или сочувствующие им, по признанию международных экспертов, не заслуживают доверия, потому что среди десятков тысяч жертв «Аль-Анфалья» были даже дети грудного возраста. При этом иракское правительство не делало в ходе кампании исключения на основе каких-либо политических привязанностей: химическое оружие, например, было применено и против курдов, лояльных к властям (работающих или служащих в местной администрации). Оно заявляло, что курды поддерживали Иран в ирано-иракской войне. Однако даже если бы это было правдой, то это не может оправдать масштабы убийств в «запретных зонах», в частности убийства женщин, детей и мужчин, которые не принимали участия в военных действиях. Они были убиты, потому что они были курдами⁸. В целом, кампания «Аль-Анфаль» стала кульминацией антикурдской политики Багдада.

В российской науке были высказаны сомнения в объективности рассмотрения дел о преступлениях режима Саддама Хусейна Иракским Высшим Трибуналом⁹. В самом же Ираке мало

кто сомневается в справедливости наказания верхушки БААС. О беспристрастности трибунала свидетельствует, например, то обстоятельство, что один из обвиняемых, губернатор провинции Мосул, Тахир Тауфикаль-Ани, был оправдан. Остальные пять обвиняемых 24 июня 2007 г. были осуждены (в том числе за геноцид) к различным видам наказания — от пожизненного заключения до смертной казни. Смертной казни (25 января 2010 г.) был подвергнут также Али Хасан аль-Маджид, прозванный за химические бомбардировки Курдистана «Химический Али» и «Али Анфаль». Кстати, еще один приговоренный к смертной казни — Султан Хашим Ахмад — так и не был казнен (в 2008 г. он по другому делу — о подавлении на юге Ирака восстания шиитов — приговорен к 15 годам тюремного заключения).

Однако не только Иракский специальный трибунал признал преступления против курдов геноцидом. Еще раньше, в 2005 г. один из судов в Гааге назвал химические атаки в Курдистане геноцидом и осудил гражданина Нидерландов Франса ван Анраата за соучастие в военных преступлениях (поставках иракскому режиму компонентов для изготовления химического оружия)¹⁰.

Об «Аль-Анфале», о насилии и репрессиях «во время массовых убийств» курдов в Халабдже говорится и в Преамбуле принятой всенародным голосованием в 2005 г. Конституции Ирака¹¹.

В 2008 г. Президентский Совет Ирака одобрил Резолюцию № 26 Федерального Парламента Ирака, осуждающую преступления режима Саддама Хусейна против курдов как акт геноцида. Эта резолюция подтвердила предыдущие резолюции Парламента и объявила, что все деяния, совершенные против курдов в Иракском Курдистане бывшим режимом, должны считаться геноцидом. Через два года, в марте 2010 г., Федеральный Верховный Суд Ирака постановил, что проведенная в 1988 г. военная кампания против курдов действительно была актом геноцида.

Акты о признании совершенных злодеяний против иракских курдов геноцидом приняты парламентами также ряда зарубежных государств, в частности, Норвегии, Швеции и Великобритании¹².

⁷ См. об этом: Геноцид в Иракском Курдистане/ пер.с англ. под ред. и с пред. С.М. Кочои. М.: Профобразование, 2003. С. 6–9.

⁸ The Anfal Trial. Questions and answers. URL: <http://www.hrw.org/lega-cy/english/docs/2006/08/14/iraq13982.htm> (последнее посещение — 29 декабря 2013 г.).

⁹ См., напр.: Белый И. Иракский высший уголовный суд: проблемы организации и деятельности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 104–108.

¹⁰ Виновный в поставках приговорен к 17 годам лишения свободы (на голландском языке). URL: <http://www.nu.nl/algemeen/1071756/van-anraat-veroordeeld-tot-zeventien-jaar-cel.html> (последнее посещение — 12 января 2014 г.).

¹¹ Сапронова М. А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 136–137.

¹² См., напр.: UK Parliament formally recognizes Kurdish Genocide in Iraq <<http://www.justice4genocide.com/index.php>> (последнее посещение — 30 декабря 2013 г.).

Библиография:

1. Белый И. Иракский высший уголовный суд: проблемы организации и деятельности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 104–108.
2. Военные преступления / пер. с англ., под ред. Р. Гутмана и Д. Риффа М.: Текст, 2001. 486 с.
3. Геноцид в Иракском Курдистане / пер. с англ., под ред. С.М. Кочои. М.: Профобразование, 2003. 359 с.
4. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. М.: Вектор СП, 1991. 393 с.
5. Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. 2001. № 32. С. 95–97.
6. Найер Арье. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / пер. с англ. М.: Юристь, 2000. 368 с.
7. Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: Ин-т Ближнего Востока, 2006. 196 с.

References (transliteration):

1. Belyi I. Irakskii vysshii ugolovnyi sud: problemy organizatsii i deyatel'nosti // Ugolovnoe pravo. 2006. №3. S. 104–108.
2. Voennye prestupleniya / per. s angl., pod red. R. Gutmena i D. Riffa. M.: Tekst, 2001. 486 s.
3. Genotsid v Irakskom Kurdistane / per. s angl., pod. red. S.M. Kochoi. M.: Profobrazovanie, 2003. 359 s.
4. Koran / per. I.Yu. Krachkovskogo. M.: Vektor SP, 1991. 393 s.
5. Kochoi S.M. Genotsid: ponyatie, otvetstvennost', prakti-ka // Ugolovnoe pravo. 2001. № 32. S. 95–97.
6. Naier Ar'e. Voennye prestupleniya. Genotsid. Terror. Bor'ba za pravosudie / per. s angl. M.: Yurist, 2000. 368 s.
7. Sapronova M.A. Irakskaya Konstitutsiya v proshlom i nastoyashchem (iz istorii konstitutsionnogo razvitiya Iraka). M.: In-t Blizhnego Vostoka, 2006. 196 s.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А.В. Агабаева*

Участие прокурора в судебном следствии при рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей (по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.)**

Аннотация. В статье анализируются положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., регламентирующие права и обязанности прокурора в судебном следствии при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. В ходе исследования затрагиваются некоторые наиболее дискуссионные вопросы, касающиеся прав и обязанностей государственного обвинителя, участвующего в судебном следствии, пределов исследования данных о личности подсудимого в дореволюционном судопроизводстве. Автором рассматривается вопрос соотношения надзорных функций прокурора в судебном заседании со статусом прокурора как стороной в процессе и принципом равноправия сторон в дореволюционном уголовном процессе. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания, а также ряд частнонаучных методов: историко-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа. По результатам исследования делается вывод, что нормы, закрепленные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., предоставляли сторонам достаточно широкие возможности для реализации своих прав в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. В обязанности прокурора, наряду с обвинительной деятельностью, входил и надзор за законностью принимаемых судом решений.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, прокурор, судебное следствие, суд присяжных, права сторон, данные личности подсудимого, исследование доказательств, оглашение обвинительного акта, обвинение, допрос свидетелей.

20 ноября 1864 г. Указом Императора Александра II утвержден Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС), одним из самых значимых положений которого стало введение в систему российского уголовного судопроизводства суда с участием присяжных заседателей.

«В нашем новом процессе, — писал И.Я. Фойницкий, — есть много сходного с английским и особенно французским... но в то же время ни один процессуальный институт Уставов не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них легла печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приноравливаемую к русским нуждам и русским усилиям»¹.

¹ Цит. по: Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М.: Манускрипт, 1992. С. 64.

Суд с участием присяжных заседателей не стал исключением. Вобрав в себя черты английской и французской моделей этой формы судопроизводства, он представлял собой самостоятельный институт со специфическим, присущими только ему особенностями.

Судебное разбирательство, в соответствии с УУС, состояло из нескольких этапов, центральным из которых являлось судебное следствие, включающее в себя «изложение, проверку, а в некоторых случаях и дополнение фактических данных, собранных предварительным следствием»².

Результаты судебного следствия в дореволюционном судопроизводстве, так же как и в современном, имели ключевое значение при вынесении

² Там же. С. 166.

© Агабаева А.В., 2014

* Агабаева Анастасия Владимировна — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ.
[nst.mail@bk.ru]

191104, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

приговора. Поэтому от деятельности государственного обвинителя на данном этапе судебного разбирательства во многом зависел результат рассмотрения судом уголовного дела.

Права, которыми наделялись стороны на этой стадии судебного разбирательства, перечислялись в ст. 630 УУС.

Прокурор в ходе судебного следствия имел право: представлять в подтверждение своих показаний доказательства; отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им с разрешения председателя суда вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передпрошены в присутствии или в отсутствии друг друга; делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, и опровергать доводы и соображения противной стороны.

Согласно ст. 678 УУС, судебное следствие начиналось с зачитывания обвинительного акта. После его оглашения прокурор был вправе устно изложить обвинения, однако, как отмечал И.Я. Фойницкий, этот институт оказался «не удавшимся и лишним благодаря предшествующему прочтению обвинительного акта и дискреционной власти председательствующего»³.

УУС возлагал обязанность оглашения обвинительного акта на секретаря судебного заседания, а судебная практика допускала выполнение этой функции даже председательствующим⁴. Очевидно, что такой порядок не соответствовал принципу состязательности и равноправия сторон, и фактически на суд возлагалась функция обвинения.

Примечательно, что такая практика сохранялась в России на протяжении почти двух столетий. УПК РСФСР 1960 г., действовавший до 2002 г., не указывал на субъект, в обязанности которого входило оглашение обвинительного заключения, и при рассмотрении уголовного дела в обычном порядке судебная практика возлагала эту обязанность на председательствующего. Законодательно обязанность оглашения обвинения непосредственно прокурором впервые была закреплена в 1993 г. в разделе X УПК РСФСР, то есть только применительно к суду с участием присяжных заседателей.

Однако, даже прямо предусмотрев в ч. 1 ст. 446 УПК РСФСР обязанность прокурора по оглашению обвинения, законодатель, как верно отмечает Насонов, «забыл» создать обвинению и защите равные условия, лишив подсудимого и защитника права представить присяжным свою позицию по делу до начала исследования доказательств⁵.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 440.

⁴ См.: Там же. С. 442.

⁵ См.: Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика: науч.-практ. пособие. М.: Р. Валент, 2001. С. 117.

Данный пробел ликвидирован только в УПК РФ, принятом в 2001 г. В соответствии с ч. 1 ст. 335 УПК РФ, судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника. Таким образом, законодатель не только создал условия для обеспечения принципа состязательности сторон с самого начала судебного следствия, но и предоставил государственному обвинителю возможность самостоятельно определять, какие обстоятельства и в каком объеме необходимо изложить во вступительном заявлении.

После оглашения обвинительного акта суд, согласно ст. 679 УУС, выяснял, признает ли подсудимый себя виновным. Если ответ был положительным, то подсудимый допрашивался об обстоятельствах уголовного дела, и если его ответы не подвергались сомнению, то судебное следствие не проводилось, суд переходил к судебным прениям. Вместе с тем ст. 682 УУС закрепляла за судьями, присяжными и прокурором право потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, проведения судебного исследования, и в таком случае суд приступал к рассмотрению и проверке доказательств. Таким образом, в случае возникновения у прокурора сомнений в виновности подсудимого, он обязан был потребовать проведения судебного разбирательства.

Если же подсудимый себя виновным в инкриминируемом ему деянии не признавал, то начиналось судебное следствие, в ходе которого допрашивались потерпевшие, свидетели, подсудимые, исследовались материалы уголовного дела.

По общему правилу, предусмотренному ст. 733 УУС, в судебном заседании могли исследоваться только доказательства, собранные на предварительном следствии. Новые доказательства можно было представлять, только предварительно объявив о них суду, в обязанности которого входила проверка относимости и допустимости этих доказательств. В случае объявления стороной о необходимости предоставления дополнительных доказательств, суд объявлял перерыв с целью обеспечения противоположной стороне возможности подготовиться к их исследованию.

Порядок и способ исследования доказательств УУС не регламентировал, «предоставляя самой практике выработку деталей по конкретным нуждам каждого дела»⁶. Законодательно закреплялся только порядок допроса свидетелей.

Первыми допрашивались потерпевшие как лица, которые «в большей части случаев могли дать наиболее подробные и разъясняющие дело сведения»⁷, затем — свидетели, указанные обвинителем, и, наконец, свидетели, на которых сошелся подсудимый (ст. 700 УУС).

⁶ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 442.

⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства: в 6 т. / под ред. М.Н. Гернета. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. Вып. IV. С. 1151.

Установленный УУС порядок мог быть изменен председательствующим по собственной инициативе или по просьбе сторон. При этом Сенат в своих решениях неоднократно указывал, что распоряжение председательствующего об изменении порядка допроса свидетелей не мотивируется и не подлежит занесению в протокол, а потому и не может служить предметом кассационного обжалования⁸.

Особое внимание в УУС уделялось процедуре допроса свидетелей. Как отмечали дореволюционные юристы, составители УУС «разработали отдел, касающийся допроса свидетелей, с исключительной, неизвестной другим кодексам, подробностью»⁹.

Перед допросом свидетеля, суд устанавливал его личность и отношение к участвующим в деле лицам, после чего спрашивал у сторон, не имеют ли они каких-либо возражений против допущения свидетеля к допросу.

Положения ст. 630 УУС наделяли прокурора правом «отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей».

В соответствии со ст. 703 УУС, председатель суда обязан спрашивать стороны о том, не имеют ли они каких-либо возражений против допущения свидетеля к допросу. Однако в связи с тем, что УУС предусматривал два вида допроса: под присягой и без приведения к присяге, справедливо замечание К.К. Арсеньева о том, что это положение ст. 703 УУС целесообразно было бы дополнить словами: «или к допросу под присягой»¹⁰.

Помимо установленных законом безусловных оснований для недопуска свидетелей к даче показаний под присягой или без нее (ст. 704–706), УУС предусматривал перечень лиц, которые допрашивались без присяги только в случае заявления им отвода какой-либо из сторон (ст. 707, 708). В соответствии со ст. 707 УУС, к таким лицам относились: лишенные по суду всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных; потерпевшее от преступления лицо, хотя бы оно не участвовало в деле, а также муж или жена его, родственники по прямой линии и родные его братья и сестры; другие по боковым линиям родственники как потерпевшего лица, так и подсудимого в третьей и четвертой степенях и родственники обеих сторон в первых двух степенях; состоящие с участвующими в деле лицами в особенных отношениях или по усыновлению, или по опеке, или по управлению одним из них делами другого, а также имеющие тяжбу с кем-либо из участвующих в деле лиц и евреи — по делам бывших их единоверцев, принявших христианскую веру, и раскольники — по делам лиц, обратившихся из раскола в православие.

После установления данных о личности свидетеля и разрешения имеющихся отводов, суд приступал непосредственно к допросу.

Допрос свидетеля начинался с предложения председательствующего рассказать все, что ему известно по делу. Этому требованию закона составителями уставов предавалось особое значение, в связи с тем, что «рассказ свидетеля, состоящий единственно из ответов на данные ему вопросы, не может иметь ни той связи, ни той последовательности, которые необходимы для уразумения его показания»¹¹.

После свободного рассказа свидетеля, право допроса предоставлялось стороне, его вызвавшей (ст. 720 УУС).

В ходе допроса прокурор выяснял те обстоятельства, которые он считал необходимыми для подтверждения виновности подсудимого; мог предложить свидетелю вопросы не только о том, где и при каких обстоятельствах он видел или слышал что-либо, но и почему он не мог это видеть или слышать; предложить свидетелю вторичные вопросы в разъяснение ответов, данных на вопросы противной стороны (ст. 718–721 УУС).

В ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей прокурор был вправе заявлять ходатайства об оглашении письменных материалов дела.

В тексте УУС (ст. 687) прямо было предусмотрено исследование только таких письменных материалов, как протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, а также документов, являющихся вещественными доказательствами и актами предварительного следствия. В этой связи на практике нередко возникали вопросы о возможности оглашения иных документов, находящихся в деле, в том числе данных о личности подсудимого.

Разрешая вопросы исследования данных о личности подсудимого, Сенат указал, что в судебном заседании могут быть оглашены не только акты, прямо указанные в ст. 687 УУС, но и иные документы, содержание которых суду не может быть известно из свидетельских показаний¹². К таким материалам относились и справки о его судимости и иные данные, характеризующие личность подсудимого. Аргументируя свою позицию, Сенат указывал, что присяжные хоть и не принимают участие в назначении подсудимому наказания, однако им предоставлено право объявлять подсудимых заслуживающими снисхождения, в связи с чем «прежняя судимость обвиняемого не может остаться без внимания»¹³. Однако председательствующий обязан был разъяснить присяжным значение оглашенных данных и предостеречь их от «неосторожных заключений по этому предмету»¹⁴.

⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства. С. 1151.

⁹ Там же. С. 1152.

¹⁰ Арсеньев К.К. Судебное следствие: сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. С. 226.

¹¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 442.

¹² См.: Устав уголовного судопроизводства. С. 1114.

¹³ Там же. С. 1121.

¹⁴ Там же. С. 1121.

То есть, в соответствии с толкованием ст. 687 УУС, на судебном следствии прокурор вправе был потребовать оглашения данных о судимостях подсудимого или об обвинении его в иных преступлениях, но при условии обязательного обращения председательствующего к присяжным, в котором он должен был разъяснить значение этих фактов для дела.

Таким образом, УУС и дореволюционная судебная практика предоставляли достаточно широкие возможности для исследования личности подсудимого в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей.

Такое широкое толкование ст. 687 УУС подверглось многочисленной критике со стороны дореволюционных юристов.

А.Ф. Кони, считая, что в суде присяжных личность обвиняемого должна исследоваться «постольку, поскольку она вложилась в факт преступления», подчёркивал, что «суд рассматривает не жизнь обвиняемого вообще, а преступное деяние, он осуждает подсудимого за те стороны его личности, которые выразились в этом деянии, а не жизнь его»¹⁵. Не соглашался со складывающейся судебной практикой, при которой исследованию и оценке подлежали все данные, касающиеся личности подсудимого, и В.К. Случевский, который отмечал, что личность подсудимого должна подлежать исследованию настолько, «насколько она проявилась в известном противозаконном поступке». Вместе с тем ученый признавал невозможность теоретического разграничения подлежащих и подлежащих исследованию сторон личности подсудимого, указывая, что критерием могут служить лишь «индивидуальные обстоятельства каждого дела, а также разумность и добросовестность знакомого с жизнью судьи»¹⁶.

Необходимо отметить, что в некоторой степени положения, высказываемые дореволюционными юристами, реализованы в современном уголовно-процессуальном законе. УПК РФ ограничивает пределы исследования данных о личности подсудимого, устанавливая, что они могут быть исследованы с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. При этом исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого, запрещено (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Однако, даже несмотря на законодательное урегулирование, этот вопрос остается дискуссионным и в настоящее время¹⁷.

¹⁵ Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд., доп. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. С. 735.

¹⁶ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 404.

¹⁷ См.: Ильяхов А.А. Спорные вопросы исследования присяжными заседателями данных о личности подсуди-

мого, потерпевшего и свидетелей: теория и практика // Российский судья. 2011. № 6. С. 29–33.

Еще одним наиболее дискуссионным правом сторон являлось право делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему в суде (ч. 3 ст. 630 УУС).
Разъясняя это положение, Сенат отмечал, что право делать замечания и объяснения относится лишь к конкретному судебному действию и сопоставлять представляемое стороной доказательство с иными доказательствами, делать выводы и давать оценку доказательствам по делу до окончательных судебных прений запрещено¹⁸. Однако такая трактовка прав сторон подверглась критике. Несогласный с ней К.К. Арсеньев писал: «эти решения Сената равносильны совершенному отрицанию права, предоставляемому сторонам п. 2, 3, 4 ст. 630. Позволяя сторонам делать во время судебного следствия замечания по каждому действию, происходящему на суде, Законодатель имел в виду дать им возможность тотчас же, не ожидая судебных прений, обращать внимание присяжных на все то, что каждая сторона в каждом доказательстве считает особенно существенным или особенно спорным»¹⁹.

Помимо наделяния государственного обвинителя совокупностью прав как стороны процесса, УУС предусматривал и реализацию прокурором надзорных функций.

Так, ст. 619 УУС предусматривала, что «все распоряжения, выходящие из пределов предоставленной председателю суда власти, и все постановления по спорам и пререканиям сторон могут исходить только от суда, который в вопросах, относящихся к порядку производства дела, выслушивает предварительно заключение прокурора».

Сенат разъяснил это положение как обязанность прокурора давать заключения только о процессуальных вопросах, не касающихся фактической стороны дела. Область, в которой суду необходимо заключение, совпадает с областью постановлений суда, доступных кассационной проверке, и на заключение прокурора защитник и подсудимый могли подать возражения.

Давать заключение относительно всех распоряжений суда, выходящих из пределов предоставленной председателю суда власти, и всех постановлений по спорам и пререканиям сторон было скорее не правом прокурора, а его обязанностью.

Сенат отмечал, что «в вопросах судопроизводства, закон вменяет в обязанность лицу прокурорского надзора своевременно заявлять суду, в качестве блюстителя законного порядка, свои заключения, а суду — постановлять свои определения по выслушании предварительно этих заключений. Посему... прокурор, действуя в качестве блюстителя закона, исключительно заявляя суду свои заключе-

мого, потерпевшего и свидетелей: теория и практика // Российский судья. 2011. № 6. С. 29–33.

¹⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства. С. 1088.

¹⁹ См.: Там же.

ния по вопросам судопроизводства, когда того потребует сам суд... поступает неправильно не менее суда, постановляющего по сим вопросам определения, не заслушав заключение прокурора»²⁰.

Кроме того, Сенат указывал, что в связи с тем, что своевременное заявление заключений прокурором является его обязанностью, разрешение судом каких-либо вопросов без заключения прокурора не может служить основанием для опротестования приговора.

Такая позиция справедливо критиковалась К.К. Арсеньевым, который утверждал, что «заключение прокурора требуется не в интересах обвинения, а в интересах правосудия», в связи с чем его отсутствие может являться поводом не только для кассационного протеста, но и для кассационной жалобы со стороны подсудимого и гражданского истца²¹.

Особенно ярко такую «двойственность» положения прокурора в процессе иллюстрировал порядок решения вопроса об отводе свидетелей и сведущих лиц.

Как уже упоминалось, ст. 703 УУС обязывала председательствующего выяснять мнения сторон о возможности допроса конкретного свидетеля. То есть прокурор как сторона в процессе был вправе высказать свою точку зрения по этому вопросу. Но в то же время при заявлении соответствующего отвода подсудимым или защитником, суд обязан был заслушать заключение прокурора в порядке, установленном ст. 619 УУС²².

Таким образом, в обязанности прокурора, наряду с обвинительной деятельностью, входил и надзор за законностью принимаемых судом решений.

Подводя итог, необходимо отметить, что УУС предоставлял сторонам достаточно широкие возможности для реализации своих прав в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. Однако в силу сохранения в уголовном судопроизводстве розыскных начал и наделения суда ролью активного участника судопроизводства, принцип состязательности сторон проявлялся не в полной мере.

Прокурор, обладая в судебном следствии равными со стороной защиты правами, наделялся полномочиями и по реализации надзорных функций, что не противоречило принципу равноправия сторон, а лишь создавало условия для дополнительного обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Процессуально-правовой статус прокурора, регламентированный УУС, имеет немало сходств с положением прокурора в современном судопроизводстве с участием присяжных заседателей. Такая схожесть объяснима тем, что при разработке УПК РФ законодателем был учтен дореволюционный опыт функционирования суда присяжных в России, а также, как верно отмечает С.А. Насонов, принадлежностью этих моделей (современного и дореволюционного судебного следствия) к одному типу — смешанному судебному следствию²³.

Библиография:

1. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. 369 с.
2. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М.: Манускрипт, 1992. 149 с.
3. Ильюхов А.А. Спорные вопросы исследования присяжными заседателями данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетелей: теория и практика // Российский судья. 2011. № 6. С. 29–33.
4. Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд., доп. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905. 1096 с.
5. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика: науч.-практ. пособие. М.: Р. Валент, 2001. 192 с.
6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство-судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 684 с.
7. Устав уголовного судопроизводства: в 6 т. / под ред. М.Н. Гернета. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. Вып. IV. 336 с.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / общ. ред. А.В.Смирнова СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 605 с.

References (transliteration):

1. Arsen'ev K.K. Sudebnoe sledstvie. Sbornik prakticheskikh zametok SPb.: Tip. V. Demakova, 1871. 369 s.
2. Bobotov S.V., Chistyakov N.F. Sud prisyazhnykh: istoriya i sovremennost'. M.: Manuscript, 1992. 149 s.
3. Il'yukhov A.A. Spornye voprosy issledovaniya prisyazhnymi zasedatelyami dannykh o lichnosti podsudimogo, poterpvshego i svidetelei: teoriya i praktika // Rossiiskii sud'ya. 2011. № 6. S. 29–33.
4. Koni A.F. Sudebnye rechi. 4-e izd., dop. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1905. 1096 s.
5. Nasonov S.A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: zakonodatel'stvo, teoriya, praktika: nauch.-prakt. posobie. M.: R. Valent, 2001. 192 s.
6. Sluchevskii V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogho protsesssa: Sudoustroistvo-sudoproizvodstvo. 4-e izd., dop. i ispr. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1913. 684 s.
7. Ustav ugolovnogho sudoproizvodstva: sistematičeskii kommentarii / pod red. M.N. Gerneta. M.: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1915. Vyp. IV. 336 s.
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogho sudoproizvodstva / obshch. red. A.V.Smirnova SPb.: Al'fa, 1996. T. 2. 605 s.

²⁰ Арсеньев К.К. Судебное следствие: сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. С. 111.

²¹ См.: Там же.

²² Устав уголовного судопроизводства. С. 1039.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

²³ См.: Насонов С.А. Указ. соч. С. 188.

Г.Я. Борисевич*

Нарушение уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции**

Аннотация. В статье показан предмет судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ. Раскрыты полномочия суда апелляционной инстанции по устранению нарушений УК и УПК РФ. Дана характеристика устранимых нарушений закона. Показана природа нарушений уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимых судом апелляционной инстанции. Проанализирован характер и виды нарушений уголовно-процессуального закона. Выделены фундаментальные (неустранимые) нарушения УПК, а также нарушения, предусмотренные ст. 237 УПК РФ. Дана характеристика неустранимых нарушений УК РФ. Методологическую основу исследования составили комплекс обще- и частнонаучных методов исследования: диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический. Раскрыто содержание нарушений уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, не устранимых судом апелляционной инстанции. Показаны виды неустранимых нарушений уголовно-процессуального закона: фундаментальные, а также нарушения, связанные с выявлением обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Дана характеристика неустранимых нарушений уголовного закона, влекущих отмену обвинительного приговора и направление уголовного дела в суд первой инстанции либо прокурору.

Ключевые слова: суд апелляционной инстанции, Устав уголовного судопроизводства, устранимые нарушения закона, неустраняемые нарушения закона, условные нарушения УПК, неустраняемые нарушения УПК, безусловные нарушения УПК, фундаментальные нарушения УПК, возвращение дела прокурору, неустраняемые нарушения УК.

Суд апелляционной инстанции, в соответствии со ст. 389.9 УПК РФ, проверяет по апелляционным жалобам, представлениям не только законность, но обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. Примечательно, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) были закреплены нормы, регулирующие, в сущности, такой же предмет судебного разбирательства. Согласно ст. 156 УУС, разбирательство дел в мировых съездах производилось «изустно и публично **тем же порядком, как и у мировых судей**, но с соблюдением особых правил, в нижеследующих статьях постановленных». При пересмотре в апелляционном порядке решений общих судебных установлений действовали те же принципы судопроизводства, которые были установлены для окружных судов, с необходимыми дополнениями и изменениями, обусловленными спецификой пересмотра дел (ст. 878—892).

Правовые возможности суда апелляционной инстанции существенно отличаются от полномочий судов кассационной и надзорной инстанций. Они намного шире. Это было характерно и для судебной системы, реформированной в 1864 г.

В случае если допущенное судом нарушение может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, суд устраняет данное нарушение, отменяет приговор, определение, постановление суда первой инстанции и выносит новое судебное решение (ст. 389.23 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления от 27.11.2012 № 26 разъяснил, что, проверяя по апелляционным жалобам и (или) представлению законность, обоснованность и справедливость приговора или иных судебных решений, суд апелляционной инстанции **должен устранить допущенные нарушения** и рассмотреть уголовное дело по существу с вынесением итогового судебного реше-

© Борисевич Г.Я., 2014

* Борисевич Галина Яковлевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

[galinapgniu@mail.ru]

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

ния, за исключением случаев, предусмотренных в ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ¹.

Учитывая полномочия суда апелляционной инстанции, его возможности исправления судебных ошибок, многие нарушения им могут быть восполнены, нейтрализованы. На основе собранных доказательств суд апелляционной инстанции полномочен сделать логические, правильные выводы, учесть обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда, принять во внимание все доказательства, сделать существенно иные выводы, нежели те, к которым пришел суд первой инстанции. При наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, он вправе в приговоре указать, по каким основаниям принял одни из этих доказательств и отверг другие, правильно изложить в приговоре фактические обстоятельства, устранить противоречия, имеющие место во вводной и описательной частях приговора суда первой инстанции, исключить недопустимые доказательства. Суд апелляционной инстанции вправе прекратить уголовное дело по любому основанию, предусмотренному УПК РФ; предоставить возможность подсудимому выступить в прениях сторон и с последним словом, произвести другие действия в пределах его полномочий. Получается, что суд апелляционной инстанции должен устранить несущественные, какие-то существенные, могущие повлиять и реально повлиявшие на исход дела нарушения закона, кроме неустранимых.

УПК РФ не определяет понятия и хотя бы примерного перечня неустранимых судом апелляционной инстанции нарушений уголовно-процессуального и (или) уголовного законов. В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 разъяснено, что приговор, определение или постановление суда отменяется, и уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суде первой инстанции при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ). Неустранимыми в суде апелляционной инстанции следует признавать такие нарушения **фундаментальных основ уголовного судопроизводства**, последствием которых является процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу (например, рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности).

Пленумом Верховного Суда РФ дано разъяснение лишь относительно неустранимых фунда-

ментальных нарушений уголовно-процессуального закона.

Ныне УПК РФ не содержит термина «фундаментальные нарушения закона», **фактически существующего** в практике ЕСПЧ, Постановлениях Конституционного Суда РФ и предусмотренного ст. 391.11 ГПК РФ. Не упоминается он и в недавно принятом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»², в отличие от **проекта** данного документа. Судя по всему, этот термин заменен «неустранимыми нарушениями закона». Представляется, что отказ от использования данного термина в **правоприменительной деятельности** был бы преждевременным. Характеристика неустранимых нарушений уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, анализ их содержания в настоящее время невозможен в отрыве, вне связи с фундаментальными нарушениями закона.

Использование в правоприменительной практике термина «фундаментальные нарушения закона» позволяет отграничивать материально-правовые нарушения от процессуальных; от других существенных нарушений, могущих повлиять, либо повлиявших на исход дела; отличать основания отмены и изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке; применять правила реализации института поворота к худшему.

В связи с этим уместно вспомнить историю возникновения данного термина. Известно, что УПК РФ 2001 г. был введен абсолютный запрет на пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного). Разработчики УПК РФ объясняли введение такого категоричного запрета тем, что, согласно ч. 1 ст. 50 Конституции, никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (*non bis in idem*). Большинство же специалистов в области уголовного судопроизводства решительно возражали против ст. 405, утверждая, что речь идет вовсе не об осуждении дважды за одно и то же преступление, а об исправлении допущенной судебной ошибки, необходимости обеспечения принципа равенства сторон, восстановления законности и справедливости.

Известно, что ст. 405 УПК была признана Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяла тем самым устранить допущенные в предшествующем раз-

¹ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 // Российская газета. 2012. 7 дек.

² Российская газета. 2014. 14 февр.

бирательстве существенные нарушения, ведущие к неправильному разрешению дела³. Такое решение Конституционного Суда было вынесено на основании п. 2 ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁴ В данном международном документе действительно закреплено, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства было допущено имеющее **фундаментальный, принципиальный характер существенное нарушение, повлиявшее на исход дела**. Именно так записано в английском и французском переводах п. 2 ст. 4 Протокола № 7 в редакции Протокола № 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В переводе Конвенции на русский язык текст выглядит следующим образом:

1. Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законодательством этого государства.
2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства **были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела**.

Безусловно, в русском переводе **имелось в виду имеющее фундаментальный, принципиальный характер существенное нарушение, повлиявшее на исход дела**. Тем не менее слово «фундаментальный» прямо не названо.

Конституционный Суд РФ не раскрыл понятие «фундаментальное нарушение, которое повлияло на исход дела», указав лишь его общие черты. В частности, Конституционный Суд указал на то, что **исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл**

приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых интересов осужденных и потерпевших⁵.

Федеральным законом от 14.03.2009 № 39–ФЗ законодатель внес изменения в ст. 405 УПК РФ. Ч. 3 ст. 405 была изложена следующим образом: «К фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда».

Вместе с тем определение фундаментального нарушения уголовно-процессуального закона, закрепленное в ч. 3 ст. 405 УПК РФ, у специалистов в области уголовного судопроизводства оставляло вопросы. «Давая дефиницию “фундаментального нарушения” законодатель явно вышел за пределы определяемого понятия, вкладывая в него неоправданно широкий смысл. В то же время в других аспектах предложенное в ст. 405 УПК определение фундаментального нарушения представляется слишком узким: в ч. 3 ст. 405 УПК упоминаются лишь нарушения уголовно-процессуального закона, тогда как к искажению самой сути правосудия и смысла приговора как акта правосудия может приводить и неправильное применение норм материального права... Кроме того, согласно ч. 1 ст. 405 УПК пересмотр вступивших в законную силу приговора, определения или постановления по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного (оправданного), допускается лишь в тех случаях, когда фундаментальные нарушения были допущены в ходе судебного разбирательства, тогда как очевидно, что такого рода нарушения могут иметь место и в досудебном производстве»⁶.

Судебная практика пошла по такому пути, когда неправильное применение уголовного закона при определенных обстоятельствах также относится к фундаментальным нарушениям.

Далее, согласно тексту ч. 2 ст. 405, следует вывод о том, что фундаментальные нарушения могли быть допущены лишь в ходе судебного разбирательства. Однако это противоречит пози-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5–П «По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в РФ, производственно — технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // Вестник КС. 2005. №4.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5–П.

⁶ Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 8. С. 51.

циям Конституционного Суда РФ, суть которых заключается в том, что в качестве надлежащих оснований к отмене окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции следует относить и **существенные нарушения закона, допущенные в ходе досудебного производства.**

Фундаментальное нарушение уголовно-процессуального закона является безусловным основанием отмены судебного решения. **При этом важно учитывать, что не каждое безусловное существенное нарушение является фундаментальным. Оно должно быть реальным (не формальным), не могло повлиять, а повлияло на исход дела, то есть на выводы суда о виновности подсудимого либо на выводы о совершении им менее тяжкого преступления, чем было предъявлено, либо на выводы о назначении наказания. Нарушение должно быть таким, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия.**

Среди нарушений уголовно-процессуального закона, предусмотренных ч. 2 ст. 381 УПК РФ, влекущих безусловную отмену судебного решения **в порядке надзора**, Т.С. Османов выделил 5 оснований (п. 2, 8, 9, 11)⁷.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 к числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, **влекущих поворот к худшему**, отнесены нарушения, предусмотренные п. 2, 8, 9, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, ст. 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда.

На наш взгляд, перечень фундаментальных (неустранимых) нарушений уголовно-процессуального закона, на основании которых **суд апелляционной инстанции может отменить судебное решение и вернуть уголовное дело в суд первой инстанции, шире.** Он предусмотрен п. 2, 3, 4, 5, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, а также ст. 389.25 УПК РФ. Следует учитывать, что **суд апелляционной инстанции не по каждому уголовному делу может устранить нарушения, предусмотренные п. 3, 4, 5 ч. 2 ст. 389.17.** При определенных обстоятельствах эти безусловные, существенные нарушения УПК могут быть фундаментальными (неустранимыми) и повлекут после отмены су-

дебного решения возвращение уголовного дела в суд первой инстанции. Как справедливо замечают А.В. Кудрявцева и В.П. Смирнов, если уголовное дело в отношении несовершеннолетнего рассмотрено судом первой инстанции без защитника (адвоката), или в отношении лица, не владеющего русским языком, без переводчика, то в таких случаях не только приговор, но и вся деятельность суда первой инстанции по рассмотрению уголовного дела, исследованию доказательств носит изначально явно незаконный характер. При таких обстоятельствах оснований для проверки доказательств в суде апелляционной инстанции в принципе не имеется⁸. Стало быть, в таких случаях уголовное дело подлежит возвращению в суд первой инстанции.

Перечень фундаментальных (неустранимых) нарушений уголовно-процессуального закона, предусмотренный большинством пунктов ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, не является исчерпывающим. Специалисты относят к ним нарушение правил о подследственности, подсудности, непроведение по уголовному делу какой-либо стадии, рассмотрение дела в особом порядке при несоблюдении всех условий, предусмотренных ст. 314–316 УПК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Пермского краевого суда за первое полугодие 2013 г. было отменено 7 обвинительных приговоров с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство по причине нарушения ст. 61, 63 УПК РФ (судья был не вправе рассматривать дело, поскольку ранее выносил приговор в отношении соучастника; в другом случае судья не вправе был выносить приговор по делу, по которому принимал решение о направлении его в порядке ст. 237 УПК РФ; секретарь не вправе была участвовать в рассмотрении уголовного дела, так как находилась в близких родственных отношениях со свидетелем обвинения; подсудимый не был уведомлен о назначении судебного заседания, ему не была вручена копия постановления о назначении судебного заседания, что повлекло нарушение его права на защиту).

К числу неустранимых нарушений уголовно-процессуального закона также следует отнести допущенные судом первой инстанции **нарушения принципа непосредственности исследования доказательств**, для восполнения и нейтрализации которых необходимо рассмотреть уголовное дело заново, по существу, по правилам суда первой инстанции (то есть без изъятий, характерных для апелляционного производства). В связи с этим целесообразно привести следующий пример из практики Пермского краевого суда.

⁷ См.: Османов Т.С. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора // Российский судья. 2010. № 12. С. 28.

⁸ См.: Кудрявцева А.В., Смирнов В.П. Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 28.

«В ходе предварительного расследования и в суде первой инстанции осужденная А. отрицала свою причастность к сбыту 14 и 16 сентября 2012 г. наркотических средств гр-ну К.

В приговоре вывод суда о виновности А. основан в решающей степени на показаниях свидетеля К., который был очевидцем преступлений 14 и 16 сентября 2012 г., поскольку 14 сентября 2012 г. указал о сбыте ему А. наркотических средств, изъятых у него сотрудниками полиции, а 16 сентября 2012 г. участвовал в проводимом в отношении А. оперативно-розыском мероприятии «проворочная закупка» в качестве приобретателя наркотических средств. Как следует из протокола судебного заседания, в ходе судебного следствия государственным обвинителем были заявлены ходатайства об оглашении показаний всех свидетелей, данных ими в ходе предварительного расследования. Удовлетворяя ходатайство государственного обвинителя об оглашении показаний свидетеля К. на основании п. 4 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, суд сослался на невозможность обеспечения явки данного свидетеля в судебное заседание, признав указанное обстоятельство иным чрезвычайным обстоятельством, препятствующим явке в суд. Вместе с тем по смыслу п. 4 ч. 2 ст. 281 УПК РФ под иные чрезвычайные обстоятельства подпадают обстоятельства, аналогичные стихийному бедствию, которые исключают возможность участия лица в судебном разбирательстве. Из материалов дела следует, что судом принимались меры для обеспечения явки свидетеля К., слушание дела откладывалось, был оформлен его привод в судебное заседание. Однако из имеющихся в материалах дела рапортов судебных приставов, а также оперуполномоченных следует, что К. проживает по указанному в постановлении о приводе адресу, но отсутствовал дома на момент осуществления привода. Представленные суду осужденной А. сведения о возможном месте нахождения свидетеля К. остались без внимания суда и проверки. При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что достаточных и разумных мер для обеспечения явки свидетеля К. в суд и обеспечения стороне защиты надлежащей и адекватной возможности допросить и оспорить его показания, принято не было, и, следовательно, не имелось оснований для оглашения данных им в ходе предварительного расследования показаний.

Кроме того, из материалов уголовного дела следует, что в судебном заседании были допрошены лишь свидетели И. и Ш., которые дали показания по преступлениям, совершенным 24 сентября 2012 г. Показания остальных свидетелей (11 из 13), указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению, в том числе тех, на которые суд сослался при оценке показаний свидетеля К., также были судом оглашены в связи с неявкой в судебное заседание.

В этой связи проведенное судебное следствие нельзя признать способным обеспечить справедливое правосудие, поскольку судом были нарушены требования уголовно-процессуального закона, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 240 УПК РФ, согласно которым в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, а оглашение показаний свидетелей, ранее данных при производстве предварительного

расследования или другого судебного разбирательства, возможно лишь в случаях, предусмотренных ст. 281 УПК РФ.

Приговор суда первой инстанции был отменен с направлением дела на новое рассмотрение в тот же суд»⁹.

В практике по поводу приведенной и аналогичных ей ситуаций возникают и, очевидно, в будущем будут возникать вопросы относительно того, должен ли суд апелляционной инстанции сам устранить перечисленные выше нарушения, дабы не затягивать сроки рассмотрения уголовного дела и не порождать волокиту? Мнения по этому поводу ряда судей и прокуроров Пермского края расходятся. При решении этих вопросов следует учитывать, что суд апелляционной инстанции, в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств дела и содержания доводов апелляционной жалобы, представления, должен делать вывод о характере допущенных судом первой инстанции нарушений. В гражданском и арбитражном процессах суд апелляционной инстанции при наличии безусловных оснований для отмены судебного решения **рассматривает дело повторно по правилам производства в суде первой инстанции** (о чем выносит определение), без учета особенностей, предусмотренных главами об апелляционном производстве (ч. 5 ст. 330 ГПК РФ и ч. 6.1 ст. 268 АПК РФ). Очевидно, это вызвано не только стремлением законодателя обеспечить соблюдение разумных сроков рассмотрения гражданских дел и экономических споров, но и рядом других обстоятельств. Методы регулирования правоотношений в соответствии с ГПК, АПК и УПК различаются. В производстве гражданских дел и экономических споров отсутствуют досудебные стадии. ГПК и АПК, в отличие от УПК, предусматривают менее строгие правила доказывания. В судебных заседаниях, главным образом, исследуются письменные доказательства. Согласно существующему законодательству, в некоторых случаях суд апелляционной инстанции в гражданском и арбитражном судопроизводствах все же возвращает дело в суд первой инстанции (если он не исследовал доказательства вообще либо нарушил правила подсудности). В уголовном же процессе суд апелляционной инстанции не подменяет собой суд первой инстанции. Апелляционное производство **является не повторным рассмотрением дела** в суде вышестоящей инстанции, а формой реализации контроля апелляционного суда за законностью отправления правосудия судом первой инстанции. Рассмотрение судом апелляционной инстанции уголовного дела по существу (подменяя суд первой инстанции) лишает стороны права на

⁹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 23.05.2013 № 22-3638.

дальнейшее обжалование судебного решения в апелляционном порядке. К тому же это нарушало бы ст. 47 Конституции и ст. 31 УПК РФ.

Согласно УУС 1864 г., мировой съезд судей обязан был рассмотреть уголовное дело по существу и не возвращать его в суд первой инстанции. Ныне законодатель, надо полагать, не предусмотрел такой обязанности суда апелляционной инстанции по причинам сложности современного досудебного производства, правил доказывания.

Кроме фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона в правоприменительной практике имеет место еще одна группа неустраняемых нарушений, допущенных стороной обвинения. Обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с возвращением уголовного дела прокурору, если при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке будут выявлены обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В практике судов первой инстанции нередко основаниями возвращения дела прокурору являются: отсутствие в протоколах допросов свидетелей их подписей; то, что нередко жертвы преступлений не признаются потерпевшими, гражданскими истцами либо ненадлежащее лицо признается потерпевшим. В обвинительных заключениях допускаются ошибки в сведениях о личности обвиняемого, не излагаются сведения о судимости; неправильно указывается место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия. Не всегда конкретизируется существо обвинения, не указывается сумма ущерба, причиненного преступлением. В некоторых обвинительных заключениях резолютивная часть противоречит описательной; нет изложения краткого содержания доказательств. Обвиняемому не вручен обвинительный акт либо во врученной копии обвинительного заключения не содержится части текста, обвинительное заключение не подписано следователем, отсутствует подпись руководителя следственного органа¹⁰.

Конечно же, ошибки, допущенные по вине следственных органов как неустраняемые препятствия для дальнейшего судебного разбирательства, должны быть обнаружены судом первой инстанции, и уголовное дело возвращено прокурору. Если же суд первой инстанции не выполнил этих действий, то суд апелляционной инстанции обязан вернуть уголовное дело прокурору. В подобных ситуациях **суд не вправе устранять вышперечисленные нарушения.** И это бесспорно. **Обратное противоречило бы природе суда, принци-**

пу состязательности сторон, подмене функций уголовного процесса.

К фундаментальным (неустраняемым) нарушениям также относятся и **существенные нарушения уголовного закона.** Существенное нарушение уголовного закона означает неправильное его применение.

В подтверждение этого вывода достаточно обратиться к ч. 1 ст. 412 УПК РФ, в которой написано: «При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации **проверяет правильность применения норм** уголовно-процессуального и уголовного законов нижестоящими судами, рассматривавшими дело».

Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 Постановления от 28.01.2014 № 2 разъяснил, что существенное нарушение уголовного закона означает неправильное его применение. К существенным (фундаментальным) нарушениям уголовного закона Л.А. Воскобитова относит **наиболее грубые ошибки его применения**¹¹.

В практике судов Пермского края не так уж часты случаи допущения грубых ошибок при толковании и применении норм материального права. Вместе с тем в качестве примера считаем целесообразным привести следующую ситуацию.

«Так, например, Л. 5.02.2009 г. была осуждена Пермским краевым судом за три преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 285 УК РФ к 1 году лишения свободы за каждое, по ч. 2 ст. 290 УК РФ к 4 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе, в органах муниципального самоуправления, в государственных и муниципальных предприятиях и организациях, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года, по п. п. "а", "г" ч. 4 ст. 290 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к 5 годам лишения свободы и штрафу в размере одного миллиона рублей, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ к 7 годам лишения свободы и штрафу в размере один миллион рублей с лишением права занимать должности на государственной службе, в органах муниципального самоуправления, в государственных и муниципальных предприятиях и организациях, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года. В соответствии со ст. 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком 5 лет. Наказание в виде штрафа и лишения права занимать должности на государственной службе, в органах муниципального самоуправления, в государственных и муниципальных предприятиях и организациях, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций постановлено исполнять реально.

¹⁰ См.: Обзор № 3 уголовно-судебной практики управления по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами прокуратуры Пермского края. Пермь, 2012. С. 7, 10–13.

¹¹ См.: Воскобитова Л.А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // LEX RUSSICA. 2012. № 5. С. 988–989.

Постановлением Индустриального районного суда г. Перми от 2 апреля 2012 г. в отношении Л., было отменено условное осуждение и снята судимость по указанному приговору. В кассационном порядке постановление не рассматривалось.

15 июня 2012 г. Президиум Пермского краевого суда отменил постановление Индустриального районного суда г. Перми от 2 апреля 2012 г. об отмене условного осуждения и снятии с Л., судимости. Президиум Пермского краевого суда разъяснил, что «по смыслу ч. 1 ст. 74 УК РФ при наличии у условно осужденного дополнительного вида наказания, которое исполняется реально, вопрос об отмене условного осуждения и снятии судимости может быть разрешен лишь при условии отбытия им дополнительного наказания, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 86 УК РФ досрочное снятие судимости при реальных видах наказаний возможно лишь после отбытия такого наказания. Положения ч. 1 ст. 400 УПК РФ позволяют рассматривать вопрос о снятии судимости только в отношении лица, отбывшего наказание. Свое решение об отмене условного осуждения и снятии с Л., судимости по постановленному в отношении нее приговору суд мотивировал тем, что осужденная Л., не нарушала общественный порядок и условия отбывания наказания. Истекла половина испытательного срока. Л., положительно характеризуется по месту работы и в быту. Вместе с тем в нарушение положений приведенного закона, суд не учел, что назначенное Л. дополнительное наказание в виде штрафа в размере одного миллиона рублей является реальным и на момент рассмотрения представления ею не отбыто. На основании справки отдела судебных приставов по Пермскому району УФССП по Пермскому краю от 15 декабря 2011 г. по исполнительному производству № 7669/09/34/59 у Л., имеется задолженность по исполнительному листу в размере 952 960 рублей 67 копеек.

В связи с чем правовых оснований для отмены условного осуждения и снятия судимости у суда не имелось.

При указанных обстоятельствах обжалуемое постановление суда об освобождении осужденной от наказания по непредусмотренному законом основанию, повлекшему нарушение принципа неотвратимости наказания, не может быть признано законным и обоснованным. Оно подлежит отмене, а материал — направлению на новое судебное рассмотрение.

В данном случае положения ч. 1 ст. 405 УПК РФ не применимы, поскольку по данному материалу судебного производства допущены существенные нарушения, которые несовместимы с принципами уголовного права и искажают суть правосудия»¹².

А.В. Смирнов полагает, что нарушением уголовного закона, неустранимым в суде апелляционной инстанции, может быть «заниженная» квалификация преступления органами

предварительного расследования и судом первой инстанции, которая требует применения закона о более тяжком преступлении, обвинение в котором на предварительном расследовании подсудимому никогда не предъявлялось¹³. Действительно, в судебной практике Пермского края и ряде других субъектов РФ имели место случаи возвращения уголовных дел прокурору и в том случае, когда следователем преступным действиям обвиняемого была дана ошибочно заниженная квалификация, не соответствующая собранному в ходе расследования доказательствам. Такая практика отвечает требованиям законности, справедливости, обеспечения прав и законных интересов потерпевшего и согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 02.07.2013 № 16-П¹⁴. Конституционный Суд данным Постановлением признал положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 10, 17 (ч. 1), 19 (ч. 1 и 2), 21 (ч. 1), 45, 46 (ч. 1 и 2), 55 (ч. 3), 118 (ч. 1 и 2) и 120 (ч. 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, исключают в судебном разбирательстве возможные изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. В таких случаях уголовное дело по ходатайству стороны, либо инициативе суда должно быть возвращено прокурору.

Если суд апелляционной инстанции, отменяя приговор или иное решение суда первой инстанции, передает дело на новое судебное разбирательство либо возвращает уголовное дело прокурору, **он обязан указать причины, по которым им не может быть устранено допущенное нарушение.**

¹² Постановление Президиума Пермского краевого суда от 15.06.2012 по делу № 44у-207.

¹³ Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений: апелляция // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Российская газета. 2013. 12 июля.

Библиография:

1. Воскобитова Л.А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // LEX RUSSICA. 2012. № 5. С. 988–989.
2. Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 8. С. 49–52.
3. Кудрявцева А.В., Смирнов В. П. Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 23–31.
4. Османов Т.С. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора // Российский судья. 2010. № 12. С. 12–26.

References (transliteration):

1. Voskobitova L.A. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya prigovora v apellyatsionnoi instantsii // LEX RUSSICA. 2012. № 5. S. 988–989.
2. Dikarev I.S. Ponyatie «fundamental'noe narushenie» v ugovnom protsesse // Rossiiskii sud'ya. 2009. № 8. S. 49–52.
3. Kudryavtseva, A. V., Smirnov, B. P. Resheniya, prinimaemye sudom apellyatsionnoi instantsii // Ugolovnyi protsess. 2013. № 7. S. 23–31.
4. Osmanov T.S. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya sudebnykh reshenii po ugovnym delam v poryadke nadzora // Rossiiskii sud'ya. 2010. № 12. S. 12–26.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

Правовое значение возраста субъекта преступления при назначении наказания

Аннотация. Рассмотрено правовое значение возраста субъекта преступления при назначении наказания. Исследовано, в каких случаях возраст субъекта преступления является обстоятельством, которое исключает возможность применения определенных наказаний. Проведен анализ проблем назначения наказания несовершеннолетним и лицам пенсионного возраста, которые возникают на практике, и предложены пути их решения. Проанализирован несовершеннолетний, молодой и преклонный возраст субъекта преступления как обстоятельств, которые смягчают наказание. Раскрыто содержание понятий молодой и преклонный возраст субъекта преступления как обстоятельств, которые смягчают наказание. Методологической основой научной статьи являются такие научные методы познания, как анализ и синтез, дедукция и индукция, системность, обобщение и опрос. Приводятся аргументы о необходимости существования в УК Украины в перечне смягчающих наказание обстоятельств такого обстоятельства, как несовершеннолетний возраст субъекта преступления. Поддерживается позиция тех ученых, которые предлагают дифференцировано подходить к практическому учету возраста субъекта преступления, в частности несовершеннолетнего возраста, как обстоятельств, которые смягчают наказание.

Ключевые слова: возраст, субъект преступления, преступление, наказание, назначение наказания, обстоятельства, смягчающие наказание, несовершеннолетний возраст, молодой возраст, пенсионный возраст, преклонный возраст.

Назначение наказания — это завершающий этап процесса избрания судом при вынесении обвинительного приговора конкретного вида, меры уголовно-правового влияния на субъекта преступления. Избрание судом меры наказания является трудоемкой оценочной деятельностью, которая нуждается в высокой квалификации и большом опыте работы. Назначая субъекту преступления наказание, суд обязательно должен учитывать его возраст. От того, учтен ли возраст субъекта преступления при назначении наказания, зависит достижение цели наказания.

Правовое значение возраста субъекта преступления при назначении наказания в криминально-правовой литературе ни одним автором не анализировалось комплексно. В некоторых криминально-правовых исследованиях фрагментарно освещаются отдельные вопросы, которые связаны с возрастом субъекта преступления при назначении наказания. Так, В.В. Антипов и В.И. Антипов акцентировали внимание на значении возраста субъекта преступления, исследуя обстоятельства, которые исключают возможность применения определенных видов наказаний, В.Н. Бурдин — особенности назначения наказания несовершеннолетним, Л.А. Долиненко,

М.И. Качан, О.А. Мясников, Т.И. Никифорова, П.П. Серков — обстоятельства, которые смягчают наказание. Тем не менее множество вопросов остаются дискуссионными, нерешенными и нуждающимися в в дальнейшем научном исследовании. Поэтому целью этой статьи является анализ влияния возраста субъекта преступления на назначение наказания и решение на теоретическом уровне проблемных вопросов, которые связаны с возрастом субъекта преступления и имеют значение при назначении наказания.

В Уголовном кодексе Украины (далее — УК Украины) установлены две системы наказаний: одна для лиц, которым к моменту совершения преступления исполнилось 18 лет (ст. 51 УК Украины), а другая — для несовершеннолетних (ст. 98 УК Украины). В. В. Антипов и В. И. Антипов в свое время пришли к выводу о том, что УК Украины содержит 15 норм, которые исключают применение 10 видов наказаний относительно 30 разных субъектов при наличии определенных обстоятельств¹. Одним из обстоятельств, которое исключает возможность применения определен-

¹ См.: Антипов В.В., Антипов В.И. Обставини, які виключають застосування кримінального покарання. Київ: Атіка, 2004. С. 37.

© Вовк М.З., 2014

* Вовк Мария Зиновиевна — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел.

{mvovk@bk.ru}

79007, Украина, г. Львов, ул. Городецка, д. 26.

ных видов наказаний, выступает возраст субъекта преступления, а именно несовершеннолетний и пенсионный возраст субъекта преступления, а также совершение преступления лицом в возрасте свыше 65 лет.

На основании анализа норм Раздела XV Общей части УК Украины можно сделать вывод, что к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет не применяются такие виды наказаний, как лишение военного, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса, служебные ограничения для военнослужащих, конфискация имущества, ограничения воли, содержания в дисциплинарном батальоне, пожизненное лишение свободы. К несовершеннолетним в возрасте до 16 лет применяются два вида наказаний: штраф и лишение свободы на определенный срок (все другие виды наказаний не применяются).

Достижение субъектом преступления пенсионного возраста исключает возможность применения следующих видов наказаний: общественных работ (ч. 3 ст. 56 УК Украины), исправительных работ (ч. 2 ст. 57 УК Украины) и ограничения свободы (ч. 3 ст. 61 УК Украины). В соответствии со ст. 26 Закона Украины от 09.07.2003 «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании», пенсионный возраст составляет 60 лет для мужчин, а что касается женщин, то с 1 октября 2011 г. происходит постепенное его повышение с 55 лет до 60 лет².

Однако в судебной практике имеются случаи, когда лицам, которые достигли пенсионного возраста, назначаются вышеуказанные виды наказаний³.

Некоторые категории лиц, по закону Украины от 05.11.1991 «О пенсионном обеспечении», имеют право на пенсию по возрасту на льготных условиях, то есть после достижения иного меньшего возраста⁴. По мнению В.В. Антипова и В.И. Антипова, на лиц, для которых установлен льготный пенсионный возраст, распространяются нормы УК Украины, которые исключают применение определенных видов наказания к лицам, которые достигли пенсионного возраста⁵. С этим нужно согласиться. В то же время необходимо отметить, что лицо может выразить желание работать после достижения льготного пенсионного возраста и получать пенсию в более позднем возрасте, то есть оно не будет обращаться в соответствующие органы для назначения ему пенсии. Но

это не может и не должно быть препятствием для учета пенсионного возраста и таким образом ухудшения положения лица.

Отдельные категории лиц имеют право на пенсию за выслугу лет. Однако следует согласиться с В.В. Антиповым и В.И. Антиповым, что наличие у осужденного лица права на пенсию за выслугу лет не является основанием, которое исключает применение к нему исправительных работ, общественных работ или ограничения свободы. Право на получение пенсии за выслугу лет, как правило, связано со стажем работы и возникает независимо от возраста соответствующих лиц. УК Украины предусматривает, что соответствующие виды наказаний не применяются к лицам, которые достигли пенсионного возраста, а не пенсионного стажа⁶.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 65 УК Украины, суд назначает наказание в пределах, установленных в санкции статьи (санкции части статьи) Особенной части УК Украины, которая предусматривает ответственность за совершенное преступление, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 53 УК Украины. Однако на практике при назначении наказания несовершеннолетнему или лицу пенсионного возраста суды сталкиваются с рядом проблем, которые предопределены конструкцией санкций статей Особенной части УК Украины. Во-первых, в отдельных санкциях статей Особенной части УК Украины отсутствуют те наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетнему или лицу пенсионного возраста (например, ч. 1 ст. 296 УК Украины — в случае отсутствия у несовершеннолетнего от 14 до 16 лет самостоятельного дохода или имущества, на которое может быть обращено взыскание; ст. 128 УК Украины). Во-вторых, при наличии альтернативных видов наказаний, отмеченных в соответствующей санкции статьи Особенной части УК Украины, несовершеннолетнему или лицу пенсионного возраста может быть назначен лишь наиболее суровый вид наказания, поскольку другие виды наказаний, которые предусмотрены в ней, не могут быть назначены соответствующей категории лиц (например, ст. 116, ст. 123 УК Украины).

Пленум Верховного Суда Украины в п. 8 постановления от 24.10.2003 № 7 «О практике назначения судами уголовного наказания» относительно лиц пенсионного возраста рекомендует два варианта решения соответствующих проблем: закрыть дело и освободить лицо от уголовной ответственности или постановить обвинительный приговор и освободить осужденного от наказания. Относительно несовершеннолетних в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Украины № 5 от 16.04.2004 «О практике применения судами Украины законодательства в делах о преступлениях несовершеннолетних» отмечается:

² Закон України від 9 липня 2003 р. № 1058-IV «Про загальнообов'язкове державне пенсійне страхування» // Відомості Верховної Ради України. 2003. № 49–51. Ст. 376.

³ URL: <http://pravoscope.com/act-uxvala-sudu-5-344km11-glos-l-f-12-04-2011-ne-viznachenno-s> (последнее посещение — 22 января 2014 г.).

⁴ Закон України від 5 листопада 1991 р. № 1788-XII «Про пенсійне забезпечення» // Відомості Верховної Ради України. 1992. № 3. Ст. 10.

⁵ См.: Антипов В.В., Антипов В.И. Указ. соч. С. 67.

⁶ См.: Там же. С. 67–68.

«Если санкцией закона, по которым осуждается несовершеннолетний, предусмотрены лишь такие виды наказаний, которые, учитывая возраст подсудимого или его состояние, не могут к нему применяться, суд освобождает его от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера или, в соответствии со ст. 7 УПК, закрывает дело и освобождает его от уголовной ответственности, или постановляет обвинительный приговор и освобождает осужденного от наказания». Однако согласимся с В.В. Полтавец, что, исходя из особенностей совершенного преступления и виновного лица, не всегда такое решение данной проблемы является правильным. Не во всех случаях решает эту проблему и применение ст. 69 УК Украины, поскольку, исходя из содержания ее норм, назначение наказания в соответствии со ст. 69 УК Украины должно иметь место лишь в исключительных случаях при наличии в конкретном деле определенных условий⁷.

По мнению И. Гринихи, проблемы назначения наказания несовершеннолетним и лицам пенсионного возраста, которые возникают на практике, можно решить путем реформирования системы наказаний, которые применяются к несовершеннолетним, и совершенствования конструкции санкций ряда статей Особенной части УК Украины⁸. С таким предложением можно согласиться, но лишь частично. Если при конструировании санкций статей Особенной части УК Украины учитывать те наказания, которые применяются к несовершеннолетним, то это может привести к другой проблеме. В частности, суды смогут обоснованно назначать менее суровые виды наказаний взрослым субъектам преступления.

Заслуживает поддержки предложение В.И. Тютюгина, что избежать соответствующих проблем на практике можно путем дополнения ст. 103 УК Украины положением, которое позволит суду назначить несовершеннолетнему наказание более мягкое, чем предусмотрено санкцией, в случаях, если закрепленные в санкции виды наказания не могут быть назначены несовершеннолетнему или может быть назначен лишь один наиболее суровый вид наказания из тех нескольких, которые альтернативно ею предусмотрены⁹.

Предложение этого автора поддерживают и другие ученые¹⁰. Кроме того, следует согласиться из В.В. Полтавец о целесообразности расширения сферы применения таких видов наказания, как «общественные и исправительные работы, благодаря включению в круг лиц, к которым могут применяться эти виды наказания, также и лиц, которым исполнилось 14 лет»¹¹. Однако такого рода предложения направлены на решение соответствующих проблем лишь относительно несовершеннолетних. Поэтому считаем, что в УК Украины можно закрепить норму, которая бы позволила суду назначать наказание в виде общественных или исправительных работ лицам пенсионного возраста, которые продолжают работать, в случаях, если закрепленные в санкции виды наказания не могут быть назначены таким лицам или может быть назначен лишь один наиболее суровый вид наказания из тех нескольких, которые альтернативно ею предусмотрены. Ведь после достижения пенсионного возраста продолжают работать 1,3 млн лиц (состояние на 01.10.2011 г.)¹².

Обстоятельством, которое исключает возможность применения пожизненного лишения свободы, в соответствии с ч. 2 ст. 64 УК Украины, выступает совершение лицом преступления в возрасте до 18 лет и в возрасте свыше 65 лет. Большинство научных работников считают правильной такую регламентацию этого вопроса¹³.

В то же время В.В. Антипов и В.И. Антипов выражают другую точку зрения. Ученые отмечают, что из содержания ч. 2 ст. 64 УК Украины следует, что «пожизненное лишение свободы не применяется как к лицам, которые совершили преступление в возрасте свыше 65 лет, так и к лицам, которым исполнилось свыше 65 лет на момент постановления приговора»¹⁴. С такой позицией трудно согласиться. Норма, которая закреплена в ч. 2 ст. 64 УК Украины, выражена предложением с однородными членами, которые между собой соединены сочинительным союзом «а также». Словосочетание «на момент постановления приговора» содержится во втором однородном члене

⁷ См.: Полтавец В.В. Загальні засади призначення покарання та їх кримінально-правове значення: дис. ... канд. юрид. наук. Луганськ, 2005. С. 76.

⁸ См.: Гриниха І. Окремі проблеми призначення покарань неповнолітнім за Кримінальним кодексом України // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні: Матеріали XI регіональної науково-практичної конференції (Львів, 3–4 лютого 2005 р.). Львів: Юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2005. С. 317–319.

⁹ См.: Тютюгин В.И. Некоторые вопросы реализации норм об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Питання боротьби зі злочинністю. 2004. № 8. С. 47–50.

¹⁰ См.: Музика А.А., Горюх О.П. Покарання та його застосування за злочини проти здоров'я населення. Київ: Паливода А.В., 2012. С. 39–40.

¹¹ Полтавец В.В. Загальні засади призначення покарання та їх кримінально-правове значення. С. 78.

¹² См.: Право на пенсію та його реалізація за сучасним законодавством України: Довідник / Н.М. Хуторян, М.М. Шумило, Я.В. Сімутіна, М.П. Стадник [та ін.]. Київ: Юридична думка, 2012. С. 9.

¹³ См.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: у 2 т. / за заг. ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.В. Фесенка. 3-те вид., перероб. та доп. Київ: Алерта; КНТ; Центр учбової літератури, 2009. Т. 1. С. 174; Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. 5-те вид., переробл., та доповн. / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. Київ: Юридична думка, 2008. С. 155.

¹⁴ Антипов В.В., Антипов В.И. Указ. соч. С. 87.

предложения и касается женщин, которые были в состоянии беременности. В первом однородном члене предложения, где есть указание «на лиц в возрасте свыше 65 лет», отсутствует словосочетание «на момент постановления приговора».

Возраст субъекта преступления является характеристикой обстоятельства, которое смягчает наказание, предусмотренной п. 3 ч. 1 ст. 66 УК Украины, то есть совершение преступления несовершеннолетним.

В уголовно-правовой литературе неоднозначно решается вопрос о том, всегда ли суд должен учитывать при назначении наказания несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание. П.П. Серков считает, что несовершеннолетние иногда осознают, что суд обязан учесть обстоятельство о недостижении ими совершеннолетия, которое смягчает наказание. Кроме того, это обстоятельство они могут использовать в целях облегчения участия других лиц (однако этого может и не быть). Поэтому ученый предлагает предоставить возможность судебным органам не учитывать несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание, в случаях совершения преступлений, ответственность за которых наступает с 14-летнего возраста, то есть тех, характер и опасность которых указанные лица осознают в большей мере¹⁵. Однако, по нашему мнению, такое предложение может вызвать некоторые трудности на практике, поскольку судам трудно будет установить, на самом ли деле несовершеннолетний, совершая преступление, осознавал меньшую меру уголовного наказания, выполнял наиболее опасные деяния с целью облегчить участь других соучастников. Мы считаем, что обстоятельства, которые смягчают наказание, в том числе и совершение преступления несовершеннолетним, должны учитываться судом независимо от субъективного осознания их субъектом преступления.

А.И. Игнатов считает, что несовершеннолетие не должно признаваться смягчающим обстоятельством в случае совершения тяжелого преступления¹⁶.

Однако следует согласиться с большинством ученых, что несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание, не должен обуславливаться тяжестью совершения преступления¹⁷. По на-

шему мнению, следует исходить из того, что тяжесть совершенного преступления как объективный признак состава преступления не может обуславливать субъективный признак состава преступления, в частности возраст субъекта преступления. Кроме того, позиция А.И. Игнатова прямо противоречит закону, ведь УК Украины не ставит учет обстоятельств, которые смягчают наказание, в зависимости от тяжести совершенного преступления. Если проанализировать УК Украины, то можно увидеть следующее. Относительно обстоятельств, которые отягощают наказание, в ч. 2 ст. 67 УК Украины содержится прямое указание о том, что суд имеет право, в зависимости от характера совершенного преступления, не признавать любое из отмеченных в ч. 1 этой статьи обстоятельств, за исключением обстоятельств, отмеченных в п. 2, 6, 7, 9, 10, 12, таким, которое отягощает наказание, мотивируя свое решение в приговоре. Относительно обстоятельств, которые смягчают наказание, в ст. 66 УК Украины такого указания нет. Поэтому суд не может не учитывать несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание. Кроме того, Пленум Верховного Суда Украины в абз. 2 п. 5 постановления № 5 от 16.04.2004 «О практике применения судами Украины законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних» отмечает, что «несовершеннолетний возраст лица, которое совершило преступление, согласно п. 3 ч. 1 ст. 66 УК является обстоятельством, которое смягчает наказание. Оно обязательно должно учитываться при назначении наказания — независимо от того, достиг ли подсудимый на время рассмотрения дела совершеннолетия».

Таким образом, при назначении наказания суд обязан учитывать несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание, и не может игнорировать его.

Некоторые ученые подвергают сомнению существование в УК нормы об учете при совершении преступления несовершеннолетия как смягчающего наказания обстоятельства. Так, М.И. Качан отмечает, что совершение преступления несовершеннолетним «не должно учитываться как обстоятельство, которое смягчает наказание, в пределах ст. 61 УК РФ, поскольку законодатель, исходя из принципа гуманизма, уже учел его при конструировании гл. 14 УК РФ, устанавливая максимальные пределы наказаний, которые назначаются несовершеннолетним и которые существенно отли-

¹⁵ См.: Серков П.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 34–35.

¹⁶ См.: Игнатов А.И. Ответственность за преступления против нравственности. М.: Юрид. лит., 1966. С. 198.

¹⁷ См.: Бурдін В.М. Особливості кримінальної відповідальності неповнолітніх в Україні. Київ: Атіка, 2004. С. 140; Долиненко Л.А. Смягчающие ответственность обстоятельства по действующему уголовному законодательству

и в судебной практике. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. С. 48; Качан М.И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 92; Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 54.

чаются от максимальных пределов наказаний, которые назначаются в общем порядке. Назначение наказания несовершеннолетнему в порядке гл. 14 УК РФ и ст. 61 УК РФ образует повторный учет одного и того же обстоятельства, которое нарушает правило о недопустимости двойного учета¹⁸. В связи с этим ученый предлагает исключить это обстоятельство из УК.

Т.И. Никифорова предлагает совершение преступления несовершеннолетним «исключить из перечня обстоятельств, которые смягчают наказание, а при назначении наказания учитывать особенности психического и физического развития несовершеннолетнего во время совершения им преступления и на момент рассмотрения дела в суде в рамках характеристики лица виновного»¹⁹.

Мы не согласны с этой позицией. Принцип недопустимости двойного учета, в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК Украины, заключается в том, что обстоятельство, которое смягчает наказание должно быть предусмотрено в статье Особенной части УК Украины как признак преступления, которое влияет на его квалификацию. Нормы Раздела XV УК Украины «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» содержатся в Общей части УК Украины. Кроме того, исключение совершения преступления несовершеннолетним из перечня обстоятельств, которые смягчают наказание, не решит проблему. Если этого обстоятельства не будет в перечне обстоятельств, которые смягчают наказание, то суд сможет учитывать несовершеннолетний возраст субъекта преступления как таковой, что смягчает наказание на основании ч. 2 ст. 66 УК Украины.

Следует отметить также, что в содержание понятия «несовершеннолетний возраст субъекта преступления», по нашему мнению, должны входить признаки, которые характеризуют хронологический (календарный) возраст человека. Особенности психического и физического развития несовершеннолетнего — это признаки, которые характеризуют психологический возраст человека и не охватываются понятием «несовершеннолетний возраст субъекта преступления». Поэтому при таких условиях совершение преступления несовершеннолетним может существовать как обстоятельство, которое смягчает наказание, а особенности психического и физического развития несовершеннолетнего учитываются в рамках характеристики виновного лица.

В ч. 3 ст. 66 УК Украины хотя и предусмотрено положение о недопустимости двойного учета смягчающих обстоятельств, когда они предусмотрены в статье Особенной части, однако не указано, как

быть, когда обстоятельство уже учтено в нормах Общей части. Следует согласиться с В.Н. Бурдиным, что «в связи с этим кажется целесообразным дополнить ст. 66 УК положением о том, что когда смягчающие обстоятельства учтены в нормах не только Особенной, но и Общей части УК, они не должны повторно учитываться при решении вопросов уголовной ответственности. Таким образом, несовершеннолетие преступника будет учитываться как обстоятельство, которое смягчает ответственность во всех тех случаях, когда для несовершеннолетних не предусмотрено льготных норм»²⁰.

В уголовно-правовой литературе неоднозначно решается вопрос о том, нужно ли дифференцировано подходить к практическому учету несовершеннолетнего возраста как обстоятельству, которое смягчает наказание. Предложения научных работников по решению этого вопроса можно объединить в две группы.

Представители первой группы считают, что не нужно дифференцировано подходить к практическому учету несовершеннолетнего возраста как обстоятельству, которое смягчает наказание. В частности, В.Н. Бурдин отмечает, что «нет потребности в создании отдельной нормы, которой предусматривался бы учет возраста от 14 до 16 лет как обстоятельства, которое особенно смягчает уголовную ответственность несовершеннолетних. Ведь не всегда лицо в 14 лет будет составлять меньшую общественную опасность, чем лицо в 17 лет. Решение этого вопроса полностью возможно в пределах норм об индивидуализации уголовной ответственности и наказания»²¹.

Представители второй группы предлагают внести в УК соответствующую норму, которая даст возможность учитывать как обстоятельство, которое смягчает наказание, не просто совершение преступления несовершеннолетним, а конкретный возраст несовершеннолетнего субъекта преступления. Особенно обращается внимание на необходимость снижения наказания несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет. По мнению П.П. Серкова, «при назначении наказания несовершеннолетним суды должны учитывать это обстоятельство не как писаную абстракцию. В каждом конкретном случае необходимо дифференцировано подходить к решению вопроса, в зависимости от особенностей возрастных категорий несовершеннолетних (подросток это или юноша)»²². Л.А. Долиненко считает, что «совершение преступления несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет необходимо учитывать как особенно смягчающее ответственность обстоятельство. Такое указание в самом законе было бы гарантией осуществления на практике дифференцированного подхода к несовершеннолетним при

¹⁸ Качан М.И. Указ. соч. С. 93–94.

¹⁹ Нікіфорова Т.І. Обставини, які пом'якшують покарання, за кримінальним правом України. Харків: Харків юридичний, 2009. С. 57–60.

²⁰ Бурдін В.М. Указ. соч. С. 141–142.

²¹ Там же. С. 142–143.

²² Серков П.П. Указ. соч. С. 34–35.

индивидуализации уголовной ответственности и наказания с учетом возрастных особенностей каждой группы»²³. М.М. Бабаев отмечает, что «правильно совершают те следователи и судебные органы, которые рассматривают совершение преступления лицом, которому еще не исполнилось 16 лет, как особенное, качественно своеобразное смягчающее обстоятельство. В этих случаях приговоры подчеркивают, что в учет берется не просто несовершеннолетие, а конкретный возраст подсудимого: 14 или 15 лет. Такой подход даст возможность исследованию более правильно решать вопрос о виде ответственности для виновного, а суду — более точно индивидуализировать наказание подростку»²⁴.

Следует отметить, что в УК Украины законодателем дифференцированы сроки и виды наказаний, которые могут назначаться несовершеннолетним. Поэтому предложение представителей второй группы относительно дифференцированного подхода к практическому учету несовершеннолетнего возраста как обстоятельства, которое смягчает наказание, имеет смысл.

Как уже отмечалось, в соответствии с ч. 2 ст. 66 УК Украины, при назначении наказания суд может признать смягчающими и другие обстоятельства, не отмеченные в ч. 1 ст. 66 УК Украины. Анализ судебной практики показывает, что при назначении наказания суды учитывают как смягчающее обстоятельство, в частности, молодой или преклонный возраст субъекта преступления.

Вопрос о том, могут ли молодой или преклонный возраст субъекта преступления выступать обстоятельством, которое смягчает наказание, в теоретических разработках решается по-разному. Большинство научных работников лишь констатируют, что молодой или преклонный возраст субъекта преступления учитываются судами как обстоятельства, которые смягчают наказание, при этом не выражают своего отношения к этому²⁵.

Другое мнение относительно этого вопроса выражает Т.И. Никифорова. Она считает, что поскольку возраст лица есть его неотъемлемое свойство, то молодой или преклонный возраст субъекта преступления может быть учтен при назначении наказания лишь в рамках характеристики виновного лица, а не как обстоятельство, которое смягчает наказание²⁶.

В ходе данного научного исследования было опрошено 109 работников прокуратуры (70 %) и

суда (30 %). В результате 63,3 % работников прокуратуры и суда считают, что молодой или преклонный возраст субъекта преступления должны учитываться как обстоятельства, которые характеризуют лицо виновного, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 65 УК Украины, 33,1 % — как обстоятельство, которое смягчает наказание на основании ч. 2 ст. 66 УК Украины, 0,9 % — в зависимости от преступления или как обстоятельство, которое характеризует лицо виновного, или как обстоятельство, которое смягчает наказание, 0,9 % — должен учитываться только преклонный возраст, однако, не указано, каким именно образом, по мнению 0,9 % — не должны учитываться и 0,9 % — воздержались от ответа на этот вопрос.

Конечно, обе точки зрения относительно учета при назначении наказания молодого или преклонного возраста субъекта преступления имеют право на существование. Так, из-за многогранности природы лица виновного невозможно в законодательстве в полном объеме конкретизировать все обстоятельства, которые его характеризуют. В Постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 24.10.2004 № 7 «О практике назначения судами уголовного наказания» приведен приблизительный перечень таких обстоятельств. К ним отнесен и возраст лица виновного. Этим перечень предусмотренных в ст. 66 УК Украины обстоятельств, которые смягчают наказание, не исчерпывается. Поэтому отдельные обстоятельства, которые характеризуют лицо виновного, в частности, молодой или преклонный возраст субъекта преступления, при назначении наказания могут быть учтены как смягчающиеся обстоятельства. По нашему мнению, решение вопроса об учете при назначении наказания молодого или преклонного возраста субъекта преступления следует оставить на усмотрение суда. Ведь судебное усмотрение является явлением объективным, predetermined кругом решений, которые выносятся по делу, поскольку отечественной традиции правоприменения больше присущ дискреционный метод, чем формальный²⁷. В связи с этим важно раскрыть содержание понятий «молодой возраст субъекта преступления» и «преклонный возраст субъекта преступления».

В Законе Украины от 05.02.1993 «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине» имеется определение молодых граждан. В соответствии со ст. 1 данного Закона, молодые граждане — это граждане в возрасте от 14 до 35 лет²⁸. В п. 1 Порядка предоставления целевых льготных государственных кредитов для получе-

²³ Долиненко Л. А. Указ. соч. С. 50–51.

²⁴ Бабаев М.М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1968. С. 26–27.

²⁵ См.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. С. 161; Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. О.М. Омельчука. Київ: Алерта; КНТ; Центр учбової літератури, 2010. С. 121; Серков П.П. Указ. соч. С. 35.

²⁶ См.: Нікіфорова Т. І. Указ. соч. С. 155.

²⁷ Макаренко А.С. Загальні засади призначення покарання та суддівський розсуд // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2011. № 945. Серія: Право. 2011. С. 338.

²⁸ Закон України від 5 лютого 1993 р. № 2998-ХІІ «Про сприяння соціальному становленню та розвитку молоді в Україні» // Відомості Верховної Ради України. 1993. № 16. Ст. 167.

ния высшего образования, утвержденного Постановлением КМУ от 16.06.2003 № 916, под молодыми гражданами Украины, которые могут получить целевой льготный государственный кредит для получения высшего образования дневной, вечерней и заочной формы учебы в высших учебных заведениях, независимо от формы собственности, понимаются граждане Украины в возрасте до 28 лет, которые успешно сдали вступительные экзамены или учатся на любом курсе высшего учебного заведения. Ст. 1 Закона Украины от 13.12.1991 «О научной и научно-технической деятельности» содержит определение молодого ученого — это ученый в возрасте до 35 лет²⁹.

Исходя из вышеприведенных положений соответствующих нормативно-правовых актов, под субъектом преступления, которое достигло молодого возраста, нужно было бы понимать лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось 14 лет. Однако нужно помнить, что с 14 до 18 лет субъект преступления считается несовершеннолетним. Несовершеннолетний возраст субъекта преступления как обстоятельство, которое смягчает наказание, закреплен в п. 3 ч. 1 ст. 66 УК Украины. Поэтому, по нашему мнению, придерживаясь принципа неучета одного и того же обстоятельства дважды, под субъектом преступления, которое достигло молодого возраста, нужно понимать лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось 18 лет.

Однако в судебной практике встречаются случаи, когда при назначении наказания лицам, которые совершили преступление в возрасте от 14 до 18 лет, как смягчающее обстоятельство указывается молодой возраст³⁰.

В вышеприведенных нормативно-правовых актах по-разному определяется возраст, по достижении которого лицо считается молодым гражданином. На наш взгляд, при определении возраста, до достижения которого лицо может считаться

молодым гражданином, должны применяться положения Закона Украины от 05.02.1993 «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине». Исходя из положений данного Закона, под молодым возрастом субъекта преступления нужно понимать совершение лицом преступления до достижения им 35 лет.

Следует отметить, что по этому пути идет судебная практика³¹.

Некоторые ученые обращают внимание на то, что неоправданным является учет как обстоятельства, которое смягчает наказание, например 26-летнего возраста, когда личность человека полностью сформирована³². Поэтому под молодым возрастом субъекта преступления ученые предлагают понимать возраст лица, которое граничит с несовершеннолетним (18–20 (21) лет)³³. С этим утверждением нельзя не согласиться. Ведь согласно современной отечественной возрастной периодизации психического развития человека с 18 до 21 года длится вторая фаза юношеского периода — собственно юность. Взрослый период начинается с 21 года³⁴.

В соответствии со ст. 10 Закона Украины от 16.12.1993 «Об основных принципах социальной защиты ветеранов труда и других граждан преклонных лет в Украине» гражданами преклонных лет признаются лица, которые достигли пенсионного возраста, установленного ст. 26 Закона Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании», а также лица, которым до достижения отмеченного пенсионного возраста осталось не больше чем полтора года³⁵.

Таким образом, из вышеприведенного можно сделать вывод, что при назначении наказания возраст субъекта преступления имеет важное значение, поскольку выступает обстоятельством, которое исключает возможность применения определенных видов наказаний и является характеристикой обстоятельств, которые смягчают наказание.

Библиография:

1. Антипов В.В., Антипов В.І. Обставини, які виключають застосування кримінального покарання. Київ: Атіка, 2004. 208 с.
2. Бабаев М.М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М.: Юрид.лит., 1968. 120 с.
3. Бурдін В. М. Особливості кримінальної відповідальності неповнолітніх в Україні. Київ: Атіка, 2004. 239 с.

²⁹ Закон України від 13 грудня 1991 р. № 1977-ХІІ «Про наукову і науково-технічну діяльність» // Відомості Верховної Ради України. 1992. № 12. Ст. 165.

³⁰ Справа №1-68/11. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/15423171> (последнее посещение — 12 декабря 2013 г.).

³¹ Справа №11-530/11. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/17260381> (последнее посещение — 12 декабря 2013 г.).

³² См.: Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 136.

³³ См.: Там же.

³⁴ См.: Сергеевкова О.П., Столярчук О.А., Коханова О.П., Пасека О.В. Вікова психологія: навч. посіб. Київ: Центр учбової літератури, 2012. С. 59.

³⁵ Закон України від 16 грудня 1993 р. № 3721-ХІІ «Про основні засади соціального захисту ветеранів праці та інших громадян похилого віку в Україні» // Відомості Верховної Ради України. 1994. № 4. Ст. 18.

4. Гриниха І. Окремі проблеми призначення покарань неповнолітнім за Кримінальним кодексом України // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні: Матеріали XI регіональної науково-практичної конференції (Львів, 3–4 лютого 2005 р.) Львів: Юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2005. С. 317–319.
5. Долиненко Л.А. Смягчающие ответственность обстоятельства по действующему уголовному законодательству и в судебной практике. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. 93 с.
6. Игнатов А.И. Ответственность за преступления против нравственности. М.: Юрид. лит., 1966. 208 с.
7. Качан М.И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. 199 с.
8. Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. О.М. Омельчука. Київ: Алерта; КНТ; Центр учбової літератури, 2010. 208 с.
9. Макаренко А.С. Загальні засади призначення покарання та суддівський розсуд // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2011. № 945. Серія: Право. 2011. С. 338–342.
10. Музика А.А., Горох О.П. Покарання та його застосування за злочини проти здоров'я населення. Київ: Паливода А.В., 2012. 404 с.
11. Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 170 с.
12. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: у 2 т. / за заг. ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.В. Фесенка. 3-те вид., перероб. та доп. Київ: Алерта; КНТ; Центр учбової літератури, 2009. Т. 1. 964 с.
13. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. 5-те вид., переробл., та доповн / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. Київ: Юридична думка, 2008. 1064 с.
14. Нікіфорова Т.І. Обставини, які пом'якшують покарання, за кримінальним правом України. Харків: Харків юридичний, 2009. 208 с.
15. Полтавець В.В. Загальні засади призначення покарання та їх кримінально-правове значення: дис. ... канд. юрид. наук. Луганськ, 2005. 240 с.
16. Право на пенсію та його реалізація за сучасним законодавством України: Довідник / Н.М. Хуторян М.М. Шумило Я.В. Сімутіна М. П. Стадник [та ін.]. Київ: Юридична думка, 2012. 208 с.
17. Серков П.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 162 с.
18. Тютюгин В.И. Некоторые вопросы реализации норм об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Питання боротьби зі злочинністю. 2004. № 8. С. 47–50.

References (transliteration):

1. Antipov V.V., Antipov V.I. Obstavini, yaki vylkyuchayut' zastosuvannya kriminal'nogo pokarannya. Київ: Атика, 2004. 208 s.
2. Babaev M.M. Individualizatsiya nakazaniya nesovershennoletnikh. М.: Yurid. lit., 1968. 120 s.
3. Burdin V.M. Osoblivosti kriminal'noi vidpovidal'nosti nepovnolitnikh v Ukraїni. Київ: Атика, 2004. 239 s.
4. Grinikha I. Okremi problemi pryznachennya pokaran' nepovnolitnim za Kriminal'nim kodeksom Ukraїni // Problemi derzhavotvorennya i zakhistu prav lyudini v Ukraїni: Materiali XI regional'noi naukovopraktichnoi konferentsii (L'viv, 3–4 lyutogo 2005 r.). L'viv: Yuridichnyj fakul'tete L'vivskogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Franca, 2005. S. 317–319.
5. Dolinenko L.A. Smyagchayushchie otvetstvennost' obstoyatel'stva po deistvuyushchemu ugovnomu zakonodatel'stvu i v sudobnoy praktike. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1980. 93 s.
6. Ignatov A.I. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nravstvennosti. М.: Yurid. lit., 1966. 208 s.
7. Kachan M.I. Obstoyatel'stva, smygchayushchie nakazanie, v rossiiskom ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2005. 199 s.
8. Kriminal'ne pravo Ukraїni. Zagal'na chastina / za red. O.M. Omel'chuka. Київ: Alerta; KNT; Tsentr uchbovoi literaturi, 2010. 208 s.
9. Makarenko A.S. Zagal'ni zasady pryznachennya pokarannya ta suddiv'skii rozsud // Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. 2011. № 945. Seriya: Pravo. S. 338–342.
10. Muzika A.A., Gorokh O.P. Pokarannya ta iogo zastosuvannya za zlochiny proti zdorov'ya naseleння. Київ: Palivoda A.V., 2012. 404 s.
11. Myasnikov O.A. Smyagchayushchie i otyagchayushchie nakazanie obstoyatel'stva v rossiiskom ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. М., 2001. 170 s.
12. Naukovopraktichnii komentar do Kriminal'nogo kodeksu Ukraїni: u 2 t. / za zag. red. P.P. Andrushka, V.G. Goncharenka, E.V. Fesenska. 3-te vid., pererob. ta dop. Київ: Alerta; KNT; Tsentr uchbovoi literaturi, 2009. T. 1. 964 s.
13. Naukovopraktichnii komentar Kriminal'nogo kodeksu Ukraїni. 5-te vid., pererobl., ta dopovn / za red. M.I. Mel'nika, M.I. Khavronyuka. Київ: Yuridichna dumka, 2008. 1064 s.
14. Nikiforova T.I. Obstavini, yaki pom'yakshuyut' pokarannya, za kriminal'nim pravom Ukraїni. Kharkiv: Kharkiv yuridichnyj, 2009. 208 s.
15. Poltavets' V.V. Zagal'ni zasady pryznachennya pokarannya ta ikh kriminal'no-pravove znachennya: dis. ... kand. yurid. nauk. Lugans'k, 2005. 240 s.
16. Pravo na pensiyu ta iogo realizatsiya za suchasnim zakonodavstvom Ukraїni: Dovidnik / N.M. Khutoryan, M.M. Shumilo, Ya.V. Simutina, M.P. Stadnik [ta in.]. Київ: Yuridichna dumka, 2012. 208 s.
17. Serkov P.P. Smyagchayushchie i otyagchayushchie obstoyatel'stva kak sredstva obespecheniya individualizatsii nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. М., 2002. 162 s.
18. Tyutyugin V.I. Nekotorye voprosy realizatsii norm ob osobennostyakh ugovnoi otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh // Pitannya borot'bi zi zlochinnisty. 2004. № 8. S. 47–50.

Матеріал посту́пил в редакцію 5 февреля 2014 г.

Некоторые вопросы уголовно-процессуальных функций по УПК Украины 2012 г.**

Аннотация. Автором исследуется вопрос о разграничении уголовно-процессуальных функций по Уголовному процессуальному кодексу Украины 2012 г. Отмечается, что зарождение теории уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине связано с составительным разделением деятельности субъектов в судебном процессе. Анализируется нормативное закрепление содержания функции обвинения, соотношение категорий «обвинение» и «государственное обвинение». Обосновывается осуществление в уголовном процессе Украины функции расследования. Рассматриваются вопросы функциональной направленности деятельности следователя и прокурора по Уголовному процессуальному кодексу Украины 2012 г. Методологическая база основана на диалектическом методе познания объективной действительности. При осуществлении исследования использованы историко-правовой, логико-формальный метод, метод системного анализа. Автором статьи отмечается, что, несмотря на то, что УПК Украины не употребляет категорию «уголовное преследование» в значении уголовно-процессуальной функции, представляется возможным для доктринального обозначения именно деятельности, направленной на изобличение лица в совершении уголовного правонарушения и обеспечение привлечения его к уголовной ответственности, употреблять категорию «уголовное преследование». Выделены такие формы уголовного преследования по УПК Украины, как подозрение; обвинение; осуществление в отношении лица производства по применению принудительных мер медицинского характера; осуществление в отношении несовершеннолетнего производства по применению принудительных мер воспитательного характера. Констатируется полифункциональность деятельности следователя, которая состоит в осуществлении функций расследования и уголовного преследования (в форме подозрения). Отмечено, что прокурор в уголовном производстве Украины осуществляет функцию прокурорского надзора в форме процессуального руководства расследованием, уголовное преследование и реализует конституционную функцию представительства интересов граждан или государства в суде в форме предъявления гражданского иска.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции, уголовное преследование, обвинение, подозрение, защита, составительность, расследование, прокурор, следователь, стороны уголовного производства.

Принятие нового Уголовного процессуального кодекса Украины от 13.04.2012 (далее — УПК Украины, Кодекс) поставило перед наукой уголовно-процессуального права Украины новые задачи, связанные с необходимостью осмысления типа процесса, заложенного в Кодексе, с анализом сущности новых для правовой системы Украины институтов, а также переосмыслением ряда категорий и проблем, являющихся, по сути, вечными для доктрины уголовно-процессуального права.

Одной из таких проблем является проблема уголовно-процессуальных функций. Так, в теории уголовно-процессуального права в связи с принятием Кодекса возникли серьезные вопро-

сы, связанные с определением функциональной направленности деятельности ряда участников уголовного производства, с разграничением уголовно-процессуальных функций. Практическое применение отдельных норм сопровождается определенными трудностями, некоторые из которых также касаются разграничения уголовно-процессуальных функций и реализации принципа составительности в новом уголовном процессе Украины.

Следует отметить, что зарождение теории уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине связано именно с составительным разделением деятельности субъектов в судебном процессе. Так, в связи с проведением судебной

© Гловюк И.В., 2014

* Гловюк Ирина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Национального университета «Одесская юридическая академия».

[iglovyuk83@inbox.ru]

65009, Украина, г. Одесса, Фонтанская дорога, д. 23, каб. 105.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

реформы, введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г., где была заложена эта идея, можно утверждать о становлении смешанной формы уголовного процесса. Именно этот момент в ряде источников определяется как момент зарождения данной теории¹. В Уставе уголовного судопроизводства можно выделить направления деятельности субъектов уголовного судопроизводства, представляющих собой три уголовно-процессуальные функции: уголовное преследование (уголовный иск, судебное преследование, преследование) (ст. 1, 2, 5, 16, 529, 593 и др.), защита (ст. 630, 632) и разрешение уголовного иска.

На наличие трех процессуальных функций в состязательном процессе указывал И.Я. Фойницкий, отмечая, что суду отводится строго определенная задача разрешения уголовного иска, предъявленного обвинителем, действующим как самостоятельная в процессе сторона и составляющим для него необходимое предположение. Подсудимый, переставая быть лишь предметом исследования, равным образом становится стороной в деле, получая право на защиту в возможно широких пределах. Судебная деятельность, освобожденная от чуждых ей обязанностей сторон, сводится к естественной для нее функции предъявленных ими требований на основании собранного доказательственного материала².

Триада процессуальных функций нашла отражение и в нормах УПК Украины. Последний закрепил построение уголовного процесса на началах состязательности, указав в ст. 22, что уголовное производство осуществляется на основе состязательности, предусматривающей самостоятельное отстаивание стороной обвинения и стороной защиты их правовых позиций, прав, свобод и законных интересов способами, предусмотренными Кодексом. Стороны уголовного производства имеют равные права на собирание и представление в суд вещей, документов, иных доказательств, ходатайств, жалоб, а также на реализацию других процессуальных прав, предусмотренных Кодексом. В ходе уголовного производства функции государственного обвинения, защиты и судебного разбирательства не могут возлагаться на один и тот же орган или должностное лицо. Уведомление лицу о подозрении в совершении уголовного правонарушения, обращение с обвинительным актом и поддержание государственного обвинения в суде осуществляется прокурором. В случаях, предусмотренных Кодексом, уведомление лицу о подозрении в

совершении уголовного правонарушения может осуществляться следователем по согласованию с прокурором, а обвинение может поддерживаться потерпевшим, его представителем. Защита осуществляется подозреваемым или обвиняемым, его защитником или законным представителем. Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, создает необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей.

Следует отметить, что к сторонам уголовного производства УПК Украины отнес: со стороны обвинения — следователя, руководителя органа досудебного расследования, прокурора, а также потерпевшего, его представителя и законного представителя в случаях, установленных Кодексом, со стороны защиты — подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), осужденного, оправданного, лицо, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решался вопрос об их применении, а также их защитников и законных представителей.

Как видно, в ст. 22 УПК Украины указал на функцию государственного обвинения, определив при этом государственное обвинение как процессуальную деятельность прокурора, заключающуюся в доказывании перед судом обвинения с целью обеспечения уголовной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение, а обвинение — как утверждение о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного законом Украины об уголовной ответственности, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом. Как представляется, во-первых, корректнее было бы указать на то, что функции обвинения, защиты и судебного разбирательства не могут возлагаться на один и тот же орган или должностное лицо, поскольку государственное обвинение — это только один из видов обвинения в уголовном процессе Украины. Во-вторых, обращаясь к изложенному в УПК понятию государственного обвинения, следует обратить внимание на то, что процессуальную деятельность прокурора, заключающуюся в доказывании перед судом обвинения, корректнее именовать не как «государственное обвинение» (поскольку эта категория шире по своему содержанию), а как «поддержание государственного обвинения в суде». Следует полностью согласиться с В.М. Савицким, что «совокупность средств и методов реализации в суде обвинительной функции исчерпывающе охватывается одним собирательным понятием — «поддержание государственного обвинения»»³. При этом государственное обвинение является разновидностью одной из форм уголовного пре-

¹ См.: Чернышов В.А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. С. 53, 57.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская типография, 1912. Т. 1. С. 71.

³ Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. С. 59.

следования как основной уголовно-процессуальной функции и одновременно — видом обвинения в материально-правовом значении. Анализируя вышеприведенные нормативные определения категорий «обвинение» и «государственное обвинение», можно утверждать, что в УПК Украины 2012 г. использовано и материально-правовое, и процессуальное значение категории «обвинение» (в аспекте государственного обвинения, которое определено Кодексом как «процессуальная деятельность прокурора»).

Исходя из положений гл. 3 УПК Украины, законодатель чётко выделяет две стороны уголовного производства: сторону обвинения и сторону защиты. Нормы УПК также указывают на то, что обвинение может поддерживаться потерпевшим и его представителем. Следует отметить, что УПК содержит гл. 36 — «Уголовное производство в форме частного обвинения», однако при этом процессуальные особенности частного обвинения, порядок производства там не регламентированы. Новеллой УПК является то, что потерпевший полностью не отнесен к стороне обвинения, хотя в УПК 1960 г. потерпевший, в соответствии со ст. 261, относился к стороне обвинения.

Так, п. 19 ст. 3 УПК предусматривает, что к стороне обвинения относятся следователь, руководитель органа досудебного расследования, прокурор, а также потерпевший, его представитель и законный представитель в случаях, установленных настоящим Кодексом. Такой случай прямо предусмотрен ч. 4 и ч. 5 ст. 340 УПК: потерпевший, который согласился поддерживать обвинение в суде (при отказе прокурора от поддержания государственного обвинения в суде), пользуется всеми правами стороны обвинения во время судебного разбирательства. В этом случае уголовное производство по соответствующему обвинению приобретает статус частного и осуществляется по процедуре частного обвинения (однако, к сожалению, процедура осуществления частного обвинения УПК четко не регламентирована). Таким образом, потерпевший в результате трансформации публичного обвинения в частное становится субъектом поддержания обвинения в суде.

Ч. 4 ст. 22 УПК указывает на то, что в случаях, предусмотренных УПК, обвинение может поддерживаться потерпевшим, его представителем. Ч. 4 ст. 26 предусматривает, что уголовное производство в форме частного обвинения начинается только на основании заявления потерпевшего. Отказ потерпевшего, или в случаях, предусмотренных Кодексом, его представителя от обвинения является безусловным основанием для прекращения уголовного производства в форме частного обвинения, а п. 7 ч. 1 ст. 284 в качестве основания для прекращения уголовного производства закрепляет отказ потерпевшего, или в случаях,

предусмотренных Кодексом, его представителя от обвинения в уголовном производстве в форме частного обвинения. Таким образом, можно сделать вывод, что в уголовном производстве в форме частного обвинения (которое инициировано потерпевшим посредством подачи заявления о совершении уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 477 УПК) потерпевший является стороной⁴ и субъектом поддержания обвинения в суде (хотя прямо в УПК это не прописано). В целом, анализируя положения УПК, касающиеся уголовного производства, которое осуществляется в форме частного обвинения, следует отметить практически полное отсутствие тех признаков, которые традиционно характеризуют обвинение как частное, что дает возможность согласиться с выводами ученых о том, что в новом УПК Украины законодатель фактически отказался от традиционного понимания института частного обвинения, а его функционирование заменено категорией дел частного-публичного обвинения, выделенной в УПК Украины 1960 г.⁵

К стороне обвинения по УПК 2012 г. отнесен и следователь. До принятия УПК 2012 г. в украинской доктрине достаточное распространённой (хотя, безусловно, и не единственной) была точка зрения, что следователь является субъектом функции расследования⁶ (хотя в некоторых исследованиях он признавался и субъектом функции обвинения⁷, либо обеих этих функций⁸). Это мнение основывалось на положениях ст. 22 УПК 1960 г., в соответствии с которой прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, а также обстоятельства, смягчающие и

⁴ Это отмечается в доктринальных источниках, см: Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / за загальною редакцією професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. К.: Юстініан, 2012. С. 992; Шибіко В.П. Проблема забезпечення прав потерпілого за новим КПК України 2012 року // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. 2013. №1. С. 309.

⁵ См.: Перепелиця С.І. Правова природа кримінального провадження у формі приватного обвинувачення та її регламентація за новим Кримінальним процесуальним кодексом України // Право і безпека. 2012. № 4. С. 184.

⁶ См.: Аленин Ю.П. Ще раз до питання про самостійність і незалежність слідчого // Актуальні проблеми держави та права. Одеса, 2008. Вип. 44. С. 162; Савонюк Р.Ю. Слідчий як суб'єкт кримінально-процесуального доказування: дис. ... канд. юрид. наук. К., 2002. С. 177.

⁷ См.: Рогатюк І.В. Обвинувачення у кримінальному процесі України. К.: Атіка, 2007. С. 50; Сибилева Н. Уголовное преследование и его субъекты (органы дознания, органы досудебного следствия и прокурор) // Ежегодник украинского права. 2011. № 3. С. 281.

⁸ См.: Муравин А.Б. Уголовный процесс: учеб. пособие. Харьков: Бурн Книга, 2008. С. 15.

отягчающие его ответственность. Нигде в тексте УПК 1960 г. следователь прямо не относился к стороне обвинения.

Положение УПК 2012 г., которым следователь отнесен к стороне обвинения, поддерживается в доктрине. Так, как отмечает О.Ю. Татаров, позитивным нововведением является отнесение в проекте УПК Украины следователя к стороне обвинения в уголовном процессе. Эти нормы устраняют недостатки действующего УПК⁹, в соответствии с которым следователь должен собирать доказательства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, хотя де-факто деятельность следователя всегда имеет обвинительный уклон. Таким образом, авторы проекта избавляются от двойных стандартов советской модели судопроизводства, в соответствии с которой следователь считался фигурой, которая находится между стороной обвинения и защиты¹⁰. В связи с этим положением хотелось бы обратить внимание на следующее. Во-первых, п. 13 ст. 3 УПК определяет обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного законом Украины об уголовной ответственности, выдвинутое в порядке, установленном Кодексом. Моментом выдвигания обвинения является утверждение прокурором обвинительного акта или составление нового обвинительного акта (поскольку, в соответствии с ч. 4 ст. 110 УПК, обвинительный акт является процессуальным решением, которым прокурор выдвигает обвинение в совершении уголовного правонарушения и которым завершается досудебное расследование); то есть функция обвинения по новому УПК Украины начинается с момента утверждения или составления обвинительного акта прокурором, и таким образом, сложно утверждать, что следователем реализуется функция обвинения. Более корректным, как представляется, является отнесение следователя к субъектам осуществления уголовного преследования.

В связи с этим следует отметить, что УПК Украины не содержит определения понятия уголовного преследования, а сама эта категория употребляется в ст. 542 в аспекте передачи уголовного преследования. В настоящее время легальное определение уголовного преследования сформулировано только в Концепции реформирования уголовной юстиции Украины, утвержденной Указом Президента Украины от 8 апреля 2008 г. Концепция определяет уголовное преследование как исключительную процессуальную функцию прокурора, которая состоит в выдвигании от имени

государства обвинения, направлении уголовного дела в суд, поддержании государственного обвинения в суде, участии в пересмотре судебных решений по уголовным делам в апелляционной и кассационной инстанциях. При этом дается определение понятия «государственный обвинитель» — должностное лицо органов прокуратуры, которое осуществляет функцию уголовного преследования лица в процессе досудебного расследования и поддерживает государственное обвинение в уголовном производстве. Тем самым Концепция фактически признает возможность реализации уголовного преследования в досудебном производстве. Как представляется, для доктринального обозначения именно деятельности, направленной на изобличение лица в совершении уголовного правонарушения и обеспечение привлечения его к уголовной ответственности целесообразно употреблять именно категорию «уголовное преследование»; его содержание указывает на динамичный характер этого правового явления. Считаем корректным определять уголовное преследование в узком значении, то есть как направление деятельности по изобличению конкретного лица в совершении уголовного правонарушения и обеспечение привлечения его к уголовной ответственности; то есть уголовное преследование всегда является персонализированной деятельностью, осуществляемой в отношении конкретного лица, имеющего статус, например, подозреваемого или обвиняемого. Соответственно, формами уголовного преследования по УПК Украины являются: подозрение; обвинение; осуществление в отношении лица производства по применению принудительных мер медицинского характера; осуществление в отношении несовершеннолетнего производства по применению принудительных мер воспитательного характера.

Итак, анализируя полномочия следователя, можно признать, что следователь, согласно УПК 2012 г., осуществляет функцию уголовного преследования в форме подозрения; в форме осуществления в отношении лица производства по применению принудительных мер медицинского характера; в форме осуществления в отношении несовершеннолетнего производства по применению принудительных мер воспитательного характера.

Во-вторых, следует отметить и то, что, несмотря на прямое и однозначное отнесение следователя к стороне обвинения в ст. 3 УПК, иные нормы УПК дают возможность несколько усомниться в единообразии этого подхода. Ч. 2 ст. 9 УПК указывает на то, что следователь обязан всесторонне, полно и беспристрастно исследовать обстоятельства уголовного дела, выявить как обстоятельства, изобличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого, а также

⁹ Статья была подготовлена до принятия и вступления в силу УПК Украины 2012 г.

¹⁰ Татаров О.Ю. Роль досудового провадження у контексті реформування системи кримінальної юстиції в Україні // Митна справа. 2012. № 2 (80). Ч. 2. Кн. 1. С. 175.

обстоятельства, смягчающие или отягчающие его вину, предоставить им надлежащую правовую оценку и обеспечить принятие законных и беспристрастных процессуальных решений. Кроме того, следователь по своему внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства, руководствуясь законом, оценивает каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а совокупность собранных доказательств — с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения (ч. 1 ст. 94 УПК). Кроме того, в случае получения во время проведения следственного (розыскного) действия доказательств, которые могут указывать на невиновность лица в совершении уголовного правонарушения, следователь, прокурор обязан провести соответствующее следственное (розыскное) действие в полном объеме, приобщить составленные процессуальные документы к материалам досудебного расследования и предоставить их суду в случае обращения с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера или ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 5 ст. 223 УПК). Даже краткое изложение этих норм уже показывает, что УПК Украины не полностью отказался от идеи возложения на следователя функции расследования уголовных правонарушений, которая состоит в принятии всех мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявления как обвинительных, так и оправдательных, а также отягчающих и смягчающих вину обстоятельств и установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу¹¹.

В УПК РФ следователь также отнесен к стороне обвинения; однако в доктрине некоторыми учеными все равно указывается на ограниченность подобного толкования деятельности следователя и признается осуществление им функции расследования¹².

Таким образом, можно констатировать полифункциональность деятельности следователя по

УПК Украины, которая состоит в осуществлении им функций расследования и уголовного преследования.

К стороне обвинения УПК Украины относит и прокурора; обоснованность этого положения применительно к судебному производству сомнений не вызывает. Однако остаются некоторые вопросы, связанные с определением функциональной направленности деятельности прокурора в досудебном производстве. Как указывалось выше, для обозначения деятельности, направленной на изобличение конкретного лица в совершении уголовного правонарушения и обеспечение привлечения его к уголовной ответственности, целесообразнее использовать категорию «уголовное преследование»; это касается и некоторых направлений деятельности прокурора.

Ст. 36 УПК утверждает, что «прокурор, осуществляя надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием, уполномочен», тем самым впервые для текста УПК Украины прямо указывая на осуществление прокурором процессуального руководства досудебным расследованием. Как представляется, анализируя научные мнения, сложившиеся в доктрине по вопросу о сущности процессуального руководства досудебным расследованием со стороны прокурора, следует признать обоснованной точку зрения, что процессуальное руководство не является самостоятельной функцией прокурора, а представляет собой форму реализации функции прокурорского надзора¹³. Так, большая часть полномочий прокурора в стадии досудебного расследования, изложенных в ст. 36 УПК, имеет руководящий характер: иметь полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся досудебного расследования; поручать органу досудебного расследования проведение досудебного расследования; поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленные прокурором срок следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, иных процессуальных действий или давать указания об их проведении или участвовать в них, а в необходимых случаях — лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия; поручать проведение следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий соответствующим оперативным подразделениям; отменять незаконные и необоснованные постановления следователей; согласовы-

¹¹ См.: Аленин Ю.П. Указ.соч. С. 162.

¹² См.: Макарова З.В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4 (47). URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3022:2012-05-11-03-55-28&catid=217:2011-04-27-05-34-38 (последнее посещение — 8 февраля 2014 г.); Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1513311> (последнее посещение — 8 февраля 2014 г.); Ревенко Н.И. Функция расследования преступлений как основное направление деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 1 (18). С. 101–102.

¹³ См.: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С. 195, 196–197; Толочко О. Правовая природа процессуального керівництва прокурором досудовим розслідуванням // Вісник Національної академії прокуратури України. 2012. № 2. С. 62.

вать или отказывать в согласовании ходатайств следователя к следственному судье о проведении следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, самостоятельно подавать следственному судье такие ходатайства, а также полномочия, предусмотренные п. 1, 6, 8, 9, 16–19 ч. 2 указанной статьи.

Что касается иных полномочий прокурора, в частности: уведомлять лицо о подозрении; утверждать или отказывать в утверждении обвинительного акта, ходатайств о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, вносить изменения в составленный следователем обвинительный акт или указанных ходатайств, самостоятельно составлять обвинительный акт или указанные ходатайства; обращаться в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, ходатайствовать об освобождении лица от уголовной ответственности — то они реализуются в рамках функции уголовного преследования. Полномочия по принятию процессуальных решений могут реализовываться в пределах обеих этих функций. Кроме того, прокурор реализует конституционную функцию представительства интересов граждан или государства в суде в форме предъявления гражданского иска в интересах государства и граждан, которые из-за физического состояния или материального положения, недостижения совершеннолетия, преклонного возраста, недееспособности или ограниченной дееспособности не могут самостоятельно защитить свои права (п. 12 ч. 2 ст. 36 УПК).

Подводя некоторые итоги вышеизложенному, следует отметить, что в целом в УПК Украины

реализована идея о разграничении трех основных уголовно-процессуальных функций: уголовного преследования, защиты и разрешения дела. При этом, несмотря на то, что УПК Украины не употребляет категорию «уголовное преследование» в значении уголовно-процессуальной функции, представляется возможным для доктринального обозначения именно деятельности, направленной на изобличение лица в совершении уголовного правонарушения и обеспечение привлечения его к уголовной ответственности, употреблять именно категорию «уголовное преследование» в значении персонифицированной деятельности, осуществляемой в отношении конкретного лица. Соответственно, возможно выделить такие формы уголовного преследования по УПК Украины, как подозрение; обвинение; осуществление в отношении лица производства по применению принудительных мер медицинского характера; осуществление в отношении несовершеннолетнего производства по применению принудительных мер воспитательного характера. Что касается категории «обвинение», то в УПК Украины 2012 г. использовано и материально-правовое, и процессуальное значение категории «обвинение» (в аспекте государственного обвинения). Анализируя нормы УПК, касающиеся статуса следователя, можно констатировать полифункциональность его деятельности, которая состоит в осуществлении функций расследования и уголовного преследования (в форме подозрения). Прокурор же в уголовном производстве Украины осуществляет функцию прокурорского надзора в форме процессуального руководства расследованием, уголовное преследование и реализует конституционную функцию представительства интересов граждан или государства в суде в форме предъявления гражданского иска.

Библиография:

1. Аленин Ю.П. Ще раз до питання про самостійність і незалежність слідчого // Актуальні проблеми держави та права. Одеса: Юридична література, 2008. Вип. 44. С. 149–164.
2. Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 21 с.
3. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / за загальною редакцією професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. К.: Юстініан, 2012. 1224 с.
4. Макарова З.В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4 (47). С. 121–123.
5. Муравин А.Б. Уголовный процесс: учеб. пособие. Харьков: Бурун Книга, 2008. 240 с.
6. Перепелиця С.І. Правова природа кримінального провадження у формі приватного обвинувачення та її регламентація за новим Кримінальним процесуальним кодексом України // Право і безпека. 2012. № 4 (46). С. 180–185.
7. Ревенко Н.И. Функция расследования преступлений как основное направление деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 1 (18). С. 100–103.
8. Рогатюк І.В. Обвинувачення у кримінальному процесі України. К.: Атіка, 2007. 160 с.
9. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 343 с.
10. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. 383 с.
11. Савонюк Р.Ю. Слідчий як суб'єкт кримінально-процесуального доказування: дис. ... канд. юрид. наук. К., 2002. 230 с.
12. Сибилева Н. Уголовное преследование и его субъекты (органы дознания, органы досудебного следствия и прокурор) // Ежегодник украинского права. 2011. № 3. С. 259–282.

13. Татаров О.Ю. Роль досудового провадження у контексті реформування системи кримінальної юстиції в Україні // Митна справа. 2012. № 2 (80). Ч. 2. Кн. 1. С. 171–178.
14. Толочко О. Правова природа процесуального керівництва прокурором досудовим розслідуванням // Вісник Національної академії прокуратури України. 2012. № 2. С. 60–64.
15. Фойницький І.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская Типография, 1912. Т. 1. 577 с.
16. Чернышов В.А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. 166 с.
17. Шибіко В.П. Проблема забезпечення прав потерпілого за новим КПК України 2012 року // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. 2013. № 1. С. 307–313.

References (transliteration):

1. Alenin Yu.P. Shche raz do pitannya pro samostiinist' i nezalezhnist' slidchogo // Aktual'ni problemi derzhavi ta prava. Odesa: Yuridichna literatura, 2008. Vip. 44. S. 149–164.
2. Kolodko V.V. Ugolovno-protseussual'naya funktsiya rassledovaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2013. 21s.
3. Kriminal'nii protsesual'nii kodeks Ukraïni. Naukovo-praktichnii komentar / za zagal'noyu redaktsieyu profesoriv V.G. Goncharenka, V.T. Nora, M.Є. Shumila. K.: Yustinian, 2012. 1224 s.
4. Makarova Z.V. Spetsial'noe naznachenie i rol' sledovatelya v ugolovnom protsesse // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2012. № 4 (47). S. 121–123.
5. Muravin A.B. Ugolovnyi protsess: ucheb. posobie. Khar'kov: Burun Kniga, 2008. 240 s.
6. Perepelitsya S.I. Pravova priroda kriminal'nogo provadzhennya u formi privatnogo obvinuvachennya ta її reglamentatsiya za novim Kriminal'nim protsesual'nim kodeksom Ukraïni // Pravo i bezpeka. 2012. № 4 (46). S. 180–185.
7. Revenko N.I. Funktsiya rassledovaniya prestuplenii kak osnovnoe napravlenie deyatelnosti sledovatelya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2009. № 1 (18). S. 100–103.
8. Rogatyuk I.V. Obvinuvachennya u kriminal'nomu protsesi Ukraïni. K.: Atika, 2007. 160 s.
9. Savitskii V.M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude. M.: Nauka, 1971. 343 s.
10. Savitskii V.M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora v ugolovnom sudoproizvodstve / Savitskii V.M. M.: Nauka, 1975. 383 s.
11. Savonyuk R.Yu. Slidchii yak sub'ekt kriminal'no-protseussual'nogo dokazuvannya: dis. ... kand. yurid. nauk. K., 2002. 230 s.
12. Sibileva N. Ugolovnoe presledovanie i ego sub'ekty (organy doznaniya, organy dosudebnogo sledstviya i prokuror) // Ezhegodnik ukrainskogo prava. 2011. № 3. S. 259–282.
13. Tatarov O.Yu. Rol' dosudovogo provadzhennya u konteksti reformuvannya sistemi kriminal'noi yustitsii v Ukraïni // Mитна справа. 2012. №2 (80). Ч. 2. Кн. 1. С. 171–178.
14. Tolochko O. Pravova priroda protseussual'nogo kerivnitstva prokurorom dosudovim rozsliduvanniam // Visnik Natsional'noi akademii prokuraturi Ukraïni. 2012. № 2. С. 60–64.
15. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnago sudoproizvodstva. SPb.: Senatskaya Tipografiya, 1912. Т. 1. 577 s.
16. Chernyshov V.A. Problema funktsii v rossiiskoi nauke ugolovnogo protseusa: dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 1999. 166 s.
17. Shibiko V.P. Problema zabezpechennya prav poterpilogo za novim KPK Ukraïni 2012 roku // Yuridichnii chasopis Natsional'noi akademii vnutrishnikh sprav. 2013. № 1. С. 307–313.

Материал поступил в редакцию 8 февраля 2014 г.

Вопросы обжалования прокурору действий и решений лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ 2001 г.**

Аннотация. В работе изучаются нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ 2001 г., регламентирующие порядок подачи и разрешения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования. Их изучение и сопоставление позволит установить положительный исторический опыт существования института обжалования на стадиях досудебного производства. Целью работы является совершенствование порядка подачи жалоб прокурору и их разрешения путем внесения изменений в отдельные положения УПК РФ. Использован метод сравнительного анализа института разрешения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ 2001 г. Автором сопоставлены отдельные аспекты порядка подачи и разрешения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по Уставу уголовного судопроизводства и УПК РФ. По результатам сопоставления сформулированы предложения по внесению изменений в отдельные положения УПК РФ, которые будут способствовать процессуальной экономии за счет сокращения сроков разрешения прокурором жалоб и минимизирования числа истребуемых сведений и материалов.

Ключевые слова: прокурор, обжалование, жалоба, уголовное судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, действия, бездействие, решения, участник уголовного судопроизводства, пределы обжалования.

Судебная реформа 1864 г. существенным образом изменила структуру российского судопроизводства, затронув и прокуратуру, главной задачей которой становился надзор за следствием и дознанием, а также поддержание государственного обвинения в суде. Сравнение Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС)¹ и УПК РФ 2001 г.², использование положительного исторического опыта позволит совершенствовать современное законодательство.

Действующим уголовно-процессуальным законом прокурор определен как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от име-

ни государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

Впервые функция прокурора по осуществлению уголовного преследования получила нормативное закрепление в УУС, принятом 20 ноября 1864 г.³ Содержание этой функции складывается из целого ряда аспектов, важнейшим из которых является предусмотренное ст. 311 УУС право прокурора и его товарищей возбуждать уголовные дела как по входящим до них сведениям, так и по непосредственно ими усмотренным преступлениям или признакам преступных деяний. Несмотря на то, что прокуроры и их товарищи

¹ Чистяков О.И., Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 120–251.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ См.: Лазарева В.А., Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2012. С. 221.

© Горак Н.В., 2014

* Горак Нелли Викторовна – прокурор отдела, прокуратура Краснодарского края.
[vechnyi-dvigatel@mail.ru]
350063, Россия, г. Краснодар, ул. Советская, д. 39.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

не обладали полномочиями по проведению следствия, они имели право присутствовать при всех следственных действиях (ст. 280 УУС), предъявлять судебному следователю обязательные для исполнения требования по всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собранию доказательств (ст. 281 УУС), требовать от следователя изменения меры пресечения с заключения под стражу на менее строгую (ст. 283 УУС), а также дополнения предварительного следствия (ст. 286 УУС).

На заключительном этапе уголовного преследования в стадии досудебного производства, которым является предание обвиняемого суду, именно прокурор составлял обвинительный акт (ст. 519 УУС). Для прекращения производства следствия судебному следователю необходимо было испрашивать на это согласие суда через прокурора (ст. 277 УУС). Однако, как разъяснил Правительствующий Сенат, при недостаточности улики прекратить дело может и прокурор⁴.

В современной науке уголовного процесса нормативно закрепленными элементами осуществления прокурором уголовного преследования являются сохраненное за ним право отменить постановления следователя о возбуждении уголовного дела, передать дело от одного органа расследования другому, признать собранные следователем доказательства недопустимыми, возратить уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, на дополнительное расследование, разрешать жалобы на действия и решения следователя и руководителя следственного органа, давать в суде заключения об обоснованности ходатайств следователя о проведении процессуальных действий⁵.

Рассмотрим один из аспектов осуществления прокурором уголовного преследования — разрешение жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. В этих целях попытаемся провести некую историческую параллель существования данного института между УУС 1864 г. и УПК РФ 2001 г.

УУС в гл. 12 закрепляет порядок обжалования следственных действий, состоящий из двух отделений — порядка принесения и порядка рассмотрения жалоб. В общей сложности на это отводится 19 статей (пунктов). Аналогично УПК РФ в гл. 16 определил, каким образом производится обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Указанная глава состоит из 5 статей, регламентирующих право обжалования (ст. 123), порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа

(ст. 124), судебный порядок рассмотрения жалоб (ст. 125), порядок направления жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей (ст. 126), и, наконец, общие положения о подаче жалобы и представления на приговор, определение, постановление суда (ст. 127). Следует отметить, что вопросам обжалования решений общих судебных установлений посвящен раздел 5 УУС, различавший апелляционные, частные и кассационные жалобы и протесты, в связи с чем данная тема может служить предметом отдельного научного исследования.

Итак, в силу ст. 491 УУС, обжалованию подлежит всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее права. Объектом обжалования в соответствии с ч. 1 ст. 123 УПК РФ (для участников уголовного судопроизводства) выступают действия, бездействие и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда. Для иных лиц обжалование возможно в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Из буквального прочтения данной нормы можно прийти к выводу, что законодатель позволяет иным лицам обжаловать только действия и решения, но не бездействие. В то же время представляется, что если бездействие со стороны органов предварительного расследования или суда затрагивает законные интересы иного лица, то последнее может обжаловать такое бездействие. Мы разделяем мнение А.П. Рыжакова о том, что пока законодатель не изменил формулировку ст. 123 УПК РФ, трудно признать законным отказ в принятии жалобы не являющегося участником уголовного судопроизводства иного лица на бездействие следователя (дознавателя и др.) или суда (судьи) даже в той ситуации, когда это бездействие непосредственно не затрагивает законные интересы такого заявителя⁶.

Законодатель указывает на обжалование действия, осуществленного во временной промежуток, в рамках которого производится уголовно-процессуальная деятельность следователя (дознавателя и др.), которое, по мнению участника уголовного судопроизводства, во-первых, следователь (дознаватель и др.) делать был не вправе, во-вторых, оно способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участника уголовного судопроизводства либо затруднить доступ заявителя к правосудию.

Применительно к обжалованию иными лицами, а не участниками уголовного судопроизводства, термин «действие» законодателем употреблен в более узком смысле слова — как процес-

⁴ См.: Лазарева В.А., Тарасов А.А. Указ. соч. С. 222.

⁵ См.: Там же. С. 225.

⁶ См.: Рыжаков А.П. Субъекты (участники) уголовного процесса // СПС «Консультант Плюс».

суальное действие. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ, процессуальное действие — это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. Уголовно-процессуальным действием станет после того, как процедура его осуществления будет детально регламентирована уголовно-процессуальным законодательством и одного лишь упоминания о нем в УПК РФ недостаточно.

В юридическом смысле «бездействие» — это неисполнение обязанности или, иначе, несовершение действий, которые лицо было обязано или могло совершить в данных условиях. Применительно к обжалованию в порядке гл. 16 УПК РФ под бездействием понимается невыполнение следователем (дознавателем и др.) по крайней мере одной возложенной на него обязанности, которую он мог выполнить. Бездействием, несомненно, будет также невыполнение следователем (дознавателем и др.) нескольких обязанностей, которые могли быть исполнены.

Еще одним объектом обжалования является решение. По тексту ч. 1 ст. 123 УПК РФ, речь идет о процессуальных решениях — тех, которые принимаются судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ (п. 33 ст. 5 УПК РФ). Иначе говоря, это исходящее от субъекта уголовного процесса властное веление. Как правило, на стадии предварительного расследования процессуальные решения оформляются постановлением либо протоколом⁷.

Как отмечает П.А. Лупинская, «решения в уголовном судопроизводстве — правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства»⁸.

Так же, как и действующий УПК, УУС не ограничивал круг подающих жалобу лиц только участниками уголовного судопроизводства. По УПК РФ правом на обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, наряду с участниками уголовного судопроизводства, обладают иные лица в той части, в которой затронуты их интересы.

Субъектами обжалования по УУС выступают как участвующие в деле лица, так и лица, призываемые к следствию (свидетели, сведущие лица, поручители, понятые и другие).

Другой общей чертой двух законодательных актов является ограничение пределов обжалования в зависимости от процессуального статуса лица, подающего жалобу. Так, участвующие в деле лица имели возможность приносить жалобы на всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права. А лица, призываемые к следствию, могли приносить жалобы лишь на притеснения и неправильные взыскания, которым они сами подверглись при следствии (ст. 491—492 УУС).

Необходимо отметить, что, согласно ст. 279 УУС, по производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей. В связи с этим жалобы на действия полиции приносятся прокурору, а действия следователя обжалуются в окружном суде (ст. 493 УУС).

Действующая редакция ст. 123 УПК РФ не разделяет действия (бездействие) и решения каких именно должностных лиц обжалуются прокурору. Поскольку прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, он уполномочен разрешать жалобы на дознавателя, орган дознания, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа. Согласно ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁹, прокуратура РФ действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и генеральному прокурору РФ, поэтому жалобу на действия (бездействие) и решения прокурора компетентно рассмотреть вышестоящее должностное лицо органа прокуратуры.

По УУС жалобы могли подаваться и до поступления дела в суд, и после (ст. 494)¹⁰. В период предварительного производства частное обжалование является нормальным способом обжалования: как во время производства дознания и предварительного следствия, так и по окончании его до поступления дела в суд и даже после внесения его в суд с обвинительным актом, во время приготовительных к суду распоряжений¹¹.

В действующем же УПК РФ ничего не сказано о том, подаются ли жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, только до направления

⁷ См.: Рыжаков А.П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». 2009 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М., 2010 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

¹⁰ См.: Чистяков О.И., Виленский Б.В. Указ. соч. С. 315.

¹¹ Термин «частное обжалование» см.: Брокгауз Ф.Р., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/112/112881.shtml> (последнее посещение — 6 февраля 2014 г.).

дела в суд, либо обжалование возможно и после его направления.

В связи с возникающими в правоприменительной практике вопросами о порядке рассмотрения жалоб, поступивших в органы прокуратуры после направления уголовного дела в суд Генеральной прокуратурой РФ даны следующие разъяснения (см. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 31.03.2010 № 36-13-2010 «О порядке рассмотрения жалоб по уголовным делам, направленным в суд»). В случае если поступившая жалоба, связанная с уголовным делом, направленным в суд, содержит сведения, не затрагивающие существа вопросов, подлежащих судебному исследованию, ее рассмотрение производится в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ. Если обжалуемые действия (решения) являются, наряду с иными обстоятельствами, содержащимися в уголовном деле, предметом судебного разбирательства, то в целях процессуальной экономии, а также обеспечения прав участников уголовного процесса ее следует направить в суд, о чем надлежит уведомить заявителя.

Также в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.01.2014) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹² судьям рекомендовано по поступившей жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц на досудебных стадиях судопроизводства выяснять, не завершено ли предварительное расследование по уголовному делу. При этом, если уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу принято судебное решение, судья рассматривает лишь жалобы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по этому делу. Подлежат рассмотрению жалобы о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия), которые в соответствии с УПК РФ не могут быть предметом проверки их законности и обоснованности на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом. В остальных случаях заявителю разъясняется, что вопросы о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства он вправе поставить перед судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

УУС предусматривал две формы подачи жалобы — словесную и письменную. При этом словесная жалоба подлежала внесению в протокол (ст. 495 УУС). УПК РФ предусматривает подачу в

устном или письменном виде заявления о преступлении, но не содержит такого требования применительно к жалобе на действия (бездействие) или решение органов предварительного расследования. Учитывая, что из УПК РФ было исключено ранее существовавшее в УПК РСФСР (ч. 1 ст. 218) положение о том, что жалобы могли иметь письменную либо устную форму, можно прийти к выводу, что жалобы всегда должны быть письменными¹³.

На практике, если на личном приеме гражданин выражает несогласие с действиями должностных лиц в ходе досудебного производства, ему разъясняется порядок обжалования и рекомендуется подача письменного обращения.

Ст. 496 УУС гарантировала обвиняемому, взятому под стражу, в случае заявления им желания подать жалобу, предоставление всех необходимых к тому способов. Не оставлены без внимания подозреваемый, обвиняемый, содержащиеся под стражей и в УПК РФ (ст. 126). Их жалобы немедленно направляются прокурору или в суд администрацией места содержания под стражей. Согласно ст. 21 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», жалобы на действия и решения суда лица, производящего дознание, следователя или прокурора направляются не позднее 3 дней с момента их подачи. Такое законодательное противоречие не способствует выработке единообразной правоприменительной практики и может повлечь за собой нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Различается и порядок подачи жалоб. Так, УУС предусматривал направление жалобы тому должностному лицу, чьи действия обжалуются, для представления по принадлежности. Это делалось для того, чтобы должностное лицо ознакомилось с содержанием жалобы и подготовило по ней объяснения. Для направления жалобы и объяснений по принадлежности отводилось 3 дня со времени подачи. Есть и исключение — сутки, если обжалуется факт лишения свободы.

В действующем УПК РФ жалоба подается напрямую прокурору, руководителю следственного органа или в суд, минуя лицо, чьи действия обжалуются. Случаи направления жалобы через такое должностное лицо и сроки, в течение которых оно обязано направить жалобу субъектам разрешения, не оговорены. На наш взгляд, практика представления жалобы по принадлежности через следователя, дознавателя является положительной. Одновременное направление вместе с жалобой объяснений, возражений лица, производя-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.01.2014) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

¹³ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Ст. 124 // СПС «Консультант Плюс».

щего предварительное расследование, позволит оперативнее разрешить жалобу и в некоторых случаях избежать излишнего истребования сведений и материалов.

По УУС жалобы на действия предварительного следствия подаются во все время производства его, жалоба на медленность, а в общих установлениях и на взятие под стражу, не ограничены никаким сроком; для просьб о возобновлении уголовного дел никаких сроков также не положено¹⁴.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством также не регламентированы сроки подачи прокурору жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования. На практике такой пробел влечет за собой злоупотребление лицами, подающими жалобу, своим правом и создает постоянную угрозу уголовного преследования, в том числе и при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренных ст. 78 УК РФ.

Не оговорено в УПК РФ и закрепленное в ст. 498 УУС право подающего жалобу требовать выдачи расписки о ее принятии. Согласно п. 7.11 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ, утвержденной приказом Генерального прокурора РФ от 30.01.2013 № 45, по просьбе гражданина отметка о получении обращения на личном приеме может быть проставлена на копии его обращения.

По УУС принесение жалобы впредь до ее разрешения не останавливает ни производства следствия, ни исполнения отдельных следственных действий. Аналогичная норма предусмотрена и в УПК РФ, правда, применительно к подаче жалобы в суд и с оговоркой: приостановить производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения возможно, если это сочтет нужным сделать орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

Порядок рассмотрения жалобы прокурором определен в ст. 124 УПК РФ, а в УУС (второе отделение гл. 12) регламентирован только судебный порядок рассмотрения жалоб. Вместе с тем жалобы на действия полиции по производству дознания рассматриваются и разрешаются прокурором, который или делает виновным в упущениях предостережение, или предлагает их действия на рассмотрение окружного суда, причем последний может сделать виновным более или менее строгий выговор, а в более важных случаях предоставляет прокурору право войти в сношение с начальством виновного лица о привлечении его к законной ответственности¹⁵.

Срок разрешения прокурором жалоб составляет 3 суток с возможностью продления до 10 суток (ч. 1 ст. 124 УПК РФ), а в УУС такой срок не определен. В то же время впечатляет оперативность судебного контроля по УУС — жалобы разрешались в первый присутственный день¹⁶.

Подводя итог сопоставления отдельных аспектов порядка подачи и разрешения прокурором жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по УУС и УПК РФ, считаем возможным предложить изменение отдельных положений УПК РФ. Так, следует предусмотреть возможность иного лица, не являющегося участником уголовного судопроизводства, обжаловать не только процессуальные действия и решения, но и бездействие должностных лиц, затрагивающее их интересы. Также представляется необходимым на законодательном уровне решить вопрос о подаче жалобы прокурору до поступления дела в суд.

По нашему мнению, возможно заимствование из УУС положения о направлении жалобы тому должностному лицу, чьи действия обжалуются, для представления ее по принадлежности вместе с объяснениями и возражениями. Такой порядок подачи жалоб будет способствовать процессуальной экономии за счет сокращения сроков разрешения жалоб и минимизации числа истребуемых сведений и материалов.

Библиография:

1. Брокгауз Ф.Р., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/112/112881.shtml> (последнее посещение — 06 февраля 2014 г.).
2. Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: Юрайт, 2011. 1038 с.
3. Лазарева В.А., Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2012. 476 с.
4. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 240 с.
5. Рыжаков А.П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 2. С. 336.

¹⁵ См.: Брокгауз Ф.Р., Ефрон И.А. Указ. соч.

¹⁶ См.: Колоколов Н.А. Генезис и эволюция оперативного судебного контроля в России // Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: Юрайт, 2011. С. 591.

6. Рыжаков А.П. Субъекты (участники) уголовного процесса. М.: Дело и Сервис, 2013. 272 с.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ // СПС «Консультант Плюс».
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 2. 573 с.
9. Чистяков О.И., Виленский Б.В. Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. 496 с.

References (transliteration):

1. Brokgauz F.R., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar'. SPb., 1890—1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/112/112881.shtml> (poslednee poseshchenie — 06 fevralya 2014 g.).
2. Kolokolov N.A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika. M.: Yurait, 2011. 1038 s.
3. Lazareva V.A., Tarasov A.A. Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: ucheb. dlya magistr. M.: Yurait, 2012. 476 s.
4. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd. M.: Norma: Infra-M, 2010. 240 s.
5. Ryzhakov A.P. Kommentarii k Postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 g. № 1 «O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» // SPS «Konsul'tant Plyus».
6. Ryzhakov A.P. Sub'ekty (uchastniki) ugovnogo protsesssa. M.: Delo i Servis, 2013. 272 s.
7. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii // SPS «Konsul'tant Plyus».
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1910. T. 2. 573 s.
9. Chistyakov O.I., Vilenskii B.V. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X—XX vv.: v 9 t. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8. 496 s.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

Некоторые проблемы использования специальных знаний в доказывании по уголовному делу в контексте реализации права на состязательное судопроизводство**

Аннотация. В работе анализируются проблемные вопросы, касающиеся порядка получения и применения в уголовном процессе заключения и показаний специалиста. Особое внимание акцентируется на основаниях и условиях признания правоприменителем признака допустимости данного вида доказательств, приобретения ими доказательственного значения. В статье приводятся статистические данные исследований, подтверждающие выводы относительно сложившихся в правоприменительной практике проблем и степени их актуальности для эффективного и справедливого осуществления правосудия по уголовным делам. Указанные проблемы рассматриваются через призму нарушенного баланса сил и интересов между сторонами обвинения и защиты. Для проведения научного исследования применялись исторический, формально-юридический, конкретно-социологический и статистический методы, а также метод комплексного подхода к исследованию проблемных вопросов. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что недостатки уголовно-процессуального законодательства и сложившаяся правоприменительная практика создают препятствия для получения и использования заключения и показаний специалиста участниками уголовного судопроизводства, выступающими на стороне защиты. В связи с этим предлагаются рациональные пути решения обозначенных проблем и устранения пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: специальные знания, заключение специалиста, допустимость доказательств, доказательственное значение, сторона защиты, баланс сил, процессуальные действия, принцип состязательности, Устав уголовного судопроизводства, правоприменительная практика.

Институт использования специальных знаний в отечественном уголовном процессе имеет достаточно длительную и сложную историю. Еще в начале XVI в. так называемыми сведущими лицами при судебных разбирательствах проводились осмотры документов в целях установления их подлинности, а также исследовались почерки и подписи. В документах рассматриваемого периода достаточно часто упоминаются случаи проведения судебно-медицинских исследований (например, в 1535 г. врач Феофил по поручению правительницы Елены произвел освидетельствование удельного князя Андрея Старицкого по поводу подозрения в симуляции болезни)¹. Наличие норм о фальшивомонетни-

честве и подлоге документов в IV и V главах Соборного Уложения 1649 г. также прямо свидетельствует о том, что уже в период раннего абсолютизма специальные знания широко применялись на практике для выявления и раскрытия преступлений, на что указывает подробное описание составов указанных преступлений и способов их совершения («в серебро учнут прибавливати медь или олово или свинец...»)². Прообраз норм института судебной экспертизы содержал Указ от 9 декабря 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения»³. Отдельные

¹ См.: Петрова Т.В. Исторический опыт использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. URL: <http://alldocs.ru/zakons/index.php?from=9355> (дата обращения — 24 февраля 2014 г.).

² Тихомиров М.Н., Епифанов П.Н. Соборное Уложение 1649 г. М.: Моск. ун-т, 1961. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#4> (дата обращения — 24 февраля 2014 г.).

³ См.: Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. С. 5.

© Гудовских Т.С., 2014

* Гудовских Татьяна Сергеевна — студент кафедры уголовного процесса, Ульяновский государственный университет.

[Icekress@mail.ru]

432700, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

нормы, регламентирующие порядок применения специальных знаний в области судебной медицины, содержались в Артикуле воинском Петра I от 26 апреля 1715 г., в котором было прописано указание о привлечении «сведущих лиц» (лекарей) для исследования повреждений потерпевшего (артикул 154 гл. 19 — «О смертном убийстве»)⁴.

В то же время вплоть до судебной реформы второй половины XIX в. российское законодательство не содержало конкретизированных норм, регламентирующих основания и порядок применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, хотя определенные предпосылки для этого уже существовали. Ситуация кардинально изменилась с принятием Судебных уставов 1864 г., которые не только полностью изменили порядок осуществления предварительного расследования, закрепили новые принципы судопроизводства и отменили такой процессуальный рудимент, как теория формальных доказательств, но и возвысили статус «сведущих лиц», заключения которых теперь приобрели важное доказательственное значение, а вместе с тем потребовали и колоссального развития специальных знаний, что было вызвано развитием науки и совершенствованием способов совершения преступлений. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусмотрел выполнение «сведущими людьми» трех основных функций:

1) участие в следственных действиях (прежде всего в осмотре места совершения преступления и при освидетельствовании) для закрепления и изъятия следов преступления;

2) исследование этих следов и других предметов, представленных органами предварительного расследования или судом для получения вывода в форме заключения, имеющего доказательственное значение;

3) дача разъяснений органам предварительного расследования и суду по вопросам, относящимся к области их специальных (профессиональных) знаний⁵.

При этом именно в Уставе уголовного судопроизводства было впервые в российском процессуальном законодательстве намечено разграничение между судебной экспертизой в чистом виде (§ 3 отд. 1 гл. 4) и следственными действиями, производство которых происходило при участии «сведущих людей», что содержит определенные признаки выделения специалистов в отдельную категорию лиц, обладающих специальными знаниями (§ 2 отд. 1 гл. 4).

⁴ Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения — 24 февраля 2014 г.).

⁵ См.: Махов В.Н. Становление заключения и показаний специалиста как доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // *Российский следователь*. 2013. № 9. С. 6.

Процесс развития норм о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве неразрывно связан с тенденцией обособления норм о судебной экспертизе и норм об участии специалиста в производстве отдельных следственных действий. Это нашло свое закономерное отражение в УПК РСФСР 1960 г., нормы которого первоначально закрепили участие специалиста при производстве таких следственных действий, как осмотр (ст. 179 УПК РСФСР), следственный эксперимент (ст. 183 УПК РСФСР) и получение образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК РСФСР). Однако уже в 1966 г. был принят Указ Президиума ВС РСФСР от 31.08.1966 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который детально регламентировал порядок участия специалиста как при производстве отдельных следственных действий, перечень которых был существенно расширен, так и в ходе судебного разбирательства. Действующий УПК РФ во многом воспринял указанные положения (ст. 58, 71, 80, 168, 251 и др.).

Вовлечение специальных знаний в уголовный процесс — результат необходимости познания объективной действительности. Заинтересованность государства в уголовном преследовании предопределило наличие указанного инструмента в руках стороны обвинения и суда. И только переориентация уголовного судопроизводства с борьбы с преступностью на защиту прав и свобод человека в корне изменило концептуальный подход к использованию специальных знаний. Особо остро встают указанные проблемы в контексте состязательности уголовного процесса. Специальные знания как отражение объективных достижений науки и техники должны быть одинаково доступны как стороне обвинения, так и стороне защиты. Большой шаг в этом направлении был сделан при внесении в уголовный процесс такого вида доказательства, как заключение и показания специалиста, получение которых на досудебных стадиях процесса не связано с инициативой исключительно стороны обвинения. Однако нормы, содержащиеся в УПК РФ, не позволяют в полной мере воспользоваться указанными способами собирания сведений и тем самым обеспечить реальную состязательность в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, некоторые вопросы применения специальных знаний, особенно на стадии досудебного производства, до сих пор недостаточно хорошо регламентированы, существуют проблемные вопросы, которые требуют более детальной регламентации.

Первая и наиболее очевидная проблема состоит в неопределенном процессуальном статусе заключения специалиста, непризнании за

ним доказательственного значения, равного заключению эксперта (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Данный вид доказательства был включен в УПК РФ Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Заключение специалиста имеет правовую, а главное, и логическую природу, аналогичную природе заключения эксперта. Специалист может быть допрошен и, соответственно, несет ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Следовательно, недопустимо лишать заключение специалиста доказательственного значения. По своему содержанию это такое же доказательство, как и заключение эксперта, однако именно оно, в отличие от заключения эксперта, позволяет привнести в уголовное судопроизводство специальные знания стороной защиты⁶.

Однако по вопросу о его силе как доказательства однозначного мнения в отечественной процессуальной доктрине и правоприменительной практике не сложилось до сих пор. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» принципиально различает «суждения» специалиста и «выводы» эксперта. Подчеркивается невозможность проведения исследования специалистом, а при необходимости рекомендуется назначать экспертизу. При таком подходе заключение специалиста воспринимаются как имеющие необязательное, второстепенное значение.

Практика следует путем, указанным Верховным Судом РФ. По результатам проведенного Е.А. Семеновым анкетирования 134 сотрудников органов дознания и следствия МВД РФ, 95 % опрошенных выразили положительное отношение к новому виду доказательств⁷. В то же время, как отмечает Т.Ю. Маркова, в настоящее время заключение специалиста чаще всего отвергается правоприменителем в качестве доказательства по различным, как правило, не соответствующим закону основаниям, которые сводятся к следующему:

- 1) заключение специалиста — всего лишь его суждение по определенным вопросам;
- 2) заключение специалиста получено процессуальным путем;
- 3) специалист не имеет лицензии на дачу заключения;
- 4) специалист дает свое заключение в интересах той стороны, которая его привлекает (поскольку она оплачивает его услуги);

⁶ См.: Маркова Т.Ю. Заключение специалиста — доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 14–15.

⁷ См.: Семенов Е.А. Заключение специалиста как источник доказательств // Адвокатская практика. 2010. № 2. С. 15.

5) специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

При этом заключение специалиста не рассматривается в качестве доказательства лишь в тех случаях, когда оно предоставлено подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим либо его представителем⁸. О том, что заключение специалиста практически не используется в практике органов предварительного расследования, свидетельствуют и исследования Е.А. Артамоновой⁹. Проведенный анализ практики судов по Приволжскому ФО (в общей сложности было изучено 53 приговора и 27 кассационных определений за период с 2010 по 2012 г.) по вопросам оценки судами заключения и показаний специалиста, выступающего на стороне защиты, также показал, что в подавляющем большинстве случаев суд, пользуясь сравнительно небольшим объемом правовой регламентации, признавал данные виды доказательств недопустимыми и недостоверными¹⁰.

Таким образом, в сложившейся ситуации грубым образом нарушается баланс и равенство между сторонами защиты и обвинения, а значит, и сам принцип состязательности в уголовном судопроизводстве, провозглашенный в ст. 15 УПК РФ. Следует согласиться с мнением Н.С. Мановой о том, что это формально обусловлено требованием допустимости. Доказательством могут являться только сведения, полученные в установленном законом порядке. Если УПК РФ не регламентирует порядок получения заключения специалиста, то сведения, содержащиеся в таком заключении, априори не могут обладать свойством допустимости, а значит, заключение специалиста в данном случае может быть приобщено к материалам уголовного дела, однако доказательственного значения оно иметь не может¹¹.

Действительно, если проанализировать нормы УПК РФ, регламентирующие порядок участия специалиста в уголовном судопроизводстве, можно обнаружить, что в настоящее время не урегулированы такие проблемы, как порядок постановки вопросов перед специалистом, порядок представления заключения специалиста лицу, осуществляющему предварительное расследование, порядок допроса специалиста, содержание

⁸ См.: Маркова Т.Ю. Указ. соч. С. 13–14.

⁹ См.: Артамонова Е.А. Основы теории доказательств в современном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 132.

¹⁰ См.: Максимов О.А., Нагорный В.А. Некоторые теоретические и практические вопросы участия специалиста на стороне защиты // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 12.

¹¹ См.: Манова Н.С. Заключение и показания специалиста: опыт и перспективы использования в доказывании по уголовным делам // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. С. 214–215.

заключения специалиста и требования, предъявляемые к нему.

Таким образом, детальной регламентации требуют вопросы, разрешение которых позволит придать заключению специалиста необходимый процессуальный статус и доказательственное значение и безусловно наделить его свойством допустимости как в случаях предоставления их стороной обвинения, так и стороной защиты. До тех пор пока указанные вопросы не получат детальной регламентации в УПК РФ, данные доказательства будут признаваться недопустимыми по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, либо не будут приниматься органами предварительного расследования и судом в расчет при вынесении решения по делу. В связи с этим, требуется внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на дальнейшее совершенствование норм об участии специалиста в уголовном судопроизводстве.

В действующем УПК РФ вопросам производства судебной экспертизы посвящена одноименная гл. 27, в то время как нормы о привлечении специалиста к участию в следственных и судебных действиях носят разрозненный характер. Исправить сложившуюся ситуацию целесообразно одним из следующих способов:

- 1) путем включения в УПК РФ гл. 27.1 «Получение заключения и показаний специалиста»;
- 2) путем включения соответствующих норм в гл. 27 УПК с соответствующим изменением названия главы на «Производство судебной экспертизы и получение заключения и показаний специалиста».

Предлагаемые нормы должны содержать указания на основания и порядок привлечения специалиста к участию в следственных и судебных действиях с целью дачи заключений по тем или иным вопросам, требующим специальных познаний, процессуальный порядок оформления привлечения специалиста к участию в следственных и судебных действиях, требования к оформлению заключения специалиста и его содержанию, права участников уголовного судопроизводства при привлечении специалиста к участию в процессуальных действиях, порядок допроса специалиста и дачи им показаний.

Стоит отметить, что предложения по наделению участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне защиты, субъективными правами в отношении назначения и производства заключения специалиста и включения соответствующих дополнений в ст. 198 УПК РФ высказывались

и ранее, однако в силу ряда причин так и не были услышаны российским законодателем¹².

Другим тесно связанным с нарушением баланса сил между сторонами обвинения и защиты комплексом проблем является использование заключения и показаний специалиста представителями стороны защиты. Так, буквальный анализ содержания ст. 58 УПК РФ свидетельствует о том, что специалист вправе принимать участие в любых следственных и судебных действиях, закон не содержит никаких ограничений, касающихся данной деятельности. В то же время ст. 86 УПК РФ прямо не называет заключение специалиста в качестве доказательств, которые вправе собирать защитник. Более того, ч. 2 ст. 58 УПК РФ говорит о том, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются ст. 168 и 270 УПК РФ, в то время как ст. 168 УПК РФ содержит указание лишь на право следователя привлечь специалиста к участию в следственном действии. Исходя из рассмотренных положений уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод, что законодатель изначально (умышленно или случайно) лишил сторону защиты права на привлечение специалиста с целью дачи заключения и показаний по тем или иным вопросам, требующим специальных знаний, которые могут повлиять на результаты предварительного расследования и вынесение судом соответствующего решения при рассмотрении дела по существу. Решить данную проблему можно путем включения в ст. 168 УПК РФ указания на возможность привлечения специалистов к участию в следственных действиях не только по решению следователя, но и по ходатайству иных участников уголовного судопроизводства (прежде всего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, защитника или представителя).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон требует внесения существенных корректив, направленных на более детальную регламентацию вопросов, касающихся применения специалистом специальных знаний при производстве следственных и (или) судебных действий. Эти новеллы позволят восстановить нарушенный баланс сил и интересов между сторонами обвинения и защиты и тем самым создадут условия для реального воплощения принципа состязательности в условиях российской правовой действительности и сложившейся правоприменительной практики.

¹² См.: Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминологии. 2004. Вып. 1 (9). С. 19–25.

Библиография:

1. Артамонова Е.А. Основы теории доказательств в современном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. 168 с.
2. Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 1 (9). С. 19–25.
3. Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. 35с.
4. Максимов О.А., Нагорный В.А. Некоторые теоретические и практические вопросы участия специалиста на стороне защиты // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 12–15.
5. Манова Н.С. Заключение и показания специалиста: опыт и перспективы использования в доказывании по уголовным делам // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. С. 214–221.
6. Маркова Т.Ю. Заключение специалиста-доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 13–16.
7. Махов В.Н. Становление заключения и показаний специалиста как доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2013. № 9. С. 6–9.
8. Семенов Е.А. Заключение специалиста как источник доказательств // Адвокатская практика. 2010. № 2. С. 15–17.

References (transliteration):

1. Artamonova E.A. Osnovy teorii dokazatel'stv v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve. M.: Yurлитinform, 2010. 168 s.
2. Bykov V.M., Sitnikova T.Yu. Zaklyuchenie spetsialista i osobennosti ego otsenki // Vestnik kriminalistiki. 2004. Vyp. 1 (9). S.19–25.
3. Krylov I.F. Kriminalisticheskaya ekspertiza v Rossii i v SSSR v ee istoricheskom razvitii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. L., 1966. 35 s.
4. Maksimov O.A., Nagornyi V.A. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy uchastiya spetsialista na storone zashchity // Advokatskaya praktika. 2013. № 2. S.12–15.
5. Manova N.S. Zaklyuchenie i pokazaniya spetsialista: opyt i perspektivy ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugovolnym delam // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2011. № 2. S. 214–221.
6. Markova T.Yu. Zaklyuchenie spetsialista-dokazatel'stvo v ugovnom sudoproizvodstve? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2010. № 2. S.13–16.
7. Makhov V.N. Stanovlenie zaklyucheniya i pokazanii spetsialista kak dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii sledovatel'. 2013. № 9. S. 6–9.
8. Semenov E.A. Zaklyuchenie spetsialista kak istochnik dokazatel'stv // Advokatskaya praktika. 2010. № 2. S.15–17.

Материал поступил в редакцию 01 марта 2014 г.

И.С. Дикарев*

Инстанционность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам: история и современность**

Аннотация. Инстанционность является организационным началом пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Автор статьи рассматривает вопрос о количестве кассационных инстанций в современном уголовном процессе, обосновывает вывод о необходимости функционирования на уровне страны высшего кассационного суда, который должен обеспечивать единство судебной практики. Действующая в России система пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам сопоставляется с моделью классической кассации, воспринятой российским законодательством в XIX столетии. Автор проследил эволюцию становления инстанционности в российском уголовно-процессуальном законодательстве со времени действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., отметив устойчивую тенденцию к увеличению числа проверочных инстанций в советском уголовном процессе. Идея единства кассационного суда, по мнению автора, вовсе не означает, что в системе уголовного процесса должна быть лишь одна кассационная инстанция. Множественность таких инстанций вполне допустима и оправдана, так как повышает результативность пересмотра и тем самым создает дополнительные гарантии конституционного права личности на судебную защиту. Но при этом принципиально важно, чтобы в судебной системе был высший кассационный суд, поскольку без этого невозможно обеспечить единство судебной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, кассация, надзор, инстанционность, единство кассационного суда, единство судебной практики, обжалование, суд кассационной инстанции, суд надзорной инстанции, пересмотр судебного решения.

Характерной чертой российского уголовного процесса является инстанционный порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Современное состояние инстанционности как коренного начала проверки судебных решений является результатом длительной эволюции законодательства, неизменно испытывающего на себе активное и творческое влияние юридической науки.

Начало инстанционности заложено в самой природе судопроизводства. Оно служит организационным механизмом, который обеспечивает сторонам судебного спора возможность обжаловать неправосудный, по их мнению, судебный акт, а вышестоящему суду — проверить правильность выносимых судебных решений и следить за единообразным применением закона на всей территории государства.

Становление инстанционности как начала проверки законности вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда шло в российском судопроизводстве постепенно.

Октябрьская революция ознаменовалась полным уничтожением всей существовавшей ранее судебной системы. В Декрете о суде от 24.11.1917 № 1¹ Совет народных комиссаров постановил упразднить все донныне существовавшие общие судебные установления, как то: окружные суды, судебные палаты и Правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов.

Столь решительные действия новой власти стали следствием того урока, который российские революционеры извлекли из опыта поражения Парижской коммуны. В своей работе «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Ра-

¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. док. / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. С. 31–32.

© Дикарев И.С., 2014

* Дикарев Илья Степанович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

[dikarew@mail.ru]

400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

бочих» Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали о том, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»² (позднее эта идея вновь прозвучала в предисловии к немецкому изданию 1872 г. «Манифеста Коммунистической партии»³). Разбить старую государственную машину значило, в частности, уничтожить один из рычагов этой машины, каким был суд, и заменить его новым, по-новому устроенным судом. Как писал Н.Н. Полянский, опыт Парижской коммуны, представлявшей собой неполную и непрочную диктатуру пролетариата, позволил предостеречь российский пролетариат от повторения ошибок, приведших к гибели Коммуны⁴.

Однако создать принципиально новый порядок судопроизводства большевикам все же не удалось. В организации советской юстиции отчетливо просматриваются некоторые черты судопроизводства царской России, что вполне объяснимо, ведь создатели нового пролетарского суда не могли полностью освободиться от сложившихся еще в до-революционный период представлений о том, как должна быть организована уголовная юстиция.

Например, в науке уголовного процесса XIX — начала XX вв. преобладало мнение о том, что в стране должен быть лишь один кассационный суд, надзирающий за нижестоящими судебными местами и обеспечивающий единство судебной практики. В царской России таким судебным органом был Правительствующий Сенат, а в Советской России аналогичную функцию выполняли сначала Верховный судебный контроль, затем Кассационный суд в г. Москве, состоящий из двух отделений — гражданского и уголовного, а позднее — Высший судебный контроль при Народном комиссариате юстиции.

На тех же началах строилась и система военных трибуналов, в которой функции кассационного органа поочередно выполняли Кассационное отделение Народного комиссариата юстиции, Кассационный отдел при ВЦИК, Кассационный Трибунал при Центральном исполнительном комитете Советов и, наконец, единый Верховный Трибунал при ВЦИК.

В 1922 г. в РСФСР учреждается Верховный суд⁵, на который было возложено осуществление судебного контроля над всеми без исключения судебными местами РСФСР и рассмотрение *в порядке надзора всех дел, разрешенных любыми судами Республики;*

а в 1923 г. — Верховный Суд СССР, к компетенции которого в сфере судебного надзора было отнесено опротестование перед Президиумом ЦИК Союза ССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик. Соответствующие вопросы вносились, докладывались и поддерживались в ЦИК Союза ССР председателем Верховного Суда СССР. Таким образом, Президиум ЦИК СССР, не будучи судебным органом, фактически выполнял функции второй надзорной инстанции. *Именно с этого времени начало инстанционности (в смысле наличия одновременно нескольких вышестоящих инстанций) пересмотра судебных решений в порядке надзора получило реальное воплощение на практике.*

Губернским судам надзорные функции первоначально не передавались, они оставались исключительно в компетенции Верховного Суда РСФСР. Такое положение вещей, по нашему мнению, объяснялось тем, что функция судебного надзора рассматривалась в то время прежде всего как элемент функции управления, призванный обеспечить *единство судебной практики*. Неслучайно в юридической литературе данного исторического периода указывалось на то, что «нельзя передать разрешение дел в порядке надзора в пленум губсуда, ибо последнее нарушило бы единство судебной практики»⁶.

Однако из-за возросшей нагрузки Верховного суда РСФСР принятые в 1924 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г.⁷ допустили возможность закрепления права губернских судов на пересмотр приговоров, вошедших в законную силу, законодательством соответствующей союзной республики. И уже в 1926 г. Положение о судостроительстве РСФСР⁸ возложило на пленумы губернских судов обязанность рассматривать представления губернского прокурора и председателя губернского суда об отмене в порядке надзора судебных решений нижестоящих судов.

Таким образом, в системе пересмотра судебных решений в порядке надзора появилась еще одна, уже третья по счету, инстанция.

В 1938 г. президиумы и пленумы судов областного уровня были ликвидированы, но ненадолго — в 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР⁹ в составе верховных судов союзных и ав-

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 235.

³ См.: Там же. Т. 1. С. 96.

⁴ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во МГУ, 1956. С. 7, 8.

⁵ См.: Положение о судостроительстве РСФСР, принято постановлением ВЦИК от 11.11. 1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 202.

⁶ Вопрос об упрощении кассационного производства в юридическом кружке при местном Верховном Суде // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 40. С. 925.

⁷ См.: Собрание законов СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.08.1954 «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // Ведомости ВС СССР. 1954. № 17. Ст. 360.

тономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей вновь были образованы президиумы.

УПК РСФСР 1960 г. придал системе надзорного пересмотра вступивших в законную силу судебных решений завершённую форму, в основе которой лежало начало инстанционности.

Инстанционность надзорного пересмотра вступивших в законную силу судебных решений сохранилась и в УПК РФ 2001 г. В соответствии со ст. 403 УПК РФ, функции надзорной инстанции были возложены на: 1) Президиум Верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа; президиум окружного (флотского) военного суда; 2) Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ; Военную коллегию Верховного Суда РФ; 3) Президиум Верховного Суда РФ.

В результате проведенной законодателем реформы проверочных стадий уголовного процесса¹⁰ произошло существенное обновление законодательной регламентации процедуры производства в судах кассационной и надзорной инстанций.

Законодатель, по сути, разделил прежде единую систему судов надзорной инстанции, предоставив полномочие осуществлять надзорный пересмотр вступивших в законную силу судебных актов исключительно Президиуму Верховного Суда РФ, а прежним надзорным инстанциям — президиумам судов областного уровня и судебным коллегиям Верховного Суда РФ — отвел роль судов кассационной инстанции.

Несмотря на произошедшее «переименование» стадий, порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам во многом остался прежним. Ученые процессуалисты и практические работники отмечают почти полное тождество в нормативной регламентации обновленных кассации и надзора¹¹. По мнению В.А. Давыдова, закон сохранил прежний судоустройственный и судопроизводственный порядок проверки и пересмотра таких судебных решений¹².

Однако, по мнению ряда исследователей, реформа не достигла своей цели, которую видели в приближении действующего порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных актов к современной

европейской модели пересмотра судебных решений, в возрождении «классической кассации», лежавшей в основе также дореволюционного российского уголовно-процессуального законодательства.

Основной упрек, адресуемый законодателю, связан с отсутствием единой кассационной инстанции и, как следствие, сохранением неоднократной кассационной проверки вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда¹³.

Как отмечает Л.В. Головкин, в силу принципа единства кассационной инстанции кассационными полномочиями может быть наделен лишь один судебный орган, находящийся на вершине судебной пирамиды. В свое время Правительствующий Сенат был единой кассационной инстанцией для всей Российской империи. Резюмируя результат произошедших в уголовно-процессуальном законодательстве преобразований, Л.В. Головкин отмечает, что после вступления в силу 1 января 2013 г. нового закона российская судебно-инстанционная система совершенно не приблизится к европейским стандартам и не избавится от своих фундаментальных недостатков¹⁴.

Впрочем, среди ученых имеются сторонники и противоположной позиции, в основе которой лежит положительная оценка начала инстанционности. «Инстанционность, — пишут Е.В. Колесников и Н.М. Селезнева, — призвана обеспечить законность и обоснованность принимаемых судами решений, устранение допущенных нарушений законности, восстановление справедливости и нарушенных прав участников процесса»¹⁵.

Для того чтобы сформировать верное представление о «должном» инстанционном построении системы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, необходимо учесть российский опыт организации проверки судебных решений на основе «классической кассации».

Российское дореволюционное законодательство возлагало функции верховного кассационного суда на Правительствующий Сенат (ст. 108 Основных положений уголовного судопроизводства 1862 г.¹⁶).

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

¹¹ См.: Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 49.

¹² См.: Принятие Федерального закона №433-ФЗ — весьма значимый этап судебной реформы (интервью с членом Президиума Верховного Суда РФ В.А. Давыдовым) // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 12.

¹³ См.: Ковтун Н.Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России — стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 224.

¹⁴ См.: Головкин Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. С. 45, 48.

¹⁵ Колесников Е.В., Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов: СГАП, 2008. С. 126.

¹⁶ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 2. С. XVIII.

Воспринимая организацию кассации, принятую во Франции, российский законодатель XIX столетия не просто копировал успешный зарубежный опыт, но делал это, стремясь избавиться от вековой проблемы российского дореформенного судопроизводства — волокиты.

Как писал С.К. Гогель, многочисленность инстанций была главным источником той бесконечной волокиты, которая лишала правосудие надлежащей силы, не доставляя никаких особых гарантий справедливости решений, зависящей от способности, юридических сведений, прилежания и беспристрастности судей, а не от более или менее высокого их положения. Чтобы положить конец такому нерациональному порядку судопроизводства, основными положениями преобразования судебной части постановлено, что каждое дело решается не более как в двух судебных инстанциях, но окончательные приговоры могут быть отменяемы в особом порядке кассации, в случаях явного нарушения закона или форм и обрядов судопроизводства, столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силу судебного решения¹⁷.

И.В. Михайловский считал необходимым признаком понятия кассационного суда его единство для всего государства и верховный надзор за всеми судами, гарантирующий правильное и единообразное понимание и применение закона. «Раздробление кассационных функций, — писал он, — неминуемо будет иметь своим последствием шатание и неопределенность практики, разнообразие, а подчас и произвол в истолковании законов и неустойчивость правовой жизни: то, что в округе одной судебной палаты будет признаваться мошенничеством, в другой превратится в гражданский иск, что одна палата признает законным требованием администрации, соседняя будет считать незаконным и т.д. до бесконечности. Какой соблазн для населения, какой источник пуганицы для судов, какая богатая почва для злоупотреблений!»¹⁸.

Однако следует подчеркнуть, что идея единства кассационного суда не означает «единственности» кассационного суда. Идея эта вовсе не в том, чтобы дело проходило кассационную инстанцию только один раз, но в том, чтобы над всеми судами государства стоял один высший кассационный суд, без чего невозможно обеспечить единообразное толкование и применение закона.

Даже на этапе обсуждения проектов Судебных уставов 1864 г. между их разработчиками не было согласия в этом вопросе. Многие из них

высказались за разделение кассационной власти между сенатом и судебными палатами, а потому в таком разделении нет ничего несовместимого с «классической» кассацией.

«Мы согласны, — писал К.К. Арсеньев, — что *верховный* кассационный суд может и должен быть только один; но из этого вовсе еще не следует, чтобы кассационная власть должна была принадлежать только одному суду... Авторитет сената может быть поддержан не сосредоточением в нем кассационных жалоб на все без исключения суды империи... а сохранением за ними влияния, хотя бы и не всегда прямого, на деятельность всех судебных мест. При наличности такого влияния нет повода опасаться ни юридического сепаратизма областей, ни постоянного уклонения от смысла законов в разрешении важнейших вопросов возникающих по делам, подсудным мировому суду»¹⁹.

Таким образом, в распространении на кассацию начала инстанционности нет коренного противоречия. Возможность допущения повторного кассационного рассмотрения зависит от особенностей судостройства. Более того, в теории уголовного процесса даже существует специальный термин для обозначения такой организации кассационной проверки судебных решений, когда ее осуществляют последовательно несколько судебных инстанций: «разделение кассационной власти»²⁰.

Для решения вопроса о количестве кассационных инстанций следует исходить из функционального назначения пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, которое состоит в исправлении судебных ошибок и, в конечном счете, обеспечении личности права на судебную защиту.

Уголовное дело должно завершить свое хождение вверх по ступеням судебной системы там, где суд будет гарантирован от ошибок. Такой судебной инстанции не существует в принципе, поэтому законодатель обоснованно использует весь потенциал судебной системы для устранения судебных ошибок. Что же касается модели судопроизводства, в которой функционирует единственная кассационная инстанция, то здесь следует заметить, что такая модель во многом основана на фикции, состоящей в убеждении о непогрешимости высшего кассационного суда.

В основе позиции российского законодателя, сохраняющего множественность кассационных инстанций, лежит *реалистичный взгляд* на возможности судов, осуществляющих кассационный пересмотр судебных актов, к числу которых (несмотря на именованное надзорной инстанцией) относится и Президиум Верховного Суда РФ. Осознавая и *de facto* признавая невозможность полностью исклю-

¹⁷ См.: Гогель С.К. Правительствующий Сенат в XIX столетии. Компетенция. делопроизводство. Уголовный процесс. Охранение прав личности. СПб.: Сенатская тип., 1911. С. 178.

¹⁸ Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1905. С. 310–314.

¹⁹ Арсеньев К. Реформа кассационного суда и кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. 4. С. 105.

²⁰ См.: Там же. С. 99.

читать из практики судебные ошибки, законодатель допускает пересмотр даже судебных актов, вынесенных этой — высшей — судебной инстанцией страны (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ).

В свете положения ст. 2 Конституции РФ, возлагающей на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, инстанционность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений следует рассматривать прежде всего как гарантию реализации в уголовном процессе права на судеб-

ную защиту. Множество ступеней одной инстанции необходимо для того, чтобы задействовать в проверке законности приговоров, определений и постановлений суда как можно больше судебных органов с тем, чтобы повысить вероятность обнаружения и исправления судебной ошибки, если таковая была допущена. Инстанционность, таким образом, обеспечивает организационные условия для реализации участниками процесса права обжалования, с одной стороны, и для обеспечения единства судебной практики, с другой.

Библиография:

1. Алексеева Л.Б. Некоторые проблемы пересмотра судебных решений // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2010. № 3. С. 427–437.
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. 188 с.
3. Арсеньев К. Реформа кассационного суда и кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. 4. С. 42–143.
4. Вопрос об упрощении кассационного производства в юридическом кружке при местном Верховного Суда // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 40. С. 924–925.
5. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. док. / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. 635 с.
6. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъясны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С.44–51.
7. Ковтун Н.Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России — стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С.219–225.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1980. Т. 1. 640 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1980. Т. 2. 547 с.
10. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1905. 336 с.
11. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во МГУ, 1956. 272 с.
12. Принятие Федерального закона № 433-ФЗ — весьма значимый этап судебной реформы (интервью с членом Президиума Верховного Суда РФ В.А. Давыдовым) // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 10–17.
13. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 2. 523 с.

References (transliteration):

1. Alekseeva L.B. Nekotorye problemy peresmotra sudebnykh reshenii // LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON). 2010. № 3. С. 427–437.
2. Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya / pod obshch. red. N.A. Kolokolova. M.: Yurist, 2011. 188 s.
3. Arsen'ev K. Reforma kassatsionnogo suda i kassatsionnogo proizvodstva // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1876. Kn. 4. S.42–143.
4. Vopros ob uproshchenii kassatsionnogo proizvodstva v yuridicheskom kruzhek pri mestkome Verkhovnogo Suda // Ezhenedel'nik sovet'skoi yustitsii. 1923. № 40. S. 924–925.
5. Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugovnomu protsessu i organizatsii suda i prokuratury 1917–1954 gg.: sb. dok. / sost. L.N. Gusev; pod red. S.A. Golunskogo. M.: Gosyurizdat, 1955. 635 s.
6. Kovtun N.N. Apellyatsionnoe, kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo v ugovnom protsesse: iz'yany zakonodatel'nykh novell // Ugovolny protsess. 2011. № 3. S. 44–51.
7. Kovtun N.N. Osnovnye nachala proverki sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse Rossii — stereotipizatsiya pravovykh ustanovok // Yuridicheskaya tekhnika. 2011. № 5. S. 219–225.
8. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. M.: Politizdat, 1980. T. 1. 640 s.
9. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. M.: Politizdat, 1980. T. 2. 547 s.
10. Mikhailovskii I.V. Osnovnye printsipy organizatsii ugovnogo suda. Ugovolno-politicheskoe issledovanie. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1905. 336 s.
11. Polyanskii N.N. Voprosy teorii sovet'skogo ugovnogo protsessa / pod red. D.S. Kareva. M.: Izd-vo MGU, 1956. 272 s.
12. Prinyatie Federal'nogo zakona № 433-FZ — ves'ma znachimyy etap sudebnoi reformy (interv'y u s chlenom Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF V.A. Davydovym) // Ugovolny protsess. 2011. № 3. S. 10–17.
13. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoi kantselyarii. 2-e izd., dop. SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1867. Ch. 2. 523 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Суд присяжных: история и современность**

Аннотация. В данной статье рассмотрено становление и развитие суда присяжных в России, начиная с его появления в 1864 г. и до наших дней. Для середины XIX в. это был элемент шоковой терапии, заимствованный из западного правосудия и не вписывающийся в традиции отечественного уголовного судопроизводства. Однако за любым взлетом всегда следует падение. Компетенция суда присяжных начинает сокращаться, и в итоге в 1917 г. данный суд и вовсе упраздняется. Судебная реформа 1991 г. была нацелена на возрождение суда присяжных, этот процесс описан в данной работе. Проведено сравнение старого и нового суда присяжных, выявлены плюсы и минусы данного института и выдвинуты предложения по его совершенствованию. Результаты деятельности суда присяжных позволяют задуматься не только над вопросом, нужен ли суд присяжных в России или нет, но и о дальнейших тенденциях развития этого института, которые описаны в работе. Уже сейчас можно утверждать, что его воссоздание сыграло положительную роль в деле осуществления правосудия.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс, судебная реформа, Устав уголовного судопроизводства, независимость суда, законность приговора, оправдательный вердикт, коллегия присяжных, французская модель суда, Концепция судебной реформы.

Российское право на протяжении веков менялось, трансформировалось. Зачастую инициаторами изменений выступали российские правители, которые и задавали вектор правового развития. Так было в XI–XVIII вв., когда судопроизводство перешло от обвинительного процесса (Русская Правда) к инквизиционному (Судебник 1550 г.), а затем к розыскному (Соборное уложение 1649 г.). При Петре I начался процесс огосударствления правосудия. Судебная реформа 1719 г. распространила репрессивные формы судопроизводства на все дела, были созданы многие судебные органы: провинциальные и городские суды, восемь надворных судов в крупных административных центрах, полковые суды и генеральные кригсрехты, с сохранением альтернативных: Преображенский приказ и Тайная розыскных дел канцелярия с ее комиссиями. Судебной реформой 1775 г. Екатерина II создала систему судов, во главе которой был «Сенат и учрежденные в губерниях палаты уголовного и гражданского суда, под которыми были две ступени судов: уездный и верхний земский суды — для дворянства; выборный магистрат и губернский магистрат — для купечества; нижняя расправа и верхняя расправа — для государственных крестьян»¹. До 1864 г. господствующими в судопроизводстве были

канцелярская тайна и формальная теория доказательств, система юстиции же была медлительной и коррумпированной.

Основными достижениями судебной реформы 1864 г. были создание суда присяжных для всех сословий, прокуратуры как части судебного ведомства и института присяжных поверенных (современная адвокатура). Судьи стали несменяемыми и независимыми. Суд присяжных единственно «самостоятельный суд, независимый от исполнительной власти, и притом словесный и гласный... потому что другого независимого суда на свете нет и не было»². Для того времени это был элемент шоковой терапии, заимствованный из западного правосудия и не вписывающийся в традиции отечественного уголовного судопроизводства.

На первые годы существования этого института во многом повлияло несовершенство и противоречия законодательства (одновременно действовали неизменившееся Уложение 1845 г. в части материального права и новый Судебный устав 1864 г. в процессуальной части). В это время отмечается пик оправдательных приговоров как вызов либеральной оппозиции самодержавному режиму, результатом которого стал пересмотр положений Судебного устава и сокращение компе-

¹ Пашин С.А. Становление правосудия. М.: Р. Валент, 2011. С. 16–17.

² Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 111.

© Дроздова А.А., 2014

* Дроздова Анна Андреевна — аспирант кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [181089ana7@list.ru] 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

тенции суда. Даже французский историк XIX в. К. Кардонн отмечал, что суд присяжных не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как он разочаровал всех своей мягкостью и снисходительностью к опасным преступникам³. В это время начинается процесс контрреформы, затронувший главным образом суд присяжных и мировые судебные учреждения. Компетенция суда присяжных по рассмотрению дел о посягательствах на должностных лиц и ряда других преступлений была существенно ограничена, а в местностях на положении усиленной или чрезвычайной охраны любое дело могло быть передано в военный суд для рассмотрения в закрытом заседании. Так, из компетенции присяжных были изъяты дела о преступлениях против порядка управления⁴ и ряд дел о преступлениях по службе (например, против имущества и доходов казны). Также постепенно редактировались требования к кандидатам в присяжные заседатели путем различных цензов (образовательный, имущественный и т.д.). Государство желало видеть в присяжных своих союзников, а не «стихийный» орган правосудия, что обуславливает недоверие присяжным антигосударственных дел из-за отсутствия прогнозируемости решения.

Вторая волна кризиса суда присяжных началась после Февральской революции 1917 г., когда Временное правительство отменило все цензы для кандидатов в присяжные заседатели. Получив фактически безграничный доступ к отправлению правосудия, население попало в правовую ловушку своей неграмотности, сделав данный институт марионеткой в опытных руках власти. И в итоге 22 ноября 1917 г. Декретом о суде № 1 все судебные органы были упразднены. Были созданы местные суды для рассмотрения уголовных дел, решения которых были окончательными и обжалованию не подлежали, исключение составляли решения с наказанием более 7 лет лишения свободы, на которые можно было подать кассационную жалобу в съезд местных судей.

В 1918 г. появляется народный суд, работающий в составе: 1) единоличного судьи; 2) судьи и двух народных заседателей; 3) судьи и шести народных заседателей. Кассационной инстанцией стал Совет народных судей, избираемый губернским съездом народных судей. К компетенции этого суда относились все дела, кроме уголовных,

которые были подведомственны революционным трибуналам.

Ключевую роль сыграла судебная реформа 1922 г., заложившая сверхцентрализованную судебную систему, а также обыкновения и подходы, существующие и поныне. Все дела рассматривались постоянным народным судьей и двумя народными заседателями либо только постоянным народным судьей⁵. Судебная система стала трехзвенной (народные суды, губернские суды, Верховный Суд РСФСР), а с 1924 г. — четырехзвенной (с образованием СССР появился Верховный Суд СССР).

Важнейшей предпосылкой судебной реформы 1991 г. было признание суверенитета Российской Федерации, объявление ее демократическим правовым государством, функционирование которого основано на принципе разделения властей (п. 13 Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.).

Концепция судебной реформы в РСФСР давала анализ причин кризисного состояния судебной системы в целом, а также предлагала меры по преодолению затруднений и преобразованию судопроизводства на демократических основах.

Судебная реформа была нацелена «на пробуждение общественной совести во имя достижения правды в экстремальных условиях борьбы человека за свою жизнь, свободу и доброе имя»⁶. Проводившийся в то время социологический опрос среди работников правоохранительных органов показал, что большинство из них выступает за введение института присяжных заседателей, обосновывая это большой коллегиальностью, независимостью и сокращением злоупотреблений и судебных ошибок. Присяжные не будут зависеть от каких-либо ведомственных показателей (в отличие от судей) и, как следствие, будут более объективны и беспристрастны при решении вопроса о виновности лица.

Предполагалось ввести суд присяжных «по делам о преступлениях (не уголовных проступках), грозящих виновному лишением свободы на срок свыше одного года или более суровым наказанием. При этом по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, а также по некоторым другим, таким, как превышение власти, тяжкие преступления против личности, слушание дела перед присяжными окажется обязательным, а в остальных случаях — факультативным, зависящим от воли обвиняемого»⁷.

³ См.: Демичев А.А. Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 137–150.

⁴ Среди резонансных дел можно выделить следующие: 1867 г. — оправдание чиновника Протопопова, ударившего своего начальника; 1885 г. — присяжные заседатели 101 раз сказали: «нет, не виновен» в адрес бастовавших рабочих Морозовской фабрики; оправдание Веры Засулич, которая выстрелом из пистолета ранила петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова.

⁵ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁶ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

⁷ Там же.

Среди противников данного института высказывались различные мнения, например, о дороговизне подобного суда. Вначале подобные издержки имеют право на существование, но не стоит забывать, что после подъема всегда приходит спад. Именно поэтому размер компенсации присяжным заседателям за вынужденный «прогул» на работе позже будет соотнесен с их редким созывом, по той простой причине, что преступники-рецидивисты вряд ли смогут рассчитывать на снисхождение скамьи присяжных, поэтому будет гораздо удобнее рассматривать их дела стандартным судом.

Другим аргументом выступает отсутствие единой законности. Однако и здесь можно поспорить, так как в период действия суда присяжных в Российской империи обвинительные приговоры присяжных были более обоснованными, чем у судей. К тому же никто не собирается лишать права на обжалование приговора и рассмотрения дела вышестоящим судом в составе профессиональных судей.

С 1993 г. можно говорить о возрождении суда присяжных в России, тогда он появился в девяти регионах страны: Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях, Ивановской, Московской, Ростовской, Рязанской, Саратовской и Ульяновской областях.

Современная практика деятельности этого института показала противоречивые результаты, поэтому, если иметь в виду недостаточную «подконтрольность» присяжных заседателей, вынесение ими «странных» вердиктов и многочисленные проблемы с формированием коллегии, связанные с отказом присяжных от выполнения своего долга, который обосновывается страхом перед преступником, происходит постоянное сокращение деятельности суда присяжных, в том числе сокращение количества подсудных ему дел. С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что в современной России судьба данного института висит на волоске, суд присяжных находится на грани выживания.

Существует масса способов избавления от неугодного института уже в судебном процессе. «Так, в середине 90-х годов XX века многие приговоры суда присяжных отменялись под тем предлогом, что председательствующий, пользуясь статьей процессуального закона, формулировал вместо трех основных вопросов единственный вопрос о виновности; кассационная инстанция требовала, чтобы этот вопрос «включал в себя» и вопрос о доказанности события преступления. В итоге дезориентированные судьи первой инстанции вписывали в вопросные листы уродливые конструкции вроде «Доказано ли, что подсудимый виновен?»»⁸.

Ни для кого не секрет, что в уголовном процессе самый нежелательный исход — это оправдательный приговор. Поэтому противники суда присяжных придумали целый арсенал средств, направленный на профанацию такого суда, на воспрепятствование вынесения вердикта коллегией и на отмену неугодного вердикта. Например, список кандидатов составляется методом случайной выборки, механизм работы которой мало кому понятен, что зачастую приводит к тому, что большинство кандидатов приглашаются из тех городов, где находится и суд. Так, «определением Верховного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. был отменен приговор суда присяжных Ульяновского областного суда по делу Ануфриева, поскольку в Димитровграде «списки присяжных заседателей составлялись не методом случайной выборки», а «с учетом мнений горожан и данных, характеризующих личность граждан»»⁹.

Следующим орудием против суда присяжных является внедрение в их состав работника правоохранительных органов, так называемого «агента», задачей которого является «изобличение» себя в случае вынесения оправдательного приговора. Так, определением Верховного Суда РФ от 12 сентября 2001 г. был отменен оправдательный вердикт по делу А. и Т., поскольку «присяжный заседатель Г. не сообщил о прохождении им службы в органах внутренних дел в качестве дознавателя, и был избран старшиной коллегии присяжных заседателей»¹⁰.

Среди простых способов изъятия дел у присяжных можно перечислить следующие: уговорить обвиняемого не заявлять ходатайство о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей (нередко с помощью так называемых черных адвокатов); затягивание процесса с помощью роспуска скамьи присяжных; отмена приговора из-за осведомленности присяжных о запретной информации (например, о применении пыток); правильная расстановка акцентов и ударений на нужных словах в речи председательствующего и т.д.

В последнее время мы можем констатировать угасание применения суда присяжных, обвиняемые охотнее соглашаются на особый порядок, а оправдательные приговоры отменяются все чаще и чаще. Именно в такие моменты вспоминаются слова А.Ф. Кони: «Я не могу не вспомнить без глубокого уважения к суду присяжных ряда процессов, где они с честью разобрались в самых сложных обстоятельствах и свято исполнили свой долг перед обществом... Я не могу указать ни одного решения присяжных, которое оставило бы в моей душе впечатление поруганной правды и оскорбленной справедливости... Никем не охраняемые и подчас яростно осуждаемые как «суд

⁸ Пашин С.А. Указ. соч. С. 257.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 261.

улицы”, русские присяжные делали свое дело, не рассчитывая на награды и повышения и не страшась личного неудовольствия начальства или ответственности за то, что послушались голоса совести»¹¹.

Сейчас суд присяжных притесняют не только законодатели, исключая из его компетенции все большее количество дел, но и сами суды в своих постановлениях. Так, в судебной практике прослеживается четкое разграничение вопросов права и факта, но в то же время присяжные лишены возможности устанавливать важные для дела юридические факты. «Отсюда проистекают парадоксальные запреты на постановку перед присяжными заседателями вопросов о намерениях подсудимого, о мотивах его действий, о состоянии аффекта, а также практика расчленения вопросов о виновности на составляющие, по поводу которых высказываются присяжные заседатели, и элементы, констатируемые судьей по собственному разумению и почину»¹².

Результаты деятельности суда присяжных позволяют задуматься не только над вопросом, нужен ли суд присяжных в России или нет, но и о дальнейших тенденциях развития этого института.

Например, прокурор Саратовской области обратил в Совет Федерации с предложением о создании «французского» варианта суда присяжных, при котором 3 профессиональных судей и 5 присяжных участвуют в исследовании доказательств, и профессиональные судьи и присяжные по окончании судебного следствия вместе удаляются в совещательную комнату и решают вопросы о доказанности вины, квалификации преступления и назначении наказания подсудимым. Он обосновывал это тем, что в совещательной комнате «руководят» совещанием профессиональные судьи, что практически исключает судебную ошибку. Однако Верховный Суд РФ не согласился с данным предложением, исключив здесь экономическую целесообразность. С точки зрения права, также довольно сложно согласиться с данным предложением. Существующую в судах общей юрисдикции родовая подсудность не позволяет нам выстроить единую первую инстанцию, что порождает проблемы, связанные с дальнейшим пересмотром дела. Так, на практике вполне реальная ситуация, когда один и тот же судья будет сегодня рассматривать дело по первой инстанции, а завтра будет пересматривать дело (благо, что уже другое) в порядке апелляции или кассации. Кроме того, от совершения ошибок не застрахован никто, в том числе и судья, и коллегия судей. Помимо этого не стоит забывать и про природу института суда при-

сяжных: присяжные устанавливают фактическую сторону преступления, а правовыми вопросами занимается уже судья.

Что же касается реальных предложений по совершенствованию суда присяжных, то можно предложить следующее¹³:

1. обеспечить реализацию такой повинности гражданина, как отправление правосудия в роли присяжного заседателя. Многие кандидаты отказываются от участия по причине того, что их не отпускают с работы. В связи с этим необходимо предусмотреть какие-либо меры поощрения для работодателей, например, льготное налогообложение;
2. обеспечить прозрачность отбора кандидатов методом случайной выборки;
3. вызывать присяжных на определенный день, чтобы неотобранные кандидаты смогли участвовать в других судебных заседаниях;
4. обеспечить независимость и безопасность присяжных на время процесса (в том числе и от попыток подкупа);
5. создать условия для адаптации присяжных (например, раздача памяток, показ учебных фильмов и т.д.);
6. запретить изъятие дела у коллегии присяжных после их отбора, предполагающий исключение принципа неизменности состава суда: председательствующий может изменяться;
7. объяснять присяжным причину отклонения каких-либо вопросов судьей и просьбы покинуть зал: это необходимо, чтобы у присяжных не возникло сомнений, что от них что-то скрывают;
8. передавать присяжным вопросный лист и его 12 копий для удобства работы;
9. разрешить присяжным выносить промежуточные вердикты по отдельным эпизодам преступления;
10. урегулировать правила поведения и нахождения присяжных в совещательной комнате (например, досрочный выход из совещательной комнаты, удаление присяжных-скандалистов и т.д.);
11. создать возможность привлечения присяжных к решению вопроса о наказании. В этом случае можно убрать вопрос о снисхождении из вопросного листа, а предоставить присяжным право ответить на него уже после того, как они узнают сведения о личности обвиняемого;
12. запретить отмену оправдательных приговоров на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, за исключением значительных нарушений, например, нарушений правил о подсудности дела;
13. запретить наказывать судей и прокуроров за вынесение оправдательных приговоров (отчасти обеспечить независимость судей).

¹¹ Кони А.Ф. Присяжные заседатели // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 72, 88–89.

¹² Пашин С.А. Указ. соч. С. 272–273.

¹³ Там же. С. 274–281.

В заключение следует отметить, что суд присяжных был самым демократическим из всех институтов, установленных в России в результате буржуазных реформ, проведенных в период правления Александра II. Утверждение принципа равенства всех перед судом, разрешение народу участвовать в отправлении правосудия, безусловно, способствовали повышению авторитета власти. Жюри присяжных олицетворяло волю большинства в осуществлении одной из важнейших частей государственного управления — судебной власти.

Вопрос о дальнейшем решении проблем суда присяжных в Российской Федерации, в том числе и о введении его на всей территории России, входит в компетенцию законодательной власти. Однако можно утверждать, что его воссоздание сыграло положительную роль в деле осуществления правосудия, так как он является «одной из самых лучших форм проявления принципа состязательности суда, а также эффективной гарантией против фабрикации обвинений, против использования уголовной юстиции в нечистоплотных политических или экономических целях»¹⁴.

Библиография:

1. Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М.; СПб.: Норма, 2010. 480 с.
2. Демичев А.А. Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 137–150.
3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 184 с.
4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власти России: в 6 т. М.: Мысль, 2003. Т. IV. 677 с.
5. Пашин С.А. Становление правосудия. М.: Р. Валент, 2011. 456 с.
6. Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 128–137.
7. Сиземская И.Н. А.И. Герцен о вариативности исторического процесса // Философские исследования. 2013. № 3. С. 229–262.
8. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. Л.: Лениздат, 1991. 512 с.

References (transliteration):

1. Gorbuz A.K., Krasnov M.A., Mishina E.A., Satarov G.A. Transformatsiya rossiiskoi sudebnoi vlasti. Opyt kompleksnogo analiza. M.; SPb.: Norma, 2010. 480 s.
2. Demichev A.A. Periodizatsiya istorii suda prislyazhnykh v Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2001. № 3. S. 137–150.
3. Korotkikh M.G. Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii.-Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1989. 184 s.
4. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlasti Rossii: v 6 t. M.: Mysl', 2003. T. IV. 677 s.
5. Pashin S.A. Stanovlenie pravosudiya. M.: R.Valent, 2011. 456 s.
6. Petrukhin I.L. Sostyazatel'nost' i pravosudie // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 10. S. 128–137.
7. Sizemskaya I.N. A.I. Gertsen o variativnosti istoricheskogo protsesssa // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 229–262.
8. Sud prislyazhnykh v Rossii: Gromkie ugovolnye protsessy 1864–1917 gg. / sost. S.M. Kazantsev. L.: Lenizdat, 1991. 512 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

¹⁴ Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 128–137.

Уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX в. о сроках предварительного расследования (на примере Устава уголовного судопроизводства 1864 г.)**

Аннотация. В связи с развернувшейся в науке уголовного процесса дискуссией о правовой природе разумного срока уголовного судопроизводства, рассматривается исторический аспект законодательного регулирования российским уголовно-процессуальным законодательством XIX в. сроков досудебного производства по уголовному делу (на примере Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). В частности, приведен анализ статей Устава уголовного судопроизводства, определяющих сроки предварительного расследования в целом, а также отдельных следственных и процессуальных действий при производстве предварительного следствия и полицейского дознания. Проведен сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных норм Устава уголовного судопроизводства, регламентирующих сроки предварительного расследования, и правовых норм действующего уголовно-процессуального закона РФ. Обсуждается необходимость усиления прокурорского надзора за соблюдением органами предварительного расследования принципа разумного срока уголовного судопроизводства на досудебных стадиях и возможность использования некоторых положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. при определении способов обеспечения права участников уголовного процесса на разумный срок уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: срок, судебная реформа, разумный срок, Устав уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство, дознание, следствие, прокурорский надзор, продление сроков, принцип разумного срока.

После принятия в 2010 г. Федерального закона № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹, а также с внесением в УПК РФ ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» в научной среде развернулась дискуссия о правовой природе положения о разумном сроке уголовного судопроизводства, о механизмах правового регулирования сроков как судебного, так и досудебного производства по уголовному делу и средствах обеспечения ре-

ализации права на разумный срок. В этой связи представляет интерес рассмотрение исторического аспекта законодательного регулирования сроков уголовного судопроизводства на примере российского уголовно-процессуального законодательства XIX в.

В первой половине XIX в. уголовный процесс в России основывался на заложенных Петром I еще в начале XVIII в. принципах: инквизиционный процесс, отсутствие гласности, письменность, формальная теория доказательств. И хотя специальные органы для совершения правосудия уже были созданы, однако они не были отделены от администрации. Не существовало в этот период и деления на судебные органы и органы предварительного следствия.

Характерная для того времени множественность судебных органов в сочетании со сложностью и запутанностью процессуальных требова-

¹ Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

© Егорова Р.Е., 2014

* Егорова Раиса Евгеньевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ.

[raissaa@rambler.ru]

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

ний приводили к тому, что порой невозможно было определить круг дел, который должен подлежать рассмотрению того или иного судебного органа. Дела бесконечно пересылались из одного суда в другой, на что нередко уходили десятилетия.

Несмотря на существенные шаги, предпринятые Екатериной II по развитию уголовно-процессуального законодательства, необходимость реформы судебной системы в целом и уголовного процесса в частности к середине XIX в. не вызвала сомнения в правящих кругах. Разработка нового уголовно-процессуального закона была начата при Александре I под руководством М.М. Сперанского и продолжена под руководством Д.Н. Блудова.

Первым шагом в проведении судебной реформы считается принятие Закона о судебных следователях (май 1860 г.), в соответствии с которым впервые в России учреждался институт судебных следователей, независимых от административной власти.

В ноябре 1864 г. были утверждены и вступили в силу основные акты судебной реформы: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Следует отметить, что наметившиеся в это время тенденции к гуманизации законодательства наиболее полно отразились в реформе именно уголовно-процессуального законодательства. Принятые в результате реформы Судебные уставы закрепили целый ряд новых принципов уголовного процесса: принцип исключительно судебного порядка уголовного преследования, отделения суда от администрации, презумпции невиновности и другие. Важное значение имела отмена формальной теории доказательств. Как отмечали современники, российское пореформенное уголовное судопроизводство было самым передовым в Европе.

Подписывая 20 ноября 1864 г. Указ Правительствующему Сенату в связи с утверждением Судебных уставов, император Александр II написал: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших»².

«Скорым и правым», по замыслу разработчиков Судебных уставов, должно было стать и досудебное производство по уголовным делам. С принятием УУС на смену розыскной форме уголовного судопроизводства пришла смешанная, при которой производство по уголовным делам делилось на предварительное расследование, предание суду и судебное разбирательство.

Предварительное расследование, в свою очередь, состояло из дознания и предварительного следствия. Предварительное следствие осуществлялось институтом судебных следователей, которые считались членами окружного суда, и производилось при содействии полиции, а в определенных законом случаях, чинов Отдельного корпуса жандармов при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249)³. Следствие становилось обязательной процедурой по всем делам о тяжких преступлениях, подсудным окружному суду или судебной палате.

Дознание осуществлялось полицией, жандармами или администрацией. Целью дознания было установление факта преступления. Следует отметить, что деятельность полицейских по предупреждению и пресечению преступлений и проступков в порядке, установленном законами, не относилась к судебному преследованию, то есть не являлась уголовно-процессуальной.

Контроль над полицейским дознанием осуществляли прокуроры и их товарищи, которые имели право давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий.

Несмотря на то, что ранее ст. 882 т. XV Свода законов предписывала производить следствие «со всевозможной скоростью и оканчивать в месячный срок», принятый в 1864 г. УУС ограничился предписанием проводить предварительное следствие «со всевозможной скоростью» и не установил каких-либо конкретных сроков полицейского дознания и предварительного следствия (ст. 295). В дальнейшем специальными указами Сената и циркулярами министра юстиции судебным следователям поручалось «возможно скорейшее» окончание дел о повреждении железнодорожных путей, о пожарах, а с 1914 г. — о продаже спиртных напитков и самогонварении⁴. От полиции же требовалось оказывать содействие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела, не позволяя себе «ни медленности, ни превышения или бездействия власти» (ст. 483).

Не устанавливая общие сроки полицейского дознания и предварительного следствия, сроки некоторых следственных и процессуальных действий УУС все же определял. Так, при получении заявления о преступлении (УУС подразделял их на жалобы и объявления), полицейское должностное лицо обязано было не-

² Цит. по: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 28.

³ Здесь и далее статьи Устава уголовного судопроизводства цит. по изд.: Свод Законов Российской Империи: в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. С. 296.

медленно расспросить обвинителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния (ст. 307).

Судебный следователь, а равно все должностные лица, «на коих по закону возложено производство предварительных следствий», обязаны были не позже трех дней направлять прокурору по каждому возникшему у них делу особое уведомление «о начатии дел» по форме, устанавливаемой Министерством юстиции (ст. 296.1).

Первоначальный допрос обвиняемого предписывалось провести «немедленно и никак не позже суток после явки или привода его» (ст. 398). При этом если отсрочка допроса превышала 12 часов, после явки или привода, следователь должен был в протоколе указать причины такой задержки. Копия протокола выдавалась обвиняемому по его требованию (ст. 399).

Если следователь не мог прибыть для снятия допроса в течение суток по приводу обвиняемого к следствию, то полиция обязана была составить соответствующий протокол, приобщаемый к делу, и объявить обвиняемому, насколько это ей известно, о причинах его задержания (ст. 400).

Содержал УУС и сроки допроса свидетелей. Согласно ст. 441, свидетели должны были допрашиваться немедленно по их явке. «В случае какого-либо препятствия к снятию допроса в течение 12 часов после явки, причины сего означаются в протоколе, с которого копия выдается свидетелю по его требованию» (ст. 441).

По окончании следствия по обвинению несовершеннолетних от 10 до 17 лет судебный следователь обязан был известить об окончании следствия родителей или лиц, на попечении которых обвиняемые состоят, «если родители несовершеннолетнего или означенные лица имеют жительство в округе Округного Суда, к которому принадлежит участок Судебного Следователя, производящего следствие». При этом указанным лицам в течение 7 дней со дня объявления им об окончании следствия предоставлялось право просить следователя о «предъявлении следственного производства и ходатайствовать о дополнении следствия» (ст. 476.1).

После получения от следователя материалов предварительного следствия, прокурор, в соответствии со ст. 517, был обязан дать указанный в законе ход всякому следствию в течение недели от времени его получения.

В целях ускорения процесса прокурору воспрещалось «под опасением законной ответственности, останавливать течение дела для пополнения следствия сведениями несущественными» (ст. 514).

Примечательно, что прекратить производство мог только суд. Если судебный следователь не находил оснований продолжать следствие, то, приостановив производство, он должен был испросить через прокурора разрешение окружного суда на прекращение следствия. В случае несогласия на то окружного суда, дело представлялось на разрешение судебной палаты.

Не допускалось также приостановление производства по делу в случае, когда обвиняемый скрылся, или не установлено лицо, совершившее преступления (ст. 276).

Вследствие того, что УУС не устанавливал сроков полицейского дознания и предварительного следствия, уголовно-процессуальное законодательство не знало и такого института, как продление сроков расследования. В отдельных случаях допускалось приостановление срока расследования. Например, согласно ст. 27, «если определение преступности деяния зависит от определения в установленном порядке прав состояния, или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемого, то преследование уголовным судом не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрешения спорного предмета судом гражданским».

Однако отсутствие в законе четко определенных сроков расследования не означало бесконтрольности действий следователя и полицейских чинов. Согласно ст. 484, полицейские чины, волостные и сельские начальники, за «упущения и беспорядки по следственной части», привлекались к ответственности прокурором, под наблюдением которого следствие производилось. В зависимости от тяжести «упущения или беспорядка» прокурор либо предостерегал виновных лиц, либо предавал их действия на рассмотрение суда.

Согласно ст. 447 «Уложения о наказаниях», «чиновник полицейский, по нерадению не известивший своевременно кого следовало о содеянном преступлении, или не задержавший приличаемого в оном, когда были к тому основательные причины, подвергается, смотря по важности преступления и другим обстоятельствам дела:

- строгому выговору, с внесением в послужной список;
- или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы;
- или же удалению от должности.

Когда ж сие учинено им умышленно, или когда он старался скрыть следы преступления или обвиняемого в оном, то за сие, сверх исключения из службы, он подвергается наказанию на основании правил о укрывателях».

Уголовная ответственность наступала и в случае если «чиновники полиции, взявшие ко-

го-либо под стражу, не донесут о том начальству, когда сие законом постановлено им в обязанность, находящиеся в городе в течение одних суток, а находящиеся в уезде в течение недели или, по крайней мере, с первую за тем почтою» (ст. 450).

Следователь «за медленность в производстве следствия» при отсутствии каких-либо особенных важных препятствий или трудностей мог быть по усмотрению суда подвергнут выговору или же вычету от 3 до 6 месяцев из времени службы (ст. 431).

Если же «сия медленность допущена с намерением, по пристрастию или же ненависти, вражде или по другим каким-либо противозаконным побуждениям или причинам», то следователь, в зависимости от обстоятельств дела, отрешался от должности или «исключался из службы».

Строгому выговору, согласно ст. 430, подвергался следователь, не допросивший обвиняемого в течение суток после явки или привода его.

Достаточно строгое наказание, вплоть до «исключения от службы», было предусмотрено в отношении чиновника, «который не начнет следствия по уголовному делу, имея достаточный законный повод к начатю онаго» (ст. 429). При этом наказуемы были и действия совершенные «по нерадению» и вследствие «излишнего снисхождения или какому-либо пристрастию к лицам, подлежащим следствию».

Согласно ст. 426, «чиновник, который, производя следствие по нерадению или незнанию обязанностей своих, не исполнит предписанных для сего законами правил и форм, в тех случаях, когда постановлениями о судопроизводстве не положено за сие особого взыскания или наказания, подвергается тем же, которые выше сего в ст. 410 определены за медленность и нерадение в отправлении должности вообще».

Таким образом, скорое и правое предварительное следствие и полицейское дознание по УУС достигалось не установлением конкретного срока расследования и введением института продления сроков, а возложением на чинов полиции и судебных следователей обязанности исполнять свои обязанности «со всевозможною скоростью» и установлением уголовной ответственности за случаи медленности и нерадения в отправлении службы.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ, в отличие от УУС, устанавливает конкретные сроки предварительного расследования и содержит жесткие условия их продления. Принцип разумности уголовного судопроизводства предписывает осуществлять производство по уголовному делу в разумный срок. Вместе с тем проблема соблюдения предписанных законом сроков становится с каждым годом все острее.

По данным Генеральной прокуратуры РФ «доля уголовных дел, оконченных с превышением срока, установленного законом, растет угрожающими темпами. В 2012 г. это практически каждое третье дело в органах внутренних дел, и почти каждое второе дело в Следственном комитете и ФСКН»⁵.

В 2013 г. ситуация оставалась неизменной. Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин, выступая 10 октября 2013 г. на заседании коллегии Следственного комитета РФ, отметил, что за 6 месяцев 2013 г. количество уголовных дел, срок расследования по которым превышает 2 месяца увеличилось на 24 %⁶.

По мнению Генерального прокурора РФ, наведению порядка в этом вопросе способствовало бы внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предоставляющее прокурору право проверять законность и обоснованность продления срока предварительного следствия и оперативно пресекать нарушения. Нам представляется, что в настоящее время у прокуратуры достаточно законных способов воздействия на органы предварительного расследования при осуществлении надзора за соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Вместе с тем приведенные цифры, по нашему мнению, свидетельствуют о необходимости повышения персональной ответственности должностных лиц, осуществляющих расследование, за необоснованное нарушение права участников уголовного процесса на разумный срок уголовного судопроизводства. И на некоторые положения УУС, принятого в 1864 г., современному российскому законодателю, возможно, стоит обратить внимание при решении вопроса об обеспечении реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

⁵ Доклад Генерального прокурора РФ Ю. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 27.04.2013. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/82414/ (дата посещения — 20 февраля 2014 г.).

⁶ Состоялось заседание коллегии Следственного комитета. URL: <http://www.sledcom.ru/actual/358838/> (дата посещения — 20 февраля 2014 г.).

Библиография:

1. Верховланцева Т.Ю. Свод законов Российской империи: история создания, структура, издания // Библиотекведение. 2009. № 2. С. 37.
2. Горобцов В.И., Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире: учеб. пособие. М.: Рейтар, 2000. 112 с.
3. Мельников В.Ю. Обеспечение прав и законных интересов граждан в ходе уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 210–218.
4. Янчуркин О.В., Камчатов К.В., Журавлева А.С. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия по уголовным делам в сфере торговли людьми // Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 64–77.

References (transliteration):

1. Verkholantseva T.Yu. Svod zakonov Rossiiskoi imperii: istoriya sozdaniya, struktura, izdaniya // Bibliotekovedenie. 2009. № 2. S. 37.
2. Gorobtsov V.I., Gonyukhov S.O. Rossiiskaya politsiya v mundire: ucheb. posobie. M.: Reitar, 2000. 112 s.
3. Mel'nikov V.Yu. Obespechenie prav i zakonnykh interesov grazhdan v khode ugovolnogo protsesssa // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2011. № 3. S. 210–218.
4. Yanchurkin O.V., Kamchatov K.V., Zhuravleva A.S. Prokurorskii nadzor za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya po ugovolnym delam v sfere torgovli lyud'mi // Voprosy prava i politiki. 2013. № 11. S. 64–77.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2014 г.

Влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современные требования к допустимости доказательств**

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на теоретические концепции и практическое применение института допустимости доказательств в уголовном процессе. Автором предпринята попытка рассмотреть не только положения о допустимости доказательств, сформировавшиеся в дореволюционной науке и судебной практике в период действия Устава, но и влияние, оказанное ими на последующее историческое развитие института допустимости доказательств в российском уголовном процессе. При написании статьи были использованы такие методы, как формально-логический (синтез, анализ), сравнительно-правовой, а также исторический методы. До принятия Устава положения закона, которые можно было бы условно назвать требованиями к допустимости доказательств, были основаны на формальной теории доказательств, имевшей внерациональные (ненаучные) основания. Хотя Устав не содержал общих положений, устанавливающих понятие и основы допустимости доказательств, содержащиеся в нем правовые нормы, проанализированные через призму современного понятия допустимости доказательств, образовывали вполне законченное регулирование допустимости доказательств в современном смысле (включая правила о свидетельском иммунитете, регламентацию порядка проведения и фиксации результатов следственных действий судебным следователем). Таким образом, именно благодаря принятию Устава понятие допустимости доказательств получило рациональную основу, используемую в нормативном регулировании российского уголовного процесса до настоящего времени. Вместе с тем отсутствие в Уставе общих положений о допустимости доказательств не было компенсировано ни дореволюционной наукой, ни судебной практикой, в которых отсутствовало единство, позволяющее создать законченную и системную концепцию.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, допустимость доказательств, формальная теория доказательств, свободная оценка доказательств, вероятностный характер доказывания, судебское усмотрение, уголовно-процессуальная форма доказательств, несущественные нарушения закона, истина, доказывание.

Одним из наиболее дискуссионных институтов современного уголовного процесса является допустимость доказательств. Диапазон высказываемых относительно него мнений весьма широк — от признания основополагающего значения допустимости для обеспечения объективного и истинного познания по уголовным делам (М.С. Строгович¹, С.А. Шейфер²) до отрицания ее значимости применительно к сведениям, собираемым отдельными категориями

участников уголовного процесса (В.А. Лазарева³, М.П. Поляков⁴), или в целом для уголовного процесса (А.А. Кухта⁵).

Учеными, высказывающими негативное отношение к данному институту, в его адрес выдвигаются весьма тяжкие обвинения: так, И.В. Грибов полагает, что признание доказательств недо-

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 296–297.

² См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 60, 72.

³ См.: Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара: Самарский университет, 2007. С. 134–136.

⁴ См.: Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. С. 54–55, 180.

⁵ См.: Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 15–16.

© Закотянский А.С., 2014

* Закотянский Алексей Сергеевич — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета.

[zakotyanskyas@mail.ru]

443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

пустимыми возвращает уголовное судопроизводство к формальной теории доказательств⁶.

В условиях такого разнообразия подходов к допустимости доказательств актуальным представляется ретроспективный анализ данного уголовно-процессуального института. Обратимся к периоду принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав), поскольку именно тогда наукой был заложен теоретический фундамент для преобразования отечественного уголовного процесса в духе нормативного регулирования, свойственного демократическому, правовому государству.

Дореволюционные ученые единогласно противопоставляли теорию доказательств, закрепленную в Уставе, формальной теории доказательств. Напомним, что в рамках формальной теории доказательств, главенствовавшей в российском уголовном процессе до принятия Устава, «судья не занимался оценкой уголовных доказательств: ему не приходилось решать, что истинно и что нет; он должен был только определить, в каком виде ему представляется результат деятельности по обнаружению доказательств... Основная идея, проходившая через все правила о доказательствах, составляющих сущность этой теории, заключалась в том, что судебский приговор должен опираться на общепризнанные объективные основания; признавалось, например, что свидетельство двух достоверных свидетелей является совершенным доказательством, исключаящим предположение о невиновности подсудимого; в случаях противоречия свидетелей давалось преимущество мужчине перед женщиной, знатному перед незнатным»⁷.

Как отмечал И.Я. Фойницкий, действовавший до принятия Устава Свод законов Российской империи издания 1857 г. был основан на формальной теории доказательств, при которой «личная логическая оценка доказательств заменялась законной их оценкою по вперед установленным правилам, имеющим значение обязательных догм». Согласно данной теории, доказательственное значение обстоятельств предустановливалось по их процессуальной форме, независимо от соотношения их фактического содержания с другими «несовершенными» доказательствами⁸.

На первый взгляд, формальная теория доказательств отдавала преимущество их форме над содержанием, что схоже с институтом исключения недопустимых доказательств в современном уголовном процессе, когда несоблюдение процессуальной формы влечет негативные последствия безотносительно к фактическому содержанию доказательств.

Однако более внимательное рассмотрение «процессуальной формы» в формальной теории доказательств проясняет, что она основана на вне-рациональных основаниях. Формальная теория доказательств, призванная заменить умственную деятельность суда механическим подсчетом доказательств, сила которых прямо определена законом, фактически пыталась превратить уголовно-процессуальный закон в сакральный текст, который содержал ее положения, подобно тому как Святое Писание содержит десять заповедей. И.Я. Фойницкий писал, что формальная теория доказательств образовалась на основании «руководственных указаний для судьи при оценке доказательств в Святом Писании и Моисеевом праве»⁹.

Таким образом, «процессуальная форма» в теории формальных доказательств была основана на вне-рациональных основаниях. И в этом смысле теория формальных доказательств не имеет общих черт с современной концепцией допустимости доказательств, где требование соблюдения процессуальной формы преследует вполне рациональные цели обеспечения объективности познания и защиты прав вовлеченных в процессуальное познание лиц. Однако в случае абсолютизации требований уголовно-процессуальной формы в отрыве от целей обеспечения истинности познания и защиты прав граждан, современный уголовный процесс способен превратиться в подобие инквизиционного, когда для разрешения уголовного дела вполне возможно применение пыток.

В этой связи теория формальных доказательств является историческим предостережением законодателю от придания чрезмерной роли процессуальной форме доказательств. Это особенно актуально сейчас, когда в уголовно-процессуальном законодательстве вводятся институты, позволяющие устранить свободную оценку доказательств судом при наличии признания обвиняемым (подсудимым) своей вины в совершении преступления и неоспаривании им доказательств, собранных стороной обвинения (дознание в сокращенной форме, установленное гл. 32.1 УПК РФ, особый порядок судебного разбирательства, урегулированный гл. 40 УПК РФ).

Альтернатива формальной теории доказательств была предложена в Уставе уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 766 Устава, судьи должны определять вину или невинность подсудимого по своему внутреннему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела.

Еще более радикальным было содержание ст. 801, 803 Устава, согласно которым присяжным заседателям подлежат разъяснению только общие основания к суждению о силе доказательств, причем не в виде непреложных положений, но лишь в смысле предостережения от всякого увлечения

⁶ См.: Грибов И.В. Доказывание как способ разрешения противоречий уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 92.

⁷ Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 376.

⁸ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская тип., 1910. Т. II. С. 185–186.

⁹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. II. С. 184.

к обвинению или оправданию подсудимого. Задача такого предостережения возлагалась на председательствующего профессионального судью.

Как отмечал А. Мирлес, «с этого времени сила доказательств должна была определяться не законом, а внутренним убеждением судей и присяжных заседателей... В начале предполагалось дать правила предъявления и пользования доказательствами, но впоследствии эта мысль была оставлена без осуществления»¹⁰.

Но означали ли данные положения Устава отрицание процессуальной формы и абсолютизацию судейского убеждения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подробнее рассмотреть теоретическую концепцию доказывания, разработанную дореволюционными учеными в период действия Устава.

В дореволюционной науке указывалось на значительную специфику уголовно-процессуального доказывания по сравнению с научным познанием: «научное исследование может продолжаться столько времени, сколько это нужно для получения несомненных результатов; в судебных же исследованиях обязательна известная скорость в решении дел, так как суд работает в видах насущных интересов жизни, требующих возможно скорого применения уголовной кары к виновнику совершенного преступления; в научных исследованиях число существенных для дела фактов может быть увеличиваемо посредством экспериментов, в судебных же исследованиях число фактов, подлежащих судебной оценке, ограничивается существенными обстоятельствами данного случая и не может быть увеличиваемо помощью экспериментов»¹¹.

Отрицая научный характер уголовно-процессуального знания, ученые придерживались зародившегося в английской процессуальной науке подхода, что результат судебного познания, хотя и имеет общность с научным познанием, является менее достоверным в сравнении с ним и носит характер «практической достоверности». Под такой «практической достоверностью» понималось «ни за что иное, как вероятность, приближающаяся к достоверности не иначе, как через накопление вероятностей», причем вероятность была основана на том, что то или иное положение принимается за истину на основе доверия, веры или мнения¹².

В связи с этим процессуалистами делался вывод о том, что «о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности»¹³.

Достоверность знания, достигаемого в ходе уголовно-процессуального познания, определялась только как «высокая степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твердо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих или указывающих на недостаточную обследованность дела и недостаточность собранных данных»¹⁴.

В рамках этого направления в дореволюционной науке уголовно-процессуальное доказательство понималось как «общее название, даваемое каждому факту, когда он представляется на рассмотрение судьбы с целью вызвать в последнем убеждение в существовании факта, долженствующего послужить основанием для судебного приговора»¹⁵.

Все приведенные положения дореволюционной процессуальной науки, абсолютизирующие роль судейского убеждения в доказывании и умалчивающие о процессуальной форме доказательств, были востребованы процессуалистами в 30–40 гг. XX в., когда российское государство приобрело тоталитарный характер. Так, А.Я. Вышинский утверждал, что «условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных факторов, подлежащих судебной оценке»¹⁶.

Аналогичную позицию высказывал и М.А. Чельцов, по мнению которого «специально в отношении уголовно-судебной достоверности надо заметить, что в большинстве случаев она основывается не на законах природы, даже не на эмпирических правилах, а только на приблизительных обобщениях»¹⁷.

При этом, фактически повторяя научные концепции дореволюционных процессуалистов, указанные советские юристы не акцентировали специфических признаков доказательств, свойственных им как исходным данным для процессуального познания. Доказательства определялись как «обычные факты, те же происходящие в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей», являющиеся доказательствами лишь постольку, «поскольку они вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств»¹⁸.

¹⁰ Мирлес А. Краткий курс русского уголовного процесса. 2-е изд. Киев: Изд-во И.И. Самоненко, 1912. С. 51.

¹¹ Случевский Вл. Указ. соч. С. 379–380.

¹² См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179.

¹³ Случевский Вл. Указ. соч. С. 379.

¹⁴ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г.А. Леман, 1913. С. 182.

¹⁵ Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф. 2000. С. 133–134.

¹⁶ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. Цит. по: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 60.

¹⁷ Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. С. 252, 259.

¹⁸ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. С. 223.

Во многом благодаря тем репрессиям, которые оправдывались разработанными дореволюционными учеными положениями теории доказательств, концепция судейского убеждения, основанная на положении о вероятностном характере процессуального познания, стала ассоциироваться с теоретическим оправданием произвола¹⁹.

Но дореволюционные процессуалисты, утверждая вероятностный характер уголовно-процессуального познания, вовсе не стирали грань между усмотрением должностных лиц и произволом государства. Заложена в Уставе теория свободной оценки доказательств, по выражению В. Случевского, с полным основанием отвергнув объективную мерку оценки доказательств и отказавшись от созданной ею искусственной юридической достоверности, при этом не отвергла существования той потребности, для служения которой правила эти в прошлом были созданы²⁰.

Подчеркивавшийся процессуалистами того времени вероятностный характер уголовно-процессуального знания и значительная роль судейского убеждения не означали реализации в Уставах «того начала внутреннего судейского убеждения, которое вырабатывалось на почве французского права и по которому требуется только одно, а именно: чтобы судьи после выслушивания судебного следствия, “молча и углубясь в свои мысли, искали в глубине своей совести, какое впечатление произвели на их разум доказательства”»²¹.

Напротив, как отмечал И.Я. Фойницкий, чтобы судейское убеждение «не переходило в личный произвол, закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению»²².

Таким образом, хотя Устав не содержал каких-либо общих положений, устанавливающих понятие доказательств или доказывания, эти понятия были разработаны в науке — причем подчеркивалась основополагающая роль допустимости доказательств как гарантии, обеспечивающей, что судейское усмотрение не перерастет в произвол.

Но несмотря на признание высокой роли допустимости доказательств как гарантии объективного познания, ее содержание в дореволюционной процессуальной науке не было раскрыто с достаточной ясностью. Так, С.И. Викторский, утверждая, что каждое отдельное доказательство должно оцениваться сообразно своей сущности или природе, приводит в качестве примеров не требования

Устава, устанавливающие порядок производства следственных действий, а, по существу, не урегулированные законом критерии оценки доказательств. Он писал, что при оценке показаний «необходимо принимать в соображение такие обстоятельства, как, например, насколько может почитаться данный эксперт специалистом, знатоком по обсуждаемому вопросу, какова заинтересованность в исходе дела свидетеля или какова его нравственная личность, как близко он наблюдал событие, о котором повествует»²³. Иными словами, требования к процессуальной форме получения доказательств фактически отражали общепринятые представления о гарантиях их содержания.

Гораздо полнее роль допустимости доказательств была определена И.Я. Фойницким. Во многом это связано с тем, что другие процессуалисты периода действия Уставов не рассматривали уголовно-процессуальное знание в качестве научного, а И.Я. Фойницкий утверждал, что, как и окружающий мир, каждое уголовное дело имеет свои объективные «естественные законы», с которыми должны сравниваться все собираемые доказательства по делу. Совокупность имеющихся доказательств по делу дает возможность субъекту, осуществляющему расследование, воспроизвести путем логического процесса «естественную историю» дела, отрешившись от влияния веры (которая приводит к получению вероятного знания), и получить тем самым знание, ничем не отличающееся по степени достоверности от научного²⁴.

«Естественные законы» уголовного дела, благодаря которым процессуальное знание являлось научным (истинным), включали в себя необходимые свойства, которыми должно обладать уголовно-процессуальное доказательство — его относимость и допустимость.

Под допустимостью доказательств И.Я. Фойницкий понимал меры «по очищению доказательств в пределах, допускаемых законодательством и выделения из них материала ненадежного, могущего ввести суд в заблуждение». Эта ненадежность доказательств, по мнению автора, «может корениться или в излишней отдаленности данного доказательства от подлежащего доказыванию обстоятельства, так что установление связи между ними крайне трудно и рискованно (то есть в отсутствии свойства относимости. — А.З.), или в подозрительности источников доказательств (то есть в недопустимости доказательств. — А.З.)». В качестве примеров правил, обеспечивающих допустимость доказательств, И.Я. Фойницкий рассматривал только правила об исключении показаний со слов третьего лица и показаний лиц, заинтересованных в исходе дела, либо обладающих физическими или ментальными недо-

¹⁹ См., напр.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 46, 60.

²⁰ См.: Случевский Вл. Указ. соч. С. 378–379.

²¹ Там же. С. 377–378.

²² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 192–193.

²³ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. С. 57–58.

²⁴ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 180, 181.

статками²⁵, и очевидно, что во всех перечисленных случаях речь идет более о форме доказательств, нежели о содержании.

Требования закона, обеспечивающие объективность познания при производстве иных следственных действий, помимо допроса, И.Я. Фойницким в понятие допустимости доказательств не включались. Правила производства осмотров и освидетельствований, правила об участии понятых именовались мерами по обеспечению достоверности доказательств²⁶.

Таким образом, несмотря на разработку дореволюционными учеными концепции о необходимости нормативного ограничения судейского усмотрения путем установления того, «какие способы и пути добывания доказательств более совершенны»²⁷, единство мнений относительно конкретного содержания таких ограничений, образующих институт допустимости доказательств, в науке отсутствовало.

Не вносила ясности в понимание института допустимости доказательств и судебная практика высшей инстанции (Сената), решения которой в силу ст. 933 Устава служили для руководства к единообразному исполнению и применению законов. Сенат в одних случаях абсолютизировал значение процессуальной формы (допустимости) доказательств, а в других случаях полностью игнорировал его.

Примером первого подхода может служить практика, согласно которой непредставление обвиняемым замечания на протокол допроса перед его подписью лишает его возможности затем жаловаться на неправильное изложение показаний²⁸.

Гораздо больше примеров второго подхода, при котором допустимость подчинялась произвольному усмотрению суда. Так, несоставление протокола следователем, получившим вещественные доказательства посредством обыска, выемки или каким-либо другим законным способом, рассматривалось в одних случаях как основание для невозможности оглашения этих документов в суде, а в других случаях как несущественное нарушение, от которого «не произошло какого-либо нарушения прав обвиняемого»²⁹. Аналогично Сенат определение значения неправильности составления акта осмотра поставил в зависимость от усмотрения судьи, так как признал, что если мировой судья нашел возможным приступить к постановке приговора, то нарушение не имеет существенного значения³⁰.

Сложившееся после принятия Устава положение, когда теоретическое признание высокой роли

допустимости доказательств не было поддержано ее всесторонним теоретическим осмыслением и единообразной судебной практикой, оказало, по нашему мнению, существенное влияние на все последующее развитие российского уголовного процесса.

Непоследовательность науки и практики при концептуальной разработке допустимости доказательств позволили использовать разработанные в дореволюционной науке теоретические конструкции о вероятностном характере уголовно-процессуального познания в качестве теоретического оправдания фактов судебного произвола периода сталинских репрессий.

Более того, заложенное в дореволюционной судебной практике деление нарушений процессуальной формы доказательств на существенные и несущественные было унаследовано не только в теории доказательств советского периода, но и вошло в повседневную практику современного российского уголовного судопроизводства.

Вместе с тем возможность для разработки полноценной концепции допустимости доказательств у дореволюционной науки и практики имела. При анализе содержащихся в Уставе правовых норм через призму современного понятия допустимости доказательств можно отметить наличие всех элементов допустимости, свойственных и современному законодательству, в частности, правила о свидетельском иммунитете при производстве у мирового судьи (ст. 93 Устава), правила о свидетельском иммунитете при предварительном следствии, проводимом судебным следователем, и при судебном рассмотрении дела (ст. 444, 704 Устава), регламентация порядка проведения следственных действий судебным следователем (гл. 4–9 Устава).

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Требование допустимости доказательств, рассмотренное в его историческом развитии, никак не связано с формальной теорией доказательств. Напротив, в российской процессуальной науке оно получило разработку только после принятия в 1864 г. Устава, то есть при переходе от формальной теории доказательств, предусматривавшей внерациональные основания допустимости, к теории свободной оценки доказательств по усмотрению суда, в рамках которой допустимость доказательств приобрела рациональный характер.
2. Таким образом, имеющаяся в современном уголовном процессе тенденция к отказу от свободной оценки доказательств по усмотрению суда при согласии обвиняемого (подсудимого) с предъявленным обвинением является своеобразным регрессом к формальной теории доказательств.
3. Несмотря на высокую роль, которая отводилась дореволюционными процессуалистами требованию о допустимости доказательств, Устав не

²⁵ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. 247–249.

²⁶ См.: Там же. С. 250–259.

²⁷ Викторский С.И. Указ. соч. С. 56.

²⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства: систем. комм. / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. М.: Изд-во А.И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. С. 792.

²⁹ Там же. С. 770.

³⁰ См.: Случевский Вл. Указ. соч. С. 391.

содержал общих положений, устанавливающих понятие и основы допустимости доказательств. Хотя содержащиеся в нем правовые нормы, проанализированные через призму современного понятия допустимости доказательств, образовывали вполне законченное регулирование допустимости доказательств в современном смысле (включая правила о свидетельском иммунитете, регламентацию порядка проведения и фиксации результатов следственных действий судебным следователем), полноценная концепция допустимости доказательств в науке и судебной практике отсутствовала.

4. Отсутствие системной концепции допустимости доказательств после принятия Устава оказало негативное влияние на последующее развитие российского уголовного процесса, выразившееся как в использовании концепций дореволюционных ученых о вероятностном характере уголовно-процессуального познания для теоретического обоснования судебного произвола в период сталинских репрессий, так и в сохранении вплоть до настоящего времени деления в теории доказательств и судебной практике на нарушения допустимости доказательств на существенные и несущественные.

Библиография:

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Изд. А.А.Карцева, 1912. 439 с.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф. 2000. 464 с.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
4. Грибов И.В. Доказывание как способ разрешения противоречий уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 232 с.
5. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 660 с.
6. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара: Самарский ун-т, 2007. 303 с.
7. Мирлес А. Краткий курс русского уголовного процесса. 2-е изд. Киев: Изд-во И.И. Самоненко, 1912. 106 с.
8. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г.А. Леман, 1913. 337 с.
9. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.
10. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 683 с.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. 583 с.
13. Устав уголовного судопроизводства: систем. коммент. / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. М.: Изд-во А. И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. 368 с.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская тип., 1910. Т. II. 583 с.
15. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Мин-ва Юстиции СССР, 1948. 313 с.
16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 240 с.

References (transliteration):

1. Viktor'skii S.I. Russkii ugolovnyi protsess. M.: Izd. A.A. Kartseva, 1912. 439 s.
2. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. Tula: Avtograf, 2000. 464 s.
3. Vyshinskii A.Ya. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. 3-e izd., dop. M.: Gosyurizdat, 1950. 308 s.
4. Gribov I.V. Dokazyvanie kak sposob razresheniya protivorechii ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2006. 232 s.
5. Kukhta A.A. Dokazyvanie istiny v ugolovnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2010. 660 s.
6. Lazareva V.A. Problemy dokazyvaniya v sovremenom ugolovnom protsesse Rossii. Samara: Samarskij un-t, 2007. 303 s.
7. Mirles A. Kratkij kurs russkogo ugolovnogo protsessa. 2-e izd. Kiev: Izd-vo I.I. Samonenko, 1912. 106 s.
8. Poznyshch S.V. Elementarnyj uchebnyk russkogo ugolovnogo protsessa. M.: Izd-vo G.A. Leman, 1913. 337 s.
9. Polyakov M.P. Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti. N. Novgorod: Nizhegorodskaja pravovaja akademija, 2001. 262 s.
10. Sluchevskij V.I. Uchebnyk russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroistvo — sudoproizvodstvo. 4-e izd., dop. i ispr. SPb.; Tip. M.M. Stasjulevicha, 1913. 683 s.
11. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa. M.: Nauka, 1968. T. 1. 470 s.
12. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Chast' obshchaya / otv. red. N.V. Zhogin. M.: Yurid. lit., 1966. 583 s.
13. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva: system. komment. / pod obshch. red. prof. M.N. Gerneta. M.: Izd-vo A.I. Mamontova, 1914. Vyp. 3. 368 s.
14. Foinitskij I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Senatskaja tip., 1910. T. II. 583 s.
15. Chel'tsov M.A. Ugolovnyi protsess. M.: Yurid. Izd-vo Min-va Yustitsii SSSR, 1948. 313 s.
16. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma, 2009. 240 s.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2014 г.

Генезис института предания суду в русском уголовном процессе**

Аннотация. В статье исследуется избранная законодателем на первоначальном этапе развития российского уголовно-процессуального права процессуальная форма предания суду. В рамках статьи рассмотрен генезис института и стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (предания суду) в русском уголовном процессе. Отмечается, что впервые институт предания суду оформился лишь в результате судебно-правовой реформы 1864 г. Автор резюмирует, что на данном этапе законодательно отдано предпочтение именно судебной форме предания суду. Вместе с тем отмечается, что на данном этапе предания суду стороны не имеют никаких процессуальных прав, отсутствует состязательное начало, что в совокупности с большой загруженностью обвинительных камер и, как следствие, замедлением предания суду, привело к расширению круга дел, по которым предание суду стала осуществлять прокуратура. На основе использования диалектического метода научного познания, а также исторического, логико-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного методов раскрывается генезис формирования процессуальной формы предания суду. Теоретическая значимость результатов, изложенных в статье, заключается в комплексном исследовании института предания суду от его зарождения до советского периода, обобщается опыт дореволюционных исследователей. Выводы и предложения, сформулированные в рамках статьи, могут быть использованы при разработке нормативных оснований для современной модели российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная реформа, уголовный процесс, институт предания суду, судебная палата, Устав уголовного судопроизводства, возвращение уголовного дела, прокурор, порядок предания суду, подсудность, процессуальный порядок.

Первые упоминания о процедурах, так или иначе связанных с решением вопросов предания обвиняемого суду, удается обнаружить при анализе судебной реформы 1719 г. Как отмечается в литературе, в этот период рассмотрение политических и уголовных дел, гражданско-правовых споров в единой форме розыска приводило к злоупотреблениям судей. Поэтому Петр I Указом «О форме суда» (1723 г.)¹ восстановил судебный процесс с его состязательностью, устностью и непосредственностью, хотя и с несколько большей ролью суда и некоторыми ограничениями прав сторон.

Регулируя вопросы подсудности вновь созданным надворным судам, законодатель указывал воеводам как высшим чинам администрации на местах, что более им «не надлежит спор тяжёлого дела между поданными чинить», а «смерт-

ные дела, каждое к своему надлежащему суду отсылать»².

Однако в каком процессуальном порядке эти «тяжбы» принимались к производству самими надворными судами, была ли при этом предусмотрена предварительная подготовка дела к судебному разбирательству, каковы были реальные полномочия суда и сторон, на данном этапе не раскрывалось.

В период правления Елизаветы в Сенате, являвшемся высшей судебной инстанцией в системе судебных установлений Империи, вся работа по изучению и подготовке поступивших дел возлагалась не столько на судей, сколько на канцелярию Сената. Соответственно, исключительно от деятельности и компетентности последней в

¹ См.: Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 121.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа: Равена, 1995. С. 702.

© Ибрагимова Л.Д., 2014

* Ибрагимова Людмила Дмитриевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

[tisakova@mail.ru]

670013, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 В, стр. 1.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

конечном итоге зависел материал, представляемый на разрешение Сената. В этот исторический период говорить о независимом судебном контроле над законностью и обоснованностью внесения уголовных дел непосредственно на разрешение Сената, нам представляется, было бы преждевременным.

Институт предания суду не нашел своего должного нормативного закрепления и в период правления Екатерины II. В ноябре 1775 г. было издано «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи»³, которое определило компетенцию (подсудность) отдельных судов Империи, не добавляя ничего к сути самого института предания суду, который и в этот период развития уголовно-процессуального права России практически не обозначает себя в качестве самостоятельного уголовно-процессуального порядка⁴.

В 1832 г. Николаем I был учрежден Свод законов Российской империи (16 томов), разработанный комиссией законодательных предложений под руководством М.М. Сперанского. Свод был введен в действие с 1 января 1835 г. XV том Свода составляли Законы уголовные. В него были включены две книги: 1) «О преступлениях и наказаниях вообще» — первый уголовный кодекс России и 2) «О судопроизводстве по преступлениям» — первый уголовно-процессуальный кодекс России. Это было знаменательное событие в истории развития русского права. Впервые законы уголовные были четко выделены из других законов, и более того, законы, регламентирующие порядок и процедуры привлечения к уголовной ответственности, суда и назначения наказания, были отделены от законов, предусматривающих ответственность за совершение преступных деяний. Именно данное обстоятельство позволило вести речь об отрасли уголовно-процессуального права, затем об уголовном процессе как учебной и научной дисциплине, а потом и о науке уголовного процесса. Иными словами, уголовно-процессуальное право приобрело все признаки самостоятельной отрасли российского права.

В Законе «О судопроизводстве по преступлениям» законодатель впервые производство по уголовным делам разделил на три части: следствие, суд и исполнение. Следствие и исполнение были в руках полиции, которая по делам о маловажных проступках производила также и судебное разбирательство; только с 1860 г. были учреждены особые судебные следователи. Следствие делилось на предварительное и формальное. Первое имело

целью установление события преступления; оно начиналось при наличии указанных в законе поводов. Формальное следствие должно было выяснить, «над каким лицом или имуществом преступление учинено, в каком действии состояло, каким способом или орудием, когда, где, с намерением или без намерения произведено». При производстве формального следствия требовалось присутствие депутатов от того сословия, к которому принадлежал обвиняемый. Прокуроры и стряпчие обязаны были наблюдать за ходом следствия, и в особенности за тем, чтобы обвиняемые могли воспользоваться всеми предоставленными законом способами к защите. Формальное следствие состояло в собрании и записи всех доказательств. По окончании следствия дело немедленно отсылалось в суд, который рассматривал, правильно ли произведено следствие, опрашивал обвиняемого, не было ли ему чинимо пристрастных допросов, и в случае надобности подвергал его вновь допросу, стараясь склонить его к признанию. С доказательствами суд знакомился исключительно по письменному следственному производству, на основании которого в канцелярии суда составлялась выписка, для доклада суду. Суд мог распорядиться производством дополнительного следствия, но сам производить осмотры или допросы свидетелей не имел права. Решение суда основывалось на установленных в законе правилах о силе доказательств. Таким образом, можно говорить о том, что впервые в структуре российского уголовного процесса были предусмотрены действия суда, прямо направленные к подготовке дела к судебному разбирательству.

Несмотря на то, что с материалами дела и доказательствами суд знакомился только по письменным материалам, фактически ознакомление членов суда с делом происходило путем изготовления так называемых выписок из дела, подготовить которые (для состава суда) поручалось одному из судей, входящих в судебный состав. Выписки при этом полагалось «составлять по пунктам или отделениями, не наполняя их излишними обстоятельствами и помещать в них только самые нужные предметы по материям, соединяя в них все течение и окончание происшествий; показания о летах подсудимых, также не имел ли кто из них прежде отличных заслуг или важных пороков... помещать в выписке на каждый пункт приличные законы и, ежели на что нет приличных законов, то это именно означить»⁵.

В названных процедурах предусматривались положения, аналогичные современному порядку подготовки дела к судебному разбирательству. В структуре процесса появляются нормы, непосредственно обязывающие суд предпринять подготовительные действия к судебному заседанию,

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. XX. № 14392. С. 229–304.

⁴ См.: Законодательство Екатерины II: в 2 т. / под ред. Д.Ю. Аракова. М.: Юрид. лит., 2000. Т. 2. С. 455–456.

⁵ Чельцов-Бebutов М.А. Указ. соч. С. 739.

войти в изучение и оценку представленных органами уголовного преследования материалов, в том числе на предмет их достаточности для разрешения дела по существу. За судом также было оставлено право вернуть материалы дела органу предварительного расследования при обнаружении неполноты произведенного следствия. Тем самым законодатель указывал на предмет и пределы оценки и проверки суда на этом этапе и круг его полномочий.

В качестве самостоятельного элемента структуры уголовного судопроизводства России институт предания суду оформился в результате судебно-правовой реформы 1864 г. По Уставу уголовного судопроизводства (далее — УУС) институт предания суду уже включал в себя несколько процессуальных форм, основным назначением которых являлась проверка наличия оснований для внесения обвинения в суд с целью его разрешения по существу⁶.

В соответствии со ст. 510 УУС, прокурор окружного суда или его товарищ, получив материалы дела от судебного следователя, обязан был рассмотреть следующие вопросы: 1) подлежит ли дело ведению прокурорской власти; 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой; 3) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено.

В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставлялось право потребовать дополнительные сведения или обратит дело к доследованию (ст. 512 УУС). При этом прокурору воспрещалось, под опасением законной ответственности, останавливать течение дела для пополнения его сведениями несущественными (ст. 514 УУС). Данная мера была обусловлена тем, чтобы «предотвратить, по возможности, неправильное обращение дела к дополнению»⁷.

Право прокурору возвращать уголовное дело на доследование было предоставлено до тех пор, пока он не решит, что по этому делу суд может вынести определение. Согласно ст. 286 УУС, требование о дополнении следствия судебный следователь обязан был исполнить и не мог ставить вопрос об основательности или неосновательности требований прокурора. Как отмечал в свое время А. Мирлес, «требование прокурора о дополнении следствия для следователя обязательно: прокурор — государственный обвинитель; ему лучше знать, достаточно ли собранных

уже данных для обвинения и в чем следует обвинять привлеченное к ответственности лицо»⁸.

После ознакомления с материалами уголовного дела прокурор, если приходил к выводу о необходимости предать обвиняемого суду, составлял итоговый документ предварительного производства — обвинительный акт, форму которого устанавливал закон (ст. 520 УУС).

По делам о преступлениях, не связанных с лишением или ограничением прав состояния, прокурор окружного суда направлял материалы с обвинительным актом в окружной суд, в этом случае обвинительный акт являлся и актом о предании суду. Это значит, что на его основании суд, не проверяя, насколько предъявляемое прокурором обвинение является в действительности основательным, приступает после совершения известных подготовительных действий прямо «к разбору дела», что означало переход дела в следующую стадию уголовного процесса⁹.

По делам о преступлениях, связанных с лишением или ограничением прав состояния, предание суду осуществлялось по постановлению судебной палаты, действовавшей в качестве «обвинительной камеры»¹⁰, то есть уголовные дела «вносились прокурором Окружного суда через прокурора Судебной палаты в судебную палату»¹¹.

В УУС не регламентировалось возвращение уголовного дела к доследованию прокурором судебных палат или его товарищем, однако на практике это имело место. Так, Н.В. Муравьев в наказе чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов указывал, «что товарищи прокурора судебной палаты исполняют обязанности согласно установленному прокурором палаты распределению, возвращают от его имени прокурорам окружных судов, без внесения в судебную палату, те из дел, представленных на основании ст. 523 УУС, которые, по их мнению, требовали доследования»¹².

Согласно ст. 529 УУС, прокурор судебной палаты или, по его поручению, его товарищ, по рассмотрении присланного местным прокурором обвинительного акта давали письменное предложение палате рассмотреть дело в качестве обвинительной камеры (ст. 529 УУС). С этим письменным предложением дело поступало в палату.

⁸ Мирлес А. Краткий курс русского уголовного процесса. Киев: Изд-во И.И. Самоненко, 1912. С. 153.

⁹ См.: Там же. С. 156.

¹⁰ Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела судебного следствия: сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1870. С. 1.

¹¹ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 535.

¹² Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2003. С. 162.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа С. 162–309.

⁷ Судебные уставы. 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. канцелярии, 1866. Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. С. 185.

Последняя рассматривала дело по докладу одного из своих членов, член-докладчик излагал основания, по которому возбуждено дело, и все следственные действия, обращая внимание на соблюдение установленных форм и обрядов. Протоколы, имеющие существенное для дела значение, прочитывались в подлиннике. Затем прокурор палаты читал заключение местного прокурора и излагал свой взгляд на дело, при этом предлагая свои окончательные выводы (ст. 532 УУС).

После выслушивания докладов палата приступала к обсуждению дела в порядке, установленном для постановления судебных решений, прокурор палаты удалялся и при обсуждении дела не присутствовал (ст. 530–533 УУС). Признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляла окончательное определение о предании суду или о прекращении дела, а в противном случае обращала его к доследованию или законному направлению (ст. 534 УУС). Усмотрев нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства в предварительном следствии, палата имела право потребовать от следователя исправления того, что им «учинено незаконно», или вовсе устранить из производства, если это возможно. Все «незаконно учиненное» не должно было переходить на судебное следствие¹³.

Если судебной палатой принималось решение о предании суду, то дело поступало в окружной суд, который был обязан обсудить в распорядительном заседании: «не требует ли дело каких-либо особенных с его стороны распоряжений, и определить порядок, в котором оно подлежало дальнейшему производству (ст. 547 УУС). При этом окружной суд не имел права направлять дело на доследование, а обязан был рассмотреть его по существу. В распорядительном заседании он мог обсудить лишь необходимость дополнения дела такими данными, отсутствие которых могло лишить его возможности постановить приговор. Согласно ст. 549 УУС, окружной суд не входил в рассмотрение подсудности и порядка производства дела, по которому состоялось определение судебной палаты о предании суду. Если же окружному суду открывались новые обстоятельства, не бывшие в виду палаты, но имеющие влияние на дальнейшее направление дела, то суд представлял о том судебной палате, а палата уже должна была решать вопрос о направлении дела на доследование. Однако суд должен был представлять палате не о всяком новом обстоятельстве, а лишь о таком, которое могло повлиять на дальнейшее направление дела.

¹³ См.: Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Типо-литография торг. дома «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 269.

Как отмечал В. Случевский, «ошибочно было бы думать, что всякое новое обстоятельство может оказать влияние на направление дела и должно служить основанием к такому представлению дела высшему суду». Обращение к палате необходимо, например, «в случаях обнаружившегося безвестно отсутствия подсудимого или не имевшихся прежде в виду признаков умственного расстройства преданного суду лица»¹⁴.

Отдельные авторы отмечали недостатки предания суду через судебную палату. Так, Н.Н. Розин писал, что «наш процессуальный порядок, по отношению к преданию суду по определению судебной палаты, вызывает серьезные нарекания, он покоится на розыскной идее, создает важную презумпцию прав обвиняемого для присяжных заседателей, замедляет движение процесса, усиливает в нем элементы письменности, не давая в то же время надлежащих гарантий для своей внутренней основательности. Палата нередко относится поверхностно к необычному для нее делу, а прокуратура Окружных судов, рассчитывая на Палату, со своей стороны, не прилагает к делу достаточного внимания»¹⁵.

«Данный порядок предания суду, ставящий деятельность прокурора под контроль судебного Установления, — разъяснял В. Случевский, — может быть свойственен только процессу, в котором господствуют элементы следственного процесса над элементами процесса обвинительного»¹⁶.

При обнаружении в ходе судебного следствия деяния, не указанного в обвинительном акте, и если «оно по закону подвергается наказанию более строгому», суд «обращал дело к предварительному следствию» и к составлению обвинительного акта «по всем преступным действиям подсудимого» (ст. 752–753 УУС).

В Судебных уставах императора Александра II разъяснялось, что «о преступном деянии, не предусмотренном обвинительным актом и обнаруженным на судебном следствии, не могли быть поставлены вопросы присяжным и дело обращалось к предварительному следствию на основании ст. 752–753 УУС тогда, во-первых, когда изменение обвинения оказалось столь существенным, что привело к преступному деянию по свойствам и признакам совершенно иному, чем предусмотренное обвинительным актом, во-вторых, когда это новое преступное деяние может подвергнуть обвиняемого более строгому наказанию, то есть высшему роду или усиленному в степени одного и того же рода»¹⁷.

¹⁴ Случевский В. Указ. соч. С. 548.

¹⁵ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. СПб: Юрид. книжный склад «Право», 1914. С. 431.

¹⁶ Случевский В. Указ. соч. С. 526.

¹⁷ Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовно-

Если данные обстоятельства были в виду судебной палаты, то суд не обязан был удовлетворять требования прокурора об обращении дела к рассмотрению, и отказ этот не мог служить поводом к отмене решения, если «протоколом не было удостоверено, что требование о направлении дела по ст. 723 основано на новых обстоятельствах»¹⁸.

Неправильное применение уголовного закона в качестве отдельного основания исследования в УУС не выделялось, хотя фактически в правоприменительной практике тех лет возвращение дел по такому основанию имело место. Отмечая это обстоятельство, В. Случевский писал, что если при решении вопроса о предании суду судебная палата будет не согласна со следствием в вопросах применения уголовного закона и сочтет необходимым предать суду лиц, которые не были привлечены по делу в качестве обвиняемых, то она не имеет права сделать это, не возвратив дело на рассмотрение, так как передаваемые суду лица не должны иметь возможность при производстве предварительного следствия «выставлять доказательства своей невиновности»¹⁹.

Законодатель в отношении исследования был достаточно последовательным: судебный орган, рассматривавший дело по существу, не имел права решать, насколько обоснованным было предание суду, он должен был разрешить его по существу. Судья не имел возможности возвратить дело на рассмотрение, когда не хотел брать на себя ответственность за вынесение приговора по делу, по которому оценка доказательства была затруднительна²⁰. При этом если воз-

никали новые обстоятельства, имевшие влияние на дальнейшее направление дела и неизвестные ранее судебной палате, суд мог представить об этом палате.

В целом можно отметить, что установленный УУС порядок расследования и судебного разбирательства, в том числе и предания суду, носил прогрессивный характер и оказал существенное влияние на последующее развитие теории и практики уголовного процесса в России. Уместно в этой связи привести высказывание К. Анциферова, который считал, что «предание суду в значении судебной деятельности покоится на основаниях двоякого рода. С одной стороны, им ограждаются интересы общества, требующие, чтобы уголовному суду были предаваемы все того заслуживающие, независимо от личного усмотрения обвинителей. С другой стороны, предание суду направлено и к ограждению личности обвиняемого»²¹.

Дальнейшие изменения процессуальных форм предания суду связаны уже с деятельностью советского законодателя. «Революционные преобразования» первых советских декретов в области уголовного судопроизводства мало повлияли на сложившиеся к тому времени формы уголовного судопроизводства, в том числе и на формы предания суду. С приходом к власти большевиков, хотя и начались поиски новых форм судопроизводства, тем не менее, идеи, заложенные в фундаменте судебных уставов 1864 г., сказались на ряде положений первого советского Декрета «О суде», принятого 24 ноября 1917 г.²²

Библиография:

1. Анциферов К. Закон и практика предания суду. М.: Тип. С.-Петербург. ун-та, 1877. 211 с.
2. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела судебного следствия: Сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1870. 132 с.
3. Воскресенский В.В. Соотношение оснований и порядка возвращения дела на рассмотрение по дореволюционному и советскому уголовно-процессуальному законодательству // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: Юрид. лит., 1987. С. 19.
4. Законодательство Екатерины : в 2 т. / под ред. Д.Ю. Аракова. М.: Юрид. лит., 2000. Т.2 568 с.
5. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2003. 848с.
6. Мирлес А. Краткий курс русского уголовного процесса. Киев: Изд-во И.И. Самоненко, 1912. 234 с.
7. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Типо-литография торг. дома «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. 337 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. XX. № 14392. С. 229–304.

го судопроизводства / под ред. С.Г. Щегловитова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1910. С. 544.

¹⁸ Там же. С. 431.

¹⁹ Случевский В. Указ. соч. С. 628–629.

²⁰ См.: Воскресенский В.В. Соотношение оснований и порядка возвращения дела на рассмотрение по дореволюционному и советскому уголовно-процессуальному законодательству // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: Юрид. лит., 1987. С. 19.

²¹ Анциферов К. Закон и практика предания суду. М.: Тип. С.-Петербург. ун-та, 1877. С. 45.

²² Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

9. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. СПб: Юрид. книжный склад «Право», 1914. 456 с.
10. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид.лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа 495 с.
11. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство — судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 634 с.
12. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства / под ред. С.Г. Щегловитова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1910. 949 с.
13. Судебные уставы. 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. канцелярии, 1866. Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. 504 с.
14. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: ПРОСПЕКТ 1997. 452 с.
15. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа: Равена, 1995. 322 с.

References (transliteration):

1. Antsiferov K. Zakon i praktika predaniya sudu. M.: Tip. S.-Peterb. un-ta, 1877. 211 s.
2. Arsen'ev K.K. Predanie sudu i dal'neishii khod ugolovnoogo dela sudebnogo sledstviya: sb. prakt. zametok. SPb.: Tip. V. Demakova, 1870. 132 s.
3. Voskresenskii V.V. Sootnoshenie osnovanii i poryadka vozvrashcheniya dela na dosledovanie po dorevolutsionnomu i sovetskому ugolovno-protseessual'nomu zakonodatel'stvu // Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del po bor'be s prestupnost'yu v svete reshenii XXVII s'ezda KPSS. M.: Yurid. lit., 1987. S. 19.
4. Zakonodatel'stvo Ekateriny: v 2 t. / pod red. D.Yu. Arakova. M.: Yurid. lit., 2000. T.2 568 s.
5. Kutafin O.E. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty. M.: Mysl', 2003. 848 s.
6. Mirles A. Kratkii kurs russkogo ugolovnoogo protseessa. Kiev: Izd-vo I.I. Samonenko, 1912. 234 s.
7. Poznyshev S.V. Elementarnyi uchebnik russkogo ugolovnoogo protseessa. M.: Tipo-litografiya torg. doma «Ya. Dankin i Ya. Khomutov», 1913. 337s.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830. Sobr. 1. T. XX. № 14392. S. 229 304.
9. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: Posobie k lektsiyam. SPb: Yurid. knizhnyy sklad «Pravo», 1914. 456 s.
10. Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vekov: v 9 t. / pod obshch. red. O.I.Chistyakova. M.: Yurid.lit.,1991. T.8.: Sudebnaya reforma 495 s.
11. Sluchevskii V. Uchebnik russkogo ugolovnoogo protseessa. Sudoustroistvo — sudoproizvodstvo. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1913. 634 s.
12. Sudebnye ustavy imperatora Aleksandra II s zakonodatel'nymi motivami i raz'yasneniyami. Ustav ugolovnoogo sudoproizvodstva / pod red. S.G. Shcheglovitova. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1910. 949s.
13. Sudebnye ustavy. 20 noyabrya 1864 g. s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. SPb.: Izd-vo Gos. kantselyarii, 1866. Ch. 2: Ustav ugolovnoogo sudoproizvodstva. 504 s.
14. Titov Yu. P. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. M.: PROSPEKT, 1997. 452 s.
15. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-protseessual'nogo prava: ocherki po istorii suda i ugolovnoogo protseessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh. SPb.: Al'fa: Ravena, 1995. 322 s.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2014 г.

Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства Российской империи до современных реалий**

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам выбора Российской Федерацией модели правосудия в отношении несовершеннолетних. Раскрывается история зарождения и функционирования ювенальных судов в России начала XX в. В рамках статьи рассмотрена специфика реализации ювенальной юстицией функций судебной власти, взаимосвязь ювенальной юстиции и гражданского общества. Объясняется комплексный характер правосудия для несовершеннолетних. В статье автором предлагается учитывать исторический опыт ювенального уголовного судопроизводства в решении ряда проблем российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. На основе использования историко-правового и сравнительного правового методов в статье раскрывается генезис формирования особого правового статуса несовершеннолетнего участника судопроизводства. Теоретическая значимость исследования состоит в концептуальном осмыслении ювенального уголовного судопроизводства, его социального назначения, особенностей и основных характеристик. Выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в рамках статьи, могут быть использованы в законотворческой деятельности при разработке полноценных нормативных оснований для современной обновленной модели российского ювенального уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, специализированный суд, защита прав несовершеннолетних, ювенальное правосудие, уголовный процесс, восстановительное правосудие, Устав уголовного судопроизводства, УПК РФ, УПК РСФСР, ювенальная юстиция.

Судебная реформа 1864 г. затронула интересы всех слоев российского общества, в корне изменив судостроительство Российской империи. Введение в практику российского уголовного процесса 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС)¹ привнесло ряд принципиально новых для российской действительности основ процессуального законодательства, таких как гласность и состязательность процесса, устное производство, равноправие сторон. Фактически тогда же были заложены основы отечественного уголовно-процессуального законодательства и в отношении несовершеннолетних. Бесспорным преимуществом УУС, по сравнению с ранее действующими законами, является то, что в нем впервые было указано на необходимость введения особых

правовых норм для несовершеннолетних, в частности подчеркивалось, что «применительно к детям закон должен иметь в виду цель менее наказательную, чем исправительную, а само наказание для них должно быть не столько возмездием за содеянное, за прошедшее, сколько залогом лучшего будущего, следовательно, иметь характер, преимущественно, воспитания, быть средством исправления дурных зачатков и развития добрых качеств»².

Важнейшим процессуальным актом, положившим начало особому судопроизводству по делам несовершеннолетних, стал Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположения об их наказуемости» (далее — Закон 1897 г.)³. Закон был

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа. С. 162–309.

² Там же. С. 284.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1897. № 71. Ст. 915.

© Исакова Т.В., 2014

* Исакова Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. [tisakova@mail.ru]
670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 в.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

принят под влиянием Съездов представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей и внес существенные изменения в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. По мнению А.М. Рубашевой, «с проведением в жизнь этого закона практика перестала смотреть на правонарушение как на юридическое явление и порывает связь с формальным подходом к подростку, уделяя главное внимание его исправлению и воспитанию»⁴.

Законом 1897 г. были введены отступления от общего порядка производства для несовершеннолетних, в соответствии с которыми предоставлялись гарантии защиты прав несовершеннолетних правонарушителей как субъектов уголовно-процессуальных действий. В частности, вводились:

- 1) система участия законных представителей;
- 2) особое производство о разумении несовершеннолетних, совершивших преступление;
- 3) обязательная защита несовершеннолетних обвиняемых;
- 4) специальные меры пресечения, применяемые к несовершеннолетним обвиняемым;
- 5) отдельное производство по делам о соучастии несовершеннолетних⁵.

В системе действующего права Закон 1897 г., содержащий в себе новшество, с точки зрения исторической традиции, во многих отношениях оказался или недостаточно последовательным или прямо противоречил той основной идее, которая явилась причиной его возникновения и проведения в жизнь. Главный вопрос в отношении отправления правосудия по делам малолетних и несовершеннолетних — вопрос о создании особого положения их в уголовном процессе — остался открытым и неразрешенным. Совершенно справедливо отмечал Х.М. Чарыхов, что, «являясь с первого взгляда отступлением от общего порядка, при ближайшем рассмотрении этот упрощенный порядок уже не составлял того важного отступления, которого требовала теория и практика. Вопрос о коренном преобразовании законодательного постановления о малолетних и несовершеннолетних преступниках остался вопросом, требующим самого неотложного разрешения»⁶. Тем не менее, несмотря на то, что закон не был свободен от недостатков,

он все-таки свидетельствовал о развитии российской юстиции, ее ориентации на общепринятые мировые тенденции. И именно Закон 1897 г. послужил нормативной основой для деятельности особых (специальных) судов для несовершеннолетних преступников, которые были учреждены в 1910 г. в Петербурге, в 1912 г. — Москве, затем в Киеве, Харькове, Екатеринбурге и других городах. Мысль о создании этих судов возникла под влиянием педагогических выводов прогрессивных деятелей того времени об отрицательном влиянии совместного слушания дела взрослых и несовершеннолетних подсудимых. На «общем» суде несовершеннолетний рано осваивается с положением подсудимого, у него ослабляется чувство стыда, страха перед наказанием, он свыкается с мыслью о возможной преступной «карьере», видит в этом возможность самоутверждения и возвышения над сверстниками.

Инициатива введения в России специализированного суда по делам несовершеннолетних принадлежала Санкт-Петербургскому обществу патроната, которое создало особую комиссию для выработки рекомендаций. В работе комиссии участвовали известные ученые, сторонники гуманного отношения к несовершеннолетним: И. Фойницкий, П. Люблинский и др. Первым судьей по делам несовершеннолетних был опытный юрист с прогрессивными взглядами Н. Окунев, который лично изучил практику подобных судов в Западной Европе. Судья именовался добавочным, чтобы не быть связанным с иным каким-либо участком.

Основным руководящим принципом суда стала ценность ребенка как индивидуума и как члена общества. Учредители этого суда исходили из того, что возможности ребенка в результате должного воспитания могут быть обращены на пользу общества, и государство должно позаботиться о развитии его положительных задатков⁷.

В указанных судах рассматривались дела трех категорий:

- 1) дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними (дела по обвинению несовершеннолетних, совершивших преступления в соучастии с взрослыми, выделялись в особое производство);
- 2) дела о преступлениях, в которых несовершеннолетние были потерпевшими;
- 3) дела, связанные с невыполнением своих обязанностей родителями несовершеннолетнего, жестоким обращением с ним, беспризорностью, детской проституцией и т.п.

Особым принципом, отличающим ювенальный суд от суда общей юрисдикции, стало отсут-

⁴ Рубашева А.М. Суд для малолетних и общество. М.: Тип. Русского товарищества, 1912. С. 4.

⁵ См.: Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX — начало XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 115–124.

⁶ Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М.: Тип. Упр. М.-Курск., Нижегород. и Муром. ж. д., 1910. С. 72–73.

⁷ См.: Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Дети-преступники: сб. ст. / под ред. М.Н. Гернега. М.: Изд-во «В.И. Знаменский и К», 1912. С. 232.

ствие строгой процедуры судебного разбирательства дела, поскольку отмечалось ее вредное влияние на несовершеннолетнего, а также незащищенность юного правонарушителя перед лицом имеющего карательную направленность общеуголовного суда. В России функции судьи по делам несовершеннолетних осуществлял специальный мировой судья. К его компетенции относились дела о преступлениях несовершеннолетних, а также взрослых подстрекателей и подростков. Судья такого суда осуществлял также надзор за работой учреждений, принявших на себя заботу о малолетних преступниках⁸.

Несмотря на деятельность детских судов, было бы преувеличением считать, что существенно изменилась общая картина преступности несовершеннолетних в России: большинство дел рассматривалось традиционным способом, без применения опыта детских судов. Хотелось бы отметить, что краткий период развития института судей по делам несовершеннолетних в научной литературе изучен мало. Они не были оформлены легально, возникали как общественная инициатива, впрочем, не встречая противодействия (как и особого содействия) официальных властей. Но принципиально важным было то, что за небольшой период своей деятельности институт детского суда стал наглядным примером нового, гуманного отношения к несовершеннолетнему преступнику, чем заложил фундамент для дальнейших преобразований в этом направлении.

Проектом Временного правительства предполагалось расширить компетенцию особых судов, наделив их опекунами полномочиями, правами лишения родительской власти, принятия мер в отношении беспризорных детей. «При таких полномочиях суд для несовершеннолетних, — писал П.И. Люблинский, — становится могущественным органом разностороннего воздействия на малолетнего и окружающего его среду, причем решение вопроса о степени ответственности самого несовершеннолетнего является лишь одной, сравнительно небольшой частичкой его многосложных обязанностей. Из специализированного уголовного суда он превращается в публичный орган государственного попечения о несовершеннолетнем, действующий в судебном порядке»⁹.

В дальнейшем общественное внимание к особым судам по делам несовершеннолетних, не поддержанное государственными решениями, постепенно ослабевало. Началась первая мировая война, и многие деятели судов были призваны

в армию. Детские суды постепенно прекратили свое существование.

Спустя несколько лет после Октябрьской революции П.И. Люблинский, явно сожалел о судьбе во многом и своего «детища», написал: «в организации этого суда удалось провести начала, делавшие русский суд для несовершеннолетних одним из наиболее удачных типов такого суда... Суды для несовершеннолетних повсюду внесли новый дух в область борьбы с преступностью среди детей. Они, вместе с тем, и глубже вскрыли корни этого зла»¹⁰.

Начало новой послереволюционной истории развития детских судов датируется 14 января 1918 г., когда за подписью В.И. Ленина был издан Декрет СНК «О комиссиях по делам несовершеннолетних» (далее — Декрет 1918 г.)¹¹. Этим документом полностью отменялись суды и тюремное заключение для несовершеннолетних правонарушителей, все дела о преступных деяниях последних передавались на рассмотрение комиссий для несовершеннолетних, представлявших собой чисто педагогический орган. К ведению этих комиссий Декрет 1918 г. относил рассмотрение всех видов преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних с применением к ним мер исключительно воспитательного характера. При рассмотрении дел комиссия, в зависимости от характера правонарушений, могла освободить несовершеннолетних или направить их в одно из учреждений НКГП. Ими являлись детские дома, коммуны, приюты, приёмники, именуемые в Декрете 1918 г. «убежищами». Согласно положениям Декрета 1918 г. комиссии обязывались пересматривать все дела, находившиеся в производстве судов или законченные осуждением несовершеннолетних.

Вполне обосновано, по мнению Р.А. Базарова, выступал против подобного либерализма в отношении несовершеннолетних правонарушителей Народный комиссариат юстиции. В условиях экономической разрухи и политического кризиса следовало прогнозировать рост беспризорности, корыстной и насильственной преступности несовершеннолетних. К 1920 г. детская преступность возросла, по сравнению с довоенным 1913 г., более чем в 2 раза, при этом особо отмечалась преступная активность несовершеннолетних старших возрастных групп¹².

30 июля 1920 г. была опубликована Инструкция о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних (далее — Инструкция)¹³, которую

⁸ Более подробно об этом см.: Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: охранительная и восстановительная. М.: Проспект, 2002. С. 74.

⁹ Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: Социально-правовые очерки. М.: Изд-во Наркомюста, 1923. С. 168.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

¹² См.: Базаров Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ВШ МВД, 1996. С. 44–45.

¹³ Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 100. № 68.

готовили три ведомства: просвещения, здравоохранения и юстиции.

При оценке содержания Инструкции необходимо отметить факт преобладания медико-психолого-педагогической направленности деятельности комиссии для несовершеннолетних. Однако вступая в противоречие с принципом ликвидации всех судов для несовершеннолетних, провозглашенным Декретом 1918 г., Инструкция все же предусмотрела передачу несовершеннолетних «вместе с делом» народному судье. Судья в течение трех суток должен был провести необходимые следственные действия по фактической стороне дела, определить роль несовершеннолетнего в преступлении (если оно было совершено в соучастии с взрослыми), после чего он должен был предоставить доклад комиссии о результатах расследования. Комиссия по делам несовершеннолетних участвовала в судебном следствии по таким делам и принимала окончательное решение. Заседания комиссии для несовершеннолетних были публичными, допускалось присутствие прессы, но запрещалось публиковать фамилии несовершеннолетних. В целом можно отметить, что в Инструкции был закреплён опыт судов для несовершеннолетних в царской России по деятельности организации социальных служб, изучающих личность несовершеннолетних правонарушителей.

В дальнейшем возникла необходимость создания судебных форм защиты прав несовершеннолетних, так как преступления, совершаемые несовершеннолетними, не могли исчезнуть сами по себе, а для борьбы с ними у комиссии по делам несовершеннолетних не было достаточного набора эффективных средств.

Народный комиссариат просвещения РСФСР разработал и в феврале 1920 г. вынес на рассмотрение правительства проект Декрета «О суде над несовершеннолетними»¹⁴.

Названный Декрет подтвердил упразднение судов и тюремного заключения для несовершеннолетних. Дела о совершенных ими общественно опасных деяниях должны были по-прежнему рассматриваться комиссией о несовершеннолетних, и лишь в случае, если при рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет комиссией была установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передавалось комиссией в суд. Изменениями, внесенными Декретом 1920 г., не завершилось регулирование судопроизводства по делам несовершеннолетних. 25 мая 1922 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее — УПК РСФСР 1922 г.)¹⁵, а уже через несколько месяцев

25 февраля 1923 г. — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в новой редакции (далее — УПК РСФСР 1923 г.)¹⁶.

УПК РСФСР 1922 г. предусмотрел ряд правил судопроизводства по делам несовершеннолетних, утвердив тем самым судебный порядок рассмотрения этих дел, наряду с соответствующим их рассмотрением в комиссиях по делам несовершеннолетних. Среди таких процессуальных норм можно отметить обязанность суда установить возраст подсудимого, запрет присутствия несовершеннолетних в зале судебного заседания. Тем не менее в тот момент комиссии по делам несовершеннолетних сохраняли приоритетную позицию. В середине 1930-х гг. общая тенденция к усилению судебных репрессий и ужесточению карательных мер коснулась и политики в отношении детской преступности. Данный период отмечен принятием множества инструкций, директивных писем и приказов Наркомата юстиции СССР, Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР.

Среди этих документов особое внимание привлекает Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» (далее — Постановление 7 апреля)¹⁷. В преамбуле этого постановления подчеркивалась необходимость быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних. Такая цель, сформулированная достаточно императивно и однозначно, во многом предопределила подходы к рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних.

20 июня 1935 г. издается Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (далее — Постановление 20 июня)¹⁸, согласно которому были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних. После издания Постановления 7 апреля в Москве и в других крупных городах были созданы специализированные народные суды для рассмотрения дел несовершеннолетних.

Нельзя не отметить непоследовательность политики советского правительства этого периода по рассматриваемой категории дел. Отменив в 1935 г. комиссии по делам несовершеннолетних и учредив специализированные народные суды для рассмотрения дел о несовершеннолетних, оно спустя три года их ликвидирует, а рассмотрение этих дел передает в районные народные суды. В каждом из них был выделен для рассмотрения дел несовершеннолетних один из участковых судей. Как справедливо отмечал Д. Горвиц, «дела несо-

¹⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.

¹⁵ Там же. 1922. № 22–21. Ст. 230

¹⁶ Там же. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁷ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 // Собрание законодательства СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

¹⁸ О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. М.: НКЮ Союза СССР, 1937. С. 25–32.

вершеннолетних были возложены на судей в качестве нагрузки к основной работе»¹⁹. Трудно сказать, какую — отрицательную или положительную — роль сыграла децентрализация судебной системы по делам несовершеннолетних в Москве в 1938 г. Думается, что главное было в другом — в подрыве законности при осуществлении правосудия. Рассмотрение дел несовершеннолетних все более стало походить на рассмотрение дел взрослых подсудимых. Забывались недавние приказы и инструкции руководителей юридических ведомств (не говоря уж о законах). В последующие годы (1938—1941) карательная политика в отношении несовершеннолетних не ослабевала, а усиливалась. Было принято значительное число подзаконных актов (постановлений, ведомственных инструкций, приказов, циркуляров), обеспечивавших исполнение постановлений директивных органов.

Следующим этапом в развитии правосудия по уголовным делам несовершеннолетних стал УПК РСФСР 1960 г.²⁰, в который была включена гл. 32, специально посвященная особенностям производства по делам несовершеннолетних. Основной чертой созданной системы правосудия по делам несовершеннолетних была охранительно-карательная направленность: с одной стороны, суды действовали в целях защиты и охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а с другой — презюмировалась неизбежность наказания при совершении преступления, назначение справедливых и обоснованных наказаний, хотя и в смягченной форме. Перед народным судом при рассмотрении дел несовершеннолетних ставились задачи воспитания несовершеннолетних и предупреждения новых преступлений с их стороны. Судебный процесс по делам несовершеннолетних решал общие задачи уголовного судопроизводства. В ст. 391 УПК РСФСР было установлено, что судопроизводство по делам несовершеннолетних определялось общими правилами данного Кодекса.

В этот период восстанавливается деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, Положение о которых было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1967 г.²¹

УПК РСФСР и Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних закрепили компетенцию суда общей юрисдикции и комиссий при рассмотрении дел о правонарушениях несовершеннолетних. Компетенция суда распространялась на определенные, как правило, тяжкие преступления несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет. Среди задач комиссии было рас-

смотрение дел об административных правонарушениях, аморальных поступках лиц, не достигших 14 лет (в определенных случаях) и 16 лет).

УПК РФ в целом воспринял подход УПК РСФСР 1960 г. в отношении правосудия по делам несовершеннолетних (гл. 50), но с учетом реалий и потребностей современного правоприменительного процесса.

Проблема специализации правосудия в данной сфере была поднята в конце 1990-х гг., когда в России стали говорить о системе ювенальной юстиции, специальных составов судов по делам семьи и несовершеннолетних, создание которой было предусмотрено в Основных направлениях государственной социальной политики по улучшению положения детей²². Именно с этого времени в Российской Федерации усилиями государства, общества, правоведов и социальных работников формулировались основные положения и принципы Концепции российской ювенальной юстиции. Всеми учеными и практиками однозначно признается необходимым в целях защиты и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей и несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, учреждение судов по делам несовершеннолетних и системы социальных служб, обеспечивающих решение проблем указанных категорий несовершеннолетних и содействующих суду в его деятельности. Тем не менее в настоящее время в России еще не до конца устоялся подход к определению внешних границ системы ювенальной юстиции. Отсутствие же единого подхода в рассматриваемой сфере имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку дискуссии по проблемам ювенальной юстиции оказывают непосредственное воздействие на процесс разработки соответствующих проектов.

Необходимо отметить, что в последние два десятилетия реформы ювенальной юстиции повернулись в другую сторону — в сторону восстановительного правосудия. Это — реформы в ряде штатов США, в Канаде, Великобритании, Западной и Восточной Европе, Австралии. Сущность восстановительного правосудия состоит в том, что центральным пунктом, который ставится во главу угла при ответе за совершенные преступления, является заглаживание правонарушителем вреда жертве и обществу. Идея ответственности — новая для ювенальной юстиции. Но эта ответственность не карательная. Суть ее — в обязанности ответить за содеянное и своими силами (с помощью взрослых) минимизировать те негативные последствия, которые причинены преступле-

¹⁹ О ликвидации детской беспризорности. С. 38.

²⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

²¹ Там же. 1967. № 23. Ст. 536.

²² Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей: Указ Президента РФ от 14.09.1995 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 38. Ст. 3669.

нием. Встреча с потерпевшим в неформальной обстановке становится важным моментом в переосмыслении несовершеннолетним собственного проступка. В целом процесс перестает быть центрированным только на правонарушителя, страдания потерпевшего, заглаживание вреда становятся отправной точкой для того, кто совершил преступление²³.

Если учесть тот факт, что нынешняя практика ювенального судопроизводства тесно связана с реализацией целого рода начинаний по воссозданию ювенальной юстиции, то вопросы, связанные с применением ювенальных технологий по таким делам, оправданно представляют как научный, так и практический интерес. Важное значение здесь будут иметь профессиональные умения педагогов, психологов, социологов, а также участвующих представителей общественных организаций по улаживанию вопросов, связанных с защитой прав несовершеннолетних лиц.

Элементы ювенальной юстиции должны отвечать современным требованиям ювенальной политики. А это значит: они должны быть основаны на обновлении ее новыми, эффективными формами, технологиями и прочими механизмами развития инфраструктуры для поддержания детства, семьи и, соответственно, пресечения преступных проявлений со стороны несовершеннолетних²⁴.

В настоящее время в России задача создания системы защиты и обеспечения прав и интересов

детей особо актуализировалась в связи с Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.»²⁵. Данный крайне важный документ, реализация которого позволит обеспечить достижение существующих международных стандартов в области прав ребенка, определяет дружественное к ребенку правосудие как систему гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующую уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела (разд. VI).

Особенно необходимо подчеркнуть, что данный документ предусматривает создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия, что может и должно стать основой для перехода в целом от действующей карательной модели правосудия к юстиции восстановительной.

Оценивая эволюцию правового регулирования российского правосудия для несовершеннолетних, нельзя считать, что произойдет «остановка» на пути создания в России собственной модели ювенальной юстиции. Этого не случится хотя бы потому, что УПК РСФСР и УПК РФ уже создали правовую базу для ее создания, которая имеет тенденцию позитивного развития²⁶.

Библиография:

1. Базаров Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ВШ МВД, 1996. 140 с.
2. Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX — начало XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 334 с.
3. Гуськова А.П. Ювенальное судопроизводство и вопросы формирования эффективной системы защиты прав несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: мат. IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Верховного Суда Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. С. 44–46.
4. Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Дети-преступники: сб. ст. / под ред. М.Н. Гернета. М.: Изд-во «В.И. Знаменский и К», 1912. С. 232–235.
5. Зер Ховард. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Судебно-правовая реформа, 1998. 359 с.
6. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М.: Изд-во Наркомюста, 1923. 294 с.
7. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М.: Дело, 2000. 272 с.

²³ Более подробно об этом см.: Зер Ховард. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Судебно-правовая реформа, 1998.

²⁴ См.: Гуськова А.П. Ювенальное судопроизводство и вопросы формирования эффективной системы защиты прав несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: мат. IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Верховного Суда Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. С. 44.

²⁵ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761). URL: <http://base.garant.ru/70183566>.

²⁶ См.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М.: Дело, 2000. С. 74.

8. Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: охранительная и восстановительная. М.: Проспект, 2002. 144 с.
9. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа. 495 с.
10. Рубашева А.М. Суд для малолетних и общество. М.: Тип. Русского товарищества, 1912. 148 с.
11. Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности: социологическая школа в науке уголовного права. М.: Тип. Упр. М.-Курск., Нижегород. и Муром. ж. д., 1910. 147 с.

References (transliteration):

1. Bazarov R.A. Prestupnost' nesovershennoletnikh: kriminal'noe nasilie, mery protivodeistviya. Ekaterinburg: Izd-vo Ekaterinburg. VSh MVD, 1996. 140 s.
2. Belyaeva L.I. Pravovye, organizatsionnye i pedagogicheskie osnovy deyatelnosti ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX — nachalo XX vv.): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1995. 334 s.
3. Gus'kova A.P. Yuvenal'noe sudoproizvodstvo i voprosy formirovaniya effektivnoi sistemy zashchity prav nesovershennoletnikh // Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i problemy yuvenal'noi ugovovnoy politiki: mat. IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 90-letiyu Verkhovnogo Suda Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2013. S.44–46.
4. Emel'yanov A. Prestupnost' nesovershennoletnikh po mirovym uchastkam g. Moskvy // Deti-prestupniki: sb. st. / pod red. M.N. Gerneta. M.: Izd-vo «V.I. Znamenskii i K», 1912. S. 232–235.
5. Zer Khovard. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie. M.: Sudebno-pravovaya reforma, 1998. 359 s.
6. Lyublinskii P.I. Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste: Sotsial'no-pravovye ocherki. M.: Izd-vo Narkomyusta, 1923. 294 s.
7. Mel'nikova E.B. Yuvenal'naya yustitsiya: Problemy ugovovnogo prava, ugovovnogo protsesssa i kriminologii: ucheb. posobie. M.: Delo, 2000. 272 s.
8. Mel'nikova E.B., Karnozova L.M. Yuvenal'naya yustitsiya: okhranitel'naya i vosstanovitel'naya. M.: Prospekt, 2002. 144 s.
9. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. / pod obshch. red. O.I. Chistyakova. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8: Sudebnaya reforma. 495 s.
10. Rubasheva A.M. Sud dlya maloletnikh i obshchestvo. M.: Tip. Russkogo tovarishchestva, 1912. 148 s.
11. Charykhov Kh.M. Uchenie o faktorakh prestupnosti. Sotsiologicheskaya shkola v nauke ugovovnogo prava. M.: Tip. Upr. M.-Kursk., Nizhegor. i Murom. zh. d., 1910. 132 s.

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2014 г.

О.А. Кожевников*

Реформирование прокуратуры России (по актам судебной реформы 1864 г. и Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г.)**

Аннотация. Предметом исследования являлись общественные отношения, касающиеся тенденций реформирования российской прокуратуры по актам XIX и XX вв. Внимательному рассмотрению подверглись не только законы, но и многочисленные подзаконные правовые акты, из анализа которых делается вывод, что многие важнейшие вопросы организации и деятельности прокуратуры, несмотря на их важность, так и остались неразрешенными на протяжении многих лет. Это определение места прокуратуры в системе ветвей государственной власти, централизация прокуратуры, наделение ее соответствующими полномочиями и т.д. Особое внимание уделено правовому положению прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. При проведении исследования использовались следующие методы: сравнительного правоведения, исторического, системно-структурного, а также системно-функционального анализа. Научная новизна: впервые подверглись сравнительному анализу акты о прокуратуре середины XIX и конца XX вв. о правовом положении прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Проведенное исследование позволило сделать следующий вывод: у прокуратуры на этих стадиях есть только одна функция — осуществление надзора при осуществлении дознания и предварительного следствия, а уголовное преследование (обвинение) представляет собой часть надзорной деятельности прокурора, направленную на выявление преступлений, вторая часть реализуется при поддержании обвинения в суде.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, судебные уставы, Концепция судебной реформы, органы расследования, уголовное преследование, обвинение, реформирование прокуратуры России, следователь, функции прокуратуры.

В правовой и исторической литературе при рассмотрении актов судебной реформы 1864 г. пристальное внимание уделяется судопроизводственным актам — Уставу уголовного судопроизводства и Уставу гражданского судопроизводства и гораздо меньшее «Основным положениям преобразования судебной части в России»¹, которые были утверждены указом императора Александра II 23 октября 1861 г. В них определялась последовательность разработки и рассмотрения документов судебной реформы. В первую очередь в них излагались в общих чертах главные начала судостройства и судопроизводства². После этого намечалось подготовить и сами

Судебные уставы. В «Основных положениях преобразования судебной части в России» и принятых уже позднее вместе с Уставами «Учреждениях судебных установлений» раскрывалось построение всей правоохранительной системы Российской империи. И самое важное, что эти документы принимались в «едином пакете».

Составной частью реформ являлась реформа прокуратуры. Это касалось как построения прокурорской системы, так и направлений деятельности прокуратуры. При этом следует учитывать, что в 60–90-е гг. XIX в. в прокуратуре одновременно существуют две подсистемы: губернская и судебная. В этот период организация прокуратуры регламентировалась нормами как дореформенного законодательства, так и Судебных уставов 1864 г. Компетенция губернской прокуратуры определялась «Облегчительными правилами об изменении и дополнении статей Свода законов, касающихся судопроизводства и делопроизвод-

¹ Основные положения преобразования судебной части в России. М.: Типография В. Готье, 1863.

² Подробнее см.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла: Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1996. С. 27.

© Кожевников О.А., 2014

* Кожевников Олег Альбертович — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности Уральской государственной юридической академии.

[o-kozhevnikov@yandex.ru]

620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

ства в прежних судебных местах» от 11 октября 1865 г.³, которые распространяли отдельные положения Судебных уставов на судопроизводство в дореформенных судах. Права и обязанности губернских прокуроров и стряпчих стали аналогичными тем, которыми наделялись прокуроры при судах в Судебных уставах. В частности, прокурор получил право возбуждать предварительное следствие и передавать полицейское дознание судебным следователям, если считал прекращение дела полицией необоснованным, а также опротестовывать приговоры и решения судов.

В соответствии со ст. 1–14 Высочайше утвержденного 7 марта 1866 г. мнения Государственного Совета «О некоторых изменениях и дополнениях в законах о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора», действовавшего во всех губерниях, где еще не приступили к работе общие суды и соответствующие прокуроры («правила, изложенные в ст. 1–14, применяются во всех губерниях» — ст. 15), начинается постепенное вытеснение основных звеньев местной прокуратуры — губернских и уездных прокуроров и стряпчих. Они освобождаются от просмотра целого ряда постановлений губернских, городских и уездных служебных мест. За ними остался лишь надзор за решениями губернских правлений и полицейских управлений, отдача под суд, выполнения административных взысканий и приговоров.

За губернскими прокурорами и уездными стряпчими сохранилось еще право входить во все служебные места, если они считали за нужное, брать «к своему рассмотрению» веденные там дела, требовать в любое время «внезапного свидетельства казначейства, общественных сумм и имущества». Из числа административных обязанностей местного прокурорского надзора к чиновникам новой прокуратуры перешли отдельные обязанности по тюремной части и участие в некоторых делах губернского в крестьянских делах присутствия.

Закон от 7 марта 1866 г. устанавливал, что по мере отмены должности губернских и уездных прокуроров, существующий надзор со стороны должностных лиц ведомства Министерства юстиции за губернскими, городскими и уездными учреждениями прекращается.

Губернская прокуратура стала похожей по компетенции на «судебную прокуратуру» с изданием утвержденных 10 марта 1869 г. императором «Правил о порядке производства дел прежними судебными местами»⁴, по которым она наделя-

лась всеми правами надзора за дознанием и следствием и обязанностью поддерживать обвинение в палате уголовного суда. В дальнейшем губернская прокуратура должна была уступить место прокуратуре судебных округов, а по завершении в 1899 г. судебной реформы должности губернских прокуроров были окончательно упразднены.

И вот спустя 130 лет в России вновь происходит реформирование правоохранительной системы, в том числе и прокуратуры.

Концепция судебной реформы в Российской Федерации, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 г., сыграла определенную положительную роль в развитии правоохранительной системы. Однако она, несмотря на упоминание о том, что «возвращает нас к достижениям правовой культуры, которые нашли отражение в Судебных уставах 1864 г.»⁵, принималась в спешке, без всестороннего обсуждения, уже изначально не учитывала российский правовой менталитет и отрицательный опыт иных государств. Более того, в силу того что в Конституции РФ не установлено предназначение прокуратуры — надзор за исполнением законов, уже в то время наметилась тенденция лишения ее многих полномочий. Еще в период ее подготовки предпринимались попытки лишить прокурора права надзора и возложить на него только функции обвинения в суде и уголовного преследования⁶. При этом шли ссылки на то, что прокуроры после 1864 г. стали осуществлять только функцию поддержания обвинения в судах⁷. Но как обоснованно указывалось в исследованиях современников Судебных уставов 1864 г.⁸, так и в более поздних монографиях⁹, участие прокурора в рассмотрении в судах уголовных дел являлось главной, но не единственной функцией прокуратуры. Помимо нее, прокуратура осуществляла надзор

С. 17–18; Бриль Г.Г., Корняков А.А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // История государства и права. 2008. № 2. С. 26.

⁵ Концепция Судебной реформы в Российской Федерации // ВВС РСФСР 1991. 1992. № 44. С. 57.

⁶ Подробнее см.: Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 14–17.

⁷ Концепция Судебной реформы в Российской Федерации. С. 57.

⁸ См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М.: Унив. тип., 1889. С. 369–373, 402–404, 435, 446, 463 и др.

⁹ См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917. М.: Наука, 1983; Даев В.Г., Маршунов М.Н.. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Из-во ЛГУ, 1990. С. 15–16; Казанцев С.М. Прокуратура Российской империи: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003; Кашаев К.А. Прокурор — гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М.: Городец, 2008. С. 92.

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1865. Т. XL. № 42548.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIV. № 46840. См. также: Трещеткин В.А. Юридическая регламентация организации и деятельности судебных органов, прокуратуры и полиции в конце XIX в.: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

за производством дознания органами полиции, надзор за производством предварительного следствия судебными следователями, участие в рассмотрении судами гражданских дел, надзор в местах лишения и ограничения свободы и, правда, в очень ограниченных формах так называемый общий надзор.

Концепция развития Прокуратуры РФ (на переходный период) 1994 г. и не обсуждавшаяся Концепция развития прокуратуры РФ 1998 г. не соответствуют нынешним правовым реалиям, они не дают четкого ответа на многие вопросы организации и деятельности прокуратуры РФ. И это привело к тому, что после 1995 г. в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» 22 раза вносились коррективы. При этом он был дополнен 20 новыми статьями. Из него исключены две статьи (20-1 и 31). Наиболее часто изменялись ст. 43 и 44 (по шесть раз), 40-1 и 48 (по четыре раза). Наибольшее количество изменений в пересчете на статьи Закона о прокуратуре внесено в 1999, 2007 и 2010 гг. (16, 19 и 26 соответственно). Остались в первоначальном виде лишь 16 статей¹⁰.

С принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» в Федеральный закон о прокуратуре также будут внесены изменения, предусмотренные этим законом. Самое важное изменение в нормах Конституции РФ, касающееся прокуратуры, содержится в гл. 7 «Судебная власть». Ее название дополняется словами «и прокуратура», тем самым показывается, что прокуратура не относится к судебной власти. Но при этом не вносятся изменения в ст. 11 Конституции РФ, говорящую о системе разделения властей, при которой органы прокуратуры в настоящее время исключены из числа носителей государственной власти¹¹, являясь при этом государственными органами. Очевидно, это связано с тем, что, в соответствии со ст. 135 Конституции, положения гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. И в дальнейшем, если предложение о пересмотре положений гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с Федеральным конституционным законом, созывается Конституционное Собрание, которое либо под-

тверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой Конституции РФ, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция РФ считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей. Таким образом, вопрос о месте прокуратуры в системе ветвей государственной власти вновь остается открытым.

К настоящему времени при определении в государственном механизме места прокуратуры проявились такие негативные явления, как создание Следственного комитета РФ (в нынешнем положении), образование, в соответствии с Указом Президента РФ от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка», постоянно действующих координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах РФ, дублирующих координационные совещания руководителей правоохранительных органов, которые предусмотрены Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

Имеет место подмена правоохранительных органов, в том числе прокуратуры, органами, созданными при Президенте РФ, непроцессуальными способами расследующими уголовные дела и осуществляющими надзор за исполнением законов (заклучения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по изучению обстоятельств гибели Сергея Магнитского, доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека о результатах общественного научного анализа судебных материалов уголовного дела М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева). Создаются также чрезвычайные Государственные и Правительственные комиссии, включающие в свой состав руководителей надзорных и следственных органов¹².

На рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ внесен законопроект о Коллегии независимых прокуроров¹³.

¹⁰ См.: Винокуров А.Ю., Васькина И.А. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: 20 лет правового регулирования прокурорской деятельности в современной России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4 (30). С. 26–31.

¹¹ См. об этом: Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода). М.: Изд-во Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 87–88.

¹² Например, Правительственная комиссия создана Распоряжением Председателя Правительства РФ от 11.07.2011 № 1200-р в целях оказания помощи пострадавшим и семьям погибших, а также содействия в ликвидации последствий аварии теплохода «Булгария», произошедшей 10 июля 2011 г. на р. Волге (Куйбышевское водохранилище); Государственная комиссия по установлению причин катастрофы самолета Ту-154, произошедшей 10 апреля 2010 г. в Смоленской области, повлекшей гибель Президента Республики Польша Л. Качиньского, его супруги и других сопровождающих лиц была образована в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 10.04.2010 № 225-рп.

¹³ Законопроект № 109629-6 «О Коллегии Уполномоченных прокуроров».

Эти и некоторые другие обстоятельства, которые разрушают прокуратуру, уже давно породили необходимость в принятии нового закона о прокуратуре, который бы позволил укрепить ее правовые позиции. При этом необходимо основываться на нормах Конституции РФ, но минимизировать недостатки, связанные с конституционной регламентацией правового положения прокуратуры.

В законе о прокуратуре, а также УПК РФ должны найти отражение и нормы, регламентирующие правовое положение прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Впервые деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам была выделена в виде отдельного направления функционирования прокуратуры в Циркулярном ордере первого министра юстиции Г.Р. Державина от 8 сентября 1802 г. В обязанности прокуроров вменялось наблюдать, «не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинение невинности, а с другой стороны упущения и послабления преступлениям, а наипаче сокрытия нестерпимых деяний» (то есть сокрытия преступлений и послабления преступникам); ходатайствовать и настаивать в губернском правлении, «чтобы следствие проведено было в надлежащую ясность, точность и окончено с совершенным беспристрастием так, чтобы высшей инстанции не было сомнений, ни надобности требовать доследования, когда следствие окончено и преступление открыто, смотреть за правосудием». Во всех указанных случаях прокуроры «о всяком отступлении от закона или пользы службы доносят министру, представляют ему краткие уведомления о ходе и положении всех вышеупомянутых дел, а также ежемесячно подробные ведомости по делам следственным (то есть о преступлениях по должности. — О.К.) и уголовным». В отношении арестантов к этим ведомостям прилагались сведения о том, «доставляется ли им пристойное пропитание, разведены ли они сообразно важности каждого преступления и отделяются ли приговоренные уже к наказанию от обвиняемых» и пр. Сенатский указ от 15 декабря 1802 г. подтвердил Циркулярный ордер, и он стал обязательным для исполнения всеми присутственными местами империи¹⁴. По предложению Г.Р. Державина, этот ордер был направлен Сенатом во все присутственные места с тем, чтобы они предоставляли прокурорам все необходимые сведения и не препятствовали «иметь наблюдение за порядком и благоуспешностию в производстве дел»¹⁵.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Отделение четвертое названо «Существом обя-

занностей и степенью власти прокуроров и их товарищей» (ст. 278–287), а особенностям прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания по государственным преступлениям посвящены ст. 1035–1035 (33).

В разное время данное направление деятельности прокуратуры имело различные названия. Так, в 1922 г., согласно Положению о прокурорском надзоре в области борьбы с преступностью, — это был надзор за производством дознания и предварительного следствия; в 1955 г. в соответствии с Положением о прокурорском надзоре в СССР — надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия (гл. III, ст. 17–21); в 1979 г., в силу Закона о прокуратуре СССР (гл. 2, ст. 28–30), — надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; в 1992 г., сообразно с Законом о прокуратуре и его редакциями 1995 и 1999 гг., — надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, но это не отражает сущности деятельности прокурора в рассматриваемой сфере. И тому есть несколько причин.

1. В законе о прокуратуре, наряду с органами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу, указаны и органы, занимающиеся оперативно-розыскной деятельностью, что, на наш взгляд, неправильно. Исходя из того, что законом предусмотрено два самостоятельных направления правоохранительной деятельности (оперативно-розыскная деятельность и дознание и предварительное следствие), а надзор за исполнением законов при проведении оперативно-розыскной деятельности имеет свои задачи, предмет, полномочия, мы предлагаем в Законе о прокуратуре отдельно выделить направление, связанное с осуществлением надзора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия. С нами согласны около 70 % прокуроров и следователей Следственного комитета РФ.

2. В Законе о прокуратуре говорится о соблюдении законности только правоохранительными органами. Между тем круг субъектов, принимающих участие на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, достаточно широк. Так, УПК РФ выделяет участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (прокурор, следователь, начальник следственного отдела, органа дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представитель потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя), со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика) и иных участников. Данные субъекты также могут нарушать право-

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. XXVII. № 20553.

¹⁵ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. С. 38–39.

вые нормы. В связи с изложенным исследователи вопроса предлагают именовать рассматриваемое направление либо «надзором за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам», либо «надзором за законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия», либо прокурорским надзором «за соблюдением и исполнением законов органами дознания, предварительного следствия и другими субъектами уголовного процесса, за деятельностью(?) которых прокурор уполномочен надзирать при возбуждении и расследовании преступлений»¹⁶.

Однако более правильно назвать это направление надзором за исполнением законов при осуществлении дознания и предварительного следствия.

В ст. 37 УПК говорится, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, то есть речь идет о двух функциях. Данная формулировка представляется не совсем оправданной.

Во-первых, она противоречит теории прокурорского надзора, говорящей не о надзоре за деятельностью, а о надзоре за исполнением законов при осуществлении определенного вида деятельности¹⁷.

Во-вторых, представляется, что у прокуратуры есть только одна функция — осуществление надзора. Заметим, Конституция РФ не закрепила назначения прокуратуры, а лишь в ст. 129 указала, что полномочия, организация и порядок деятельности определяются федеральным законом. В ст. 1 Закона о прокуратуре говорится, что прокуратура РФ — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории России. Она выполняет и иные функции, установленные федеральными законами.

Из изложенного следует:

1) функции прокуратуры могут закрепляться иными (кроме Закона о прокуратуре) законами. В частности, это Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Федеральный закон от 22.04.2004 № 19-ФЗ «О компетентном органе Российской Федерации по Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения», предоставляющие про-

куратуре РФ дополнительные права. В последнем законе указывается, что компетентным органом РФ по Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения, подписанной в Москве 28 марта 1997 г., является Генеральная прокуратура РФ;

2) все функции, перечисленные в ст. 1 Закона о прокуратуре, конкретизируют надзорную.

Особый характер правовых средств прокурорского надзора в различных стадиях уголовного процесса приводит иногда к представлению о наличии у прокурора в сфере уголовного судопроизводства помимо основной функции — надзора за соблюдением законности — дополнительных функций, таких как руководство расследованием, поддержание обвинения и т.д. Однако сущность прокурорского надзора во всех стадиях процесса постоянна, она не изменяется в зависимости от объема и характера используемых прокурором правовых средств. Содержание деятельности прокурора — надзор за законностью, и он не подлежит расчленению.

В-третьих, разнопланово понятие «уголовное преследование». Оно и ранее использовалось в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) излагал его в различных интерпретациях — «судебное преследование» (ст. 2), «судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого» (ст. 16), «уголовное преследование» (ст. 542). Под уголовным преследованием в УУС подразумевалось также возбуждение уголовного дела и последующее избрание наказания, обвиняемых в совершении преступлений. Аналогично рассматриваемое понятие толковалось и в УПК 1923 г. (ст. 4, 9).

УПК РФ, законодательно закрепив понятие «уголовное преследование», не внес в данную проблему ясности. Он то использует понятия «обвинение» и «уголовное преследование» как равнозначные (п. 45 ст. 5 УПК), при этом под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном п. 22 ст. 5 УПК, а под уголовным преследованием — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях избрания наказания подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления — (п. 55 ст. 5), то следует их отождествление (ч. 1 ст. 20, 21, 23 УПК). Есть противоречия и между п. 55 ст. 5 и ч. 2 ст. 21 УПК РФ. Если по п. 55 ст. 5 уголовное преследование возможно лишь на стадии предварительного расследования, то по ч. 2 ст. 21 — и на стадии возбуждения уголовного дела. Согласно п. 55 ст. 5, уголовное преследование может осуществляться только в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а по ч. 2 ст. 21 — лица, виновного в совершении преступления. Фактически в ч. 2 ст. 21 речь идет об уголовном преследовании.

¹⁶ Подробнее см.: Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 40–49.

¹⁷ К сожалению, такую же ошибку допускает и Генеральная прокуратура РФ в названии своего структурного подразделения «Главное управление по надзору за следствием».

Не скорректированы друг с другом и другие нормы. Так, в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование осуществляется в ходе досудебного производства по делу, так как речь идет об избличении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а в силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ, оно осуществляется в ходе уголовного судопроизводства, то есть также и в ходе судебного разбирательства.

Одни авторы выделяют прокурорское уголовное преследование и уголовное преследование, осуществляемое иными субъектами¹⁸, другие — уголовное преследование (обвинение) как процессуальную функцию, которая возникает одновременно с появлением уголовно-процессуальных отношений, и уголовное преследование как действие правоохранительных органов, направленное на избличение конкретного лица в совершении преступления¹⁹.

В УПК РФ и в литературе часто употребляется термин «обвинение». Под ним понимается процессуально оформленное и направленное на привлечение к уголовной ответственности и на реализацию последней утверждение властных субъектов уголовного судопроизводства о наличии в деянии, вменяемом (вмененном) в вину определенному лицу, состава конкретного преступления, отраженного в формулировке и квалифицированного нормой УК РФ, предусматривающей ответственность за это деяние²⁰.

При этом непонятно, в каком соотношении находятся понятия «уголовное преследование» и «обвинение»? По мнению ряда авторов, уголовное преследование соотносится с понятием обвинения как общее с частным. Уголовное преследование — понятие более широкое, чем обвинение. Кроме последнего, оно включает возбуждение уголовного дела, расследование, надзор за законностью исполнения судебных решений, производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера и т.д.²¹ Правда, есть и другие точки зрения, в частности, утверждается, что обвинение — процессуальная деятельность по утверждению виновного характера действий лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом. Оно имеет формы: а) уголов-

ного преследования, осуществляемого только государственными органами и должностными лицами; б) обвинения как формы участия потерпевшего в уголовном преследовании, субъектом которого он не является; в) частного обвинения, которое не охватывается понятием «уголовное преследование»²².

Из изложенного видно, что термин «обвинение» часто заменяется термином «уголовное преследование» или данные понятия признаются тождественными.

Таким образом, понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественны. Обвинение представляет собой реализацию уголовного преследования, достигнутую цель.

Данный вывод подтверждает и норма п. 45 ст. 5 УПК, говорящая об одной функции — обвинении, или уголовном преследовании²³. Как справедливо писал В.М. Савицкий, составители проекта УПК зря ввели в него термин «уголовное преследование». «Ничего, кроме путаницы, он дать не может. По мнению авторов, уголовное преследование (не обвинение!) осуществляется на досудебных стадиях процесса (п. 17 ст. 5). Но если на предварительном следствии нет обвинения, то откуда там же появляется процессуальная фигура обвиняемого? Если нет обвинения, то зачем на предварительном следствии допускается защитник? Если обвинение появляется в суде, то почему в разъяснении термина «сторона» указывается, что сторона осуществляет в судебном разбирательстве «обвинение (уголовное преследование)» — п. 23 ст. 5? Если «обвинение» и «уголовное преследование» одно и то же, то зачем загромождать закон синонимами, сбивающими с толку? Вопросы, вопросы...»²⁴

Все сказанное выше должно быть учтено при совершенствовании норм уголовно-процессуального законодательства.

²² См.: Аширбекова М.Т. О соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Екатеринбург: УрГЮА, 2005. Ч. 1. С. 57; Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 49–50.

²³ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 3–6; Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1951. С. 65; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 88–89.

²⁴ См.: Савицкий В.М. Традиции в лучшем смысле // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. М.: Изд-во МОНФ, 1997. С. 71. Интересно мнение О.И. Андреевой, считающей идентичными понятия «уголовное преследование» и «обвинение», но разграничивающей их, когда речь идет об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела и уголовного преследования. См.: Андреева О.И. Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации: по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 дек. 2002 г.) / под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: ДиАр, 2003. С. 136.

¹⁸ См.: Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 18–36.

¹⁹ См.: Михайловская И.В. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. С. 83.

²⁰ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. С. 89; Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. С. 34; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 190; Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном. Свердловск: Среднеуральское книжное из-во, 1974. С. 29;

²¹ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 88–89; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Норма, 2003. С. 52–55, 61.

Библиография:

1. Андреева О.И. Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации: по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 дек. 2002 г.) / под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: ДиАр, 2003. С. 135–139.
2. Аширбекова М.Т. О соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Екатеринбург: УрГЮА, 2005. Ч. 1. С. 57–63.
3. Бриль Г.Г., Корняков А.А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX в.) // История государства и права. 2008. № 2. С. 25–27.
4. Винокуров А.Ю., Васькина И.А. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: 20 лет правового регулирования прокурорской деятельности в современной России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4 (30). С. 26–33.
5. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном. Свердловск: Среднеуральское книжное из-во, 1974. 187 с.
6. Даев В.Г., Маршунов М.Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Из-во ЛГУ, 1990. 135 с.
7. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917. М.: Наука, 1983. 214 с.
8. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла: Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX в. М.: РОССПЭН, 1996. 427 с.
9. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи: Российские прокуроры. XIX в. М.: РОССПЭН, 1995. 382 с.
10. Казанцев С.М. Прокуратура Российской империи: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 30 с.
11. Кашаев К.А. Прокурор — гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М.: Городец, 2008. 336 с.
12. Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Волтерс Клувер, 2011. 208 с.
13. Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2006. 360 с.
14. Михайловская И.В. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 144 с.
15. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М.: Унив. тип., 1889. 568 с.
16. Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода). М.: Изд-во Генеральной прокуратуры РФ, 1998. 92 с.
17. Савицкий В.М. Традиции в лучшем смысле // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. М.: Изд-во МОНФ, 1997. С. 65–74.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
19. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1951. 277 с.
20. Трешеткин В.А. Юридическая регламентация организации и деятельности судебных органов, прокуратуры и полиции в конце XIX века: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.
21. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 532 с.
22. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
23. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Норма, 2003. 350 с.
24. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. 512 с.

References (transliteration):

1. Andreeva O.I. Sootnoshenie funktsii obvineniya i ugolovnogogo presledovaniya po UPK RF // Sudebnaya reforma i stanovlenie pravovogo gosudarstva v Rossiiskoi Federatsii. M.: 2003. S. 135–139.
2. Ashirbekova M.T. O sootnoshenii ponyatii «obvinenie» i «ugolovnoe presledovanie» / M.T. Ashirbekova // Pyat' desyat let kafedre ugolovnogogo protsessa UrGYuA (SYuI): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ekaterinburg, UrGYuA, 2005. Ch. 1. S. 57–63.
3. Bril' G.G., Korniyakov A.A. Pravovoe regulirovanie prokurorskogo nadzora v poreformennoi Rossii (vtoraya polovina XIX veka) / G.G. Bril' // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 2. S. 25–27.
4. Vinokurov A.Yu., Vas'kina I.A. Federal'nyi zakon «O prokurature Rossiiskoi Federatsii» 20 let pravovogo regulirovaniya prokurorskoj deyatel'nosti v sovremennoi Rossii // Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2012. № 4 (30). S. 26–33.
5. Davydov P.M. Obvinenie v sovetskom ugolovnom protsesse. Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. 187 s.
6. Daev V.G., Marshunov M. N. Osnovy teorii prokurorskogo nadzora : monografiya / V.G. Daev. L.: Izd-vo LGU, 1990. 135 s.
7. Efremova N.N. Ministerstvo yustitsii Rossiiskoi Imperii 1802–1917: monografiya / N.N. Efremova. M.: Nauka, 1983. 214 s.
8. Zvyagintsev A.G., Orlov Yu.G. Pod sen'yu russkogo orla : Rossiiskie prokurory. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv. M.: ROSSPEN, 1996. 427 s.
9. Zvyagintsev A.G., Orlov Yu.G. Tainye sovetniki imperii. Rossiiskie prokurory. XIX v. M.: ROSSPEN, 1995. 382 s.
10. Kazantsev S.M. Prokuratura Rossiiskoi imperii: Istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2003. 30 s.
11. Kashaev K.A. Prokuror — garant soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. M.: Gorodets, 2008. 336 s.

12. Kozhevnikov O.A. Uchastie prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugolovnoho sudoproizvodstva. M.: Volters Kluver, 2011. 208 s.
13. Korolev G.N. Prokurorskoe ugolovnoe presledovanie v rossiiskom ugolovnom protsesse. M.: Yurlitinform, 2006. 360 s.
14. Mikhailovskaya I.V. Tseli, funktsii i printsipy rossiiskogo ugolovnoho sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma). M.: Prospect, 2003. 144 s.
15. Murav'ev N.V. Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatel'nosti. M.: Univer. tip. 1889. 568 s.
16. Problemy razvitiya pravovogo statusa rossiiskoi prokuratury (v usloviyakh perekhodnogo perioda). M.: Izd-vo General'noi prokuratury RF, 1998. 92 s.
17. Savitskii V.M. Traditsii v luchshem smysle // Sudebnaya reforma: itogi, priority, perspektivy. M.: Izd-vo MONF, 1997. S. 65–74.
18. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnoho protsessa v 2 t. M.: Nauka, 1968. T. 1. 470 s.
19. Strogovich M.S. Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom protsesse. M.: Gosyurizdat, 1951. 277 s.
20. Treshchetkin V.A. Yuridicheskaya reglamentatsiya organizatsii i deyatel'nosti sudebnykh organov, prokuratury i politzii v kontse XIX veka: Istoriko-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2004. 24 s.
21. Fatkullin F.N. Obvinenie i sudebnyi prigovor. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1965. 532 s.
22. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnoho sudoproizvodstva v 2 t. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2. 606 s.
23. Khimicheva G.P. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 350 s.
24. Chel'tsov-Bebutov, M.A. Sovetskii ugolovnyi protsess. M.: Gosyurizdat, 1951. 512 s.

Материал поступил в редакцию 17 февраля 2014 г.

К.А. Костенко*

К вопросу о правах лица на возмещение вреда при осознанном самооговоре — исторические аспекты и недостатки современного законодательства**

Аннотация. Законодатель, перечислив в УПК РФ (ч. 4 ст. 133) случаи, когда правила возникновения права на реабилитацию не распространяются на участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного), не учел, что когда лицо путем самооговора сознательно препятствует установлению истины по уголовному делу и тем самым способствует привлечению его к уголовной ответственности, то оно должно быть лишено права на возмещение вреда государством. При подготовке УПК РФ не принят во внимание исторический опыт возникновения прав на реабилитацию (Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.), а также нормы международного права (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.). Исследование рассматриваемой проблематики в работе осуществлялось методом сравнения современного уголовно-процессуального законодательства с нормами международного права и историческими аспектами Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. При этом образовавшаяся юридическая коллизия между нормами международного права и современным УПК РФ создает серьезные препятствия нормальной работе правовой системы, скажется на состоянии законности в государстве, культивирует правовой нигилизм в обществе и должна быть исправлена законодателем путем внесения изменений в УПК РФ.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, самооговор, судебная ошибка, право на реабилитацию, заведомо ложные показания, компенсация морального вреда, возмещение вреда, международный пакт.

В ст. 15 общих положений Устава уголовного судопроизводства Российской империи, утвержденного 20 ноября 1864 г. (далее — УУС) императором российским Александром II сказано: «В делах уголовных всякий несет ответственность только сам за себя».

По прошествии почти 150 лет со дня принятия УУС указанная норма закона не только не утратила своей актуальности, но и приобрела особую остроту в современных условиях развития общества. В частности, неоспоримым является тот факт, что во все времена органы правосудия сталкивались со случаями, когда подозреваемый, обвиняемый или подсудимый давали заведомо ложные показания с целью убедить органы предварительного расследования или суд в том, что именно им совершено преступление, которого в действительности он не совершал.

Следует сказать, что добровольное ложное признание вины характеризуется тем, что обвиняемый понимает и осознает, что сообщаемые им сведения не соответствуют действительности, но он по каким-то причинам, согласующимся с его

личными интересами, желает введения правоохранительных органов в заблуждение относительно своей причастности и виновности в совершении преступления.

В теории уголовного процесса заведомо ложные показания обвиняемого (подозреваемого), в которых он признает себя виновным в совершении преступления, хотя в действительности его не совершал, именуют самооговором¹.

О порядке действий лица, производящего расследование, в случае установления факта самооговора, упоминается еще в ст. 309 УУС, где сказано следующее: «По явке с повинной судебный следователь обязан приступить к следствию, но если признание явившегося с повинной опровергается имеющимися у следователя сведениями, то он составляет протокол о причинах, побудивших его оставить явку с повинной без последствий, и сообщает копию протокола прокурору или его товарищу».

¹ См.: Петрухин И.Л. Самооговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11.

© Костенко К.А., 2014

* Костенко Константин Анатольевич — заведующий кафедрой уголовного процесса, полковник юстиции, Хабаровский филиал Института повышения квалификации Следственного комитета РФ. [73kka@mail.ru] 680006, Россия, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Следует заметить, что УУС прямо не предусматривал понятие возмещения вреда за незаконное уголовное преследование. Об этом говорят и некоторые ученые процессуалисты.

Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый правоохранительными органами, имеет определенную специфику и длительную историю. Отдельные признаки этого правового института имели место еще в период Российской империи. В УУС были закреплены нормы, согласно которым оправданному подсудимому позволялось просить вознаграждение за вред и убытки, причиненные ему неосновательным привлечением к суду, во-первых, с частного лица (доносителя), не потерпевшего в действительности от преступления, в котором обвинялся оправданный; во-вторых, с лиц, возбудивших судебное преследование вследствие действительно понесенного вреда от преступления, но действовавших недобросовестно, искажавших обстоятельства происшествия, дававших ложные показания; в-третьих, с должностных лиц, включая судебных следователей и прокуроров, если пострадавший мог доказать, что последние действовали пристрастно, недобросовестно и притеснительно, без законного повода и основания. Однако и эти ограниченные меры реабилитации не имели реального практического воплощения: российский законодатель того времени пытался направить реабилитацию по пути монаршей милости, частной благотворительности или частного иска².

Некоторые авторы на основе процессуальной литературы и существующей практики выделяют конкретные мотивы, которыми руководствуются обвиняемые (подозреваемые) при даче заведомо ложных самообвинительных показаний. В числе наиболее часто встречающихся: 1) желание уберечь от уголовной ответственности родных, близких друзей, то есть лиц, чьи интересы для обвиняемого оказываются выше, чем свои собственные; 2) стремление быть осужденным за преступление небольшой или средней тяжести с тем, чтобы избежать ответственности за действительно совершенные тяжкие преступления; 3) стремление выгородить соучастников, приняв их вину на себя, имея в виду, что мера наказания за совершение преступления в одиночку меньше, чем за совершение преступления группой лиц, либо с целью получения материального или иного вознаграждения от соучастников; 4) желание показать себя бывалым, «матерым» преступником, которое свойственно чаще всего несовершеннолетним правонарушителям; 5) необходимость найти «приют» в местах лишения свободы (харак-

терно для лиц, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством); 6) болезненные мотивы душевнобольных; 7) страх перед строгой мерой наказания, которая может быть применена, если не последует чистосердечное раскаяние и другие мотивы³.

Сразу следует отметить, что при обсуждении рассматриваемого вопроса не учитываются случаи вынужденного самоговора, вызванного, например незаконными действиями должностного лица органа предварительного расследования или мотивами самоговора, образовавшимися в силу таких причин, как душевная болезнь, внушаемость, заблуждение и т.д. К рассмотрению представляется проблематика самоговора: во-первых, умышленного; во-вторых, добровольного; и, в-третьих, осознанного.

Одним из мотивов самоговора может также служить стремление лица быть привлеченным к уголовной ответственности с целью получения материальной выгоды. Получение такой выгоды возможно, с одной стороны, от соучастников за введение следствия в заблуждение о совершении преступления в одиночку, либо, с другой стороны — от государства по иску лица, в соответствии со ст. 1070 ГК РФ о компенсации морального вреда в результате последующего гарантированного прекращения в отношении него уголовного преследования или оправдания.

Необходимо признать, что такие способы самообогащения вполне могут быть распространены. При этом для достижения цели не исключен сговор с недобросовестным адвокатом.

Как уже отмечалось выше, УУС в случае установления факта самоговора лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, предусматривал прекращение дальнейшего расследования путем составления соответствующего протокола. Если проанализировать нормы УУС, становится понятно, что право на возмещение вреда лицу, привлеченное к уголовной ответственности в результате самоговора, не имело. Но ценность уголовно-процессуального закона того времени заключалась именно в дифференцированном подходе законодателя к правилам требования возмещения вреда. Все зависело от доказательств в этом вина конкретного источника, ставшего первопричиной судебного преследования лица: лжедоносчика, лжесвидетеля, недобросовестного и действовавшего пристрастно должностного лица, включая судебного следователя и прокурора. Единственным недостатком являлось то, что бремя доказывания незаконности действий должностных лиц должен был нести сам пострадавший.

Коснувшись исторических аспектов прав лиц на возмещение вреда при умышленном само-

² См.: Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты // СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010.

оговоре, следует ответить на вопрос, какие нормативно-правовые механизмы существуют в современной России для пресечения такой, на наш взгляд, противоправной деятельности?

Составной частью правовой системы РФ являются нормы международного права. Одним из таких документов является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

Обратившись к нему, в ст. 14 мы увидим вполне справедливое правовое положение о том, что если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление, и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, *если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине*⁴.

Следует сделать вывод о том, что указанная норма международно-правового акта провозглашает презумпцию виновности и ответственности государственных органов за незаконное привлечение человека к уголовной ответственности даже при самооговоре, *за исключением случаев, когда реабилитированное лицо не оказывало содействие своевременному выявлению этого обстоятельства*.

Законодательство советских времен, на наш взгляд, в полной мере обеспечивало должную защиту от необоснованных выплат по возмещению вреда лицам, привлеченным к уголовной ответственности в результате самооговора.

В частности, ст. 458 ГК РСФСР предусматривала некое ранжирование вреда, в зависимости от поведения потерпевшего, а также предписывалась возможность уменьшения размера возмещения, если имелась неосторожная вина потерпевшего. В случае если в возникновении вреда имелась прямая вина потерпевшего, в возмещении вреда ему вообще отказывалось.

Указанное положение норм ГК СССР 1964 г. нашло свое отражение в Положении о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда от 18.05.1981, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР (далее — Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981).

Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981, действующий и в настоящее время, предусматривает отказ в возмещении ущерба гражданину, незаконно привлеченному к уголовной ответственности, заключенному под стражу, осужденному,

если он в процессе дознания, предварительного и судебного следствия *путем самооговора сознательно препятствовал установлению истины и тем самым способствовал наступлению указанных последствий* (п. 3 ст. 2)⁵.

Перечень нормативных и правовых актов, не допускающих возможности возмещения вреда и реабилитации лица, привлеченного к уголовной ответственности в результате осознанного самооговора, на этом исчерпан.

Обратившись к Конституции РФ, мы увидим только обязанность государства: в ст. 2 признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, а в ст. 53 возместить вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Основания отказа в возмещении вреда лицу, подвергнутому уголовному преследованию, Конституция РФ не содержит, однако это и не свойственно прописывать в основном законе. Ключевую роль здесь должны сыграть нормы уголовно-процессуального законодательства.

УПК РФ в гл. 18 предусматривает основные понятия института реабилитации. В соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный. При этом процессуальный закон не раскрывает порядка действий лица, производящего расследование, суда в случае установления в ходе расследования или в судебном заседании умышленного ложного признания вины указанными участниками процесса.

Ч. 1 ст. 134 УПК РФ обязывает суд, следователя, дознавателя признать за оправданным, либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию и направить извещение о порядке возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием, независимо от того, препятствовало ли это лицо установлению истины по уголовному делу путем умышленного самооговора или нет.

Наряду с этим, ч. 1 ст. 136 УПК РФ без каких-либо условий обязывает прокурора от имени государства принести официальное извинение реабилитированному за причиненный вред.

По существу, между нормами международно-го права, Указа Президиума ВС Совета СССР от

⁴ Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах». Ст. 14 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. Законом СССР от 24.06.1981; вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда»). Ст. 2 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 21. С. 741.

18.05.1981 г. и УПК РФ имеется коллизия, которая на практике *приводит к признанию права на реабилитацию и возмещение вреда лицу, которое, преследуя достижение определенных целей, умышленно создало все условия для причинения такого вреда самому себе.*

Эта, как и любая другая юридическая коллизия, создает серьезные препятствия нормальной работе правовой системы, сказывается на состоянии законности в государстве, культивирует правовой нигилизм в обществе!

Крайне усугубило ситуацию в 2005 г. и решение Конституционного Суда РФ⁶, указывающего на возможность применения Указа Президиума ВС Совета СССР от 18.05.1981 лишь во взаимосвязи с гл. 18 УПК РФ, регламентирующей основания возникновения права на реабилитацию, а также с положениями ст. 1070 и § 4 гл. 59 ГК РФ, устанавливающими как общие правила возмещения вреда, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста, так и правила компенсации морального вреда.

Таким образом, с одной стороны, возможность применения п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах практически блокирована решением Конституционного суда РФ и уголовно-процессуальным законодательством, а с другой стороны, ничего не мешает суду отказать в удовлетворении иска о компенсации морального вреда со ссылкой на нормы международного права.

В связи с этим следует заявить о своей солидарности с некоторыми авторами, высказывающими критику об отсутствии запрета в УПК РФ на дачу заведомо ложных, самоизобличительных показаний лицом, подвергнутым уголовному преследованию, и которое таким способом якобы использует свое право давать по делу любые показания⁷.

Вопрос об отсутствии ответственности за дачу заведомо ложных показаний подозреваемым, обвиняемым или подсудимым в настоящее время довольно актуален и является предметом постоянной дискуссии ученых⁸, однако вернемся

к механизмам правовой защиты государства от умышленного самооговора.

Одним из таких механизмов, ввиду того, что УПК РФ их не предусмотрел, казалось бы, мог стать ГК РФ, в котором могли бы быть прописаны нормы, предусматривающие отказ в компенсации морального вреда в случаях умышленного самооговора в совершении преступления. Между тем даже наиболее близкая по содержанию ст. 1083 ГК РФ, которая предусматривает отказ в возмещении вреда, возникшего вследствие умысла потерпевшего, к случаям самооговора применяться не может.

В связи с этим следует согласиться с некоторыми авторами, утверждающими, что, очевидно, при подготовке редакции гл. 18 УПК РФ (реабилитация) законодатель исходил из того, что привлечение в качестве обвиняемого и осуждение невиновного, оговорившего себя в совершении преступления, являются следствием нарушения должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, одного из важнейших правил уголовного судопроизводства: *признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств* (ч. 2 ст. 77 УПК РФ)⁹.

Между тем такой законодательный подход к существующей проблеме, на наш взгляд, просто недопустим, так как для достижения своей цели, например, как ранее уже указывалось, корыстной или иной, заподозренное в совершении преступления лицо может использовать не только способ самооговора, выраженный в даче заведомо ложных признательных показаний. По сути, недооценены и возможные дополнительные способы введения в заблуждение лица, производящего расследование, такие как фальсификация доказательств, подлог и др. Вследствие этого, даже наиболее опытному следователю (дознавателю) потребуется длительное время для того, чтобы «вывести на чистую воду» лицо, реализующее цель — быть привлеченным к уголовной ответственности.

Признание права на реабилитацию за лицом, оговорившем себя в совершении преступления, фактически всегда неизбежно, так как проверка выдвинутой версии о причастности к совершению преступления требует времени для проведения ряда следственных и процессуальных действий. При этом непринятие неотложных мер к задержанию подозреваемого в совершении преступления может повлечь более тяжкие последствия. Например, такое лицо, находясь на свободе, совершит новое преступление, скроется

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 242-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Гуриновича А.А. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 1 и 2 ст. 2 Указа Президиума ВС СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // СПС «Консультант Плюс».

⁷ См.: Касаткина С.А. Признание обвиняемого: М.: Проспект, 2010.

⁸ См.: Лобанова Л.В. Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // Мировой судья. 2012. № 3.

⁹ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изде, перераб. М.: Норма, 2004 // СПС «Консультант Плюс».

от следствия, уничтожит доказательства, окажет давление на свидетелей и т.д.

Таким образом, разоблачение в самооговоре подозреваемого (обвиняемого), как правило, происходит лишь на этапе предварительного или судебного следствия, когда к нему уже применена мера пресечения или предъявлено обвинение, чего это лицо фактически и добивалось. В этой связи неразоблаченный вовремя умышленный самоговор несправедливо причислять к следственной или судебной ошибке и тем более, как сегодня оценивается в органах, осуществляющих предварительное следствие, — браку в работе.

На основании изложенного в настоящее время законодателю необходимо внести изменения в нормы гл. 18 УПК РФ, основываясь на принципах, заложенных в п. 4 ст. 15 Конституции РФ, где указано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹⁰.

Представляется, что для приведения УПК РФ в соответствие со ст. 14 Международного пакта от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» в настоящей редакции ч. 4 ст. 133 УПК РФ «Основания для возникновения права на реабилитацию» необходимы изменения. В частности, предлагается следующая редакция ч. 4 ст. 133 УПК РФ:

«4. Правила настоящей статьи не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершенно-

летнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, а также когда лицо путем самоговора сознательно препятствовало установлению истины и тем самым способствовало привлечению его к уголовной ответственности».

Внесение изменений в УПК РФ может быть не единственным в своем роде ограждением от умышленного и осознанного самоговора в совершении преступления.

Еще в советские времена некоторые авторы утверждали о возможности квалификации как укрывательства преступлений действий лица, добровольно признавшегося в совершении преступления, которое совершил другой человек. При этом понималось это так, что лицо, заведомо ложно признающее себя виновным, тем самым оказывает интеллектуальное содействие в избежании ответственности истинному преступнику¹¹.

Следует заметить, что советские ученые-юристы давно заметили существующую проблему борьбы с самооговором на стадиях уголовного судопроизводства, и их высказывания по поводу необходимости введения ответственности за эти незаконные действия вполне оправданы.

Таким образом, нераспространение правил о реабилитации в отношении лиц, допустивших сознательный самоговор в совершении преступления, это лишь первый шаг, который должен сделать законодатель. Вторым шагом должно стать введение реальной уголовной ответственности за указанные действия.

Библиография:

1. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 374 с.
2. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. М.: Проспект, 2004. 480 с.
3. Быканов М. Статья. Лжесвидетельство — враг правосудия // Законность. 2006. № 5. С. 26–27.
4. Беляев Н.А. Курс советского уголовного права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Т. 4. 558 с.
5. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010. 224 с.
6. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2004. 1104 с.
7. Кузьмина С.С. Самоговор: Правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.
8. Лобанова Л.В. Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // Мировой судья. 2012. № 3. С. 5–7.
9. Петрухин И.Л. Самоговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11–13.

¹⁰ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ). Ст. 15 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹ См.: Кузьмина С.С. Самоговор: Правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.

10. Поляков Б.А. Возмещение вреда необоснованно причиненного государством в ходе уголовного преследования по законодательству Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4. С. 732–741.
11. Юдкина И.А. Ответственность за вред, причиненный судом в сфере уголовного судопроизводства, в Гражданских кодексах России, Украины, Беларуси и Казахстана (сравнительный анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 2. С. 135–141.

References (transliteration):

1. Andreev Yu.N. Otvetstvennost' gosudarstva za prichinenie vreda: tsivilisticheskie aspekty. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2013. 374 s.
2. Bezlepkin B.T. Ugolovnyi protsess Rossii: uchebnik. M.: Prospekt, 2004. 480 s.
3. Bykanov M. Lzhesvidetel'stvo — vrag pravosudiya // Zakonnost'. 2006. № 5. S. 26–27.
4. Belyaev N.A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. L.: Izd-vo LGU, 1978. T. 4. 558 s.
5. Kasatkina S.A. Priznanie obvinyaemogo. M.: Prospekt, 2010. 224 s.
6. Kommentarii k ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. A.Ya. Sukharev. 2-e izd., pererab. M.: Norma, 2004. 1104 s.
7. Kuz'mina S.S. «Samoogovor: Pravovye i protsessual'nye aspekty» // Pravovedenie. 1989. № 6. S. 62–64.
8. Lobanova L.V. Nuzhno li podvergat' obvinyaemogo ugolovnoi otvetstvennosti za dachu zavedomo lozhnykh pokazanii? // Mirovoi sud'ya. 2012. № 3. S. 5–7.
9. Petrukhin I.L. Samoogovor // Sovetskaya yustitsiya. 1970. № 13. S. 11–13.
10. Polyakov B.A. Vozmeshchenie vreda neobosnovanno prichinennogo gosudarstvom v khode ugolovnogo presledovaniya po zakonodatel'stvu Frantsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2013. № 4. С. 732–741.
11. Yudkina I.A. Otvetstvennost' za vred, prichinennyi sudom v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva, v Grazhdanskikh kodeksakh Rossii, Ukrainy, Belarusi i Kazakhstana (sravnitel'nyi analiz) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 2. С. 135–141.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2014 г.

Н.В. Лантух*

Институциональное значение и эволюция апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве**

Аннотация. Предметом исследования выступают закономерности и противоречия практики применения норм, регламентирующих пересмотр судебных решений в апелляционном и кассационном производствах, а также деятельность участников и их правоотношения при производстве по уголовным делам в двух исторически сложившихся формах пересмотра судебных решений. В статье рассматриваются теоретические основы апелляционного и кассационного производств, отражается правовая природа и характерные черты каждого из институтов пересмотра. Автор указывает на социально-политические и исторические предпосылки возникновения различных форм пересмотра судебных решений, в доступной форме представляет теоретические основы производства в судах апелляционной и кассационной инстанций. При написании статьи был использован общий диалектический метод, общенаучные методы познания: анализ и синтез позволили обосновать предложения по развитию и совершенствованию уголовно-процессуального законодательства; исторический метод использовался автором для рассмотрения процесса развития института апелляции и кассации; индукция и дедукция применялись для аргументации сделанных в ходе исследования выводов, сравнительно-правовой — при исследовании отечественного и зарубежного законодательства. Автором проведено теоретическое исследование уголовно-процессуальных институтов апелляционного и кассационного производств, в котором уточнено их понятие, раскрыто их значение; на основе сравнительного анализа законодательства РФ и зарубежных стран, регламентирующего апелляцию и кассацию, были выявлены наиболее значимые характеристики данных институтов; выделены особенности действия различных принципов уголовного процесса при апелляционном и кассационном пересмотре уголовных дел. В статье дан научный анализ правовой природы производства по уголовным делам в вышестоящих судах, целесообразности существования того или иного способа проверки и обжалования в уголовном процессе в рамках той или иной национальной и исторической формы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, система пересмотра, апелляция, кассация, историческая форма, принципы уголовного процесса, уголовно-процессуальные гарантии, обжалование, правовой институт, судебный контроль.

Характерными чертами развития уголовно-процессуального законодательства последних лет выступает стремление приблизиться к выработанным мировым сообществом стандартам уголовной юстиции. Особое внимание законодатель уделяет организации работы судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, оптимальному распределению полномочий в системе судебной власти, установлению компетенции вышестоящих судов. По мнению П.И. Люблинского и других видных процессуалистов времени действия Устава уголовного судопроизводства, приговор суда не всегда выражает непререкаемую истину, которая исключила бы возможность иного вывода, кроме вывода, из-

ложенного в приговоре. Однако если справедливость может быть относительной, то и законность не может быть безусловной, так как в толковании самих законов возможны противоречия и неточности. Трудно представить себе судебную систему, достигшую абсолютного совершенства. Тем не менее следует помнить, что конечной целью процесса является не решение правового спора и не осуществление карательного права государства, а постановление правосудного приговора¹.

Исторически сложившимися формами пересмотра не вступивших в законную силу судебных

¹ См.: Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса. Пг.: Сенатская тип., 1916. С. 36–37.

© Лантух Н.В., 2014

* Лантух Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

[lana-lant@yandex.ru]

194354, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Энгельса, д. 119, кв. 88.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

решений являются апелляционное и кассационное производство. На протяжении многовековой истории данные организационно-правовые формы пересмотра меняли свое предназначение, географию, форму и содержание. Российское уголовно-процессуальное законодательство до недавнего времени также предусматривало два указанных способа обжалования решений судов до вступления их в законную силу. В настоящее время в качестве обычных способов обжалования и пересмотра осталась апелляция, а кассационное производство «перекочевало» в разряд чрезвычайных, экстраординарных форм пересмотра, наряду с производством в надзорной инстанции и возобновлением дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Институт апелляции основывается на том предположении, что суд вышестоящей инстанции представляет собой лучшие гарантии правильности приговора; *институт кассации* — на той юридической фикции, что любое решение, вынесенное законным судом с соблюдением надлежащей процедуры, является правильным. Сущность апелляционного производства заключается в том, что суд апелляционной инстанции вправе пересмотреть по существу в пределах заявленного представления или жалобы не вступивший в законную силу приговор суда первой инстанции в целом или в части, а также соблюдение процессуальной формы судом и сторонами при осуществлении ими процессуальных действий. В апелляционном производстве наиболее полно выражены процессуальные принципы состязательности и диспозитивности, а также принципы непосредственности и устности в исследовании доказательств, принцип гласности. В апелляционном порядке могут рассматриваться не вступившие в законную силу приговоры, вынесенные судьей единолично либо составом судей, однако без участия присяжных заседателей. При этом может повторно исследоваться его главная юридическая часть либо дополнительная (о гражданском иске, процессуальных издержках и т.п.) или приговор в целом.

Апелляционный суд по своей юридической природе должен рассматривать: 1) фактическую сторону дела (доказательства, соответствие фактической стороны постановленного судом первой инстанции решения реальным фактам, правильность их установления); 2) юридическую сторону дела (правильность применения уголовного закона, юридической квалификации свершившегося факта, соответствие назначенного судом наказания тяжести совершенного преступления); 3) надлежащее соблюдение процессуальной формы при производстве процессуальных действий.

Апелляционное обжалование обладает *деволютивностью* (от фр. *dévolu* — доставшийся, выпавший на долю) — свойством, при котором жалоба участника или представление прокурора обуславливает рассмотрение дела *вышестоящим* судом. Апелляционное обжалование обладает для приго-

вора первой инстанции *суппензивностью* (*effectus suspensivus*), то есть приостанавливает введение его в законную силу и обращение к исполнению. Суппензивное значение апелляционного обжалования составляет результат того, что по делу еще нет окончательного приговора². По идее апелляция может быть допущена лишь единожды в каждом деле. Новые требования, не являвшиеся предметом решения суда первой инстанции, не могут быть предъявлены в апелляционном суде.

В теории процессуального права выделяется *полная и неполная апелляции*³. Для *полной* апелляции характерно: а) представление в суд апелляционной инстанции любых новых доказательств; б) повторное исследование доказательств; в) вынесение нового судебного решения или оставление решения суда первой инстанции без изменения; г) отсутствие права возвращения дела в суд первой инстанции. В таком варианте суд исследует фактическую сторону дела в полном объеме. Он исследует все обстоятельства дела, оценивает доказательства так же, как и суд первой инстанции. Другими словами, в данном случае происходит повторное разбирательство по делу⁴. Очевидно, что рассмотрение дел при полной апелляции позволяет сторонам использовать предоставленную возможность предъявить в апелляционный суд новые доказательства и сослаться на новые обстоятельства. При *неполной* апелляции существует запрет сослаться на новые доказательства, не рассмотренные судом первой инстанции. К тому же здесь существует возможность возвращения дела в суд первой инстанции для нового рассмотрения дела по существу вынесенного решения. Производство в апелляционном суде осуществляется на принципах устности с преобладанием принципа письменности производства. Поэтому явка сторон в апелляционный суд необязательна.

В уголовном процессе всегда ставилась проблема допустимости апелляции в отношении приговоров единоличных судей и возможности установления права подачи апелляции на приговоры коллегиальных судов. Большинство ученых высказывается в пользу сохранения порядка апелляционного обжалования приговоров единоличных судей. Вопрос о допуске апелляции на приговоры коллегиальных судов вызывали оживленный спор. Апелляция на приговоры коллегиальных судов как промежуточная инстанция почти всегда нивелирует значение разбирательства в суде первой инстанции или, наоборот, сводится к формальной проверке суждений сильного состава судей.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 547.

³ См.: Рихтер Е.К. О полной и неполной апелляции // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 3. С. 20.

⁴ См.: Борисова Е.А. Неполная апелляция: необходимость закрепления в ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 44–47.

История апелляционного производства берет свое начало в Древнем Риме. При императоре Августе апелляция была принята только для дел важнейших и только в интересах полноправных римских граждан. Процедура была предельно проста. Апелляционное разбирательство производилось не между сторонами, а между лицом, недовольным решением, и чиновником, его постановившим. Ко времени классических юристов апелляционное производство (*jus appellandi*) уже прочно утвердилось в системе общего права. Им можно было пользоваться для новой проверки доказательств и отмены приговоров и решений. Для него были выработаны определенные постановления, значительная часть которых не потеряла силы и до наших дней. Постепенно выработался порядок подачи жалоб на приговоры судов и установилось четыре разряда судов, образовавших лестницу судебных инстанций. Во главе ее стоял император. В Риме же апелляция встретила и своего первого противника в лице знаменитого Ульпиана, который указывал на возможность ошибок при пересмотре дела, ухудшающих решение первого судьи⁵. Важные преобразования в императорский период претерпел вопрос о субъекте апелляционного обжалования. Право требовать апелляционного пересмотра сосредотачивается в руках сторон, которые в течение определенного срока должны были обжаловать решение устно или письменно⁶.

С появлением римского права в Западной Европе апелляция «водворилась» в уголовном процессе на весь период существования обвинительного процесса. Постепенно, по мере введения инквизиционного начала в процесс, апелляция начинает исчезать в Западной Европе, и в XVI в., в эпоху Каролины, она была уже повсюду отменена, вследствие волокиты дел, считавшейся крайне негативным фактором для эффективности судопроизводства. Не было смысла вводить вторую инстанцию, когда главное доказательство — признание вины подсудимым — вырывалось у него под пыткой. Такое разрешение дел держалось более трех столетий, и лишь в XVIII в. мысли о необходимости проверки правильности приговоров в кассационном порядке, а позднее — о возможности допущения в процесс апелляции по уголовным делам стали находить себе сторонников. Законодательство Французской империи произвело в этом отношении резкий поворот, и по закону 1809 г. апелляция стала возможной по целому ряду дел. Это была эпоха громадного влияния Франции на интеллектуальную жизнь всей Европы, поэтому понятно, что вскоре осталь-

ные государства, отказавшись от инквизиционного процесса, ввели у себя судопроизводство на новых началах, в числе которых было и право апелляционного обжалования по уголовным делам. Такой порядок был принят постепенно во всей Германии и держался без всяких изменений в течение первой половины XIX в. Однако в 1850 г. в законодательствах мелких германских государств замечено новое течение, возникает мысль о том, что апелляция в уголовных делах несовместима с принципом устности. Вследствие таких соображений, в некоторых землях Германии апелляция была устранена полностью либо отчасти. В конце 1894 г. в рейхстаг был внесен обширный законопроект, имеющий целью изменить ряд статей, запрещающих обжалование судебных приговоров по существу. Законодатели Бельгии, Голландии, Норвегии, Венгрии и некоторые другие сохранили у себя апелляцию. Общая теория немецкого права утвердила три судебные инстанции. Однако в некоторых государствах дело восходило на вторую апелляцию лишь при несогласии решений первых двух судов. В XIX в. во Франции, Германии, России апелляция ограничивалась одной апелляционной инстанцией, и дальнейшее обжалование по существу не допускалось, даже если апелляционный суд и отменил решение суда первой инстанции. Поэтому было признано, что правосудие в полной мере обеспечивается лишь одним пересмотром дела.

Обжалование в англосаксонском и континентальном процессе изначально имело существенные различия. В английском процессе начало авторитетности судебных решений всегда превалировало над началом необходимости соответствия его материальной истине. Поэтому он ставит его под охрану суда и государственной власти, а не сторон. Пересмотр допускается здесь в узких рамках и по делам о важнейших преступлениях — felonies. В Англии существовало два способа обжалования — *error in law* (ошибка в праве) и *arreal* (апелляция), которые были сходны между собой и причислялись к юридической ревизии. Обжалование представляет требование нового производства, хотя приговор еще не был постановлен. В этой форме пересмотр предоставляется лишь в интересах защиты. В руках сторон могли находиться следующие меры: 1) судебный акт, предписывающий перенесение дела из данного суда в главный суд королевской скамьи — своеобразный род отвода; 2) ходатайство о приостановлении приговора, вытекающие из права стороны обратить внимание судьи на неправильности в обвинительном акте или в решении присяжных заседателей.

В российской системе обжалования апелляция возникла в 1864 г., просуществовав 54 года. Судебная реформа сменила ревизионный порядок началом жалобы и приняла систему двух инстанций по существу, по примеру Франции, за исключением дел с участием присяжных заседателей. Апелляция

⁵ См.: Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Пг.: Изд. Юридического книжного склада «Право», 1918. С. 57.

⁶ См.: Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена: Альфа, 1995. С. 155–156; Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 513–514; Покровский И.А. Указ. соч и др.

являлась способом обжалования для приговоров неокончательных, то есть постановленных мировым судьей или окружным судом без присяжных заседателей. Апелляционная инстанция рассматривала дело лишь в пределах жалобы или протеста и могла принять к рассмотрению новые доказательства, а также передопросить ранее допрошенных свидетелей. Однако на практике производство ограничивалось пересмотром письменных материалов дела. Ужесточение наказания могло быть только в случае неправильного на это протеста прокурора или отзыва частного обвинителя; при пересмотре приговора по отзыву подсудимого наказание должно было быть уменьшено или отменено.

М.В. Духовской, Н.Н. Розин, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий критиковали существующий апелляционный порядок пересмотра дел, ссылаясь на волокиту при разбирательстве уголовных дел и отсутствии средств для качественного исследования доказательств и предпосылок для принятия решений в вышестоящем суде. Как указывал В.К. Случевский, «проверка доказательств крайне затруднена. Объяснения подсудимых и допрос свидетелей обыкновенно редкие случайные признаки производимого апелляционным судом следствия. Явка подсудимого, а также свидетелей не обязательна. Таким образом, средства процессуального действия апелляционного суда гораздо хуже средств, используемых судом первой степени. Апелляционная инстанция не услышит многое, что слышала первая инстанция, и, наоборот, услышит благодаря докладу дела, много такого, что не было высказано в первой инстанции. Следовательно, апелляционный суд будет не столько проверять правильность решения суда первой инстанции, сколько выносить свой приговор, выступая судом первой инстанции, но при этом в существенно худших условиях, изменяя свое предназначение»⁷.

Сущность *кассационного производства* изначально заключается в том, что суд кассационной инстанции проверяет по поставленным в жалобе вопросам не вступивший в законную силу приговор суда первой инстанции с точки зрения наличия или отсутствия в нем или при его вынесении нарушений закона. Кассационная инстанция отменяет приговор и передает дело в нижестоящий суд либо оставляет жалобу (представление) без удовлетворения.

Институт кассации, как указывал И.Я. Фойницкий, преследует задачи двоякого рода — судебную-политическую и судебно-практическую. Судебно-политическая задача придает кассационному суду значение и характер высшего органа судебного надзора: сама кассационная деятельность становится деятельностью в общих интересах закона, безот-

носительно к данному делу — «кассация в интересах закона» во французском праве. По словам Наполеона, «непоколебимость решения суда второй степени основывается не на убеждении, что в данном случае решение справедливо, а на общем предположении, что справедливость такого решения, которое облечено всеми формами, способствующими правильному обсуждению дела». Но всякое предположение теряет свою силу, когда противное ему доказано. Если решение суда второй степени прямо противоречит постановлению закона, то предположение справедливости такого решения невозможно, так как закон есть и должен быть для судебных мест мерилем справедливости. Поэтому в подобном случае кассационный суд не может не уничтожить неправильность судебного акта⁸. Это единственные гарантии, которые может дать общественная власть против судебных ошибок. Вот те принципы, которых эта власть должна держаться, чтобы не впасть в произвол, угрожающий и личности, и собственности граждан»⁹. Судебно-практическая задача же вводит кассационное управление в систему правил судопроизводства, призванных для решения отдельных дел. На ней основана «кассация в интересах дела», причем решение кассационного суда, подобно решениям других судебных инстанций, ограничивается решением судьбы данного дела и оказывает на него непосредственно практическое влияние. Из первой задачи вытекает единство кассационного суда для всего государства, из второй — распределение кассационной власти между несколькими судами¹⁰.

В этой связи следует отметить, что российское уголовно-процессуальное право всегда тяготело к кассации в интересах дела и игнорировала второй ее тип. Кассационная проверка в чистом виде ограничивается ответом на возбужденный жалобой вопрос о наличии нарушений закона при постановлении обжалованного приговора, не переходя к разрешению самого дела и постановлению по нему приговора. Однако такой тип кассационного пересмотра изначально был выдержан лишь в процессуальном законодательстве Франции. Законодательства некоторых государств при заимствовании кассации у Франции сразу же допускали по практическим соображениям экономии времени отступление от чистого вида кассационного пересмотра, предоставляя кассационному суду право не только отменять обжалованный приговор, но и заменять его своим, вследствие чего получался синтез апелляции и кассации, — смешанный тип.

Действие процессуальных принципов в кассационном производстве несколько другое, не-

⁸ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 547.

⁹ Цит. по: Буцковский Н.А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 г. СПб.: Тип 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1866. С. 8–9.

¹⁰ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 550.

⁷ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — Судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 242.

жели в производстве апелляции. В нем более выражен принцип публичности, так как кассационная проверка законности приговора осуществляется в публичных интересах, то есть в интересах правосудия, интересах государства. Если форма процесса носит характер розыскного, данный принцип проявляется в ревизионном начале кассации. Помимо этого, объем прав прокурора в стадии кассационного производства свидетельствует о степени выраженности в нем принципа публичности. Принцип непосредственности, тесно связанный с данным принципом, принцип устности разбирательства, а также составительность не являются характерными для кассационного производства методами исследования доказательств. Полномочия кассационного суда ограничены пределами жалобы или представления и обжалованного приговора. В кассационном порядке рассматриваются обычно приговоры суда, не вступившие в законную силу, постановленные с участием присяжных заседателей либо составом профессиональных судей, а также приговоры апелляционного суда.

Кассационный суд призван рассматривать только юридические вопросы: 1) соблюдение при рассмотрении и разрешении дела судом, постановившим приговор, норм уголовно-процессуального закона; 2) правильность применения норм материального уголовного закона к фактическим обстоятельствам дела.

Кассационное обжалование всегда деволютивно, так как в любом случае проверка законности и правильности приговора осуществляется вышестоящим судом. Принесение кассационной жалобы также имеет суспензивное значение, то есть оно приостанавливает исполнение судебного решения. Это является отличием от свойства кассационной жалобы в гражданском процессе: там она суспензивной силы не имеет, так как нарушенные в гражданском процессе права могут быть восстановлены. Судебные решения в уголовном процессе нарушают невосстановимые права — свобода личности, жизнь и т.п.

В уголовно-процессуальном праве существует термин или принцип «чистой кассации» — теоретическая конструкция, сформулированная французскими процессуалистами.

Существенные черты французской кассации: 1) дело пересматривается лишь по просьбе сторон; 2) кассационная инстанция рассматривает дело только с точки зрения применения закона и форм процесса и, следовательно, вовсе не вникает в существо дела; 3) решение кассационного суда ограничивается или признанием, что закон не нарушен и вследствие этого — отклонением жалобы, или отменой решения, постановленного неправильно.

Отступлениями от «чистой» кассации являются: ревизионное начало (своим появлением

обязано Германии); рассмотрение фактической стороны дела; разрешение самому вносить поправки в приговор, не возвращая дело¹¹.

Кассация должна ограждать законность в деятельности судов, устраняя приговоры, не отвечающие такому условию. Согласно идее кассации в ее чистом виде, кассационная инстанция не постановляет своего приговора взамен устраняемого, а лишь ограничивается передачей дела в другой суд для нового его разрешения или же оставляет жалобу без правовых последствий. Относительно данного положения известно выражение классика французского уголовного судопроизводства М. Фостена Эли, что кассация — это «суд над судом».

Идея кассации возникла во Франции. Отмена окончательных решений здесь была введена еще при Лотаре II в 560 г., однако зачатки этого института становятся заметны в XIV в., после издания Указов 1334—1335 г. короля Филиппа Красивого, выразившиеся в общем положении, что увеличение числа апелляционных инстанций не дает никаких действительных гарантий правосудия. Кассационное производство вырабатывалось и развивалось в практике тайного совета из предоставленного ему прав эвокации (вызова); в производстве по делам, восходившим в тайный совет, впервые появились отличительные особенности кассационного рассмотрения: ограничение юридической стороной дела и его возвращение после отмены решения парламента для нового разрешения в другой парламент. Тогда же был установлен порядок проверки таких ошибочных решений¹². Лишь со временем пришли к убеждению, что такая инстанция, которая не рассматривает дела по существу, а только может отменять окончательные приговоры, не постановляя своего, не может и не имеет средств проверять суждения о фактических обстоятельствах; что предметом проверки могут служить только противоречия или неясность в самом приговоре, или несоблюдение обрядов и форм судопроизводства, или неправильное применение закона и его нарушение¹³. Окончательно кассационное обжалование было регламентировано ордонами 1660 и 1667 г. Указ Людовика XIV 1667 г. и подробный регламент для рассмотрения дел в совете короля 1738 г., изданный канцлером Дагессо, твердо установил порядок кассации решений. Таким образом, регламент 1738 г. был принят в основание при организации отдельного кассационного суда в эпоху революции. Следуя учению Монтестье о разделении властей, новое правительство решило выделить судебные функции из ведения Совета короля, предоставив последнему исключительно административ-

¹¹ См.: Духовской М.В. Русский уголовный процесс: изд. для студентов. М.: Унив. тип., 1902. С. 406.

¹² См.: Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 2.

¹³ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное судопроизводство. СПб.: Воен. тип., 1887. С. 39.

ные функции. Сторонам было оставлено последнее средство от нарушения или неправильного применения закона, но не в целях ограждения интересов сторон, а ввиду объединения судебной практики и усиления законодательной власти. Настоящее значение кассационного суда было вполне определенно указано Робеспьером, который говорил, что «кассационный суд учрежден для охранения закона и Конституции и что его нужно рассматривать не как часть судебного института, но как учреждение, стоящее между законодательством и законом и предназначенное ограждать закон от посягательств»¹⁴. Наполеон в кассационном суде видел опору законодателя, указывая кассационному суду, что на нем лежит обязанность подчинять решения судов силе закона и не позволять судьям под предлогом справедливости, часто произвольной, отступать от предписанных правил и освобождать себя от воли законодателя. Право кассации, по мнению французских юристов, это составная часть власти законодательной, кассационный суд призван судить не дело, а решение. Значение в кассационной инстанции имеет общественный интерес и уважение к закону, а не право сторон, интересы которых, по мысли законодателя, достаточно защищены рассмотрением дел по существу в двух судебных инстанциях. Постепенно во Франции выработалась такая система, при которой кассационный суд начал отменять решения не только тогда, когда сам закон указывал на недействительность решения вследствие несоблюдения известной формы, но и в том случае, когда это устанавливалось последовательным выводом значения какой-либо формы, хотя бы закон и не грозил ничтожностью решения по несоблюдению именно данной формы. Результатом этого стало слишком заметное преобладание формы над фактической стороной дела, что и составило недостаток французской системы кассационного производства. Тем не менее кассация явилась предметом заимствования для законодательств многих государств Европы.

В Германии кассационному обжалованию французского процесса соответствовали так называемые *querelae nullitatis insabilis*, идущие от итальянских романистов и канонистов XIV–XV вв. Эти жалобы, не ограниченные сроком, не приостанавливали исполнения обжалованного решения, вносились в высший суд или суд, постановивший приговор. Они подавались на недостатки в лице судей, в лице сторон, и в существенных процессуальных формах; высший суд, отменяя обжалованное решение, не возвращал дела к новому рассмотрению в нижестоящем суде, и по окончании всего производства постановлялось решение по существу. С объединением Германии было решено ликвидировать этот институт французского права, а для целей соблюдения единообразия судебной практики была предложена *ревизия* (от лат. *revisio* —

пересмотр). Ревизия — это видоизмененное кассационное производство, в котором имеются некоторые черты, сближающие его с апелляционным (пример смешанного типа кассации). При этом виде пересмотра приговоров ревизионная инстанция получает несколько большие права, чем кассационный суд во французском процессе. В уголовном процессе Германии ревизионный суд обязательно сам постановлял окончательное решение, если неверно был применен закон к тем фактам, которые установлены судом; если только без дальнейшего обсуждения фактического материала суд может решить об оправдании подсудимого, о приостановлении производства или о назначении наказания, определяемого законом в степени и мере. Ревизионный суд мог разрешить дело и в иных случаях, если он, соглашаясь с предложением прокуратуры, признает необходимым назначить минимальное наказание. Внедрение апелляционного элемента в кассацию было объяснено интересами процессуальной экономии. Если неправильности приговора таковы, что возможно их исправление в ревизионной инстанции, обращение дела для нового рассмотрения теряет смысл. Говоря о соотношении основных черт кассации и ревизии, можно отметить, что кассация в принципе не имеет суспензивной силы, ревизия же останавливает исполнение решения. Кассационный суд не имеет права постановлять решения по существу; при ревизии суд вправе, иногда и обязан сам разрешить дело. Кассационное производство стремится к письменности, ревизия, подобно апелляции, действует устно. Помимо этого, к кассационному суду прокурор вправе обращаться не только в качестве стороны, но и в качестве блюстителя закона; в ревизионном производстве прокурор является стороной. Данные различия объясняются тем, что ревизия *исторически* все же вышла из апелляционного производства, где на первый план выдвигаются частные интересы участвующих в деле лиц. Кассация же при первом своем появлении во Франции служила преимущественно общегосударственным целям охраны законности и объединения судебной практики.

В Англии и США собственно термина «кассация» мы не встречаем. Английская система обжалования и пересмотра приговоров предполагает апелляцию: 1) по вопросам факта, что соответствует по существу европейской апелляции; 2) по вопросам права, аналогичную кассации. Апелляция по вопросам права имела своей целью исправление правовых ошибок суда, однако меры обжалования по своему содержанию в англосаксонском процессе отличны от континентальных.

В России судебная реформа 1864 г. ввела кассационное производство и учредила для этого особый суд в составе Правительствующего Сената. Мнение, что кассация было изначально известна у нас под именем «суда с головы» в Уло-

¹⁴ См.: Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 5.

жении царя Алексея Михайловича не может быть признано убедительным. Уже одно наказание, налагаемое на суд, решение которого отменено, показывает исключительность «суда с головы» в его последней форме, чем оно отличается от кассации. Кассация имеет целью соблюдение единства судебной практики и правильности толкования и применения законов, а потому ограничена юридической стороной дела. Данное ограничение вполне чуждо «суду с головы». Общее то, что производится ломка решения и возвращение дела к новому производству. Кассация являлась способом обжалования приговоров окончательных, то есть постановленных окружным судом с присяжными заседателями, судебной палатой с сословными представителями, а также съездом мировых судей и Судебной палатой в качестве судов второй инстанции. Надо сказать, что в XIX в. российскими процессуалистами неоднократно поднимался вопрос о замене отечественного кассационного производства ревизионным, об отступлении от принципа чистой кассации. В этом прежде всего виделась практическая польза для отправления уголовного правосудия¹⁵. Кассационный суд не имел права входить в рассмотрение существа дела, а также смягчить назначенное на-

казание. По делам с участием присяжных заседателей Сенат мог в отдельных случаях (например, при неправильном разрешении гражданского иска) отменить приговор лишь частично. Такая отмена не касалась вердикта присяжных, а только вынесенного на основании этого вердикта приговора коронного состава суда. Во всех остальных случаях, отменяя приговор, Сенат должен был указать, с какой стадии дело подлежало новому рассмотрению, в зависимости от того, в какой стадии были допущены нарушения, повлекшие отмену приговора. Заимствуя из Франции в конце XIX в. идею кассационного суда и кассационного обжалования, реформаторы не заимствовали «оригинал». Окончательному разрешению вопросов об организации и функционировании кассационного производства предшествовало серьезное и всестороннее обсуждение. В отличие от французского Кодекса Устав уголовного судопроизводства не знал кассации «в интересах закона», так называемой платонической кассации в отношении оправдательных приговоров суда присяжных¹⁶. Если такой приговор отменялся Сенатом по протесту прокурора, то подсудимый судился второй раз на общих основаниях.

Библиография:

1. Апелляционный и кассационный порядок обжалования // Приложение к Журналу Министерства юстиции. СПб., 1897. № 23. 167 с.
2. Буцковский Н.А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 г. СПб.: Тип 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1866. 181 с.
3. Духовской М.В. Русский уголовный процесс: изд. для студентов. М.: Унив. тип., 1902. 492 с.
4. Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса. Пг.: Сенатская тип., 1916. 44 с.
5. Покровский, И.А. История римского права. 4-е изд. Пг.: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1918. 430 с.
6. Рихтер Е.К. О полной и неполной апелляции // Журнал Министерства юстиции. 1907 № 3. С. 1–48.
7. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное судопроизводство. СПб.: Воен. тип., 1887. 184 с.
8. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — Судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 664 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Равена: Альфа, 1995. 846 с.

References (transliteration):

1. Apellyatsionnyi i kassatsionnyi poryadok obzhalovaniya // Prilozhenie k Zhurnalu Ministerstva yustitsii. SPb, 1897. № 23. 167 s.
2. Butskovskii N.A. Ocherk kassatsionnogo poryadka otmeny reshenij po sudebnym ustavam 1864 g. SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstv. E.I.V. kanzel'jarii, 1866. 181 s.
3. Dukhovskoi M.V. Russkii ugovolnyi protsess: izd. dlja studentov. M.: Univ. tip., 1902. 492 s.
4. Lyublinskii P.I. Novaya teoriya ugovolnogo protsessa. Pg.: Senatskaja tip., 1916. 44 s.
5. Pokrovskii I.A. Istoriya rimskogo prava. 4-e izd. Pg.: Izd. Yurid. kn. sklada «Pravo», 1918. 430 s.
6. Rikhter E.K. O polnoi i nepolnoi apellyatsii // Zhurnal Ministerstva Yustitsii. 1907. № 3. S. 1–48.
7. Sergeevskii N.D. Russkoe ugovolnoe sudoproizvodstvo. SPb.: Voен. tip., 1887. 184 s.
8. Sluchevskii V.K. Uchebник russkogo ugovolnogo protsessa. Sudoustroistvo — Sudoproizvodstvo. SPb Tip. M.M. Stasiulevicha, 1910. 664 s.
9. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2. 606 s.
10. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs ugovolno-protsessual'nogo prava. SPb.: Ravena: Al'fa, 1995. 846 s.

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2014 г.

¹⁵ См.: Апелляционный и кассационный порядок обжалования // Приложение к Журналу Министерства юстиции. СПб., 1897. № 23. С. 148.

¹⁶ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 794.

Процессуальный статус следователя по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.**

Аннотация. В работе дан анализ процессуальным полномочиям следователя как лица, производящего предварительное следствие по уголовным делам, с момента получения им информации о совершенном преступном деянии до принятия итогового решения по уголовному делу. Определены пределы его процессуальной самостоятельности, характер взаимоотношений с прокурором, судом, полицией, дознанием. Обозначены поводы и основания к началу следствия и его прекращению. Приведены примеры обжалования действий следователя, в случае допущенных им нарушений прав участников уголовного процесса. В работе использовались общенаучный диалектический метод познания объективной действительности и частнонаучные методы: исторический и сравнительно-правовой. Научная новизна определяется комплексным анализом процессуального статуса следователя с момента получения им информации о совершенном преступном деянии до принятия итогового решения по уголовному делу по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., проанализированы основание и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, его допроса и доставления к следователю.

Ключевые слова: полномочия следователя, производство расследования, начало следствия, прекращение дела, обвиняемый, суд, прокурор, полиция, дознание, заключение следствия.

Расследование преступлений в России в разное время осуществлялось неодинаково, круг лиц, его осуществлявших, был различен¹. Появление процессуальной фигуры следователя, оформление его процессуального статуса произошло в связи с утверждением российским императором Александром II 8 июня 1860 г. «Учреждения судебных следователей», «Наказа судебным следователям» и «Наказа полиции о производстве дознания».

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) продолжается четкое определение правил производства предварительного следствия, в том числе путем регламентации прав и обязанностей следователя.

Следует отметить широту процессуальной самостоятельности следователя: «Судебный следователь предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом» (ст. 264 УУС). Следователь самостоятельно возбуждал уголовное дело, производил допросы, очные ставки,

обыски, выемки, осмотры, освидетельствования, назначал производство экспертиз, предъявлял обвинение, определял меру пресечения, в том числе арест, и момент окончания следствия, то есть практически являлся полностью самостоятельным в выборе тактики расследования и принятии необходимых мер. Некоторые ограничения власти связаны с осуществлением прокурорского надзора, наложением ареста на имущество обвиняемого (необходимо разрешение суда) и с прекращением уголовного дела, ибо это действие находилось в компетенции суда.

Что касается прокурорского надзора, то сразу следует обозначить его рамки. Формами участия прокурора на предварительном следствии были:

- право возбуждать уголовное преследование (дело);
- обязанность руководить действиями полиции при выполнении ею розыскной деятельности;
- право наблюдать за производством следствия.

Прокуроры и их товарищи не имели права производить «предварительных следствий», а давали «только предложения о том судебным следователям и наблюдали постоянно за производством их следствий» (ст. 278 УУС). Согласно ст. 280 УУС, прокуроры и их товарищи имели право «присутствовать

¹ См.: Лифанова Л.Г., Степанов С.С. Краткий исторический очерк о расследовании преступлений в дореволюционной России. М.: Илекса, 2006.

© Лифанова Л.Г., 2014

* Лифанова Лилия Геннадьевна — кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

[laliy@mail.ru]

355000, Россия, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, д. 43.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство, не останавливая, однако хода следствия».

По поводу отношений прокурора и следователя, указаний прокурора в издании классика процессуальной науки М.В. Духовского «Русский уголовный процесс» процитировано высказывание выдающегося государственного деятеля конца XIX — начала XX вв. Н.В. Муравьева: «прокурор должен уважать внутреннее убеждение следователя, должен помогать ему в раскрытии дела и отнюдь не обременять ничем лишним. Вообще во время хода предварительного следствия товарищ прокурора должен содействовать не только обвинению, но к уяснению правды в деле. В отношении следователя он может быть помощником в его работе, товарищем, а отнюдь не начальником, так как иначе пойдет против основных положений в деятельности следователя»².

- право производить следственные действия, входящие в круг дознания;
- обязанность прокурора следить за местами заключения и вместе с судьями защищать всех жителей страны от необоснованного лишения свободы.

В УУС было законодательно закреплено отделение следствия от полицейского дознания. Судебные следователи получили право проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию (ст. 269 УУС). Законные требования следователя без промедления должны были исполняться полицией, присутственными местами, должностными и частными лицами. «Если при исполнении обязанностей следователь встречал сопротивление, то он имел право требовать содействия как гражданских и военных властей, так и окольных людей» (ст. 272 УУС). Одновременно следователь наделялся правом поручать полиции производство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям.

Следователь сочетал в себе функции обвинения и защиты. Он был «обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС). Задачей объективности расследования объясняется возможность отвода следователя обвиняемым, частным обвинителем или гражданским истцом. В этом случае вопрос решался окружным судом.

Судебный следователь постоянно тесно взаимодействовал с органами дознания и прокурорского надзора. УУС устанавливал, что предварительное следствие «производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей».

² Духовской М.В. Русский уголовный процесс: издание для студентов. М.: Склад издания в книжном магазине М.В. Клюкина, 1908. С. 291.

О совершенном преступлении следователь почти всегда получал известие от полиции. Она была отнесена законом к органам дознания. Кроме полиции, к ним были причислены жандармерия, военное начальство, чиновники определенных ведомств по преступлениям против казенной собственности, должностные лица из числа духовенства — по некоторым должностным и религиозным проступкам. Практически следователь не мог обойтись без помощи органов дознания³.

Законодатель не определял понятия дознания, ограничившись указанием на некоторые его признаки, по этой причине граница между дознанием и предварительным следствием не всегда ясна. Но зато УУС устанавливал три формы участия органов дознания в производстве предварительного следствия. Первая и наиболее распространенная из них представляла собой первоначальное исследование деяния. Общий смысл ее определялся необходимостью совершения до прибытия следователя первоочередных действий по обнаружению, пресечению и закреплению его следов, так как полиция и иные органы дознания первыми прибывали и осматривали место преступления. Так, полиция немедленно сообщала следователю о совершенном деянии, содержащем признаки преступления. Она собирала сведения о преступлении посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, не производя обысков, выемок в домах. Ей вменялось в обязанность до прибытия судебного следователя принять меры по предупреждению уничтожения следов преступления и пресечению попыток подозреваемого уклониться от следствия. Затем материалы дознания полиция передавала судебному следователю и прекращала свои действия по следствию⁴.

Другая форма участия полиции в предварительном следствии заключалась в том, что в случаях, не терпящих отлагательства, когда до прибытия следователя следы преступления могли исчезнуть, полиция заменяла собой следователя в таких следственных действиях, как осмотр, освидетельствование, обыск и выемка. Ей разрешалось даже производить формальные допросы подозреваемых и свидетелей, если были опасения, что они могут умереть до прибытия следователя. В этом случае акты дознания имели доказательственное значение.

Третья форма участия полиции в предварительном следствии состояла в том, что следователь мог поручать полиции производство дознаний и

³ См.: Органы внутренних дел России: история становления и развития: учеб. пособие / под ред. А.Г. Фастова. Волгоград: ВА МВД России, 2005. С. 101, 107.

⁴ См.: Отд. 1 гл. 1 «Участие полиции в производстве предварительного следствия» Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

сбор справок по сделанным им указаниям. Полиция весьма неохотно выполняла эти задания⁵.

Органы дознания занимали подчиненное положение по отношению к органам предварительного следствия. УУС устанавливал, что следователь вправе проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию, давать ей поручения. Законные требования следователя должны были исполняться полицией «без замедления» (ст. 269–270 УУС).

Определим более подробно круг полномочий следователя с момента возбуждения уголовного дела до завершения расследования для установления степени его самостоятельности.

Согласно ст. 262 УУС, предварительное следствие не могло быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания. Законными поводами к началу следствия, в соответствии со ст. 297 УУС, признавались:

- «1) объявления и жалобы частных лиц;
- 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц;
- 3) явка с повинной;
- 4) возбуждение дела прокурором;
- 5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя».

Анонимные заявления о преступлении не могли считаться законными поводами к началу следствия: «Безыменные пасквили и подметные письма не составляют законного повода к началу следствия; но если они заключают в себе указание на важное злоумышление или преступное деяние, угрожающее общественному спокойствию, то служат поводом к полицейскому розыску или дознанию, могущему повлечь за собой и само следствие» (ст. 300 УУС).

В случае усмотрения следователем в деянии состава преступления, при соблюдении требований подсудности и отсутствии препятствий к началу следствия, судебный следователь составлял мотивированное постановление «о приступе к следствию». В срок не более трех дней с момента «приступа» к следствию следователь был обязан уведомить о данном факте департамент Министерства юстиции и прокурора окружного суда.

Если же следователь не усматривал достаточного основания к началу следствия, он уведомлял об этом прокурора (или его товарища) и лицо, подавшее жалобу, с обязательным разъяснением порядка обжалования данного решения.

Интересным представляется уточнение, содержащееся в УУС, относительно случаев уведомления прокурора о начале следствия: «судебный следователь доводит до сведения прокурора о тех начатых им следствиях, которые возбуждены не по сообщению полиции и не по жалобе

частного обвинителя, так как в первом случае прокурор имеет уже уведомление от полиции, как о происшествии, заявленном судебному следователю, так и о дознании, ею произведенным и ему переданном, а во втором случае — прокурору нет надобности знать о следствии по жалобе частного обвинителя, потому что блюстительная власть прокурора на дела сего рода не распространяются»⁶.

В ходе расследования уголовного дела, как было замечено ранее, судебный следователь наделялся весьма широкими полномочиями. Однако УУС предусматривал случаи, когда самостоятельность следователя ограничивалась. Это в первую очередь необходимость получения разрешения суда при производстве процессуальных действий:

«Власть судебного следователя ограничена... в следующих случаях:

1) При необходимости принять безотлагательные меры к обеспечению могущего пасть на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные его действиями, судебный следователь о наложении запрещения или ареста на имущество обвиняемого входит с представлением в окружной суд (ст. 268 УУС).

2) В случаях неоткрытия местопребывания обвиняемого, судебный следователь представляет окружному суду о сыске обвиняемого через публикацию (ст. 386 УУС).

3) В случае оказавшейся необходимости в осмотре и выемке почтовой и телеграфной корреспонденции, отправленной или присланной на имя обвиняемого, судебный следователь, одновременно с сообщением почтово-телеграфному учреждению о задержании корреспонденции, входит с представлением в окружной суд о разрешении ему осмотра и выемки (ст. 368 УУС)⁷.

При производстве расследования к судебному следователю предъявлялось требование своевременности и быстроты следственных действий: «Судебный следователь должен принимать своевременно меры, необходимые для собирания доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться» (ст. 266 УУС).

Данная норма обязывала следователя собирать по каждому делу доказательства как в пользу обвинения, так и в пользу оправдания. Ст. 295 УУС дополняла обозначенное требование положением о том, что «Предварительные следствия должны быть произведены со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в

⁵ См.: Там же.

⁶ Горановский М.А. Практическое руководство для судебных следователей при окружных судах. Часть общая. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. С. 57.

⁷ Там же. С. 58.

табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того потребуют»⁸.

Например, допрос обвиняемого относился к числу неотложных следственных действий и должен был производиться немедленно либо не позднее суток после явки с повинной или привода обвиняемого (ст. 398 УУС).

За волокиту, допущенную судебным следователем по уголовному делу, последний привлекался к ответственности. Так, «Правительствующий Сенат, в общем собрании департаментов, рассмотрев дисциплинарное производство о судебном следователе Дюкове, сделал ему предостережение за оставление дела о кр. Якове Иванове, обвинявшемся в причинении Василию Торгашеву повреждений, признанных впоследствии легкими, без движения с 31 декабря 1867 по 26 марта 1868 г.»⁹.

Вообще привлечение в качестве обвиняемого рассматривалось как «серьезный акт в судебном процессе» (М.В. Духовской). «Привлечение должно совершаться по распоряжению судебной власти, так как оно влечет за собою ограничение в правах и в положении привлеченного. Частные лица, прокуратура могут указывать на подозреваемого, полиция может даже задержать такового, но все это не составляет еще привлечения в качестве обвиняемого. Для этой цели необходимо постановление органа, производящего следствие»¹⁰.

Судебный следователь принимал решение о привлечении лица в качестве обвиняемого только при наличии достаточных оснований. Достаточность оснований в этом случае означала, что по делу собраны такие доказательства, которые позволяли следователю делать вывод о виновности обвиняемого.

О привлечении обвиняемого следователь составлял особое постановление, после чего вызывал лицо для предъявления обвинения. Он мог подвергнуть обвиняемого приводу, и при этом звание, чины, личные преимущества вызываемого лица не имели значения. Как уже указывалось ранее, следователь был обязан допросить обвиняемого немедленно или не позднее суток после его явки или доставления.

Говоря о полномочиях судебного следователя при производстве расследования, нельзя не остановиться на упомянутом ранее праве проверять, дополнять и отменять действия полиции по про-

изведенному первоначальному расследованию (ст. 269 УУС). Это право судебного следователя как более компетентной власти не налагало на него неперенной обязанности проверять действия полиции в каждом случае. Судебный следователь мог пользоваться данным полномочием по своему усмотрению. Указанное право распространялось только на те действия полиции, которые относились к произведенному ею дознанию. Однако отменять действия полиции в случаях, когда она заменяла судебного следователя, последний не мог.

Ст. 270 УУС закрепляла положение о том, что законные требования судебного следователя должны были немедленно исполняться полицией, присутственными местами, должностными и частными лицами. В решении уголовного кассационного департамента 1881 г. № 2 были обозначены условия законности требований:

«а) чтобы требуемое судебным следователем относилось к мерам, необходимым для приведения исследуемого деяния в ясность;

б) чтобы оно не относилось к мерам, которые судебный следователь вправе предпринять только с разрешения суда;

в) чтобы требуемое, при обращении которого к частным лицам, относилось к тем следственным действиям, для выполнения которых судебный следователь вправе призывать таковых к следствию (свидетели, понятые, сведущие лица и переводчики), но не заключалось бы в требовании от них каких-либо других действий, хотя и необходимых при следствии, но не входящих в круг обязанностей свидетеля, понятого, переводчика или окольных людей, например, для переноски или перевозки трупа на место вскрытия, для укупорки вещественных доказательств, для разрытия могилы и вынятия из нее трупа и т.п. механических действий, для выполнения которых судебный следователь обязан пригласить нужных ему лиц по частному найму их, с возмещением расхода на этот предмет из сумм, имеющих в распоряжении председателя окружного суда»¹¹.

При неисполнении требований присутственными местами и должностными лицами судебный следователь сообщал об этом прокурору того окружного суда, в округе которого находилось присутственное место или должностное лицо, не исполняющее требования. При неисполнении требований частными лицами, в зависимости от характера неповиновения, судебный следователь либо делал о данном факте отметку в протоколе, либо препровождал виновного в полицейский участок.

УУС в ст. 271 закреплял право судебного следователя поручать полиции производство до-

⁸ О предварительном следствии: руководство для судебных следователей, лиц прокурорского надзора, судебных врачей и полиции. М.: Тип. Т. Рис, 1869. С. 32.

⁹ Решение общего собрания Правительствующего Сената. 1869 г., № 35. Цит. по: Горановский М.А. Указ. соч. С. 62. Кроме этого, см.: Решение уголовного кассационного департамента 1872 г. № 790, 1875 г. № 399 и 1876 № 107 (Там же. С. 62; Гольдштейн М.Л. Движение уголовного процесса: практические примеры. СПб.: Тип. С-Петербургского т-ва «Труд», 1907.

¹⁰ Духовской М.В. Указ. соч. С. 285.

¹¹ Горановский М.А. Указ. соч. С. 78.

знания и соби́рание справок. Однако, согласно разъяснениям Правительствующего Сената, судебный следователь не должен был давать поручения «второстепенной важности» (например, доставление повесток, розыск свидетелей и т.п.). Кроме того, судебный следователь не мог давать поручения полицмейстерам, уездным исправникам и их помощникам.

Здесь надо оговориться, что выполненные поручения, полученные справки, письменные документы, составленные дознанием, не становились актами предварительного следствия потому, что следственные действия мог производить исключительно судебный следователь.

Ст. 276 УУС предусматривала обязанности судебного следователя «по преступлениям или проступкам, виновные в которых были не обнаружены или скрылись»: судебный следователь производил все необходимые следственные действия, которыми удостоверял сам факт преступления, фиксировал следы преступления, а также принимал меры к поимке скрывшихся обвиняемых. Существовал следующий порядок производства по делам такого рода:

«1) в тех случаях, когда виновные не обнаружены, судебный следователь сообщает городским и уездным полицейским управлениям как своего уезда, так и соседних уездов, а также волостным правлениям своего уезда подробное описание похищенных вещей и орудий преступления, найденных на месте его совершения для производства розыска и до получения исполнительных сообщений о результатах розыска не направляет дело к прекращению;

2) в случаях неизвестности местопребывания обвиняемых, судебный следователь предварительно, до внесения представления в окружной суд о производстве публикаций о сыске обвиняемых, сообщает о розыске обвиняемых городским, уездным, полицейским и волостным управлениям как по месту прежнего жительства обвиняемых, так и по месту их прописки и, только при неуспешности таковых розысков, представляет суду о сыске обвиняемых через публикацию...

В представлении в окружной суд о сыске обвиняемого через публикацию судебный следователь обязан изложить сведения об имени, отчестве, фамилии, звании лица, о котором требуется публикация, а также сведения о приметах его, месте нахождения его имущества, даты привлечения в качестве обвиняемого и о мерах первоначального розыска»¹².

Если в течение шести месяцев обвиняемый не был обнаружен, судебный следователь направлял дело через прокурора в окружной суд для принятия решения о прекращении следствия.

Прекращение следствия относилось к тем не-

многочисленным процессуальным действиям, в которых самостоятельность судебного следователя была ограничена — данное решение принималось только судом.

Основаниями прекращения предварительного следствия, согласно УУС, являлись:

1. смерть обвиняемого;
2. давность;
3. примирение;
4. высочайший указ или общий милостивый манифест, дарующий прощение;
5. отсутствие в исследуемом деянии признаков преступления или проступка;
6. необнаружение виновного или когда виновный скрылся;
7. недостаточность собранных улик;
8. сумасшествие лица, совершившего преступление;
9. малолетство обвиняемого.

Процессуальный порядок прекращения производства по уголовному делу был следующий.

При наличии оснований прекращения предварительного следствия судебный следователь, приостановив производство по делу, через прокурора испрашивал разрешения окружного суда на прекращение следствия. В случаях несогласия окружного суда дело представлялось на разрешение судебной палаты. Избранные меры пресечения не отменялись, но могли быть смягчены. Окончательно вопрос о мерах пресечения решался окружным судом одновременно при принятии решения о прекращении производства по делу.

УУС было закреплено право прокурора, при несогласии с выводами следователя, возвратить дело для дополнения следствия. Такое требование для следователя было обязательным.

Указом Правительствующего Сената от 1868 г. разъяснялось, что прекращение предварительного следствия возможно исключительно при отсутствии законных оснований продолжить следствие.

В случае прекращения следствия из-за недостаточности улик следователь был обязан составить постановление и уведомить об этом стороны. При прекращении следствия по другим основаниям законом не предписывалось составлять постановление и ставить в известность стороны о факте прекращения производства. Однако на практике многие следователи все же выносили постановление, в котором излагали основания прекращения производства для того, чтобы не делать этого в препроводительной бумаге при направлении дела прокурору.

Если же следствие было доведено до конца, то оно заканчивалось актом, носящим название «заключение следствия». Решение вопроса о моменте завершения следствия и представлении дела в суд зависело исключительно от судебного следователя. Однако у прокурора было право вернуть дело для дополнения следствия. Случаи, когда стороны жа-

¹² Горановский М.А. Указ. соч. С. 84.

ловались на неполноту следствия, также могли являться основанием для его дополнения.

Перед окончанием следствия по просьбе обвиняемого ему представлялись все материалы дела. В этот момент следователь должен был выяснить у него, не имеется ли еще каких-либо оправдывающих сведений. Если обвиняемый указывал такие сведения, то следователь был обязан проверить те из них, которые могли повлиять на разрешение дела.

После выполнения данных действий следователь по своему усмотрению объявлял всем участвующим в деле лицам о том, что следствие завершено и дело направляется прокурору. Арестованные в этом случае препровождались в городскую тюрьму.

В заключение добавим, что все действия, произведенные следователем, могли быть обжалованы в окружной суд¹³.

Библиография:

1. Горановский М.А. Практическое руководство для судебных следователей при окружных судах. Часть общая. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 126 с.
2. Духовской М.В. Русский уголовный процесс: издание для студентов. М.: Склад издания в книжном магазине М.В. Клюкина, 1908. 464 с.
3. Лифанова Л.Г., Степанов С.С. Краткий исторический очерк о расследовании преступлений в дореволюционной России. М.: Илекса, 2006. 76 с.
4. Органы внутренних дел России: история становления и развития: учеб. пособие / под ред. А.Г. Фастова. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 124 с.

References (transliteration):

1. Goranovskii M.A. Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei pri okruzhnykh sudakh. Chast' obshchaya. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1889. 126 s.
2. Dukhovskoi M.V. Russkii ugovolnyi protsess. Izdanie dlya studentov. M.: Sklad izdaniya v rnizhnom magazine M.V. Kliukina, 1908. 464 s.
3. Lifanova L.G., Stepanov S.S. Kratkii istoricheskii ocherk o rassledovanii prestuplenii v dorevoljutsionnoi Rossii: monografiya. M.: Ileksa, 2006. 76 s.
4. Organy vnutrennikh del Rossii: istoriya stanovleniya i razvitiya: ucheb. posobie / pod red. A.G. Fastova. Volgograd: VA MVD Rossii, 2005. 124 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

¹³ См.: Отд. 1 гл. 12 «О порядке обжалования следственных действий вообще» Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Особенности уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии в последней трети XIX — начале XX вв.**

Аннотация. Предметом исследования является уголовное судопроизводство мировых судей Архангельской губернии. Исследуются правовые основы и юрисдикция мировых судей, а также результаты их деятельности в отношении уголовного процесса. Рассматривается проблема адаптации норм Устава уголовного судопроизводства к правовому пространству Архангельской губернии в контексте дискретного реформирования судебной системы. Раскрывается процесс эволюции нормативных актов (Временных правил) регулирующих функционирование органов мировой юстиции. Цель исследования заключается в определении особенностей уголовного судопроизводства мировых судей Архангельской губернии. Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности. При выборе методов использован комплексный подход. В процессе исследования используются методы правовой науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, догматический), исторической науки (сравнительный анализ), а также математические методы (статистический анализ). Результаты исследования показали, что институт мировой юстиции на данной территории имел ряд отличительных черт, таких как совмещение в лице мирового судьи функций отправления правосудия и следственных полномочий, а также юрисдикцию по уголовным делам, отличную от аналогичных судебных органов центра Российской империи и совпадающую с Закавказским краем и сибирскими губерниями. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что уголовные дела составляли значительную часть деятельности мировых судей. В работе выявлена связь правового статуса мировых судей и эффективности вынесения решений по уголовным делам. Последнее дало возможность сделать следующий вывод — совмещение нескольких обязанностей одного мирового судьи, несмотря на упрощение процедуры дознания и предварительного следствия, негативно сказывалось в качественно-количественном отношении, отражающемся в показателе решаемости уголовных дел.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, судебная система, мировая юстиция, Архангельская губерния, Российская империя, уголовно-процессуальное законодательство, съезд мировых судей, окружной суд, Временные правила, принципы судопроизводства.

Согласно «Временным правилам об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии»¹ от 29 января 1896 г. (далее — Временные правила 1896 г.) судебные установления в Архангельской области образовывались и действовали на основании Судебных уставов императора Александра II. Юридически закрепив правовые основы функционирования судебных органов, законодатель также ввел этим документом дополнения и изменения, тем самым установив особый правовой режим осуществления правосудия. По-

правки касались в том числе и уголовного судопроизводства.

Тем не менее прежде чем раскрыть содержание Временных правил 1896 г. и определить, каким трансформациям подверглась уголовно-процессуальная составляющая мировой юстиции, необходимо рассмотреть историко-правовой контекст реализации судебной реформы 1864 г. в Архангельской губернии.

Как отмечают исследователи, судебная система Российской империи пореформенного периода отличалась своей дифференцированностью².

¹ Полное Собрание законов Российской Империи. Собр. 3 (далее ПСЗ–3). Т. IV. № 2211. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения — 13 июля 2013 г.).

² См.: Лонская С.В. Мировая юстиция в истории Российской империи. Ст. 1: Мировые судьи в российской системе судов (1864–1917 гг.) // Мировой судья. 2013. № 3. С. 20–27.

© Минчук О.В., 2014

* Минчук Олег Викторович — ассистент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова.
[minchuk-oleg@rambler.ru]
163000, Россия, г. Архангельск, ул. Кутузова, д. 8.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Существовало несколько организационных моделей мировой юстиции, что оправдывалось прежде всего спецификой правового статуса мировых судей на различных территориях государства.

Судебная система Архангельской губернии в последней четверти XIX — начале XX вв. была включена в перманентный процесс реформирования. Следует выделить три основных периода: 1) 1884—1889 гг.; 2) 1889—1896 гг.; 3) 1896—1917 гг. На всем их протяжении происходило становление правового пространства функционирования судебных институтов, нормы уголовно-процессуального права адаптировались к географическим, территориальным, национальным особенностям губернии.

Первый период характерен тем, что в практику отправления правосудия вводятся такие принципы судопроизводства, как состязательность и публичное оглашение резолюций после доклада какого-либо дела, при этом не предусматривалось институциональных изменений в структуре судебных органов, за исключением учреждения должностей товарищей губернского прокурора³. Документом, санкционировавшим эти меры, было «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об изменениях в судостроительстве и судопроизводстве Архангельской губернии» от 8 мая 1884 г. (далее — мнение Госсовета 1884 г.)⁴.

В мнении Госсовета 1884 г. прямо устанавливалось, какие права и обязанности присваиваются губернскому прокурору и его товарищам, методом отсылки к ст. 278—287 и 512—516 Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС), что следует считать одним из первых упоминаний об этом документе как о правовой основе уголовного процесса в Архангельской губернии.

Второй период ознаменован введением мировой юстиции на территории Архангельской губернии. 12 декабря 1888 г. были утверждены «Временные правила об устройстве мировых судебных установлений и следственной части в Архангельской губернии» (далее — Временные правила 1888 г.)⁵.

Фактически государство пошло по проторенной тропе, начал реализовываться вариант введения мировых судебных установлений отдельно от общих. Главная особенность заключалась в отсутствии окружного суда. Временные правила 1888 г. не предусматривали также съезда мировых судей, функции которого выполняла плата уголовного и гражданского суда⁶.

Примечательно, что законодатель, устанавливая уголовную юрисдикцию мировых судей

Архангельской губернии, делал отсылки к ст. 1260 и 1263 УУС, которые относились разделу «О судопроизводстве в Закавказском крае». В уголовном отношении мировые судьи рассматривали дела по преступлениям и проступкам, наказание за которые не было сопряжено с лишением или ограничением прав, а сумма штрафа, взыскиваемая с виновного, не превышала шестисот рублей (либо вкуче с гражданским иском о вознаграждении за вред и убытки — до двух тысяч рублей). Окончательные приговоры выносились по делам, за которые назначалось наказание в виде внушения, замечания, выговора, ареста не более чем на три дня, денежного взыскания (в сумме с гражданским иском) не выше ста рублей⁷.

Важнейшей особенностью правового статуса мировых судей на протяжении этого периода было совмещение функций отправления правосудия и производства следствий по уголовным делам, подсудным в первой степени суда Архангельской палате уголовного и гражданского суда. Руководствовались они в этом отношении законодательством по делам о преступлениях и проступках⁸.

Факт отсутствия мировых съездов скрывал в себе негативные последствия, выразившиеся прежде всего в процессе правоприменения. Так, в 1891 г. в докладе о деятельности мировых судей губернии по уголовным делам министру юстиции архангельский губернский прокурор писал, что «в Архангельской губернии не существует вовсе съездов мировых судей и судьи лишены всякого между собой общения, вследствие чего в деятельности их по многим вопросам возникает разнообразная практика»⁹.

Забегая вперед, стоит отметить, что этот же вопрос поднимается на закате третьего периода развития мировой юстиции. В 1914 и 1916 гг. министр юстиции получает ходатайство от председателя Архангельского окружного суда о разделении следственных и мировых функций мировых судей в подчиненном ему судебном округе¹⁰. В документе прямым текстом говорится, что «многолетний опыт наглядно доказал, что такое соединение представляется крайне неудачно и весьма вредно отражается на деле»¹¹.

Учитывая огромную территорию Архангельской губернии, разбросанность населенных пунктов, зачастую с труднопроходимыми трактами, законодатель предусмотрел следующую процессуальную норму. Апелляционные отзывы на при-

³ ПСЗ-3. Т. VI. №3804. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения — 14 июля 2013 г.).

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 538. Л. 54—57 об.

⁶ Там же.

⁷ Устав уголовного судопроизводства. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/256.html> (дата обращения — 8 апреля 2011 г.).

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 538. Л. 54—57 об.

⁹ ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 7.

¹⁰ Там же. Д. 87. Л. 8.

¹¹ Там же.

говоры мировых судей по уголовным делам предоставлялись полицией в установленный срок, согласно ст. 147 УУС, непосредственно мировому судье, но лишь в тех местностях, где не было товарища губернского прокурора.

Корректировки норм УУС в отношении Архангельской губернии по названной выше причине прослеживаются и в установлении законных оснований неявки свидетелей в палату уголовного и гражданского суда, выступающую в качестве мирового съезда. Помимо ст. 69 и 71 УУС, законодатель добавляет условие, по которому считается уважительной причиной будет место жительства свидетелей, находящееся на расстоянии более 200 верст от места, в которое они вызываются¹².

Временные правила 1888 г. расширяют состав участников повторной проверки доказательств по уголовному делу, учитывая положения ст. 160 УУС, в это число включаются участковые и добавочные мировые судьи, естественно, за исключением того мирового судьи, на приговор которого принесен отзыв¹³.

Помимо Временных правил 1888 г., существовали документы, которые также являлись правовой основой функционирования мировой юстиции. Для того чтобы нивелировать разницу между полностью реформированным судоустройством и урезанным воплощением уставов, законодателем были приняты специальные акты. 11 октября 1865 г. было одобрено мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении статей Свода Законов, касающихся судопроизводства и делопроизводства в нынешних судебных местах»¹⁴ (далее — мнение Госсовета от 1865 г.). 10 марта 1869 г. было принято мнение Государственного совета «О порядке производства дел прежних судебных установлений как в местностях, где вводятся судебные уставы в полном объеме, так и в тех, где вводятся мировые судебные установления отдельно от общих»¹⁵ (далее — мнение Госсовета от 1869 г.).

Рассматриваемые документы регулировали вопросы как основы уголовного процесса, в частности порядок составления и оглашения резолюций, докладных записок, так и движение дел старых судебных установлений и передачи их вновь созданным.

Третий период становления судебной системы Архангельской губернии, а вместе с ней и мировой юстиции начинается с введения в действие уставов Александра II в полном объеме. По Временным правилам 1896 г., для всех уездов учреждался один окружной суд в городе Архангельске

с причислением к округу Московской судебной палаты¹⁶. Согласно этому документу, упразднялись Архангельская палата уголовного и гражданского суда, а также должности губернского прокурора и его товарищей. Ликвидации подлежал и коммерческий суд, подведомственные ему дела переводились общим и мировым судебным установлением губернии. Для исполнения решений мировых судей и окружного суда и для исполнительных действий по распоряжению окружного суда и его председателя вводился институт судебных приставов.

Относительно уголовного процесса мировых судей Временные правила 1896 г. не внесли существенных изменений. В целом подтверждались нормы Временных правил 1889 г. с сохранением за институтом мировой юстиции следственных функций. Юрисдикция оставалась в пределах уже существующей. Тем не менее отдельно регулировались некоторые процессуальные аспекты. Так, прошения, жалобы и другого рода бумаги по делам подсудным мировым судебным установлениям разрешалось пересылать по почте. Протесты и жалобы на окончательные приговоры мировых судей, в случае отмены решений, возвращались для нового рассмотрения тому же мировому судье, в случае, если окружной суд в качестве мирового съезда не признает необходимым предать дело другому¹⁷.

Отдельно регулировался процесс дознания. В практику вводилась норма, по которой налагался запрет сопровождать обвиняемых, находящихся под стражей, на так называемое дознание через окольных людей. Обвиняемому предоставлялось право назначать от себя поверенного из своих родственников или посторонних лиц для присутствия на данном мероприятии¹⁸.

Временные правила 1889 г. устанавливали, согласно ст. 193 и 979 УУС, выдачу путевых денег свидетелям и другим лицам, привлекающимся к следствию или суду, но вместо пятнадцати верст обозначалось условие в тридцать верст, что коррелировало с общим подходом законодателя к организации судебной власти в губернии, учитывая ее территориальные особенности¹⁹.

Выполнение окружным судом функций мирового съезда также заставляло вносить определенные новеллы в нормы уголовного процесса. Так, проверка доказательств по какому-либо уголовному делу в случаях, указанных в ст. 160 и 688 УУС, окружным судом в качестве мирового съезда поручалась либо одному из членов или местному участковому или добавочному мировому

¹² ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 87. Л. 8.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ–2. Т. XLIII. № 46061. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения — 14 июля 2013 г.).

¹⁵ ПСЗ–2. Т. XLIV. № 46840. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения — 14 июля 2013 г.).

¹⁶ Там же.

¹⁷ ПСЗ–2. Т. XVI. № 12483 URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения — 14 июля 2013 г.).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

судье, а вне места заседания — только местному мировому судье²⁰.

В целях предупреждения бюрократических проволочек и разгрузки мировых судей Временные правила 1889 г. допускали норму, по которой дела, поступившие на рассмотрение окружного суда в качестве первой инстанции, не могли быть переправлены на производство мировому судье, в случае если оказывалось, что данное дело принадлежит юрисдикции именно этой инстанции²¹.

Важнейшей особенностью уголовного судопроизводства Архангельской губернии был факт изъятия из ведомства судебных установлений, в том числе и мировой юстиции, дел о преступлениях и проступках, относящихся к народу самоедов, проживающему на данной территории. Подобные дела, по мнению законодателя, подлежали ответственности их собственных судов²².

Учитывая отдаленность некоторых уездов Архангельской губернии от центра, относительно Кольского и Печорского образования делались, корректировки, выделенные п. 5 Временных правил 1889 г. в особые правила. Началом срока обжалования приговоров окружного суда, вынесенных им в качестве мирового съезда, устанавливается день, в который он стал известен лицу, принесшему жалобу. Копии приговоров отправлялись отсутствующим обвиняемым вместе с повесткой²³. Данные нормы в некоторой степени были вынужденными и в целом образовывали заочный режим правосудия относительно населения данных территорий.

Необходимость названных мер по корректировке норм УУС к мировым судам Архангельской губернии видится важнейшим решением законодателя в силу того, какую роль выполняли данные судебные учреждения. Незначительные и мелкие дела, подсудные именно мировой юстиции, составляли большую часть возникающих дел на территории губернии. Так, в 1909 г. в окружном суде в качестве первой инстанции разбирались 1695 уголовных и гражданских дел, а по ведомству мировой юстиции — 15629 уголовных и гражданских дел²⁴, и подобное положение характерно и для других годов.

Анализ статистических данных позволяет получить наглядную картину производства мировой юстиции Архангельской губернии по уголовным делам. В качестве исследуемого периода был взят временной промежуток с 1896 г., когда судебные уставы Александра II начали действовать в полном объеме на территории Архангельской губернии, по 1914 г., до начала первой мировой войны, то есть до введения режима военного времени.

На протяжении исследуемого периода общее количество дел, производящихся в мировых судах Архангельской губернии, увеличивается. В 1896 г. рассматривалось 3759 уголовных дел, а в 1913 г., имеющем максимальный показатель, — 13093 уголовных дел²⁵. Таким образом, за 17 лет количество судопроизводительной практики выросло в 3,5 раза.

Примерно до начала XX в. уровень дел был приблизительно равный, но после обозначился рост, продолжавшийся вплоть до первой мировой войны. Стоит отметить, что разница количества уголовных и гражданских дел все время была стабильной и составляла 1,5–2-х разовое превосходство уголовных²⁶.

В уголовных делах преобладали преступления против общественного благоустройства и благочиния, например, в 1899 г. — 806 из общего количества 3046, а 1904 г. — 1246 из 4975. Второй самой многочисленной группой были преступления против собственности частных лиц, 792 в 1899 г. и 855 в 1904 г.²⁷

Оценить, как смогли отреагировать мировые судьи на столь бурный рост дел, и как это сказалось на качестве их производства, нам поможет ряд дополнительных показателей, выведенных для удобства в процентном отношении. Речь пойдет о количестве, а точнее, удельном весе решенных мировыми судьями дел.

Общий показатель решаемости дел особенно с 1896 г. и практически все первое десятилетие XX в. достаточно высок. Так, из всех уголовных дел в 1898 г. мировыми судьями было решено 86,7 %²⁸.

В фокусе уголовных дел четко проявляется закономерность снижения данного показателя. Начиная с 1904 г. падает процент решенных дел, достигает своего минимума в 1909 г. и составляет 55,6 % против 77,6 % в 1904 г.²⁹

В статистических отчетах, направляемых судебными инстанциями и прокурорами в министерство юстиции, фиксировался еще один важный показатель. Чиновниками приводилась градация нерешенных мировыми судьями дел. Уголовные дела делились на нерешенные по причинам, не зависящим от сторон, и нерешенные по причинам, не зависящим от суда³⁰.

Процент дел, нерешенных по причинам, не зависящим от сторон, у мировых судей Архангельской губернии был существенен. По уголовным делам за разные годы от 18,5 % до 58 %³¹.

Если решаемость с 1908 г. падала и через несколько лет достигла своего минимума, то про-

²⁰ ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 87. Л. 8.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Оп. 9. Д. 620. Л. 208.

²⁵ ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 231.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 102а. Л. 38.

²⁸ Там же. Д. 340. Л. 243.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Д. 449. Л. 30.

³¹ Там же. Д. 340. Л. 327, 309, 342.

центы нерешенных дел по независящим от сторон причинам с этого же времени начали расти. Для сравнения возьмем 1904 г., когда подобных уголовных дел было 18,5 % (восьмилетний минимум) и 1908 г., когда их стало уже 29,3 %³².

Если рассматривать территориальный аспект, а именно: в каких населенных пунктах разбирались наибольшее количество уголовных дел, то вырисовывается следующая картина. Первое место удерживал город Архангельск: 27 % в 1896 г., 21 % в 1909 г., 36 % в 1913 г. Вторым по численности являлся Шенкурский уезд: 16 % в 1896 г., 16 % в 1909 г., 11 % в 1913 г.³³

По УУС на неокончательные приговоры мировых судей обе стороны (прокурор и подсудимый) могут приносить отзывы по всем предметам дела, относящиеся к ним. Отзывы могли приноситься как письменно, так и словесно³⁴. На окончательные приговоры мировых судей допускались жалобы сторон и протесты товарища прокурора в кассационном порядке³⁵.

Общее количество дел рассматриваемых в окружном суде в качестве мирового съезда на про-

тяжении с 1896 по 1916 г., составляет более низкое значение, чем у мировых судей. В 1896 г. там производилось 176 уголовных дел, а в 1912 г. — 603 соответственно³⁶. Получается, что в 1896 г. на 4,6 % приговоров по уголовным делам участниками процесса приносились жалобы либо протесты. Динамика роста численности разбирательств в окружном суде в качестве мирового съезда превышает аналогичную у мировых судей в уголовных делах: в 1914 г. было в 3,7 раза больше процессов, чем в 1896 г.³⁷

Совмещение нескольких обязанностей в лице одного мирового судьи, несмотря на упрощение процедуры дознания, и предварительного следствия, тем не менее, накладывало негативный отпечаток в качественно-количественном отношении, отражающемся в показателе решаемости уголовных дел.

Таким образом, в последней трети XIX — начале XX вв. на территории Архангельской губернии формируется особая модель мировой юстиции, обладающая достаточно широкой уголовной юрисдикцией и наделенной особыми процессуальными полномочиями.

Библиография:

1. Лонская С.В. Мировая юстиция в истории Российской империи. Ст. 1: Мировые судьи в российской системе судов (1864–1917 гг.) // Мировой судья. 2013. № 3. С. 20–27.

References (transliteration):

1. Lonskaya S.V. Mirovaya yustitsiya v istorii Rossiiskoi imperii. St. 1: Mirovye sud'i v rossiiskoi sisteme sudov (1864–1917 gg.) // Mirovoi sud'ya. 2013. № 3. S. 20–27.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

³² ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 327, 309, 347.

³³ Там же. Д. 6. Л. 199.

³⁴ Устав Уголовного судопроизводства. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/438.html> (дата обращения — 19 апреля 2011 г.).

³⁵ Там же.

³⁶ ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 148. Л. 47, 49.

³⁷ Там же.

А.А. Михайлова*

Исторический опыт развития института судебных издержек в России: от Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. до наших дней**

Аннотация. Статья посвящена развитию института судебных издержек в России. В ней на примере четырех нормативных актов XIX–XXI вв. (Устава уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г., УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.; в ред. от 27 августа 1993 г.) и УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ) показано, как менялся институт судебных издержек. На основе сравнительной таблицы указанных выше актов автор данной работы показывает преемственность в развитии института судебных издержек в России. В качестве методологической основы исследования использовались философские методы научного познания (диалектический метод, детерминистский), общенаучные методы (анализ, синтез, обобщения, системный метод) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, социологический, исторический, формально-логический, языковой, функциональный). Практически все теоретические разработки вопросов, связанных с судебными издержками, проводились на основе уголовно-процессуального законодательства 1960 г. Научных работ, рассматривающих эволюцию судебных издержек начиная с Устава уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г., проведено не было. В качестве вывода автор указывает на наличие преемственности в развитии института судебных издержек в России.

Ключевые слова: процессуальные издержки, судебные издержки, уголовно-процессуальное право, УПК РСФСР, УПК РФ, судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, расходы, издержки, уголовное право.

В период возникновения общих начал судопроизводства не существовало разграничения расходов по гражданским и уголовным делам. Судебные расходы были разделены на судебные расходы по уголовным делам и судебные расходы по гражданским делам и кодифицированы только в середине XIX в., с принятием Устава уголовного судопроизводства Российской империи. Судебные расходы — затраты, понесённые участниками судебного процесса в связи с рассмотрением и разрешением судебного дела. В уголовном судопроизводстве термины «судебные расходы» и «судебные издержки» равнозначны.

Взысканию судебных издержек посвящена гл. 11 кн. 1 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. «О судебных издержках». В ней определены лица, имеющие право на возмещение судебных издержек; виды расходов, подлежащие возмещению; условия их возмещения; размер возмещения; лица, на кого возлагается обязанность уплаты судебных издержек. Тогда к судебным расходам относились только путевые издержки и возмещались они лицам, вызванным

повесткой, объявившим о желании получить вознаграждение по окончании допроса или того действия, для которого они призваны, и при условии, что расстояние, на которое они призваны, более 15 верст (около 16 км).

Проследим, как менялся институт судебных издержек с XIX по XXI в. на примере Устава уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г., УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.; в ред. от 27 августа 1993 г.) и УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

(См. сравнительную таблицу на с. 2537)

В УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.) положения о судебных издержках содержатся в гл. VI отд. 1 «О сроках, судебных издержках». В УПК РСФСР (в ред. от 27 августа 1993 г.) вопросу судебных издержек посвящена гл. 7 «Протоколы, сроки и судебные издержки». В действующем УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ содержание данного института раскрывается в гл. 17 «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки». Как видно из названий, только в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее —

© Михайлова А.А., 2014

* Михайлова Алина Артуровна — юрисконсульт, ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС».

[mikhailova.alinaarturovna@yandex.ru]

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 77.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Объект сравнения	Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г.	УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.)	УПК РСФСР (в ред. от 27 августа 1993 г.)	УПК РФ от 18 декабря 2001 г № 174-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2014 г.)
Виды расходов, подлежащие возмещению	Путевые издержки (ст. 192).	1) Суммы, израсходованные на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств; 2) суммы, выданные свидетелям, экспертам, переводчикам; 3) иные непредвиденные расходы (ст. 88).	1) Суммы, израсходованные на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств; 2) расходы на оказание юридической помощи; 3) вознаграждение за отвлечение от обычных занятий; 4) средний заработок по месту работы; 5) вознаграждение за исполнение экспертом, переводчиком, специалистом своих обязанностей; 6) иные расходы (ст. 105, ст. 106).	1) Суммы, израсходованные на хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств, а также на перевозку трупов и их частей; 2) расходы на оказание юридической помощи; 3) суммы, выплачиваемые за отвлечение их обычных занятий; 4) возмещение недополученной заработной платы; 5) вознаграждение за исполнение экспертом, переводчиком, специалистом своих обязанностей; 6) расходы, связанные с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием; 7) стоимость судебной экспертизы; 8) ежемесячное государственное пособие; 9) вознаграждение представителю; 10) иные расходы (ст. 131).
Субъекты, имеющие право на возмещение судебных издержек	Свидетели и сведущие люди (ст. 192, 193).	Свидетели, эксперты, переводчики, государство (ст. 88).	Свидетели, эксперты, переводчики, государство, понятые, потерпевшие, специалисты (ст. 106).	Свидетели, эксперты, переводчики, государство, понятые, потерпевшие, специалисты, адвокаты, представители, обвиняемые (ст. 131).
Размер возмещения	По три копейки на версту и суточных по двадцати пяти копеек за каждый день отлучки из места жительства (ст. 193).	Не указан.	Полное возмещение понесенных по явке расходов. Порядок выплаты и размеры сумм, подлежащих выплате, устанавливаются Советом Министров РСФСР (ст. 106).	Устанавливается Правительством РФ (ст. 131).
Субъекты, на которых возлагается обязанность уплаты судебных издержек	Обвинитель; обвиняемый; главные виновные (по делу о проступке, учиненном несколькими лицами); соучастники (по делу о проступке, учиненном несколькими лицами в случае несостоятельности главных виновных); лицо, по чьей вине рассмотрение дела отложено (в случае отсрочки заседания за неявкой одной из сторон); за счет казны (при неимении в виду виновных или несостоятельности лиц, приговоренных к уплате судебных издержек) (ст. 194–197).	Подсудимый, государство (ст. 89, ст. 90).	Осужденный; подсудимый; лицо, по жалобе которого было начато производство по делу, государство, органы дознания, предварительного следствия, суда (ст. 106, ст. 107).	Осужденный; государство; участники уголовного судопроизводства (ст. 131, ст. 132).

Устав) судебным издержкам посвящена отдельная глава. Во всех последующих исследуемых в данной работе актах судебные (процессуальные) издержки соединены с судебными (процессуальными) сроками, а в УПК РСФСР в ред. от 27 августа 1993 г. и с протоколами.

Список лиц, имеющих право на возмещение судебных издержек, после Устава постепенно расширялся. Если по Уставу на возмещение судебных издержек могут претендовать только свидетели и сведущие люди, то в уголовных кодексах это и эксперты, переводчики, государство и т.д.

В Уставе нет четкого перечня лиц, на которых лежит обязанность уплаты судебных издержек. В частности, не определено, кого подразумевать под обвинителем: государство либо непосредственно лицо, поддерживающее обвинение. Имеются неточности в терминологии: в качестве одного из субъектов указан обвиняемый (который теоретически может и не быть подсудимым и виновным лицом), далее в Уставе говорится уже о «виновных лицах», «соучастниках» (что подразумевает рассмотрение уголовного дела и установление виновности лица). Субъектами, по чьей вине рассмотрение дела отложено, может быть очень широкий круг лиц — от понятого до судьи. Таким образом, список тех, на кого возлагается обязанность по уплате судебных издержек, фактически не ограничен.

В УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.) в качестве субъекта, на которого возлагается обязанность уплаты судебных издержек, указан подсудимый. Данную норму нельзя считать абсолютно справедливой, поскольку подсудимый может быть оправдан, и в этом случае взыскание с него судебных издержек кажется необоснованным.

В действующем УПК РФ законодатель отошел от практики перечисления всех лиц, с которых могут быть взысканы судебные издержки, и употребил термин «участники уголовного судопроизводства», что представляется разумным во избежание перегрузки закона лишними словами.

Перечень видов расходов, подлежащих возмещению, после Устава уголовного судопроизводства стал открытым. В частности, в УПК РСФСР (в ред. от 15 февраля 1923 г.) добавились расходы на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств. Еще одна новелла вышеназванного кодекса представляет из себя формулировку: «Судебные издержки состоят из сумм, выданных свидетелям, экспертам, переводчикам», из которой невозможно установить, что представляют собой эти суммы: оплату транспортных расходов, вознаграждение для экспертов и переводчиков, возмещение недополученной заработной платы. Представляется, что перечень таких расходов определяется в каждом конкретном случае.

Размер возмещения и порядок выплаты в уголовных кодексах советского и российского

периодов не указан: для их определения существуют подзаконные акты и судебная практика. Например, в настоящий момент нормы о взыскании процессуальных издержек содержатся в постановлении Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации», Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» и иных актах. Данная практика представляется разумной в свете увеличения видов расходов, подлежащих возмещению.

Следует особо отметить, что в Уставе уголовного судопроизводства и УПК РСФСР используется термин «судебные издержки». По мнению О.Ю. Кузнецова, судебные издержки представляют собой все материальные расходы государства (как прямые, так и опосредованные) на борьбу с преступностью в стране, включая затраты на содержание судебной власти и правоохранительных органов, а также финансирование их деятельности¹. Указанный подход представляется нам не совсем правильным, поскольку анализ вышеуказанных актов свидетельствует о том, что затраты на содержание судебной власти и правоохранительных органов, а также финансирование их деятельности, согласно рассматриваемым в работе актам, к судебным издержкам не относятся.

В действующем УПК РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ используется уже термин «процессуальные издержки» взамен употребляемых до этого «судебных издержек». Процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства (ст. 131 УПК РФ). По мнению О.Ю. Кузнецова, процессуальные издержки — это расходы федерального бюджета исключительно на организацию судопроизводства по всей совокупности уголовных дел, по которым происходит разбирательство компетентными органами². Есть и иные мнения относительно определения процессуальных издержек. Например, С.В. Бажанов считает, что «процессуальные издержки — это предус-

¹ См.: Кузнецов О.Ю. Процессуальные издержки, вызванные реализацией принципа языка уголовного судопроизводства, и порядок их возмещения // Современное право. 2005. № 9. С. 45.

² См.: Там же.

мотренные уголовно-процессуальным законом расходы органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по установлению уголовных правоотношений, взыскиваемые с лица, признанного виновным в совершении преступления, а в ряде случаев относимые на счет государства»³.

На взгляд автора, термин «процессуальные издержки» отличается от «судебных издержек» тем, что расширяет сферу действия указанного понятия — издержки могут быть связаны не только с судебным, но и досудебным производством по уголовному делу.

Из анализа четырех кодифицированных уголовно-процессуальных актов XIX–XXI вв. (Устава уголовного судопроизводства, УПК РСФСР в ред. от 15 февраля 1923 г., УПК РСФСР в ред. от 27 августа 1993 г., УПК РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ в ред. от 3 февраля 2014 г.) видно, что изначально уголовно-процессуальный закон не учитывал многие реальные затраты участников уголовного судопроизводства. И это несмотря на то, что нормы, определяющие перечень расходов, относимых к числу судебных издержек, их исчисление и возмещение призваны обеспечивать имущественные интересы участвующих в уголовном процессе лиц. Однако с каждым новым актом законодатель дополняет и уточняет нормы предыдущего, ориентируясь на текущее положение дел в стране и сложившуюся

практику. Каждый новый уголовно-процессуальный закон является более совершенным. Таким образом, можно сделать вывод, что в развитии института судебных издержек в России прослеживается преемственность.

Однако не стоит думать, что ныне действующий УПК РФ является эталоном уголовного законодательства России и не подлежит никаким доработкам. Нормативно-правовые акты должны меняться, чтобы идти в ногу со стремительно меняющейся жизнью. Например, К.Н. Емельянов⁴ предлагает дополнить перечень процессуальных издержек, предусмотренный ст. 131 УПК РФ, следующими элементами: 1) суммами, израсходованными на возмещение материальных потерь, понесенных потерпевшим, свидетелем и иными лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство в результате проведения следственных действий; 2) суммами, израсходованными на применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и иных лиц, способствующих предупреждению, раскрытию преступления, а также их близких родственников; 3) суммами, затраченными на выплату единовременного денежного пособия в случае гибели (смерти) защищаемого лица, либо в случае причинения лицу телесного повреждения или иного вреда его здоровью в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Автор данной работы придерживается того же мнения.

Библиография:

1. Бажанов С.В. Процессуальные издержки в уголовном процессе России: текст лекции. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2001. 83 с.
2. Емельянов К.Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 213 с.
3. Кузнецов О.Ю. Процессуальные издержки, вызванные реализацией принципа языка уголовного судопроизводства, и порядок их возмещения // Современное право. 2005. № 9. С. 46–55.

References (transliteration):

1. Bazhanov S.V. Protsessual'nye izderzhki v ugovnom protsesse Rossii: tekst lektzii. Vladimir: VYuI Minyusta Rossii, 2001. 83 s.
2. Emel'yanov K.N. Protsessual'nye izderzhki v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen', 2009. 213 s.
3. Kuznetsov O.Yu. Protsessual'nye izderzhki, vyzvannye realizatsiei printsipa yazyka ugovnogo sudoproizvodstva, i porjadok ikh vozmeshcheniya // Sovremennoe pravo. 2005. № 9. S. 46–55.

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2014 г.

³ Бажанов С.В. Процессуальные издержки в уголовном процессе России: текст лекции. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2001. С. 36.

⁴ См.: Емельянов К.Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 187.

Е.В. Никитина*

Из истории развития средств доказывания**

Аннотация. Статья представляет собой анализ развития средств уголовно-процессуального доказывания в России с древнейших времен и по настоящее время. Исследуются с этой точки зрения различные источники уголовно-процессуального права, в том числе: Пространная Русская Правда, Судебник 1497 г. (Законы Великого князя Иоанна Васильевича), Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Свод законов Российской империи (1832 г.), Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., декреты советской власти, УПК РСФСР, УПК РФ. Используется методика сопоставления средств уголовно-процессуального доказывания, существовавших в России на протяжении всей ее истории, и действующих в настоящее время. Делается вывод о том, что средства доказывания в нашей стране развивались не всегда поступательно — бывали периоды очевидного регресса. Обращается внимание на преемственность целого ряда положений УПК РФ законодательным установлениям Устава уголовного судопроизводства Российской империи. Одним из таких положений назван принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, — свобода оценки доказательств.

Ключевые слова: средства уголовно-процессуального доказывания, древний процесс, инквизиционный процесс, теория формальных доказательств, Устав уголовного судопроизводства, принцип внутреннего убеждения, декреты советской власти, Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, УПК РФ, свобода оценки доказательств.

Понимая под средствами уголовно-процессуального доказывания доказательства и способы их получения, попробуем представить историю развития этих средств в нашей стране. Известный русский юрист М.Ф. Владимирский-Буданов выделял три периода в развитии русского уголовного права: уголовное право Русской Правды, уголовное право Московского государства и уголовное право империи¹. Остановимся на каждом из них и при анализе средств доказывания.

Древний процесс носил частно-исковой характер. Сторонами в нем были «истцы», или «суперники», или «сутяжники». Разные наименования сторон не меняли, по сути, их правового положения. Средствами доказывания являлись: «послухи», «суды Божии» и «акты». Эти средства и использовались сторонами в судебном споре. Сам же суд лишь регулировал и уравнивал их².

Послух — это лицо, на которое сослались истец или ответчик. Требовалось определенное количество послухов в разного рода делах. Так, по делам о личных оскорблениях необходимо было

выставить по два послуха с каждой стороны. По делам об убийствах обвинитель должен был представить семь послухов³.

Что касается «суда Божия», то в древней России были следующие его формы: жребий, рота, ордалии и поле.

«Рота» в древнейших памятниках являла собой клятву перед Богом. Впоследствии она стала называться крестным целованием. Рота совершалась либо самими сторонами (за неимением послухов) и в этом случае имела самостоятельное доказательственное значение, либо завершала показания свидетелей (послухов) или предшествовала судебному поединку — и тогда являлась вспомогательным средством доказывания.

Жребий в процессуальном смысле мог заменять собой роту. Посредством жребия решался и вопрос о том, кому приносить присягу⁴.

Ордалии впервые упоминаются в Пространной Русской Правде. Указаний об их форме не сохранилось. Известно лишь, что испытание огнем производилось «чрез раскаленное железо»⁵.

³ См.: Там же. С. 641–642.

⁴ См.: Там же. С. 643–644.

⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 64–73.

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 316–317.

² См.: Там же. С. 640.

© Никитина Е.В., 2014

* Никитина Елена Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Уральская государственная юридическая академия.

[nick2210@yandex.ru]

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Все указанные выше средства доказывания находились между собой в тесном соотношении: если имелись в наличии послухи, то дело решалось ими; если их не было, то следовали рота, жребий или ордалии. Совершенно вне этой лестницы стоит «поле» — судебный поединок. Первое упоминание о нем относится к XIII в., и затем «поле» непрерывно существует до XVII в. В основе его лежит своеобразный принцип справедливости, а именно: поединок мог состояться лишь при физическом равенстве сторон. Поэтому мужчина должен был состязаться с женщиной, женщина — с женщиной⁶. Слабейшая сторона могла иметь «наймитов». Но в этом случае, чтобы не нарушалось равенство сторон, другая сторона тоже могла выставить наймитов. Помимо этого, условиями поединка были: равенство оружия, а также время и место сражения. Оружием могли быть мечи или дубины. Поединок мог состояться не позднее какого-то определенного отрезка времени после рассмотрения дела в суде. Местом же состязания было специально предназначенное для этого «поле», находящееся за городом⁷.

К концу описываемой эпохи появляются письменные доказательства — «акты». Они были или «неформальными» — «доски», или «формальными» — «записи». Первые — «домашние акты», вторые — «укрепленные». Судя по их названию, можно с очевидностью заключить, что первые были письменными доказательствами частного характера, а вторые — публичного. «Доски» не исключали возможности привлечения других доказательств, «записи» же решали дело безусловно — никаких иных доказательств более не требовалось.

В ряде случаев судом принимались во внимание также «раны», то есть результаты своего рода освидетельствования потерпевшего, и «поличное», то есть орудие преступления, украденное имущество и т.п.⁸ — то, что мы сейчас называем вещественными доказательствами.

Как видим, важная роль при отправлении правосудия была отведена Богу. Однако это не исключало доказательственного значения послухов. Именно к ним прежде всего обращался суд при рассмотрении дела. И лишь за неимением послухов переходил к другим средствам доказывания. В дальнейшем этот институт преобразовался в такой элемент системы доказательств, как показания свидетелей, которые занимают в ней одно из первых мест.

Что касается письменных актов, то, потеряв присущую «записям» безусловную доказатель-

ственную силу, они, тем не менее, исследуются сегодня при рассмотрении практически каждого уголовного дела. Они получили название документов, и понятие их несколько расширилось.

Таким образом, основа действующей системы средств доказывания стала зарождаться еще в древней России, совершенствуясь по мере развития общества.

В 1497 г. в Москве был издан Судебник (Законы Великого князя Иоанна Васильевича), первый кодекс Московского централизованного государства. Он вобрал в себя сохранившиеся к моменту его издания нормы обычного права, Русской Правды, Уставных и Судных грамот⁹. Впоследствии появляются Судебник 1550 г. и Соборное уложение 1649 г. Все три законодательных акта относятся уже к следующему периоду развития уголовного судопроизводства в России — периоду Московского государства.

Этому периоду присущи черты как состязательного, так и инквизиционного процесса. Состязательный характер сохраняется при рассмотрении судом несложных уголовных дел. Что касается тяжких преступлений, по такого рода делам производится «розыск» — процесс становится инквизиционным.

Состязательному процессу соответствуют прежние доказательства: послушество, суды Божии и письменные акты. Правда, несколько видоизменяется их форма. Так, послушество производится в виде «ссылки из виноватых» или «общей ссылки». Первая означает, что сторона ссылается на одного послуха с условием подчиниться обвинению, если тот даст показания против нее. Вторая же — остаток третейского разрешения споров: обе стороны ссылаются на одного и того же свидетеля или на одних и тех же послухов. За неимением послухов допускается «повальный обыск», то есть опрос всего населения округа (деревни, волости).

Из судов Божьих сохранились до этого времени: поле (только для личных исков), крестное целование (присяга сторон) и жребий, имеющий самостоятельное значение в делах менее 1 рубля¹⁰.

«Розыск» сначала был лишь средством поимки и наказания преступников — «лихих людей». Затем их стали спрашивать о совершенных преступлениях, о сообщниках. Стал производиться повальный обыск с целью получения каких-либо сведений и мнения общины о подозреваемом. Государство (а не сторона в суде) стало преследовать преступников, и возникла новая форма процесса — розыскная. Ей присущи следующие

⁶ См.: Российское законодательство X–XX вв. С. 331–342.

⁷ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 646–647.

⁸ См.: Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством: (публичные лекции). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1861. С. 16.

⁹ См.: Нажимов В. П. История уголовного процесса России // Курс советского уголовного процесса: общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. С. 377.

¹⁰ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 655–658.

средства доказывания: «поличное», «повальный обыск» и собственное признание обвиняемого. Причем получение признания обвиняемого становится целью судопроизводства, а средством ее достижения становится пытка¹¹.

Данный период в развитии уголовного процесса можно назвать переходным. Не изжит еще полностью состязательный характер судопроизводства, но вместе с тем успешно развивается совершенно иной подход к исследованию обстоятельств дела — розыскной.

Окончательная же победа инквизиционного процесса относится к периоду империи. Первым законодательным актом, провозгласившим это, стал Указ 1697 г., который предписал «вместо судов и очных ставок... чинить розыск»¹².

Впоследствии «Воинский устав» Петра I (1716 г.) закрепил розыскной характер процесса в России, основу которого составили: письменность, секретность и формальная система доказательств. Совершенным судебным доказательством полагалось собственное признание подсудимого — «лучшее свидетельство всего света». Для его получения допускалось применение пытки, хотя и с некоторыми ограничениями. Так, пытка допускалась при наличии трех обстоятельств: 1) когда преступление несомненно; 2) когда против подсудимого имеются сильные улики; 3) когда подсудимый не признается в преступлении¹³.

Полное доказательство, помимо собственного признания подсудимого, могли составить и свидетельские показания. Необходимыми условиями здесь были число свидетелей (по крайней мере, двое) и их «достоверность».

Сохранили свое значение письменные акты — «доводы»¹⁴.

В то же время появляются новые виды доказательств. Так, еще в XVI в. имеют место отдельные случаи производства судебно-медицинской экспертизы и экспертизы документов. Первая с середины XVII в. становится обычным явлением в судебной практике. Она получает свое закрепление в Артикуле воинском (1715 г.) и последующих законодательных актах как письменное «свидетельство врачей»¹⁵.

Следует отметить, что пытка как средство получения признания подсудимого просуществовала в России недолго. Уже в 1767 г. она была запрещена — в соответствии с секретным указом губернаторам¹⁶. Правда, некоторое время она неофициально существовала под видом «допроса

с пристрастием». Но 27 сентября 1801 г. Указом Александра I пытка была окончательно отменена, было уничтожено само ее название «как стыд и укоризну человечеству наносящее»¹⁷.

Издание Свода законов Российской империи (1832 г.) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) мало изменило ранее действующее законодательство. Сохранились такие древнейшие средства доказывания, как «общая ссылка» и «очистительная присяга». Общая ссылка сообщала показаниям свидетеля полную достоверность. Очистительная присяга давала возможность «очиститься от подозрения»¹⁸.

Собственное признание обвиняемого продолжало оставаться «лучшим свидетельством всего света», но считалось полным (совершенным) лишь при наличии трех условий: добровольности, соответствия обстоятельствам дела и официального характера (должно быть сделано суду или полиции). Свидетельские показания, в полном соответствии с теорией формальных доказательств, признавались совершенным доказательством, если их было не менее двух, они исходили от людей, достойных доверия, и были даны под присягой. Кроме того, при оценке показаний свидетелей преимущество отдавалось мужчине перед женщиной, знатному лицу перед незнатным, духовному перед светским¹⁹.

Таким образом, сохранялся формальный подход к оценке доказательств. Условия их допустимости и достоверности были строго оговорены законом, и малейшее несоответствие этим требованиям влекло за собой потерю доказательственного значения.

Такое положение просуществовало вплоть до судебной реформы 1864 г., когда теория формальных доказательств была отменена, а в качестве основополагающего принципа оценки доказательств был провозглашен принцип внутреннего убеждения судей.

Эти начала нашли свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — УУС), который закрепил следующие положения новой теории доказательств:

1. Постановления закона о силе доказательств отменены.
2. Судебное следствие основывается на трех основных принципах: непосредственности (ст. 625, 689, 696 УУС), состязательности (ст. 630 УУС) и непрерывности (ст. 633 УУС).
3. Собственное признание подсудимого является недействительным, если оно не соответствует обстоятельствам дела, вынуждено на-

¹¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 659–661.

¹² Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 397–399.

¹³ Там же. С. 408–425.

¹⁴ Там же. С. 408–425.

¹⁵ Там же. С. 355.

¹⁶ Там же. С. 374–375.

¹⁷ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 26. № 20 022.

¹⁸ Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 15. Кн. 2.

¹⁹ Там же.

силием, угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами.

4. Признание подсудимого не может быть принято за основание обвинительного приговора, если нет иных доказательств совершения преступления.
5. Показания свидетелей признаются недействительными, если: а) основаны на предположениях или на слухах; б) не соответствуют обстоятельствам дела; в) получены вследствие обмана или применения насилия; г) даны свидетелем, имеющим физические или психические недостатки, препятствующие правильно-му представлению о событии²⁰.

Эти правила, по свидетельству современников, составляли правовые условия достоверности доказательств. Однако они служили лишь руководством судье, призванному оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на конкретных обстоятельствах дела²¹.

Процесс доказывания избавился, наконец, от сохранявшихся в течение многих веков элементов древнейшего судопроизводства — общей ссылки и очистительной присяги. Законодательно были закреплены такие способы получения доказательств, как обыск и выемка. Повальный обыск трансформировался в «дознание через окольных людей». Был принят такой порядок дознания, согласно которому люди допрашивались только об образе жизни, поведении и связях обвиняемого. Они стали выбираться по жребию в количестве 12 или 6 человек местных жителей из списка, составленного судебным следователем (а не обвиняемым, как при повальном обыске). На основании данных ими под присягой показаний составлялся протокол, который подписывали опрошенные и следователь. Этот протокол и был доказательством, представляемым в суд²².

В дальнейшем Комиссия по совершенствованию законодательства, созданная при Министерстве юстиции в 1894 г., исключила дознание через окольных людей из числа доказательств. Но одновременно дополнила Устав постановлением, обязывающим следователя в необходимых случаях собирать сведения о личности обвиняемого, его образе жизни и характере лишь в той степени, в какой это нужно для выяснения обстоятельств преступления или виновности лица²³.

Тем самым закон ограничил доказательственное значение сведений о личности обвиняемого пределами совершенного преступления, приблизившись таким образом к одному из положений английского доказательственного права, запрещающему стороне обвинения использовать доказательства прежнего негативного поведения обвиняемого. В остальном изменения, внесенные уголовно-процессуальный закон Комиссией 1894 г., мало коснулись системы средств доказывания, которая сохранялась в прежнем виде вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Одним из первых декретов советской власти явился Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., который гласил: «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»²⁴.

Аналогичное положение было закреплено и в Декрете о суде № 2 от 7 марта 1918 г. Помимо того, последний установил, что в отношении доказательств суд не стеснен никакими формальными ограничениями и вправе использовать любые из них — в зависимости от обстоятельств дела²⁵. Тем самым, очевидно, подразумевалось введение в советское законодательство свободной оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении судей.

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г. окончательно закрепили этот принцип в ст. 23: «Суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности»²⁶.

Вместе с тем в Декрете о суде № 3 от 20 июля 1918 г. и в Положении о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. предлагается при рассмотрении дел руководствоваться не только декретами советского правительства, но и в случае отсутствия или неполноты таковых — «революционной совестью» и «социалистическим правосознанием»²⁷. Аналогичный подход встречаем и в Положениях о революционных трибуналах 1919 г. и 1920 г.²⁸

²⁰ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. С. 120–255.

²¹ См.: Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: общая часть. Харьков: Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1888. С. 121–134.

²² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. С. 292–293.

²³ См.: Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. С. 257.

²⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

²⁵ Там же. 1918. № 26. Ст. 420.

²⁶ См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Пост. ЦИК СССР от 31 ноября 1924 г. М., 1956.

²⁷ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589; № 85. Ст. 889.

²⁸ Там же. 1919. № 58. Ст. 549; 1920. № 22–23. Ст. 115.

При таких условиях оценка доказательств судами становилась отнюдь не «свободной». Во главу угла ставились «интересы пролетарской революции». На этом основывалась и теория доказательственного права. Так, например, пытаясь дать ответ на вопрос, как увязать принцип внутреннего убеждения судей с «интересами революции», М.М. Гродзинский писал: «Советский уголовный процесс как процесс социалистический качественно отличается во всех своих институтах от процесса буржуазного. Это полностью относится и к советской доказательственной системе и к положенному в основе этой системы принципу оценки доказательств по внутреннему убеждению судей... Внутренне убеждение советского судьи тесно и неразрывно связано с его социалистическим правосознанием»²⁹. Именно в этом, чисто идеологическом аспекте, автор видел решение проблемы.

Подобную политическую окраску носит и теория доказательств, провозглашенная А.Я. Вышинским. Он утверждал, что в учении о доказательствах главное — это принципы и методы их оценки, это критерий, с точки зрения которого производится данная оценка. Критерием же здесь являются те классовые интересы, на защите которых стоят суд и судебный процесс³⁰.

Что касается средств доказывания по уголовным делам, то формально закон гласил, что доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, а также — личные объяснения обвиняемого. Эти доказательства собирались посредством следственных действий — допросов, производства экспертиз, обысков, выемок, осмотров и освидетельствований³¹. Фактически же основная ставка делалась на допрос обвиняемого и на его признание в совершении преступления³².

УПК РСФСР 1960 г. не внес существенных изменений в систему средств доказывания. Доказательствами признавались фактические данные, полученные из показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, иных документов. Система следственных действий мало изменилась. Лишь дополнительно к числу самостоятельных следственных действий были отнесены предъявление для опознания и следственный эксперимент³³.

В настоящее время система средств доказывания значительно расширилась. Этому способствовало принятие УПК РФ 2001 г. и внесение в него в дальнейшем соответствующих изменений. На сегодняшний день в качестве доказательств по уголовному делу допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
- 3.1) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Что касается способов получения доказательств, то их список дополнен такими следственными действиями, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Кроме того, скорректировано название следственного действия, ограничивающего конституционное право каждого гражданина на тайну переписки, почтовых и телеграфных отправлений (ст. 174 УПК РСФСР была названа «Выемка почтово-телеграфной корреспонденции»). В УПК РФ это следственное действие вошло как «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» (ст. 185 УПК РФ). Думается, новое название в большей степени раскрывает его сущность, поскольку данное следственное действие носит комплексный характер и состоит прежде всего в наложении ареста на почтово-телеграфные отправления с целью их последующего осмотра и выемки.

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что развитие средств доказывания в нашей стране вряд ли можно сравнить с непрерывным поступательным движением вверх, к более и более совершенным формам. Бывали периоды очевидного регресса. В этой связи хотелось бы отметить особую значимость УУС Российской империи, основные положения которого вошли в УПК РФ. Это касается прежде всего принципов уголовного судопроизводства, которые воспроизведены в действующем законе. Применительно к доказательственному праву — это такой основополагающий принцип, как свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Он предполагает оценку доказательств соответствующими субъектами уголовного процесса по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, в соответствии с законом и совестью.

²⁹ Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые труды. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. Вып. 7. С. 6.

³⁰ См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 56, 59.

³¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15.02.1923 // Собрание узаконений РСФСР 1923. № 7. Ст. 106.

³² См.: Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 264.

³³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Библиография:

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: общая часть. Харьков: Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1888. 248 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев: Изд. Н.Я. Оглоблина, 1907. 694 с.
3. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
4. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые труды. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. Вып. 7. 123 с.
5. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. 448 с.
6. Нажимов В.П. История уголовного процесса России // Курс советского уголовного процесса: общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. С. 369–398.
7. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством: (публичные лекции). СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1861. 116 с.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 573 с.

References (transliteration):

1. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh: obshchaya chast'. Khar'kov: Izd. tip. Kaplana i Biryukova, 1888. 248 s.
2. Vladimirskii-Budanov M F. Obzor istorii russkogo prava. Kiev: Izd. N.Ya. Ogloblina, 1907. 694 s.
3. Vyshinskii A.Ya. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. M.: Gosyurizdat, 1950. 308 s.
4. Grodzinskii M.M. Uliki v sovetskom ugolovnom protsesse // Uchenye trudy. M.: Yur. izd-vo NKYu SSSR, 1944. Vyp. 7. 123 s.
5. Dukhovskoi M.V. Russkii ugolovnyi protsess. M.: Tip. A.P. Poplavskogo, 1908. 448 s.
6. Nazhimov V.P. Istoriya ugolovnogo protsessa Rossii // Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: obshchaya chast'. M.: Yurid. lit., 1989. S. 369–398.
7. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroistvom i sudoproizvodstvom: (Publichnye lektsii). SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1861. 116 s.
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1912. T. 1. 573 s.

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2014 г.

А.А. Ничипоренко*

Обжалование следователем, дознавателем судебных решений: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до УПК РФ**

Аннотация. Наделение суда полномочиями по осуществлению судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам обусловило возникновение в процессуальной теории и в судебной практике вопроса о праве следователя, дознавателя как участников со стороны обвинения приносить жалобы на судебные решения, вынесенные по результатам рассмотрения заявленного следователем, дознавателем ходатайства или жалобы на его действия (бездействие), решение. Публично-правовая основа деятельности органов предварительного расследования и прокурора предопределяет отсутствие собственных интересов у должностных лиц, являющихся участниками со стороны обвинения: все они представляют интересы государства, имея при этом различные полномочия. В судебном заседании по уголовному делу интересы государства представляет государственный обвинитель, прокурор. Суд не разрешает спор между прокурором и следователем. Он выступает гарантом защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями. Поэтому правом обжаловать судебное решение наделен именно прокурор, но не следователь, дознаватель. Проводится сравнительный анализ правового регулирования и практики применения обжалования судебных решений следователем, дознавателем в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и в настоящее время. Обосновывается вывод о том, что следователь, дознаватель не являются субъектами обжалования судебных решений, вынесенных в досудебном производстве по заявленным им ходатайствам или по жалобам на его действия (бездействия), решения. Однако они вправе обжаловать частные постановления, определения суда, которые могут послужить основанием для привлечения их к дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, прокурор, суд, право на обжалование, частное постановление, частное определение, судебная защита, публичное начало, стороны.

1. Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия. Этим обусловлено право заинтересованных лиц добиваться исправления ошибок, допущенных в ходе производства по уголовным делам, путем процессуальной проверки вышестоящими судами судебных решений, постановленных нижестоящими судебными инстанциями.

Право на обжалование судебного решения вышестоящий суд вытекает из положений ст. 46 Конституции¹, закрепляющей более общее право каждого на судебную защиту.

Как отметил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»²: «учитывая... положение ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел» (п. 1).

Субъектами права на обжалование традиционно являются участники уголовного судопро-

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 16.04.2013).

© Ничипоренко А.А., 2014

* Ничипоренко Александр Александрович — аспирант кафедры уголовного права и процесса факультета юриспруденции и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета.
[alnichiporenko@yandex.ru]
107076, Россия, г. Москва, ул. Стромынка, д. 18, каб. 605.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

изводства со стороны обвинения и со стороны защиты, а также иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

При этом закон не содержит исчерпывающего перечня лиц, наделенных правом апелляционного, кассационного, надзорного обжалования судебных решений. Так, надзорную жалобу вправе подать не указанные в ст. 401.2 УПК РФ³ обвиняемые и подозреваемые, а также их защитники и законные представители, обжалующие, например, постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим, а также вследствие наделения суда полномочиями по рассмотрению широкого круга вопросов в досудебном производстве (ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ), в процессуальной теории и в судебной практике возник вопрос о праве следователя, дознавателя как участников со стороны обвинения приносить жалобы на такие судебные решения (если решение вынесено по заявленному следователем, дознавателем ходатайству или по жалобе на его действия (бездействие), решение).

2. Вопрос о праве лиц, производящих дознание и (или) предварительное следствие, обжаловать судебное решение, имеет давнюю историю.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г.⁴ (далее — УУС) в качестве общего правила предусматривал, что право принесения протестов, отзовов и жалоб на судебные решения принадлежало сторонам (ст. 145, 853, 856–861, 906 и др.).

Наряду с этим особое место среди субъектов обжалования занимали полицейские и некоторые другие административные власти. С одной стороны, по уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям, обличение обвиняемых перед судом возлагалось на указанные власти (а не на прокуроров, их товарищей или потерпевших от преступных действий частных лиц), если поводом к разбирательству дела мировым судьей послужили сообщения этих властей об обнаруженных ими в кругу их действия проступках, которые подлежали преследованию без жалоб частных лиц (ст. 3, п. 2 ст. 42, ст. 48 УУС). С другой стороны, поддержание обвинения в суде полицией и другими административными властями само по себе не влекло наделение их правом самостоятельного обжалования судебного решения. В Объяснительной записке к проекту УУС⁵ отмечалось: «Если, по необходимости, на полицию возлагается преследование виновных пред мировым судьей, то

из сего не вытекает еще несколько, чтобы она имела право непосредственно изъявлять неудовольствие на решения мирового судьи. Поэтому предоставление ей непосредственного права обжалования было бы непоследовательно».

Вследствие этого «апелляционная власть полиции была поставлена под контроль прокуратуры, на предварительный просмотр которой поступали приносимые полицией апелляционные отзывы»⁶: полиция, изъявив неудовольствие на приговор, была обязана представить о том товарищу прокурора, который мог или предъявить отзыв мировому судье, или оставить объявленное неудовольствие без последствий (ст. 146 УУС).

Отзыв, представленный полицией, после передачи его товарищем прокурора судье, считался поданным товарищем прокурора, и потому ни судья, ни съезд мировых судей не могли входить в рассмотрение достаточности полномочий должностного лица полиции, представившего отзыв (решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената (далее — УКД) № 304 1873 г., № 818 1872 г. и № 1 1909 г.).

При этом закон не обязывал товарища прокурора при согласии с приведенными в представлении полиции основаниями подавать со своей стороны особый формальный протест (УКД № 818 1872 г., № 256 1869 г., № 1700 1871 г., № 1 1909 г.).

Непосредственное принесение полицией отзова, минуя товарища прокурора, рассматривалась как существенное нарушение (УКД № 206 1872 г.).

В то же время закон предусматривал ряд исключений, наделявших полицию правом непосредственного обжалования приговоров. Так, при возбуждении дел о нарушении уставов благоустройства и благочиния в качестве представителя уполномоченных правительственных управлений и заменяя собою таковые, полиция на основании ст. 1216 УУС пользовалась всеми правами, принадлежавшими этим управлениям, в том числе правом непосредственного обжалования как неокончательных, так и окончательных приговоров мировых судебных установлений (УКД № 10 1910 г.). В этих случаях полиция не могла быть принуждаема к подаче отзовов на приговоры мировых судей, которые она находила правильными (УКД № 1801 1871 г. и № 920 1873 г.). Кроме того, правило о принесении полицией отзова через товарища прокурора, предусмотренное ст. 146 УУС, не применялось по делам о нарушениях строительных уставов (УКД № 24 1867 г., № 1538 1872 г., № 29 1880 г.), уставов врачебного, фабричного и заводской промышленности (УКД № 33 1879 г.), правил об охране лесов (УКД № 38 1890 г.), правил о взаимном страховании (УКД № 9 1889 г.),

³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2013).

⁴ Цит по изд.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8.

⁵ Проект Устава уголовного судопроизводства. Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. СПб., 1863. С. 81.

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. II. С. 537.

правил об исправном содержании проселочных дорог (УКД № 1461 1871 г.) и в некоторых других случаях. Минюста товарища прокурора подавались и жалобы полиции на медлительность мировых судей при производстве по возбужденным ею делам (определение распорядительного заседания Общего Собрания Правительствующего Сената от 4 декабря 1873 г.).

После октябрьской революции 1917 г. указанные нормы были упразднены.

Вопрос о праве следователя, дознавателя обжаловать судебное решение вновь приобрел актуальность в последние годы, после установления судебного контроля в досудебном производстве (ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ).

3. В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес правовое регулирование круга субъектов права на обжалование судебного решения по делу об административном правонарушении: законодатель последовательно расширяет права должностных лиц, вынесших постановление по делу об административном правонарушении, а также должностных лиц, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении, на обжалование судебных решений в вышестоящий суд.

В производстве по делам об административном правонарушении правом обжаловать судебное решение в вышестоящий суд наделены стороны: лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевший, их законные представители, защитник лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, представитель потерпевшего, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, допущенный к участию в деле в качестве защитника (ст. 25.1–25.5.1 КоАП РФ⁷).

Федеральным законом от 23.07.2010⁸ ст. 30.1 КоАП была дополнена ч. 1.1, наделившей правом обжалования постановления судьи по делу об административном правонарушении в вышестоящий суд должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, за исключением обжалования в порядке надзора (ст. 30.12 КоАП).

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к таким лицам относится любое должностное лицо органа, выявившего правонарушение и уполномоченное, в соответствии со ст. 28.3

КоАП РФ, составлять протоколы о данных административных правонарушениях (как непосредственно составившее этот протокол, так и его не составившее)⁹.

Федеральным законом от 17.07.2009 № 160-ФЗ¹⁰ ст. 30.9 КоАП РФ была дополнена ч. 5, в соответствии с которой решение суда по жалобе на вынесенное должностным лицом постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано должностным лицом, вынесшим такое постановление, а Федеральным законом от 28.12.2013 № 429-ФЗ¹¹ — ч. 6, согласно которой решение суда по жалобе на вынесенное коллегиальным органом, органом, созданным в соответствии с законом субъекта РФ, постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано руководителем коллегиального органа, органа, созданного, в соответствии с законом субъекта РФ, вынесших такое постановление.

Представляется, что право должностных лиц и государственных органов на обжалование судебных решений по делам об административных правонарушениях не может служить примером для уголовного судопроизводства, поскольку в производстве по этим делам участие прокурора как представителя государства не является столь обязательным как в уголовном процессе. Напротив, участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо дознавателем с согласия прокурора (ч. 2 ст. 246 УПК).

4. УПК РФ не указывает следователя, руководителя следственного органа, дознавателя среди субъектов апелляционного, кассационного, надзорного обжалования.

В процессуальной литературе данный вопрос является дискуссионным.

⁷ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2014).

⁸ Федеральный закон от 23.07.2010 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (в ред. от 18.07.2011) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 4002.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 19.12.2013). Пункт 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

¹⁰ Федеральный закон от 17.07.2009 № 160-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3597.

¹¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 429-ФЗ «О внесении изменений в статью 30.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6994.

Н.Н. Ковтун¹² и О. Кузьмина¹³ полагают, что следователь вправе обжаловать все судебные решения, вынесенные в порядке досудебного производства по расследуемому им уголовному делу, поскольку право обжалования принадлежит сторонам, а следователь, в соответствии со ст. 38 УПК РФ, относится к числу участников со стороны обвинения.

Близкую точку зрения занимает И. Дикарев, указывая, что «лица, ведущие уголовный процесс, должны наделяться правом... обжалования судебных решений в тех случаях, когда в разрешенном судом споре они выступали в качестве стороны, отстаивая при этом собственный процессуальный интерес. Именно это правило... предполагает необходимость наделения следователя и руководителя следственного органа полномочиями по обжалованию судебных решений»¹⁴.

К. Жудро, напротив, считает, что следователь не является субъектом обжалования судебных решений, поскольку он «выступает в уголовном процессе не от себя лично, а реализует полномочия, которыми его наделило государство, и только в пределах, определенных законом. То есть следователь действует от имени государства лишь при производстве предварительного следствия. Что же касается представления результатов работы следователя перед судом, то это исключительная компетенция прокурора»¹⁵.

Данная точка зрения представляется наиболее обоснованной. Публично-правовая основа деятельности органов предварительного расследования и прокурора предопределяет отсутствие неких «собственных» интересов у должностных лиц, являющихся участниками со стороны обвинения: все они представляют интересы государства, имея при этом различные полномочия. В судебных стадиях, а равно в досудебном производстве при рассмотрении судом вопросов, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 29 УПК, интересы государства представляет государственный обвинитель, прокурор. Суд в досудебном производстве не разрешает спор между прокурором и следователем. Он выступает гарантом защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями. Поэтому

правом обжаловать судебное решение наделен именно прокурор, но не следователь.

В этой связи справедливым является вывод о том, что «согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, следователь не наделен правом самостоятельного обжалования судебного решения, в том числе в силу его полномочий в соответствии со ст. 38 УПК РФ, и не является лицом, права и интересы которого, затронуты обжалуемым постановлением»¹⁶.

5. В то же время правило о том, что следователь не является субъектом апелляционного, кассационного, надзорного обжалования судебных решений по уголовным делам, не является абсолютным.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28.01.2014 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»¹⁷ указал, что «к числу иных лиц, обладающих правом на обжалование судебного решения в той части, в которой оно затрагивает их права и законные интересы, относятся лица, не признанные в установленном законом порядке теми или иными участниками процесса, но исходя из своего фактического положения нуждающиеся в судебной защите... Право на обращение в суд кассационной инстанции с жалобой на законность вынесенного судом частного определения (постановления) имеет лицо, в отношении которого может быть возбуждено дисциплинарное производство или применены иные меры, затрагивающие личные интересы этого лица, в связи с обстоятельствами, указанными в частном определении (постановлении). В других случаях кассационные жалобы дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, возвращается без рассмотрения» (п. 2).

Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

¹² См.: Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 30.

¹³ См.: Кузьмина О. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 87, 89.

¹⁴ Дикарев И. Право субъектов, ведущих уголовный процесс, на принесение ходатайств в порядке надзора // Уголовное право. 2011. № 1. С. 63.

¹⁵ Жудро К. Судебный порядок рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ (к вопросу о возможности обжалования следователем судебного решения, указания прокурора и руководителя следственного органа) // Уголовное право. 2012. № 1. С. 85.

¹⁶ Постановление Московского городского суда от 02.10.2013 по делу № 10-9629/2013 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). По вопросам, разрешаемым судом во время судебного заседания, суд выносит определения или постановления, которые подлежат оглашению в судебном заседании (ч. 1 ст. 256 УПК РФ).

Поводами для вынесения судом частного определения (постановления) в адрес следователя, дознавателя могут служить, например, несоблюдение следователем установленных в ч. 8 ст. 109 УПК РФ сроков при представлении в суд ходатайства до истечения срока содержания лица под стражей¹⁸, существенные нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, воспрепятствовавшие утверждению обвинительного заключения и направлению дела в суд (волокита, чрезмерная

длительность при ознакомлении обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела)¹⁹, неэффективное выяснение обстоятельств получения обвиняемыми телесных повреждений, образовавшихся, по утверждению обвиняемых, в результате применения насилия со стороны правоохранительных органов²⁰, прекращение дела при наличии соответствующих обстоятельств²¹. В этих и подобных случаях суд, в соответствии с ч. 4 ст. 29, ч. 1 ст. 256 УПК РФ, вправе вынести частное определение или постановление, которое может послужить основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении следователя, дознавателя. Такие частные определения, постановления могут быть обжалованы следователем, дознавателем в вышестоящий суд, поскольку принятым судебным решением затрагиваются их права и законные интересы.

Библиография:

1. Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12 (37). С. 1619–1624.
2. Дикарев И. Право субъектов, ведущих уголовный процесс, на принесение ходатайств в порядке надзора // Уголовное право. 2011. № 1. С. 58–63.
3. Жудро К. Судебный порядок рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ (к вопросу о возможности обжалования следователем судебного решения, указания прокурора и руководителя следственного органа) // Уголовное право. 2012. № 1. С. 84–89.
4. Карасев Р.Е. Судебная защита: понятие, значение, место в системе защиты прав и свобод человека и гражданина // Право и политика. 2013. № 11. С. 1511–1519.
5. Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 29–34.
6. Кузьмина О. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 85–89.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. II. 606 с.

References (transliteration):

1. Voskobitova L. A. Konstitutsionnye osnovy apellyatsii v ugovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. № 12 (37). S. 1619–1624.
2. Dikarev I. Pravo sub'ektov, vedushchikh ugovolny protsess, na prinesenie khodataistv v poryadke nadzora // Ugo-lovnoe pravo. 2011. № 1. S. 58–63.
3. Zhudro K. Sudebnyi poryadok rassmotreniya zhalob v sootvetstvii so st. 125 UPK RF (k voprosu o vozmozhnosti obzhalovaniya sledovatelem sudebnogo resheniya, ukazaniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa) // Ugo-lovnoe pravo. 2012. № 1. S. 84–89.
4. Karasev R.E. Sudebnaya zashchita: ponyatie, znachenie, mesto v sisteme zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Pravo i politika. 2013. № 11. S. 1511–1519.
5. Kovtun N.N. K diskussii ob «utrachennykh» polnomochiyakh prokurora. Est' li predmet dlya diskussii? // Rossiiskaya yustitsiya. 2010. № 5. S. 29–34.
6. Kuz'mina O. Sledovatel' kak sub'ekt obzhalovaniya sudebnykh reshenii na dosudebnoi stadii ugovnogo protsessa // Ugo-lovnoe pravo. 2010. № 3. S. 85–89.
7. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva / pod obshch. red. A.V. Smirnova. SPb.: Al'fa, 1996. T. II. 606 s.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2014 г.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 28.01.2013 по делу № 22-886/13; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 20.03.2013 по делу № 10-921; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19.11.2012 по делу № 22-15535; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 05.09.2012 № 22-12034.

¹⁹ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 20.08.2013 по делу № 3-108/13.

²⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.05.2013 № 30-АПУ13-5.

²¹ См.: Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12 (37). С. 1624.

От «сведущих людей» к «судебному эксперту»: эволюция понятия (на примере Республики Казахстан)**

Аннотация. Предметом исследования явилась эволюция термина «сведущие люди», введенного впервые в Уставе уголовного судопроизводства в 1864 г., в термин «судебный эксперт», применяемый современным законодателем Республики Казахстан. Были рассмотрены основные формулировки данного понятия, их изменение при разработке и принятии очередного нормативно-правового акта. В статье прослежена динамика развития законодательной базы Российской империи, РСФСР, Казахской ССР, Республики Казахстан, регламентирующей институт судебной экспертизы, проведен анализ правовых норм, связанных с определением понятия «судебный эксперт» в Уголовно-процессуальном кодексе РК и Законе РК «О судебно-экспертной деятельности в РК». Методологической основой стали научные труды казахстанских и зарубежных ученых в области судебной экспертизы. В качестве методов исследования применялись общие и частные методы, включая системно-правовой, историко-юридический и системный анализ исследуемых понятий. В работе прослежен процесс формирования современного понятия «судебный эксперт», предложено определение данного понятия с учетом выявленных противоречий в определениях, имеющих в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан и Законе РК «О судебно-экспертной деятельности в РК», а также в соответствии с требованиями юридической техники.

Ключевые слова: суд биев, сведущие люди, судебный эксперт, судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, Устав уголовного судопроизводства, институт судебной экспертизы, специальные познания, специальные научные знания, специалист.

Длительный эволюционный путь становления института судебной экспертизы в Республике Казахстан определялся не только объективными потребностями судебно-следственной практики, но и особенностями реального исторического процесса развития судебной системы. Этот путь начинался от традиционного суда биев (степных судей) в обычном праве казахов, в последующем активно формировался под воздействием судебно-правовой системы Российской империи, Советского Союза, и, наконец, после приобретения Казахстаном суверенитета определил статус и функции судебной экспертизы. Не останавливаясь на теоретических и организационных аспектах развития судебно-экспертной деятельности в Казахстане, рассмотрим правовые основы, способствующие формированию и развитию судебной экспертизы в Республике, и влияние на этот процесс норм Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — Устав).

Традиционный суд биев основывался на законах хана Тауке «Жеты Жаргы» (Семь уложений), которые определяли порядок судебного разбирательства, регламентировали большинство обычно-правовых

норм, действовавших среди казахского населения, в том числе виды и размеры наказаний¹. Академик С.З. Зиманов, характеризуя природу казахского обычного права, пишет: «Казахское обычное право было максимально приближено к самому народу, максимально передавало логику его жизни и в значительной степени выражало извечную духовную суть человека и его устремлений независимо от стадий его совершенства и развития»². Сохранились свидетельства, указывающие на то, что уже в этот период для установления обстоятельств рассматриваемого дела биями применялись не только нормы обычного права, но и знания, полученные в результате житейского опыта и природной наблюдательности (являющиеся предпосылками применения специальных знаний)³.

¹ См.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 323.

² См.: Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования: в 10 т. Т. 1. Астана, 2003. С. 27.

³ См.: Вареникова С.П. Применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Алматы: HAS, 2004. С. 11.

© Парамонова Л.Ф., 2014

* Парамонова Лада Федоровна — кандидат юридических наук, главный эксперт, ИСЭ по Павлодарской области, Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан.
[fllid66@mail.ru]

140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Лермонтова, д. 53.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

После присоединения в середине XVIII в. к Российской империи Среднего и Младшего жуза на их территории одновременно стали функционировать и суды биев, и российские суды. Принятый в 1822 г. «Устав о сибирских киргизах» разграничил все судебные дела на три рода (уголовные, исковые и жалобы на Управление) и определил полномочия судов и подсудность таких дел. Так, уголовные дела и жалобы на Управление рассматривались окружным приказом, исковые дела разбирались посредством биев в аулах и волостях «словесно по киргизским законам и обычаям»⁴. К.А. Алимжан указывает, что суд биев как институт обычного права с некоторыми видоизменениями («аксакальский суд») функционировал вплоть до 20-х гг. прошлого века⁵.

В истории Российского государства первое законодательное упоминание о привлечении «сторонних людей» для выполнения ими экспертных функций содержалось в ст. 272 и 274 Соборного уложения 1649 г., а в Своде законов Российской империи 1832 г. экспертиза была выделена в самостоятельный вид доказательств⁶.

В Уставе 1864 г. впервые были сформулированы основные требования к экспертам, порядок производства экспертных исследований, обязательность оценки заключений следственным судьей⁷. Устав распространялся на все территории Российской империи, в том числе и на казахские земли. При этом «заключения сведущих людей не составляли сами по себе доказательства в строгом смысле этого слова, и имели одну цель: развить убеждение судьи о материальной стороне дела до степени достоверности, дополнить понимание судьи; в них нет события или обстоятельства, которое можно было бы назвать доказательством; в них есть рассуждение, логический вывод от известного к неизвестному, от обстоятельств, не подлежащих сомнению, к тому, что должно быть доказано»⁸.

Устав ввел понятие «сведущие люди», также были определены случаи, в которых должны приглашаться такие лица: «когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 112, 325 Устава)⁹. Устав устанавливал

перечень лиц, которые могут быть привлечены в качестве экспертов: «врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» (ст. 326 Устава). Такие лица должны были иметь «все качества достоверных свидетелей» (ст. 327 Устава) и были обязаны являться немедленно по требованию судебного следователя (ст. 328 Устава).

Был регламентирован и процесс производства экспертизы («освидетельствования»): он проходил в присутствии следователя и понятых (ст. 331 Устава); вопросы, ставящиеся на разрешение, могли быть озвучены устно или переданы в письменном виде (ст. 332 Устава); эксперт при производстве экспертизы должен был не «упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины», то есть в обязанности эксперта входило проявление экспертной инициативы (ст. 333 Устава).

В случае сомнения в правильности заключения эксперта либо при возникновении разногласий между ними судебный следователь был вправе привлечь других сведущих людей, то есть фактически назначить повторную экспертизу (ст. 334 Устава). Сведущие люди были вправе получать вознаграждение за путевые издержки (ст. 192, 193 Устава), а также приносить жалобы, как письменные, так и устные «на притеснения и неправильные взыскания, коим они сами подверглись при следствии» (ст. 492 Устава) на всех стадиях уголовного процесса. Стороны могли просить о вызове в суд «сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания» (ст. 578 Устава).

Логическим продолжением реформирования судебной системы стало принятие в 1868 г. «Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», согласно которому были сохранены народные суды (так официально стали называться суды биев), но их компетенция была ограничена гражданскими исками на сумму до 300 рублей (при этом по искам до 30 рублей решения биев были окончательными и обжалованию не подлежали) и семейными спорами¹⁰.

Следующим серьезным шагом на пути формирования института судебной экспертизы стало подписание 28 июня 1912 г. Николаем II Закона «Об учреждении кабинета научно-судебной экс-

⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. С. 416–417.

⁵ См.: Алимжан К.А. Суд биев как обычно-правовое учреждение и институт обычного права // Право и государство. 1998. № 3 (11). С. 62.

⁶ См.: Дулов А.В., Крылов И.Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. М.: Госюриздат, 1960. С. 20–23.

⁷ См.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2011. С. 23.

⁸ Лодыженская И.И. К вопросу об участии «сведущих людей» в современном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 1 (21). С. 81.

⁹ Gumer.info; Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/

Article/ust_ugprav.php (последнее посещение — 11 февраля 2014 г.).

¹⁰ См.: Материалы по истории политического строя Казахстана: со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата: Изд-во АН Казах ССР, 1960. Т. 1. С. 323–334.

пертизы», который был организован на базе судебно-фотографической лаборатории при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты. Основная часть закона включала в себя изменения и дополнения в Устав 1864 г., в частности определялось, что исследования будут проводиться по уголовным и гражданским делам «посредством фотографии, дактилоскопии, химического и микроскопических анализов и иных приемов»¹¹, при этом исследования по уголовным делам проводились бесплатно, а по гражданским делам взималась плата по специальной таксе.

Для регламентации деятельности вновь созданного Кабинета была разработана «Инструкция Управляющему Кабинетом Научно-Судебной Экспертизы при Прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты и его помощникам», утвержденная 3 ноября 1912 г. министром юстиции. В ней были отражены организационно-управленческие и производственные аспекты проведения исследований сотрудниками Кабинета. В этом документе впервые были установлены требования к содержанию и оформлению заключения эксперта: «Лицо, производящее исследование, одновременно с производством такового, ведет акт, в который вносит все производимые им лабораторные работы и получаемые результаты. По окончании исследования производящим его должно быть составлено заключение, которое, равно как и акт исследования, скрепляются им своею подписью» (§16 Инструкции)¹².

В 1914 г. в соответствии с Законом «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе» были открыты аналогичные лаборатории в городах, отличающихся высоким уровнем преступности. Так, открытый 2 февраля 1914 г. Кабинет научно-судебной экспертизы при прокуратуре Киевской судебной палаты за первый год работы выполнил 201 исследование, 16 из которых — по гражданским делам. В отчете Кабинета за 1914 г. отмечалось, что копии актов исследования представляют собой весьма интересный по содержанию материал, который будет приобщен к библиотеке Кабинета¹³. В Московском и Одесском Кабинетах в 1914–1916 гг. количество проводимых исследований составляло не более 300 в год, при этом около половины приходилось на почерковедческие исследования¹⁴.

После революции 1917 г. основные положения Устава 1864 г., в том числе регламентирующие порядок производства экспертиз, действовали

вплоть до 1922 г., когда был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Этот первый кодифицированный источник уголовно-процессуального права молодого государства распространялся и на Киргизскую Советскую Автономную Социалистическую Республику, образованную в 1920 г. и входящую в состав РСФСР.

Многие нормы вновь принятого документа перекликались с нормами Устава: положение об обязательности явки эксперта (ст. 68), о праве эксперта на возмещение понесенных им расходов (ст. 69), о заявления ходатайства обвиняемого и потерпевшего о допросе эксперта (ст. 114), о порядке назначения повторной экспертизы (ст. 177), о принесении жалоб на действия следователя, нарушающие или стесняющие права эксперта (ст. 216). Но были введены новые понятия и термины: так, термин «сведущие люди» заменен на термин «эксперт», введено понятие «заключение эксперта» как один из видов доказательств (ст. 62). Кодексом определены условия привлечения эксперта (ст. 67): «когда при расследовании или рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле»¹⁵. Установлен перечень обстоятельств, требующих обязательного наличия заключения эксперта: для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения (прим. к ст. 67).

УПК РСФСР 1922 г. также определял порядок и основания:

- для отвода эксперта (ст. 52), при этом оговаривалось, что предыдущее его участие в деле в том же качестве не может служить основанием к отводу;
- для заявления ходатайств экспертом (ст. 84);
- присутствия обвиняемого и потерпевшего при производстве следственных действий, их право задавать вопросы эксперту (ст. 118);
- допроса эксперта (ст. 165);
- формирования экспертной комиссии (ст. 172);
- действий следователя по установлению личности экспертов, предупреждению их о необходимости давать заключение, «строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых вызван эксперт», а также об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения (ст. 173);
- реализации экспертом права знакомиться с теми обстоятельствами дела, уяснение которых необходимо ему для дачи заключения (ст. 174);
- работы экспертной комиссии (ст. 175);
- оформления заключения экспертов в форме протокола (ст. 176).

¹¹ Цит. по: Хазиев Ш.Н. К 100-летию первого российского закона о судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4 (28). С. 143.

¹² Цит. по: Славені сторінки історії: до 100-літнього ювілею КНДІСЕ / О.Г. Рувін, Т.Д. Голікова, В.В. Федчишина. К., 2013. С. 32–33.

¹³ См.: Там же. С. 34–37.

¹⁴ См.: Дулов А.В., Крылов И.Ф. Указ. соч. С. 110.

¹⁵ Law.edu.ru; УПК РСФСР от 25 мая 1922 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381074> (последнее посещение — 12 февраля 2014 г.).

Необходимо отметить, что при достаточно полной регламентации организации и производства судебной экспертизы в указанном кодексе была утрачена правовая норма об инициативе судебного эксперта, имевшаяся в Уставе 1864 г. Данный пробел в Республике Казахстан был восполнен только в 1997 г.

Переработанный УПК РСФСР 1923 г. в части регламентации судебной экспертизы отличался только тем, что вводил новый процессуальный документ — «акт о невозможности дать заключение» (прим. к ст. 171): «Если эксперт находит, что предоставленные ему следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дать заключение. В этих случаях пределы материалов предварительного следствия, должностные быть предоставленными эксперту, разрешаются прокурором или судом, которому подсудно данное дело»¹⁶.

В УПК Казахской ССР от 22 июля 1959 г. судебной экспертизе было посвящено семь статей, шесть из которых входили в главу «Доказательства по уголовному делу». Помимо этого, в ст. 21, разъясняющей некоторые наименования, имеющиеся в данном кодексе, дано определение термина «эксперт», согласно которому экспертом является «лицо, вызванное судом, следователем или лицом, производящим дознание, для дачи заключения по возникшим при производстве по уголовному делу вопросам, требующим специальных познаний»¹⁷.

В УПК КазССР было указано, что экспертиза назначается «в случаях, когда для выяснения обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, необходимы научные, технические или другие специальные познания» (ст. 52), «экспертами могут быть лица, обладающие специальными познаниями в области науки и техники» (ст. 54), а по окончании исследования эксперт обязан «дать правильное научно обоснованное заключение по поставленным перед ним вопросам» (ст. 55). Отдельная статья была посвящена заключению эксперта (ст. 56), также в кодексе вводились понятия дополнительной и повторной экспертизы, основания их назначения и правила производства (ст. 57)¹⁸. Анализ вышеперечисленных новелл позволяет констатировать, что законодатель акцентировал внимание на научной природе экспертного знания, исключив из перечня потенциальных экспертов лиц, обладающих знаниями в области искусства или ремесла. Эта позиция получила свое продолжение в последующем при разработке нор-

мативно-правовой базы института судебной экспертизы уже суверенного Казахстана.

В 1997 г. судебно-экспертная система Республики Казахстан была изменена коренным образом: согласно Указу Президента РК, при Министерстве юстиции была образована «единая экспертная служба с передачей ей экспертно-криминалистических подразделений Государственного следственного комитета, Комитета национальной безопасности, Министерства обороны, Государственного таможенного комитета»¹⁹, при этом было предусмотрено сохранение необходимого штата специалистов-криминалистов в органах, осуществляющих дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, для обеспечения независимости судебная экспертиза была отделена от органов дознания и следствия, а Казахский НИИ СЭ был преобразован в ГУ «Центр судебной экспертизы МЮ РК» (далее — ЦСЭ) со штатной численностью 609 единиц²⁰.

Для закрепления правовых и организационных основ судебно-экспертной деятельности в республике был принят Закон РК от 12 ноября 1997 г. «О судебной экспертизе»²¹. Законом были определены задачи и принципы экспертной деятельности, формы ее организации, порядок контроля профессионального уровня экспертов, источники финансирования судебной экспертизы, а также формы международного сотрудничества. В Законе содержались и принципиально новые понятия: «судебный эксперт», «специальные научные знания», «лица, осуществляющие судебно-экспертную деятельность на основании лицензии», «квалификационное свидетельство судебного эксперта», «аттестация судебного эксперта», «Государственный реестр судебных экспертов». Так, согласно ст. 1, судебным экспертом является «не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными научными знаниями, которому судом, следователем, дознавателем поручено производство судебной экспертизы». Необходимо отметить, что до этого законодатель использовал термин «специальные познания», но определение нового понятия «специальные научные знания» в законе отсутствовало.

Для предотвращения монополизации судебно-экспертной деятельности в Республике в качестве

¹⁶ Pravo.levonevsky.org; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7214.htm> (последнее посещение — 12 февраля 2014 г.).

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР от 22.07.1959 г. Алма-Ата, 1962. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 31–37.

¹⁹ Указ Президента Республики Казахстан от 22.04.1997 г. № 3 465 «О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан» // САПП. 1997. № 16. Ст. 125 (утратил силу).

²⁰ Постановление Правительства Республики Казахстан от 11.08.1997 г. № 1245 «О создании Государственного учреждения «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан».

²¹ Закон Республики Казахстан от 12.11.1997 г. № 188 «О судебной экспертизе» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 21. Ст. 276. (Утратил силу).

альтернативы государственным экспертам был введен новый институт: институт судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии. Однако имеющееся в законе ограничение — выдача лицензий только физическим лицами — не позволило создать достойный противовес ЦСЭ и сформировать за эти годы конкурентную среду, так как для получения лицензии необходимо быть гражданином Республики Казахстан, иметь стаж экспертной работы, располагать оснащенным помещением и дорогостоящим оборудованием (либо заключить договоры с аккредитованными профильными лабораториями)²², что для физического лица трудновыполнимая задача.

В принятом в 1997 г. УПК Республики Казахстан судебной экспертизе была посвящена отдельная глава (гл. 32), в ней регламентирован порядок назначения экспертизы, категории и виды экспертиз, содержание заключения эксперта и сообщения о невозможности дать заключение, порядок допроса эксперта²³. Отдельная глава посвящена образцам (до 2006 г. — образцам для экспертного исследования), а именно: основания получения образцов, порядок их получения, круг лиц, имеющих право их получать, требования к упаковке образцов. В новом УПК РК был устранен пробел, связанный с определением такого понятия как «специальные научные знания». Помимо этого законодатель дал определение понятию «специальные знания», что позволило дифференцировать процессуальные фигуры эксперта и специалиста в зависимости от их функций и характера используемых знаний²⁴.

Так, «специальные знания — не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства» (п. 41 ст. 7 УПК РК). Областью же специальных научных знаний является «область, содержание которой составляют научные знания, реализованные в методиках судебно-экспертных исследований» (п. 41-1 ст. 7 УПК РК). О.Г. Кузнецов, проводя сравнительный анализ данных понятий, указывает, что на современном этапе развития судебной экспертизы разграничение знаний сведущих лиц на «специальные» и «специальные научные» не имеет под собой достаточных оснований,

«поскольку профессиональное знание, обеспечивающее функции объяснения и прогнозирования, всегда является научным знанием»²⁵.

Исходя из этого разделение экспертом является «не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями... которому может быть поручено производство экспертизы» (п. 1 ст. 83 УПК РК), что согласуется с мнением М.С. Строговича: «всякая экспертиза должна быть основана на данных науки, хотя бы она и касалась вопросов техники, искусства или ремесла»²⁶. Здесь необходимо отметить, что законодатель наравне с термином «эксперт», определение которого дано в кодексе, использует и термин «судебный эксперт» (ст. 246-1, 248, 249, 251 УПК РК), при этом отсутствует оговорка о равнозначности данных терминов. Аналогичная ситуация сложилась и с понятиями «экспертиза» и «судебная экспертиза». Под понятием «эксперт» в широком смысле слова подразумеваются сведущие лица, обладающие необходимыми специальными (научными, профессиональными) знаниями, которые приглашаются (нанимаются) для дачи квалифицированного заключения или суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области. Экспертиза может быть научной, технической, правовой. Судебную экспертизу отличают следующие признаки: соблюдение специального правового регламента подготовки материалов, назначения и производства экспертизы; проведение исследования, основанного на использовании специальных научных знаний; дача заключения, имеющего статус источника доказательств²⁷. Таким образом, понятие «эксперт» как более широкое включает в себя как одну из разновидностей и понятие «судебный эксперт», а термин «экспертиза» — понятие «судебная экспертиза», однако данные различия как в самом кодексе, так и Законом РК «О судебной экспертизе» не были урегулированы. Кроме того, вызывает возражение использование в определении словосочетания «может быть поручено» (производство судебной экспертизы либо поручается, либо — нет), а использование вероятной формы неприемлемо для законодательного акта.

Принятый новый Закон Республики Казахстан от 20 января 2010 г. «О судебно-экспертной деятельности в РК» (далее — Закон о СЭД), по сравнению с предыдущим законом о судебной экспертизе, значительно расширил список основных понятий, а именно: специальные научные знания, предмет, объекты и образцы судебной экс-

²² Стандарты и требования к специально оснащенным помещениям, в которых осуществляется производство судебной экспертизы. Утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 7 ноября 2001 г. № 1414 «Некоторые вопросы судебной экспертизы» // САПП Республики Казахстан. 2001. № 39. Ст. 497.

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 23. Ст. 335.

²⁴ См.: Рогов И.И., Бычкова С.Ф., Биятов Т.К. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан — общая характеристика (в сравнении с УПК КазССР). Алматы: Баспа, 1998. С. 33–40.

²⁵ Кузнецов О.Г. Судебная экспертиза: актуальные проблемы и перспективы развития в Республике Казахстан. Алматы: Глобус, 2008. С. 41.

²⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 437.

²⁷ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе. СПб.: Питер, 2004. С. 11.

пертизы, метод и методика судебно-экспертного исследования, специальность судебного эксперта, руководитель органа судебной экспертизы²⁸. В законе детализированы принципы судебно-экспертной деятельности; определен правовой статус руководителя органа судебной экспертизы; установлен порядок и условия выдачи, отказ в выдаче лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью; рассмотрены особенности производства судебной экспертизы живых лиц.

Претерпело изменение и определение понятия «судебный эксперт», в новой редакции оно звучит следующим образом: «лицо, соответствующее требованиям настоящего Закона, которому органом (лицом), ведущим уголовный процесс... в порядке, установленном законом, поручено производство судебной экспертизы» (п. 12 ст. 1 Закона о СЭД). К судебному эксперту закон предъявляет следующие профессиональные и квалификационные требования: обладание специальными научными знаниями; наличие высшего образования и квалификации судебного эксперта, подтверждаемой квалификационным свидетельством на право производства определенного вида судебной экспертизы; наличие гражданства Республики Казахстан. Эксперт также должен быть аттестованным комиссией Министерства юстиции Республики Казахстан и внесенным в Государственный реестр судебных экспертов Республики Казахстан, являться сотрудником органа судебной экспертизы либо обладать лицензией на занятие судебно-экспертной деятельностью (ст. 12 Закона о СЭД). Однако из данного формализованного определения исчезло главное, что отличало судебного эксперта: его незаинтересованность в исходе дела. Это, в свою очередь, привело к противоречию с определением «эксперта» в УПК РК, которое осталось прежним.

Внести определенную ясность и четкость по данному вопросу мог бы Типовой проект законодательного акта (Модельный закон) «О судебно-экспертной деятельности», утвержденный постановлением Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС от 11.04.2013 г. № 15-6, целью разработки которого «является унификация регулирования правоотношений, возникающих в процессе организации и производства экспертиз и экспертных исследований по заданиям судей, судов, органов дознания, следователей и прокуроров» в государствах-членах ЕврАзЭС²⁹. Но и этот законодательный акт предлагает определение, носящее формальный характер:

²⁸ Закон Республики Казахстан от 20.01.2010 № 240-IV ЗРК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2010 г. № 1–2. Ст. 3.

²⁹ Ipaeurasesec.org; Материалы заседания Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества 11 апреля 2013 г. в Санкт-Петербурге. URL: http://www.ipaeurasesec.org/docs/?data=docs_6_19 (последнее посещение — 12 февраля 2014 г.).

«судебный эксперт — лицо, соответствующее требованиям настоящего Закона, которому в процессе судопроизводства в порядке, установленном законом, поручено производство судебной экспертизы» (ст. 1 Модельного закона). К сожалению, Координационно-методическая комиссия по судебной экспертизе при Совете министров юстиции государств — членов ЕврАзЭС, основной целью которой является совершенствование законодательства, регулирующего порядок назначения, проведения и оценки результатов судебной экспертизы в государствах — членах Сообщества³⁰, при подготовке Модельного закона не приняла к сведению обширный аналитический материал, связанный с понятийным аппаратом института судебной экспертизы³¹, вследствие чего в проекте присутствуют нормы, вызывающие возражения (например, ограничение перечня видов экспертиз, проводимых в негосударственных экспертных организациях), а подчас, и недоумение (Государственный реестр негосударственных экспертов).

По результатам проведенного анализа предлагаем следующее определение понятия «судебный эксперт», которое могло бы быть использовано при внесении дополнений и изменений в действующее законодательство Республики Казахстан, регламентирующее судебно-экспертную деятельность: «Судебный эксперт — не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными научными знаниями и назначенное в установленном законодательством порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения».

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что судебная реформа 1864 г. заложила краеугольный камень в фундамент института судебной экспертизы в Российской империи (в последующем — и в Советском Союзе, и в Республике Казахстан), определила основополагающие принципы использования знаний «сведущих лиц» в уголовном судопроизводстве. Невзирая на то, что порядок вовлечения в уголовный процесс носителей специальных знаний неоднократно менялся, основные положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до сих пор остаются актуальными и востребованными.

³⁰ См.: Бекбулатова Т.М., Бородаев В.Е. К вопросу о международно-правовом сотрудничестве в сфере судебно-экспертной деятельности в рамках ЕврАзЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 13. С. 153.

³¹ См., напр.: Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2011. С. 43–47; Шапиро Л.Г. О совершенствовании правовой регламентации института судебной экспертизы // Там же. С. 57–61; Толстухина Т.В. Проблемы терминологии института судебной экспертизы в уголовном процессе России // Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2013. С. 301–306.

Библиография:

1. Алимжан К.А. Суд биев как обычно-правовое учреждение и институт обычного права // Право и государство. 1998. № 3 (11). С. 59–63.
2. Бекбулатова Т.М., Бородаев В.Е. К вопросу о международно-правовом сотрудничестве в сфере судебно-экспертной деятельности в рамках ЕврАзЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 13. С. 148–156.
3. Вареникова С.П. Применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Алматы: HAS, 2004. 200 с.
4. Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования: в 10 т. Астана: Жеті Жары, 2003. Т. 1. 230 с.
5. Дулов А.В., Крылов И.Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. М.: Госюриздат, 1960. 48 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
7. Кузнецов О.Г. Судебная экспертиза: актуальные проблемы и перспективы развития в Республике Казахстан. Алматы: Глобус, 2008. 310 с.
8. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
9. Лодыженская И.И. К вопросу об участии «сведущих людей» в современном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. №1 (21). С. 80–86.
10. Рогов И.И., Бычкова С.Ф., Биятов Т.К. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан — общая характеристика (в сравнении с УПК КазССР). Алматы: Баспа, 1998. 352 с.
11. Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2011. С. 43–47.
12. Россинская Е.Р., Галышина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2011. 384 с.
13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе. СПб.: Питер, 2004. 372 с.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
15. Толстухина Т.В. Проблемы терминологии института судебной экспертизы в уголовном процессе России // Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2013. С. 301–306.
16. Хазиев Ш.Н. К 100-летию первого российского закона о судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4 (28). С. 141–150.
17. Шапиро Л.Г. О совершенствовании правовой регламентации института судебной экспертизы // Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2011. С. 57–61.

References (transliteration):

1. Alimzhan K.A. Sud biev kak obychno-pravovoe uchrezhdenie i institut obychnogo prava // Pravo i gosudarstvo. 1998. № 3 (11). S. 59–63.
2. Bekbulatova T.M., Borodaev V.E. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom sotrudnichestve v sfere sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v ramkakh EvrAzES // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2013. № 13. S. 148–156.
3. Varenikova S.P. Primenenie spetsial'nykh znaniy v ugovolnom sudoproizvodstve Respubliki Kazakhstan. Almaty: HAS, 2004. 200 s.
4. Drevnii mir prava kazakhov: Materialy, dokumenty i issledovaniya: v 10 t. Astana: Zheti Zhargy, 2003. T. 1. 230 s.
5. Dulov A.V., Krylov I.F. Iz istorii kriminalisticheskoi ekspertizy v Rossii. M.: Gosyurizdat, 1960. 48 s.
6. Klyashtornyi S.G., Sultanov T.I. Kazakhstan: letopis' trekh tysyacheletii. Alma-Ata: Rauan, 1992. 378 s.
7. Kuznetsov O.G. Sudebnaya ekspertiza: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya v Respublike Kazakhstan. Almaty: Globus, 2008. 310 s.
8. Levshin A. . Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei. Almaty: Sanat, 1996. 656 s.
9. Lodyzhenskaya I.I. K voprosu ob uchastii «svedushchikh lyudei» v sovremennom sudoproizvodstve // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2011. №1 (21). S. 80–86.
10. Rogov I.I., Bychkova S.F., Biyatov T.K. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan — obshchaya kharakteristika (v sravnenii s UPK KazSSR). Almaty: Baspа, 1998. 352 s.
11. Rossinskaya E.R. Zakonodatel'stvo o sudebnoi ekspertize i puti ego sovershenstvovaniya // Materialy 3-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviyakh». M., 2011. M., 2011. S. 43–47.
12. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Teoriya sudebnoi ekspertizy. M.: Norma, 2011. 384 s.
13. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. Sledstvennye deistviya v rossiiskom ugovolnom protsesse. SPb.: Piter, 2004. 372 s.
14. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. M.: Nauka, 1968. T. 1. 468 s.
15. Tolstukhina T.V. Problemy terminologii instituta sudebnoi ekspertizy v ugovolnom protsesse Rossii // Materialy 4-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviyakh». M., 2013. S. 301–306.
16. Khaziev Sh. N.K 100-letiyu pervogo rossiiskogo zakona o sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti i sudebnoi ekspertize // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2012. №4 (28). S. 141–150.
17. Shapiro L.G. O sovershenstvovanii pravovoi reglamentatsii instituta sudebnoi ekspertizy // Materialy 3-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviyakh». S. 57–61.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

И.В. Сахневич*

Вопросы подведомственности и подсудности дел о нарушениях торговых уставов по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы практического применения норм о разграничении подсудности мировых судов и общих судебных установлений при рассмотрении дел о нарушениях торговых уставов после принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 г. В 1845 г. в Российской империи в результате переработки и кодификации уголовно-правовых норм было создано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, во многом предопределившее последующее проведение судебной реформы. Ответственность за нарушения постановлений о торговле приобрела систематизированный характер, но часть норм была рассредоточена по разным разделам и главам Уложения. Торговые уставы относились к административным, и поэтому, согласно книге третьей Устава уголовного судопроизводства, некоторые составы правонарушений в области торговли изымались из общего порядка уголовного судопроизводства. Исследование выполнено на основе методологических принципов объективности и историзма. Помимо этого, в работе используются традиционные общенаучные методы системного анализа и синтеза, частнонаучные методы — формально-юридический, метод интерпретации права. Проведенные в ходе судебной реформы систематизация законодательства и коренная перестройка уголовного судопроизводства имели для России огромное значение. В то же время не были преодолены многие проблемы, существовавшие в уголовном процессе: отсутствие точных критериев, разграничивающих подсудность мировых судей и окружных судов при рассмотрении дел о нарушениях в области торгового предпринимательства, неопределенность некоторых санкций, наличие многочисленных отсылок, которые также затрудняли применение соответствующих норм; объединение разнородных правонарушений в рамках одной главы, что проанализировано на примере конкретных уголовных и уголовно-процессуальных норм.

Ключевые слова: торговые уставы, торговые правонарушения, мировые суды, подсудность, Устав уголовного судопроизводства, денежное взыскание, уставы казенного управления, приказчики, торговые книги, лишение прав.

В результате судебной реформы 1864 г. произошло существенное изменение уголовного процесса. Основным источником уголовно-процессуальных норм стал Устав уголовного судопроизводства¹ (далее — УУС).

Кн. 3 УУС содержала категории дел, изъятых из общего порядка уголовного судопроизводства, производство по которым отличалось определенными особенностями. Сюда были отнесены уголовные дела, рассматриваемые с участием духовного ведомства; государственные преступления; должностные преступления; преступления и проступки, касающиеся сферы административного управления; дела смешанной подсудности — военной и гражданской.

В разд. 4 УУС «О преступлениях и проступках, относящихся к разным частям административного управления» в гл. 1 кн. 3 определялся порядок производства по преступлениям и проступкам против имущества и доходов казны².

Рассматривая вопросы подсудности, авторы УУС в первую очередь определяли категории дел, которые предоставлялись непосредственному разбирательству казенного управления по правилам, предписанным в соответствующих уставах казенного управления. Ст. 1124 содержала приложение с перечислением данных дел³. Здесь были нарушения акцизных уставов, таможенного устава, устава о казенных лесах, а также устава о производстве торговли и промыслов.

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 120–251.

² Там же. С. 232–244.

³ Там же. С. 246–249.

© Сахневич И.В., 2014

* Сахневич Инна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета.

[iusta_causa@mail.ru]

305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

Уставы казенных управлений, за исключением уставов акцизных и таможенного, не являлись источниками уголовного права, не содержали норм, которые подлежали бы применению судами, а содержали только указания на нарушения правил, ответственность за которые определялась казенными управлениями.

За исключением нарушений, указанных в приложении к ст. 1124, все остальные преступления и проступки против имущества и доходов казны преследовались в общем порядке. Преступления и проступки против казенной собственности, не содержащие в своем составе нарушений казенных уставов, также рассматривались в общем порядке, но при этом прокуроры давали заключение о «вознаграждении» казны, в случае подачи ею иска в установленном порядке.

Подсудность дела мировым или общим судам определялась сложением размера денежного взыскания и цены конфискованных вещей (если таковые имели место).

Как известно, основным материальным нормативным актом, определявшим наказания, подведомственные мировым судьям, был Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Применение наказаний по другим нормативно-правовым актам мировыми судьями должно было согласовываться с Уставом. Был введен единый принцип определения подсудности — по видам и пределам наказаний.

За проступки, обозначенные в Уставе, мировые судьи определяли следующие наказания:

- 1) выговоры, замечания и внушения;
- 2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей;
- 3) арест не свыше трех месяцев и
- 4) заключение в тюрьме не свыше одного года⁴.

К подсудности мирового суда относились дела, указанные в статьях особенной части Устава, если в них отсутствовали квалифицирующие признаки, наличие которых определяло подсудность окружному суду.

Ст. 33 УУС повторяла норму ст. 1 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Согласно ст. 34, мировые судьи некомпетентны были рассматривать дело о нарушении, если в качестве наказания за него выступала высылка виновного из места жительства, сопряженная с запрещением производить торговлю или промысел или с закрытием торгового или промышленного заведения.

Все уголовные дела, не подлежащие ведению мировых судей, были подсудны окружным судам. Дела о преступлениях и проступках, за которые было предусмотрено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния рассматривались окружным судом с участием присяжных заседателей, согласно ст. 201 УУС.

И.Я. Фойницкий объяснял огромное значение вопроса о подсудности той важностью, которое

он имеет для государства. Уголовные дела должны рассматриваться специально для них учрежденными судами, так как организация судебных мест, их количество соотносятся с теми категориями дел, которые подлежат производству в данных судах. Значение норм о подсудности выходит за пределы процессуальных интересов и состоит в обеспечении правосудия и прав личности⁵.

На примере некоторых составов нарушений торговых уставов рассмотрим проблемные вопросы разграничения подсудности мировой юстиции и общих судебных установлений, а также изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства.

Ответственность за нарушения постановлений о торговле приобрела систематизированный характер с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Нормы, регулирующие ответственность за нарушения торгового законодательства, были сосредоточены в основном в гл. XIII «О нарушении Уставов торговых» разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» уложения. Однако часть норм, непосредственно устанавливающих ответственность за торговые нарушения, была рассредоточена по разным разделам и главам уложения. Например, разд. VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» содержал гл. VII «О нарушении Уставов о выделке и продаже табаку», а разд. VIII — гл. V, отд. 2 «О нарушениях постановлений о книгопечатании и торговле книгами»⁶.

В рамках данной статьи проанализируем составы правонарушений, сосредоточенных в первых трех отделениях гл. XIII разд. VIII Уложения, группируя их в зависимости от подсудности мировым судьям или окружным судам.

Мировые судьи рассматривали следующие дела: производство торговли лицами, которые по закону не имеют на это права (ст. 1658), виновные подвергались денежному взысканию. Если торговлю производили лица, лишённые этого права по суду, то в качестве санкции выступал арест. Ст. 1660 за торговлю без надлежащего свидетельства предусматривала наказание в виде денежного взыскания в пользу казны, а в случае рецидива (в третий раз) — тюремное заключение и лишение права на производство торговли и промыслов. Соответственно в последнем случае дело могло рассматриваться только в окружном суде.

Аналогично, лица, осуществлявшие торговлю по чужому свидетельству, равно как и передавшие свое свидетельство другому лицу, наказывались денежным взысканием, а в случае рецидива помимо последнего еще и лишались права производить любого рода торговлю (ст. 1664).

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. II. С. 82–83.

⁶ Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии., 1857. Т. XV. Кн. 1.

⁴ Российское законодательство. С. 395.

Нормы ст. 1686 и 1687 призваны были не допускать продажи краденых вещей через легальную торговую сеть. Мелочные и разносные торговцы за покупку у малолетних или неизвестных им домашних слуг каких-либо вещей, если окажется, что они краденые, подлежали денежному взысканию, а в случае рецидива — тюремному заключению на срок до года. Также принятие торговцем от неизвестных лиц для продажи или заклада вещей, которые явно не могли принадлежать указанным лицам, и действительно оказались краденными, наказывалось денежным взысканием до 300 рублей.

Анализируя составы правонарушений, сосредоточенные в отд. II «О нарушении правил о производстве торговли», можно выделить следующие дела, разрешаемые мировыми судьями: нарушение правил, предписывающих вести торговые книги; ненадлежащее ведение торговых книг (без соблюдения установленной формы, с исправлениями, приписками без объяснения их причин); не сохранение книг за предыдущие годы, но только в случае истребования их судом. В качестве наказания выступало денежное взыскание. Если торговая книга была утрачена торговцем по причине кражи, пожара, наводнения или другого несчастного случая, он обязан был сообщить об этом коммерческому суду, а при его отсутствии — магистрату или ратуше в двухнедельный срок. В противном случае он подлежал такому же наказанию, как и лица, ведущие свои книги ненадлежащим образом.

Неведение книг теми, для кого это было обязательно по роду своей торговой деятельности, в случае рецидива (в четвертый раз) каралось пожизненным лишением права вести торговлю, что превышало полномочия мировых судей.

Назначение торговых книг — представить как можно полнее торговую деятельность каждой фирмы и тем самым дать возможность определить положение, а также убыточность или выгодность предприятия. Для каждого рода торговли: оптовой, розничной и мелочной — были предусмотрены особые торговые книги.

Наибольшее количество книг предписывалось иметь оптовым торговцам: журнал для ежедневной записи всех дел и всего торгового производства, кассовую книгу, гроссбух, или главную книгу, с отдельными счетами по всем оборотам торговли, товарную, для записи всех купленных, полученных, проданных и отправленных товаров с обозначением их цен и другие, всего в количестве восьми.

Товарную и кассовую книги должны были вести также розничные и мелочные торговцы, как и расчетную, где подробно обозначалось когда, сколько, за что и кому должен сам торговец, кто ему задолжал, с указанием сроков и отметкой о сделанных или полученных выплатах. Мелочные торговцы, продававшие с лотков, ларей и столов, равно как и в развоз или в разнос, не обязывались вести торговые книги.

Разумеется, что книги должны были содержаться в порядке, пронумерованными, без помамок и приписок. Порядок исправления ошибок был специально оговорен. Ежегодно каждый торгующий должен был выводить баланс предприятия с обозначением собственного капитала и имущества, наличности денег, денежных документов и товаров, годовой прибыли и других показателей, который записывался в одну из торговых книг. Хозяин книг обязан был сохранять их за все предшествовавшие годы, и в случае несостоятельности предъявлять их, по крайней мере, за последние десять лет своей торговли. Помимо того, торговые книги могли служить в суде в качестве доказательства при возникших спорах, тяжбах и процессах по торговым и личным делам. Важная роль отводилась торговым книгам в деле контроля податных органов над торгующими и определения оборотов и прибылей торговых заведений⁷.

Использование в торговой деятельности весов или меры: 1) неверных; 2) воспрещенных к употреблению для производимого рода торговли; 3) без установленного клейма — наказывалось денежным взысканием.

Если использование торговцем неверных весов или меры объяснялось не небрежностью, а умыслом, то данное деяние наказывалось согласно норме ст. 2257 (кража без отягчающих обстоятельств) и выходило за пределы компетенции мировых судей.

Мировые судьи рассматривали некоторые категории дел «о нарушении правил о договорах найма купеческих приказчиков и лавочных сидельцев».

Принятие на работу приказчика, который не имеет свидетельства о данном предыдущему хозяину отчете в торговых делах; неисполнение приказаний хозяина; непочтительность к хозяину и членам его семьи; принятие приказчиком чужих товаров для продажи без письменного разрешения своего хозяина, как и торговля предметами, запрещенными его хозяину к продаже, в случае рецидива, не могли рассматриваться мировыми судьями.

Как видим, вопросы подсудности дел мировым судьям или общим судебным установлениям были достаточно сложны. Отсутствие определенности некоторых санкций затрудняло применение норм, регламентирующих ответственность за правонарушения в торговой сфере.

Помимо вышеупомянутых, окружные суды компетентны были рассматривать дела о соглашениях предпринимателей с целью поднятия цен на продовольствие и другие предметы первой необходимости. В случае если «стачка» торговцев послужила к действительному возникновению дефицита товаров первой необходимости, что привело к нарушению общественного спокойствия, зачинщики приговаривались к лишению некото-

⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XI. Ч. 2. Ст. 669–691.

рых особенных прав и преимуществ (ст. 54 Уложение раскрывала содержание данного института) и заключению в смиренном доме на срок от двух до трех лет.

Нарушения при производстве публичных торгов или торгов на подряды и поставки (склонение участников к отказу от участия в торгах) наказывались денежным взысканием до 500 рублей.

Денежное взыскание также было предусмотрено за торговлю по просроченному свидетельству (ст. 1670). Но в данном случае оно было сопряжено с закрытием торгового заведения и запретом производить торговлю до взятия нового свидетельства.

Отметим особо ст. 1663, согласно нормам которой, торгующие по фальшивому свидетельству подвергались конфискации всех товаров, денежному взысканию, а также согласно ст. 2284 (подделка актов, которые в торговых делах могут служить доказательством права на имущество или «принятых кем-либо обязанностей») лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке в Томскую или Тобольскую губернии. Если указанные лица не были изъяты от телесных наказаний, то вместо лишения прав и ссылки приговаривались к наказанию розгами от пятидесяти до шестидесяти ударов и отдаче в арестантские роты гражданского ведомства на срок от одного года до двух лет.

Группа ст. 1665–1669 карала нарушения запретов, связанных с личным и сословным статусом лица, производящего торговлю. Купцы и лица не купеческого сословия, торгующие в городах, где они не имеют постоянного проживания; евреи, производящие торговлю за пределами черты оседлости; купцы первой и второй гильдии, подавшие в таможенную объявление за купца третьей гильдии или за лицо, не имеющее права заграничной торговли, — подлежали денежному взысканию, конфискации товаров и в зависимости от статуса дополнительной санкции (например, евреи немедленно выслались в места определенного им постоянного проживания).

Необходимо отметить, что в России законодательство, регулирующее торгово-промышленную деятельность, основывалось на принципе сословности. В 1807 г. Манифестом Александра I провозглашается «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»⁸.

Право производить торговлю принадлежало особому классу, а остальные могли заниматься ею лишь в определенном размере и под ограничительными условиями⁹.

Отсюда следовало правонарушение, предусмотренное ст. 1669: занятие деятельностью,

своейственной купцам или содержание заведений с числом работников более шестнадцати, не являющихся членами их семьи, мещанами, не записавшимися в гильдию, а также крестьянами, не взявшими свидетельства, по крайней мере, третьего рода. Но данное нарушение компетентны были рассматривать мировые судьи, так как оно предусматривало денежное взыскание, за исключением случаев рецидива.

Статьи о правонарушениях в сфере торговли содержали многочисленные отсылочные нормы. Например, обмер и обвес потребителей (ст. 1681) карался в соответствии с санкцией ст. 2257, которая в свою очередь также содержала отсылку к ст. 2238, определявшей наказание за «воровство — кражу».

Аналогичному наказанию подвергались торговцы, подделывающие какие-либо обозначения, указывавшие на сорт или качество товара. Впрочем, мастера золотых и серебряных дел в подобном случае несли ответственность, в соответствии со ст. 1919 и 1920, предусматривавшими лишение права заниматься торговлей, конфискацию поддельных изделий, — но, опять-таки содержащими отсылку к ст. 2264 для определения основного наказания. Последняя статья фактически содержала в себе только отсылку к ст. 2238.

Отдельно стоит сказать о правонарушениях приказчиков, влекущих за собой причинение ущерба купцу. Это подрыв репутации купца какими-либо действиями приказчика, связанными с торговлей, разглашение сведений, могущих повредить предпринимательской деятельности. Необходимым условием было наличие вины в форме умысла. Санкция в вышеизложенных случаях была альтернативной, в зависимости от последствий деяния и наличия смягчающих или отягчающих вину обстоятельств.

Если действие было совершено из корыстных побуждений, то фактически приравнивалось к «воровству — мошенничеству» с отягчающими вину обстоятельствами. Наказание в таком случае определялось ст. 2265.

Аналогично следующие правонарушения в сфере торговли при наличии корыстных побуждений или «злого умысла», а в некоторых случаях и без таковых, приравнивались к правонарушениям против частной собственности. Повреждение со злым умыслом приказчиком, вверенных ему товаров или иного имущества купца, подлежало наказанию в соответствии с санкцией ст. 2296 — умышленное истребление или повреждение чужого имущества, отданного на хранение или во временное владение. Продажа приказчиком товара в убыток без письменного приказа хозяина из корыстных побуждений, а также растрата товаров или иного вверенного ему имущества хозяина наказывались в соответствии со ст. 2272 — присвоение и растрата вверенного имущества.

Стоит отметить ст. 1699, согласно которой ложные счета и представления приказчика хозя-

⁸ См.: Нерсесов Н.И. Торговое право. М., 1893. С. 11.

⁹ См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. I.

ину о его торговых делах наказывались лишением всех особенных прав и преимуществ лично и по состоянию присвоенных и ссылке на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских. Если приказчик был лицом, «не изъятым от телесных наказаний», то заключению в рабочем доме на срок от трех до шести месяцев.

Среди исследуемых статей были не относящиеся прямо к сфере торговли, например, содержащие состав должностного правонарушения.

Согласно ст. 1680, чины городской и земской полиции, надзирающие за использованием торговцами мер и весов и обязанные производить их освидетельствование и поверку, подвергались за неисполнение этой обязанности удалению от должности.

Также удалению от должности подвергались государственные и общественные служащие, производящие розничную торговлю чем-либо «кроме собственных произведений». Наложение данного наказания было отнесено к компетенции административного начальства чиновника.

Наконец, говоря о нарушениях, которые разрешались в административном порядке, необходимо вернуться к анализу содержания приложения к ст. 1124 УУС, в котором они были прямо перечислены.

Ст. 1661–1662 — открытие без свидетельства или контракта трактирного заведения; содержание под своим или чужим именем большего числа заведений, чем их положено иметь одному лицу; продажа в данных заведениях товаров, предназначенных к продаже в заведениях иной специализации; наём помещения для трактирного заведения не от имени его содержателя; открытие трактир-

ного заведения в домах и строениях, в которых их законом открывать запрещено, подлежали денежным взысканиям в различных размерах. За некоторым изъятием, содержащиеся с нарушениями трактирные заведения закрывались.

Ст. 1672 — неприбитие в торговых заведениях на видном месте билетов на право торговли, за которое предусматривалось денежное взыскание.

Ст. 1689 и 1690 содержали нормы о нарушениях правил найма купеческих приказчиков, среди которых были: принятие купцами на работу в качестве приказчика лица, которое по закону не может производить торговлю, или без надлежащего свидетельства, или под именем работника, чтобы последний мог не платить пошлины, установленной за свидетельство приказчика.

Сюда же относилась торговля гербовой бумагой без специального разрешения правительства (ст. 641). В уложении о наказаниях данное деяние относилось к группе нарушений устава о гербовой бумаге.

Отмечалось, что по всем обозначенным в приложении нарушениям казенных уставов наложенные денежные взыскания не заменяются тюремным заключением, если виновные не в состоянии их заплатить (имело место исключение из общего правила, изложенного в ст. 92 Уложения о наказаниях).

Таким образом, в ходе коренной перестройки уголовного судопроизводства в России были созданы новые судебные учреждения, введены новые принципы уголовно-процессуального права. В то же время многие насущные проблемы уголовного права и процесса, в том числе разработка четких критериев определения подсудности, не получили должного разрешения.

Библиография:

1. Васильева Е.С., Нехаичик В.К. Концепция административного судопроизводства в механизме административно-правового воздействия // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 38–43.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. I. 436 с.
3. Ершова Н.В. История развития норм о подложности судебного доказательства в российском процессуальном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3. С. 319–324.
4. Нерсесов Н.И. Торговое право. М.: б/и, 1893. 115 с.
5. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. 496 с.
6. Стрелкова И.И. Подведомственность дел о потребительском банкротстве: история и перспективы развития института // Вопросы права и политики. 2012. № 3. С. 92–107.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Сенатская тип., 1910. Т. II. 586 с.

References (transliteration):

1. Vasil'eva E.S., Nekhaichik V.K. Kontsepsiya administrativnogo sudoproizvodstva v mekhanizme administrativno-pravovogo vozdeistviya // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2011. № 10. С. 38–43.
2. Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1875. T. I. 436 s.
3. Ershova N.V. Istoriya razvitiya norm o podlozhnosti sudbnogo dokazatel'stva v rossiiskom protsessual'nom zakonodatel'stve // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. № 3. С. 319–324.
4. Nersesov N.I. Torgovoe pravo. M.: b/i, 1893. 115 s.
5. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8. 496 s.
6. Strelkova I.I. Podvedomstvennost' del o potrebitel'skom bankrotstve: istoriya i perspektivy razvitiya instituta // Voprosy prava i politiki. 2012. № 3. С. 92–107.
7. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. SPb.: Senatskaya tip., 1910. T. II. 586 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: история и современность**

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию генезиса гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, в уголовном судопроизводстве России. Дается краткое описание правовой регламентации возмещения вреда, причиненного преступлением, существовавшего в различные исторические периоды, начиная от эпохи древнерусского права и заканчивая действующим законодательством. В основу статьи положено утверждение, что преступление, нарушая каждый раз объективное право, то есть закон, одновременно нарушает субъективные права граждан. В результате чего происходит так называемая кумуляция правонарушений уголовных, гражданских, семейных, трудовых и других отраслей материального права. Исследуются вопросы соотношения гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за преступление в различные исторические периоды. Исследование генезиса гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, в уголовном судопроизводстве России осуществляется при помощи историко-правового метода и сравнительно-правового анализа. Автор приходит к выводу, что уголовная политика России последовательно идет по пути гуманизации, обособления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, от уголовной ответственности (реализуемой в наказании), направленности на удовлетворение частных интересов потерпевшего. Также автор прогнозирует пути развития гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением. Научная новизна исследования состоит в том, что автор предпринимает попытку одновременного обособления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, в контексте всей истории уголовного судопроизводства России.

Ключевые слова: возмещение преступного вреда, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, гражданский иск, гражданский истец, обеспечение гражданского иска, наложение ареста, материальный ущерб, имущественный вред, гуманизация.

Последствием любого преступления является причинение вреда — имущественного, физического, морального, деловой репутации. Преступлений без вреда не бывает, как не бывает и таких, в которых отсутствует фактический потерпевший, даже если процессуальное оформление того или иного лица в качестве потерпевшего, с точки зрения УПК РФ, невозможно¹. Необходимость возмещения вреда, причиненного преступлением, никогда не вызывала сомнения. Верно высказывание профессора И.Я. Фойницкого: «преступление уничтожается не отрицанием преступной воли, а восстановлением права»². И. Кант указывал, что во всем мире нет ничего бо-

лее святого, чем право других людей, оно неприкосновенно и ненаруσιμο³.

К сожалению, официальная статистика свидетельствует, что ежегодно жертвами преступлений становятся до 4 млн чел., по данным ВНИИ МВД России, каждый четвертый гражданин России ежегодно подвергается тому или иному виду преступных посягательств⁴. Материальный ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) в 2013 г. составил 386 млрд руб.⁵

Уголовно-процессуальное законодательство в области регламентации прав потерпевших, граж-

¹ См.: Сулин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 86.

² Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным возмещением. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1888. С. 21.

³ См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: Инфра-М, 1997. С. 59.

⁴ См.: Криминологическая обстановка в Российской Федерации в 2006 г. и прогноз ее развития. М.: Всерос. НИИ МВД России, 2007. С. 43.

⁵ См.: Официальный сайт МВД РФ. URL: www.mvd.ru (дата обращения — 25 февраля 2014 г.)

© Смирнова Е.В., 2014

* Смирнова Елена Васильевна — адъюнкт кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России. [smirnova_tutaev@mail.ru] 400089, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

данского иска, его обеспечения постоянно реформируется, о чем свидетельствуют множественные изменения, вносимые в последние годы. Государственная уголовная политика, последовательно идущая по пути гуманизации, демократизации, пытаясь постоянно адаптироваться к меняющимся реалиям современного мира, безусловно свидетельствует об актуальности рассмотрения такого вопроса, как возмещение вреда, причиненного преступлением.

Согласно существующему положению, получить возмещение вреда, причиненного преступлением, возможно только в случае, когда преступление раскрыто. Уровень раскрываемости преступлений ежегодно колеблется в среднем на отметке 51–53 %. Это означает, что оставшиеся 47–49 % потерпевших от преступления не получают имущественного удовлетворения нарушенных преступлением субъективных прав. С этой ситуацией в современном правовом государстве нельзя мириться.

Далеко не всегда даже жертвы раскрытых преступлений получают удовлетворение. Это связано с несколькими факторами: самые распространенные из них — неплатежеспособность должника; неправильное определение суммы причиненного ущерба в денежном выражении. Как показывает анализ изученных уголовных дел, в тех ситуациях, когда материальные последствия не оказывают влияния на квалификацию преступления, какие-либо действия по доказыванию причиненного имущественного вреда производятся крайне редко. Согласно полученным нами данным, доказывание ущерба не производилось по 98,8 % дел о телесных повреждениях. В то время как п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, называет характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Изложенное выше безусловно свидетельствует об актуальности рассмотрения генезиса возмещения вреда, причиненного преступлением, его месте и роли в правовой системе Российской Федерации, а приведенные статистические данные обуславливают поиск путей оптимизации действующего механизма возмещения вреда, причиненного преступлением, а также поиск альтернативных путей разрешения уголовно-правового конфликта с безусловным соблюдением прав и имущественных интересов участников уголовного судопроизводства.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, осуществляется по нормам уголовного и гражданского права и процесса, а возмещение вреда, причиненного личным немущественным правам граждан, осуществляется по нормам трудового, семейного и других отраслей материального права. Вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, в разное время привлекали внимание исследователей. С разных позиций их изучали

такие ученые, как С.А. Александров, В. Варкалло, П.П. Гуреев, М.А. Гурвич, В.Г. Даев, З.З. Зинатуллин, А.Г. Мазалов, Н.С. Малейн, Е.С. Никулин, В.Т. Нор и др.

Отдавая дань уважения ученым, внесшим свой вклад в изучение вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, следует отметить, что стремительное изменение экономической обстановки в стране, увеличение частной собственности, правовое оформление личных немущественных прав требуют разработки действенных механизмов защиты прав граждан, а вместе с тем и комплекса мер по их эффективно-му восстановлению.

Институт возмещения вреда, причиненного преступлением, находится на рубеже смежных наук. Правовое регулирование данных вопросов осуществляется в тесной взаимосвязи уголовного и гражданского права и процесса и требует как комплексности подхода, так и большей степени обособления и дифференциации используемых правовых конструкций. Все это обосновывает научный и практический интерес к рассмотрению вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, а также вызывает потребность дальнейшего углубления теоретических разработок в данном направлении.

Уголовное противоправное действие (преступление), нарушая каждый раз объективное право, то есть закон, одновременно в ряде случаев нарушает субъективные права граждан и юридических лиц, порождая возникновение тех или иных правоотношений, регулируемых нормами гражданского, трудового и других отраслей материального права. В этих случаях в результате одного противоправного посягательства возникает два или более правонарушения, происходит так называемая кумуляция правонарушений уголовных, гражданских, семейных и т.д.⁶ Такой же точки зрения придерживаются правоведы А.И. Санталов, М.С. Строгович, Е.Ч. Сторожкова и др., утверждая, что при совершении преступления преступник нарушает две обязанности: гражданско-правовую и уголовно-правовую, за что привлекается как к уголовной ответственности, так и к гражданско-правовой⁷.

Понятие уголовной ответственности всю историю права находится в центре научной мысли, ей посвящены работы выдающихся ученых, таких как М.П. Карпушин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Куз-

⁶ См.: Даев В.Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 4.

⁷ См. напр.: Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 56; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 40; Сторожкова Е.Ч. Особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, возникающих из уголовных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 10.

нецова, В.И. Курляндский, А.А. Пионтковский, Н.С. Таганцев и др. Свой взгляд на эволюцию наказания как основной формы уголовной ответственности изложен автором в статье «Наказание: от карательной модели к восстановительной»⁸. В рамках настоящей статьи автор сосредоточит свое внимание на эволюции гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, в уголовном судопроизводстве России.

Начать рассмотрение эволюции гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, необходимо с эпохи Древнерусского государства. Важнейшим законодательным памятником того времени является Русская Правда. Разделения на уголовный и гражданский процесс еще не существует. Преступление, по Русской Правде, именуется обидой, а правоотношения, возникающие из преступления, регулируются между частными лицами. В литературе иногда встречается мнение, что Русская Правда не знала грани между уголовным и гражданским материальным правом, так как две формы ответственности — наказание и возмещение ущерба применялись одновременно (например, за один из видов убийства применялась вира и головничество, где вира выступает в качестве наказания, а головничество — как возмещение ущерба семье убитого). В связи с чем американский историк Д. Кайзер высказывает мнение, что в Древней Руси вообще не было уголовного права, а всякого рода правонарушения, касающиеся личности или имущества, рассматривались как гражданские и влекли за собой не наказание, а лишь возмещение ущерба потерпевшему. По его мнению, только после XIII в. постепенно на смену гражданской ответственности приходит уголовная, начинается применение наказаний⁹, а до XIII—XV вв. на Руси действовали «горизонтальные» правовые связи, то есть все уголовные и гражданские дела решались заинтересованными лицами без участия государства¹⁰.

В периоды централизации государства,словно-представительной монархии, абсолютизма и становления Российской империи уголовная и гражданско-правовая ответственность были неотделимы друг от друга. Нормы о возмещении вреда содержались в санкциях статей, потерпевший вознаграждался из имущества преступника, а в случае его несостоятельности мог быть передан потерпевшему в холопы до отработки долга, исключая приговоренных к смертной казни (ст. 39 Судебника 1497 г.). В целом, в данный период по справедливому замечанию М.Ф. Влади-

мирского-Буданова, требования истца уступают требованиям уголовного закона¹¹.

В дореформенный период (до 1864 г.) в области уголовного права действует Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое имело целый ряд указаний, относящихся к вознаграждению за вред, причиненный преступлением, но, тем не менее, вознаграждение вреда, по существу своему, составляло предмет гражданского права.

С принятием в 1864 г. судебных уставов: Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства намечается тенденция к либерализации процесса, происходит переход к состязательному процессу, осуществляется регламентация за вред и убытки, причиненные преступлением, появляется термин «гражданский истец», регулируются правила обращения с иском. Происходит окончательное разграничение ответственности уголовной и гражданско-правовой. Судебные уставы можно назвать своеобразным правовым «фундаментом» всей последующей правовой системы, функционирующей в несколько измененном виде и в настоящее время.

Именно с судебной реформы 1864 г. впервые в России появляется институт наложения ареста на имущество как реальная мера, гарантирующая возмещение потерпевшему причиненного преступлением материального ущерба. Решение о наложении ареста на имущество и в настоящее время является наиболее эффективным средством судебной защиты имущественных прав личности в уголовном судопроизводстве. Согласно ст. 268 Устава уголовного судопроизводства, судебный следователь по собственной инициативе или по инициативе потерпевшего, удостоверившись в необходимости безотлагательного принятия мер к обеспечению могущего пасть на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, входит в окружной суд с представлением о наложении запрещения или ареста на имение обвиняемого. Позднее в ст. 602—626 Устава гражданского судопроизводства 1892 г. были установлены способы и порядок наложения запрещения или ареста на имение обвиняемого¹².

Составители первого советского УПК РСФСР 1922 г. сумели по достоинству оценить собранный за время подготовки к реформе правовой материал, в связи с чем именно на базе основных идей и положений отечественной судебной реформы 1864 г. строилась первая советская судебно-правовая реформа 1922—1924 гг.

УПК РСФСР 1922 г. установил в ст. 124¹³, что следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству гражданского истца принять

⁸ Смирнова Е.В. Наказание от карательной модели к восстановительной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4. С. 85–91.

⁹ Цит. по: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 22.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Цит. по: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 85.

¹² Свод законов Российской империи. СПб., 1914. Т. XVI.

¹³ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

меры к обеспечению гражданского иска, если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда и убытков (ч. 1 ст. 124). Следовательно, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки и что есть основания ожидать предъявления гражданского иска, вправе принять меры обеспечения, хоть бы иск еще не был предъявлен (ч. 2 ст. 124).

В советском законодательстве (УК РСФСР 1926 г.) происходит смешение отраслей права, выразившееся в том, что чисто гражданская норма о возложении обязанности заглаживать причиненный вред предусмотрена законодателем как вид наказания. Эта норма также была продублирована в УК РСФСР 1960 г. и просуществовала достаточно длительное время, хотя многие процессуалисты высказывались за нецелесообразность ее сохранения¹⁴.

В советский период задачи возмещения вреда, причиненного преступлением, решались достаточно эффективно за счет репрессивного характера уголовного законодательства, масштабности использования труда осужденных, идеологии, очередности выплат, установленных нормами ГПК РСФСР 1923 г., ИТК РСФСР 1933 г.

После Великой Отечественной войны складывается отраслевое законодательство. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., ГК РСФСР 1964 г. устанавливают, что материальный ущерб, причиненный преступлением, подлежит возмещению в полном объеме. Гражданский иск мог быть заявлен потерпевшим в уголовном процессе или рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства.

Нельзя обойти вниманием законодательное решение, принятое в 1990 г. о принятии государством на себя обязанности возмещения вреда, причиненного преступлением, в случае невозможности взыскания непосредственно с виновного¹⁵. К сожалению, данное положение не было реализовано на практике по причине отсутствия бюджетных средств, а также неготовности к этому всей судебной системы.

В 1993 г. была принята Конституция РФ, вслед за международным сообществом фактически воспринявшая естественно-правовую теорию в качестве официальной государственно-правовой доктрины, в соответствии с которой признается приоритет прав и свобод личности, а обязанность по их признанию, соблюдению и защите возлагается на государство (ст. 2). Россия провозглашена демократическим правовым государством. Ст. 52 Конституции РФ декларативно провозгла-

сила, что государство обеспечивает потерпевшему компенсацию причиненного ущерба. Данное конституционное положение продублировано в отраслевом законодательстве, ч. 3 ст. 42 УПК РФ гласит: «потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением», ч. 4 этой же статьи касается возмещения морального вреда, который взыскивается в денежном выражении в размере, определяемом судом. Ч. 1 ст. 1064 ГК РФ установила: «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». Основным способом защиты и восстановления нарушенного преступлением права является гражданский иск в уголовном судопроизводстве, институт которого наиболее полно урегулирован действующим уголовно-процессуальным законодательством. Для обеспечения предъявленного в уголовном процессе иска применяется институт наложения ареста на имущество виновного. Кроме того, действующее законодательство указывает на такой способ восстановления нарушенных имущественных благ, как реституция и принятие решения о возмещении имущественного вреда по инициативе суда (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), а также добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, в рамках институтов прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием.

Следует отметить, что действующее законодательство идет по пути гуманизации уголовной политики, постепенно расширяя и вовлекая в сферу своего действия удовлетворение частных интересов потерпевшего, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные изменения в законе, последовательно реализующие политику смягчения уголовной ответственности, направленность на повышение качества правосудия, обеспечения эффективности исполнения судебных решений. Среди таких изменений необходимо указать на Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ, декриминализирующий ряд составов преступлений, Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ, исключивший нижние пределы санкций статей, а также внесший изменения, касающиеся отнесения тех или иных преступлений к различным категориям, что позволило увеличить количество составов преступлений, отнесенных к категории небольшой и средней тяжести и, как следствие, увеличить возможность прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Кроме того, принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В УПК РФ установлены нормы об особом порядке, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что непосредственно

¹⁴ См.: Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1977. С. 20; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. С. 20; Даев В.Г. Указ. соч. С. 31 и др.

¹⁵ Федеральный закон от 24.12.1990 «О собственности в РСФСР». Ст. 30.

затрагивает интересы истца в уголовном процессе. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432 установил обязанность следователя или дознавателя по принятию мер обеспечения возмещения причиненного имущественного вреда и по наложению ареста на данное имущество (ст. 160.1 УПК РФ). Как справедливо указывает В.В. Мальцев, «один из приоритетов современной уголовно-правовой политики — гуманизация ответственности лиц, совершивших, как правило, преступления небольшой или средней тяжести»¹⁶.

Исходя из изложенного, разумно предположить, что и в ближайшем будущем законодатель сохранит избранный курс, направленный на усиление

гражданско-правовой ответственности при одновременном смягчении уголовной ответственности за совершение преступления небольшой и средней тяжести, будет предпринимать дальнейшие поиски альтернативных путей разрешения уголовно-правовых конфликтов мирным путем с обязательным удовлетворением частных интересов, расширение применения имущественных наказаний. И, конечно, завершающим этот процесс шагом, следовало бы признать, принятие Российской Федерацией на себя субсидиарных обязательств по возмещению вреда, причиненного преступлением, в случаях, когда лицо, совершившее преступление не установлено или должник неплатежеспособен.

Библиография:

1. Даев В.Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 71 с.
2. Кодан С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX — начало XX вв.) // Проблемы общества и политики. 2012. № 2. С. 88–117.
3. Криминологическая обстановка в Российской Федерации в 2006 г. и прогноз ее развития. М.: Всерос. НИИ МВД России, 2007. 92 с.
4. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1977. 176 с.
5. Мальцев В.В. Освобождение от наказания в связи с тяжелой болезнью // Законность. 2005. № 4. С. 44–47.
6. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 111 с.
7. Смирнова Е.В. Наказание от карательной модели к восстановительной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4. С. 9–12.
8. Сторожкова Е.Ч. Особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, возникающих из уголовных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 18 с.
9. Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 51–61.
10. Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 218 с.
11. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 2. 432 с.
12. Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: Инфра-М, 1997. 516 с.
13. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1888. 514 с.
14. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. 240 с.
15. Шупленков О.В. Нравственные императивы русской истории // Философские исследования. 2013. № 7. С. 241–286.

References (transliteration):

1. Daev V.G. Sovremennye problemy grazhdanskogo iska v ugovnom processe. L.: Izd-vo LGU, 1972. 71 s.
2. Kodan S.V. Politiko-yuridicheskii podhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii (XIX — nachalo XX vv.) // Problemy obshchestva i politiki. 2012. № 2. С. 88–117.
3. Kriminologicheskaya obstanovka v Rossiiskoi Federacii v 2006 g. i prognoz ee razvitiya. M.: Vseros. NII MVD Rossii, 2007. 92 s.
4. Mazalov A.G. Grazhdanskii isk v ugovnom processe. M.: Yurid. lit., 1977. 176 s.
5. Mal'cev V.V. Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s tyazheloi boleznyu // Zakonnost'. 2005. № 4. S. 44–47.
6. Santalov A.I. Teoreticheskie voprosy ugovnoyi otvetstvennosti. L.: Izd-vo LGU, 1982. 111 s.
7. Smirnova E.V. Nakazanie ot karatel'noi modeli k vosstanovitel'noi // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. 2012. № 4. S. 9–12.
8. Storozhkova E.Ch. Osobennosti rassmotreniya i razresheniya grazhdanskih del, vznikayushih iz ugovnyh pravootnoshenii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Saratov, 2005. 18 s.
9. Strogovich M.S. Voprosy teorii pravootnoshenii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1964. № 6. S. 51–61.
10. Suslin A.V. Ugovolno-pravovye sredstva obespecheniya vozmesheniya vreda poterpevshim: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2005. 218 s.
11. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. / pod obsh. red. O.I. Chistyakova. M.: Yurid. lit., 1984. T. 2. 432 s.
12. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. dlya vuzov / отв. red. I.Ya. Kozachenko. M.: Infra-M, 1997. 516 s.
13. Foinickii I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. SPb.: Tip. M-va put. soobsh., 1888. 514 s.
14. Shargorodskii M.D. Nakazanie po sovetskomu ugovnomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1958. 240 s.
15. Shuplenkov O.V. Nrvstvvennye imperativy russkoi istorii // Filosofskie issledovaniya. 2013. № 7. С. 241–286.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2014 г.

¹⁶ Мальцев В.В. Освобождение от наказания в связи с тяжелой болезнью // Законность. 2005. № 4. С. 44–47.

Развитие представлений о заподозренном лице

Аннотация. В законодательстве и теории уголовного судопроизводства заложены предпосылки для создания заподозренного лица как проявления подозрения в различных сферах отношений. В статье предлагается понимание заподозренного лица с точки зрения следующих элементов: определение, права и обязанности, моменты начала и окончания функционирования, способы фиксации, основания возникновения, гарантии деятельности. Отправной точкой формирования положения указанного участника возникающих отношений является фактическое существование лица, в отношении которого реализуется подозрение, вне статуса подозреваемого, наличие у него прав и обязанностей, гарантий деятельности, что влечет необходимость придания ему названия и систематизации его характеристик. В результате работы представляется алгоритм возникновения и функционирования заподозренного как участника отношений, легализующих подозрение. Сформированный подход позволяет предложить правоприменителям понимание свойств заподозренного лица, способ работы с таким участником возникающих отношений, гарантии защиты его прав и законных интересов.

Ключевые слова: статус, подозрение, подозреваемый, заподозренное лицо, законодательство, теория, практика, проблематика.

В различных сферах деятельности отмечается процессуальная и внепроцессуальная активность подозрения. При этом наблюдается отсутствие адекватных форм его реализации. Во-первых, вызывает критику статус подозреваемого как процессуальной формы реализации подозрения в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, многочисленные нормы российских законов и подзаконных актов, международного уголовного судопроизводства содержат возможности создания статуса исходя из фактического положения лица. Такие ситуации часто возникают в практике уголовного судопроизводства, но не обеспечены определенной процессуальной или иной формой. Сложившийся подход влечет необходимость его осмысления и предложения законодателю и соответственно правоприменителю оптимального и эффективного механизма научной и правовой легализации факта существования еще одного участника таких отношений. Одним из предлагаемых вариантов, на наш взгляд, может быть идея о заподозренном лице как первоначальной форме реализации подозрения. Создание заподозренного обусловлено многими обстоятельствами как исторического характера, так и содержанием современного законодательства, как международными установлениями, так и зарубежным опытом уголовного судопроизводства, как предложениями ученых, так и российской правоприменительной практикой¹.

Кроме того, в основе идеи о разработке статуса заподозренного лежит понимание подозрения как предположения, то есть возможности совершения незаконного поступка (в нашем случае — преступления). Вместе с тем такое допущение не является обвинением, а значит, обладает иной информационной нагрузкой с позиции аргументированности, достаточности. Здесь, используя философско-логические установки, мы показываем вероятный характер подозрения, которое необходимо наполнить содержанием, используя процессуальный путь, обосновать его и усилить степень допустимости. При этом предположение о причастности к деянию может возникнуть в ходе различных видов деятельности (уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и иной).

Подозрение как явление возникает в следующих типичных ситуациях:

- предположение о причастности к преступлению выдвигается в отношении конкретного лица. Например, имеются основания полагать, что гражданин С., распространяет наркотические вещества, в связи с чем в отношении него проводится необходимое и позволившее действие (проверочная закупка);
- предположение о причастности к преступлению формируется в отношении неустановленного лица. Например, неизвестный мужчина, используя нож, забрал у пострадавшего сотовый телефон.

¹ Анализ таких обстоятельств был предпринят автором, см., напр.: Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выра-

жения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 1474–1481.

© Сопнева Е.В., 2014

* Сопнева Елена Владимировна — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел РФ.

[sopneva@mvd.stavedu.ru]

355045, Россия, г. Ставрополь, ул. Пирогова, д. 46/2, кв. 44.

В любом из приведенных случаев субъект формулирования подозрения обязан провести правильный процесс познания информации, которая должна быть объективной. Юридическая составляющая такого подхода определяет необходимость установления фактической информации о преступлении и лице, к нему причастном, выбора наиболее целесообразного инструментария в виде проводимых мероприятий, использования способов исключения субъективной трактовки установленных фактов.

Специфика возникающих при этом отношений влечет необходимость создания и особого статуса — заподозренного.

Характеристика заподозренного лица может включать следующие элементы:

- определение как групповое и индивидуальное понимание участника отношений;
- права как возможности реализации своей функции;
- обязанности как элемент должного поведения;
- моменты появления и прекращения как характеристики начала и окончания реализации своей функции;
- способ фиксации как проявление уголовно-процессуальной формы;
- основания инициирования как часть обоснования возникновения статуса;
- гарантии как необходимый атрибут обеспечения защиты, реализации и восстановления прав, свобод и законных интересов.

Осмысление и формирование теоретических свойств заподозренного лица позволяют в дальнейшем обеспечить качественную реализацию его статуса в законодательстве. Например, путем нормативного установления его прав и обязанностей в ст. 46.1 УПК РФ «Заподозренное лицо». Кроме того, предлагаемый вариант понимания заподозренного лица может оказать содействие правоприменителю в реализации отношений, участником которых он является.

Проведенный анализ различного рода источников² позволяет нам предложить следующее определение заподозренного лица.

Заподозренный — это лицо, в отношении которого выдвинуто предположение о его причастности к преступлению. Считаем, что целесообразно отразить в основных понятиях, а именно в п. 12.1 ст. 5 УПК РФ «Заподозренное лицо», понимание этого участника возникших отношений.

Полагаем, что разработка характеристик заподозренного лица необходима:

- как быстрое и качественное реагирование науки на потребности развивающейся практики уголовного судопроизводства;
- как механизм единообразного понимания сложившейся категории и ее правоприменения;

- как вариант использования ресурсов уголовно-процессуального и иного законодательства;
- как быстрый этап официальной реализации фактически возникшего подозрения;
- поскольку позволяет максимально оперативно начать процесс осуществления таким лицом своих прав;
- так как обеспечивает возникновение должного поведения путем выполнения обязанностей;
- для включения механизма использования гарантий;
- как способ реализации уголовно-процессуальной формы;
- как адекватный вариант воплощения решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, применения положений УПК РФ, Федерального закона «О полиции», Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

При этом отметим, что статус подозреваемого не тождественен положению заподозренного лица, не позволяет выполнить его «процессуальные запросы». Однако между заподозренным и подозреваемым лицом имеются общие черты. Например, основанием создания соответствующих статусов является подозрение, они представляют сторону защиты и выполняют соответствующую роль.

Наряду с общими чертами, имеются и существенные отличия как на данный момент, исходя из действующего теоретического понимания и нормативного закрепления, так и в перспективе, которые будут «звучать ярче» при принятии предложения по разработке и реализации статуса заподозренного лица.

Итак, отличают заподозренное лицо от подозреваемого как смежного понятия:

- разная совокупность норм, устанавливающих элементы статуса. Например, для заподозренного они прописаны в ст. 144 УПК РФ, а для подозреваемого указаны в ст. 46 УПК РФ;
- права. Например, правом заподозренного является дача объяснения, подозреваемый же уполномочен давать показания;
- обязанности. Например, заподозренный обязан подчиняться требованиям следователя, а подозреваемый — выполнять правила избранной меры пресечения;
- моменты появления и прекращения статуса. Например, фактическое задержание гражданина сотрудником полиции иницирует статус лица, которое мы предлагаем называть заподозренным, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица следователем создает статус подозреваемого. Или же

² См.: Сопнева Е.В. Указ. соч.

трансформация заподозренного в подозреваемого позволяет говорить о прекращении статуса одного и создании статуса другого;

- механизм легализации. Например, фактически статус заподозренного может создать сотрудник полиции, иного правоохранительного органа, начав осуществлять действия (например, задержание), реализующие подозрение. Инициация подозреваемого лица осуществляется уполномоченными на то органами или лицами. Так, возбудить уголовное дело в отношении лица может орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь; задержать по подозрению в совершении преступления уполномочены орган дознания, дознаватель, следователь; избрать меру пресечения — дознаватель, следователь; оформить уведомление о подозрении вправе дознаватель;
- разная совокупность и статус данных, позволяющих инициировать каждого участника отношений. Такая информация должна характеризоваться количественным и качественным показателями. Отметим, что подозрение как основание легализации статусов заподозренного и подозреваемого лиц характеризуется разной степенью вероятной причастности к преступлению (от достаточного минимума к необходимому максимуму), разными периодами возникновения и формирования (до возбуждения уголовного дела и после), разными сферами отношений (оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной);
- сущностные характеристики используемого инструментария. Например, в отношении подозреваемого лица может быть применен весь комплекс процессуальных, в том числе следственных действий, мер принуждения, предусмотренных для стадии предварительного расследования. В отношении заподозренного лица используется ограниченный комплекс мероприятий, прописанных в ст. 144 УПК РФ. Такой набор действий отличается разной степенью ограничения прав и свобод граждан, правового регулирования. При проведении процессуального перевода заподозренного лица в подозреваемого такой инструментарий усиливается.

Действующее законодательство содержит ограниченный перечень способов проверки подозрения на начальном этапе его легализации. Причем процессуальный путь подтверждения и опровержения сформированного предположения о причастности к преступлению существенным образом расширяется в дальнейшем. Так, в рамках проверочной деятельности законодатель склоняется к запрету производства большинства следственных действий. Такая ситуация складывается в период, когда требуется оперативное

использование таких способов, которые позволят принять законное и обоснованное решение, обеспечивая качественную защиту участников отношений. После же провозглашения акта о возбуждении уголовного дела, подтверждающего наличие достаточных данных о признаках преступления, законодатель существенным образом меняет свой подход. И это наблюдается в период, когда разрыв между датой совершения преступления и моментом получения процессуальной возможности использовать весь арсенал средств процесса доказывания, имеет существенные временные границы (от 3 до 30 суток).

Итак, при проверке сообщения о преступлении субъекты формирования подозрения вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Анализ ст. 144 УПК РФ в разные периоды ее наполняемости проводимыми действиями показывает изменения, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что предлагаемый комплекс мероприятий не позволял решать задачи этого этапа уголовного судопроизводства;

- сроки существования. Заподозренное лицо как элемент стадии возбуждения уголовного дела может функционировать от 3 до 30 суток. Продолжительность существования подозреваемого лица определяется принимаемыми решениями. Например, при производстве дознания подозреваемый действует большую часть процессуального времени (30 суток, 6, 12 месяцев), так как обвиняемый появляется в конце производства по такому уголовному делу при составлении дознавателем обвинительного акта.

Выделим признаки заподозренного лица как автономного участника возникающих отношений:

- это физическое лицо, выполняющее самостоятельную процессуальную роль;
- в отношении него выдвигается подозрение как предположение о причастности к преступлению. Предположение формируется на основе достаточной степени первичной информации, позволяющей высказать тезис о том, что лицо может иметь отношение к преступлению;
- является участником уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, административных и иных отношений, в рамках которых инициируется его появление субъектами названных видов деятельности;

- представляет сторону защиты и соответственно наделяется необходимыми и достаточными возможностями по реализации названной функции;
- имеет права как процессуальные возможности для осуществления своей функции;
- на него возлагаются обязанности как варианты должного поведения;
- уполномочен использовать гарантии как совокупность положений, обеспечивающих защиту его прав, свобод и законных интересов.

Представляется необходимым обратить внимание на позицию Н.И. Малыхиной, позволяющую взять за отправную точку в определении статуса термин «лицо, совершившее преступление», которое должно использоваться для обозначения объективно существовавшего на момент совершения преступления человека с присущим ему комплексом индивидуальных особенностей, которые в совокупности в той или иной мере отразились в окружающей действительности³. Тогда при возникновении ситуации в которой имеется лицо, причастное к преступлению, его статус (заподозренный, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный) может быть определен, исходя из выявленных признаков. Установление необходимых признаков лица как заподозренного в определенный момент проводимой деятельности позволяет придать ему соответствующий статус. Изменение свойств влечет трансформацию заподозренного лица в подозреваемого, его в обвиняемого, затем в подсудимого, осужденного или оправданного.

Момент появления заподозренного — это «точка» высказывания предположения о причастности лица к преступлению. Например, в ситуации, когда гражданин Н. поднял с земли и положил себе в карман выпавший из одежды гражданки М. ее сотовый телефон, последняя сформулировала в отношении него подозрение в совершении преступления и высказала его проходящему мимо наряду полиции. Обнаружение в кармане гр. Н. сотового телефона, принадлежащего гр. М., в свою очередь, позволило сформулировать сотрудникам полиции предположение о совершении грабежа и применение задержания по подозрению в совершении преступления. Как правило, внешнее проявление подозрения выражается в принятии решения и проведении действия. Такой момент может быть автономным (задержание лица сотрудником полиции) или же поглощен различными действиями процессуального (осуществление личного обыска) и внепроцессуального (проведение сотрудником полиции личного досмотра гражданина) характера. Такой

момент может возникнуть в различных сферах правоотношений (административная, оперативно-розыскная, уголовно-процессуальная деятельность), на различных этапах таких процессов (на первоначальном, последующем и окончательном), может быть реализован различными субъектами таких отношений (сотрудником полиции, иного правоохранительного органа, следователем, дознавателем).

Момент окончания действия статуса заподозренного — это «точка» отказа от его действия, реализуемого путем прекращения или же перехода названного участника отношений в другое положение. Например, статус заподозренного лица возник в рамках проверки сообщения о преступлении, который может быть довольно продолжителен (3, 10, 30 суток). Однако результатом такого процесса стало решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, что позволяет говорить о возникновении статуса подозреваемого. В ином случае, при отказе в возбуждении уголовного дела статус заподозренного прекращает свое существование.

Основаниями появления заподозренного могут быть данные, позволяющие предположить причастность лица к преступлению. Данные должны обладать количественными и качественными показателями. Количество — это достаточная степень накопляемости информации для выдвижения предположения о причастности к преступлению. Качество — это статус полученной информации (сведения могут быть доказательствами или же не обладать таким положением). Важно отметить, что такая информация характеризуется начальной степенью убедительности, но допускает предположение и позволяет начать адекватную деятельность. Позволяющая информация — это совокупность данных, систематизированных уполномоченным лицом, влекущих возможность осуществления действия и инициирования участника отношений. К ним можно отнести: поведение заподозренного (например, нервозность), внешний облик (например, использование одежды закрытого типа), местонахождение лица (например, в местах массовых мероприятий), указание на лицо как совершившее преступление.

В свою очередь, формирование такого предположения позволяет начать необходимый комплекс действий по изобличению лица в причастности к преступлению, по определению его фактического и процессуального статуса, установлению признаков лица, совершившего преступление. При осуществлении таких мероприятий и оформления соответствующих действий и будут реализованы статусы различных лиц — заподозренного, подозреваемого, а в перспективе и обвиняемого. Полагаем, что применительно к заподозренному лицу нет необходимости оформ-

³ См.: Малыхина Н.И. Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 19–21.

лять отдельный документ, провозглашающий его появление, достаточно будет фиксировать сей факт в сопутствующем документе (например, протоколе о принятии устного сообщения о преступлении, объяснении и т.д.). Однако представляется важным выдавать ему уведомление с прописанными в нем правами и обязанностями.

Ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ обязывает лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъяснить их права и обязанности, предусмотренные настоящим кодексом, и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Кроме того, в решениях Конституционного Суда РФ⁴ обращается внимание на необходимость получения лицом, в отношении которого ведется уголовное преследование, должного представления о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом в отношении него подозрении, что обеспечит эффективную защиту.

Заподозренный представляет сторону защиты и соответственно реализует эту функцию в рамках любого вида деятельности. Однако необходимо обеспечить возможность качественной реализации соответствующей роли адекватными гарантиями, к которым в числе прочих относятся права заподозренного лица. Но нельзя забывать и о наделении противоположной стороны — обвинения — необходимыми и достаточными полномочиями. К ним можно отнести обязанности заподозренного лица.

В актах разного уровня заложены основы понимания прав и обязанностей заподозренного лица. При этом нельзя ставить знак равенства между правами заподозренного лица и подозреваемого. Применительно к статусу заподозренного лица необходимо осмыслить, сформулировать его права, обеспечить правовое закрепление, разработать механизм разъяснения и реализации. И такая позиция находит поддержку в среде ученых. Например, В.Ю. Мельников предлагает разъяснять основные права и обязанности заподозренному лицу именно с момента фактического лишения свободы передвижения лица⁵.

Обращение к различным актам позволяет систематизировать права и обязанности заподозренного лица.

Так, в решениях Конституционного Суда РФ прописано право на защиту. Конституционным

правом лица, подозреваемого в совершении преступлений, является право на защиту на любых стадиях уголовного процесса от выдвинутого против него подозрения⁶. По смыслу Конституции РФ (ст. 55 ч. 3), отсутствие в законе положений, определяющих правомочия участников уголовного судопроизводства, чьи интересы существенным образом затрагиваются совершаемыми процессуальными действиями и принимаемыми решениями, не может служить основанием для ограничения их права защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами, в том числе путем обращения в суд (ст. 45 и 46)⁷.

Анализ ст. 144 УПК РФ позволяет выделить процессуальные возможности и обязанности заподозренного лица. Например, он обладает правами:

- давать объяснения;
- представлять образцы для сравнительного исследования;
- представлять документы и предметы;
- не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Помимо УПК РФ, названное правило прописано в решении Пленума Верховного Суда РФ⁸;
- участвовать в производстве действий;
- пользоваться услугами адвоката. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 9 лицо имеет право воспользоваться услугами адвоката при задержании, заключении под стражу, предъявлении обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ) если в отношении него проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ. Такое лицо имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы (абз. 3 п. 17 Постановления № 8 в новой редакции)⁹;
- на применение мер безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ,
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, сле-

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А.Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 473-О.

⁵ См.: Мельников В.Ю. К вопросу о задержании заподозренного лица в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 9–12.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рассказова Е.В. на нарушение его конституционных прав положениями части восьмой ст. 42 и ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 305-О.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова В.Ю. на нарушение его конституционных прав ст. 52 и 109 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 12.04.1999 № 69-О.

⁸ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 9.

⁹ Там же.

дователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

Однако заподозренное лицо помимо перечисленных может использовать и иные традиционные права участников уголовного судопроизводства. Например, заявлять ходатайства, отводы, получать копии документов, знать, в чем оно подозревается, пользоваться услугами переводчика бесплатно, знакомиться с документами, оформленными с его участием, и подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

К числу обязанностей заподозренного лица, взаимосвязанных с перечисленными правами, можно отнести:

- прибытие для дачи объяснений;
- предоставление образцов для сравнительного исследования;
- предоставление документов и предметов;

- информирование уполномоченных лиц об отказе от реализации права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников;
- участие в проводимых действиях;
- присутствие при проводимых мероприятиях;
- соблюдение правил проводимых мероприятий;
- информирование уполномоченных лиц о реализации права на квалифицированную юридическую помощь или об отказе от него;
- соблюдение примененных мер безопасности;
- неразглашение данных досудебного производства;
- доведение до сведения уполномоченных лиц своей позиции по поводу назначения и производства экспертизы (например, отказ от заявления ходатайств о внесении вопросов в постановление о назначении экспертизы);

Однако можно сформулировать еще ряд обязанностей, следующих из традиционно должного поведения участников уголовного судопроизводства. Это — выполнение законных требований уполномоченных органов и лиц, отказ от воспрепятствования проводимой деятельности, информирование о изменении места жительства.

Подводя итог, хотелось бы надеяться, что предлагаемое понимание заподозренного лица, позволит решить некоторые проблемы теоретического характера, окажет содействие правоприменителям, заложит основы законодательного совершенствования статуса такого участника возникающих отношений.

Библиография:

1. Мальхина Н.И. Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 19–21.
2. Мельников В.Ю. К вопросу о задержании заподозренного лица в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 9–12.
3. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 1474–1481.

References (transliteration):

1. Malykhina N.I. Opredelenie ponyatiya «litso, sovershivshee prestuplenie» // Rossiiskaya yustitsiya. 2012. № 12. S. 19–21.
2. Mel'nikov V.Yu. K voprosu o zaderzhanii zapodozrennogo litsa v ugovnom protsesse // Advokatskaya praktika. 2012. № 1. S. 9–12.
3. Sopneva E.V. Zapodozrennyi kak sposob vyrazheniya podozreniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2014. № 4. S. 1474–1481.

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2014 г.

К.А. Таболина*

Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: история и современность**

Аннотация. Настоящая статья посвящена ретроспективе развития института надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел. Автор подразделяет основные тенденции развития надзора прокурора за досудебным производством на досоветский (до октября 1917 г.), советский (с октября 1917 г. до конца 1991 г.) и постсоветский (с конца 1991 г. по настоящее время) периоды. В рамках указанной периодизации исследуется история становления прокурорского надзора за возбуждением и расследованием уголовных дел, обусловленная принятием основополагающих источников уголовно-процессуального права: Устава уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., УПК РФ 2001 г. Автор приходит к выводу, что надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел прошел длинный исторический путь, основные тенденции его развития связаны с осуществлением надзорной деятельности, в которой составной частью является уголовное преследование. Однако, несмотря на накопленный внутригосударственный опыт построения прокурорского надзора за следствием и дознанием, в последние годы прокурорский надзор за досудебным производством реформируется нелогично. Налицо недостаточность полномочий прокурора как для осуществления эффективного надзора за законностью и обоснованностью решений, принимаемых органами предварительного следствия, так и для обеспечения эффективного уголовного преследования в досудебном производстве.

Ключевые слова: юриспруденция, прокурор, надзор прокурора, уголовное преследование, полномочия прокурора, история надзора прокурора, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, расследование уголовного дела, органы предварительного расследования.

Ретроспектива развития надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел неразрывно связана с историей становления уголовно-процессуального права и прокурорского надзора в России. Основные тенденции в развитии уголовного и уголовно-процессуального права профессор Л.Н. Масленникова обуславливает развитием российской государственности в *досоветский* (до октября 1917 г.), *советский* (с октября 1917 г. до конца 1991 г.) и *постсоветский* (с конца 1991 г. по настоящее время) периоды¹. Подобную периодизацию вполне возможно распространить и на тенденции развития надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел, связанные с принятием основных источников уголовно-процессуального права: Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., УПК РФ 2001 г.

¹ См.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 18–19.

Досоветский период. Роль прокурора в досоветский период неоднократно менялась, однако с момента образования прокуратуры императором Петром I в 1722 г. и до наших дней неизменным оставалось предназначение прокуратуры — надзор за исполнением законов в государстве, в том числе при расследовании уголовных дел. Так, еще в XVIII в. прокуроры наблюдали за ходом расследования дел и имели «попечение» о «колоднических» делах, то есть осуществляли надзор по арестантским делам². По уголовным делам прокуроры следили за сроками их расследования, вникали в самое существо дела и давали оценку собранным доказательствам виновности того или иного лица³.

В 1767 г. впервые в России был провозглашен принцип государственного преследования пре-

² См.: Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Проспект: ТК Велби, 2008. С. 21.

³ Цит. по: Буглаева Е.А., Виноцкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 7–8.

© Таболина К.А., 2014

* Таболина Ксения Андреевна — аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[kysi-kyss@yandex.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

ступлений, осуществление которого возлагалось на прокуратуру. В этой связи прокуроры были обязаны возбуждать преследование по публичным преступлениям, а также наблюдать за производством предварительного следствия⁴.

Надзор прокурора за производством предварительного расследования впервые утверждается в Циркулярном ордере 22 сентября 1802 г. Генерал-прокурором и министром юстиции Г.Р. Державиным. В ордере были сформулированы основные принципы деятельности губернской прокуратуры. В соответствии с п. 5 Циркулярного ордера: «По производству уголовных дел прокуроры наблюдают, с одной стороны, чтобы не происходило где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинения невинности, а с другой — упущения и послабления преступления»⁵.

8 июля 1860 г. было принято «Учреждение судебных следователей», в котором определялись надзорные полномочия прокурора по отношению к следствию. В документе устанавливалось, что судебный следователь приступал к производству следствия и к исполнению отдельных по нему действий по письменным требованиям губернского прокурора и стряпчих (помощников и одновременно советников прокурора). Кроме того, о следствии, начатом по собственному усмотрению, а также об отправлении дела в надлежащее судебное место по окончании следствия следователь уведомлял стряпчего⁶.

Назначение прокуратуры в России было определено 29 сентября 1862 г. «Основными положениями о прокуратуре» как: «наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи»⁷. Это назначение прокуратуры не потеряло своей актуальности и сегодня.

Тем не менее до судебно-правовой реформы 1860-х гг. институт надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел только зарождался, период его становления связан с принятием 20 ноября 1864 г. УУС⁸.

УУС впервые определил в уголовном судопроизводстве за прокурором функцию надзора, а также деятельность в форме уголовного преследования как составляющий элемент надзорной функции прокурора. В соответствии с УУС (ст. 278, 279), «прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производят, но

дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают постоянно за производством следствий. По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей». Орган дознания находился в прямом подчинении прокурору, и действия полиции, производящей дознание, соответственно обжаловались прокурору (ст. 493 УУС). Полиция и судебные следователи обязаны были уведомлять прокурора о начатом расследовании уголовного дела (ст. 250, 263 УУС). Кроме того, полицейские чины должны были доносить прокурору обо всех дознаниях, переданных ими судебным следователям (ст. 255 УУС). Прокуроры могли присутствовать при производстве всех следственных действий, не останавливая хода следствия (ст. 280 УУС). Законные требования прокурора, относящиеся к расследованию преступления и собиранию доказательств, были обязательны для следователя (ст. 281 УУС). При заключении обвиняемого под стражу следователь должен был немедленно уведомить об этом прокурора, который мог требовать применения менее строгой меры принуждения (ст. 283 УУС). Судебный следователь уведомлял прокурора и о причинах, по которым не взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый (ст. 284 УУС). Также прокурор имел право предложить следователю задержать обвиняемого, оставленного на свободе или освобожденного из-под стражи, спорные вопросы между прокурором и следователем рассматривались в судебном порядке (ст. 285 УУС). По окончании расследования уголовного дела прокурор обладал полномочием требовать дополнения предварительного следствия, то есть мог направить дело на доследование (ст. 286, 512 УУС). В общем, объем полномочий прокурора по надзору за следствием и дознанием практически ничем не отличался. Кроме того, прокурор и при производстве дознания, и при производстве следствия был наделен полномочиями, позволявшими влиять на ход расследования, то есть осуществлял уголовное преследование.

Имеющие основополагающее значение для УУС Основные положения уголовного судопроизводства от 29 сентября 1862 г.⁹ (ст. 3, 4) провозглашали отделение власти обвинительной от власти судебной, при этом власть обвинительная, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежала прокурорам. Данное предписание нашло свое отражение в нормах УУС, которые предусматривали реализацию прокурором функции уголовного преследования, в том числе посредством возбуждения уголовных дел (ст. 311 УУС), и обязанности по составлению

⁴ См.: Буглаева Е.А., Виноцкий Л.В. Указ. соч. С. 8.

⁵ Цит. по: Прокурорский надзор: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Юрайт, 2014. С. 30.

⁶ См.: Там же. С. 33.

⁷ Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. С. 129.

⁸ Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1864.

⁹ См.: Основные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 г. Ч. 2: Уголовное судопроизводство. М., 1863. С. 32.

заклучения о предании обвиняемого суду (ст. 510, 519 и 520 УУС).

Таким образом, УУС усилил прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием и наделил прокурора функцией уголовного преследования. Необходимость уголовного преследования как составляющей надзорной деятельности прокурора прекрасно обосновал в свое время известный дореволюционный юрист Н.В. Муравьев: «являясь обвинителем, прокурор как орган правительства обязан преследовать преступления в общественных интересах; но будучи в то же время блюстителем закона, он ведет это преследование, во имя закона, исключительно для раскрытия истины, и притом так, что до суда на нем лежит беспристрастное участие в предварительном исследовании, а на суде, где прокурор уже действует в качестве настоящего обвинителя, права его уравниваются правами подсудимого, хотя и здесь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлечение в пользу обвинения»¹⁰. Не утратила актуальности и позиция Н.В. Муравьева, что «уголовная деятельность прокурорского надзора основана: а) на соединении задач *обвинительной с законоохранительной*; б) на обязанности *беспристрастия*; в) на преобладании начала *следственного* с многими, впрочем, проявлениями состязательного начала; г) на господстве *общественного или публичного* начала в известном, впрочем, соотношении с частными элементами процесса, и наконец д) на применении начала *закономерности*, смягченном его уместностью или *целесообразностью*»¹¹.

Итак, на концептуальном уровне надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел возник с принятием УУС, который фактически превратил прокурора в руководителя предварительным расследованием и обусловил деятельность прокурора в досудебном производстве как осуществление надзора, составляющим элементом которого является такое направление прокурорской деятельности, как уголовное преследование.

Советский период. После Октябрьской революции деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве была упразднена. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г.¹² был изменен порядок возбуждения и расследования уголовных дел, при котором прокурору не отводилась никакая-либо роль, поскольку сама прокуратура ликвидировалась. Таким образом, в течение почти пяти лет в системе государственных органов прокуратура вообще не

существовала, соответственно, надзор в досудебном производстве тоже не осуществлялся.

28 мая 1922 г. III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета утвердила Положение о прокурорском надзоре. В соответствии с Положением были определены функции прокуратуры, в том числе и непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и дознания в области раскрытия преступлений¹³.

Более детально роль прокурора при возбуждении и расследовании уголовных дел была определена УПК РСФСР 1922 г.¹⁴ По мнению О.В. Химичевой, УПК РСФСР 1922 г. в основном воспринял концептуальные идеи разработчиков УУС, учтя при этом некоторые недостатки дореволюционного процесса¹⁵.

Согласно УПК РСФСР 1922 г., общий надзор за производством дознания принадлежал прокуратуре, которая имела право знакомиться со всеми материалами дознания в любой момент и по любому делу, давать указания органам дознания о производстве процессуальных действий. Жалобы на действия органов дознания также приносились прокурору и разрешались им (ст. 109 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурором осуществлялся надзор и за производством предварительного следствия. Прокурор был вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать обязательные для исполнения указания следователю о направлении и дополнении следствия (ст. 121 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурор контролировал возбуждение уголовных дел органами предварительного расследования (ст. 101 и 112 УПК РСФСР 1922 г.). Кроме того, прокуратура обязана была возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению (ст. 9 УПК РСФСР 1922 г.), поводом к возбуждению уголовного дела являлось предложение прокурора (ст. 96 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурор мог отказать в производстве дознания или предварительного следствия, усмотрев из заявления или сообщения о преступлении отсутствие в деле признаков преступления (ст. 100 УПК РСФСР 1922 г.). Об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь сообщал прокурору (ст. 163 УПК РСФСР 1922 г.). Также прокурор мог предложить следователю избрать меру пресечения, отметить или заменить ее другой, в случае несогласия следователя с предложением прокурора вопрос разрешался судом

¹³ См.: Бессарабов В.Г. Указ. соч. 2008. С. 28.

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

¹⁵ См.: Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юнити, 2004. С. 12.

¹⁰ Муравьев Н.В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001. С. 107.

¹¹ Там же.

¹² Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

(ст. 151 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурор разрешал ходатайства следователя о выемки почтово-телеграфной корреспонденции (ст. 189 УПК РСФСР 1922 г.), выяснял причины, задерживающие окончание следствия (ст. 119 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурору обжаловались медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения и незаконные действия следователя (ст. 216 УПК РСФСР 1922 г.). Следователь также уведомлял прокурора о направлении в суд уголовного дела с мотивированным постановлением о прекращении предварительного следствия (ст. 207 УПК РСФСР 1922 г.). Определение о прекращении дела сообщалось прокурору и могло быть обжаловано им в вышестоящую судебную инстанцию (ст. 208 УПК РСФСР 1922 г.). Прокурор также выступал в суде с заключением по вопросу приостановления или возобновления после приостановления предварительного следствия (ст. 209 УПК РСФСР 1922 г.). По окончании предварительного расследования прокурор обладал полномочиями по возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования, преданию обвиняемого суду, а также по прекращению дела (гл. XIX УПК РСФСР 1922 г.).

Таким образом, УПК РСФСР 1922 г. предписывал прокурору осуществлять надзор за производством дознания и предварительного следствия (например, надзор за соблюдением сроков производства предварительного следствия), а также возбуждать уголовное преследование, руководить предварительным расследованием (в частности, давать указания органам дознания о производстве процессуальных действий, а также давать указания следователю о направлении и дополнении следствия).

В 1923 г. был принят новый УПК РСФСР, который фактически представлял собой новую редакцию УПК РСФСР 1922 г.

В соответствии с УПК РСФСР 1923 г.¹⁶ прокурору по-прежнему принадлежал общий надзор за производством дознания (ст. 107 УПК РСФСР 1923 г.) и надзор за производством предварительного следствия (ст. 118 УПК РСФСР 1923 г.). Кроме того, прокуратура также обязана была возбуждать уголовное преследование по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению (ст. 9 УПК РСФСР 1923 г.).

Отличительной чертой УПК РСФСР 1923 г. можно назвать тенденцию к усилению роли и значения прокуратуры в надзоре за предварительным следствием путем передачи прокурору от суда ряда контрольно-надзорных полномочий.

Так, например, к прокурору перешли ранее

принадлежавшие суду полномочия по решению вопроса о подследственности (ст. 124 УПК РСФСР 1923 г.), а также по разрешению споров о подследственности (ст. 127 УПК РСФСР 1923 г.). О принятии мер пресечения немедленно сообщалось прокурору (ст. 146 УПК РСФСР 1923 г.), при этом предложение прокурора об изменении меры пресечения на более легкую стало обязательным для следователя (ст. 148 УПК РСФСР 1923 г.). Продление срока содержания под стражей зависело уже не от суда, а от прокурора (ст. 162 УПК РСФСР 1923 г.). В отличие от ранее действовавшего УПК РСФСР 1922 г., в УПК РСФСР 1923 г. (ст. 212) прокурор был уполномочен рассматривать все жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Кроме того, становится обязательным присутствие прокурора при производстве обыска или выемки в помещениях дипломатических представителей иностранных государств (ст. 178 УПК РСФСР 1923 г.).

Нормы УПК РСФСР 1923 г., регулирующие порядок надзора прокурора за предварительным расследованием, подверглись серьезным преобразованиям в результате законодательных изменений 1924 г.¹⁷ Согласно новой редакции УПК РСФСР 1923 г. (ст. 122), прокуратуре было передано ранее принадлежавшее суду право разрешать заявленный против следователя отвод. В соответствии с принятыми изменениями, главной особенностью надзора прокурора за дознанием стало учреждение института надзора следователя за производством дознания при сохранении за прокурором общего надзора за действиями органов дознания. В последующем изменения законодательства были направлены на усиление надзорных полномочий прокурора в отношении следователей, которые стали организационно и процессуально подчинены прокурору¹⁸.

В период действия УПК РСФСР 1923 г. вплоть до 1950-х гг. роль прокурора по надзору за предварительным расследованием динамично увеличивалась. Конституция СССР 1936 г.¹⁹ (ст. 113) впервые наделила прокуратуру компетенцией осуществления высшего надзора за точным ис-

¹⁷ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784.

¹⁸ См.: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.09.1928 «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 117. Ст. 733; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24.07.1929 «Положение о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР» // Собрание законов СССР. 1929. № 50. Ст. 445.

¹⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

полнением законов в государстве, а также предоставила прокурору полномочие санкционирования заключения под стражу: «Никто не может быть подвергнут аресту, иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора» (ст. 127). Затем в 1955 г. было принято Положение о прокурорском надзоре в СССР²⁰ (далее — Положение), которое определяло за прокурором наряду с другими задачами привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, а также надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия (ст. 3). Согласно Положению (гл. III), прокурорский надзор в досудебном производстве был единым и не зависел от формы предварительного расследования. На прокуроров возлагалась обязанность привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности; строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах; следить за неуклонным соблюдением органами дознания и предварительного следствия установленного законом порядка расследования преступлений (ст. 17 Положения). Прокурор осуществлял надзор за тем, чтобы никто не был подвергнут аресту, иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора; при решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан был тщательно ознакомиться со всеми обосновывающими материалами, а в необходимых случаях лично допросить обвиняемого или подозреваемого (ст. 18 Положения). На прокурора также возлагалась обязанность рассматривать жалобы на действия органов дознания и предварительного следствия (ст. 21 Положения).

25 декабря 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик²¹ (далее — Основы), которые устанавливали прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве (ст. 20). Согласно ст. 31 Основ, надзор за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия осуществлялся прокурором в соответствии с Положением 1955 г. При этом указания прокурора, данные в письменной форме, были обязательны для следо-

вателя и лица, производящего дознание. Также на прокурора возлагалась обязанность возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения признаков преступления, принимать все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3 Основ).

Принципиально важное значение для надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел приобрело принятие УПК РСФСР 1960 г.²²

В соответствии с УПК РСФСР 1960 г. (ст. 116), прокурор осуществлял надзор за законностью возбуждения уголовного дела, обладая полномочием отмены соответствующего постановления следователя или органа дознания и отказа в возбуждении уголовного дела либо прекращения дела, если по нему были произведены следственные действия. В случае неосновательности отказа в возбуждении дела прокурор своим постановлением отменял состоявшееся об этом постановление органа предварительного расследования и возбуждал уголовное дело (ст. 116 УПК РСФСР 1960 г.). Также прокурор обязан был в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к раскрытию преступления (ст. 3 УПК РСФСР 1960 г.). Осуществляя надзор за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия, прокурор имел право давать указания о производстве дознания и предварительного следствия, в том числе об избрании, изменении или отмене в отношении подозреваемого и обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления; требовать от органа дознания и следователя для проверки уголовные дела, документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях; участвовать в производстве дознания и предварительного следствия и в необходимых случаях лично производить предварительное следствие или отдельные следственные действия по любому делу; отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания и следователя; прекращать уголовные дела, а также осуществлять иные полномочия, предусмотренные законом (ст. 211 УПК РСФСР 1960 г.). По уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, прокурор имел право утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд; возвратить дело органу дознания или следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного расследования или пересоставления обвинительного заключения; прекратить дело, составив о

²⁰ Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное Указом Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

²¹ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

²² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

том постановление; составить новое обвинительное заключение, а ранее составленное — из дела изъять и вернуть органу дознания или следователю с указанием обнаруженных неправильностей (ст. 214 УПК РСФСР 1960 г.).

Таким образом, УПК РСФСР 1960 г. предусматривал надзор прокурора за законностью возбуждения уголовного дела и надзор за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия в единых процессуальных формах, вне зависимости от органа, осуществлявшего предварительное расследование. Надзор прокурора включал в себя и деятельность в форме уголовного преследования. Несмотря на то, что в УПК РСФСР 1960 г. термин «уголовное преследование» не использовался, прокурор осуществлял уголовное преследование через предоставленные ему полномочия по руководству предварительным расследованием (например, право давать указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения; возвращать уголовные дела органу дознания и следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования).

Постсоветский период. Концепция надзора прокурора, включающая не только надзор, но и уголовное преследование, впервые была подвергнута критике в Концепции судебной реформы в РСФСР²³ (далее — Концепция). В Концепции указывалось, что соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за расследованием противоречит системному подходу и вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Концепция предусматривала признание в прокурорской деятельности функции уголовного преследования доминирующей, а также отказ от эпитета «высший» по отношению к прокурорскому надзору. В Концепции предполагалось наделение прокурора достаточно широким объемом полномочий в досудебном производстве, в том числе правом возбуждения уголовного дела; ознакомления с материалами уголовного дела; присутствия при производстве следственных действий; дачи указаний органу дознания и следователю о направлении расследования, выяснении определенных обстоятельств, дополнении расследования; обоснования перед судом необходимости производства следственных действий, требующих судебной санкции. Концепция признания в прокурорской деятельности функции уголовного преследования доминирующей не нашла своего закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.

УПК РФ 2001 г.²⁴ (ч. 1 ст. 37) определил прокурора как должностное лицо, уполномоченное осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор был уполномочен как самостоятельно возбуждать уголовное дело, так и давать согласие дознавателю и следователю на возбуждение уголовного дела; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; отменять незаконные или необоснованные постановления следователя или дознавателя, а также осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Следует отметить, что полномочия прокурора в отношении органов предварительного расследования ч. 2 ст. 37 УПК РФ не разделяет на полномочия по надзору и на полномочия по уголовному преследованию. Таким образом, весь объем процессуальных полномочий прокурора в ходе досудебного производства, указанный в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, выступает обоснованием того, что полномочия по уголовному преследованию неразрывно связаны с полномочиями по надзору, а именно уголовное преследование является составной частью прокурорского надзора.

Тем не менее в 2007 г.²⁵ из общего объема полномочий прокурора, определяющих прокурорский надзор и уголовное преследование, были исключены те полномочия, которые обеспечивали процессуальное руководство следствием, то есть уголовное преследование по делам, подследственным следователям, что вряд ли можно признать обоснованным. Без какой-либо глубокой научной аргументации прокурор был лишен полномочий возбуждения уголовных дел, отмены незаконных или необоснованных постановлений следователя, а также многих иных полномочий. Подобное лишение прокурора полномочий не позволяет ему максимально эффективно осуществлять прокурорский надзор, поскольку он не может влиять на устранение выявленных нарушений.

В заключение стоит отметить, что надзор прокурора за возбуждением и расследованием

²³ Концепция судебной реформы в РСФСР, утвержденная Постановлением ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

²⁵ См.: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

уголовных дел прошел длинный исторический путь, основные тенденции его развития так или иначе связаны с осуществлением надзорной деятельности, в которой составной частью является уголовное преследование (процессуальное руководство за возбуждением и расследованием уголовных дел). Однако объем процессуальных полномочий, позволяющий прокурору осуществлять надзор, включающий и уголовное преследование, на протяжении 150 лет постоянно менялся. Несмотря на накопленный внутригосударственный опыт построения прокурорского

надзора за следствием и дознанием, в последние годы прокурорский надзор за досудебным производством реформируется нелогично. Налицо недостаточность полномочий прокурора как для осуществления эффективного надзора за законностью и обоснованностью решений, принимаемых органами предварительного следствия, так и для обеспечения эффективного уголовного преследования в досудебном производстве. Данное обстоятельство негативным образом влияет на осуществление уголовного преследования прокурором в суде.

Библиография:

1. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Проспект: ТК Велби, 2008. 544 с.
2. Буглаева Е.А., Веницкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия. М.: Юрлитинформ, 2013. 216 с.
3. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 47 с.
4. Муравьев Н.В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001. С. 102–129.
5. Прокурорский надзор: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Юрайт, 2014. 639 с.
6. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. 305 с.
7. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юнити, 2004. 287 с.

References (transliteration):

1. Bessarabov V.G. Prokurorskii nadzor: uchebник. М.: Prospekt: TK Velbi, 2008. 544 s.
2. Buglaeva E.A., Venitskii L.V. Uchastie prokurora v khode predvaritel'nogo sledstviya: monografiya. М.: Yurilitinform, 2013. 216 s.
3. Maslennikova L.N. Publichnoe i dispozitivnoe nachala v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. М., 2000. 47 s.
4. Murav'ev N.V. Obshchie osnovaniya prokurorskoi deyatel'nosti po ugovolnym delam // Dorevol'yutsionnye yuristy o prokurature (sbornik statei). Nauchnyi redaktor, sostavitel' S.M. Kazantsev. SPb.: Yurid. Tsentr Press, 2001. S. 102–129.
5. Prokurorskii nadzor: uchebник dlya vuzov / O.S. Kapinus [i dr.]; pod obshch. red. O.S. Kapinus; nauch. red. A.Yu. Vinokurov. М.: Yurajt, 2014. 639 s.
6. Rokhlin V.I. Prokurorskii nadzor i gosudarstvennyi kontrol': istoriya, razvitie, ponyatie, sootnoshenie. SPb.: Yurid. Tsentr Press, 2003. 305 s.
7. Khimicheva O.V. Kontseptual'nye osnovy protsessual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo sudoproizvodstva. М.: Yuniti, 2004. 287 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Институт отвода по Уставу уголовного судопроизводства и УПК РФ: актуальные параллели**

Аннотация. Проведено исследование основных положений института отвода по Уставу уголовного судопроизводства. Проведены параллели с нормами действующего УПК РФ в этой части. Раскрыты основания, процессуальный порядок отвода судьи, прокурора, судебного следователя и присяжного поверенного по Уставу уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено требованиям, предъявляемым к заявлению об отводе, вопросу о бремени доказывания обстоятельств, исключающих участие судьи в уголовном судопроизводстве, кругу субъектов, уполномоченных принимать решение об отводе участников процесса. Проведен анализ решений Конституционного Суда РФ, опрос практических работников. При написании статьи были использованы методы: исторический, сравнительно-правовой, анализа, сравнения, опроса, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный. Можно отследить заметное сходство действующего УПК РФ и положений Устава уголовного судопроизводства в регламентации института отвода участников уголовного процесса. Между тем очевидны и различия: УПК РФ содержит больше возможностей для заявления отвода, реализуя идею публичности этого института. Решение в Уставе уголовного судопроизводства вопроса о субъекте, уполномоченном принимать решение об отводе, в большей мере соответствует идее состязательности уголовного процесса.

Ключевые слова: субъект, осуществляющий отвод, процессуальный порядок отвода, основания отвода, субъекты, подлежащие отводу, заявление об отводе, уголовное судопроизводство, отвод, Устав уголовного судопроизводства, УПК РФ, институт отвода.

Институт отвода, определяя основания и процессуальный порядок отстранения субъектов уголовного процесса от участия в нем, играет немаловажную роль в определении процессуального статуса и обеспечении прав участников процесса. Интересно провести параллели между положениями действующего УПК РФ и Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) в части его основных характеристик.

УУС особо регламентировал основания отвода судьи (ст. 600)¹. Основания для отвода судебного следователя, прокурора, секретаря судебного заседания признавались аналогичными им (ст. 273, 608, 610). Этот же подход характерен для действующего УПК РФ (ч. 1 ст. 61 УПК РФ)².

¹ Основания отвода мирового судьи регламентировались ст. 85 УУС.

² За тем, разве что, исключением, что он забыл обозначить секретаря судебного заседания в числе лиц, на которых распространяется ч. 1 ст. 61 УПК РФ, и не упомянул об этом в специально посвященной ему норме — ст. 68

Характеризуя круг обстоятельств, исключающих участие этих субъектов в уголовном процессе, прежде всего заметим существенную и принципиальную разницу между УУС и действующим УПК РФ. Перечень оснований отвода судьи по УУС является закрытым, в то время как УПК РФ запрещает участие судьи и иных субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 61 УПК РФ «также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» (ч. 2 ст. 61 УПК РФ).

И.Я. Фойницкий объяснил такой подход законодателя влиянием французской системы, указав, что составители уставов тем самым стремились «предупредить сутяжничество и затруднения в составлении присутствия из наличный судей»³. На наш взгляд, в этой части можно отметить не-

УПК РФ, в связи с чем теперь основания для отвода этого участника процесса в законе формально отсутствуют.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. I. С. 278.

© Таран А.С., 2014

* Таран Антонина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета.

[taran_as@rambler.ru]

443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

сомненное достоинство действующего уголовно-процессуального законодательства: оно позволяет учитывать достаточное многообразие жизненных ситуаций, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность субъектов, ведущих уголовное судопроизводство.

Что же касается самих оснований отвода, закрепленных в УУС, то мы можем увидеть те положения, из которых очевидно зародились и прошли сквозь разные эпохи нормы действующего УПК РФ. П. 1 ст. 600 УУС явно перекликается с п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, а п. 2 ст. 600 УУС — с п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ.

Интересны требования к заявлению отвода по УУС. Во-первых, оно могло быть как в устной, так и в письменной форме (ст. 601). Во-вторых, такой отвод должен был быть мотивированным: «желающий отвести судью обязан с точностью объяснить основания отвода» (ст. 602). В-третьих, он должен был быть обоснованным, а обязанность доказывания наличия данных обстоятельств или представления их источника лежала на заявителе, который должен был «представить или указать подтверждающие их доказательства» (ст. 602).

Следует отметить, что действующий УПК в отношении формы заявления отвода также не предъявляет особых требований. Но на этом сходство предъявляемых к нему требований заканчивается. В УПК РФ указание на мотивированность заявления об отводе отсутствует. Заметим, что требование мотивированности заявления об отводе было в УПК РСФСР, при этом оно предусматривалось только применительно к отводу судьи (ч. 2 ст. 61 УПК РСФСР).

Соответственно, возникает вопрос: осознанно ли законодатель убрал это положение, должно ли заявление об отводе удовлетворять этому условию?

Чтобы ответить на него, обозначим, что означает мотивированность заявления об отводе. В науке применительно к ст. 61 УПК РСФСР говорилось: «требование мотивированности обязывает лицо, заявившее отвод, привести доводы, ставящие под сомнение объективность и беспристрастность судьи»⁴. Что такое «доводы»? Являются ли они указанием на предусмотренное законом основание прекращения участия определенного субъекта в процессе, или же требуют подтверждения его фактическими обстоятельствами, а может, имеется в виду еще и представление соответствующих доказательств?

Обращаясь к решениям Конституционного Суда РФ, обнаружим его мнение на этот счет: «заявление об отводе судьи (ст. 64 УПК РФ) должно быть персонафицированным, адресованным тому судье или тому составу суда, в производстве

которого находится уголовное дело, а также содержать ссылку на объективные обстоятельства, свидетельствующие о личной заинтересованности того или иного судьи в исходе дела, а не базироваться на абстрактных предположениях»⁵.

Очевидно, что, по мнению Конституционного Суда РФ, при постановке вопроса об отводе следует не только указать на предусмотренное законом основание, но еще и дать ему конкретное фактическое наполнение. А вот по поводу необходимости представления доказательств в обоснование своей позиции ответ не столь однозначен. Для его поиска зададимся вопросом: что будет в том случае, если субъект, заявивший отвод, их не представит? На наш взгляд, отказать в удовлетворении отвода, сославшись только лишь на данное обстоятельство, субъект, ведущий уголовное судопроизводство, не вправе. Мотивом отклонения отвода может быть только установление сведений, этот отвод опровергающих. Конечно, лицо, заявившее отвод, заинтересовано в его положительном разрешении, а следовательно, в представлении доказательств. Однако оно не всегда ими располагает и не всегда имеет возможность их получить. В силу публичности института отвода, орган, отвечающий за законность процедуры производства по уголовному делу, должен в каждом случае официального заявления о недопустимости участия в процессе какого-либо субъекта, его проверить и принять обоснованное решение.

Эту публичность института отвода подчеркивает научно-практическое исследование, изданное под редакцией председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, авторы которого склоняют нас к мнению об отсутствии требования мотивированности к заявлению об отводе. В нем на вопрос о том, должен ли суд рассматривать ходатайство об отводе, если участник процесса его ничем не мотивировал, дан однозначный ответ: «да, должен». В его обоснование указано, что «по смыслу закона любое ходатайство об отводе должно быть рассмотрено независимо от того, привел ли участник процесса, заявивший ходатайство об отводе, основания, предусмотренные УПК, и обстоятельства, обосновывающие ходатайство об отводе»⁶.

В любом случае, независимо от того, признается ли мотивированность обязательным условием

⁴ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 1999. С. 61.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1623-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на Быковцева В.Г. на нарушение его конституционных прав ст.ст. 61 и 65 УПК РФ»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 422-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шеховцева Д.В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 и 2 ст. 376 и ст. 377 УПК РФ».

⁶ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 506.

заявления отвода или нет, требование обоснованности, то есть подкрепления доказательствами, к нему не предъявлялось и не предъявляется. Соответственно, субъект, ведущий уголовное судопроизводство, получив заявление об отводе, обязан собрать доказательства, свидетельствующие о наличии или отсутствии оснований отвода, в нем указанных. Бремя опровержения доводов, приводимых заявителем в обоснование наличия обстоятельств, исключающих участие адвоката в уголовном процессе, лежит на нем. Не представление участником процесса доказательств, подтверждающих его заявление об отводе, само по себе не является основанием для отказа в его удовлетворении. И в этом — существенное различие процедуры отвода по УУС и по действующему УПК РФ. Последний, очевидно, в данном случае расширяет возможности по заявлению отвода, проводя идею публичности института отвода.

Что касается времени заявления отвода судье, то оно по УУС было существенно ограничено. Согласно ст. 601, в общих судебных местах такое заявление должно было быть сделано «не позже как за день до открытия по делу судебного заседания. После сего может быть принят только такой отвод, которого причина открылась по истечении означенного срока»⁷. В этом плане УПК РФ содержит менее жесткое ограниченное — отвод судье заявляется в обычном порядке до начала судебного следствия (ч. 2 ст. 64 УПК РФ). Отметим, что этого ограничения зачастую сами судьи не придерживаются: «на практике заявленные отводы разрешаются без выяснения установленного в законе расплывчато ограничения об известности или неизвестности стороне, заявившей отвод, оснований для его заявления ранее, до судебного следствия»⁸.

В характеристике процедуры отвода вопрос о субъекте, уполномоченном его осуществлять, имеет ключевое значение. От его решения напрямую зависит объективность, беспристрастность и законность решений об отводе.

Именно поэтому он имеет особую остроту. Например, сейчас в науке активно обсуждаются с достаточно критических позиций положения закона, уполномочивающие судью разрешать отвод, ему же заявленный⁹. Неоднократные обращения граждан в связи с этим в Конституционный Суд РФ также являются некоторым индикатором законодательного неблагополучия в этом вопро-

се, хотя тот и настаивает на конституционности оспариваемых законодательных требований¹⁰.

Следует отметить, что данный подход законодателя весьма традиционен для отечественной правовой системы, он был присущ и УУС: «Суждение по предъявленному отводу принадлежит судье или суду, которому он предъявлен»¹¹.

На наш взгляд, в свете обеспечения идеи состязательности современного уголовного процесса актуально определение оптимального субъекта, осуществляющего отвод участников процесса, выполняющих противоположные функции: обвинения и защиты.

В связи с этим целесообразно вспомнить, как и кем осуществлялся их отвод в дореволюционной России, какие положения и идеи были восприняты действующим законодателем, а также, что еще значимее, существовал ли утраченный ныне позитивный опыт, который следует перенять.

В соответствии с УУС, отвод судебного следователя предъявлялся ему самому (ст. 273). Он обязан был самоустраниться от производства следствия при наличии «законных причин его отвода» и сообщить о том суду (ст. 274). УУС закреплял, что следователь представляет предъявленный против него отвод на разрешение суда (ст. 276).

Процедура отвода в УУС также была регламентирована применительно к участию прокурора в судебном разбирательстве. Рассмотрим ее, ибо принцип состязательности, провозглашающий равенство сторон, позволяет проводить некоторые аналогии, выявить наличие общих идей, положенных в основу решения определенных вопросов.

УУС упоминает об обязанности прокурора заявить самоотвод (ст. 608), о праве заявления о наличии оснований для отвода прокурора со стороны подсудимого и потерпевшего. На суд была возложена обязанность «сообщить о поступке прокурора на усмотрение его ближайшего начальства» (ст. 609).

Таким образом, УУС не наделяет судью правом принять решение об отводе прокурора. Это

⁷ Чтобы обеспечить право на отвод при таком ограничении, стороны ставились в известность о составе суда «за три дня до открытия судебного заседания» (ст. 589 УУС).

⁸ Калинкина Л.Д. Заявление и разрешение повторных отводов суду (судье) на стадии судебного разбирательства // Адвокат. 2009. № 9. С. 19–23.

⁹ См.: Гаспарян Н.С. Отвод в судопроизводстве (теория и систематизированная судебная практика): в 2 кн. М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. Кн. 1. С. 82–98.

¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 432 -О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова С.В. на нарушение его конституционных прав положением ч. 4 ст. 65 УПК РФ»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 687-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева А.Ю. на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 20, ст. 56 и ч. 1 ст. 57 ГПК РФ»; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан; Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Л.Н., Стригуна С.В., Чичерина В.П. и ООО «Афина-бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 20 ГПК РФ».

¹¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 281.

соответствует идее ст. 252 Учреждений судебных установлений, согласно которой «ни судебные места, ни председательствующие в оных не входят в обсуждение действий лиц прокурорского надзора, но о неправильных или противозаконных их поступках сообщают высшим чинам сего надзора по принадлежности или доводят до сведения министра юстиции».

Последнему, являющемуся одновременно генерал-прокурором, принадлежало исключительное право возбуждения дисциплинарного производства в данных случаях¹².

Казалось бы, в решении вопроса об органе, уполномоченном устанавливать наличие обстоятельств, исключающих участие в деле этих двух субъектов (следователя и прокурора), не было единой концепции.

Однако, на самом деле, если вспомним, что судебные следователи находились в организационном и процессуальном подчинении окружного суда¹³, то увидим четкую позицию: вопрос о наличии обстоятельств, исключающих участие в деле, решался в рамках той структуры, представителем которой участник процесса выступал.

Выделим следующие ключевые признаки процедуры отвода следователя по УУС:

1. Отводу предшествует предоставление возможности субъекту процесса, в отношении которого он заявлен, выразить свою позицию путем заявления или незаявления самоотвода. В частности, это обеспечивалось тем, что заявление о наличии оснований для отвода в компетентный орган направлялось опосредованно.
2. Отвод разрешался вышестоящим органом: в то время судебные следователи находились в организационном и процессуальном подчинении окружного суда.
3. Решение судом вопроса об отводе предполагало несогласие следователя с заявлением о наличии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу.

Рассмотрим, распространялся ли этот же подход по отношению к присяжному поверенному?

Обращение к истокам института отвода данного субъекта уголовного процесса, на первый взгляд, не дает возможность определить, какая процедура признавалась приемлемой. По УУС к участию в следствии защитник обвиняемого не допускался¹⁴. Однако практика участия присяжных поверенных на предварительном следствии постепенно появлялась, и во многом благодаря

решениям Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных¹⁵.

Вопрос о нарушении присяжным поверенным требований ст. 401, 402 Учреждений судебных установлений, определяющих круг обстоятельств, исключающих его участие в деле, решался советами присяжных поверенных¹⁶. Следовательно, именно органы адвокатского сообщества устанавливали, подлежал ли присяжный поверенный отводу или нет.

Обозначим субъектов, принимающих решение об отводе в современном уголовном процессе, и сравним с подходом УУС.

Регламентируя отвод должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, УПК РФ установил, что решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 67 УПК РФ), а об отводе дознавателя — прокурор (ст. 67 УПК РФ). Отметим, что традиционно полномочиями на отвод как следователя, так и дознавателя отечественное законодательство наделяло прокурора (ч. 3 ст. 64 УПК РСФСР). Однако федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ в ч. 1 ст. 67 УПК РФ, воспроизводившую положение ч. 3 ст. 64 УПК РСФСР, было внесено изменение, в соответствии с которым указанное полномочие у прокурора в отношении следователя было изъято. Данная новелла стала логичным следствием реформирования системы органов расследования, предусматривавшего создание системы следственных комитетов и направленного в том числе на обеспечение организационной и процессуальной независимости следователей.

Отвод защитника, согласно ч. 2 ст. 72 УПК РФ, осуществляется в порядке, установленном ч. 1 ст. 69 УПК РФ, то есть в порядке отвода переводчика. В соответствии с этой нормой, решение об отводе в ходе досудебного производства принимается дознавателем, следователем, а также судом в случаях, предусмотренных ст. 165 УПК РФ, а в ходе судебного производства — судом, рассматривающим дело, или судьей, председательствующим в суде с участием присяжных заседателей (ч. 1 ст. 69 УПК РФ).

Таким образом, если отвод следователя производится субъектом, по отношению к которому тот находится в ведомственном подчинении, то отвод защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется участником процесса, выполняющим противоположную процессуальную функцию.

¹² См. подробнее: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 519, 522, 526–527.

¹³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна: Альфа, 1995. С. 780.

¹⁴ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 783.

¹⁵ См.: Макалинский П.В. Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность Санкт-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866–1888) // Адвокат в уголовном процессе / под ред. с предисл. П.А. Лупинской. М.: Новый юрист, 1997. С. 300–306.

¹⁶ См.: Макалинский П.В. Указ. соч. С. 306–309; Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений Советов присяжных по вопросам профессиональной этики. М.: Статут, 2003. С. 70–71, 245.

Последнее вызывает нарекания. С точки зрения состязательного построения уголовного процесса, претендующего на установление равноправия сторон, наделение одной стороны полномочием на отстранение другой от участия в деле ставит вторую в зависимое положение от первой, делает состязание сторон заведомо неравным. Это уже отмечалось в науке: «Предоставление следователю права разрешать отвод адвоката-защитника представляется особенно неприемлемым. Осуществляя функцию уголовного преследования, следователь является активно действующим лицом в конфликте обвинения и защиты. Участие в деле сильного адвоката затрудняет работу следователя. Поэтому право следователя удовлетворять отвод, заявленный адвокату, способно сослужить плохую службу интересам судопроизводства»¹⁷.

В науке звучат идеи о том, что в целях оптимизации правовых гарантий предупреждения и нейтрализации противодействия участию адвоката-защитника в доказывании и в производстве следственных действий, решение об отводе либо отстранении адвоката от участия в деле в досудебном производстве должен принимать суд, для чего необходимо изменить редакцию ст. 72 УПК РФ¹⁸.

На наш взгляд, именно обращение к нормам УУС позволило бы выработать оптимальное решение данной проблемы.

Вспомним, как УУС обозначал субъектов, принимающих решение об отводе участников процесса. Регламентируя институт отводов, УУС был вполне последователен, проводя идею исключительности компетенции корпорации, наделившей своего представителя определенными полномочиями, принимать решение о невыполнении им как участником процесса своей процессуальной обязанности по заявлению самоотвода. Безусловно, в этом можно увидеть идею реализации независимости субъекта, представляющего эту корпорацию, и корпорации в целом.

Если в отношении следователя эта идея в настоящее время реализуется, то в отношении защитника — нет. Причем ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного производства.

Сопоставив законодательные подходы в анализируемом аспекте, мы увидим, что позиция УУС в большей степени соответствует правовой природе отвода — как процессуальной санкции, применяемой там, где адвокат не заявил самоотвод. Отвод защитника, таким образом, всегда предполагает, что сам он не считает, что имеются обстоятельства, исключающие его участие в деле, иначе он заявил бы самоотвод, как предписывает ч. 1 ст. 62 УПК РФ. Адвокат, не заявивший самоотвод вопреки наличию на то оснований, нарушает уголовно-про-

цессуальный закон и, соответственно, требования профессиональной этики, обязывающие его этот закон соблюдать (п. 1 ч. 1 ст. 8 КПЭА РФ). Его отвод автоматически должен поднимать вопрос о том, не были ли нарушены требования адвокатской этики, когда тот принимал и выполнял поручение. Его разрешение — прерогатива профессионального адвокатского сообщества (ч. 2 ст. 19 КПЭА). УПК РФ предполагает, что решение об отводе может быть вынесено безотносительно от позиции отводимого к доводам заявителя. На наш взгляд, лицу, которому заявлен отвод, должно быть предоставлено право знать о заявлении ему отвода и возможность выразить свое отношение к нему. Иначе он не сможет выполнить свою обязанность, предусмотренную ч. 1 ст. 62 УПК РФ, учитывая, что о наличии этих обстоятельств он мог и не знать.

Как показывает практика, уполномоченные субъекты, отводя защитника, далеко не всегда информируют адвокатское сообщество о факте нарушения адвокатом положений ч. 1 ст. 62, ст. 72 УПК РФ. Не потому ли, что опасаются ситуаций, когда процессуальному решению об отводе будет противопоставлено мнение независимого органа адвокатского сообщества, не усмотревшего нарушений в действиях адвоката? Существующая процедура отвода провоцирует использование этого процессуального института в качестве средства устранения неугодных защитников из дела, посягает на принцип независимости адвокатуры и адвокатской деятельности, противоречит состязательности. На наш взгляд, данным идеям соответствовало бы положение, согласно которому вопрос об отводе защитника в случае, когда тот не согласен с наличием обстоятельств, исключающих его участие в деле, решали бы соответствующие органы адвокатского сообщества, уполномоченные на привлечение его к дисциплинарной ответственности. Именно такое решение вопроса соответствует, на наш взгляд, идеям, положенным в основу процессуального порядка отвода в пореформенной России.

Особо хотелось бы осветить мнение практиков по вопросу о том, кто должен быть уполномочен на установление обстоятельств, исключающих участие адвоката в деле. Результаты опроса следующие (см. таб. на стр. 2586).

На наш взгляд, результаты опроса в целом демонстрируют стремление представителей того или иного института отнести вопрос об отводе адвоката к своему ведению. Отметим, что идея передать его к компетенции исполнительных органов адвокатского сообщества оказалась не чужда всем трем категориям опрошенных.

Анализ положений УУС позволяет по-новому взглянуть на институты действующего законодательства, увидеть его истоки, достоинства и недостатки, обнаружить возможные пути развития. Сказанное в полной мере справедливо по отношению к институту отвода участников уголовного процесса.

¹⁷ Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 279.

¹⁸ См.: Там же; Горбунов О.А. Противодействие законной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве (характеристика, средства предупреждения и нейтрализация): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 21.

Как вы считаете, на каких субъектов закон должен возложить полномочия по установлению наличия обстоятельств, исключающих участие защитника (адвоката-представителя потерпевшего) в деле (более 100 %, так как возможен выбор нескольких вариантов):	Следователи %	Адвокаты %	Секретари сз/ помощники судей %
Дознавателя	28,6	18	20
Следователя	71,4	24	32
Прокурора	22,9	18	32
Суд	37,1	39,4	50
Исполнительные органы адвокатского сообщества — (Президента Палаты адвокатов, Квалификационную комиссию, Совет)	25,7	51,5	12
Нет ответа	0	0	12
Иное — на адвоката	5,7	0	0
Иное — доверителя адвоката	2,9	0	0

Библиография:

1. Гаспарян Н.С. Отвод в судопроизводстве (теория и систематизированная судебная практика): в 2 кн. М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. Кн. 1. 464 с.
2. Горбунов О.А. Противодействие законной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве (характеристика, средства предупреждения и нейтрализация): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 21 с.
3. Калинин Л.Д. Заявление и разрешение повторных отводов суду (судье) на стадии судебного разбирательства // Адвокат. 2009. № 9. С. 19–23.
4. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 1999. 730 с.
5. Макалинский П.В. Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность Санкт-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866–1888) // Адвокат в уголовном процессе / под ред. и с предисл. П.А. Лупинской. М.: Новый юрист, 1997. С. 299–342.
6. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений Советов присяжных по вопросам профессиональной этики. М.: Статут, 2003. 384 с.
7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. Ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 824 с.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. I. 552 с.
9. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна, Альфа, 1995. 846 с.
10. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. 316 с.

References (transliteration):

1. Gasparyan N.S. Otvod v sudoproizvodstve (teoriya i sistematizirovannaya sudebnaya praktika): v 2 kn. M.: Federal'naya palata advokatov, 2012. Kn. 1. 464 s.
2. Gorbunov O.A. Protivodeistvie zakonnoi deyatelnosti advokata-zashchitnika v ugovolnom sudoproizvodstve (kharakteristika, sredstva preduprezhdeniya i neutralizatsiya): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2006. 21 s.
3. Kalinkina L.D. Zayavlenie i razreshenie povtornykh otvodov sudu (sud'e) na stadii sudebnogo razbiratel'stva. // Advokat. 2009. № 9. S. 19–23.
4. Kommentarii k ugovolno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR / otv. red. V.I. Radchenko; pod red. V.T. Tomina. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurait, 1999. 730 s.
5. Makalinskii P.V. Sankt-Peterburgskaya prisyazhnaya advokatura. Deyatel'nost' Sankt-Peterburgskogo soveta i obshchikh sobranii prisyazhnykh poverennykh za 22 goda (1866–1888). // Advokat v ugovolnom protsesse / pod red. i s predisl. P.A. Lupinskoi. M.: Novyi yurist, 1997. S. 299–342.
6. Pravila advokatskoi professii v Rossii: opyt sistematizatsii postanovlenii Sovetov prisyazhnykh po voprosam professional'noi etiki. M.: Statut, 2003. 384 s.
7. Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / pod obshch. red. V.M. Lebedeva. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Yurait, 2013. 824 s.
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. I. 552 s.
9. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs sovetskogo ugovolno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovolnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh. SPb.: Ravenna, Al'fa, 1995. 846 s.
10. Yuridicheskaya konfliktologiya / pod red. V.N. Kudryavtseva M.: Izd-vo IGiP RAN., 1995. 316 s.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов**

Аннотация. Предметом исследования являются особенности правовых и фактических последствий принятия судебных решений в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, влияние сокращенной формы на реализацию конституционных принципов в уголовном судопроизводстве и возможная деформация сознания правоприменителя ввиду фактического сложения с него ряда основных обязанностей. Появление, становление и развитие института уголовного процессуального права — особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Порядок заявления обвиняемым ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке без проведения судебного разбирательства. Проводится анализ действующих норм законодательства, регулирующих принятие судебных решений при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Необходимость сокращения временных и чиновничьих затрат на осуществление функции правосудия, позиционирование процесса «оптимизации судопроизводства» под видом проявления гуманистических начал и смягчения участия виновных лиц. При проведении анализа происходящих в стране и законодательстве изменений и стремления органов государственной власти последовательно совершенствовать наработанное просматривается тенденция развития упрощенных форм судебных производств, что не в последнюю очередь направлено на разгрузку судов, сокращение сроков рассмотрения дел.

Ключевые слова: судебная практика, уголовный процесс, особый порядок судопроизводства, ходатайство, обвиняемый, право, судебное решение, суд, подсудимый, закон.

В соответствии со ст. 228 УПК РФ¹, по поступившему в суд уголовному делу судья должен выяснить: подсудно ли уголовное дело данному суду; вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта; подлежит ли избранию, отмене или изменению мера пресечения; подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы; приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества; имеются ли основания проведения предварительного слушания.

Вместе с тем, как показывает практика, одним из первых, который выясняет судья при принятии уголовного дела, является вопрос, заявлено ли обвиняемым ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке без проведения судебного разбирательства.

Некоторые особенности правовых и фактических последствий принятия судебного решения в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, влияние сокращенной формы на реализацию конституци-

онных принципов в уголовном судопроизводстве и возможную деформацию сознания правоприменителя ввиду фактического сложения с него ряда основных обязанностей предлагаются к обсуждению в рамках данной статьи.

Следует отметить, что необходимость сокращения временных и чиновничьих затрат на осуществление функции правосудия, позиционирование процесса «оптимизации судопроизводства» под видом проявления гуманистических начал и смягчения участия виновных лиц волновали государственный аппарат задолго до принятия современного уголовно-процессуального закона.

Так, в качестве прародителя нынешнего особого порядка (в данной статье имеется в виду исключительно гл. 40 УПК РФ) можно назвать, например, положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г.² — первого самостоятельного отечественного кодифицированного источника уголовно-процессуального права.

Как видно из содержания гл. 7 Устава «О порядке производства судебного следствия», после подго-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек.

² URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

© Тонков В.Е., 2014

* Тонков Вячеслав Евгеньевич — кандидат юридических наук, судья, Октябрьский районный суд г. Белгорода.

[tonkov_v@bsu.edu.ru]

308015, Россия, г. Белгород, ул. Сумская, д. 76 А.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

товительной части судебного заседания, оглашения обвинительных документов, изложения существа обвинения, в случае «не возбуждающего никакого сомнения» признания подсудимым своей вины суд, не производя дальнейшего исследования, мог перейти к прениям сторон. При этом возможность сокращения установленной процедуры рассмотрения дела, как и сегодня, ставилась в зависимость от мнения иных участников, в том числе судьи, прокурора и участвующих в деле лиц, несогласие которых влекло безусловную проверку доказательств.

Вместе с тем каких-либо специально закрепленных преференций для подсудимого, за исключением общих правил о признании таких обстоятельств, уменьшающих вину и наказание фигуранта, в законодательстве того времени не имелось.

Одним из шагов на пути развития правовой системы российского государства, стремящегося к признанию, соблюдению и защите права и свободы человека и гражданина, явилось появление нового института уголовного процессуального права — особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Подобная процедура, олицетворяющая снисхождение государства к подсудимому, не чинящего препятствий в осуществлении судопроизводства, более чем востребована в тех же Соединенных Штатах Америки, где до 95 % уголовных дел рассматривается в упрощенной форме, снимающей со стороны обвинения проблему доказывания.

Непосредственное наблюдение автором статьи за ходом такого процесса в окружном суде штата Мэрилэнд позволяет заключить, что роль судьи в рассматриваемом процессе сводится к вычислению, с учетом всех обстоятельств дела и с применением законодательно закрепленных и имевших до недавнего времени обязательное значение формул, окончательной меры наказания.

В этих условиях складывается впечатление, что непризнание обвинения может быть расценено как противопоставление подсудимого государству и обществу, что влечет для первого значительно более тяжелые последствия, в том числе уголовно-правовые.

Результатом такой политики и является фактически полное устранение реальных судебных разбирательств, в которых оказываются не заинтересованными ни арбитр, ни стороны.

Готова ли Россия к подобной системе? Полагаем, что пока не совсем, поскольку первыми факторами для ее надлежащего функционирования должны являться безоговорочное и искреннее доверие общества к судебной среде в частности и к правоохранительной системе в целом, с одной стороны, и добросовестное, качественное исполнение последними своих властных полномочий — с другой. Эти факторы мы сегодня медленно, но уверенно формируем.

Хотя сегодня российские суды и рассматривают, согласно данным Верховного Суда РФ³, 62 % уголовных дел в особом порядке, данную цифру полагаю некритичной, особенно с учетом того, что значительную из указанной массы часть представляют собой уголовные дела о преступлениях против собственности, которым, по справедливому и рациональному предложению Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, пора перейти под действие административной юрисдикции⁴.

На наш взгляд, следует крайне аккуратно использовать предоставленные законом возможности в плане минимизации усилий при осуществлении правосудия, дабы не вернуться к признанию абсолютного и неоспоримого значения признательных показаний субъекта в духе «теории судебных доказательств» А.Я. Вышинского.

Так каково же состояние сегодняшнего особого порядка с позиций судебной практики, имеются ли проблемы в реализации соответствующих законоположений? Эти и другие вопросы мы попытаемся рассмотреть далее.

Напомним, что в соответствии с основными тезисами гл. 40 УПК РФ:

- обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы;
- судебное заседание в особом порядке проводится в порядке, установленном гл. 35, 36, 38 и 39 УПК РФ, без исследования и оценки доказательств, собранных по уголовному делу, однако могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание не свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания;
- описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, анализ доказательств и их оценка не отражаются;
- процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, взысканию с подсудимого не подлежат;
- приговор не может быть обжалован в апелляционном порядке по мотивам несоответствия

³ URL: <http://pravo.ru/news/view/101648/>

⁴ URL: <http://pravo.ru/news/view/101650/>

выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

По нашему мнению, в таком лаконичном формате законодателю в целом удалось заложить основы сокращенного судопроизводства, однако десятилетняя судебная практика выявила множество вопросов в применении перечисленных положений, и 5 декабря 2006 г. Пленум Верховного Суда РФ постановлением № 60 дал свои разъяснения по использованию особого порядка судебного разбирательства.

Вместе с тем некоторые разъяснения содержат обширный дискуссионный потенциал по предложенным высшим судебным органом позициям.

Так, согласно п. 3 упомянутого постановления, судам следует иметь в виду, что в нормах гл. 40 УПК РФ указаны условия постановления приговора без проведения судебного разбирательства, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению, в связи с чем при наличии соответствующего ходатайства и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом порядке, следует при назначении судебного заседания принимать решение о рассмотрении дела в особом порядке.

Учитывая, что в случае перехода из особого порядка в общий необходимо соблюдать предусмотренный ч. 4 ст. 231 УПК РФ пятисуточный срок для извещения сторон, о чем имеется специальное разъяснение в п. 9 постановления Пленума, возникает обоснованное сомнение в действительной необходимости назначать рассмотрение уголовного дела в особом порядке в случае, если судья заведомо не видит перспективы завершить дело без судебного следствия, пусть и при формальном наличии оснований для назначения слушания в особом порядке.

Полагаем, что в условиях ставшего «притчей во языцех» так называемого разумного срока уголовного судопроизводства, который в отличие от первоисточника (Конвенции о правах человека и основных свобод и позиций ее главного защитника — Европейского Суда по правам человека), у нас понимается, как любил говорить известный юрист В.И. Ленин, «архиразумно», подобные отложения разбирательства не вполне обоснованы.

Заслуживающим обсуждения представляется и фактическое умолчание в разъяснениях, как и в самом уголовно-процессуальном законе, о сохранении либо аннулировании преференций особого порядка, на которые мог бы претендовать подсудимый, при переходе в обычный порядок судопроизводства по независящим от него причинам.

Рассматривая аналогичные обстоятельства при применении особого порядка судебного разбирательства уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, Верховный Суд РФ разъяснил необходимость назначения наказания по правилам ч. 2 или 4 ст. 62 УК РФ в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обя-

зательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд в силу тех или иных оснований выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства (например, если содеянное подсудимым подлежит перекалфикации и для этого требуется исследование собранных по делу доказательств)⁵.

Возникают два вопроса: во-первых, в чем причины, по которым аналогичная позиция не сложилась у Верховного Суда РФ относительно гл. 40 УПК РФ; во-вторых, почему не уделяется соответствующее внимание возможности либо невозможности освобождения от процессуальных издержек подсудимого, рассмотрение уголовного дела которого не состоялось в особом порядке при соблюдении со стороны последнего всех необходимых по закону обязательств.

Что касается первого вопроса, возможно, досудебному соглашению отведено какое-то особое место среди уголовно-процессуальных институтов, раз для его рассмотрения не требуется даже согласие потерпевшего, без которого особый порядок, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, в принципе невозможен.

При этом ряд исследователей вполне обоснованно подвергают критике отстранение потерпевшего от решения вопросов, связанных с уголовной ответственностью за совершенное в отношении них преступление⁶.

Заявляя ходатайство об особом порядке, подсудимый заведомо соглашается на его условия, в том числе невозможность обжалования приговора по мотиву несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, и вправе в связи с этим рассчитывать на привилегии, среди которых и вопрос о наказании.

В этой связи мы не видим препятствий к применению вышеуказанных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ к правоотношениям, возникающим при рассмотрении уголовного дела и постановлении приговора по правилам гл. 40 УПК РФ.

Кроме того, надеется лицо и на освобождение его от процессуальных издержек в случае сокращенной процедуры судопроизводства. При таких обстоятельствах полагаем необходимым предложить сохранение за подсудимыми перечисленных льгот в случаях выполнения ими своих обязательств при переходе в обычный порядок рассмотрения дела по независящим от фигурантов обстоятельствам.

В пользу высказанного предложения может свидетельствовать и следующее.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля.

⁶ См.: Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.

В свое время М.С. Строгович отмечал, что от качества работы органов расследования в значительной степени зависит и качество работы суда, так как успешно и четко проведенное расследование обеспечивает суду возможность в полной мере разобраться в существе дела и дать правильное решение вопросу о виновности и ответственности преданных суду лиц. Наоборот, допущенные в стадии расследования недочеты, ошибки и пробелы нередко не могут быть исправлены судом в процессе судебного следствия, а представление в суд нерасследованных, неполных и недоброкачественных материалов обычно влечет за собой либо отложение дела слушанием и направление его к доследованию, либо же вынесение приговора, не обоснованного фактами и неправильного по существу⁷.

Приведенная позиция остается неизменной и сегодня. Более того, как нам представляется, в ближайшей перспективе она не утратит актуальности. Действительно, точное и своевременное выполнение данными государственными органами своих специфических задач, строгое соблюдение закона наилучшим образом способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

По разделяемому нами мнению Д.Ф. Минибаевой, надлежащее и справедливое осуществление правосудия по уголовным делам нередко зависит от качества проведенного предварительного следствия⁸.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию страны указывается, что «качество работы судебной системы в значительной степени зависит от положения дел в правоохранительных органах, а здесь далеко не все благополучно»⁹.

В условиях реформирования правоохранительной системы руководством государства принимаются определенные меры по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, однако их критическая оценка, содержащаяся в президентском послании, сохраняет свое значение и в настоящее время.

Практическая работа автора статьи по рассмотрению уголовных дел показывает, что нередко случаи, когда в ходе судебного заседания, проводимого по правилам гл. 40 УПК РФ, обнаруживаются неверная, излишняя уголовно-правовая оценка содеянного, иные нарушения основ квалификации преступлений со стороны органов следствия и пр.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в том же постановлении от 5 декабря 2006 г., гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих возможность переqualифицировать содеянное обвиняемым, если для этого не требуется исследования

собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Предоставленные возможности в рамках допустимого, несомненно, используются при обнаружении описанных нарушений, и, как правило, государственный обвинитель предлагает надлежащую, соответствующую обстоятельствам дела оценку, если такое изменение не требует исследования доказательств и не нарушает права на защиту.

Однако в другой ситуации, при прочих равных условиях, приведенные недостатки и необходимость «чистки» обвинения прокурором могли бы противоречить назначению и процедуре особого порядка, повлечь необходимость его прекращения и перехода в обычный порядок, что невозможно без отложения разбирательства и, как следствие, затягивания срока судопроизводства по не представляющему сложности уголовному делу, по независящим от подсудимого обстоятельствам.

В связи с изложенным, мы настаиваем на сохранении за добросовестными подсудимыми предусмотренных законом государственных уступок.

Хотелось бы упомянуть и о таком различии между двумя формами особого порядка судопроизводства, как невозможность упрощенной процедуры (гл. 40 УПК РФ) по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, в то время как в случае с досудебным соглашением никаких ограничений по категориям уголовных дел по их сложности и значимости нет.

Логике законодателя в таком противоречивом регулировании сходных процедур обнаружить достаточно сложно. Скорее всего, на это повлияло то, что нормы о судебной сделке включены в УПК РФ в 2009 г., и, соответственно, в них воспроизведены современные подходы к упрощенным производствам. Более старый вариант особого порядка существует с момента принятия УПК РФ в 2001 г.¹⁰

В 2013 г. в Государственную Думу РФ направлен законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В нем предлагается нормы УПК РФ об особом порядке дополнить положением, в соответствии с которым потерпевший будет уведомляться о ходатайстве обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства, что позволит ему до начала судебного разбирательства получить необходимые юридические консультации и сформировать свою позицию относительно ходатайства обвиняемого.

Также законопроектом предлагается новая редакция ч. 1 ст. 314 УПК РФ, расширяющая перечень преступлений, дела о которых могут быть рассмотрены в особом порядке судебного разбирательства, поскольку, как указано в пояснительной записке, лица, обвиняемые в особо тяжких преступлениях, которые не могут оказать содействие следствию в силу того, что преступление совершено

⁷ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 273.

⁸ См.: Минибаева Д.Ф. Влияние судебной практики на совершенствование предварительного следствия по уголовным делам // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 34–37.

⁹ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2009. 13 нояб.

¹⁰ Бочкарев А.Е. Факультативность упрощенных судебных производств // Российский судья. 2013. № 4. С. 15–18.

одним лицом, находятся в худшем положении, по сравнению с теми, которые совершили особо тяжкие преступления в составе организованной группы. В связи с этим они располагают сведениями об иных участниках преступлений и соответственно могут ходатайствовать о заключении досудебного соглашения. Тем самым таким обвиняемым предоставляются равные права.

Кроме того, предлагается в число обязательных оснований для рассмотрения дела в особом порядке включить не только согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и признание вины, но и согласие с размером причиненного преступлением вреда, за исключением признания размера денежной компенсации морального вреда¹¹.

Нуждается, по нашему мнению, в изменении и сам порядок заявления ходатайства о применении сокращенной формы судебного разбирательства. По смыслу ст. 315 УПК РФ, подобное ходатайство может быть заявлено в момент ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, а также на предварительном слушании, если оно, конечно, проводится.

Таким образом, если оснований проведения предварительного слушания не имеется, то обвиняемый после ознакомления с материалами уголовного дела уже не может заявить такое ходатайство, что существенно ограничивает его права в возможности выбора судебной процедуры. Нередки случаи, когда следователь, не разъясняя саму сущность особого порядка судебного разбирательства, освещает лишь два аспекта: суд не имеет права назначить более двух третей максимального срока, а осужденный не имеет права обжаловать вынесенный приговор в части доказанности вины. Зачастую воспринимается только словосочетание «не имеет права обжаловать», что в большинстве своем отталкивает человека от заявления подобного рода ходатайства.

В связи с изложенным считаем целесообразным предоставить обвиняемому право заявлять ходатайство о проведении особого порядка в ста-

дии назначения судебного заседания в течение определенного срока после получения судебного извещения, либо наряду с другими ходатайствами, которые судья в соответствии с п. 4 ст. 228 УПК РФ обязан проверить и разрешить.

Несмотря на наличие ряда нерешенных вопросов, при анализе происходящих в стране и законодательстве изменений и стремления органов государственной власти последовательно совершенствовать наработанное просматривается тенденция развития упрощенных форм судебных производств, что не в последнюю очередь направлено на разгрузку судов, сокращение сроков рассмотрения дел.

Подтверждением этого тезиса служит положение пояснительной записки к вышеупомянутому законопроекту о том, что его реализация без ущерба целям правосудия снизит расходы средств федерального бюджета, связанные с рассмотрением дела по существу и вызовами в суд участников уголовного судопроизводства, значительно сократит сроки рассмотрения уголовных дел судом.

Идеи введения сокращенных форм судопроизводства интересны и перспективны, однако, когда речь заходит об упрощении судебной процедуры, затрагивающей такие незыблемые принципы судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, как состязательность, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту, непосредственность исследования всех доказательств, пределы судебного разбирательства, необходимо учитывать главное — непременное сохранение всех процессуальных гарантий.

Требуется достаточная осторожность в применении «сокращенного суда» дабы не нивелировать роль последнего до уровня подтверждения обвинительного заключения (акта), поскольку такая модель на современном этапе развития отечественного уголовного судопроизводства может оказаться губительной не только для ее участников — неминуем крах основополагающих институтов судопроизводства, выстраданных за нелегкие годы правового строительства.

Библиография:

1. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства-шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.
2. Бочкарев А.Е. Факультативность упрощенных судебных производств // Российский судья. 2013. № 4. С. 15–18.
3. Минибаева Д.Ф. Влияние судебной практики на совершенствование предварительного следствия по уголовным делам // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 34–37.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 468 с.

References (transliteration):

1. Belkin A.R. Novelty of criminal-procedural legislation-steps forward or return to proven positions? // Uголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.
2. Bochkaev A.E. Fakultativnost' uproshchennykh sudebnykh proizvodstv // Rossiiskii sud'ya. 2013. № 4. С. 15–18.
3. Minibaeva D.F. Vliyaniye sudebnoy praktiki na sovershenstvovaniye predvaritel'nogo sledstviya po ugovol'nym delam // Rossiiskaya yustitsiya. 2010. № 5. С. 34–37.
4. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovol'nogo protsesssa. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 468 s.

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2014 г.

¹¹ URL: <http://www.rg.ru/2012/12/10/upk-proekt-site-dok.html>

А.Г. Тузов*

Пересмотр итоговых решений суда по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1960 г. (теоретический подход)**

Аннотация. В статье автор исследует становление производств пересмотра итоговых решений по уголовным делам. Основное внимание уделено основаниям и предпосылкам для введения апелляционного и кассационного производства во время двух больших реформ российского уголовного процесса — в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., а также в УПК РСФСР 1960 г. Автор рассматривает не только процедурные особенности, но и социально-политические основания преобразований, что позволяет говорить о теоретическом подходе к пересмотру приговоров, его определяющих элементах. Автор проанализировал основные научные дискуссии, развернувшиеся накануне принятия Устава уголовного судопроизводства и УПК РСФСР, в результате чего выделил общие теоретические подходы к пересмотру итоговых решений суда по уголовным делам. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что две ключевых реформы уголовного процесса в части реформирования процедур пересмотра приговоров основаны на едином подходе, с перераспределением удельного веса отдельных его элементов. Таких элементов автор выделил шесть: нетерпимость к судебным ошибкам; обеспечение механизма защиты прав и охраняемых законом интересов участников уголовного судопроизводства; рациональность процедуры; процессуальная экономия; автономия судебной системы и ее управляемость; социальная ценность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, пересмотр приговора, Устав уголовного судопроизводства, УПК РСФСР, апелляция, кассация, надзор, судебное управление, теоретический подход, задачи уголовного судопроизводства

Предпосылкой судебной реформы 1864 г. стало множество происходивших в стране социально-политических и экономических событий. Ключевым событием явилась отмена крепостного права и вызванная этим необходимость изжить сословное мышление в делах отправления правосудия¹. Так, подчинив этим изменениям поиск оптимальных форм судостроительства и судопроизводства, реформаторы обратились к самому глубинному анализу социальных отношений, наиболее чувствительных к уголовному судопроизводству, с целью не только закрепить новый социально-политический порядок, но и устранить назревшие проблемы. Например, такой комплексный подход можно увидеть в обосновании порядка обжалования приговоров.

¹ См., напр.: Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление судебных уставов 20 ноября 1984 г. Пг.: Тов. И.Д. Сытина, 1915. С. 5–7; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Равена: Альфа, 1995. С. 750 и др.

В 1862 г. авторы реформы отмечали, что «ежели слишком большое число судебных инстанций ведет лишь к замедлению дел, без явной пользы для правосудия, то назначение для некоторых важных дел о простолюдинах — различного от других дел порядка пересмотра решений противно чувству справедливости»².

Таким образом, стране требовалась эффективная система правосудия, которая была бы лишена множества серьезных недостатков. Среди ключевых недостатков уголовно-процессуальной процедуры реформаторы выделяли³:

1. медлительность производства по уголовным делам (в том числе это было связано с огромным количеством существовавших судебных инстанций, участвовавших как в рассмотрении дела, так и пересмотре приговора);

² Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 2. СПб., 1867. С. 315–316.

³ Там же. С. 1.

© Тузов А.Г., 2014

* Тузов Андрей Геннадьевич — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

[atuzov@me.com]

199026, Россия, г. Санкт-Петербург, В.О., 22-я линия, д. 7.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

2. неправильность в производстве по уголовным делам, которая predeterminedена отчасти неполнотой и неопределенностью норм закона;
3. чисто следственная система уголовного судопроизводства, в которой господствовала теория формальных доказательств, и существенное влияние на качество следствия укоренившегося в сознании сословного подхода.

Признавая, что эти проблемы могли породить и провоцировать эскалацию социальной напряженности, реформаторы помнили и о наших культурных особенностях. Несомненным преимуществом реформаторов можно признать, что они адекватно и критически проанализировали опыт иностранных государств в построении национального уголовного процесса. Заметим, что в это время в странах Европы уголовное судопроизводство, по мнению ученых юристов того времени, отличалось большей развитостью. Кроме того, юридическая мысль была более развита, чем в России. Это predeterminedило то, что до начала формирования предложений по собственной реформе судопроизводства, Министерство юстиции стимулировало юристов-ученых к изучению международной практики, которая нарабатывала большой опыт в апелляционном, кассационном и надзорном производствах, что позволяло оценивать их эффективность и применимость.

При решении вопросов об обустройстве порядка пересмотра приговоров за основу приняли наиболее эффективное уголовно-процессуальное законодательство Франции. Конечно, учитывалась и существовавшая тенденция «к упрощению и объединению судостройства с освобождением его от многочисленных инстанций, к отделению власти судебной от властей законодательной и управления, к приданию должности судьи самостоятельного и независимого положения, к введению суда присяжных и к освобождению судопроизводства от инквизиционных черт с переустройством его на началах непосредственности (устности), гласности, состязательности и постановления решения на основании внутреннего убеждения с отменой формальной теории доказательств»⁴. Однако согласие с тем, что судебная ошибка в любом случае, хоть и может быть допущена, но должна быть исправлена, не давало долгое время затихнуть спорам о формах пересмотра итоговых решений.

Так, с одной стороны, разработчики реформы придерживались взгляда, что «всякое преобразование, а тем более судебное, должно состоять преимущественно не в создании каких-либо новых учреждений, а в улучшении существующих»⁵, а с другой стороны, новая концепция уголовного

судопроизводства требовала решительных действий, в том числе направленных на изменение всей судебной системы.

Между тем следует заметить, что, несмотря на всю серьезность и тяжелые последствия допущенной и не устраненной судебной ошибки для права, инициатива по пересмотру приговоров была передана в руки участников уголовного судопроизводства, поскольку пересмотр приговоров допускался лишь с принесения ими жалоб или протестов на приговор в крайне фиксированный непродолжительный срок. Этим разработчики старались еще раз закрепить независимость суда, а также и роль сторон (включая прокурора), простимулировать их активность. Так, начиная с 1869 г., Кассационный департамент Правительствующего Сената неоднократно обращал внимание, что если на приговор с очевидной ошибкой «стороны правом обжалования не воспользуются, то приговор суда, хотя бы и постановленный с существенным нарушением закона, должен быть обращен к исполнению и может подлежать отмене лишь в порядке ходатайства о возобновлении дела»⁶.

Жаркие споры разгорелись вокруг апелляционного порядка проверки приговора. Так, накануне реформирования, апелляционный порядок подвергся резкой критике в немецкой литературе⁷, но еще и существовала методологическая проблема апелляционного порядка. Если процесс становился устным, и судом первой инстанции велся лишь протокол судебного разбирательства, то судьи апелляционного суда лишались возможности, как ранее, полностью понять, что было на суде первой инстанции. Как отмечает В.П. Ширков, «в связи с этим, возникли и основные для апелляционного производства вопросы о представлении в апелляционную инстанцию новых доказательств, а равно о пользовании прежними доказательствами, при соблюдении начал непосредственности и устности»⁸. Как следует из анализа Устава 1864 г. в части положений о пересмотре приговора мирового судьи, а также обжаловании приговора, постановленного без участия присяжных заседателей, апелляционный порядок все же сохранился. При этом и со значительными изменениями. Так, в частности, речь идет о необходимом ускорении, выразившемся в ограниченном по сроку праве принесения жалоб, конкретизации перечня лиц, которые могут принести жалобы и протесты на приговор, а также

⁴ Щегловитов И.Г. Указ. соч. С. 15–16.

⁵ Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. СПб., [1863]. С. 91.

⁶ Щипилло А. Практика Правительствующего Сената по вопросу о постановлении дополнительных приговоров в порядке 955 статьи Устава уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 5. С. 158–159.

⁷ См.: Ширков В.П. Очерк общих оснований нашего уголовного процесса по сравнению с иностранными законодательствами. Пг.: Сенат. тип., 1914. С. 76.

⁸ Там же. С. 77.

их оснований⁹. Суд апелляционной инстанции вправе исследовать и новые доказательства при необходимости, а в своем производстве руководствуется аналогией производства в суде первой инстанции.

По большому счету, любой приговор после рассмотрения его в порядке апелляции становился окончательным, и подлежал пересмотру лишь в порядке кассации, за редкими изъятиями (например, по пояснению Второго отдела государственной комиссии, приговоры по малозначительным делам не могли быть обжалованы в кассационном порядке, чтобы не отягощать судебную систему)¹⁰. Между тем однозначно был решен вопрос о создании в стране единого кассационного суда, более того, объединенного с Правительствующим Сенатом. Такое решение находило положительные отклики, поскольку должно было помочь авторитетом Сената укреплению судебной власти для будущего его автономного существования¹¹.

Но определение оснований для отмены приговоров суда первой и апелляционной инстанции, а также процедуры кассации вызвал не менее жаркие споры, чем апелляция. В частности, разработчики Устава 1864 г. полагали, что кассация должна иметь своим предметом лишь вопросы правильности применения закона и процедуры, не вдаваясь в оценку фактической стороны дела, а уж тем более не привнося в дело ничего нового¹². Между тем ограничив как предмет кассационного производства, так и основания отмены или изменения приговоров, они отказываются от детальной регламентации этих самых оснований, поскольку «Полное и точное исчисление всех форм судопроизводства, ограждающих прав судебной защиты, невозможно, а неполное и неточное поведет к развитию формализма в одних случаях на счет других и даст полную возможность прикрыть формою всякую неправду. Поэтому... удержаны лишь общие выражения закона о случаях кассации решений, что само дает нашей практике возможность разработать этот вопрос согласно с потребностями и условиями русского юридического быта»¹³. Так, в ст. 174 и 88 УУС в качестве оснований для кассации указаны¹⁴:

- 1) всякое нарушение уголовного материального закона;
- 2) существенное нарушение процедуры рассмотрения уголовного дела;

3) превышение пределов ведомства или власти, под которым понимается, например, рассмотрение дела с нарушением правил подсудности.

Надо признать, что практика не заставила себя долго ждать — Кассационным департаментом было достаточно быстро разработаны основания к отменам и изменениям приговоров, включая в том числе и понимание существенных процессуальных нарушений. Кроме того, кассационная инстанция поставила серьезный вопрос об обязательности ее решений по всем делам, рассматривающихся в судах, и стабильности судебной практики. Как отмечает Щегловитов, «Сенат постоянно провозглашал обязательность своих разъяснений для всех однородных дел, но сам же отступал от них, то давая совершенно другие разъяснения по тем же вопросам, то снова возвращаясь к первоначальным, словом, проявлял такую неустойчивость во взглядах, которая только затрудняла суды, не знавших, каких именно взглядов сената держаться»¹⁵. Негативное последствие данного подхода отмечали и цивилисты: «В настоящее время вся задача практика заключается в том, чтобы подыскать кассационное решение на данный случай. Борьба перед судом ведется не силою логики, не знанием соотношения конструкции института и системы права, не искусством тонкого толкования законов, а ссылкой на кассационные решения. Печальную картину представляют теперь судебные заседания, где мы видим как адвокаты поражают друг друга кассационными решениями и где торжествует тот, кто нашел более подходящее и притом позднейшее»¹⁶. Однозначного ответа на данный вопрос до 1917 г. найдено не было. Как видим, данная проблема сохраняет свою актуальность и поныне.

Следует также отметить, что приговоры, постановленные судом присяжных, могли быть обжалованы только в кассационном порядке и только по вопросам соблюдения надлежащей процедуры (ст. 854, 855 УУС).

Давая оценку состоявшейся судебной реформы, многие ученые отмечали, что через судебную реформу закреплялись и новые социальные отношения и их защита в судах. «Без этой спасительной реформы мы долго бы не отвыкли от наших крепостных замашек, и Бог знает, какая судьба ожидала бы крестьянскую реформу, если вскоре за ней не были громко провозглашены те начала, на которых основаны наши судебные уставы? Недостаточно написать в законе, что крепостное право уничтожено, — надо уничтожить его на практике в жизни, а это-то и есть задача судебной реформы»¹⁷.

⁹ См.: Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. С. 12, 315–316.

¹⁰ См.: Ширков В.П. Указ. соч. С. 79–80.

¹¹ См.: Щегловитов И.Г. Указ. соч. С. 37–39.

¹² См.: Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. С. 84–87.

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 553.

¹⁵ Щегловитов Н.Г. Курс русского судопроизводства. С. 49.

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1893. С. 235–236.

¹⁷ Головачев А.А. Десять лет реформ 1861–1871. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1872. С. 286–287.

Таким образом, устанавливая новый порядок пересмотра итоговых решений, авторы реформы решали общественно-политические задачи по обеспечению надлежащего правосудия. В частности, для создателей Устава уголовного судопроизводства было важно и значимо закрепить результаты отмены крепостного права, а это значит, что необходимо было в судебных реформах сделать так, чтобы минимизировать влияние сословного подхода на порядок рассмотрения дел, обеспечить равенство в получении качественного правосудия¹⁸, предусмотреть максимально доступные и оперативные механизмы устранения судебных ошибок, допущенных судом первой инстанции. Поскольку в Российской империи существовало достаточно много национальных образований с уникальными и порой несовместимыми культурными особенностями, распределившихся в различных административно-территориальных образованиях с разной плотностью населения и различным качественным социальным составом (в плане уровня образования, наличия профессиональных юристов и т.п.), судебная реформа не могла произойти в один момент¹⁹. Кроме того, реформа уголовного судопроизводства неизбежно повлекла необходимость реформирования всей судебной системы как системы государственных органов, с целью обеспечения независимости суда, в том числе и через качественное кадровое обеспечение. А потому введение нового уголовного судопроизводства осуществлялось хоть и поэтапно, с внесением изменений и дополнений в существовавший порядок судопроизводства, но неизменным оставался описанный подход относительно соотношения апелляции и кассации, а также пределов и полномочий этих инстанций.

Реформы же советского этапа развития уголовного процесса проистекали из условий политической борьбы с классовым неравенством, однако, если откинуть все политически-окрашенные основания к реформированию уголовного судопроизводства в целом, а также производств по пересмотру приговоров в частности, то общий подход не изменится сильно, а лишь сместится ряд акцентов.

Если говорить об общих посылах организации советского правосудия по уголовным делам, прослеживается стремление государства обеспечить уголовно-процессуальную деятельность фундаментом, включающим в себя, в частности, такие принципы, как²⁰:

- 1) публичность процесса;
- 2) единый и равный для всех граждан суд;

¹⁸ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 39–40.

¹⁹ См.: Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств... С. 7.

²⁰ См., напр.: Строгович М.С. Курс уголовного советского уголовного процесса. М., 1958. С. 28–31, 73–91; Мухин И.И. Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров. М., 1956. С. 3–11 и др.

3) независимости судей и их подчинения только закону;

4) установление истины по делу;

5) обеспечение процессуальных гарантий, как условие достижения целей правосудия;

6) обеспечение права на защиту, в т.ч. презумпция невиновности, элементов состязательности в судебном разбирательстве;

7) непосредственность процесса;

8) процессуальная экономия, не препятствующей установлению истины, но исключаяющей тенденции к бюрократизации процесса и волокиты.

Кроме того, сохранился в правосудии и элемент народного участия через народных заседателей, с помощью которых планировалось решить и классовый вопрос, и добиться неукоснительного всеобщего уважения и доверия суду²¹.

Естественно, при стремлении к более экономной процедуре происходит отказ от апелляции по следующим основаниям. В чистой апелляции должен происходить пересмотр дела по существу, а в результате апелляции появляется окончательный приговор. Такое положение апелляции рассматривалась как средство затягивания рассмотрения дела (волокиты), а также как избыточное дублирование функции правосудия. Не без оснований ряд исследователей отмечал, что «оторванность апелляционных судов от населения значительно ухудшает процесс рассмотрения дел в этой стадии, так как явка свидетелей и сторон, участвующих в судебном заседании апелляционного суда, чрезвычайно затруднена. В силу этого апелляционный суд вынужден был бы рассматривать и разрешать дела главным образом на основании письменных материалов. Организация апелляционных судов неизбежно породила бы известное недоверие к судам первой инстанции»²². Как отмечает А.Л. Ривлин, концепция пересмотра приговоров в советский период основывалась еще и «на достижение максимальной простоты судебной системы, доступности ее для широких масс»²³.

Помимо этого, можно заметить, что в отмене апелляции могло лежать еще одно достаточно традиционное основание, сформулированное в период подготовки судебной реформы 1864 г. Поскольку приговоры судов первой инстанции в общем порядке постановлялись с участием народного элемента (народные заседатели), то такой приговор не должен был пересматриваться тройкой профессиональных судей вышестоящего суда по существу. Это могло бы подорвать и доверие к

²¹ См.: Перлов И.Д. Советский суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. М., 1954. С. 28.

²² Мухин И.И. Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров. М.: Госюриздат, 1956. С. 13.

²³ Ривлин А.Л. Пересмотр приговоров в СССР. М.: Госюриздат, 1958. С. 43.

институту народных заседателей в целом. Кроме того, во многих правовых системах приговоры, постановленные с участием народного элемента, не пересматривались по существу, а лишь проверялись по крайне ограниченным основаниям.

Отказавшись от апелляции как формы пересмотра приговоров, реформаторы неизбежно обратились к кассации. Но столкнулись с проблемой. Кассация предполагала формализованный подход к проверке приговора по мотивам нарушения материального закона и существенного нарушения процессуального, что было неприемлемо и плохо соотносилось с необходимостью установления истины по делу²⁴. То есть проверяющий приговор суд должен был входить и в оценку доказанности фактических обстоятельств, и в оценку полноты проведенного судебного разбирательства, его объективности и всесторонности. А это уже потребовало создание собственной модели кассации, которая бы включала в себя механизмы по устранению ошибок и нарушений законодательства, укреплению законности и повышения качества работы судов первой инстанции, обеспечению защиты интересов участников уголовного процесса, защиты публичного интереса, выразившегося в установлении истины по делу²⁵. То есть кассация должна была стать не только средством защиты частного интереса сторон, но и защищать публичный интерес, а также быть эффективным средством судебного управления²⁶.

Эти принципиальные положения для советской кассации отражались и в основаниях для изменения и отмены приговоров, порядке кассационного производства. В частности, М.С. Строгович отмечал, что кассации присущ ряд принципов²⁷:

- 1) свобода обжалования судебного приговора сторонами;
- 2) сочетание проверки кассационной инстанцией соблюдения судом по делу требований закона с проверкой ею правильности установления в приговоре фактических обстоятельств дела;
- 3) ревизионный порядок в кассационном рассмотрении.

Однако стоит заметить, что полной свободы обжалования приговора не существовало, поскольку одна из функций прокурора — государственное обвинение воспринималось как часть осуществления прокурором надзора за законностью, а следовательно, свободы усмотрения у него не было — прокурор был обязан обжаловать приговор с ошибкой, иначе надзор за законностью он осуществлял некачественно. Если же прокурор этого не делал, то такой приговор мог

быть пересмотрен и иными средствами — например, в порядке надзора, когда надзорное производство могло возбудить и должностное лицо судебной системы. То есть можно констатировать, что соблюдение публичного интереса, который стремился к полному избавлению от судебных ошибок, стояло чуть ли не высшим приоритетом судопроизводства по уголовным делам²⁸.

С учетом всех приведенных выше факторов, становится совершенно очевидно, что сформулированные в советский период развития уголовного процесса основания к изменению или отмене приговоров являются следующими²⁹:

- 1) нарушение норм уголовно-процессуального законодательства (причем не всякое нарушение, а лишь существенное);
- 2) неправильное применение норм уголовного материального закона;
- 3) неполнота проведенного следствия;
- 4) необоснованность приговора;
- 5) несоответствие примененного судом наказания степени общественной опасности преступления и преступника.

Таким образом, можно сделать вывод, что в советский период развития уголовного процесса оптимизация уголовно-процессуальных процедур была направлена на их ускорение, минимизацию рисков совершения судебных ошибок, разработку комплекса мер (в том числе и в сфере уголовно-процессуальных отношений), направленных на укрепление социалистического государства, формирование у граждан доверительного отношения к суду. Кроме того, нередко уголовно-процессуальный механизм рассматривался как и средство воспитания в гражданах ответственности перед обществом и государством. С учетом того, что окончательно оформился публичный подход к пониманию уголовно-процессуальных отношений (что было естественным, поскольку «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» (В.И. Ленин)³⁰), то и нетерпимость государственной системы к судебным ошибкам была в сфере публичного интереса, отсюда и окончательно оформились механизмы ревизии приговоров, например, через надзорное производство, которое стало экстраординарной стадией уголовного процесса, а не чисто судебным управлением без процессуального закрепления, как оно понималось ранее³¹. Хотя и кассаци-

²⁴ См.: Мухин И.И. Указ. соч. С. 13–14; Ривлин А.Л. Указ. соч. С. 29.

²⁵ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 473–474.

²⁶ См.: Ривлин А.Л. Указ. соч. С. 41.

²⁷ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 478.

²⁸ См.: Там же. С. 476–477.

²⁹ См.: Ривлин А.Л. Указ. соч. С. 170.

³⁰ Цит. по: Строгович М.С. Указ. соч. С. 78.

³¹ В дореволюционной России надзор рассматривался исключительно как функция управления судебной властью, направленная на постоянную работу по повышению качества правосудия. Надзор не являлся стадией уголовного процесса, не влек за собой правовых последствий для постановленных приговоров, а надзорные обобщения имели лишь значение для формирования единообразной

онное производство рядом ученых понималось, как проявление функции судебного управления, поскольку показатели по отмене или изменению приговоров судами кассационной инстанции стали восприниматься как показатели качества работы судов первой инстанции³². Более того, суды кассационной инстанции не рассматривали жалобы, если судом первой инстанции допускались нарушения уголовно-процессуального закона после провозглашения приговора, а возвращали их, заставляя суд исправить процессуальную ошибку, например, в назначении слушания дела в суде кассационном³³. Тем самым со временем оформился еще один немаловажный элемент в подходе к пересмотру приговоров, согласно которому процедура вышестоящего суда должна быть абсолютно свободна от ошибок и недочетов.

Таким образом, из представленного исторического анализа следует, что независимо от политического контекста, принципиально подход к пересмотру итоговых решений суда не меняется. Можно выделить следующие признаки, характеризующие подход к пересмотру приговоров судов первой инстанции:

1) нетерпимость к судебным ошибкам, которая может выражаться как в основаниях к изменению или отмене приговоров суда первой инстанции, так и в праве суда выходить за пределы жалобы, или в ревизионном порядке пересматривать приговоры по собственной инициативе;

2) обеспечение механизма защиты прав и охраняемых законом интересов участников уголовного судопроизводства, выражающихся в предоставлении им права обжаловать приговор;

3) рациональность уголовно-процессуальной процедуры, которая обеспечивает поиск эффективных (в том числе и по материальным затратам) и достаточных форм уголовно-процессуального производства, учитывая социально-экономические, кадровый потенциал, стратегические и политические задачи;

4) процессуальная экономия, через которую определяются пределы и основания пересмотра дел вышестоящими судами, необходимость и пределы изучения доказательств или материалов дела, возможность применения ревизионного начала и т.п.;

5) автономия судебной системы и управляемость ею, которыми определяются степень вмешательства в самостоятельность суда первой инстанции и способы обеспечения единства судебной практики (например, обязательность решений вышестоящих судов, их прецедентный характер; вопросы подчиненности закону и т.п.);

6) социальная ценность уголовного судопроизводства (например, уголовный процесс воспринимается как средство политической борьбы, или разрешения уголовных конфликтов; направлен ли он на воспитание социальной ответственности, либо решение актуальных политических задач и т.п.).

Отсюда и следует, что использование таких классических форм пересмотра итоговых решений, как апелляционное и кассационное производство, позволяет сформировать наиболее оптимальное соотношение инстанций, предусмотреть более или менее ясные и четкие основания к изменению и пересмотру приговоров и, в конечном счете, создать доступные участникам уголовного процесса механизмы обжалования судебных решений.

Таким образом, теоретический подход к пересмотру приговоров является предельно общим для этих этапов исторического развития российского уголовного процесса. Лишь смещение акцентов на тот или иной признак приводит к реформированию системы производств по пересмотру итоговых приговоров: с апелляционного производства (устранение ошибок и восполнение разбирательства в суде первой инстанции), на кассационное (достижение правильного и единообразного применения законов) и надзорное (реализация функции судебного управления для формирования единства судебной практики в условиях большого государства).

Библиография:

1. Головачев А.А. Десять лет реформ 1861—1871. СПб.: Типография Ф.С. Сушинского, 1872. 402 с.
2. Мотовиловкер Я.О. Вопросы теории советского уголовного процесса / отв. ред. И.Д. Перлов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1971. 284 с.
3. Мухин И.И. Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров. М.: Госюриздат, 1956. 200 с.
4. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968. 396 с.
5. Перлов И.Д. Роль советского суда в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей // О роли права в использовании объективных экономических законов. М., 1954. С. 177—212.
6. Ривлин А.Л. Пересмотр приговоров в СССР. М.: Госюриздат, 1958. 308 с.

практики. См. подробнее: Щегловитов И.Г. Курс русского судостроительства. С. 331; Ривлин А.Л. Указ. соч. С. 39—41.

³² См.: Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968. С. 4.

³³ См.: Мотовиловкер Я.О. Вопросы теории советского уголовного процесса / отв. ред. И.Д. Перлов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1971. С. 232.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 607 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
10. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Равена: Альфа, 1995. 846 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1893. 244 с.
12. Ширков В.П. Очерк общих оснований нашего уголовного процесса по сравнению с иностранными законодательствами. Пг.: Сенат. тип., 1914. 98 с.
13. Шегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление судебных уставов 20 ноября 1984 г. Пг.: Тов. И.Д. Сытина, 1915. 70 с.
14. Шипилло А. Практика Правительствующего Сената по вопросу о постановлении дополнительных приговоров в порядке 955 статьи Устава уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 5. С. 158–159.

References (transliteration):

1. Golovachev A.A. Desyat' let reform 1861–871. SPb.: Tip. F. M. Suschinskogo, 1872. 402 s.
2. Motovilovker Ya.O. Voprosy teorii sovetskogo ugolovnog protsesssa / otv. red. I.D. Perlov. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1971. 284 s.
3. Mukhin I.I. Kassatsionnoe obzhalovanie, oprotestovanie i peresmotr prigovorov. M.: Gosyurizdat, 1956. 200 s.
4. Perlov I.D. Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom ugolovnom protsesse. M.: Yurid. lit., 1968. 396 s.
5. Perlov I.D. Sovetskii sud v bor'be s perezhitkami kapitalizma v soznanii lyudei // O roli prava v ispol'zovanii ob'ektivnyh ekonomicheskikh zakonov. M., 1954. S. 177–212.
6. Rivlin A.L. Peresmotr prigovorov v SSSR. M.: Gosyurizdat, 1958. 308 s.
7. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnog protsesssa. M., 1958.
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnog sudoproizvodstva: v 2 t. SPb.: Al'fa, 1996. T. 1. 607 s.
9. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnog sudoproizvodstva: v 2 t. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2. 606 s.
10. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. SPb.: Ravana: Al'fa, 1995. 846 s.
11. Shershenevich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii. Kazan': Tip. Imp. un-ta, 1893. 244 s.
12. Shirkov V.P. Ocherk obshchikh osnovanii nashego ugolovnog protsesssa po sravneniyu s inostrannymi zakonodatel'stvami. Pg.: Senat. tip., 1914. 98 s.
13. Shcheglovitov N.G. Vliyanie inostrannykh zakonodatel'stv na sostavlenie sudebnykh ustavov 20 noyabrya 1984 g. Pg.: Tov. I.D. Sytina, 1915. 70 s.
14. Shchipillo A. Praktika Pravitel'stvuyushchego Senata po voprosu o postanovlenii dopolnitel'nykh prigovorov v poryadke 955 stat'i Ustava ugolovnog sudoproizvodstva // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1916. № 5. S. 158–159.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Дознание через оковых людей как способ доказывания обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого**

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ некоторых способов доказывания обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи и по УПК РФ. Предметом исследования стали также содержание понятия «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого». Рассмотрен институт «дознания через оковых людей» с позиции получения сведений о личности обвиняемого, порядка осуществления этого процессуального института, его положительных и отрицательных элементов. Также предметом рассмотрения стали способы доказывания обстоятельств, характеризующих личность, предусмотренные УПК РФ и возможность использования исторического опыта в современной системе правоприменения. Основой методологии исследования является метод материалистической диалектики как всеобщий метод познания. В ходе исследования применялись общие и частные методы: сравнительно-правовой, системно-правовой, социологический, исторический, логический и другие методы научного познания. Затронуты вопросы необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства России.

Ключевые слова: доказывание, личность обвиняемого, Устав уголовного судопроизводства, уголовный процесс, уголовное дело, предмет доказывания, способы доказывания, субъекты доказывания, допрос свидетеля через оковых людей.

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) существовал специальный способ собирания доказательственной информации — «дознание через оковых людей». Несмотря на свое название, этот институт являлся, по сути, способом собирания доказательств по уголовному делу. Он определялся следующим образом: «Если окажется необходимым для разьяснения дела собрать сведения о занятиях, связях и образе жизни обвиняемого, или если сей последний в показаниях своих по этим предметам сошлется на местных жителей, то судебный следователь производит особое на месте дознание через оковых людей» (ст. 454 УУС). Этот способ собирания доказательств был предусмотрен как специальный для обстоятельств, характеризующих личность лица, совершившего преступление, установление которых не являлось обязательным, а лишь возможным. «Составители Судебных Уставов находили, что сведения о личности подозреваемого необходимы, так как “без этих сведений дела, в которых нет прямых доказательств, а существуют только одни улики, были бы в основном неясны для судей и присяжных заседателей, при определении степени вины подсудимо-

го и соответствующего ей наказания”. Получение сведений о личности подсудимого путем вызова в суд свидетелей представляется, по мнению составителей Судебных Уставов, не всегда возможным и сопряженным с большими затруднениями и издержками¹. Таким образом, несмотря на то, что сведения о личности подозреваемого были необходимы только в случае отсутствия «прямых доказательств», законодательство содержало специальный институт их получения.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ, доказывание обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, является обязательным условием судопроизводства. Помимо этой категории, есть целый ряд процессуальных ситуаций, когда необходимо установить обстоятельства, характеризующие личность. Например, при прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия необходимо установить, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания

¹ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

© Угольникова Н.В., 2014

* Угольникова Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России.

[nvugolnikova@yandex.ru]

117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

(ст. 427 УПК РФ), при избрании меры пресечения также необходимо учитывать сведения о личности обвиняемого (подозреваемого).

Законодательного определения или перечня обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого), нет. Отдельные нормы содержат признаки, характеристики личности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), другие нормы — общее понятие «личность обвиняемого». Например, в ст. 99 УПК РФ указываются обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения: «сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Термин «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» содержит еще одну нераскрытую дефиницию «личность обвиняемого».

Условно можно выделить два комплекта характеристик. Первый — обязательные характеристики личности обвиняемого, которые прямо указаны в законе: состояние психического здоровья (ст. 21 УК РФ); возраст (ст. 20 УК РФ); прежняя судимость; имущественное положение; семейное положение и др. Второй — иные характеристики обвиняемого, прямо не указанные в законе.

Исследования практики судопроизводства показывают, что собираются и проверяются целый ряд дополнительных обстоятельств, характеризующих обвиняемого. В частности, устанавливается общественная опасность обвиняемого; социальная характеристика, характеристика посткриминального поведения; психологическая характеристика.

Определяющим в этих вопросах является квалификация деяния, которая определяет весь предмет доказывания в целом и отдельные его элементы. Индивидуализация применяемых мер процессуального принуждения и в последующем мер наказания требует установления как характеристик личности, прямо предусмотренных законом, так и иных, используемых в следственной и судебной практике для правильного применения уголовного закона и индивидуализации уголовной ответственности. Именно поэтому в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении) должны быть зафиксированы данные личных характеристик обвиняемого, сведения о состоянии его здоровья и психологических особенностях, его отношении к содеянному и поведению в ходе расследования, а также наличие в действиях обвиняемого рецидива преступлений.

Обвиняемого, безусловно, характеризует само совершение преступления, но этим его характеристика не исчерпывается. Для того чтобы оценка личности была объективной, следователь должен оценить совокупность положительных и отрицательных социальных свойств обвиняемого. Данная совокупность даст представление о личности, совершившей преступление, и о субъективной стороне состава преступления.

Одинаковые обстоятельства имеют разное влияние на поведение разных людей. От волевых качеств зависит возможность сопротивления влиянию других людей и внешних обстоятельств. Следователь в ходе общения с обвиняемым формулирует в своем сознании определенный вывод о свойствах его личности. Это мнение может быть ошибочным, так как общение происходит исключительно в конфликтной ситуации. Вместе с тем перед следователем стоит обязанность установления объективных обстоятельств совершенного деяния и в том числе обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Доказывание по уголовному делу должно отвечать принципу «свободы оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ), который, в свою очередь, требует оценки совокупности доказательств.

Для получения объективности требуются не отдельные факты, а вся совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов. Это означает, что подлежащие доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, должны быть собраны и оценены следователем во всей своей совокупности. Кроме того, эти обстоятельства должны рассматриваться в самой тесной связи с характером расследуемого преступного деяния и со всеми иными обстоятельствами, установленными по делу.

Субъектом собирания сведений, характеризующих личность обвиняемого, на предварительном следствии является следователь. Способами собирания указанных доказательств является производство следственных действий.

Установление события преступления, «времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления» четко ограничено во времени и пространстве и составом преступления. Соответственно, объем доказательств, которые следователь может собрать для установления события преступления, ограничен. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как мы выяснили выше, не имеют таких четких границ. В целях достижения допустимости, относимости, достаточности и достоверности информации об обвиняемом следователю необходимо использовать принцип оценки доказательств, то есть стремиться к тому, чтобы информация об изучаемом человеке поступала бы в дело не из одного, а из нескольких, неодинаковых по своему характеру источников. Даже если объективность отдельного источника относительна, тем не менее, обеспечиваются взаимозаменяемость и взаимоконтроль информации. Способом собирания доказательств, характеризующих личность обвиняемого, являются допросы свидетелей, потерпевших, самого обвиняемого, обыски, экспертизы и т.д.² Наиболее

² См.: Терехов А.Ю. К вопросу об основаниях выбора способа собирания доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Российское полицейское право. 2013. № 2. С. 62–76.

распространенным способом собирания информации о личности обвиняемого является допрос свидетелей — родственников. С одной стороны, родственники обладают несомненным объемом информации о личности обвиняемого и могут дать ценный материал следователю. С другой — они могут быть субъективными и заинтересованными. Крайне редко производятся допросы сослуживцев, соседей и других лиц, которые могут предоставить сведения о личностных и человеческих качествах обвиняемого. Также редко проводятся допросы работников полиции, сотрудников ЖЭКа (инженер, техник, слесарь, консьерж, дворник), работников ближайших торговых точек, преподавателей школ, представителей общественности. Следует отметить, что показания этих лиц имеют неполный характер. Однако из разрозненных фактов можно получить полную картину о ценностных ориентациях обвиняемого или о степени его добросовестности на работе. Информация о распорядке дня, о составе семьи и родственниках обвиняемого, о характере досуга, об образе жизни, его связях и знакомствах составляют законченную мозаику характеристики этого человека.

Итак, не обязательно к кругу свидетелей относятся лица, хорошо знавшие обвиняемого, или его родственники. Более того, субъективного больше в оценке свидетелей, именно близких обвиняемому.

Свое безусловное значение имеет и допрос тех лиц, которые находятся в неприязненных отношениях с обвиняемым. К их показаниям необходимо относиться критично, проверять сообщенные этими лицами факты. Несмотря на сказанное, это обязательный источник сведений об обвиняемом. Например, по делу о должностных преступлениях мнения руководителя об уволенных по разным основаниям работников могут стать доказательствами.

Следует отметить еще один источник информации о личности обвиняемого, используемый современным правоприменителем. Речь идет о запросах следователя в учреждения, предприятия, организаций, должностным лицам. Ответы на эти запросы позволяют установить формальные характеристики личности (возраст, здоровье, место работы, учебы, судимость и др.)

Как способ собирания доказательств обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, также необходимо рассмотреть документы. Документы, имеющие значение для изучения личности обвиняемого, могут быть предоставлены следствию другими участниками уголовного судопроизводства. Наиболее часто, как показывает практика, характеристики личности предоставляются защитником. В этом выражается один из способов содействия защитника следователю³. Но эти характеристики, как часто бывает, носят формализованный

характер и не содержат объективных сведений. «Особенностью доказывания обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, является тот факт, что одни из них представляют собой однозначные понятия (фамилия, возраст, национальность, образование, судимость и т.д.), другие же обстоятельства не могут быть выражены однозначным понятием и нуждаются в описании (отношение к исполнению социальных обязанностей, материальная или иная зависимость от какого-то лица и в чем она выражается и т.п.). Если первая группа сведений может быть доказана соответствующими документами (копии свидетельств о рождении, справки о прежних судимостях и т.п.) и не вызывает сомнений в их юридической значимости, то вторая, кроме того, устанавливается совокупностью иных доказательств, в том числе и путем свидетельских показаний, что нередко сопряжено с наличием субъективных оценок и в силу этого не исключает элемента сомнения в их достоверности»⁴.

Допрос свидетелей с целью получения информации, характеризующей обвиняемого, дает неоднозначные результаты. Про одно и то же лицо один свидетель расскажет, что обвиняемый конфликтный и необязательный, вспыльчивый человек, другой — по поводу этого же лица сообщает, что он «на прошлой неделе во дворе дома помогал починить машину и является отзывчивым человеком».

Следует отметить также проблему ограничения срока исследования личности обвиняемого. Безусловно, для изучения человека требуется время, которое несопоставимо со сроками следствия. В сроки следствия должны быть установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Таким образом, мы выявляли целый ряд проблемных вопросов в доказывании обстоятельств, характеризующих личность. Среди этих проблем: содержание самих обстоятельств, источники доказательств, сроки исследования обстоятельств. В связи с изложенным, в целях поиска возможных решений указанных проблем можно обратиться к историческим формам собирания доказательств в отношении личности обвиняемого. В частности, к упомянутому в начале статьи «дознанию через окольных людей».

В соответствии с УУС 1864 г., в случае необходимости сбора сведений о занятиях, связях и образе жизни обвиняемого судебный следователь мог производить на месте особое дознание чрез окольных людей (ст. 454 УУС). Дознание через окольных людей представляло собой специальный вид допроса нескольких лиц. Следователь заранее составлял список лиц, проживающих рядом с обвиняемым, исключая при этом лиц, объективность которых под сомнением (ст. 458 УУС: « В список сей не помещаются: 1) состоящие с обвиняемым и с потерпевшим от преступления в первых четырех степенях родства

³ См.: Титов П.С. Об участии защитника в собирании доказательств // Политика и Общество. 2013. № 6. С. 746–751.

⁴ Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.: Юрид. лит., 1971. С. 8.

или в первых двух степенях свойства и 2) находящиеся в отлучке, а также те, коих по тяжкой болезни или по другим непреодолимым препятствиям невозможно призвать к свидетельству»).

Составленный список свидетелей согласовывался со сторонами — участниками процесса (ст. 459 УУС: «Составленный список предьявляется находящимся налицо сторонам, которым предоставляется указать на неправильности, допущенные в его составлении и на способы его исправления»). Затем из утвержденного списка избирались по жребию не менее шести и не более двенадцати человек. При этом стороны имели право отводить лиц из списка как обоснованно, так и не более двух окольных людей без объяснения причин. Отведенные лица заменялись другими. После избрания по жребию и после отводов, «окольные люди» — свидетели давали показания. Окольные люди допрашивались под присягой⁵. Свидетели допрашивались отдельно. Все свидетели спрашивались об отношениях к участвующим в деле лицам. Показания фиксировались в протокол, в котором также отражали ход и порядок допроса. Протокол являлся самостоятельным доказательством в суде, своеобразной характеристикой личности обвиняемого.

Это процессуальное действие производилось под надзором прокурора (ст. 455 УУС «О назначенном для дознания времени и о месте его производства судебный следователь доводит до сведения прокурора или его товарища и объявляет участвующим в деле лицам»).

Характеристика этой процедуры, с точки зрения эффективности и соответствия общим принципам уголовного судопроизводства, является не

однозначной; это действие некоторые юристы считали довольно ненадежным. «Против него говорит и то, что это доказательство не может быть воспроизведено на судебном следствии, а между тем, по разъяснениям сената (67/353, 68/829, 75 67, 76/129), протокол дознания через окольных людей может быть читаем на суде. Таким образом, это доказательство не согласуется с принципами непосредственности и устности. Дознание через окольных людей неприменимо к обвиняемым, не имеющим постоянного жительства, и к живущим в больших городах»⁶.

С этими замечаниями можно согласиться. Но есть и интересные составляющие данного института, которые могут быть использованы.

С точки зрения современных правовых реалий, наиболее интересным представляется составление списка свидетелей по согласованию со сторонами как реализация принципа состязательности, а также представление протокола допроса в качестве самостоятельного доказательства, отражающего относительно объективную характеристику личности, которую можно исследовать в суде без вызова свидетелей, что будет соответствовать современной тенденции процессуальной экономии.

Подобный своеобразный порядок выяснения обстоятельств, характеризующих личность, может быть реализован и в рамках действующего законодательства. Он мог бы являться альтернативой формальным характеристикам личности с места жительства и с места работы. В качестве варианта такой процедуры можно рассмотреть допрос лиц по указанию защитника и обвиняемого, а также по усмотрению следователя, исходя из материалов уголовного дела.

Библиография:

1. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.: Юрид. лит., 1971. 80 с.
2. Терехов А.Ю. К вопросу об основаниях выбора способа собирания доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Российское полицейское право. 2013. № 2. С. 62–76.
3. Титов П.С. Об участии защитника в собирании доказательств // Политика и Общество. 2013. № 6. С. 746–751.

References (transliteration):

1. Krivosheev A.S. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo v protsesse rassledovaniya. M.: Yurid. lit., 1971. 80 s.
2. Titov P.S. Ob uchastii zashchitnika v sobiranii dokazatel'stv // Politika i Obshchestvo. 2013. № 6. С. 746 –751.
3. Terekhov A.Yu. K voprosu ob osnovaniyakh vybora sposoba sobiraniya dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu // Rossiiskoe politseiskoe pravo. 2013. № 2. С. 62–76.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

⁵ В соответствии с УУС 1864 г., допрос свидетеля под присягой осуществлялся только в судебном следствии, так как только такой допрос имел значение доказательства. Следователь проводил допрос под присягой только в исключительных случаях, в том числе при дознании через окольных людей. Присяга по сути являлась обязательством дачи правдивых доказательств, «не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ниже ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного».

⁶ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Г.А. Леман, 1913. С. 193–194.

Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы предмета доказывания в уголовном судопроизводстве. Дается определение предмета доказывания, прослеживаются основные этапы развития данного понятия в российской уголовно-процессуальной науке, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и заканчивая УПК РФ 2001 г. Исследуется ряд современных проблем, связанных с предметом доказывания, в частности, соотношение предмета доказывания и предмета обвинения, влияние предмета доказывания на функцию следователя в уголовном судопроизводстве, понятие и значение промежуточных доказательственных фактов, главный факт предмета доказывания и его роль в делении доказательств на прямые и косвенные, значение предмета доказывания и др. Методологическую основу работы составили общие и частные методы научного познания: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, метод системного анализа и др. В статье найдено отражение постепенное формирование современного предмета доказывания от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. через советское законодательство к УПК РФ 2001 г., что позволило сделать вывод о влиянии норм Устава уголовного судопроизводства, касающихся предмета доказывания, на современное законодательство. Автором высказана собственная позиция по существующим в настоящее время проблемам предмета доказывания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, теория доказательств, предмет доказывания, генезис предмета доказывания, обстоятельства, подлежащие доказыванию, главный факт, промежуточные доказательственные факты, значение предмета доказывания, Устав уголовного судопроизводства, предмет обвинения.

Под предметом доказывания в юридической литературе принято понимать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, представляющие собой совокупность фактических обстоятельств, которые необходимо установить для разрешения уголовного дела по существу.

Попробуем проследить *основные этапы развития данного понятия* в отечественной теории доказательств и уголовно-процессуальном законодательстве.

Рассуждения о предмете доказывания, без упоминания самого термина, мы находим еще у И.Я. Фойницкого, который, опираясь на Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС), пишет о необходимости исследования события преступления, сведений о личности подсудимого, обстоятельств, уличающих и оправдывающих обвиняемого, устанавливающих возможность или невозможность подвергнуть обвиняемого уголовной ответственности¹. «Сводя к одному

знаменателю подлежащее установлению на суде уголовном, закон формулирует его как вопрос о виновности, в свою очередь, распадающийся на вопросы, произошло ли преступное событие, было ли оно деянием подсудимого и должно ли быть вменено ему в вину (ст. 754 УУС)»².

Действительно, УУС не знал термина «предмет доказывания» и вместо него использовал такой термин, как «предмет обвинения».

В предмете обвинения выделялись главный и частные вопросы (ст. 755 УУС). Главный вопрос — вопрос о виновности подсудимого в преступном деянии — включал в себя следующее: совершено ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину (ст. 754 УУС)? К частным вопросам были отнесены вопросы об обстоятельствах, которые особо увеличивают или уменьшают степень виновности (ст. 755 УУС).

На заре советской эпохи, УПК РСФСР 1923 г. отсутствие специальной нормы, посвященной предмету доказывания, компенсировал закрепле-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 238.

² Там же. С. 239.

© Шаров Д.В., 2014

* Шаров Денис Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России.

[SharovDen@gmail.com]

117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

** Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.

нием в ст. 320 перечня вопросов, которые суд должен был разрешить в приговоре:

- 1) имело ли место деяние, приписываемое подсудимому;
- 2) содержит ли в себе это деяние состав преступления;
- 3) совершил ли означенное деяние подсудимый;
- 4) подлежит ли подсудимый наказанию за учиненное им деяние и др.

Впервые обстоятельства, подлежащие доказыванию, нашли свое четкое нормативное закрепление в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., согласно которой при производстве предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежали доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;
- 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Далее эта норма практически без изменений была перенесена в ст. 68 УПК РСФСР 1960 г., за исключением того, что к предмету доказывания были добавлены: иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и подлежащие выявлению причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

В настоящее время, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, обстоятельствами, подлежащими доказыванию, являются:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 8) обстоятельства, подтверждающие необходимость конфискации имущества, в соответствии со ст. 104.1 УК РФ.

Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

В связи с вышеизложенным, обращает на себя внимание следующий момент. По действующему более 40 лет УПК РСФСР 1960 г. следователь никогда не считался стороной обвинения, тем не ме-

нее, по справедливому замечанию А.М. Ларина, ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а вслед за ней и ст. 68 УПК РСФСР 1960 г., содержали не столько родовое понятие предмета доказывания, сколько предмет обвинения³. Действительно, данные нормы требовали от субъекта доказывания установления только таких обстоятельств, которые указывают на факт совершения преступления определенным лицом (событие преступления, виновность обвиняемого, данные о его личности, размер ущерба, обстоятельства, способствующие совершению преступления). Не меняло дела требование наряду с отягчающими устанавливать также и смягчающие обстоятельства (п. 3 ст. 68 УПК РСФСР), так как эти обстоятельства, указывая на необходимость объективного исследования, требовались опять-таки для вынесения обвинительного приговора⁴.

Иными словами, в советскую эпоху, хотя уже и не употреблялся термин «предмет обвинения», используемый в УУС, и следователь позиционировался как независимый исследователь обстоятельств совершенного деяния, однако само доказывание, по сути, представляло собой деятельность по обоснованию обвинения, а его предметом являлся предмет обвинения.

В настоящее время следователь, напротив, однозначно отнесен к стороне обвинения, в то время как предмет доказывания включает в себя наряду с событием преступления и виновностью лица в его совершении, во-первых, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и, во-вторых, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Изложенное выше дало основание некоторым авторам полагать, что современное определение предмета доказывания сочетает в себе как предмет обвинения, так и предмет защиты⁵.

Позиционирование следователя как стороны обвинения, с одной стороны, и наличие в предмете доказывания обстоятельств, исключающих преступность деяния, с другой, на наш взгляд, говорит о внутренней противоречивости данной дефиниции в частности и функции следователя в уголовном судопроизводстве в общем.

Как это ни странно, но сегодня отнесенного к стороне обвинения следователя с гораздо большим основанием можно назвать независимым исследователем обстоятельств совершенного де-

³ См.: Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.И. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М.: БЕК, 1997. С. 89–90.

⁴ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 75.

⁵ См.: Громов Н.А., Зайцева С.А., Гуцин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Приор-издат, 2006. С. 10.

яния, нежели это было в советское время, когда следователь стороной обвинения не являлся.

Вернемся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, предусмотренным ст. 73 УПК РФ. Из многих фактических обстоятельств исследуемого события в содержание предмета доказывания включены лишь те, которые при разрешении уголовного дела имеют правовое значение. Как справедливо отмечает С.Я. Шейфер: «В этом смысле предмет доказывания в самом общем виде следует трактовать как своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания, в ходе которой отсекается все, что лежит за пределами цели уголовно-процессуального познания»⁶.

Вместе с тем чтобы доказать виновность лица в совершении преступления, а также иные обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, часто бывает необходимо доказать множество других фактов, находящихся между конкретными доказательствами и обстоятельствами, имеющими правовое значение. Такие факты принято называть промежуточными.

Промежуточные (доказательственные) факты, в отличие от указанных обстоятельств, не имеют выражения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законе, и в этом смысле они не являются юридически значимыми. Их значение заключается в способности служить средствами установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В теории остается дискуссионным вопрос следует ли включать в предмет доказывания, наряду с обстоятельствами, имеющими правовое значение, также и промежуточные (доказательственные) факты, на основе которых эти обстоятельства доказываются.

А.А. Давлетов, а вслед за ним и С.А. Шейфер, считают, что в предмет доказывания надлежит включать не только факты, составляющие конечную цель доказывания, но и промежуточные факты, с помощью которых первые устанавливаются⁷.

Действительно, с одной стороны, промежуточные факты подлежат доказыванию, или, иными словами, безусловно, являются обстоятельствами подлежащими доказыванию. С другой — они не образуют конечной цели доказывания по уголовному делу, и их включение в предмет доказывания может привести к растворению этой цели в множестве промежуточных.

По данному вопросу нам ближе позиция В.А. Лазаревой, согласно которой: «Специфика промежуточных фактов состоит в том, что они: 1) не имеют и не должны иметь нормативное закрепление, поскольку 2) не являются ни общими, ни одинаковыми для всех уголовных дел, а 3) специфичны для каждого отдельного преступления»⁸.

⁶ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 75.

⁷ См.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 78.

⁸ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процесс: учеб.-практ. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 129.

Нет никакой необходимости в споре о том, подлежат ли доказыванию обстоятельства, не включенные в ст. 73 УПК РФ, но имеющие значение для установления названных в ней обстоятельств. Ответ будет утвердительным. Но есть ли смысл в попытках закрепления промежуточных фактов в общем предмете доказывания? Наверное, нет. Тем более что такое закрепление, учитывая вышеизложенное, вряд ли возможно в принципе.

В свою очередь, обстоятельства, имеющие правовое значение для разрешения уголовного дела, и, согласно ст. 73 УПК РФ, составляющие предмет доказывания, также неоднородны.

Из круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, выделяют, так называемый *главный факт*, то есть совокупность обстоятельств, относящихся к событию преступления и виновности лица в его совершении. Главный факт при доказывании по уголовному делу выражен в трех основных вопросах, которые стоят перед судьями и присяжными заседателями: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния (ст. 339 УПК РФ). Ответы на эти вопросы дает суд при постановлении приговора (п. 1–4 ст. 299 УПК РФ).

Главный факт из всего предмета доказывания образуют п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в их совокупности, а именно: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) и виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

Поневоле напрашивается аналогия с уже рассмотренным ранее главным вопросом предмета обвинения УУС, включающим в себя такие вопросы, как совершено ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину (ст. 754 УУС).

На наш взгляд, благодаря выделению в предмете доказывания главного факта, стало возможным появление одного из наиболее значимых оснований деления доказательств — их деления на прямые и косвенные.

Под *прямыми доказательствами* понимаются сведения, прямо указывающие на событие преступления и виновность лица в его совершении, то есть сведения, прямо указывающие на главный факт.

Показания обвиняемого, признающего свою вину и объясняющего, по каким мотивам, когда, где и при каких обстоятельствах он совершил преступление, являются прямым доказательством. Прямым доказательством является показание свидетеля о том, как обвиняемый наносил удары потерпевшему, поскольку свидетель в данном случае прямо указывает на виновность конкретного лица в совершении преступления.

Если же из показаний или из других сведений не вытекает конкретно виновность лица в совершении преступления, то эти доказательства именуются косвенными.

Косвенные доказательства — это сведения, прямо не указывающие на событие преступления и виновность лица в его совершении, но в силу объективной связи с этими обстоятельствами, дающие основания для вывода об их наличии или отсутствии, то есть это сведения прямо не указывающие на главный факт, но имеющие значение для его установления.

Косвенные доказательства содержат сведения о фактах, которые предшествовали, сопутствовали или следовали за доказываемым событием и по совокупности которых можно сделать вывод о том, имело ли место событие преступления, виновен ли или не виновен обвиняемый. Так, при расследовании дела об убийстве на основании косвенных доказательств (принадлежность обвиняемому ножа, которым совершено убийство; обнаружение на месте преступления следов обуви обвиняемого; установление неприязненных отношений между обвиняемым и потерпевшим и др.) формируется вывод следователя, суда о совершении обвиняемым данного преступления.

Теоретически возможно произвести деление доказательств на прямые и косвенные не только по отношению к главному факту (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), но и по отношению к каждому обстоятельству, подлежащему доказыванию, однако, практически такая классификация будет лишена смысла.

Например, характер и размер вреда, причиненного преступлением, подтверждается показаниями потерпевшего, который пояснил, что и на какую сумму было похищено. Можно назвать

данные показания прямым доказательством, но каково будет его практическое значение? Что оно устанавливает? Рассматриваемое доказательство определяет характер и размер вреда, причиненного преступлением, но прямо на виновность лица в совершении преступления не указывает.

Иными словами, оно будет прямым для установления характера и размера вреда, но косвенным по отношению к событию преступления.

Таким образом, если признать, что деление доказательств на прямые и косвенные происходит по отношению ко всем обстоятельствам, подлежащим доказыванию, а не только к главному факту, то придется согласиться с тем, что одно доказательство будет являться и прямым и косвенным одновременно. Это сведет на нет весь смысл подобного разграничения. Следовательно, только деление доказательств на прямые и косвенные по отношению к событию преступления и виновности лица в его совершении, имеет практическое значение.

Значение предмета доказывания заключается в том, что он направляет деятельность следователя, дознавателя, прокурора и суда на получение конкретных, юридически значимых сведений по делу, в результате чего процесс доказывания приобретает определенные границы, рамки. Следователь не просто интересуется всеми обстоятельствами прошлого, он целенаправленно устанавливает четко очерченный круг обстоятельств, имеющих правовое значение (время и место совершения преступления, мотивы его совершения, характер и размер причиненного вреда и др.), которые в конечном итоге позволят разрешить дело по существу.

Библиография:

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
3. Громов Н.А., Зайцева С.А., Гушин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Приор-издат, 2006. 80 с.
4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 340 с.
5. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.И. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М.: БЕК, 1997. 314 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.
7. Хмыров А.А. Косвенные доказательства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма: Инфра-М, 2009. 240 с.

References (transliteration):

1. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Norma, 2007.
2. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugovolnykh dokazatel'stvakh. Tula: Avtograf, 2000.
3. Gromov N.A., Zaitseva S.A., Gushchin A.N. Dokazatel'stva, ikh vidy i dokazyvanie v ugovnom protsesse: ucheb.-prakt. posobie. M.; Prior-izdat, 2006. 80 s.
4. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugovnom protsess: ucheb.-praktich. posobie. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurait, 2013. 340 s.
5. Larin A.M., Mel'nikova E.B., Savitskii V.I. Ugolovnyi protsess Rossii: lektsii-ocherki. M.: BEK, 1997. 314 s.
6. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2.
7. Khmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva / A.A. Khmyrov. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2005.
8. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma: Infra-M, 2009. 240 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.А. Бессонов*

Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы становления института криминалистической характеристики преступлений в отечественной криминалистике, информационные основы методик расследования преступлений в криминалистике зарубежных стран, а также определены дальнейшие направления разработки данной научной категории.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика преступлений, преступление, профилирование.

Современное понимание криминалистической характеристики преступлений как первого и основного элемента частных криминалистических методик сложилось в 60–70-е гг. XX в. Однако, как пишет И.Ф. Крылов, впервые термин «криминалистическая характеристика» был упомянут в 1927 г. П.И. Люблинским, который считал, что её схему дали ещё древние римляне в виде известной семизначной формулы: кто, что, где, с чьей помощью, почему, каким образом, когда. Именно эту формулу он и назвал криминалистической характеристикой уголовного дела¹.

Историю возникновения и развития криминалистической характеристики преступлений обстоятельно изложил в своих трудах Р.С. Белкин². Так, он указывает, что первое развёрнутое пред-

ставление о криминалистической характеристике преступления дал Л.А. Сергеев, который включил в её содержание способы совершения преступления; условия, в которых совершаются преступления и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовными наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств³.

В работах А.Н. Колесниченко впервые упомянута категория «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений» как наиболее существенное положение, общее для всех частных методик⁴. В её структуру он включил подразделение конкретного вида преступлений

¹ См.: Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и её место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 32–33.

² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 3. С. 306–319.

³ См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 298.

⁴ См.: Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10.

© Бессонов А.А., 2014

* Бессонов Алексей Александрович — первый заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Калмыкия, полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии.

[bestallv@mail.ru]

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Герасименко, д. 57.

на разновидности и группы, типичные следственные ситуации и соответствующие им основные направления расследования, возможные пути установления преступников и задачи повышения эффективности следственной работы⁵.

После этого С.П. Митричев, не раскрывая общего понятия криминалистической характеристики преступлений, её содержание построил из трёх основных взаимосвязанных элементов: 1) способа совершения преступления, 2) следов, оставляемых преступником, 3) личности преступника, уточнив при этом, что это далеко не полный перечень признаков, имеющих криминалистическое значение⁶.

Следующий этап развития учения о криминалистической характеристике преступлений заложен на Всесоюзной криминалистической конференции в 1976 г., где ей был посвящен целый ряд докладов⁷, а далее издано два специальных сборника научных трудов: в 1978 г. — «Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр.» (Свердловск), в 1984 г. — «Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр.» (Москва).

Проанализировав сложившиеся представления о криминалистической характеристике преступлений, Р.С. Белкин пришёл к выводу, что большинство авторов того времени указывали следующие элементы её структуры: типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных; способ совершения преступления; способ сокрытия преступления, маскировка; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; характеристика личности преступника; обстановка преступления (место, время и др. обстоятельства)⁸. Несмотря на разное определение этого понятия, в целом все они сходились в одном: криминалистическая характеристика представляет собой совокупность криминалистически значимых признаков и особенностей конкретного вида преступлений, знание которых необходимо для успешного раскрытия и расследования преступлений⁹.

С середины 80-х гг. прошлого века и по настоящее время развитие теории криминалистической характеристики преступлений идёт по трём направлениям: 1) как самостоятельной теории на монографическом уровне (однако работы этого плана, к сожалению, носят единичный характер); 2) исследование отдельных её элементов; 3) в качестве информационной основы методик расследования преступлений отдельного вида.

Также возможно отметить следующие основные тенденции.

Во-первых, неудовлетворённость некоторых учёных (Р.С. Белкин, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин, А.Ф. Лубин) степенью решения задач, для которых разрабатывалась эта криминалистическая категория, и предложение в этой связи отказаться от неё и заменить в структуре частных методик расследования: либо на перечень обстоятельств, подлежащих установлению¹⁰, либо на типовую информационную модель преступления¹¹ и т.д.

В качестве основных недостатков криминалистической характеристики преступлений её противники отмечают:

- наличие в структуре большей части элементов уголовно-правового и криминологического характера (за исключением действительно криминалистических элементов — способа совершения и сокрытия преступления и оставляемых ими следов)¹²;
- отсутствие научно обоснованного понятия, неопределённость гносеологической природы, системно-функциональная недостаточность¹³.

Однако в целом большинство учёных продолжают оставаться сторонниками необходимости концепции криминалистической характеристики преступлений, ибо, как верно отметил Н.П. Яблоков, она «содержит в себе существенный научный и практический потенциал, ещё не реализованный должным образом... В будущем же её роль и значение в общей теории криминалистики и для решения практических, методических задач ещё больше усилятся»¹⁴.

⁵ См.: Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьков. Юрид. ин-т, 1976. С. 20–21.

⁶ См.: Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Республиканский междуведомственный сборник научных и научно-методических работ. Киев: Вища шк., 1973. Вып. 10. С. 27–33.

⁷ См.: Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) М., 1976.

⁸ См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 312.

⁹ См.: Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Ещё раз о криминалистической характеристике преступлений) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56.

¹⁰ См.: Белкин Р.С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула: ТГУ, 2000. С. 11–12; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма: Инфра-М, 2001. С. 224–233.

¹¹ См.: Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.

¹² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 315.

¹³ См.: Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Указ. соч. С. 131–135; Колдин В.Я. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. URL: http://www.juristlib.ru/book_9936.html (последнее посещение - 1 августа 2014 г.).

¹⁴ Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистики

Во-вторых, формирование структуры криминалистической характеристики преступлений и углубленное изучение её отдельных структурных элементов (в том числе как информационных блоков, «моделей»), составляющих, их логических связей и отношений, с одновременной систематизацией полученных таким образом научных данных в типовых криминалистических характеристиках.

В-третьих, продолжение развития типичных видовых (родовых) криминалистических характеристик преступлений исходя из существующей на определённом этапе развития криминалистических знаний криминалистической классификации преступлений.

В-четвёртых, формирование междисциплинарного подхода к разработке концепции криминалистической характеристики преступлений (В.И. Шиканов, А.М. Кустов), предполагающего создание информационной системы более высокого уровня общности, в которой она выступает в качестве одной из подсистем наравне с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминологической и другими подсистемами¹⁵.

На рубеже XX–XXI вв. исследования данного вопроса приобрели большую конструктивность и содержательность, некоторые учёные даже подвергли ревизии свои прежние взгляды на решение касающейся этой категории проблемы, внесли определённые уточнения и дополнения. Однако до настоящего времени нет единого мнения относительно её определения, природы, назначения, структуры, роли в формировании частных методик расследования.

Вместе с тем большинство учёных под криминалистической характеристикой преступлений понимает научно разработанную на основе судебно-следственной практики систему, включающую в себя совокупность взаимосвязанных сведений о криминалистически значимых признаках данного вида преступлений, отражающую закономерные связи между ними и предназначенную обеспечить успешное решение задач их раскрытия, расследования и предупреждения.

Существенный интерес представляет зарубежный опыт формирования информационных основ для построения частных методик расследования.

ческой теории // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 2. С. 13.

¹⁵ См.: Кустов А.М. Криминалистическая или социально-правовая характеристика преступлений как ориентир в борьбе с преступностью // Роль и значение деятельности П.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Материалы междунар. науч. конф. М.: Академия управления МВД России, 2002. С. 223; Шиканов В.И. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 40–43.

В зарубежной криминалистической науке отсутствует такое понятие, как криминалистическая характеристика преступлений. В странах Западной Европы, США, Канаде и др. в качестве информационной основы методик расследования преступлений отдельных видов с 1970-х гг. используется нечто аналогичное — профилирование (Profiling) или следственный анализ (Criminal Investigative Analysis).

Под профилированием (следственным анализом) понимают «метод составления портрета предполагаемого подозреваемого по расследуемому преступлению на базе информационных моделей, сформированных по результатам анализа отдельных элементов, следов и психологических особенностей ранее совершённых аналогичных преступлений»¹⁶.

Выделяют два его вида: 1) психологическое; 2) основанное на результатах статистического анализа ранее совершённых преступлений¹⁷.

Психологическим профилированием (Psychological Profiling) является составление психологического портрета предполагаемого подозреваемого на основе типологии преступников, совершающих определённые виды преступлений¹⁸. Однако в последнее время в зарубежной литературе оно подвергается серьёзной критике как ненадёжное и не основанное на достаточных эмпирических данных¹⁹.

В свою очередь, второй вид профилирования по своей природе ближе к криминалистической характеристике преступлений и включает в себя 3 подвида: профилирование преступника, профилирование мест происшествия и географическое профилирование.

Профилирование преступника (Offender Profiling) — это построение портрета подозреваемого на основе информации с места преступления (отражение особенностей его личности и поведения в окружающей реальности) и криминалистических портретов типичных преступников, наиболее часто совершающих тот или иной вид преступлений²⁰.

¹⁶ См.: Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R. Criminal profiling from crime scene analysis // Behavioral Science and the Law. 1986. № 4. P. 405; Peterson M.B. Applications in criminal analysis: A sourcebook. Westport, CT: Praeger Paperback Rossmo, D.K., 1998. P. 42; Swanson C.R., Chamelin N.C., Territo L. Criminal investigation (7th ed.). New York: McGraw-Hill Companies, Inc, 1996. P. 282.

¹⁷ См.: Snook B., Cullen R.M., Bennell C., et al. The Criminal Profiling Illusion: What's Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. 2008. № 35. P. 1258.

¹⁸ См.: Holmes R.M., Holmes S.T. Profiling violent crimes: An investigative tool (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. P. 2.

¹⁹ См.: Snook B., Cullen R.M., Bennell C., et al. The Criminal Profiling Illusion: What's Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. 2008. № 35. P. 1257–1276.

²⁰ См.: Jackson J.L., Bekerian D.A. Offender profiling: Theory, research and practice (1-7). West Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd, 1997.

Профилирование мест происшествия (Crime Scene Profiling) — анализ преступлений по элементам механизма их совершения с целью определения типов преступников, особенностей их поведения и мотивов преступлений²¹.

Географическое профилирование (Geographic Profiling) — анализ расположения мест совершения преступлений с целью определения серийности последних, а также предполагаемого места жительства преступника²².

В целом профилирование используется для: создания портрета (психологического и криминалистического) предполагаемого преступника; сужения круга лиц, среди которых целесообразно вести поиск неустановленного подозреваемого; определения тактики следственных действий с участием такого преступника; установления факта совершения одним лицом нескольких преступлений; диагностики полноты установленных обстоятельств раскрытого преступления²³.

Исторический анализ становления и развития института криминалистической характеристики преступлений преследует следующие цели: 1) без познания прошлого предмета исследования невозможно объективно оценить его настоящее и прогнозировать развитие в будущем; 2) выявление того, что считается существенным для этой научной категории; 3) определение её места в системе элементов частной криминалистической методики.

По состоянию на настоящий момент по рассматриваемому вопросу накопились следующие проблемы, требующие разрешения:

1) формирование единого, общепринятого понятия «криминалистическая характеристика преступлений»;

2) уточнение её природы, назначения, функций и роли в формировании частных криминалистических методик, а также места в криминалистической науке;

3) определение её структуры и оптимального количества элементов, исследование содержания каждого из них, основ и принципов формирования и закономерных связей между ними;

4) изучение и определение связей и зависимостей между криминалистической характеристикой преступлений и другими характеристиками преступлений: уголовно-правовой, криминологической и др.;

5) разработка актуальных криминалистических характеристик для отдельных видов (родов) преступлений как информационных основ соответствующих частных криминалистических теорий и создание на их базе автоматизированных информационных систем.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений является основой методики расследования и играет в ней ключевую роль, никакой насущной и обоснованной необходимости в отказе от неё нет. Её следует модернизировать, сформулировать такое понятие и определить структуру, которые являлись бы если и не общепринятыми, то признанными большинством учёных, что обеспечит её направленность прежде всего на оказание практической помощи лицам, занимающимся расследованием преступлений²⁴.

Библиография:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма: Инфра-М, 2001. 240 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 3. 480 с.
3. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.
4. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
5. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьков. Юрид. ин-т, 1976. 28 с.
6. Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 106 с.
7. Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) М., 1976. 179 с.
8. Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Республиканский междуведомственный сборник научных и научно-методических работ. Киев: Вища шк., 1973. Вып. 10. С. 27–33.

²¹ См.: Homant R.J., Kennedy D.B. Psychological aspects of crime scene profiling // Criminal Justice & Behavior. 1998. 25 (3). P. 319–343.

²² См.: Rossmo K. Geographic Profiling. New York, NY: CRC Press, 2000. P. 259.

²³ См.: Wilson P., Lincoln R., Kocsis R. Validity, utility and ethics of profiling for serial violent and sexual offenders // Psychiatry, Psychology and Law. 1997. № 4. P. 2–4.

²⁴ См.: Крылов И.Ф. Указ. соч. С. 32; Яблоков Н.П. Указ. соч. С. 3–13.

9. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 2. С. 3–13.
10. Holmes R.M., Holmes S.T. Profiling violent crimes: An investigative tool (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. 344 p.
11. Jackson J.L., Bekerian D.A. Offender profiling: Theory, research and practice (1-7). West Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd, 1997. 254 p.
12. Peterson M.B. Applications in criminal analysis: A sourcebook. Westport, CT: Praeger Paperback Rossmo, D.K., 1998. 332 p.
13. Rossmo K. Geographic Profiling. New York, NY: CRC Press, 2000. 376 p.

References (transliteration):

1. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki. M.: Norma: Infra-M, 2001. 240 s.
2. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. M.: Yurist", 1997. T. 3. 480 s.
3. Ishchenko E.P., Koldin V.Ya. Tipovaya informatsionnaya model' prestupleniya kak osnova metodiki rassledovaniya // Pravovedenie. 2006. № 6. S. 128–144.
4. Kolesnichenko A.N. Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Khar'kov, 1967. 27 s.
5. Kolesnichenko A.N. Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii. Khar'kov: Khar'kov. Yurid. in-t, 1976. 28 s.
6. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii: Sbornik nauchnykh trudov. M.: Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. 106 s.
7. Metodika rassledovaniya prestuplenii. Obshchie polozheniya: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Odesa, noyabr' 1976 g.) M., 1976. 179 s.
8. Mitrichev S.P. Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. Respublikanskii mezhdudedomstvennyi sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh rabot. Kiev: Vishcha shk., 1973. Vyp. 10. S. 27–33.
9. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii kak sostavnaya chast' obshchei kriminalisticheskoi teorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2000. № 2. S. 3–13.

Материал поступил в редакцию 19 августа 2014 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.И. Моисеев*

Проблема международного информационного обмена в борьбе с терроризмом

Аннотация. *Постоянный обмен актуальной информацией должен лечь в основу эффективного противодействия терроризму, в особенности международному терроризму. Необходимость такого обмена неоднократно подчеркивалась, в том числе и Организацией Объединенных Наций, что нашло отражение в ряде международных документов. Вопросы, связанные с информационным обменом в сфере борьбы с терроризмом, затрагиваются в деятельности практически всех органов ООН. Можно сделать вывод, что проблеме информационного обмена в рамках ООН со временем стало уделяться достаточное внимание. В статье не только представлены и проанализированы некоторые документы, направленные на расширение межгосударственного сотрудничества по обмену актуальной информацией, но и предложены стратегически важные направления, в соответствии с которыми, как представляется, следует производить такой обмен. Анализируя современное положение дел в вопросах международного информационного сотрудничества, можно сделать вывод о наличии ряда проблем, таких как сложности оборота информации, которой присвоен гриф секретности, и низкая степень участия в обмене информацией ряда государств. Исходя из этого определены предположительно наиболее значимые пути развития и расширения межгосударственного взаимодействия в сфере международного информационного сотрудничества по борьбе с терроризмом.*

Ключевые слова: *международное право, международный терроризм, терроризм, международное сотрудничество, информационный обмен, международная безопасность, Организация Объединенных Наций, контртеррористический комитет ООН, антитеррористический центр СНГ, обмен секретной информацией.*

Насколько же необходим информационный обмен в данной конкретной сфере? Эффективное противодействие терроризму сегодня должно быть основано на постоянном обмене актуальной информацией. А учитывая к тому же, что многие террористические организации имеют весьма разветвленную структуру и действуют на территории сразу нескольких государств, постоянный обмен информацией — очень важный элемент консолидации усилий в борьбе с международным терроризмом.

Наличие эффективного обмена информацией необходимо и для проведения совместных антитеррористических операций, и для контроля над перемещением и активностью террористов, для борьбы с финансированием терроризма, а в конечном итоге и для распространения передового опыта среди участников международного общения. Один из важнейших выводов, который можно сделать, изучая теракты 11 сентября, со-

стоит в том, что необходимо постоянно улучшать способы обмена информацией между спецслужбами, полицией и правосудием.

Эта необходимость также неоднократно констатировалась в резолюциях Организации Объединенных Наций (ООН) еще до упомянутых терактов, например, в Декларации, дополняющей Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г., утвержденной резолюцией 51/210 17 декабря 1996 г. звучит призыв «в целях повышения эффективности осуществления соответствующих правовых документов активизировать, при необходимости и где это уместно, обмен информацией о фактах, связанных с терроризмом, избегая при этом распространения неточной или непроверенной информации»¹.

¹ Сайт ООН; URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml> (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.)

© Моисеев А.И., 2014

* Моисеев Александр Игоревич — аспирант кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[lexhvc@gmail.com]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Представляется, что информационный обмен должен прежде всего вестись по нескольким стратегически важным направлениям:

- информация о личности и активности террористов;
- информация о новых методах противодействия терроризму, специальных средствах и тактических приемах;
- раскрытие имеющейся информации о финансировании террористических организаций через кредитные, коммерческие или иные организации государств;
- координация и проведение совместных операций на территории одного или нескольких государств;
- своевременное и полное предоставление информации, необходимой для проведения расследований и судебных разбирательств в отношении преступлений террористической направленности.

Этот перечень далеко не исчерпывающий, но можно предположить, что именно по этим направлениям следует вести наиболее оживленный обмен информацией.

В качестве примера документа, направленного на расширение информационного обмена в этой сфере, можно привести совместную декларацию РФ и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом: «Каждому из участников предлагается назначить орган, который будет координировать действия с правоохранительными учреждениями, ведомствами, занимающимися противодействием финансированию терроризма, и другими заинтересованными правительственными учреждениями, а также выполнять функции центрального контактного пункта для целей осуществления Декларации»².

Как мы видим, также важно, чтобы обмен осуществлялся теми органами государства, которые обладают актуальной информацией либо напрямую связаны с противодействием терроризму. Соответственно, обмен должен происходить на уровне правительств государств — участников международного общения, на уровне правоохранительных органов, органов юстиции, а также с участием специализированных органов безопасности.

Помимо обмена напрямую между государствами, нельзя забывать также и о существовании международных организаций, а значит, и об обмене информацией на этом уровне.

Отдельный интерес представляют нормы, содержащиеся в документах, принимаемых в рамках ООН. К примеру, Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, поль-

зующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 14 декабря 1973 г. в ст. 4 предусматривает следующие пути сотрудничества для предотвращения конвенционных преступлений:

«а) принятия всех практически осуществимых мер по предотвращению подготовки в пределах их соответствующих территорий совершения этих преступлений в пределах или вне пределов их территории;

б) обмена информацией и координации принятия административных и других соответствующих мер, для того чтобы предотвратить совершение таких преступлений»³.

Конвенция, однако, не дает развернутого ответа на вопрос, какой же именно информацией государства должны обмениваться, конкретно указывая лишь на необходимость предоставления заинтересованным сторонам информации об обстоятельствах и жертве преступления, а также информации о результатах предпринятых уголовно-процессуальных действий по отношению к предполагаемому преступнику. Настолько же мало внимания уделяется обмену информацией и в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. Для сравнения можно обратить внимание на положения ст. 15 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. как на более совершенный инструмент, регламентирующий информационный обмен между государствами в сфере борьбы с терроризмом. В данной статье речь идет о мерах, принимаемых государствами для предотвращения преступлений согласно Конвенции. К числу таких мер по праву отнесен и «обмен точной и проверенной информацией в соответствии с национальным законодательством»⁴, а также «осуществления, когда это уместно, исследований и разработок в отношении методов обнаружения взрывчатых и других опасных веществ, которые могут вызывать смерть или увечья, проведения консультаций по вопросам разработки стандартов для маркировки взрывчатых веществ в целях определения их происхождения в ходе расследований после взрывов, обмена информацией о превентивных мерах, налаживания сотрудничества и передачи технологии, оборудования и соответствующих материалов»⁵. Указанные поло-

³ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Сайт ООН; URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

⁴ Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Сайт ООН; URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

⁵ Там же.

² Совместная декларация РФ и АСЕАН 4 июля 2004 г. Джакарта, Индонезия. Сайт посольства РФ в Республике Индонезия; URL: <http://www.indonesia.mid.ru/russia-asean/docs-02.html> (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

жения, безусловно, являются шагом вперед для регламентации международного информационного обмена, и в частности, ценно указание на особые требования к передаваемой в рамках такого обмена информации. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. предусматривает важное положение об обмене информацией, касающихся всех аспектов преступлений по смыслу Конвенции, путем создания и обеспечения функционирования каналов связи между компетентными учреждениями и службами государств. При этом обмен должен быть оперативным и защищенным, а также существует возможность ведения такого обмена через Интерпол.

Требования осуществлять своевременный обмен точной и проверенной информацией, касающейся предотвращения терроризма и борьбы с ним, содержится также в Глобальной контртеррористической стратегии ООН (Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН, Приложение), в том числе путем проведения регулярных неофициальных заседаний.

Вопросы информационного обмена в сфере борьбы с терроризмом затрагиваются в деятельности практически всех органов ООН. Это и резолюции Совета Безопасности (например, резолюции 1296 (1999) от 19 октября 1999 г.) и доклады Генерального секретаря, и резолюции ЭКОСОС и т.д. Отдельно следует выделить тот факт, что в рамках системы ООН действует Контртеррористический комитет (КТК). Руководствуясь положениями Резолюции Совета Безопасности 1373 (2001), его деятельность направлена в том числе на содействие государствам в ведении обмена информацией в отношении любых групп, совершающих или планирующих совершить террористический акт. Деятельность КТК по повышению согласованности и эффективности оказания технической помощи в борьбе с терроризмом ведется, в том числе путем обмена информацией со всеми двусторонними и многосторонними учреждениями и организациями, оказывающими такую помощь. Актуальность и необходимость ведения и активизации информационного обмена не раз констатировалась как в рамках системы ООН, в конвенциях, резолюциях, докладах, так и в Декларации, дополняющей Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г., подчеркивается исключительно важное значение обмена специальными сведениями о личности террористов, их передвижениях и получаемом оружии.

Можно сделать вывод, что проблеме информационного обмена в рамках ООН со временем стало уделяться достаточное внимание, а нормы международного права, регламентирующие его, демонстрируют явный прогресс, в том числе благодаря усилиям конкретных органов системы ООН.

Примером реальных результатов практической работы государств в направлении укрепления антитеррористического сотрудничества на региональном уровне можно считать деятельность Антитеррористического центра СНГ (АТЦ СНГ). Это специальный постоянно действующий отраслевой орган СНГ, задачи которого достаточно широки именно в плане информационного обмена, в их числе:

- анализ поступающей информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах — участниках СНГ и других государствах;
- формирование на базе объединенного банка данных органов безопасности, специальных служб и других компетентных органов государств — участников СНГ специализированного банка данных:
 - а) о международных террористических и иных экстремистских организациях, их лидерах, а также причастных к ним лицах;
 - б) о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах — участниках СНГ и других государствах;
 - в) о неправительственных структурах и лицах, оказывающих поддержку международным террористам;
- предоставление информации на регулярной основе и по запросам компетентным органам государств — участников СНГ, участвующим в формировании специализированного банка данных;
- установление и поддержание рабочих контактов с международными центрами и организациями, занимающимися вопросами борьбы с международным терроризмом, а также соответствующими специализированными структурами других государств.

При этом перечень задач и функций АТЦ СНГ, согласно Решению Совета глав государств СНГ о его создании, не является закрытым, соответственно, возможности данной организации значительно больше, чем формальное выполнение указанных мер. Роль АТЦ СНГ неоднократно подчеркивалась на различных уровнях, в том числе указывалось, что «одним из ключевых направлений деятельности центра является организация информационно-аналитической работы и расширение спектра информационных ресурсов, используемых для проведения аналитических исследований и подготовки прогнозов развития ситуации»⁶. Помимо этого, в рамках Центра существует и успешно используется Специализиро-

⁶ Новиков А.П. Борьба с терроризмом дает реальную отдачу // Издание «ВВП» 2010. № 6 (56); URL:<http://www.vvprf.ru/> (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

ванный банк данных (СБД) АТЦ СНГ — межгосударственная, межведомственная информационная система коллективного пользования. АТЦ СНГ осуществляет свою деятельность не только в рамках Содружества, он ведет активное сотрудничество с Комитетом экспертов Совета Европы по борьбе с терроризмом, а также с такими региональными организациями, как Шанхайская организация сотрудничества, Организация договора о коллективной безопасности, Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества и др.

Таким образом, мы видим, что на уровне региональной организации не только возможно, но и необходимо решать задачи по информационному сотрудничеству в целях противодействия терроризму, но действовать следует не обособленно, а в тесной связи с другими международными институтами в данной сфере.

Но существуют и определенные проблемы в области обмена этой информацией и оперативными сведениями. Чаще всего сведениям, так или иначе относящимся к безопасности государства, присваивается определенный гриф секретности, который ограничивает возможности обращения с этой информацией. Борьба с терроризмом, безусловно, относится к такого рода информации, что сильно затрудняет возможность передачи необходимых сведений иностранным партнерам.

Один из вероятных путей решения этой проблемы — создание особого грифа секретности для информации такого рода, который упрощал бы процедуру её выпуска. Так, для преодоления барьеров в обмене разведанными Директор Национальной разведки США в 2005 г. ввел возможность использовать новый гриф для разведывательных документов: RELIDO (*Releasable by Information Disclosure Official*). Джон Негропonte, в 2005 г. — директор Национальной разведки, пояснил, что RELIDO введен для того, чтобы облегчить обмен информацией через ускорение процедуры принятия решений о раскрытии сведений. По сути, RELIDO предоставляет чиновникам полномочия, в случае если это необходимо, выпускать документы, не консультируясь с их создателями⁷.

Государства крайне ревностно относятся к защите такой информации, и обмен ей чаще всего происходит в рамках двухсторонних соглашений и всегда сопровождается определенными трудностями. Например, в октябре 2013 г., Европарламент даже принял решение о приостановлении действия договоренности об обмене секретными данными со спецслужбами США. Скорее всего, на решение политиков повлияли недавние скан-

далы, связанные с рассекречиванием данных о тотальной слежке со стороны американского Агентства национальной безопасности.

Другим проблемным фактором является весьма низкая степень участия в международных программах обмена данными государств, наиболее сильно страдающих от терроризма, которые находятся в некоторой изоляции на международной арене по политическим или иным причинам. Точнее сказать те страны, где и нашёл в большей степени укрытие международный терроризм, не всегда способны эффективно с ним бороться, а тем более проводить активную политику в области обмена информацией.

Наиболее значимыми путями развития и расширения информационного обмена в данной конкретной сфере для поддержания международного мира и безопасности видятся:

- осуществление эффективного межведомственного обмена как между компетентными органами внутри государства, так и с аналогичными структурами иностранных государств;
- расширение обмена в рамках специализированных международных организаций;
- создание региональные организации, а также проведение специализированные антитеррористических учений;
- более активное сотрудничество в расследовании преступлений террористической направленности, помощь в получении доказательств на территории иностранных государств;
- минимизация распространения недостоверной и неактуальной информации;
- по возможности избегание дублирования функций различных организаций и информационных систем;
- и, наконец, создание объединенной информационной системы, которая бы содержала биографическую и биометрическую информацию о лицах, подозреваемых в совершении актов терроризма, участвовавших в их подготовке или совершении, состоящих в экстремистских и террористических организациях (к слову, подобные системы существуют на региональном уровне, например, для накопления и систематизации аналитических исследований и других материалов, а также прогнозирования развития ситуаций в том или ином регионе, в Антитеррористическом Центре СНГ сформирована межгосударственная, межведомственная информационная система коллективного пользования — Специализированный банк данных).

Актуальность информационного обмена в области борьбы с международным терроризмом регулярно подтверждается практическими примерами:

- 9 апреля 2014 г. директор ФСБ Александр Бортников на XIII совещании руководителей

⁷ Сайт Федерации американских ученых (Federation of American Scientists, FAS); URL: <https://www.fas.org/irp/offdocs/dcid8-memo.html> (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

— спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств — партнеров ФСБ России в Красной поляне в Сочи сделал заявление, в котором отметил роль информационного обмена в недопущении террористических атак на олимпийские объекты в г. Сочи в период проведения Олимпийских игр. «Четкое и слаженное применение всего комплекса антитеррористических мер, а также согласованная работа по оперативному и информационному взаимодействию позволили организаторам спортивных состязаний провести этот праздник «олимпийского духа» в обстановке максимальной защищенности и комфорта, как для участников, так и для гостей соревнований»; также 9 апреля 2014 г. американская газета The New York Times, ссылаясь на источник, знакомый с содержанием конфиденциального доклада ФБР о расследовании теракта в Бостоне в апреле 2013 г., сообщила, что, в соответствии с указанным докладом, российс-

кие спецслужбы своевременно не предоставили необходимую информацию о братьях Царнаевых, совершивших этот теракт. Информация о том, что Тамерлан Царнаев стал последователем радикального ислама была предоставлена российскими спецслужбами американским коллегам еще в 2011 г., тем не менее, в ФБР решили, что он более угрожает безопасности России, нежели США, и запросили дополнительные оперативные сведения, которыми на тот момент ФСБ не обладала, поскольку будущие террористы в основном проживали на территории США⁸.

Таким образом, на данных примерах мы видим практическое значение своевременного информационного обмена, а также надлежащего анализа поступающей информации. Дальнейшее развитие информационного обмена как такового и в данной конкретной сфере зависит от взаимного доверия и укрепления дружественных связей между государствами, что в полной мере соответствует духу международного права и требованиям Устава ООН.

Материал поступил в редакцию 26 сентября 2014 г.

⁸ URL: <http://www.nytimes.com/2014/04/10/us/russia-failed-to-share-details-on-boston-marathon-bombing-suspect.html?hp&_r=2> (последнее посещение — 21 сентября 2014 г.).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

П.А. Калиниченко*

Правовые аспекты взаимоотношений между Россией и Европейским союзом в рамках Всемирной торговой организации**

Аннотация. Настоящая статья посвящена правовым аспектам взаимодействия России и ЕС в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) в течение первых двух лет членства России в ВТО, анализируется характер изменений двусторонней нормативной базы между Россией и ЕС в сфере торгово-экономического сотрудничества, а также первые споры между Россией и ЕС, рассматриваемые в рамках ВТО. Являясь уже более двух лет полноправным членом ВТО, Россия, тем не менее, по-прежнему считается «новичком» организованных процессов глобальной экономики. С другой стороны, сегодня отчетливо видится понимание места России на мировом рынке, ее интересов и возможностей. Не прошли даром и 18 лет подготовки России к вступлению в ВТО. Вместе с тем вступление в ВТО ничего не меняет в том, что касается экспортной ориентированности и сырьевого характера российской экономики. По-прежнему основным и безальтернативным торговым партнером России является ЕС. ЕС в целом последовательно содействовал присоединению России к ВТО. Вступление России в ВТО кардинально изменило характер договорно-правовой базы отношений между Россией и ЕС в торгово-экономической сфере. Как уже отмечалось выше, основной блок положений все еще действующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия — ЕС 1994 г. принципиально устарел и больше не способен обслуживать партнерство Россия — ЕС в новых реалиях. Утратили свою актуальность секторные соглашения Россия — ЕС, принятые в сфере торговых отношений. В статье подвергаются анализу первые дела по торговым спорам между Россией и ЕС, рассматриваемые в рамках ВТО, а также анализируются проблемы и перспективы дальнейшего развития торгово-экономических отношений между Россией и ЕС на базе норм и принципов ВТО в условиях обострения политической обстановки и введения взаимных санкций.

Ключевые слова: Россия, ЕС, ВТО, торгово-экономическое сотрудничество, разрешение споров, антидемпинговые пошлины, санкции, новое базовое соглашение, зона свободной торговли, интеграция.

Водные замечания. Настоящая статья посвящена правовым аспектам взаимодействия России и ЕС в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) в течение первых двух лет членства России в ВТО, анализируется характер изменений двусторонней нормативной базы между Россией и ЕС в сфере торгово-экономического сотрудничества, а также первые споры между Россией и ЕС, рассматриваемые в рамках ВТО.

Роль ЕС в процессе присоединения России к ВТО. Являясь уже более двух лет полноправным

членом ВТО, Россия, тем не менее, по-прежнему считается «новичком» организованных процессов глобальной экономики. С другой стороны, сегодня отчетливо видится понимание места России на мировом рынке, ее интересов и возможностей. Не прошли даром и 18 лет подготовки России к вступлению в ВТО.

Россия стала полноправным членом ВТО после принятия Государственной Думой 10 июля 2012 г. Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Феде-

© Калиниченко П.А., 2014

* Калиниченко Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры права Европейского союза, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[paulkalinichenko@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФБГУОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); НИР «Право ВТО: теория и практика применения». Проект № 2.3.1.3.

рации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.», и подписанием его Президентом РФ 21 июля 2012 г.¹ С этого момента началась новая эпоха в отношениях России с остальным миром, Россия завершила свое вхождение на глобальный мировой рынок и как полноправный игрок международной экономической системы действует на основе недискриминации и взаимности интересов в торговле, заложенных в положении базовых документов ВТО.

Вместе с тем вступление в ВТО ничего не меняет в том, что касается экспортной ориентированности и сырьевого характера российской экономики. По-прежнему основным и безальтернативным торговым партнером России является ЕС. По данным Минэкономразвития на апрель 2014 г., на долю ЕС приходится 49,2 % всего российского внешнего товарооборота². Ни общее ухудшение политического климата в отношениях между Россией и ЕС, ни даже взаимные санкции не способны разрушить сложившуюся экономическую взаимозависимость между Россией и нероссийской частью Европы.

ЕС в целом последовательно содействовал присоединению России к ВТО. При этом переговорный процесс между партнерами был непросто, каждая из сторон пыталась как можно в большей степени отстоять свои интересы, представить свое видение рамок и условий взаимодействия Россия — ЕС в формате российского членства в ВТО. Это четко прослеживается в положениях итогового совместного заявления по результатам переговоров о присоединении России к ВТО от 10 октября 2010 г.³ и Решения Совета ЕС относительно вступления России в ВТО, принятого 14 декабря 2011 г.⁴

Изменение двусторонней нормативной базы между Россией и ЕС после присоединения России к ВТО. Не секрет, что торгово-экономические

отношения между Россией и ЕС строились на основе режима, максимально приближенного к нормам и стандартам ВТО начиная с 1990-х гг. Торгово-экономический блок Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, подписанного в 1994 г. и вступившего в силу в 1997 г. (СПС)⁵ изобилует бланкетными нормами, отсылающими к положениям ГАТТ и ГАТС, и нацелен на их применение к отношениям сторон *mutatis mutandis*⁶. Практика применения СПС в российских судах содержит немало примеров применения норм и правил ВТО сквозь призму Базового соглашения Россия — ЕС⁷.

Вступление России в ВТО потребовало принципиальных изменений в правовом регулировании торгово-экономических отношений между Россией и ЕС. Значительная часть положений торгово-экономического блока СПС фактически утратили силу, прекратили свое действие соглашения, определявшие специальный режим торговли изделиями из стали. Специальные торговые режимы, предусмотренные ст. 20 и 21 СПС, не могут более быть допустимы.

Вместе с тем переговоры между Россией и ЕС в свете присоединения России к ВТО дали свои практические результаты в виде новых секторных соглашений Россия — ЕС, фиксирующих новые рамки правового регулирования торговых отношений между партнерами. 16 декабря были подписаны сразу 4 таких соглашения, временно применяемых с 2012 г. Эти соглашения затрагивают области торговли услугами, сферы автомобилестроения, сырьевой промышленности и лесного хозяйства.

Если Соглашение 2011 г. по торговле услугами⁸ направлено на сохранение *status quo* в торговых отношениях между Россией и ЕС и подтверждает основополагающий характер обязательств по СПС в данной сфере, то три других соглашения фикси-

¹ Федеральный закон от 21.07.2012 № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4177.

² Товарооборот России с Евросоюзом за 4 месяца 2014 г. составил 103,2 млрд долл. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/foreignEconomicActivity/201407107> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.).

³ Совместное заявление делегаций РФ и Европейского Союза в связи с завершением двусторонних переговоров по ключевым вопросам присоединения РФ к ВТО // Официально опубликовано не было. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=660> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.).

⁴ 2012/17/EU: Council Decision of 14 December 2011 establishing the position to be taken by the European Union within the relevant instances of the World Trade Organization on the accession of the Russian Federation to the WTO // OJ L 6, 10.01.2012. P. 6.

⁵ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией с одной стороны, Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part) // OJ L 327, 28.11.1997. P. 1; Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.

⁶ Калиниченко П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права ЕС на практику российских судов) // Lex Russica. 2013. № 11. С. 1224–1234.

⁷ Калиниченко П.А. Право Европейского союза в практике российских судов // Закон. 2008. № 11. С. 100.

⁸ Соглашение в форме обмена письмами между Правительством РФ и Европейским союзом о подтверждении обязательств в области торговли услугами, содержащиеся в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, учреждающим партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, от 24 июня 1994 г. // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.); OJ L 57, 29.2.2012. P. 44.

руют результаты достигнутых договоренностей по соответствующим товарным рядам в рамках переговоров по присоединению России к ВТО. Соглашение по комплексу транспортных средств⁹ в большей степени защищает интересы европейских автомобилестроителей, в то время как соглашения по сырью¹⁰ и лесу¹¹ — скорее, интересы российских промышленников. Рассматриваемые документы отражают практические реалии российских экономических интересов, экспорт и сырье остаются основой их формулы.

В то же время 4 новых соглашения носят прикладной характер по отношению к вопросам торгово-экономического сотрудничества и не способны стать новой фундаментальной основой для отношений между Россией и ЕС в условиях членства России в ВТО. Такой основой может быть только Базовое соглашение сторон. До новации Базового соглашения между Россией и ЕС будет сохраняться множество противоречий — сложных и простых, глубоких и решаемых, экономических и иных.

Основными сферами торгово-экономического взаимодействия между Россией и ЕС, где по-прежнему сохраняются расхождение позиций, являются протекционизм в автомобильной промышленности, фитосанитарные нормы, воздушные перевозки, торговый и инвестиционный режим в топливно-энергетическом комплексе, антидемпинговые меры и другие санкции¹². Решение этих вопросов, существующих годами в отношениях сторон невозможно в одночасье, однако ВТО дает новые инструменты и новые возможности для сглаживания назревших противоречий. В этом отношении в рамках процедуры рассмотрения споров в ВТО Россия и ЕС могут расставить точки над «i» во многих текущих проблемах торговых взаимоотношений, чтобы завтра сделать новый рывок в направлении интеграции.

Первые торговые споры между Россией и ЕС, рассматриваемые в рамках ВТО. Запрос о консуль-

тации по первому спору между ЕС и Россией не заставил себя ждать¹³, в течение первого года членства России ЕС попытался оспорить российское законодательство об утилизационном сборе на автомобиле¹⁴. В июле 2013 г. после консультаций, которые не принесли ожидаемого компромисса, ЕС объявил о дальнейших шагах в рамках процедуры разрешения споров ВТО. ЕС приступил к формулированию запроса о формировании панели арбитров. В то же время российская сторона в одностороннем порядке пошла на уступки и изменила оспариваемые положения законодательства¹⁵. Несмотря на очевидный факт приведения внутреннего законодательства в соответствие с требованиями ЕС, европейская сторона все же запросила о создании панели арбитров ВТО¹⁶.

В январе 2014 г. российская сторона сформулировала и направила запрос о консультациях в отношении методологии расчета стоимости и ряда антидемпинговых мер по импорту из России¹⁷. Суть запроса заключается в претензии российской стороны относительно соответствия положений ст. 2.1 и 2.5 Базового антидемпингового регламента ЕС 2009 г.¹⁸ нормам Антидемпингового кодекса ВТО 1994 г.¹⁹, при том что право ЕС во многом идет в русле права ВТО, трансформируя положения ВТО в европейские нормы²⁰. Поводом для на-

¹³ Russian Federation — Recycling Fee on Motor Vehicles — Request for consultations by the European Union // WT/DS462/1 (11 July 2013).

¹⁴ Федеральный закон РФ от 28.07.2012 № 128-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4317; Постановление Правительства РФ от 30.08.2012 № 870 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств» // Там же. № 36. Ст. 4919.

¹⁵ Федеральный закон от 21.10.2013 № 278-ФЗ «О внесении изменений в статью 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления»» // Там же. 2013. № 43. ст. 5448; Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1291 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств и шасси и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Там же. 2014. № 2 (ч. I). Ст. 115.

¹⁶ Russian Federation — Recycling fee on motor vehicles — Request for the establishment of a panel by the European Union // WT/DS462/8 (11 October 2013).

¹⁷ European Union — Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia — Request for consultations by the Russian Federation // WT/DS474/1 (9 January 2014).

¹⁸ Council Regulation (EC) № 1225/2009 of 30 November 2009 on protection against dumped imports from countries not members of the European Community // OJ L 343, 22.12.2009, P. 51.

¹⁹ Соглашение о применении статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (Соглашение АД).

²⁰ Четвериков А.О. Нормативная модель либерализации трансграничных отношений в праве Европейского союза: правовые формы и общие принципы создания пространства без внутренних границ в рамках ЕС. М.: Элит, 2011. С. 232.

⁹ Соглашение между Правительством РФ и Европейским союзом о торговле между Российской Федерацией и Европейским союзом узлами и агрегатами моторных транспортных средств // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.); OJ L 57, 29.2.2012. P. 15.

¹⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Европейским союзом о введении или повышении экспортных пошлин на сырьевые товары // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.); OJ L 57, 29.2.2012/ P. 53.

¹¹ Соглашение между Российской Федерацией и Европейским союзом в отношении администрирования тарифных квот, применяемых в отношении экспорта леса из Российской Федерации в Европейский союз // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (последнее посещение — 16 сентября 2014 г.); OJ L 57, 29.2.2012. P. 3.

¹² Van der Loo, G. EU-Russia Trade Relations: It Takes WTO to Tango? // Legal Issues of Economic Integration 40. 2013. № 1. P. 7–32.

правления запроса о консультациях явились решения Трибунала ЕС, вынесенные 7 февраля 2013 г. в отношении российских предприятий химической промышленности²¹. Трибунал ЕС отказался констатировать различия между положениями правил ВТО и антидемпингового законодательства ЕС. Нормы ЕС позволяют использовать различия в цене на газ в России и ЕС в качестве негативного обстоятельства, берущегося в основу наложения антидемпинговых санкций. Более того, Трибунал ЕС указал, что подобная методология расчета является принципом права ЕС. Вместе с тем правила ВТО не содержат никаких положений, которые бы запрещали или указывали на негативный характер ситуации с «двойной ценой» на газ. Принципиальный характер вопроса не позволил успешно завершиться консультациям сторон. Российская сторона запросила сформировать панель арбитров по данному делу в июне 2014 г.²²

Следующий запрос о консультациях был направлен европейской стороной в апреле 2014 г. в отношении соответствия российского законодательства и мер, принимаемых на его основе Соглашению ВТО по примирению санитарных и фитосанитарных мер²³. Предметом спора явились запреты российской стороны на экспорт России свинины из Европейского союза (Литва, Польша), введенные в начале 2014 г. Консультации также не завершились желаемым компромиссом, европейская сторона запросила о создании панели арбитров²⁴.

Российская сторона, в свою очередь, направила запрос о проведении консультаций в отношении соответствия положений «третьего энергопакета» ЕС нормам и правилам ГАТТ, ГАТС, ТРИМС и Соглашения ВТО по специальным защитным мерам 1994 г.²⁵ Россия оспаривает как положения газовой директивы ЕС, так и меры ее трансформации в ряде государств-членов и исключения, сделанные Европейской комиссией в отношении ряда проектов и компаний из общих положений об инвестиционном климате и конкуренции на внутреннем рынке природного газа ЕС.

²¹ Case T-235/08, Acron OAO and Dorogobuzh OAO v. Council of the EU // OJ C 101, 06.04.2013. P. 15; Case T-459/08, EuroChem MCC v. Council of the EU // OJ C 220, 12.09.2009. P. 31.

²² European Union — Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia — Request for the establishment of a panel by the Russian Federation // WT/DS474/4 (6 June 2014).

²³ Russian Federation — Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union — Request for consultations by the European Union // WT/DS475/1 (14 April 2014).

²⁴ Russian Federation — Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union — Request for the establishment of a panel by the European Union // WT/DS475/2 (30 June 2014).

²⁵ European Union and its Member States — Certain Measures Relating to the Energy Sector — Request For Consultations by the Russian Federation // WT/DS476/1 (8 May 2014).

В мае 2014 г. Европейская комиссия направила очередной запрос о консультации с Россией в рамках процедуры рассмотрения споров ВТО относительно антидемпинговых пошлин на легкие коммерческие автомобили²⁶, введенные Евразийской экономической комиссией²⁷. Недолгие консультации сторон завершились направлением запроса Европейского союза о формировании панели арбитров по данному спору²⁸.

Новые запросы о консультациях готовятся сторонами в отношении взаимных санкций, введенных сторонами в июле—сентябре 2014 г. Примечательным, в этой связи является сам факт того, что, с точки зрения права ВТО, остается до сих пор не ясным, совместимы ли односторонние экономические санкции с правилами ВТО в целом и ст. 22 ГАТТ в частности. Решение, принятое в рамках ВТО по данному вопросу, может существенным образом изменить возможность одностороннего наложения санкций по политическим мотивам вообще.

Перспективы развития торговых отношений между Россией и ЕС на базе норм и правил ВТО. Вступление России в ВТО кардинально изменило характер договорно-правовой базы отношений между Россией и ЕС в торгово-экономической сфере. Как уже отмечалось выше, основной блок положений все еще действующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия — ЕС 1994 г. принципиально устарел и больше не способен обслуживать партнерство Россия — ЕС в новых реалиях. Утратили свою актуальность секторные соглашения Россия — ЕС, принятые в сфере торговых отношений.

Очевидна необходимость формирования нового регулирования отношений между Россией и ЕС в новых условиях. На повестке дня разработка и подписание Нового базового соглашения между Россией и ЕС, которое заменит действующее СПС. Переговоры по этому соглашению оказались крайне сложным. Россия с самого начала их вела в сложных условиях, параллельно вступая в ВТО, присоединяясь к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и фор-

²⁶ Russian Federation — Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy — Request For Consultations by the European Union // WT/DS479/1 (26 May 2014).

²⁷ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14.05.2013 № 113 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей, происходящих из Федеративной Республики Германия, Итальянской Республики и Турецкой Республики и ввозимых на единую таможенную территорию Таможенного союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.tsouz.ru/> (последнее посещение — 16.09.2014).

²⁸ Russian Federation — Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy — Request for the establishment of a panel by the European Union // WT/DS479/2 (16 September 2014).

мируя единый фундамент экономического взаимодействия на евразийском пространстве. Кроме того, сами переговоры в марте 2014 г. были отложены европейской стороной на неопределенный срок в качестве реакции на события на Украине.

Россия сегодня готова строить отношения с нашими приоритетными торговыми партнерами на новых преференциальных условиях, предусматривающих различные формы торговых отношений — экономическое пространство, таможенный союз, зона свободной торговли. В этой связи, идея создания общего рынка от Лиссабона до Владивостока может и должна наполниться новыми идеями и подходами.

Вместе с тем непростым оказался вопрос о возможности создания «зоны свободной торговли» между Россией и ЕС. После десятилетия «бла-

гих» намерений, после вступления России в ВТО, европейская сторона фактически отказалась обсуждать эту идею, сославшись на невозможность построения такой зоны, в виду создания Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, а позднее — подписания 28 мая 2014 г. Договора о Евразийском экономическом союзе. Проблема заключается в том, что в отношении Беларуси ЕС ранее ввела санкции и развитие углубленных экономических отношений в данном ключе невозможно, в соответствии со ст. 21 Договора о Европейском союзе 1992 г.²⁹ С созданием Таможенного союза и ЕАЭС, зона свободной торговли может быть построена только путем переговоров ЕС с тройкой стран — участниц этих объединений. Помимо этого, Россия сама оказалась под санкциями ЕС в 2014 г.

Библиография:

1. Калиниченко П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права ЕС на практику российских судов) // *Lex Russica*. 2013. № 11. С. 1224–1234.
2. Калиниченко П.А. Право Европейского союза в практике российских судов // *Закон*. 2008. № 11. С. 99–108.
3. Четвериков А.О. Нормативная модель либерализации трансграничных отношений в праве Европейского союза: правовые формы и общие принципы создания пространства без внутренних границ в рамках ЕС. М.: Элит, 2011. 232 с.
4. Van Elsuwege P. The Legal Framework of the EU–Russia Relations: Quo Vadis? // *The European Union in the World: Essays in Honour of Marc Maresceau* / Eds. I. Govaere, E. Lannon, P. Van Elsuwege, S. Adam. Leiden. 2014. P. 444–460.
5. Van der Loo. G. EU-Russia Trade Relations: It Takes WTO to Tango? // *Legal Issues of Economic Integration* 40. 2013. № 1. P. 7–32.

References (transliteration):

1. Kalinichenko P.A. Evropeizatsiya rossiiskoi sudebnoi praktiki (na primere vliyaniya prava ES na praktiku rossiiskikh sudov) // *Lex Russica*. 2013. № 11. S. 1224–1234.
2. Kalinichenko P.A. Pravo Evropeiskogo Soyuzu v praktike rossiiskikh sudov // *Zakon*. 2008. № 11. S. 99–108.
3. Chetverikov A.O. Normativnaya model' liberalizatsii transgranichnykh otnoshenii v prave Evropeiskogo Soyuzu: pravovye formy i obshchie printsipy sozdaniya prostranstva bez vnutrennikh granits v ramkakh ES. M.: Elit, 2011. 232 s.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2014 г.

²⁹ Van Elsuwege P. The Legal Framework of the EU-Russia Relations: Quo Vadis? // *The European Union in the World: Essays in Honour of Marc Maresceau* / Eds. I. Govaere, E. Lannon, P. Van Elsuwege, S. Adam. Leiden. 2014. P. 444–460.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д.О. Серов*

Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень (из истории и предыстории судебной реформы 1864 г.)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы обеспечения органов прокуратуры и следственного корпуса России юридически образованными кадрами в канун судебной реформы 1864 г. и в начальный период ее проведения. Приведены новые сведения о том, что до начала 1860-х гг. высшее руководство страны не уделяло должного внимания вопросу об укомплектовании государственного аппарата дипломированными юристами. Впервые изложена сводка данных о количестве выпускников юридических факультетов российских университетов, лицеев и училищ юридического профиля за 1840–1850-е гг. Обоснован вывод о наличии в предреформенной России дефицита лиц с высшим юридическим образованием. Детально рассмотрена история оформления в отечественном законодательстве первой половины 1860-х гг. образовательного ценза для должностных лиц органов юстиции и прокуратуры. Введены в научный оборот систематические данные об образовательном уровне обер-прокуроров Правительствующего Сената, губернских и областных прокуроров, уездных стряпчих и судебных следователей за 1851–1868 гг. Определены доли выпускников различных юридических высших учебных заведений среди прокуроров и судебных следователей в указанный период. Показана неравномерность распределения юридически образованных прокурорско-следственных кадров по регионам империи. Приведены сведения о получении прокурорами и следователями непрофильного высшего образования. Резюмировано, что Министерство юстиции сумело к концу 1860-х гг. добиться максимально возможных результатов в обеспечении дипломированными юристами как высшего и среднего звеньев органов прокуратуры, так и корпуса судебных следователей.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., квалификационные требования, образовательный ценз, высшее юридическое образование, юридический факультет, Императорское Училище правоведения, кадровая политика, Министерство юстиции, Правительствующий Сенат, судебный следователь, обер-прокурор, губернский прокурор, уездный стряпчий.

В истории государства и права России последних двух столетий судебная реформа 1864 г. явилась одним из особенно значимых событий. Существенным последствием проведения реформы стало, как известно, значительное улучшение кадрового состава судебного ведомства. Это улучшение проявилось в первую очередь в увеличении в пореформенных судах и прокуратуре числа лиц с высшим юридическим

образованием, что способствовало формированию в нашей стране юридической профессии (*legal profession* или *law profession*)¹.

¹ О юридической профессии в пореформенной Российской империи наиболее подробно см.: Levin-Stankevich B. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // *Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History* / Ed. by H. Balzer. N.Y.: Armonk, 1996. P. 223–249.

© Серов Д.О., 2014

* Серов Дмитрий Олегович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ).

[serov1313@mail.ru]

630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

** Статья подготовлена в рамках гранта РФ «Границы и маркеры социальной стратификации России XVIII–XX вв.», проект № 14–18–01873.

Однако проблема образовательного уровня должностных лиц судебного ведомства в переходную эпоху 1850–1860-х гг. донныне не привлекала внимания исследователей, если не считать приведенных в литературе разрозненных сведений об образованности в ту пору некоторой части судей, губернских прокуроров и старшего канцелярского персонала Правительствующего Сената². Тем самым к настоящему времени остались непроясненными как многие грани, так и масштаб тех перемен в сфере кадрового обеспечения судов и прокуратуры, которые произошли в ходе судебной реформы 1864 г. Настоящая статья является собой первый опыт специального обращения к вопросу об истории формирования корпуса «новых кадров» ведомства Министерства юстиции. В статье речь пойдет об уровне образовательной подготовки лиц, занимавших должности прокуроров и судебных следователей, в канун судебной реформы, а также в начальный период ее осуществления.

Вполне очевидно, что образовательный уровень любой профессиональной группы зависит преимущественно от двух факторов. Первый из них образуют принципы кадровой политики, реализуемой в отношении соответствующей группы (в частности наличие/отсутствие образовательного ценза в системе квалификационных требований). Вторым фактором является состояние системы подготовки специалистов данного профиля, способность имеющихся образовательных учреждений обеспечить необходимое количество выпускников.

Что касается принципов кадровой политики, то не вызывает сомнений, что до начала 1860-х гг. высшее руководство России не уделяло надлежащего внимания проблеме укомплектования государственного аппарата юридически образованными лицами, не побуждало ведомства проводить соответствующий отбор кадров (общеизвестным исключением здесь стало основание в 1835 г. Императорского Училища правоведения). Помимо разнообразных сведений, приведенных в литературе³, в этом отношении весьма показательны данные о предреформенных назначениях в состав Правительствующего Сената — высшего судебного и надзорного органа Российской империи.

Как удалось установить, на протяжении 1853–1863 гг. на должность сенатора были опре-

делены 103 человека⁴, из которых высшее юридическое образование имели лишь семеро⁵ (6,8 %). Для сравнения уместно заметить, что в соседнем Королевстве Пруссия наличие юридического образования для судей судов высшего звена стало обязательным в 1713 г. (!), а для остальных судей — в 1737 г. Кроме того, в первой половине 1750-х гг. в Пруссии для претендентов на занятие должностей в органах правосудия были введены особые квалификационные экзамены⁶.

На ситуации с состоянием юридической подготовки в дореформенной России представляется необходимым остановиться несколько более подробно. Не вызывает сомнений, что система юридического образования получила во второй трети XIX в. очевидное развитие⁷. К 1860 г. в империи функционировали шесть юридических факультетов (Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского, Дерптского университетов и расположенного в Киеве Университета св. Владимира), юридическое отделение Одесского Ришельевского лицея, а также четыре специализированных учебных заведения юридического профиля — Демидовский юридический лицей в Ярославле, Лицей князя Безбородко в Нежине (Черниговская губерния), состоявшее в ведомстве Министерства юстиции упомянутое выше Императорское Училище правоведения и состоявшее в ведомстве Военного министерства Аудиторское училище⁸.

Какова же была в описываемое время численность контингента выпускников-юристов, насколько она соотносилась с количеством штатных должностей в государственном аппарате империи? Как удалось установить, юридический факультет Императорского университета св. Владимира за 20-летие 1840–1859 гг. окончи-

⁴ Подсчитано по: Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 19–510.

⁵ В.А. Арцимович, Г.А. Гизетти, М.И. Любоцинский, А.Е. Матюнин, В.Ф. Рогозинский, М.И. Топильский и А.И. Халанский.

⁶ См.: Friedrich G. The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // The Journal of Modern History. 1939. Vol. 11. № 2. P. 140.

⁷ Подробнее см.: Захаров В.В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX — начала XX вв. Курск: КГУ, 2006. С. 34–40, 93–113; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX в.: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010. С. 29–193.

⁸ В.А. Томсинов отнес к числу юридических учебных заведений рассматриваемого периода и привилегированный Александровский (бывший Царскосельский) лицей, в котором с 1848 г. был значительно увеличен объем преподавания юридических дисциплин (См.: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 161–163). Поскольку с этим мнением представляется затруднительным согласиться, выпускники названного образовательного учреждения в числе дипломированных юристов в настоящей статье не учитывались.

² См.: Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 96, 99–100, 119, 172; Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 393, 442–444, 446; Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 79–80.

³ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 137–139, 160–161, 170–173; Уортман Р. Властители и судии. С. 126–128, 136–138, 145–146, 161–162.

ло 345 человек⁹ (в среднем по 17 человек в год). За те же два десятилетия Императорский Санкт-Петербургский университет выпустил 830 юристов¹⁰ (в среднем по 42 человека в год).

В Императорском Харьковском университете на выпускном 4-м курсе юридического факультета в 1840 г. обучалось 34 студента, в 1843 г. — 32, а в 1854 г. — 26¹¹. Лицей князя Безбородко за 17-летие 1843—1859 гг. подготовил 330 юристов¹² (в среднем по 19 человек в год), Аудиторское училище за 1840—1859 гг. — 271¹³ (в среднем по 14 человек в год). В свою очередь, юридический факультет Императорского Дерптского университета (*Kaiserlichen Universit t Dorpat*) за 10-летие 1840—1849 гг. выпустил 182 специалиста¹⁴ (в среднем по 18 человек в год).

Количество выпускников привилегированного Императорского Училища правоведения составило за 1840—1845 гг. 130 человек¹⁵ (в среднем по 22 в год). Юридический факультет Императорского Московского университета за 18-летие 1836—1854 гг. подготовил 802 дипломированных специалиста¹⁶ (в среднем по 46 человек в год). По состоянию на 1 января 1858 г. на выпускном курсе юридического факультета Московского университета обучалось 42 студента¹⁷. В 1861 г. общее

количество выпускников-юристов составило в нашей стране 328 человек¹⁸.

Как приведенные цифры соотносились с тогдашней численностью государственных гражданских служащих Российской империи? Известно, что в 1847 г. в отечественном государственном аппарате трудилось 61 548 служащих, а в 1857 г. — 86 066, и что в конце 1850-х гг. на государственной службе ежегодно открывалось в среднем около 3000 вакансий¹⁹. В свете этих данных незначительность выпуска специалистов в области юриспруденции в 1840—1850-е гг. представляется очевидной. Тем самым следует констатировать наличие в предреформенной России дефицита лиц с высшим юридическим образованием. Подобный дефицит весьма затруднял возможность в сжатые сроки образовывать из дипломированных юристов полноценный кадровый резерв для любого ведомства.

Проблема с формированием резерва юридически образованных кадров для Министерства юстиции была в канун судебной реформы еще более острой — из-за ситуации с юридическим факультетом Дерптского университета и Аудиторским училищем. Дело в том, что до 1889 г. преподавание в Дерптском университете велось исключительно на немецком языке, а среди студентов преобладали уроженцы Балтии. Соответственно, согласно данным «Альбома» *Kaiserlichen Universit t Dorpat*, из 182 упомянутых выпускников юридического факультета 1840-х гг. 137 человек (75,3 %) поступили на службу в органы государственной власти и местного самоуправления балтийских губерний²⁰. Что касается Аудиторского училища, то оно готовило специалистов для органов военной юстиции, и его выпускники крайне редко переходили на гражданскую службу.

Переходя к вопросу о юридической образованности лиц прокурорского корпуса, прежде всего необходимо отметить, что до 1860-х гг. в отечественном законодательстве отсутствовали какие-либо квалификационные требования к образовательному уровню претендентов на прокурорские должности. Учитывая, что базисной функцией дореформенной российской прокуратуры являлся общий надзор за соблюдением законности, отсутствие подобных требований следует расценить как особенно яркое проявление недостаточного внимания высшего руководства страны к укомплектованию государственного аппарата юридически подготовленными кадрами. Как явствует из официального «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции»

⁹ Подсчитано по: Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Киев: Типогр. Имп. Ун-та св. Владимира, 1884. Т. 1. Прил. С. XXXVIII.

¹⁰ Подсчитано по: Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: истор. записка. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1870. Прил. С. LXXVII—CVI. Без учета выпускников камерального и административного отделений юридического факультета.

¹¹ Подсчитано по: Список студентов Императорского Харьковского университета на 1840/41 академический год. [Харьков, 1840]. С. 19–20; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1843/44 академический год. [Харьков, 1843]. С. 23–24; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1854–1855 академический год. [Харьков, 1854]. С. 14–15.

¹² Подсчитано по: Список студентов, окончивших курс в Лицее князя Безбородко со времени преобразования его из математического факультета в юридический / сост. Н.В. Гербель // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб.: Тип. В. Безбородова и Ко, 1881. Прил. С. CXLVI—CLXXXVI.

¹³ См.: Пятьдесят лет специальной школе для образования военных законоведов в России. 1832–1882 / под ред. П.О. Бобровского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1882. С. 156–157.

¹⁴ Подсчитано по: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. S. 249–360.

¹⁵ См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1846. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1846. С. 139.

¹⁶ См.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. 1755–1855. М.: Универ. тип., 1855. С. 574.

¹⁷ См.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. [М., 1857]. С. 135–137.

¹⁸ См.: Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2013. С. 29.

¹⁹ См.: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 34, 67, 69.

²⁰ См.: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. S. 249–360.

по состоянию на февраль 1851 г. из 57 губернских и областных прокуроров России высшее юридическое образование имели только 27 (47,3 % состава), а 21 региональный прокурор (36,8 %) не получил вообще никакого образования. Даже в прокуратуре Правительствующего Сената из 13 обер-прокуроров дипломированными юристами являлись лишь восемь человек (61,5 %) ²¹.

К примеру, в 1851 г. ни высшего, ни среднего образования не имели прокуроры Курляндской, Олонецкой и Ставропольской губерний статские советники Ф.Б. Клейн, П.А. Броницкий и В.Д. Ивков. Занимавший с 1839 г. должность прокурора Саратовской губернии статский советник С.И. Селивачев окончил в 1821 г. Морской кадетский корпус. А вот состоявший с 1845 г. прокурором Московской (!) губернии коллежский советник К.М. Колумбов являлся выпускником Пензенской духовной семинарии. Никакого образования не получил и действительный статский советник В.П. Зубков, находившийся с 1843 г. на посту обер-прокурора общего собрания московских департаментов Сената ²². Остается только гадать, на каком профессиональном уровне поименованные должностные лица были способны осуществлять надзор за соблюдением законности.

Явственно недостаточная укомплектованность прокурорского корпуса юридически подготовленными кадрами сохранялась и в 1863 г. Из 13 обер-прокуроров Сената юридическое образование имели тогда 9 человек ²³ (69,2 %), а остальные получили непрофильное высшее образование. Необходимо отметить, правда, что наиболее далекое от юриспруденции образование среди обер-прокуроров имел не кто иной, как Н.А. Буцковский. Известный знаток уголовного судопроизводства, будущий сенатор и один из «архитекторов» судебной реформы 1864 г., Николай Буцковский окончил в 1833 г. Главное инженерное училище, начав службу прапорщиком в Санкт-Петербургской инженерной команде ²⁴.

Не лучше обстояло дело с образовательным уровнем руководителей региональных прокуратур. В самый разгар подготовки судебной реформы из 59 губернских и областных прокуроров империи высшее образование имело 39 человек (66,1 % состава), в том числе высшее юридическое — 38 ²⁵ (64,4 %). Вместе с тем в 1863 г. в России насчиты-

валось еще 8 (!) губернских и областных прокуроров (13,5 %), которые не получили даже среднего образования ²⁶. Среди имевших юридическое образование региональных прокуроров заметно преобладали выпускники Училища правоведения (15 человек; 25,4 % состава) и юридического факультета Харьковского университета (6 человек; 10,2 %). Менее всего среди юридически образованных губернских и областных прокуроров насчитывалось выпускников юридического факультета Дерптского университета (1 человек ²⁷; 1,7 %).

Как представляется, впервые в истории ответственного государства и права образовательный ценз для должностных лиц органов юстиции был введен в 1860 г. в связи с основанием института судебных следователей. Как известно, согласно ст. 2 Закона «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 г., следователи входили в штат уездного суда и назначались министром юстиции по представлению губернатора. К кандидату на должность следователя в ст. 3 «Учреждения судебных следователей» были предъявлены квалификационные требования о наличии у него высшего или среднего образования, а также минимального опыта в расследовании уголовных дел ²⁸.

Осторожность, с которой законодатель подошел в 1860 г. к формулировке образовательного ценза для судебных следователей, имела очевидные основания. Учитывая обрисованный выше дефицит в стране дипломированных юристов, требование об обязательности для следователей юридического образования было бы заведомо неисполнимым на практике. Особенно если принять во внимание, что Министерству юстиции предстояло в сжатые сроки заполнить свыше 900 следовательских вакансий.

Однако введение даже столь смягченного образовательного ценза встретило непонимание в регионах. Уже в 1860 г. Министерство юстиции столкнулось с попытками губернских властей продвигать на должности следователей лиц, не имевших даже среднего образования, преимущественно из числа бывших полицейских чиновников. В ответ Министерство заняло достаточно жесткую позицию, предписав губернаторам предлагать на следственные должности лиц, «преиму-

²¹ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1851. СПб., 1851. С. 9–129, 259–386.

²² См.: Там же. С. 127, 299, 310, 318, 343, 349.

²³ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1863. СПб., 1863. С. 12–149.

²⁴ См.: Максимовский М.С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869. Прил. С. 84.

²⁵ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1863. С. 243–379.

²⁶ Прокуроры Енисейской, Костромской, Курляндской, Новгородской, Саратовской, Черниговской губерний, а также Дагестанской и Забайкальской областей.

²⁷ Как несложно догадаться, это был прокурор одной из балтийских губерний — статский советник Г.Ф. Шитце (Hermann Schütze). Занимавший с 1861 г. должность прокурора Лифляндской губернии Герман Шитце окончил юридический факультет Kaiserlichen Universität Dorpat в 1846 г., а в 1850 г. защитил там магистерскую диссертацию (Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1863. С. 289; Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. S. 515).

²⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. № 33890.

щественно кончивших курс наук в высших юридических заведениях»²⁹ (что меняло в сторону ужесточения требования к кандидатам на должность следователя, закрепленные в ст. 3 «Учреждения судебных следователей» от 8 июня 1860 г.).

Окончательное нормативное оформление образовательного ценза для должностных лиц органов правосудия и прокуратуры России произошло в связи с изданием Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. Согласно ст. 202 «Учреждения судебных установлений» (кн. 1 Судебных уставов), для замещения должностей судей судов общей юрисдикции, прокуроров, судебных следователей и старших канцелярских служащих судов вводилось единое квалификационное требование о наличии у претендентов высшего юридического образования. При этом в качестве альтернативы оговаривалась возможность назначения на эти должности лиц без образования, а просто «доказавших на службе свои познания по судебной части»³⁰. Внесение законодателем в ст. 202 данной оговорки объяснялось несомненно теми же опасениями, связанными с недостатком в стране дипломированных юристов³¹.

В какой мере Министерству юстиции удалось реализовать на практике рассмотренные квалификационные требования к должностным лицам судебного ведомства? Как разрешалась проблема дефицита специалистов в области юриспруденции? Какие приоритеты образовались в связи с этим в кадровой политике Министерства в 1860-е гг.?

Наиболее полные данные об образовательной подготовке судебных следователей «первого призыва» оказалось возможно извлечь из официального «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции» за 1866 г. Указанный «Список...» зафиксировал численность следственного корпуса Российской империи по состоянию на июль 1866 г. в 1063 человека (включая 100 временных судебных следователей)³². Из этого числа 56 лиц занимали должности в открытых в апреле 1866 г. Санкт-Петербургском и Московском окружных судах, а остальные 1007 состояли в органах правосудия дореформенного устройства («старых судебных местах», как они именовались в делопроизводстве Министерства юстиции).

Что касается следователей окружных судов, то среди них лица с высшим юридическим обра-

зованием составляли подавляющее большинство. В Санкт-Петербургском окружном суде из 25 следователей первого состава дипломированными юристами являлись 23 человека (92,0 %), а в Московском окружном суде — 26 из 31 (83,9 %)³³. Всего среди следователей окружных судов доля лиц с высшим юридическим образованием составила в 1866 г. 87,5 %.

Ситуация с образовательной подготовкой 1007 следователей, состоявших в штатах дореформенных судов и прикомандированным к ним, была в 1866 г. не столь благоприятной. Как удалось установить, из числа этих лиц высшее образование имели 538 человек (53,5 % состава), в том числе высшее юридическое — 497 (49,4 %). Тем самым общая доля дипломированных юристов среди судебных следователей России составила в 1866 г. 51,4 %. Вместе с тем в следственном корпусе тогда насчитывалось всего 11 лиц, не получивших никакой образовательной подготовки (1,03 % состава). Остальные судебные следователи имели общее и среднее специальное образование, полученное в губернских гимназиях, уездных училищах, духовных семинариях, кадетских корпусах и иных подобных заведениях.

Юридически образованные следователи распределялись по следственным участкам «старых судебных мест» достаточно неравномерно. Наибольшее число таких следователей оказалось в 1866 г. сосредоточено главным образом в тех губерниях, в которых располагались образовательные учреждения, готовившие юристов. Так, высшее юридическое образование имели 19 из 20 судебных следователей Ярославской губернии (95,0 %), в которой размещался Демидовский юридический лицей. Дипломированными юристами являлись 17 из 20 следователей Херсонской губернии (85,0 %), на территории которой находился Одесский Ришельевский лицей с его юридическим отделением³⁴.

Однако в наибольшей мере юридически подготовленными следователями оказались укомплектованы органы юстиции Бессарабской области, в которой организация следственных участков началась лишь в сентябре 1863 г.³⁵ В этом регионе в июле 1866 г. высшее и незаконченное высшее юридическое образование имело 100 % судебных следователей. Преобладали среди них выпускники расположенного в соседней Херсонской губернии все того же Одесского Ришельевского лицея. Самая неблагоприятная ситуация с образовательной подготовкой следственных кадров сложилась в 1866 г. в Уфимской, Оренбургской и Архагельской губерниях, в которых дипломированными юристами являлись соответ-

²⁹ Отчет Министерства юстиции за 1860 г. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1862. С. 64.

³⁰ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1864. С. 27.

³¹ В пореформенное время приведенная оговорка неоднократно подвергалась критике со стороны представителей юридической общественности, но так и не была отменена (Захаров В.В., Ильина Т.Н. Указ. соч. С. 30–31).

³² Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. СПб., 1866. С. 141–342.

³³ См.: Там же. С. 99–101, 120–122.

³⁴ См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 323–324, 334–335.

³⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 2. № 40066.

ственно 21,0 %, 23,1 % и 27,3 % судебных следователей³⁶.

Что касается мест получения образования, то более всего следователей — 149 человек — окончил юридический факультет Императорского Московского университета (14,0 % состава корпуса и 27,3 % от числа следователей — дипломированных юристов). Иными словами, в старинном здании на Моховой отучился каждый седьмой следователь России состава 1866 г. 71 следователь являлся в описываемое время выпускником юридического факультета Казанского университета (6,7 % состава корпуса), 67 — юридического факультета Харьковского университета (6,3 %). А вот Училище правоведения окончил только 21 тогдашний следователь (2,0 %). Поскольку в балтийских губерниях следственные участки были введены только в 1889 г., не приходится удивляться, что в 1866 г. в следственном корпусе империи числилось всего четверо выпускников Дерптского университета³⁷ (0,4 % состава).

Весьма разнообразны были места получения судебными следователями непрофильного высшего образования: от духовных академий (выпускниками которых являлось 20 следователей; 1,9 % состава корпуса) и Лазаревского института восточных языков до земледельческого института. Следственные должности в 1866 г. занимали даже двое выпускников Николаевской Академии Генерального штаба: следователем Перемышльского уезда Калужской губернии трудился полковник М. Ф. Папроцкий, а следователем 3-го участка Феодосийского уезда Таврической губернии — подпоручик Н. А. Султан-Крым-Гирей. Весьма далекое от юриспруденции образование имел и следователь Люцинского уезда Витебской губернии А. Е. Янович — выпускник Императорской медико-хирургической академии³⁸.

Переходя к обзору сведений об образовательном уровне прокурорского корпуса состава 1866 г., прежде всего следует отметить, что среди 13 обер-прокуроров Сената лиц с высшим юридическим образованием насчитывалось тогда 12³⁹ (92,3 %), причем 9 из них (69,2 %) являлись выпускниками Училища правоведения. Само собой разумеется, что высшее юридическое образование имели все четверо прокуроров реформированных органов правосудия — Санкт-Петербургской и Московской судебных палат и окружных судов.

³⁶ См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 143, 239–240, 315–317, 338–339.

³⁷ См.: Там же. С. 211, 212, 237, 267. Кстати, одним из этих дерптских выпускников был временный следователь Псковской губернии И. Ф. Книрим (*Johann Knierim*) — будущий знаменитый следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда.

³⁸ См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 154, 194, 296.

³⁹ Подсчитано по: Там же. С. 5–59.

К тому времени заметно улучшилась образованность и региональных прокуроров, несмотря на то, что в ходе проведения судебной реформы 1864 г. территориальные органы прокуратуры подлежали постепенной ликвидации, и что на губернских прокуроров не распространялись требования образовательного ценза из ст. 202 «Учреждения судебных установлений». По состоянию на июль 1866 г. из 60 губернских и областных прокуроров России высшее образование имели уже 53 человека (88,3 % состава), из них высшее юридическое — 44 (73,3 %). При этом среди них, правда, оставалось двое лиц, не получивших никакого образования⁴⁰ (3,3 %).

Среди юридически подготовленных региональных прокуроров заметно преобладали выпускники Императорского Училища правоведения (21 человек; 35,0 % состава и 47,7 % от числа прокуроров — дипломированных юристов). Из 9 прокуроров с непрофильным высшим образованием четверо окончили Императорский Александровский лицей, трое — духовные академии, один — Главный педагогический институт и один — Императорскую медико-хирургическую академию⁴¹.

Иной в 1866 г. была ситуация с образовательным уровнем прокуроров низового звена — уездных стряпчих (прообраз должности прокурора сельского района советского периода). При всем том, что, будучи должностными лицами территориальных органов прокуратуры, уездные стряпчие подлежали упразднению в ходе судебной реформы, процесс этот был затяжным. Более того: даже в губерниях, где уже были учреждены реформированные органы правосудия, уездные стряпчие сохранялись до 1870 г.

По данным «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции» по состоянию на 1 июля 1866 г. численность корпуса уездных стряпчих составила 453 человека⁴². Из них высшее образование имели 85 лиц (18,8 % состава корпуса), в том числе высшее юридическое — 82 (18,1 %). Никакого образования не получил 41 уездный стряпчий (9,1 %). Остальные 327 тогдашних стряпчих (72,2 % состава) являлись выпускниками общих и средних специальных учебных заведений.

Более всего уездных стряпчих с высшим юридическим образованием оказалось в 1866 г. сосредоточено в прокуратурах Волынской и Костромской губерний, где они составляли 66,7 %

⁴⁰ Прокуроры Костромской губернии и Дагестанской области.

⁴¹ Наиболее экзотическое для должностного лица прокурорского надзора высшее медицинское образование имел назначенный в 1866 г. прокурором Пензенской губернии статский советник К. С. Абрамович (См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 245).

⁴² Подсчитано по: Там же. С. 141–342. С учетом окружных стряпчих сибирских губерний.

состава⁴³. Вместе с тем в 17 губерниях тогда не числилось ни одного уездного стряпчего с высшим образованием⁴⁴. Наибольшую долю среди юридически подготовленных стряпчих составляли выпускники юридического факультета Императорского Московского университета (22 человека; 4,9 % состава корпуса и 26,8 % от числа стряпчих — дипломированных юристов). Еще 13 уездных стряпчих являлись выпускниками юридического факультета Императорского Университета св. Владимира (2,9 % состава).

Привилегированное Училище правоведения окончило всего двое уездных стряпчих состава 1866 г. (0,4 %). Поскольку институт уездных стряпчих никогда не вводился в балтийских губерниях, несложно догадаться, что выпускники Дерптского университета среди них отсутствовали. Среднее образование большинство уездных стряпчих получили в уездных училищах (101 человек; 22,3 % состава), духовных семинариях (99 человек) и губернских гимназиях (98 человек). Наиболее нестандартное для уездного стряпчего среднее образование — Пажеский корпус — в 1866 г. имел коллежский советник И.Д. Свечин, занимавший с 1848 г. должность стряпчего Санкт-Петербургского уезда⁴⁵.

В заключение стоит коснуться вопроса об образовательном уровне руководящих должностных лиц органов прокуратуры среднего звена в конце 1860-х гг. По состоянию на март 1868 г. в ведомстве Министерства юстиции России числилось 26 прокуроров учрежденных в ходе реформы судебных палат и окружных судов и 48 губернских и областных прокуроров⁴⁶. Что касается прокуроров реформированных судов, то 100 % из них имели высшее юридическое образование. Основную долю среди этих прокуроров составляли выпускники Императорского Училища правоведения (12 человек, 52,2 % состава группы) и юридического факультета Императорского Московского университета (10 человек; 38,5 %).

Из региональных прокуроров в 1868 г. высшее образование имело 40 человек (83,3 % состава), в том числе высшее юридическое — 34 (70,8 %). Остальные 8 губернских и областных прокуроров являлись выпускниками средних учебных заве-

дений. Лиц без образования среди региональных прокуроров к тому времени уже не осталось.

Из губернских прокуроров — дипломированных юристов 8 окончили Училище правоведения (16,7 % состава группы), 7 — юридический факультет Санкт-Петербургского университета (14,6 %), 6 — юридические факультеты Московского и Харьковского университетов (по 12,5 %). По обыкновению менее всего среди региональных прокуроров насчитывалось выпускников юридического факультета Дерптского университета (1 человек⁴⁷). Среди губернских прокуроров с непрофильным высшим образованием по-прежнему доминировали выпускники духовных академий (3 человека⁴⁸).

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что в предреформенный период, до самого начала 1860-х гг. высшее руководство нашей страны не уделяло должного внимания привлечению на государственную гражданскую службу юридически подготовленных лиц, не заботилось о формировании кадрового резерва из специалистов в области юриспруденции. Осознавая отсутствие такого резерва, законодатель все же решился в 1860—1864 гг. — впервые в истории отечественного государства и права — ввести для должностных лиц органов юстиции и прокуратуры образовательный ценз, хотя и не закрепил в нем безальтернативности высшего юридического образования.

Со своей стороны Министерство юстиции России в начале 1860-х гг. решительно взялось за увеличение доли дипломированных юристов среди прокуроров и судебных следователей. Особое внимание Министерство уделило привлечению юридически подготовленных лиц на прокурорско-следственные должности в реформированные органы правосудия и в прокуратуру Правительствующего Сената. Вместе с тем за рамками данной линии кадровой политики остались уездные стряпчие (подлежавшие постепенному упразднению в ходе судебной реформы).

Руководящие кадры органов прокуратуры комплектовались в 1860-е гг. преимущественно из выпускников привилегированного Императорского Училища правоведения, а также юридического факультета Императорского Московского университета. Для формирования корпуса судебных следователей привлекались в первую очередь выпускники юридических факультетов

⁴³ Там же. С. 162–163, 203–204.

⁴⁴ В Астраханской, Бакинской, Витебской, Вологодской, Вятской, Гродненской, Енисейской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Тамбовской, Тверской, Томской и Уфимской губерниях.

⁴⁵ См.: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 276.

⁴⁶ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената, Департамента Министерства юстиции и судебных мест, образованных на основании Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. 1868. СПб., 1868. Ч. 1. С. 99–174; Список чинам губернских и уездных судебных мест и Межевого корпуса. 1868. СПб., 1868. Ч. 2. С. 3–289.

⁴⁷ Это был действительный статский советник К.А. Киртер (*Konstantin von Kieter*), выпускник юридического факультета Дерптского университета 1834 г., сменивший в 1867 г. питомца той же alma mater Г.Ф. Шитце в должности прокурора Лифляндской губернии (См.: Список чинам губернских и уездных судебных мест... С. 116; *Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*. S. 197).

⁴⁸ Прокуроры Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний.

Московского, Казанского и Харьковского университетов. В наименьшей мере на прокурорско-следственные должности тогда рекрутировались выпускники юридического факультета немецкоязычного Дерптского университета.

Не вызывает сомнений, что Министерство юстиции сумело в сжатые сроки добиться впечатляющего успеха в деле обеспечения юридически образованными кадрами как верхнего и среднего

звеньев органов прокуратуры, так и корпуса судебных следователей. Тот факт, что в 1866 г. в России высшее юридическое образование имели все прокуроры реформированных судов, 92 % оберпрокуроров Сената, 7 из каждых 10 губернских и областных прокуроров, а также каждый второй судебный следователь, представляется результатом, максимально возможным в тогдашних исторических условиях.

Библиография:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Киев: Типогр. Имп. Ун-та св. Владимира, 1884. Т. 1. 674 с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 287 с.
3. Захаров В.В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX — начала XX в. Курск: КГУ, 2006. 297 с.
4. Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 193 с.
5. Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М.: Изд-во МГУ, 1998. 272 с.
6. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711—1917 гг.: материалы для биографий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 736 с.
7. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб.: б. и., 1902. 785 с.
8. Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 77—82.
9. Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835—1910 гг.: (исторический очерк). СПб.: Гос. тип., 1910. 514 с.
10. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX в.: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 336 с.
11. Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 515 с.
12. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. 1755—1855. М.: Универ. тип., 1855. 582 с.
13. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat: Verl. von C. Mattiesen, 1889. VIII, 1007 s.
14. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge History of Russia / Ed. by D. Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 2. P. 344—368.
15. Friedrich G. The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // The Journal of Modern History. 1939. Vol. 11. № 2. P. 129—148.
16. Levin-Stankevich B. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History / Ed. by H. Balzer. Armonk, N.Y.: M. E. Sharp, 1996. P. 223—249.

References (transliteration):

1. Vladimirskii-Budanov M.F. Istoriya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira. Kiev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira, 1884. T. 1. 674, XLI, IV s.
2. Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. M.: Mysl', 1978. 287 s.
3. Zakharov V.V. Kak gotovit' yurista: izuchaya russkie retsepty. Ocherki istorii yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. Kursk: KGU, 2006. 297 s.
4. Zakharov V.V., Il'ina T.N. Sistema podgotovki kadrov dlya organov pravosudiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.: monografiya. M.: RIOR: INFRA-M, 2013. 193 s.
5. Moryakova O.V. Sistema mestnogo upravleniya pri Nikolae I. M.: Izd-vo MGU, 1998. — 272 s.
6. Murzanov N.A. Slovar' russkikh senatorov. 1711—1917 gg.: materialy dlya biografii. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2011. 736 s.
7. Rozhdestvenskii S.V. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802—1902. SPb.: b.i., 1902. 785 s.
8. Serov D.O. Rossiiskie sud'i i vysshee yuridicheskoe obrazovanie // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. № 10. S. 77—82.
9. Syuzor G.P. Ko dnyu LXXV yubiley Imperatorskogo Uchilishcha pravovedeniya. 1835—1910 gg.: (istoricheskii ocherk). SPb.: Gos. tip., 1910. 514 s.
10. Tomsinov V.A. Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentstsiya v Rossii vo vtoroi treti XIX veka: ucheb. posobie. M.: Zertsalo-M, 2010. 336 s.
11. Uortman R. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii / per. s angl. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 515 s.
12. Shevyrev S.P. Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. 1755—1855. M.: Univer. tip., 1855., 582 s.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2014 г.

А.В. Корнев*, А.В. Борисов**

Развитие юридического образования в пореформенной России: уроки для современной России (часть 1)***

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассматриваются проблемы развития юридического образования в пореформенное время. Этот исторический период интересен для современности тем, что страна вот уже более 20 лет находится в стадии перманентного реформирования. В этой связи можно проводить определенные исторические параллели. Есть основания полагать, что реформы юридического образования в пореформенное время в чем-то схожи с теми процессами, которые имеют место сегодня.

Ключевые слова: реформа, юридическое образование, учебные планы, университетские уставы, содержание учебных дисциплин, соотношение теоретических и прикладных знаний.

Более двадцати лет в новейшей истории России осуществляются реформы, в том числе и в сфере образования. Причем оценки происходящих изменений различны, вплоть до полярности. Это и неудивительно, поскольку реализация замыслов реформаторов, если они вообще имели место, неоднозначно воспринимаются в российском обществе. В этой связи вторая половина XIX в. представляет особый интерес хотя бы в силу того, что тогда тоже предпринимались масштабные социальные изменения. Вольно или невольно, они коснулись и реформирования образования вообще и юридического в частности.

60-е гг. XIX в. вошли в историю России как «эпоха великих реформ», преобразовавших социально-экономическую (отмена крепостного права), политико-правовую (введение местного самоуправления, реорганизация судебной системы, отделение суда от администрации, создание адвокатуры) и духовную сферы, а также систему образования (ослаблена цензура, расширена гласность, введена определенная автономия университетов). Реформа способствовала значительной активизации хозяйственно-экономической жизни — созданию новых промышленных предприятий, концер-

нов, синдикатов, страховых обществ, банков и т.д., что потребовало многочисленных специалистов, в том числе и юристов.

Реформы были проведены «сверху» — государством, игравшим традиционно большую, ведущую роль во всех сферах жизни России и не собиравшимся от этой роли отказываться. Поэтому реорганизация и укрепление государственного аппарата также потребовали увеличения количества чиновников, в том числе и с высшим, главным образом, юридическим образованием как самым универсальным для государственной службы. На протяжении XIX в. количество чиновников в России увеличилось более чем в семь раз¹.

Известная русская журналистка середины XIX в. Е.И. Козлинина в своих «Записках» писала, что до конца 1850-х гг. университетское правовое образование было монополией богатейших и родовитейших классов, представители которых относились к гражданской службе крайне отрицательно. Входя в зрелый возраст, они согласно дворянским привилегиям уходили в отставку,

¹ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 221.

© Корнев А.В., 2014

* Корнев Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[ktgp@msal.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

© Борисов А.В., 2014

** Борисов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД РФ.

[amvd@mail.ru]

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

*** Данная статья подготовлена в рамках выполнения мероприятия 2.5.1.2 Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на 2012–2016 гг.: «Концептуальные основы совершенствования юридического образования в России: модель выпускника юриста».

уезжали в свои родовые имения и там, если и слу- жили, «то только по выборам, гоняясь за почет- ными, но не оплачиваемыми должностями».

В результате кадры юридических ведомств наби- рались из людей, в правовом отношении не подго- товленных. Наиболее образованными среди них счи- тались изгнанные из духовных семинарий бурсаки. В народе они именовались «крапивным семенем» и отличались невежественностью и взяточничеством, которое переходило порой в прямой грабеж².

Существенные изменения в организации юридического образования в России произошли после судебной реформы 1864 г. В России впер- вые учреждались органы правосудия, независи- мые от администрации; судьям предоставлялась полная свобода в отправлении своих служебных обязанностей; упразднялись сословные суды (за исключением военных, духовных и коммерче- ских), вводилось рассмотрение определенной ка- тегории дел с участием присяжных заседателей.

Устанавливалась гласность, состязательность, устность производства, равноправие сторон в судеб- ном процессе; создавался независимый от органов исполнительной власти, в частности от полиции, институт судебных следователей, заменивший при- ставов следственных дел; устанавливалось право за- щиты без ограничений в уголовных делах³.

Судебная реформа 1864 г., вводившая состяза- тельность судебного процесса, вызвала появление новой для России профессии — присяжного по- веренного (адвоката). Адвокаты играли заметную роль в политической, культурной жизни страны, пользуясь большой популярностью в обществе. Нередко «громкий судебный процесс» приносил адвокату большую славу и немалый гонорар, что повышало престижность этой профессии, а следовательно, и юридического образования. В 1914 г. в России насчитывалось уже 16,5 тыс. адво- катов⁴.

Наряду с присяжными поверенными в Рос- сии существовали и так называемые частные поверенные, которые могли и не иметь высше- го юридического образования, но допускались к адвокатской практике в том суде, в котором они должны были сдать соответствующий экзамен. Как правило, частными поверенными станови- лись бывшие мелкие чиновники судебного ве- домства. Таких юристов-практиков в России к 1914 г. насчитывалось около 4,5 тыс. человек⁵.

² См.: Козлинина Е.И. Дореформенный полицейский суд // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 187–188.

³ См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформы в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969; Кони А.Ф. Три- умвиры // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1966. Т. 2. 253–328.

⁴ См.: Судебные уставы 1864 г. за 50 лет. Пг.: Сенат. тип., 1914. Т. 1. С. 260.

⁵ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. С. 78.

Еще накануне судебной реформы обществен- ность страны активно обсуждала ее подготовку и будущие результаты.

Увеличилось число желавших поступить учиться на юридические факультеты универси- тетов. Студенты-юристы создавали кружки, в которых изучали судебную практику стран, где существовали суды присяжных заседателей, гото- вились быть адвокатами. Престижность профес- сии адвоката была настолько высока, что среди присяжных поверенных были люди из известных аристократических фамилий, представители ти- тулованной знати. Как справедливо отметил из- вестный историк права, профессор Принстон- ского университета США Ю. Хаски: «для многих представителей первого поколения российских адвокатов занятие правом было призванием, а не просто средством заработать на жизнь»⁶.

Очень заметную роль сыграли адвокаты и в по- литической жизни страны. В 1904 г. они активно участвовали в так называемой банкетной компа- нии, — неофициальных торжествах по случаю со- рокалетия судебной реформы 1864 г. Как вспоми- нал тогда еще начинающий адвокат А.Ф. Керен- ский: «Банкеты стали большим событием, посколь- ку лейтмотивом прозвучавших на них выступлений было требование конституции»⁷. Среди депутатов I, II, III, IV Государственной Думы в среднем было 7–8 % присяжных поверенных⁸. По «партийной» принадлежности более всего адвокаты были пред- ставлены в партии конституционных демократов. В ней были такие известные адвокаты, как М.М. Ви- навер, В.А. Маклаков, Р.И. Родичев. Такие попу- лярные адвокаты, как А.Ф. Керенский и Д.М. Ни- китин, были близки соответственно к партии соци- алистов-революционеров и меньшевиков. В партии большевиков состояли адвокаты — Д.И. Курский, М.Ю. Козловский, П.И. Стучка.

Популярности и престижности юридическо- го образования способствовало и то, что после введения в жизнь судебных уставов 1864 г. су- ды в России оплачивались значительно выше, чем их коллеги в других странах, что считалось необходимым условием для «охраны судебной независимости»⁹.

После отмены крепостного права почти 23 млн крестьян выхледили из-под вотчинной юстиции, из-под своеобразной опеки помещика, когда патриархальным образом рассматривались многие их имущественные тяжбы, проступки и даже маловажные уголовные преступления. Учи-

⁶ Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М.: Ин-т гос. и права РАН, 1993. С. 20.

⁷ Керенский А. Россия на историческом повороте. М.: Ре- спублика, 1993. С. 31.

⁸ См.: История русской адвокатуры / под ред. И.В. Гессе- на, М.Н. Гернета: в 3 т. М.: Советы присяж. поверенных, 1914–1916. Т. 1. С. 421.

⁹ Судебные уставы 1864 г. за 50 лет. Т. 1. С. 451.

тывая это, а также низкий уровень грамотности крестьянства, и ставя задачу «утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого», судебная реформа предусматривала создание института мировых судей. В их компетенцию входило рассмотрение гражданских дел с небольшой суммой денежного иска и некоторых маловажных уголовных дел, но основной задачей было достижение примирения сторон. Как отмечали современники, «доступность мировых судей и оказываемое ими участие к положению обывателя разом завоевали огромное уважение и доверие к ним населения»¹⁰. Мировые судьи были своеобразной школой правовой культуры для огромной части населения страны. Должность мирового судьи, хорошо оплачиваемая из местного бюджета, пользовалась большим уважением. Для ее занятия требовался определенный имущественный, возрастной и образовательный ценз. Примерно половина мировых судей имели юридическое образование¹¹.

Новые судебные учреждения начали функционировать в 1866 г. Газета «Санкт-Петербургские Ведомости» 17 апреля 1866 г. посвятила этому событию специальную статью. «Давно желанное торжество, — писали в ней, — наконец, свершилось; 17 апреля открыты новые судебные места в Санкт-Петербурге. Все заставляет надеяться, что результаты не останутся ниже ожиданий, и что они привьются к нашей почве и пустят в ней прочные и глубокие корни. Главная роль в этом великом деле принадлежит судьям, прокурорам и присяжным поверенным... Судебные уставы дают суду такой простор, такую свободу действий и вместе с тем столько поддержек, побуждений и средств для правильного производства и решения дел, что положение судей является в другом, совершенно новом свете. Кому много дано, от того можно много требовать; ответственность судей перед обществом вырастает вместе с достоинством законов, определяющих судостроительство и судопроизводство... От новых судебных мест зависит теперь, чтобы равенство всех перед законом, давно записанное в нашем своде, перешло от слова в дело, чтобы защита, оказываемая судом, была одинакова для богатого и бедного, для вельможи и простолюдина. На пути к этой цели встретятся препятствия и затруднения, но чем старательнее будет устранять их судья, тем скорее он найдет поддержку в обществе»¹².

«Вестник Европы» писал об этом событии: «наш год в летописях народной жизни назовется годом “откуда есть пошла наша правда”. До сих пор мы жили в противоречии с известною пословицей нашей народной мудрости: “век живи”, век учись. Мы учились только в школе, а за пределами школы, по вступлении в жизнь, нас ничто не учило. Теперь гласный суд, со своими несменяемыми и непеременяемыми членами, со своими присяжными, с устранением участия в суде административного вмешательства — сделался настоящей школой народа, где нравственность преподается не в одних поучениях, но весьма практическим и осязаемым образом для нарушителей правды. Позднейший историк будет с любопытством доискиваться в памяти о нас»¹³.

Заслуживают того, чтобы их помнили, не только видные русские ученые-юристы, но и практики — «первопроходцы» судебной реформы 1864 г.: судьи, прокуроры, присяжные поверенные, присяжные заседатели, при которых введены были в действие судебные уставы.

Первое судебное заседание Санкт-Петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей проходило 26 июля 1866 г. Рассматривалось дело о краже со взломом, совершенной крестьянином Василием Родионовым. Присяжные признали его виновным, но заслуживающим снисхождения. Суд приговорил подсудимого к отдаче в арестантские роты на два с половиной года. Таким образом, Василия Родионова можно считать первым уголовным преступником, осужденным первым российским судом присяжных.

Мировые суды довольно часто рассматривали дела «о сопротивлении полиции силою», оскорблении чинов полиции¹⁴. Так, у мирового судьи Сретенского участка Москвы 20 августа 1866 г. разбиралось дело о почетной гражданке Мазуриной, обвинявшейся в сопротивлении силою законным распоряжениям полиции. Мировой судья приговорил обвиняемую к аресту на два месяца. Купец Бутиков был осужден к семидневному аресту за то, что при подписании акта о неисполнении полицейских распоряжений «учинил оскорбление частного пристава в письме». Церковный староста Казанского собора Котов был оштрафован на 25 рублей за то, что во время богослужения в храме подошел к частному приставу Тимирязеву и, указав ему на выход, сказал: «вон там ваше место, а здесь вы не распоряжайтесь»¹⁵.

¹⁰ Журнал Министерства юстиции. 1895. № 2. С. 7.

¹¹ См.: Арапов Н.П. Воспоминания судебного пристава Н.П. Арапова // Петроградский Мировой суд за пятьдесят лет 1866–1916. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Т. 2. С. 1464–1472.

¹² Санкт-Петербургские Ведомости. 1886. № 109. 17 апр.

¹³ Вестник Европы. № 4. 1866. С. 28.

¹⁴ См.: Иванов А.Н. Воспоминания сибирского полицмейстера // Туркестанский литературный сборник. СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. С. 155–170.

¹⁵ См.: Московские прелести. Сцены у мировых судей, уголовные процессы, очерки общественной жизни, рассказы и проч. М.: Тип. Т. Рис, 1869. С. 1–35, 106–108, 224–235.

Не случайно в России юридическое образование стало самым массовым. Из почти 120 тыс. специалистов, окончивших за период 1898–1916 гг. высшие государственные учебные заведения, более 35 тыс. получили диплом правоведа. Среднего специального юридического образования в пореформенной России не существовало. Кроме того, юридическое образование давалось и в ряде общественных и частных учебных заведений, а юридические дисциплины в достаточно большом объеме преподавались в некоторых высших учебных заведениях неюридического профиля. Эти цифры производят впечатление в сопоставлении с демографическими данными о численности населения Российской империи того периода. По данным Первой Всеобщей переписи населения, в 1897 г. в России проживало 125 034 521 человек, из них в Европейской части империи — 93 186 849, в их числе потомственных дворян — 1 220 169 человек, разночинцев — 353913, потомственных и личных почетных граждан — 342927 и мещан — 13386392 человека¹⁶. Эти сословия были основным источником комплектования учебных заведений.

Численность населения Российской империи по состоянию на 1 января 1914 г. составляла 139312,7 тыс. человек, из них городского населения — 24 686,6 тыс., сельского — 114 626,1 тыс. человек¹⁷.

Основная масса дипломированных юристов готовилась на юридических факультетах университетов. Из 11 университетов, бывших в России к 1917 г., в 10 (кроме Саратовского университета) имелись юридические факультеты. Их создание обуславливалось необходимостью подготовки чиновников для государственного аппарата и создаваемых новых судебных учреждений в различных регионах страны.

В 1863 г. был принят новый, более либеральный устав российских университетов, расширявший права ученых советов в определении содержания обучения, введении новых учебных дисциплин и кафедр. На юридические факультеты переводилось преподавание политической экономики и статистики. Поэтому до создания в начале XIX в. специальных коммерческих институтов и высших курсов юридические факультеты давали образование, необходимое для обеспечения предпринимательской, торговой деятельности.

Кафедра законов о государственных повинностях и финансах была преобразована в кафедру финансового права, на которой преподавалась теория финансов. Создана отдельная кафедра исто-

рии русского права. На кафедре государственного права вновь введено преподавание государственного права западноевропейских стран, запрещенное при Николае I. Самостоятельной стала кафедра энциклопедии права, на которой преподавалась история и философия права, а также кафедра международного права. После введения в жизнь университетского устава на юридическом факультете стало уже не семь, а тринадцать кафедр. В 1869 г. число студентов юридических факультетов составляло 50,7 % всех обучающихся в университетах России.

Новый университетский устав расширил права и возможности университетов в формировании при них научных обществ, что способствовало развитию и распространению научной, педагогической мысли. Одним из первых было образовано Научное юридическое общество при Московском университете, председателем которого стал известный профессор С.И. Баршев. Всего же в России к 1917 г. насчитывалось 20 юридических обществ, объединивших более полутора тысяч правоведа. Почти все преподаватели юридических факультетов университетов были членами этих обществ¹⁸.

Большим событием в общественной научной жизни страны стал Первый съезд юристов России, подготовленный юридическими обществами в 1875 г. Министерства юстиции и народного просвещения, разрешившие съезд «в виде опыта», рекомендовали правоведам ограничиться обсуждением «вопросов гражданского и торгового права в применении их к отечественному законодательству». Но собравшиеся в первый (и как оказалось в последний) раз на свой съезд юристы, естественно, вышли за отведенные рамки и обсуждали многие проблемы государственно-правовой, научной жизни, в том числе вопросы развития и преподавания отечественного права, юридических дисциплин.

Председатель съезда, известный историк русского права Н.В. Калачев говорил в своем выступлении, что при реформировании отечественного права «необходимо принимать во внимание и те условия, которые указываются нашим бытом, общественным и частным, нашими поземельными отношениями, наконец общей степенью нашего образования и т.д., словом, всеми теми особенностями, которыми мы отличаемся от того или другого из наших западных сограждан, и, конечно, будем отличаться всегда, если не захотим утратить нашей целостности»¹⁹.

Продолжение следует

¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1905. С. 10–11.

¹⁷ СССР в цифрах. М.: ЦУНХУ Госплана СССР; в/о «Созоргучет», 1935. С. 201.

¹⁸ См.: Горин А.Г. Юридические общества в дореволюционной России // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 118–119.

¹⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 9. С. 2.

Библиография:

1. Арапов Н.П. Воспоминания судебного пристава Н.П. Арапова // Петроградский Мировой суд за пятьдесят лет 1866—1916. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Т. 2 688 с.
2. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформы в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с.
3. Галанза П.Н., Кожевников М.В. Краткий очерк истории юридического факультета МГУ (советский период) // Ученые записки МГУ: труды юрид. ф-та. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. Вып. 180. Кн. 8. С. 41—62.
4. Горин А.Г. Юридические общества в дореволюционной России // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 117—123.
5. Журнал Министерства юстиции. 1895. № 2.
6. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
7. История русской адвокатуры / под ред. И.В. Гессена, М.Н. Гернета: в 3 т. М.: Советы присяж. поверенных, 1914—1916. Т. 1. 623 с.
8. Керенский А. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993. 384 с.
9. Козлинина Е.И. Дореформенный полицейский суд // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 180—188.
10. Кони А.Ф. Триумвиры // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 2. С. 253—328.
11. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М.: Мысль, 1981. 287 с.
12. Марголин Д. Студенческий справочник: руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России. Киев: Сотрудник, 1909. 556 с.
13. Петражицкий Л.И. Университет и наука: в 2 т. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1907. Т. 1. 340 с.

References (transliteration):

1. Arapov N.P. Vospominaniya sudebnogo pristava N.P. Arapova // Petrogradskii mirovoi sud za pyat'desyat let 1866—1916. Pg.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1916. T. 2. 688 s.
2. Vilenskii B.V. Sudebnaya reforma i kontreformy v Rossii. Saratov: Privolzh. kn. iz-vo, 1969. 400 s.
3. Galanza P.N., Kozhevnikov N.V. Kratkii ocherk istorii yuridicheskogo fakul'teta MGU // Uchenye zapiski MGU: trudy yurid. f-ta. M.; Izd-vo Mosk. un-ta, 1956. Vyp. 180. Kn. 8. S. 41—62.
4. Gorin A.G. Yuridicheskie obshchestva v dorevolyutsionnoi Rossii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1989. № 7. S. 117—123.
5. Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1895. № 2.
6. Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. M.: Mysl', 1978. 288 s.
7. Istoriya russkoi advokatury / pod red. I.V. Gessens, M.N. Gerneta: v 3 t. M.: Sovety prisiiazh. poverennyh, 1916. T. 1. 623 s.
8. Kerenskii A. Rossiya na istoricheskom povorote. M.: Respublica, 1993. 384 s.
9. Kozlinina E.I. Doreformennyi politseiskii sud // Moskovskaya starina. Vospominaniya moskvichei proshlogo stoletiya. M.: Pravda, 1989. S. 180—188.
10. Koni A.F. Triumviry // Koni A.F. Sobr. Soch: v 8 t. M.: Yurid. lit., 1966. T. 2. S. 253—328.
11. Leikina-Svirskaya V.R. Russkaya intelligentsiya v 1900—1917 gg. M.: Mysl', 1981. 287 s.
12. Margolin D. Studencheskii spravochnik: rukovodstvo dlia postupajuschih vo vse vysschie uchebnyje zavedenia Rossii. Kiev: Sotrudnik, 1909. 556 s.
13. Petrazhitskii L.I. Universitet i nauka: v 2 t. SPb.: Tip. Yu. N. Erlih, 1907. T. 1. 340 s.

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2014 г.

Юридическая наукометрия: эффективное управление юридической наукой**

Аннотация. В статье констатируется, что в России уже существует достаточно обширный массив нормативных правовых актов, которые регулируют отношения в области развития науки и технологий, а также оценки эффективности научной деятельности научно-исследовательских институтов, вузов и их научно-педагогических кадров. В статье исследуются основные понятия, виды и особенности оценки научно-исследовательской деятельности. Дается общая характеристика таких индексов цитирования, как *Web of Science*, *Scopus*, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Отдельное внимание уделяется общей характеристике публикационной активности, в том числе таким показателям, как цитируемость, индекс Хирша, импакт-фактор, индекс оперативности. На основании статистической информации, содержащейся в РИНЦ, анализируется состояние публикационной активности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедр и авторов. Особое внимание уделяется вопросу развития системы юридической (правовой) наукометрии и ее роли в управлении юридической наукой. Несмотря на то, что методология юридической наукометрии только начала зарождаться и пока не столь широко используется для оценки развития юридической науки в России, по сравнению с другими областями знаний, следует признать ее значение для развития юридической науки в целом и необходимости дальнейшего ее развития.

Ключевые слова: наукометрия, библиометрические показатели, оценка эффективности научной деятельности, индекс цитирования, индекс Хирша, публикационная активность, юридическая наука, эффективность научной деятельности, юридическая наукометрия, управление юридической наукой.

Эффективное управление современной наукой невозможно без пристального внимания ко всем факторам, от которых зависит ее развитие, среди них состояние системы учета результатов научно-исследовательской деятельности. Это одна из причин того, что в экономически развитых странах реализуются программы оценки этой деятельности, включающие в качестве одной из составляющих количественные показатели результатов работы организаций¹.

В Российской Федерации существует уже достаточно обширный массив нормативных правовых актов, которые регулируют отношения в области развития науки и технологий, а также оценки эффективности научной деятельности научно-исследовательских институтов, вузов и их научно-педагогических кадров. Правовое регули-

рование в области науки и технологий развивается в направлении стимулирования вузов к увеличению показателей публикационной активности, например, показатель цитируемости включен в число аккредитационных и отчетных показателей вуза по науке², используется как аккредитационный показатель по магистратуре и аспирантуре.

Помимо всего прочего, требования указывать информацию об основных библиометрических показателях, с помощью которых производится оценка эффективности научной деятельности вузов и их научно-педагогического состава, существует при подготовке заявок на грант, научную премию и выдвижении на научное звание, а так-

¹ См.: Оганов Р.Г., Трущелёв С.А. Наукометрические подходы к анализу результатов научно-исследовательской деятельности // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2012. № 11(2). С. 90–95. URL: <http://medi.ru/doc/600009.htm>

² См., напр.: Приказ Минобрнауки РФ от 27.07.2010 № 806 «Об утверждении формы отчета о научных исследованиях, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования», Письмо Минобрнауки РФ от 18.03.2014 № АК-610/05 «О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования в 2014 г.».

© Семисорова К.Н., 2014

* Семисорова Ксения Николаевна — начальник отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[knsemisорова@msal.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Данная статья подготовлена в рамках НИР «Продвижение научных школ и ученых Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на российском научном пространстве» по проекту № 2.6.1.2. Программы стратегического развития Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

же в рамках выполнения государственного задания и используется при расчете государственной субсидии на научные исследования, например, в конкурсной документации на участие в НИР (особенно если решения принимаются такими фондами, как РГНФ, РНФ и др.), а также при отчетах по НИР в рамках госзаданий Минобрнауки РФ (в частности, в разделе «сведения об исполнителе» / «квалификация исполнителей» требуется указание на количество опубликованных работ и индексу цитирования исполнителей в Web of Science, Scopus и РИНЦ).

В связи с внедрением новых механизмов оценки эффективности деятельности научных коллективов в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) разработана единая университетская научная политика, целью которой является повышение эффективности использования научного потенциала Университета и продвижение научных школ и ученых Университета в российском и международном научном пространстве, в том числе с помощью повышения показателей научной эффективности вуза.

В рамках единой университетской научной политики должно осуществляться углубленное изучение системы наукометрии, в том числе правовой, развитие методологии организации юридической науки, уточнение представлений об издательской политике юридических вузов, особенно в части соотношения фундаментального и прикладного компонентов в системе организации правовой науки.

О совершенствовании издательской политики Университета в сфере научной периодики коллективами редакции научных журналов Университета уже разработана стратегия развития юридического научного периодического издания как элемента инфраструктуры юридической науки³.

Правовое регулирование. В Российской Федерации основы современной системы учета результатов научно-исследовательской деятельности были заложены еще Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», в дальнейшем Постановлением Правительства РФ от 08.04.2009 № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» были утверждены Правила оценки результативности деятельности научных организаций.

Показатели публикационной активности (количество публикаций, цитируемость и другие) положены в основу различных нормативных

правовых актов. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области науки и образования», «к 2015 г. доля публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных “Сеть науки” (Web of Science) должна быть увеличена до 2,44 %».

В целях реализации абз. 4 п-п. «а» п. 1 Указа в рамках проведения мониторинга деятельности вузов 9 августа 2012 г. Минобрнауки утвердил «Перечень показателей оценки эффективности деятельности федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования и их филиалов», в который вошли такие показатели, как:

- количество цитирований в Web of Science, Scopus и РИНЦ в расчете на 100 научно-педагогических работников;
- количество публикаций в Web of Science, Scopus и РИНЦ в расчете на 100 научно-педагогических работников.

Распоряжением Правительства РФ от 20.12.2012 № 2433-р была утверждена Государственная программа РФ «Развитие науки и технологий», в которой в качестве целевых индикаторов и показателей указаны:

- удельный вес России в общем числе публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в Web of Science;
- число публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в Scopus, в расчете на 100 исследователей;
- число цитирований в расчете на 1 публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в Web of Science;
- удельный вес публикаций в соавторстве с зарубежными учеными в общем числе публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в Scopus.

Согласно Программе, указанные показатели к 2020 г. должны быть увеличены.

В 2013 г. на основании Приказа Министерства образования и науки РФ от 29.05.2013 № 409 «Об оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» был проведен мониторинг и оценка научного уровня диссертационных советов, в критерии оценки также были включены показатели публикационной активности.

Помимо этого, Минобрнауки России по поручению Президента РФ⁴ разрабатывает перечень критериев для создания российского национального рейтинга ведущих мировых и отечественных

³ См.: Шугрина Е.С., Семисорова К.Н. Научные юридические журналы как средство продвижения научных школ и ученых Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на российском научном пространстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1530–1537.

⁴ Об исполнении поручения Президента РФ о разработке критериев для создания российского национального рейтинга ведущих мировых и отечественных университетов см.: URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/18708>.

университетов, в который предполагается внести такие показатели, как:

- научная продуктивность (число научных публикаций в международных реферируемых журналах в расчете на одного НПП — по данным Scopus);
- цитируемость (отношение числа цитирований в основных международных наукометрических системах к числу опубликованных статей по данным Scopus).

Основные понятия и виды оценки научно-исследовательской деятельности. Несмотря на огромное количество научных, научно-методических и методологических материалов по проблематике наукометрии и библиометрии, для удобства читателя мы вкратце рассмотрим базовые понятия и виды оценки научно-исследовательской деятельности.

Одним из основных методов оценки результативности научной деятельности организаций и отдельных ученых является наукометрический и библиометрический анализ.

Наукометрия — область науковедения, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики массивов и потоков научной информации.

Библиометрия — научное направление, основанное на методах количественного анализа библиографических характеристик документов и дающих основу для их качественной оценки. «Объектами изучения при библиометрическом анализе науки являются публикации, сгруппированные по разным признакам: авторам, журналам, тематическим рубрикам, странам и пр. Возможны два подхода к квантификации информационных потоков: первый — когда прослеживается динамика исследуемых объектов (публикаций, авторов, их распределение по странам, рубрикам научных журналов и т.д.); второй подход — когда выявляются связи между объектами, их корреляция, классификация... Статистика публикаций и их цитирования позволяет выявлять закономерности, темпы развития науки и отмечать неожиданные «прорывы»⁵. Библиометрия — один из ключевых количественных инструментов для поддержки принятия решений, касающихся научной политики, мониторинга развития научных направлений и эффективности финансовых инвестиций в науку⁶. Библиометрический анализ широко используется для выявления вклада стран в развитие науки.

⁵ Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки. 2002. №7. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_39.html.

⁶ См.: Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) // Вестник Российской Академии наук. 2009. Т. 79. № 6. С. 484.

К основным библиометрическим показателям (индикаторам) относятся:

- количество научных публикаций;
- цитируемость (средняя цитируемость статьи по отношению к средней цитируемости статьи в данной предметной области; доля процитированных работ по отношению к доле цитируемости в данной отрасли; доля участия в международном сотрудничестве);
- индекс Хирша;
- импакт-фактор;
- индекс оперативности и некоторые другие.

Что такое индекс цитирования? В литературе по наукометрии и библиометрии часто обращается внимание на использование термина «индекс цитирования» или «индекс цитируемости». Часто этот термин употребляют, имея в виду показатель суммарного цитирования автора (используя дословный перевод с английского «citation index»). Более точный перевод — «указатель научных ссылок», а «индекс цитирования» — это сама база данных⁷. Таким образом, индексы научного цитирования это библиографические базы данных, которые являются инструментом для измерения научной эффективности и предназначены для оценки качества публикаций и их авторов научным сообществом, использования связей между публикациями для выявления структуры областей знания, наблюдения и прогнозирования их развития.

Ведущие мировые рейтинги университетов, российский национальный рейтинг ведущих мировых и отечественных университетов, разрабатываемый в настоящее время Минобрнауки, а также нормативные правовые акты РФ, для определения библиометрических показателей используют различные индексы цитирования, среди которых есть как международные (глобальные) индексы — Web of Science и Scopus, так и национальные — РИНЦ.

Web of Science⁸ — интегрированная поисковая веб-платформа, объединяющая различные реферативные базы данных публикаций в научных журналах и патентов, в том числе базы, учитывающие взаимное цитирование публикаций, разрабатываемая и предоставляемая медиакомпанией Thomson Reuters (США). Содержит информацию по всем отраслям знания из 8700 авторитетных научных журналов, 23 млн патентов, 12000 трудов конференций, проводимых ежегодно, более 2 млн химических структур и более 4400 сайтов.

Процентное соотношение между представленными в ресурсе Web of Science дисциплинами следующее: 25–27 % — технические и прикладные науки, 30 % — это социогуманитарные науки,

⁷ См.: Огнев А. Лоцман в ливне публикаций. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47857#.VEJoZvnkeGU.

⁸ См.: URL: <http://isiwebofknowledge.com>.

43–45 % — блок естественных наук (в том числе 15–18 % — науки о земле, биология и медицина).

Scopus⁹ — крупнейшая в мире по количеству индексируемых источников мультидисциплинарная реферативная и наукометрическая база данных (с 1995 г.), которая обновляется ежедневно. Разработчиком и владельцем Scopus является один из четырех крупнейших издательских домов мира Elsevier (Нидерланды). Одной из основных функций является встроенная в поисковую систему информация о цитировании.

Scopus — самая обширная база данных научных публикаций без полных текстов. Охватывает более 18 500 реферируемых научных журналов из 5 000 издательств, из них 1800 журналов «Open Access»; материалы 600 научных конференций; 340 книжных серий; 23 млн патентов, 47 млн рефератов. Scopus, в отличие от Web of Science, не включает издания по гуманитарным дисциплинам и искусству, содержит небольшую долю журналов по социальным наукам — не более 17 %, и в процентном отношении гораздо шире отражает естественные науки и технику — 83 %.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)¹⁰ — это национальный индекс научного цитирования, информационно-аналитическая система, аккумулирующая более 47 млн публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 4000 российских журналов. Она предназначена не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но является также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т.д. РИНЦ разрабатывается с 2006 г. при поддержке Министерства образования и науки РФ российской компанией ООО «Научная электронная библиотека».

Что такое публикационная активность? В основе оценки научно-исследовательского учреждения в целом и каждого из авторов лежит понятие «публикационная активность». В настоящее время публикационную активность часто понимают как совокупный показатель оценки эффективности деятельности научных коллективов, который состоит, как правило, из определенных библиометрических показателей, в зависимости от того, чья публикационная активность лежит в основе анализа: авторов, организаций или журналов¹¹. Например, публикационная активность

организации определяется по следующим основным показателям:

- общее число публикаций за определенный период;
- распределение публикаций по видам изданий, по годам, по соавторам;
- средний импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи сотрудников данной организации;
- публикации в зарубежных журналах;
- количество документов, включенных в пристатейные списки литературы;
- цитируемость (суммарное количество цитирований организации с распределением по годам);
- индекс Хирша организации.

Публикационная активность авторов определяется на основании показателей количества публикаций и цитируемости конкретного автора с распределением по годам, видам издания, источникам публикации, по индексу Хирша и другим параметрам.

Публикационная активность журналов устанавливается с помощью таких основных показателей, как импакт-фактор журнала и индекс оперативности.

Цитируемость — количество полученных научных ссылок на публикацию (цитирований) является показателем авторитетности научной статьи и её влияния на контекст исследований. Если на статью часто ссылаются — это практически гарантия того, что она представляет ценность для научного сообщества. Наличие в научно-образовательных организациях ученых, имеющих высокую цитируемость, говорит о высокой эффективности и результативности деятельности организации в целом.

При применении показателя цитируемости существует много нюансов, например, встречаются такие явления, как «негативное цитирование» (складывается при опровержении выводов автора) или «самоцитирование» («самонакрутка» рейтинга путем цитат из самого себя).

Однако самое важное, что следует иметь в виду: цитируемость и другие показатели, для расчета которых применяется цитируемость, сильно зависят от ряда факторов: области знания и языка публикации, престижа научного журнала, возраста и социокультурных привычек самого автора. Например, из-за специфики области знания выстраиваются разные модели цитируемости, и разрыв между областями знаний может достигать соотношения 10:1; так, средняя статья по молекулярной биологии и генетике получит 40 ссылок, а средняя статья по юриспруденции соберет около 5–7 ссылок. Поэтому нельзя сравнивать по одним критериям эффективность работы ученых по социальным и гуманитарным наукам и естественным и техническим наукам.

⁹ URL: <http://scopus.com>.

¹⁰ URL: <http://elibrary.ru/>

¹¹ Здесь следует учитывать, что в некоторых случаях в понятие публикационной активности вкладывается исключительно количество опубликованных работ.

В связи с этим, например, бюро Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук (ОИФН РАН) считает, что наукометрические показатели не могут служить основой для адекватного определения значимости и качества исследований, выполняемых в институтах гуманитарного профиля, поскольку они не учитывают специфику гуманитарной науки и особых форм представления результатов исследований в этой области. Поэтому ОИФН РАН говорит о необходимости при оценке результативности деятельности научных организаций гуманитарного профиля отказаться от использования наукометрических показателей, предлагая заменить их содержательной экспертизой результатов научной деятельности с привлечением независимых экспертов. В качестве примера приводится опыт отказа от использования библиометрических данных в оценке гуманитарных дисциплин официально принятых в настоящее время в Великобритании и США¹².

Тем не менее в индексах цитирования (например, Scopus) для решения этой проблемы имеются подходы, основанные, как правило, на использовании разнообразных весовых и нормированных показателей (в частности, такой показатель, как SNIP, учитывает уровень цитирований в каждой научной области)¹³.

Следует также иметь в виду, что культура цитирования в нашей стране несколько иная, чем на Западе, цитируемость статей неанглоязычных стран значительно ниже, и им необходим более длительный интервал между временем опубликования статьи и ее цитируемостью. Средняя отечественная статья содержит в два раза меньше ссылок, чем иностранная, а это значит, что шанс наших ученых быть процитированным значительно меньше, чем у иностранных коллег.

Индекс Хирша — показатель средней частоты цитируемости статей, количественная характеристика продуктивности автора или организации, основанная на количестве его публикаций и количестве цитирований этих публикаций: ученый имеет индекс h , если он опубликовал h статей, на каждую из которых сослались как минимум h раз. Индекс Хирша был разработан, чтобы получить более адекватную оценку научной продуктивности исследователя, чем могут дать такие простые характеристики, как общее число публикаций или общее число цитирований.

Импакт-фактор — показатель информационной значимости научного журнала, соотношение количества ссылок на публикации данного жур-

нала за два года, предшествующих году обследования, к количеству статей, опубликованных этим журналом за два года. Отношение числа ссылок, которые получил журнал в текущем году на статьи, опубликованные в этом журнале в предыдущие два года, к числу статей, опубликованных в этом журнале в эти же два предшествующих года. Импакт-фактор является мерой, определяющей частоту, с которой цитируется среднечитируемая статья журнала, и может служить индикатором «востребованности» и «признанности» журнала в научной среде. Публикация в журнале, имеющем высокие показатели, повышает рейтинг автора статьи

Индекс оперативности (immediacy index) — показатель количества ссылок на публикации журнала, полученные в год публикации. Отражает, насколько быстро становятся известны в научном мире статьи, опубликованные в журнале. Вычисляется как отношение числа полученных журналом в некотором году ссылок на статьи, вышедшие в том же самом году, к суммарному числу статей, вышедших за этот год в журнале.

Следует учитывать, что все библиометрические показатели напрямую зависят от того, в каком виде размещается информация о публикациях и цитированиях в индексе цитирования, насколько верно она введена и насколько она полная, поэтому эти показатели всегда имеют погрешности. Например, всем известна такая проблема международных индексов цитирования, как несоблюдение единообразия в транслитерации имен, фамилий и адресов. Также общей проблемой для всех баз данных является некорректные указания аффилиации (места работы) авторами статей или вообще отсутствие такого указания (такие публикации учитываются в показателях автора, но не организации, в которой он работает).

Состояние публикационной активности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедр и авторов (на октябрь 2014 г.)¹⁴. Для того чтобы провести максимально полный и объективный (насколько это возможно в рамках погрешностей индексов цитирования) анализ публикационной активности сотрудников, подразделений и Университета в целом, в январе 2014 г. Университет подключился и начал работать в системе SCIENCE INDEX¹⁵ [Организация]. Одной из целей принятия названного решения являлось повышение эффективности распространения информации о научных публикациях.

¹² Постановление ОИФН РАН от 16.10.2013 № 62 «Об оценке научной деятельности институтов гуманитарного профиля». URL: <http://www.saveras.ru/archives/3691>.

¹³ Показатель SNIP (Source Normalized Impact per Paper — стандартное влияние источника на статью). См.: Москалева О. Поверить индексом науку. URL: http://www.gazeta.ru/science/2012/12/19_a_4896245.shtml.

¹⁴ В качестве инструмента для определения показателей публикационной активности здесь и далее взяты данные из Российского индекса научного цитирования по состоянию на 01.10.2014.

¹⁵ SCIENCE INDEX — это информационно-аналитическая система, построенная на основе данных РИНЦ и предлагающая целый ряд дополнительных сервисов для авторов научных публикаций, научных организаций и издательств.

Таблица 1

Общие сведения о публикационной активности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Показатели	январь 2013	июль 2013	август 2013	февраль 2014	апрель 2014	июнь 2014	октябрь 2014
Индекс Хирша	13	19	20	24	30	35	38
Общее число публикаций организации в РИНЦ	4848	6178	6818	7201	7781	9210	9722
Суммарное число цитирований публикаций организации	1871	3414	3560	5266	7341	9995	12523
Место в рейтинге вузов (по индексу Хирша)	-	-	-	-	48	46	45
Место в рейтинге вузов (по количеству публикаций)	203	176	177	143	-	46	52

Таблица 2

Рейтинг вузов России по показателю Индекс Хирша

Место в рейтинге	ВУЗ	Индекс Хирша
1.	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова(Москва)	176
2.	Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)	112
3.	Международный университет природы, общества и человека “Дубна” (Дубна)	89
4.	Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ (Москва)	85
5.	Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (Волгоград)	77
6.	Московский физико-технический институт (государственный университет) (Долгопрудный)	68
15.	Московский государственный институт международных отношений (университет) (Москва)	60
25.	Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)	49
39.	Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Москва)	40
45.	Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва)	38
49.	Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург)	36
53.	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)	34
154.	Московский университет МВД РФ (Москва)	20
189.	Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)	18

Публикационная активность Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Из табл. № 1 можно увидеть, что показатели Университета находятся в постоянной позитивной динамике, особенно сильно заметен рост показателей за последние 10 месяцев¹⁶. Например, постоянно увеличивается общее

количество публикаций и цитирований, что в итоге сказывается на индексе Хирша, который, как видно, сильно увеличился, что, в свою очередь, отразилось на позиции Университета в рейтинге вузов. В начале 2013 г. индекс Хирша был равен всего 13, в сентябре 2013 = 16, в феврале 2014 = 24, в апреле 2014 = 30, на 7 июня 2014 = 35, на **7 октября 2014 = 38**. Рейтинг вуза также вырос: если в августе 2013 наш вуз был на 174 месте среди всех вузов России, то к настоящему моменту Университет занимает уже **45 место**.

Можно сопоставить вышеприведенные данные с аналогичными показателями других рос-

¹⁶ Следует оговориться, что увеличение показателей связано не с реальным приростом публикаций, а в основном с тем, что большинство сотрудников (примерно 70 %) зарегистрировались в системе SCIENCE INDEX [Автор] и внесли некоторые актуальные данные о своих публикациях, а также с началом работы Университета в системе SCIENCE INDEX [Организация].

сийских вузов. Если за основу взять сравнение по величине индекса Хирша, то на первом месте окажется МГУ имени М.В. Ломоносова с индексом Хирша 176, на втором месте СПбГУ (индекс Хирша 112), далее расположились МГИМО на 15 месте (индекс Хирша 54); Финансовый университет при Правительстве РФ на 28 место (индекс Хирша 43) и ВШЭ на 44 месте (индекс Хирша 36). Следом за Университетом на 49 и 53 местах Уральская государственная юридическая академия (индекс Хирша 36) и РАНХиГС (индекс Хирша 34). Остальные вузы юридического профиля значительно ниже: Московский университет МВД РФ на 154 месте (индекс Хирша 20), Саратовская государственная юридическая академия на 189 месте (индекс Хирша 18). Эти сведения представлены в *табл. № 2*.

Нужно еще раз напомнить, что существуют разные модели цитирования в связи со спецификой области знания, в рамках которой работает вуз. Поэтому вузы, специализирующиеся на естественных и технических науках, в том числе и многопрофильные вузы (МГУ, СПбГУ), имеющие такие направления, будут иметь всегда более высокие показатели, чем вузы гуманитарного профиля, как это видно из *табл. № 3*. Если посмотреть показатели этих вузов в рамках определенной области знания, то такие области, как физика, химия, математика, медицина, биология, имеют преимущественное количество публикаций и цитирований. То же касается и гуманитарных вузов со специализациями в области экономики, истории, политологии — в рамках гуманитарного направления эти области имеют более высокие показатели, чем, например, юриспруденция. Если посмотреть показатели в рамках направления «Государство и право. Юридические

науки», то по количеству публикаций на первой и второй позиции будут находиться Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и РАНХиГС; если же за основу брать показатель цитирование, то это соответственно УрГЮА и Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Публикационная активность кафедр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Лидерами по всем показателям являются 6 кафедр: конституционного и муниципального права, теории государства и права, уголовного права, гражданского и семейного права, гражданского и административного судопроизводства, судебных экспертиз. Если смотреть в рамках отдельных показателей, получается следующее:

по индексу Хирша: самые высокие показатели 14 и 14 имеют две кафедры (конституционного и муниципального права и теории государства и права); показатель 10 у трех кафедр (гражданского и семейного права, истории государства и права и уголовного права); показатель 8 у пяти кафедр (гражданского и административного судопроизводства, права Европейского союза, трудового права и права социального обеспечения, судебных экспертиз, уголовно-процессуального права).

по числу публикаций: более 200 публикаций имеют семь кафедр (конституционного и муниципального права, гражданского и семейного права, теории государства и права, судебных экспертиз, уголовного права, предпринимательского права, трудового права и права социального обеспечения).

по числу цитирований: более 200 цитирований имеют десять кафедр, причем бесспорным лидером по числу цитирований является кафедра конституционного и муниципального права (1225 цитирований), следом за ней располагается кафедра теории государства и права (661 цитирование).

Таблица 3

Показатели вузов в рамках направления «Государство и право. Юридические науки»

ВУЗ	Публикаций	Цитирований
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	6914	7986
Российская академия народного хозяйства и государственного строительства (РАНХиГС)	4288	3497
Финансовый университет при Правительстве РФ	3927	2596
Московский университет МВД РФ	3507	2148
Уральская государственная юридическая академия (УрГЮА)	3497	8698
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)	3132	4223
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)	3118	2899
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ)	2391	2059
Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО)	2346	6136
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	1798	3010

Таблица 4

Публикационная активность кафедр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Название кафедры	Число публикаций	Число цитирований	h-индекс
Конституционного и муниципального права	346	1225	14
Теории государства и права	271	661	13
Гражданского и семейного права	314	469	10
Уголовного права	240	345	10
Истории государства и права	175	293	10
Гражданского и административного судопроизводства	176	309	8
Права Европейского союза	135	231	8
Судебных экспертиз	247	281	8
Трудового права и права социального обеспечения	220	263	8
Уголовно-процессуального права	143	246	8
Криминологии и уголовно-исполнительного права	150	360	7
Предпринимательского права	223	272	7
Административного права	154	169	7
Философских и социально-экономических дисциплин	159	152	6
Банковского права	145	155	5
Международного частного права	103	91	5
Международного права	153	104	5
Финансового права	116	83	4
Экологического и природоресурсного права	192	80	4
Криминалистики	111	100	4
Организации правоохранительной деятельности	61	95	4
Адвокатуры и нотариата	113	44	3
Английского языка №1	22	50	3
Правовой информатики	32	33	3
Конкурентного права	7	8	2
Физического воспитания	6	5	2
Спортивного права	37	10	2
Энергетического права	47	17	2
Иностранных языков	28	7	1
Английского языка №2	18	0	0
Интеллектуальных прав	18	0	0

Следует оговориться, почему показатели именно такие. Во-первых, показатели кафедр складываются из отдельных показателей сотрудников кафедр за период работы в Университете, то есть в учет кафедры идут публикации и цитирования ее сотрудников только с момента начала работы в Университете, не важно сколько было опубликовано и процитировано до этого. Следовательно, молодые кафедры изначально будут иметь маленькие показатели (например, кафедры интеллектуальных прав, энергетиче-

ского права, конкурентного права и др.) Во-вторых, в правовых дисциплинах также присутствуют особенности, связанные с областью знания: чем уже проблематика области знания, тем меньше публикаций и цитирований (например, экологическое и природоресурсное право, организация правоохранительной деятельности, спортивное право, энергетическое право).

Публикационная активность авторов (научно-педагогических работников) Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА). Индекс Хирша более 7 имеют 25 авторов, самые высокие показатели 12 и 11 имеют 3 автора (Шугрина Е.С., кафедра конституционного и муниципального права; Лазарев В.В., кафедра теории государства и права; Рарог А.И., кафедра уголовно-

го права), еще 3 автора имеют показатель 10 (Жуйков В.М., кафедра гражданского и административного судопроизводства, Клепицкий А.И., кафедра уголовного права и Кутафин О.Е., кафедра конституционного и муниципального права).

Таблица 5

Рейтинг научно-преподавательского состава Университета имени О.Е. Кутафина по индексу Хирша

Сотрудник	Число публикаций	Число цитирований	h-индекс
Шугрина Екатерина Сергеевна Кафедра конституционного и муниципального права, профессор	128	1037	12
Лазарев Валерий Васильевич Кафедра теории государства и права, профессор	78	1962	11
Рарог Алексей Иванович Кафедра уголовного права, заведующий кафедрой	94	909	11
Жуйков Виктор Мартенианович Кафедра гражданского и административного судопроизводства, профессор	60	1136	10
Клепицкий Иван Анатольевич Кафедра уголовного права, профессор	36	355	10
Малеина Марина Николаевна Кафедра гражданского и семейного права, профессор	75	957	10
Долинская Владимира Владимировна Кафедра гражданского и семейного права, профессор	103	697	9
Исаев Игорь Андреевич Кафедра истории государства и права, заведующий кафедрой	121	614	9
Кашанина Татьяна Васильевна Кафедра теории государства и права, профессор	56	1106	9
Лебедев Валериан Алексеевич Кафедра конституционного и муниципального права, профессор	101	506	9
Грачева Юлия Викторовна Кафедра уголовного права, профессор	54	223	8
Ефимова Анна Александровна Кафедра энергетического права, преподаватель	60	407	8
Комарова Валентина Викторовна Кафедра конституционного и муниципального права, профессор	89	927	8
Мохов Александр Анатольевич Кафедра предпринимательского права, профессор	148	501	8
Рожкова Марина Александровна Кафедра интеллектуального права, профессор	108	903	8
Веденев Юрий Алексеевич Кафедра теории государства и права, профессор	40	462	7
Ершова Инна Владимировна Кафедра предпринимательского права, профессор	61	420	7
Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна Кафедра уголовного права, профессор	52	341	7
Кашкин Сергей Юрьевич Кафедра права Европейского Союза, заведующий кафедрой	72	339	7

Крылов Борис Сергеевич Кафедра конституционного и муниципального права	36	429	7
Орлов Юрий Кузьмич Кафедра уголовно-процессуального права, профессор	40	640	7
Синюков Владимир Николаевич Кафедра теории государства и права, профессор	24	322	7
Чучаев Александр Иванович Кафедра уголовного права, профессор	83	458	7
Эминов Владимир Евгеньевич Кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, заведующий кафедрой	28	858	7

Можно сопоставить вышеприведенные данные публикационной активности авторов с аналогичными показателями авторов из других российских организаций.

На основании данных РИНЦ в тематике «Государство и право. Юридические науки» представлено 17482 автора, из них 796 числится за Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В первую сотню по индексу Хирша входят авторы с показателем от 37 до 10, это ученые из таких организаций, как Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП) (23 автора, включая самый высокий); УрГЮА (6 авторов); Институт государства и права РАН (ИГП РАН), включая саратовский филиал (6 авторов); Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (5 авторов); МГУ и РАНХиГС (3 автора). В первую сотню по количеству публикаций входят авторы с показателем от 546 до 111, это ученые из следующих организаций: ВАС РФ (Иванов А.А. с самым высоким показателем); ИГП РАН, включая саратовский филиал (2 автора, включая второй по рейтингу); Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) (9 авторов); ИЗиСП (6 авторов); УрГЮА (4 автора); Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (3 автора). Что касается числа цитирований, то в первой сотне находятся авторы с показателями от 13441 до 784; самый высокий показатель у автора из УрГЮА (а всего 4 автора), далее авторы из ИЗиСП (14, включая второй по рейтингу), Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (13 авторов), ИГП РАН, включая саратовский филиал (6 авторов). Как видно из статистики, большое количество публикаций не всегда говорит о высоком показателе цитируемости, например, на 391 публикации может приходиться 4 цитирования (автор из ИНИОН РАН Загоруйко К.Ф.), на 15 публикаций — 928 цитирований (автор — д-р юрид.наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права РФ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Козлова Е.И.). Из приведенных данных можно сделать еще один вывод о специфике моделей цитирования: в зависимости от организации, в

которой работает автор; как видно из некоторых показателей публикационной активности, авторы из научно-исследовательских организаций, таких как ИЗиСП, ИГП РАН, ИНИОН РАН, имеют более высокие показатели, по сравнению с авторами из вузов, по всей вероятности, в связи с тем, что имеют больше возможностей заниматься исключительно наукой.

Развитие системы правовой наукометрии и ее роль в управлении наукой. Чтобы управлять любым процессом или объектом, нужно понимать его природу и закономерности его развития. И, как уже упоминалось, эффективное управление юридической наукой как на уровне отдельных ученых-юристов, научно-исследовательских коллективов и организаций, так и на уровне российского государства, невозможно без анализа и оценки результативности и востребованности научно-исследовательской деятельности этих ученых, организаций и российской юридической науки в целом. Бесспорно, метод оценки науки с помощью библиометрии может оказать «существенную помощь в деле управления наукой, а именно в планировании и прогнозировании научных исследований, в корректировании научной политики государством», поскольку отражает «степень активности и продуктивности фундаментальных и прикладных исследований в стране, их вклад в развитие научного знания»¹⁷. С помощью оценки состояния и развития юридической науки на основе библиометрического анализа можно «формировать исследовательские стратегии с учетом мировых фронтов¹⁸ предметной области», «выявлять наиболее значимые работы, отражающие передовой край научных исследований и разработок», на основе аналитических отчетов по высокоцитируемым публикациям и исследовательским фрон-

¹⁷ Маршаклова-Шайкевич И.В. Указ. соч.

¹⁸ Исследовательский фронт — это кластер высокоцитируемых статей, который формируется на основе библиометрического анализа ко-цитирования и семантического анализа по метаданным статей (ключевые слова в заголовках статей, аннотациях и авторские ключевые слова, отражающие содержание работы).

там выявлять передовые исследования мирового уровня¹⁹, определять перспективность научных исследований в предметной области «Государство и право. Юридические науки».

В настоящее время эта тема является настолько актуальной, что уже говорят о новом научном направлении в семействе юридических наук, зарождающейся новой науке о юриспруденции — юридической наукометрии.

Согласно мнению профессора А.Ю. Шумилова, юридическая (правовая) наукометрия является новой российской юридической наукой, предметом которой «выступают закономерности статистически значимого отражения возникновения, функционирования и «отмирания» потоков и массивов научной информации о праве, юридической деятельности, ее субъектах, продукте (результатах) и т.п.». Представляя ее как современный инструмент познания юриспруденции, автор указывает, что юридическая наукометрия является частью наукометрии и одновременно юриспруденции²⁰.

На основании проведенных исследований о современном состоянии изучения наукометрической проблемы в отечественной юриспруденции, об основных направлениях исследований по ней в мировой науке, о значении наукометрического анализа в юриспруденции, а также проведенного наукометрического анализа как отдельных «классических» юридических наук, так и специализированных (военных, в том числе «полузакранных»²¹) юридических наук, автор делает интересные выводы. Так, предлагается «шкала оценки вклада ученого в отечественную юридическую науку на основе индекса цитирования в виде пяти классов: средне известного ученого, известного ученого, широко известного ученого, общеизвестного ученого и «классика цитирования»». Лидеры научного цитирования закладывают «фундамент» статуса отечественной юриспруденции в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Таким образом, «на основе цитирований ученых-юристов, можно будет измерять состояние парадигмы как юри-

спруденции в целом, так и ее компонентов (отраслей знаний)».

В рамках оценки проведенных исследований предложены и направления для совершенствования методологии юридической наукометрии: исследование правовых оснований применения наукометрических инструментов для принятия юридических (административных и (или) дисциплинарных) решений; разработка научно обоснованных рекомендаций для создания нормативно-технических документов (методик), с помощью которых возможно осуществлять наукометрический анализ; разработка своих подходов, методов и (или) способов по юридически значимой оценке результативности и востребованности публикаций научно-педагогических работников²².

Тем не менее существуют и другие точки зрения о значении наукометрии и библиометрии для оценки состояния и развития науки, в частности, можно услышать мнения о недостаточности или непригодности использования в указанных целях библиометрических показателей. Озвучиваются современные проблемы использования наукометрических инструментов в управлении научной деятельностью и обосновывается необходимость широкого применения экспертных технологий при оценке эффективности научной деятельности²³.

Для того чтобы объективно оценить науку, нельзя исследовать ее только с одной стороны, следует применять не один метод, но их совокупность; использовать как статистические, так и экспертные методы, и при этом нельзя умолять достоинства и значения каждого из указанных методов. Несмотря на то, что методология юридической наукометрии только начала зарождаться и пока не столь широко используется для оценки развития юридической науки в России, по сравнению с другими областями знаний, и не вдаваясь в дискуссию о теоретических аспектах существования юридической наукометрии как новой самостоятельной юридической науки и о ее месте в юридической системе, следует признать ее важное значение для развития юридической науки в целом и необходимости дальнейшего ее развития.

¹⁹ Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А. Наукометрические параметры российской экономической науки: общее состояние и оценка диссертационных советов. URL: <http://institutiones.com/general/2288-naukometricheskie-paramety-rossijskoj-ekonomicheskoy-nauki.html>

²⁰ См.: Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М.: ИД Шумиловой И.И., 2012.

²¹ См., напр.: Он же. Вопросы становления сыскной наукометрии, или об индексе цитируемости в открытых научных журналах трудов специалистов, исследующих оперативно-розыскную деятельность и смежные с ней области теории и практики // Оперативник (сб.). 2010. № 1 (22). С. 34–42.; Он же. О цитируемости трудов специалистов военного права в открытых периодических изданиях // Военное право. 2011. № 3. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/4667>.

²² См.: Нестеров А.В. Рец. на монографию А.Ю. Шумилова «Введение в юридическую наукометрию» // Оперативник (сб.). 2013. № 3. С. 64–66.

²³ См.: Орлов А.И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами. Спец. вып. 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сб. тр. 2013. URL: http://ubs.mtas.ru/archive/index.php?SECTION_ID=685.

Библиография:

1. Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А. Наукометрические параметры российской экономической науки: общее состояние и оценка диссертационных советов. URL: <http://institutiones.com/general/2288-naukometricheskie-paramety-rossijskoj-ekonomicheskoy-nauki.html>
2. Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е.. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 6. С. 483–491.
3. Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки. 2002. №7. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_39.html
4. Москалева О. Поверить индексом науку. URL: http://www.gazeta.ru/science/2012/12/19_a_4896245.shtml.
5. Нестеров А.В. Рец. на монографию А.Ю. Шумилова «Введение в юридическую наукометрию» // Оперативник (сыщик). 2013. № 3. С. 64–66.
6. Оганов Р.Г., Трушелёв С.А. Наукометрические подходы к анализу результатов научно-исследовательской деятельности // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2012. № 11 (2). С. 90–95. URL: <http://medi.ru/doc/600009.htm>
7. Огнев А. Лотсман в ливне публикаций. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47857#.VEJoZvnkeGU
8. Орлов А.И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами. Спец. вып. 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сб. тр. 2013. URL: http://ubs.mtas.ru/archive/index.php?SECTION_ID=685
9. Шугрина Е.С., Семисорова К.Н. Научные юридические журналы как средство продвижения научных школ и ученых Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на российском научном пространстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1530–1537.
10. Шумилов А.Ю. О цитируемости трудов специалистов военного права в открытых периодических изданиях // Военное право. 2011. № 3. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/4667>
11. Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М.: ИД Шумиловой И.И., 2012. 394 с.
12. Шумилов А.Ю. Вопросы становления сыскной наукометрии, или об индексе цитируемости в открытых научных журналах трудов специалистов, исследующих оперативно-розыскную деятельность и смежные с ней области теории и практики // Оперативник (сыщик). 2010. № 1 (22). С. 34–42.

References (transliteration):

1. Kurakova N.G., Tsvetkova L.A., Eremchenko O.A. Naukometricheskie parametry rossiiskoi ekonomicheskoi nauki: obshchee sostoyanie i otsenka dissertatsionnykh sovetov. URL: <http://institutiones.com/general/2288-naukometricheskie-paramety-rossijskoj-ekonomicheskoy-nauki.html>
2. Markusova V.A., Ivanov V.V., Varshavskii A.E. Bibliometricheskie pokazateli rossiiskoi nauki i RAN (1997–2007) // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2009. T. 79. № 6. S. 483–491.
3. Marshakova-Shaikevich I.V. Vklad Rossii v razvitie mirovoi nauki: bibliometricheskaya otsenka // Otechestvennye zapiski. 2002. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_39.html
4. Moskaleva O. Poverit' indeksom nauku. URL: http://www.gazeta.ru/science/2012/12/19_a_4896245.shtml
5. Nesterov A.V. Rets. na monografiyu A.Yu. Shumilova «Vvedenie v yuridicheskuyu naukometriyu» // Operativnik (syshchik). 2013. № 3. S. 64–66.
6. Oganov R.G., Trushchelev S.A. Naukometricheskie podkhody k analizu rezul'tatov nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. 2012. № 11 (2). S. 90–95. URL: <http://medi.ru/doc/600009.htm>
7. Ognev A. Lotsman v livne publikatsii. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47857#.VEJoZvnkeGU
8. Orlov A.I. Naukometriya i upravlenie nauchnoi deyatel'nost'yu // Upravlenie bol'shimi sistemami. Spets. vyp. 44: Naukometriya i ekspertiza v upravlenii naukoj: sb. tr. 2013. URL: http://ubs.mtas.ru/archive/index.php?SECTION_ID=685
9. Shugrina E.S., Semisorova K.N. Nauchnye yuridicheskie zhurnaly kak sredstvo prodvizheniya nauchnykh shkol i uchennykh Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) na rossiiskom nauchnom prostranstve // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2014. № 7. S. 1530–1537/
10. Shumilov A.Yu. O tsitiruemosti trudov spetsialistov voennogo prava v otkrytykh periodicheskikh izdaniyakh // Voennoe pravo. 2011. № 3. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/4667>
11. Shumilov A.Yu. Vvedenie v yuridicheskuyu naukometriyu. M.: ID Shumilovoi I.I., 2012. 394 s.
12. Shumilov A.Yu. Voprosy stanovleniya sysknoi naukometrii, ili ob indekse tsitiruemosti v otkrytykh nauchnykh zhurnalakh trudov spetsialistov, issleduyushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost' i smezhnye s nei oblasti teorii i praktiki // Operativnik (syshchik). 2010. № 1 (22). S. 34–42.

Материал поступил в редакцию 01 октября 2014 г.

С.Р. Чеджемов*

Корифей российского права

Аннотация. В статье кратко анализируется научно-педагогическая деятельность одного из известных отечественных ученых в области истории государства и права, Заслуженного деятеля науки РФ Роланда Сергеевича Мулукаева. Отмечается его оригинальный авторский подход к проблемам развития таких институтов государства и права, как автономия, полиция, правоохранительные органы, истории развития органов власти и управления Российской империи и Советской России.

Ключевые слова: Осетия, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮА им. О.Е. Кутафина, автономия, полиция, правоохранительные органы.

22 октября 2014 года исполняется 85 лет доктору юридических наук, профессору, академику-секретарю отделения правовых проблем геополитики и безопасности РАЕН, Заслуженному деятелю науки РФ, заслуженному работнику Министерства внутренних дел России и кавалеру высшей награды Республики Северная Осетия-Алания — ордена «За заслуги перед Осетией» **Роланду Сергеевичу Мулукаеву.**

Он родился в г. Владикавказ в те годы Северо-Осетинской автономной области РСФСР в интеллигентной семье, с отличием закончил школу № 5 — бывшую дореволюционную классическую мужскую гимназию. Поступил в Московский юридический институт — ныне Московскую юридическую академию им. О.Е. Кутафина. С Олегом Емельяновичем, как, впрочем, и со многими другими академиками — юристами С.В. Юшковым, О.И. Чистяковым, В.С. Нерсисянцем и другими Роланд Сергеевич познакомился, будучи аспирантом кафедры теории и истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где обучался с 1953 по 1956 гг. Дружбой и творческими контактами с ними он гордится и поныне.

Научное становление молодого ученого состоялось под научным руководством профессора Ксении Александровны Софроненко. Им была подготовлена и блестяще защищена кандидатская диссертация на тему: «Образование Северо-Осетинской АССР» в 1956 г. Таким образом, Роланд Сергеевич стал первым осетином кандидатом юридических наук¹, а его докторская диссертация

на тему: «Организационно-правовые проблемы становления Советской милиции (1917–1920 гг.)» до сих пор является классической по методологическому содержанию научной работой. Она переведена на ряд иностранных языков и на нее ссылаются ученые почти 30 стран мира².

¹ Мулукаев Р.С. Образование Северо-Осетинской АССР: дис. канд. юрид. наук. М., 1958.

² Мулукаев Р.С. Организационно-правовые проблемы становления советской милиции (1917–1920 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979.

© Чеджемов С.Р., 2014

* Чеджемов Сергей Русланович — юрист, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. [srchedgemov@mail.ru]

362035, Россия, г. Владикавказ, ул. Тургеневская, д. 334.

Вся трудовая жизнь Роланда Сергеевича посвящена научной педагогической деятельности, но с 1960 г. и по настоящее время основным местом его работы является Высшая школа милиции МВД СССР — ныне Академии управления МВД России. Он прошел все ступени карьерного роста, но остался доброжелательным и чутким наставником, бескорыстно помогающим своим ученикам. Круг научных интересов Р.С. Мулукаева составляют проблемы теории и истории государства и права, истории учений о праве, конституционного права. Наибольший вклад им внесен в разработку проблем национально-государственного строительства и истории органов внутренних дел. Он — автор базовых учебников по истории отечественного государства и права, вузовского курса «История органов внутренних дел», который в настоящее время преподается во всех вузах системы МВД РФ.

Отрадно, что в области юридических наук наша республика по праву может гордиться своим сыном — Заслуженным деятелем науки РФ, полковником, профессором, председателем диссертационного совета по защитами кандидатских и докторских диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук при Академии управления Министерства внутренних дел РФ.

Ученое имя Роланда Сергеевича хорошо известно на всей территории России, по его солидным монографиям и учебникам уже почти полвека занимаются студенты юридических вузов страны, готовят к защитами кандидатские и докторские диссертации не только в России, но и за её пределами.

Одно из авторитетнейших изданий Российской Академии наук по юридическим научным дисциплинам — журнал «Государство и право» во № 11 за 2009 г. опубликовал статью «К 80-летию профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Р.С. Мулукаева».

Статья была подписана ведущими учеными-юристами страны, профессорами Института государства и права РАН и Академии управления МВД России И.В. Гончаровым и Н.Н. Ефремовой³. В этот же год вышло в свет юбилейное издание избранных научных трудов профессора Мулукаева, открывающееся статьей о юбилеаре написанной заслуженным деятелем науки РФ, доктором юридических наук, профессором А.Я. Малыгиным.

Отрадно, что сей признанный маститый ученый, профессор, не просто наш земляк, но он один из тех, кто стоял у истоков высшего юридического образования в Осетии, организовывал в далеком 1969 г. юридический факультет нашего

Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Перу профессора Мулукаева принадлежат около 200 научных работ, среди которых особо выделяются монографии: «Советская Автономия», «Полиция и тюремные заведения дореволюционной России», «Полиция Российской империи», «Милиция России», «Злодеяния немецко-фашистских захватчиков на территории СССР», «Советское государство: опыт истории», «Исторический очерк развития системы предварительного расследования» и множество других.

Примечательно, что работы вышеназванного ученого переведены на все рабочие языки Организации Объединенных наций и изданы в ряде стран Европы, Азии и Америки, в том числе в США, Германии, Чехии, Словакии, Болгарии, Вьетнаме, Кубе и других странах⁴.

Резюмируя основные идеи профессора Р.С. Мулукаева, хочется отметить его методологический подход к подразделению источников на юридические факты, то есть конкретные исторические события, порождающие, изменяющие или прекращающие правоотношения и памятники права, которые могут быть представленными как отдельными правовыми актами, так и выступать в комплексе института, отрасли, системы права. Основными критериями источника является его происхождение, содержание и форма.

Примечательным является и его тезис о том, что Россия как многонациональное государство образовывалась на основе присоединения народов и территорий. Подобное «приращение» сопровождалось чаще всего мирными средствами. Этот процесс он называет естественно-историческим.

В этом вопросе он всецело поддерживает мнение академика М.М. Ковалевского, писавшего: «К чести нашей политики надо сказать, что в сношениях с народностями, населяющими империю, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у них веками строй, какой отличалась, например, английская политика в Индии... Русскую администрацию менее всего можно винить в непонимании или отрицании чужих религиозных, нравственных и правовых устоев»⁵.

Согласно точке зрения Роланда Сергеевича, впервые фундаментально исследовавшего некоторые вопросы развития советского государства и права на примере народов Кавказа, именно благодаря Советской власти народы России получили право на создание своих автономных государственных образований.

В течение нескольких десятков лет научные знания профессора Р.С. Мулукаева широко применялись и применяются в практической дея-

³ Гончаров И.В., Ефремова Н.Н. К 80 летию профессора Р.С. Мулукаева // Государство и право. 2009. № 11.

⁴ Мулукаев Р.С. Избранные труды. М., 2009.

⁵ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. С. 266–289.

тельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти нашей страны и за ее пределами, в частности в Испании. Вплоть до распада СССР он являлся научным экспертом Верховного Совета СССР РСФСР, а ныне является экспертом Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ по делам международных отношений.

Можно с уверенностью говорить о том, что, как пишет заслуженный юрист России, профессор А.Я. Малыгин, в российском правоведении сложилась научная школа профессора Р.С. Мулукаева. Под его научным руководством около 100

человек защитили кандидатские и докторские диссертации.

Примечательно, что, несмотря на свою занятость, Роланд Сергеевич все это время не порывает связи со своей малой родиной — Осетией, оказывает неоценимую помощь своим мудрым словом и неустанными делами. От имени всех юристов Осетии, студентов и преподавателей, работающих по книгам нашего замечательного земляка, хочется пожелать выдающемуся ученому-правоведу и членам его семьи исполнения всех творческих желаний, счастья, здоровья и успехов.

Библиография:

1. Гончаров И.В., Ефремова Н.Н. К 80 летию профессора Р.С. Мулукаева // Государство и право. 2009. № 11.
2. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886.
3. Мулукаев Р.С. Образование Северо-Осетинской АССР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958.
4. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые проблемы становления Советской милиции (1917–1920 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979.
5. Мулукаев Р.С. О концепции государственно-национальной политики Российской Федерации. М., 2001.
6. Мулукаев Р.С. Избранные труды. М., 2009.

References (transliteration):

1. Goncharov I.V., Efremova N.N. K 80 letiyu professora R.S. Mulukaeva // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 11.
2. Kovalevskii M.M. Sovremennyi obychai i drevnii zakon. M., 1886.
3. Mulukaev R.S. Obrazovanie Severo-Osetinskoi ASSR: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1958.
4. Mulukaev R.S. Organizacionno-pravovye problemy stanovleniya Sovetskoi milicii (1917–1920 gg.): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1979.
5. Mulukaev R.S. O koncepcii gosudarstvenno-nacional'noi politiki Rossiiskoi Federacii. M., 2001.
6. Mulukaev R.S. Izbrannye trudy. M., 2009.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2014 г.

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Prosecutorial investigative personnel of the Russian Empire in the 1850–1860 s: educational level (from the history and prehistory of the judicial reform of 1864)

SEROV, Dmitrii Olegovich — PhD in History, Head of Theory and history of state and law Department, Novosibirsk state University of economy and management (NSUEM).

[serov1313@mail.ru]

Abstract. The article considers the problem of providing investigative and prosecutorial bodies of Russia with legally educated staff on the eve of the judicial reform of 1864 and in the initial period of its implementation. The new data is provided on that before the 1860 the leadership of the country did not pay enough attention to the issue of staffing the state apparatus with qualified lawyers. For the first time a summary of the data on the number of law graduates of Russian universities, high schools and colleges in 1840s–1850s is presented. The author makes and proves a conclusion about the lack of persons with higher legal education in the pre-reform Russia. It is considered in details the history of design of educational qualifications for officials of the judiciary and prosecutors in the domestic legislation of the first half of the 1860s. The article puts into the scientific practice the systematic data on the educational level of the chief procurators of the Governing Senate, provincial and regional prosecutors, district lawyers and court investigators in 1851–1868. It is defined the proportion of graduates of various law schools among prosecutors and forensic investigators of the said period. The author shows the unbalanced distribution of legally educated prosecutors and investigative personnel in the regions of the empire. It is provided the information about obtaining of non-core higher education by prosecutors and investigators. It is concluded that the Ministry of Justice by the end of the 1860s was able to achieve the best possible results in providing qualified lawyers, both senior and mid-level prosecutors and forensic investigators body.

Keywords: judicial reform of 1864, qualifications, educational level, higher education in law, Faculty of Law, Imperial College of Law, personnel policy, the Ministry of Justice, the Governing Senate, court investigator, prosecutor general, provincial prosecutor, district lawyer.

The concept of the basis of the systematization of law in the structure of the comparative legal analysis

VORONIN, Maxim Valer'evich — Teaching assistant of the Department of theory and history of state and law, Kazan Federal University.

[maksim.v.voronin@mail.ru]

Abstract. The object of study is a systematic approach to comparative legal analysis. Subject of the research is a concept based on the system of law in the structure of comparative legal analysis. In the concept of the basis of the systemacy of law there are basic grounds of the systemacy of law, which, from our point of view, are needed for more in-depth comparative legal analysis, as they provide the disclosure of the nature of interaction of the analyzed legal systems; explain the need for a comparative legal analysis of specific legal systems. The basic reason of the system of law must be considered when analyzing the methodology of comparative law. Basic reasons of the systematization of law include: public relations in their system interaction; state-volitional nature of law; legal policy; principles of law. The central part of the methodological research belongs to methodological tools of general systems theory based on the paradigm of the universal systemacy of the environment. The basic methodological position is a systematic approach to the law involving its interpretation in the context of structural, contentive, level slice of the systematic learning of law. The research methodology is based on the dialectical platform, which involves the use of adequate methods. In the article the basis was taken as positive legal thinking, however, for a comprehensive study on the systematic nature of law there were involved knowledge and approaches to law developed in other concepts of legal thinking. In the context of this article, the other elements of the concepts of legal thinking enrich the idea about the system of law, do not exclude, but complement each other, allow to see the important facets of the problem being considered, to take into account modern trends of development of law. The article examines the main characteristics of the underlying basis of the

systematization of law, which are universal for learning grounds for interrelation of today legal systems. It is proved that the primary social relationships are universal for any legal system. This is applicable particularly to private law relations. The author also proves that the state will, manifesting itself in the functioning of the state and law, perceiving objective conditions of the social environment affects the conceptual and structural components of the system of law. It is shown that by using taking basic components of the legal policy based on the level approach, it is possible to achieve understanding of the goals of legal development, landmarks of legal systems. The article discloses universality of the systemic nature of principles of law regardless of their formalization in the sources of law. The perspective of learning of the systemacy of law in the structure of comparative legal analysis is shown.

Keywords: law, systemacy, systemacy of law, public relations, grounds for the systemacy of law, concept of the grounds for systematicity, comparative legal analysis, methodology, comparative law, structure of the legal analysis.

***Civil law responsibility for torts in the healthcare sphere:
grounds types, procedure for its determination
and imposing on guilty persons***

KURANOV, Vladimir Grigor'evich — Head of the Legal Science Course, Perm state medical academy named after E.A. Vagner (PSMA), assistant of deputy of State Duma (Health Care Committee).
[kuranov.perm@yandex.ru]

Abstract. The article is devoted to the issues of implementation of civil law responsibility in the healthcare sphere. The author has considered practical features of imposing the liability on medical organizations; gaps in legal regulation of this issue are brought to light. The author provides his justified proposal to correct the Consumer Protection Law taking into account peculiarities of the healthcare sphere.

Keywords: civil responsibility, tort, Civil Code, medical organization, harm to life and health, damage, cause and effect link, consumer rights protection, medical activities, patient, quality of medical service.

***Analysis and proposals to the Federal Law № 187-FZ
«On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the protection
of intellectual property rights in the information and communication networks»***

LYAPIDOV, Konstantin Valer'evich — Doctoral candidate, «Kuibyshev Mobile Mechanical Division Ltd».
[constantin.1988@mail.ru]

Abstract. The article provides the analysis of the current Federal law of July 02, 2013 № 187-FZ «On amending certain legislative acts of the Russian Federation for protection of intellectual rights in information and communication network», shows the scheme of the algorithm of the restrict access to the materials distributed on the Internet with the copyright infringement. The author makes proposals on the improvement of the current legislation and the implementation of legal content on the Internet. The aim of this study is to develop ways of legal protection and regulation of intellectual property rights on the Internet on the basis of Federal law № 187-FZ, which takes into account and supports the balance of interests of different stakeholder groups, as well as contributing to economic development. To achieve this goal it is used the method of analysis of Federal law № 187-FZ and the identification of shortcomings in the mechanisms of how it works. Basing on the analysis of Federal law № 187-FZ the author identifies deficiencies in the mechanisms of its work and proposes changes and amendments to the Federal law № 187-FZ. The article considers technological capabilities to distribute counterfeit content, while being outside the legal framework. It is developed a combined version of the system of the realization of legal content on the Internet which supports the balance of interests of different stakeholder groups, as well as contributing to economic development.

Key words: informational technologies, information broker, legal content, counterfeit content, Federal law, Internet, copyright holder, copyright, DMCA, provisional measures.

On the issue of the legal nature of open licenses

GRIN, Elena Sergeevna — PhD in Law, senior lecturer of the Department of civil law and the Department of intellectual property rights, Kutafin Moscow State Law University.
[helenkotenko@mail.ru]

Abstract. In the context of a major reform of civil law into part four of the Civil code of the Russian Federation there were introduced rules about open licenses, and this was one of the most discussed issues in the field

of intellectual property law. In this article the author explores the history of the concept and the legal nature of the design of open licenses as a new form of exclusive rights. The practice of authors/copyright holders to give to the public the ability to use the work on the basis of a special kind of license agreement is known abroad, and such contracts (foreign analogue of free licenses — Creative Commons) are concluded, as a rule, in respect of works distributed on the Internet or through the mentioned network. Therefore, due to the rapid development of digital technologies and the lack of legal regulation of relations on the use of works based on contemporary forms of exclusive rights, changes in the Russian legislation investigated in the article are relevant and well-timed. The author analyzes the provisions of the new articles of part IV of the civil code of the Russian Federation (Art. 1286.1) on open licenses, and draws attention to various enforcement aspects of this legal instrument.

Keywords: open license, intellectual property rights, Creative Commons, software, multimedia product, authors.

Industry affiliation and features of network contract for railway transport

TORBA, Svetlana Nikolaevna — Head of the Legal Department of «Vector of development» audit and consulting company, Doctoral candidate of the Entrepreneurial law Department of Kutafin Moscow State Law University .

[torbasn@mail.ru]

Abstract. The draft resolution of the Government of the Russian Federation «On the procedure of the development of the network contract for the guaranteed transportation provided by the infrastructural complex of railway delivery» involves the conclusion of the network contract between the state and the owner of the railway infrastructure of common use. Network contract defines the procedure of financing and terms of exercising the regulated activities of the infrastructure owner. Network contract is similar to the agreement on carrying on the regulated activities in the field of water supply and sanitation. Network contract is a public-law agreement with elements of agreements on the provision of public investments and subsidies to legal entities which are not state or municipal institutions, state or municipal unitary enterprises. The law on railway transport does not provide for the conclusion of such contract and does not give the Government the authority to establish requirements to the network contract. Subject of a network contract, parties and conditions of its conclusion shall be provided by the Federal law «On the railway transport».

Key words: network contract, regulatory contract, infrastructure of the railway transport, public investment, subsidies, infrastructure owner.

On the problem of the legal monitoring of the application of rules on corporate legal entities

KRASAVCHIKOVA, Larisa Ivanovna — Lecturer of the Civil law Department, Kutafin Moscow State Law University.

[larisa.krasavchikova@yandex.ru]

Abstract. During the monitoring of the legislation and regulations on legal entities the present article describes the main problems of modern corporate law. As a result of the analysis of provisions on legal capacity, the establishment of legal entities, their activity and its termination, the author comes to the conclusion that the number of rules on legal entities requires significant changes.

Keywords: legal monitoring, corporate law, legal entity, legal capacity, joint stock company, limited liability company, share capital, insolvency.

On the practice of Genocide Convention («Al-Anfal» campaign in Iraq)

HASAN, Hunar Ameen Hasan — Postgraduate student of the Department of criminal law of the Kutafin Moscow State Law University, citizen of Iraq.

[bazyan45@yahoo.com]

Abstract. The article is devoted to the crime of genocide committed during the military campaign under the name «al-Anfal» in Iraqi Kurdistan (1988) little-known to the Russian scientific community. The author shows the objectivity of the qualification of the crime and its full compliance with the Genocide Convention (1948).

Keywords: genocide, al-Anfal campaign, crimes against humanity, war crimes, Iraqi Kurdistan, Iraqi Supreme Tribunal.

***Participation of the Prosecutor in the court investigation
and the jury trial (upon the Charter of criminal justice of 1864)***

AGABAEVA, Anastasiya Vladimirovna — Postgraduate student of the Department of criminal procedure and criminology, Saint-Petersburg law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation.

[nst.mail@bk.ru]

Abstract. The article analyzes the provisions of the Charter of criminal justice 1864, regulating the rights and duties of the Prosecutor in the court proceedings in a criminal case and the jury trial. The study addresses some of the most controversial issues concerning the rights and duties of the public Prosecutor involved in the judicial investigation, limits of the research of the identity data of a defendant in pre-revolutionary proceedings. The author considers the ratio of the supervisory functions of the Prosecutor in court with the status of the Prosecutor as a party to the action and the principle of equality of parties in pre-revolutionary criminal procedure. As a methodological basis for the study the author used the scientific dialectical method of cognition, as well as a number of private research methods: historical, legal, comparative and legal, method of system analysis. According to the research results it is concluded that the norms enshrined in the Charter of the criminal justice 1864, provided to the parties sufficient opportunities to exercise their rights in the course of the jury trial. The duties of the Prosecutor along with the indictment activities included supervision of the law adopted by the court.

Keywords: Charter of criminal justice, Prosecutor, court investigation, jury trial, rights of the parties, identity of the defendant, examination of evidence, announcement of the indictment, prosecution, interrogation of witnesses.

***Violation of the criminal procedure and (or) criminal laws that are inherent
in the court of appeal***

BORISEVICH, Galina Yakovlevna — PhD in Law, associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics, Perm State National Research University.

[galinapgnu@mail.ru]

Abstract. The article shows the subject of proceedings in the court of appeal in accordance with the Charter of criminal justice 1864 and the code of criminal procedure. It also discloses powers of court of appeal for the elimination of violations of the criminal code and the criminal procedure code of the Russian Federation. The disposable violations of the law are characterized. The author shows the nature of the violation of the criminal procedure and (or) criminal laws that are inherent in the court of appeal. He analyzes the nature and types of violations of the criminal procedure law and selects the fundamental (fatal) violations of the code of criminal procedure, as well as violations under Art. 237 of the code. The characteristic of fatal violations of the criminal code of the Russian Federation is given. Methodological basis for the study consisted of a set of General — and Astronautic methods: dialectical, logical, historical, comparative, formal and legal, statistical. The contents of violations of the criminal procedure and (or) criminal laws, that are inherent in a court of appeal is characterized. The article shows types of fatal violations of the criminal procedure law: fundamental type, as well as violations associated with the identification of the circumstances indicated in the first part of Art. 237 of the Criminal code of the Russian Federation. The author provides characteristics of fatal violations of the criminal law, entailing the abolition of conviction and forwarding the case either to a trial court or to the Prosecutor.

Keywords: court of appeal, Charter of criminal justice, disposable law violations, minor law violations, conditional violations of the code of criminal procedure, fatal violations of the code of criminal procedure, absolute violations of the code of criminal procedure, fundamental violations of the code of criminal procedure, return of the case to the Prosecutor.

***Legal effect of the age of a subject
of crime in sentencing***

VOVK, Maria Zinovievna — teacher of civil law department, Lvov State University of Internal Affairs.

[mvovk@bk.ru]

Abstract. The article deals with the legal effect of the age of a subject of crime in sentencing. The paper addresses cases when the age of a subject of crime constitutes the circumstance that excludes the possibility of applying certain punishments. The author analyses the issues of fixing a penalty to minors and pensioners which arise in practice and proposes ways of solving them. The author studies minor age, young age and advanced age of a subject of crime as mitigating circumstances in sentencing. The methodological basis of the

paper is such scientific principles of cognition as analysis and synthesis, deduction and induction, systematization, generalization and numeration. The author puts forward the arguments for the necessity of existence of such a circumstance as minor age of a subject of crime in the list of mitigating factors in the Criminal Code of Ukraine. The author supports the standpoint of those scholars who propose to approach the practical consideration of age of a subject of crime, in particular minor age as a mitigating factor in sentencing on a case-by-case basis.

Keywords: age, subject of crime, crime, punishment, sentencing, mitigating circumstances in sentencing, minor, young age, pension age, advanced age.

Some issues of criminal procedure functions under the Criminal Procedure Code of Ukraine 2012

GLOVYUK, Irina Vasilievna — PhD in Law, associate professor of Criminal Procedure Department, National University «Odessa Law Academy».

[iglovyuk83@inbox.ru]

Abstract. The author studies the issue of delineation of criminal procedure functions under the Criminal Procedure Code of Ukraine 2012. It is noted that the appearance of the theory of criminal procedure functions in the national doctrine is connected with the competitive division of activities of parties to an action. The author analyses the legitimization of the contents of prosecution functions, the co-relation between the categories of «prosecution» and «state prosecution». The author lays a foundation for the exercitation of investigation function in the criminal procedure in Ukraine. The article deals with the functional orientation of the activities of an investigator and a prosecutor under the Criminal Procedure Code of Ukraine 2012. The methodological basis rests on the dialectical method of cognition of objective reality. When conducting research the author has used the historic and legal method, the logic-formal approach, the system-oriented analysis. The author notes that in spite of the fact that the Criminal Procedure Code of Ukraine does not use the category of «criminal prosecution» in the meaning of criminal procedure function it is possible to use this very category for doctrinal identification of the activities aimed at establishing the guilt of an offender and ensuring his criminal punishment. The author defines the following forms of criminal prosecution under the Criminal Procedure Code of Ukraine: suspicion, accusation, application of compulsory measures of medical character against a person, application of compulsory measures of educational character against a minor. The article states the multi-functionality of an investigator's activity that consists in exercising the functions of investigation and criminal prosecution (in the form of suspicion). It is noted that a prosecutor in criminal proceedings in Ukraine exercises the function of prosecutor's supervision in the form of procedural guidance of investigation, prosecutes and implements the constitutional function of representation of interests of citizens or state in court in the form of bringing a civil suit.

Keywords: criminal procedure functions, criminal prosecution, accusation, suspicion, defense, adversary nature, investigation, prosecutor, investigator, parties to the criminal process.

Issues of appeal to a procurator against actions and decisions of persons exercising criminal justice under the Charter of Criminal Proceedings 1864 and Criminal Procedure Code of the Russian Federation 2001

GORAK, Nelly Viktorovna — Department prosecutor, Prosecutor's Office of Krasnodar Territory.

[vechnyi-dvigatel@mail.ru]

Abstract. The paper studies the rules of the 1864 Charter of Criminal Proceedings and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation 2001, governing the procedure of filing and resolution by a procurator of complaints against actions (acts of omission) and decisions of preliminary investigation bodies. The aim of this paper is to improve the procedure of filing complaints to a procurator and their solution by amending separate provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author uses the method of comparative analysis of the institute of resolution by a procurator of complaints against actions (omission) and decisions of persons exercising criminal justice under the Charter of Criminal Proceedings 1864 and Criminal Procedure Code of the Russian Federation 2001. The author compares separate aspects of the procedure of filing complaints against actions (omission) and decisions of officials exercising criminal justice under the Charter of Criminal Proceedings and Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Subsequent to the results of the comparison the author formulates proposals on amending separate provisions of Criminal Procedure Code of the Russian Federation that will contribute to procedural savings at the expense of reduction of period of complaints resolution by a procurator and minimization of the number of requested data and materials.

Keywords: procurator, appeal, complaint, criminal proceedings, Charter of Criminal Proceedings, actions, omission, participant of criminal proceedings, limits of appeal.

***Some issues of using special knowledge in proof in a criminal case
in the context of exercising the right to adversarial proceedings***

GUDOVSKIKH, Tatiana Sergeevna — Student, Chair of Criminal Procedure, Ulianovsk State University.
[Icekress@mail.ru]

Abstract. The author analyses topical issues relating to the procedure of obtaining and applying an expert's opinion and evidence. Special attention is given to the grounds and conditions of recognition by an adjudicator of admissibility of this kind of proof, acquisition of its evidential significance. The article provides statistical data of the research confirming inferences relating to the problems and their priority in the current law enforcement practice for effective and just administration of justice. The said issues are analyzed through the prism of a broken balance of forces and interests between prosecution and defense. To conduct the research the author used the historical, formal-legal, specific-sociological, statistical methods as well as the method of comprehensive approach to the research of problem areas. As a result of the research the author comes to the conclusion that the defects of the criminal procedure legislation and the settled judicial practice create obstacles for obtaining and using an expert's opinion and evidence by the participants of a criminal procedure appearing for the defense. In this regard the author proposes rational ways of solving the defined problems and eliminating legal loopholes.

Keywords: special knowledge, expert's opinion, admissibility of evidence, evidential significance, defendant party, balance of forces, procedural actions, adversarial principle, Charter of Criminal Proceedings, law enforcement practice.

***Availability of instances for reviewing valid judgments in criminal cases:
past and present***

DIKAREV, Ilia Stepanovich — PhD in Law, associate professor of the Chair of Criminal Procedure and Forensic Science, Volgograd State University.
[dikarew@mail.ru]

Abstract. Availability of instances is the organizational source for reviewing valid judgments in criminal cases. The author examines the issue of the number of cassation instances in a contemporary criminal procedure, substantiates the inference of the necessity for the existence of a supreme cassation court which will provide uniform judicial practice at the national level. The current system of reviewing valid judgments in criminal cases in Russia is compared with the model of a classic cassation adopted by the Russian legislation in the nineteenth century. The author traces the evolution of establishment of instances in the Russian criminal procedure legislation since the operation of the Charter of Criminal Proceedings of 1864, notes a steady tendency towards the increase in the number of check-up instances in the Soviet criminal procedure. In the author's opinion, the idea of the unity of a cassation court does not at all mean that there must be only one cassation instance. Multiplicity of such instances is admissible and justifiable as it improves the efficiency of a review and thus creates additional guarantees of the constitutional right of a person to judicial protection. At the same time it is essential that the judicial system should have the highest cassation court as it is impossible to ensure the unity of judicial practice without it.

Keywords: criminal procedure, cassation, availability of instances, unity of cassation court, unity of judicial practice, appeal, cassation instance court, supervisory instance court, review of judgment.

Jury trial: Past and Present

DROZDOVA, Anna Andreevna — Post graduate student of the Chair of Judiciary and Administration of Justice, National Research University «Higher School of Economics».
[181089ana7@list.ru]

Abstract. This article deals with the development of a jury trial in Russia since its appearance in 1864 to the present day. For that time it was an element of shock therapy, borrowed from Western justice which did not fit in the traditions of domestic criminal proceedings. However, every rise is always followed by a fall. The competence of the jury begins to shrink and eventually in 1917 this Court was abolished. The judicial reform of 1991 was aimed at the revival of the jury, the process which is described in this paper. The author compares the old and new jury, determines the pros and cons of this institution and gives suggestions for its improvement. The results of jury court activity enable us to give thought not only to whether a jury is needed in Russia but also to further development trends of this institution, which are described in the article. Even now we can assert that its reconstruction played a positive role in the implementation of justice.

Keywords: jury trial, criminal procedure, judicial reform, the Charter of criminal proceedings, the independence of the court, the legality of the sentence, acquittal, the jury panel, the French model of court, the Concept of judicial reform.

***Russian criminal procedure law of the late 19 century
on the length of a preliminary investigation
(using the 1864 Charter of Criminal Proceedings as an example)***

EGOROVA, Raisa Evgenevna — Teacher of Chair of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

[raissaa@rambler.ru]

Abstract. In connection with the debate started in the science of criminal procedure on the legal nature of a reasonable length of criminal proceedings, the author examines the historical aspect of the legislative regulation by the Russian criminal procedural legislation of the XIX century of the length of a pre-trial period in a criminal case (using the Charter of Criminal Proceedings of 1864 as an example). In particular, the paper provides the analysis of the articles of the Charter of Criminal Proceedings determining the length of the preliminary investigation as a whole and of certain investigative and legal proceedings in the conduct of a preliminary investigation and police inquiry. The author makes a comparative legal analysis of the criminal procedure rules of the Charter of Criminal Proceedings that governed the length of a preliminary investigation and the legal rules of the current Criminal Procedure Law of the Russian Federation. The author discusses the need for strengthening prosecutorial supervision over the observance by preliminary investigation bodies of the principle of a reasonable length of criminal proceedings at a pre-trial stage and the possibility of using some of the provisions of the 1864 Charter of Criminal Proceedings in determining ways to ensure the rights of parties to a reasonable length of a criminal procedure.

Keywords: length, judicial reform, reasonable length, the Charter of Criminal Proceedings, criminal proceedings, inquiry, investigation, prosecutorial supervision, the extension of the term, the principle of a reasonable length.

***Impact of the Charter of Criminal Proceedings 1864
on modern requirements for admissibility of evidence***

ZAKOTYANSKY, Aleksei Sergeevich — Post graduate student of the Chair of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara State University.

[zakotyanskyas@mail.ru]

Abstract. The subject of study in this article is the impact of the Charter of Criminal Proceedings of 1864 on the theoretical concepts and practical application of the institute of admissibility of evidence in criminal trial. The author attempts to consider not only the provisions on admissibility of evidence formed in the pre-revolutionary science and jurisprudence in the period of the Charter of Criminal Proceedings of 1864, but also their impact on the subsequent historical development of the institution of admissibility of evidence in the Russian criminal procedure. While writing the article the author used the following methods: a formal — logical method (synthesis, analysis), a comparative — legal method and a historical method. Prior to the adoption of the Charter of Criminal proceedings of 1864 (hereinafter — the Charter) the provisions of the law that could be described as the requirements for admissibility of evidence were based on a formal theory of evidence, which had non-rational (non-scientific) grounds. Though the Charter did not contain general provisions establishing the concept and grounds of admissibility of evidence, its legal norms analyzed through the prism of modern concepts of admissibility of evidence formed quite a complete regulation of admissibility of evidence in the modern sense (including the rules of a witness immunity, regulation of an investigation procedure and that of recording of its results by a court investigator). Thus, due to the adoption of the Charter the concept of admissibility of evidence obtained a rational basis which is being used in the normative regulation of the Russian criminal procedure up to now. At the same time the lack of general provisions on admissibility of evidence in the Charter was compensated neither by pre-revolutionary science nor court practice, which had no unity making it possible to create a complete systemic concept.

Keywords: the Charter of Criminal Proceedings, admissibility of evidence, formal proof theory, free evaluation of evidence, probabilistic nature of proof, judicial discretion, criminal-procedural form of evidence, minor violations of law, truth, proof.

Genesis of the institute of committal in the Russian criminal procedure

IBRAGIMOVA, Liudmila Dmitrievna — Associate Professor, Chair of Criminal Law, East Siberia State University of Technology and Management.

[tisakova@mail.ru]

Abstract. This article explores the procedural form of indictment at the initial stage of development of Russian criminal procedural law. The article discusses the genesis of the institute and stages of preparation of the criminal case for trial (committal) in the Russian criminal procedure. It is noted that the first institution of committal took shape only after the Judicial Reform in 1864. The author concludes that, at the legislative stage the preference is given to the judicial form of committal for trial. However, it is noted that, at this stage of committal, the parties have no procedural rights, there's no adversarial principle, which together with the heavy workload of indictments chambers and as a consequence the slowdown of committal, resulted in increased cases in which committal has become the work of prosecutors. The genesis of the establishment of the procedural form of committal is discovered on the basis of the use of the dialectical method of scientific cognition, as well as historical, logical-legal, comparative law, systematic structural methods the genesis of the establishment of the procedural form of committal is disclosed. The theoretical significance of the results presented in this paper consists in a comprehensive study of the Institute of committal from its emergence to the Soviet period and analysis of the experience of pre-revolutionary researchers. The conclusions and proposals made in the article can be used for the development of normative foundations for the modern model of the Russian criminal justice system.

Keywords: judicial reform, criminal procedure, the Institute of indictment, the appellate court, the Charter of Criminal Proceedings, the return of the criminal case, the prosecutor, the procedure of committal for trial, jurisdiction, procedural order.

A brief outline of the development of the juvenile criminal justice system in Russia: from the legislative developments of the Charter of Criminal Proceedings of the Russian Empire to the modern realities

ISAKOVA, Tatyana Valeryevna — PhD in Law, Associate Professor of the Chair of International Law and Comparative Jurisprudence, East Siberia State University of Technology and Management.

[tisakova@mail.ru]

Abstract. This paper is devoted to topical issues of choosing a model of juvenile justice in the Russian Federation. The author examines the history of the origin and functioning of juvenile courts in Russia in the early 20th century. The article deals with the specifics of the implementation of juvenile justice functions of the judiciary, the relationship between the juvenile justice system and civil society. The article explains the complex nature of juvenile justice. In the article the author proposes to take into account the historical experience of the juvenile criminal justice in solving some of the problems of the Russian criminal proceedings against minors. On the basis of the use of historical-legal and comparative legal methods the article shows the genesis of formation of a special legal status of a minor as a participant in the legal proceedings. The theoretical significance of the research lies in the conceptual understanding of the juvenile criminal justice system, its social purpose and main characteristics. The conclusions, proposals and recommendations given in the article may be used in legislative activity for the development of full-fledged normative bases for modern updated model of the Russian juvenile criminal justice.

Keywords: juvenile, a specialized court, the protection of rights of minors, juvenile justice, criminal procedure, restorative justice, criminal justice statute, Charter of Criminal Proceedings, Criminal Procedure Code of the RF, Criminal Procedure Code of the RSFSR, juvenile justice.

Russian Procuracy reformation (under the judiciary reform of 1864 and the Concept of the judicial reform in the Russian Federation of 1991)

KOZHEVNIKOV, Oleg Albertovich — PhD in law, assistant professor, Judiciary Department, the Ural State Law Academy.

[o-kozhevnikov@yandex.ru]

Abstract. The research has been conducted in the area of public relations in terms of tendencies of Russia's procuracy reformation under the acts of the XIX and XX centuries. The author has subjected to a thorough investigation not only the laws, but also the numerous by-laws; on the basis of these analysis the author makes the conclusion that many crucial issues connected with procuracy's structure and activities have not been studied properly despite their great importance. They are the following issues: the place of the procuracy in the system of the power branches, the issue of the procuracy's centralization, the issue of vesting the procu-

racy with special powers, etc. Special attention was given to the legal position of procurator in pretrial stages of criminal procedure. In the course of the research there have been used the following methods: the comparative legal method, the historical method, the systematic structural method and the method of systematic functional analysis. The scientific novelty of the research is in the fact that for the first time in history there have been subjected to comparative analysis the acts referring to procuracy of the mid-XIX and the end of the XX centuries as well as the position of procurator in pretrial stages of criminal procedure. The performed study has given the author ground to draw the conclusion that at all the stages the procuracy performs the unique function — carrying out supervisory activities in the course of interrogation and preliminary investigation, while criminal prosecution (bringing charges) is regarded as a part of procurator's supervisory activities aimed at exposing crimes; the second part is realized while sustaining charges in court.

Keywords: procurator, criminal procedure, judicial charters, the Concept of the judicial reform, investigative bodies, criminal prosecution, charge, Russia's procuracy reformation, investigator, procuracy's functions.

On the issue of indemnity in intentional self-accusation — historical aspects and drawbacks of the current legislation

KOSTENKO, Konstantin Anatolievich — Head of Department of Criminal Procedure, colonel of the Justice Ministry, the Institute of the Qualifications Upgrade of the Investigation Committee of the Russian Federation, Khabarovsk branch.

[73kka@mail.ru]

Abstract. The lawmaker while listing in criminal procedural code of the Russian Federation (part 4 art.133) the cases when the rules regulating rights for rehabilitation are not extended to the participants of the criminal procedure (the suspect, the accused, the defendant in the criminal prosecution, the convict) has failed to take into account that in case when the innocent person by way of pleading guilty deliberately hinders finding truth in a criminal case and contributes to the opportunity of charging him/her with a crime, then this person should be denied the right for indemnity on the part of the state. In the course of elaborating of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation there has been taken into account neither the historical precedent of the emergence of rights for rehabilitation (the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire adopted in 1864), nor the rules of international law (The International Pact on Civil and Political Rights of 1966). The study of the present problems has been performed by the method of comparing the current criminal procedural legislation with the rules of international law and historical aspects of the Criminal Procedure Charter of the Russian Empire adopted in 1864. The analysis has revealed the fact that the actual collision of the legal rules of international law and the current Criminal Procedural Code of the Russian Federation seriously hinders the functioning of the legal system and has a negative impact on the lawfulness of the state activities; it gives rise to the legal nihilism in society and should be eradicated by the lawmakers by means of introducing alterations into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: the suspect, the accused, the defendant in the criminal prosecution, the convict, the innocent person pleading guilty, judicial error, right for rehabilitation, willful false testimony, punitive damages, indemnity, international pact.

Institutional meaning and evolution of appellate and cassation judicial review in criminal proceedings

LANTUKH, Natalia Viktorovna — PhD in Law, assistant professor, Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

[lana-lant@yandex.ru]

Abstract. The subject of the research is consistent patterns and contradictions of application of the rules governing judicial review in appellate and cassation proceedings as well as the activities of the persons involved in them and their relationship in criminal proceedings in terms of the two historically formed types of judicial review. The article dwells on the theoretical basics of appellate and cassation proceedings, exposes the legal nature and special features of each of the institutions of the judicial review. The author points at socio-political and historical prerequisites of emergence of different forms of judicial review; presents theoretical basics of appellate and cassation court proceedings in an easy and accessible form. In the course of working on the article there has been used the general dialectical method as well as the general scientific methods of cognition: analysis and synthesis; they made possible providing ground for the suggestions aimed at the development and improvement of the criminal procedural legislation; the historical method has been applied by the author for considering the evolution of appeal and cassation; the inductive and the deductive methods have been applied for providing arguments for the conclusions made in the course of the investigation; the comparative legal method has been used while carrying out the study of the domestic and foreign legislation.

The author has performed the theoretical investigation of criminal procedural institutions dealing with appellate and cassation proceedings in which she has elaborated these notions and made their meanings more concrete. By means of the comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and those of the foreign countries governing the issues of appeal and cassation there have been singled out most significant features of the given institutions; there have been highlighted the particulars of acting principles of the criminal procedure in appellate and cassation review of criminal cases. The article provides a scientific analysis of legal nature of criminal procedure in the higher courts, the analysis of the expediency of application of either type of the review and appeal in criminal procedure with regard to a particular national and historical aspect.

Keywords: criminal proceedings, the system of judicial review, appellate procedure, cassation, historical form, principles of criminal procedure, criminal procedural guarantees, lodging a complaint, legal institution, judicial control.

Procedural status of investigator under the Charter of Criminal Procedure of 1864

LIFANOVA, Lidia Gennadijevna — PhD in Law, professor, Department of Forensic Science, Krasnodarsky University of the Internal Ministry of the Russian Federation, Stavropol branch.

[laliy@mail.ru]

Abstract. The work carries the analysis of procedural powers of investigator as a person who conducts preliminary investigation of criminal cases starting from the moment of receiving the information about the committed crime and finishing with the taking the final decision on the criminal case. There have been defined the limits of procedural independence, the character of relationship with the procurator, the court, the police and the preliminary investigation. There have been outlined the reasons and grounds for the commencement of the investigation and its termination. There have been given examples of filing a complaint on the investigator's activities in cases of violating the rights of the participants of criminal proceedings. In the course of the work there have been applied the general scientific method of reality cognition as well as special scientific methods: the historical method and the comparative legal method. The scientific novelty of the work is determined by the complex analysis of the investigator's procedural status from the moment of receiving the information about the committed crime to the time of taking the final decision on the criminal case under the Charter of Criminal Procedure of 1864; there have been analyzed the ground and the order of bringing an accused person to the investigator and the way of questioning him.

Keywords: investigator's powers, investigating procedure, commencement of investigation, termination of investigation, an accused person, court, procurator, the police, preliminary investigation, winding up of investigation.

Peculiarities of criminal proceedings in magistrates' courts of the Arkhangelsk government in the late XIX — the beginning of the XX centuries

MINCHUK, Oleg Viktorovich — Assistant, Department of Social Labour and Social Security, Lomonosov North Arctic Federal University.

[minchuk-oleg@rambler.ru]

Abstract. The subject of the research is criminal proceedings in magistrates' courts of the Arkhangelsk government. The author studies legal grounds and jurisdiction of magistrates as well as the results of their actions in terms of criminal proceedings. There has been considered the issue of adapting the rules of the Criminal Procedural Charter to the legal space of the Arkhangelsk region in the context of discrete reformation of the judicial system. The author has elaborated the evolution of the regulatory legal acts (Temporal Rules) governing the functioning of justice of the peace. The aim of the investigation is in the definition of particulars of judicial proceedings of justices of the peace. The methodological base of the research is provided by the principles of historicism, objectivism. In the course of choosing methods there has been applied a complex approach. In the course of the research the author has employed the methods of the science of law (the formal legal method, the comparative legal and the dogmatic methods); the history sciences (the comparative analysis) as well as the mathematics methods (the statistical analysis). The results of the research have shown that the institute of justices of the peace in this area had a number of specific features, such as combining by the justice of the peace both — the functions of administering justice and the investigator's powers; as well as the specific nature of the jurisdiction covering criminal cases which differed from the similar bodies of the Russian Empire and had the similar characteristics with the jurisdiction of the Trans-Caucasian Region and the Siberian governments. The supplied statistical data testify that criminal cases used to constitute the significant part of the justices' of the peace activities. The research demonstrates the ties between of the legal status of justices of the peace and the effectiveness of passing sentences in criminal cases. The latter has

made possible to draw the following conclusion — combining several responsibilities by justice of the peace used to have a negative impact on the qualitative and quantitative rate of solving criminal cases despite the simplification of the interrogation and preliminary investigation proceedings.

Keywords: the Criminal Procedural Charter, the judicial system, the magistrates' justice, the Arkhangelsk government, Criminal Procedural legislation, Congress of justices of the peace, District court, Temporal rules, Principles of judicial proceedings.

***Historical review of the evolution of the institute of legal costs in Russia:
from the Criminal Procedural Charter
of November the 20-th, 1864 up to the present day***

MIKHAILOVA, Alina Arturovna — Legal advisor, LLC «Research and Production Enterprise «Garant-Service».

[mikhailova.alinaarturovna@yandex.ru]

Abstract. The article is devoted to the evolution of legal costs in Russia. It demonstrates the evolution of the institute of legal costs by means of analyzing the four regulatory acts of the XIX–XX centuries (the Criminal Procedural Charter of the Russian Empire, dated November the 20-th, 1864; the Criminal Procedural Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (in the version of February the 15-th, 1923; in the version of August the 27-th, 1993) and Criminal Procedural Code of the Russian Federation № 174-RF of December the 18-th, 2001). On the basis of the comparative table of the above enumerated codes the author shows the consistency in the evolution of the institute of legal costs in Russia. The methodological basis of the research has been provided by the following philosophical methods of scientific cognition: the dialectical one and the determinist one; the general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, the comprehensive method) and the special scientific methods (the comparative legal method, the sociological, the historical, the formal logical methods, the linguistic method and the functional method). Practically all the theoretical researches connected with legal costs have been performed on the basis of the Criminal Procedural Code of 1960. There have been performed no researches connected with the evolution of legal costs beginning from the Criminal Procedural Charter of the Russian Empire of November the 20-th, 1864. In the conclusion the author points out the continuity and consistency of the institute of legal costs in Russia.

Keywords: procedural fees, legal costs, criminal procedural law, the Criminal Procedural Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, judicial procedure, the Criminal Procedural Charter, expenses, costs, criminal law.

Historical evolution of the phenomenon of providing evidence

NIKITINA, Elena Viktorovna — PhD in Law, assistant professor, Department of Criminal law, the Urals State Law Academy.

[nick2210@yandex.ru]

Abstract. The article presents the analysis of the evolution of means of providing evidence in criminal proceedings in Russia from the old times up to the present day. From this viewpoint there have been analyzed different sources of criminal procedural law, including the following ones: «The Expanded Russian Law Code (Pravda), the Judicial Code (Sudebnik) of 1497 (the laws of the Great Prince Ivan Vasilyevich), the Judicial Code (Sudebnik) of 1550, the Code of Russia's Laws (Sobornoje Ulozhenije) of 1649, the Russian Empire's Code of Laws (1832), the Criminal Procedural Charter of the Russian Empire of 1864, the decrees of the Soviet power, the Criminal Procedural Codes of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. There has been used the method of comparing means of providing evidence in criminal proceedings employed in Russia throughout the whole period of its history and the ones used nowadays. There has been drawn the conclusion that the means of providing evidence have not always been developing in a progressive manner — there have been periods of obvious regress. The author has highlighted the continuity of a number of provisions of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation derived from the Criminal Procedural Charter of the Russian Empire. One of such provisions is the principle of criminal procedure fixed in Article 17 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation — discretion of evaluating evidence».

Keywords: means of providing evidence in criminal proceedings, ancient proceedings, inquisitorial proceedings, theory of formal evidence, the Criminal Procedural Charter, principle of inner confidence, the Soviet Power's decrees, the Criminal Procedural Codes of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, discretion of evaluating evidence.

***Filing complaint against judicial decisions by investigator, interrogator:
from the Criminal Procedural Charter of 1864 to the Criminal Procedural Code
of the Russian Federation***

NICHIPORENKO, Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate student, Department of Criminal Law and Procedure, faculty of Jurisprudence and Juvenile Justice, the Russian State Social University.

[alnichiporenko@yandex.ru]

Abstract. Vesting the court with the powers of exercising judicial review in the pretrial criminal proceedings has preconditioned the emergence in the procedural theory and in the judicial practice the issue of powers given to investigator, to interrogator as persons acting on the part of prosecution to appeal judicial decisions passed on the results of considering motions or complaints filed by investigator, interrogator concerning their acts (omissions), decisions. The public legal foundations of the activities of pretrial investigation bodies and the procurator's activities precondition the existence of proper interests of the officers who are involved into proceedings on the side of prosecution: they all represent the state's interests having different powers. At criminal trial the state is represented by the state prosecutor, procurator. The court is not entitled to decide on the argument between procurator and investigator. He performs the function of a guarantor protecting rights and freedoms of people involved in criminal proceedings who are not vested with powers. That is why it is procurator who is vested with powers, but not investigator, nor interrogator. There has been performed the comparative analysis of legal regulation and practice of appealing judicial decisions by investigator and interrogator in the time of enacting of the Criminal Procedural Charter of 1864 and at the present time. There has been provided ground for the conclusion that neither investigator, nor interrogator are subjects of appealing judicial decisions passed in pretrial proceedings on the appeals and complaints against their activities (omissions), decisions. However, they are entitled to appeal special rulings, court judgments which might serve the foundation for bringing them to disciplinary liability.

Keywords: investigator, interrogator, procurator, court, right for appeal, special court judgment, special court ruling, court defence, public origin, litigation parties.

***The evolution of the notion: from «the informed people»
to «the forensic science expert» illustrated by example
of the Republic of Kazakhstan***

PARAMONOVA, Lada Fedorovna — PhD in Law, chief forensic science expert, the Forensic Science Institute of Pavlodar Region, the Forensic Science Centre of the Justice Ministry of the Republic of Kazakhstan.

[flid66@mail.ru]

Abstract. The subject of the research is the development of the term «the informed people», which was originally introduced in the Criminal Procedural Charter of 1864, into the notion which is applied by the contemporary legislator of the Republic of Kazakhstan. There have been considered the basic definitions of the given notion, their changes while elaborating and adopting of the subsequent regulatory act. The author follows the dynamics of the development of the regulatory basis of the Russian Empire, the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the Kazakh Soviet Socialist Republic, the Republic of Kazakhstan which governs the institute of forensic science; there has been performed the analysis of legal rules connected with the notion «the forensic science expert» in the framework of the Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan and in the Law of the Republic of Kazakhstan «Regarding the forensic science activity in the Republic of Kazakhstan». The methodological foundation has been provided by scientific works of Kazakh and foreign scholars in the area of the forensic science. In the course of the research there have been applied the following general and special methods: the systemic legal method, the historic legal method and the comprehensive analysis of the researched notions. The work carries the analysis of the process of formation of the contemporary notion «the forensic science expert»; there has been suggested the definition of the given notion with taking into consideration the contradictions which have been revealed while studying the definitions employed in the Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan and in the Law of the Republic of Kazakhstan «Regarding the forensic science activity in the Republic of Kazakhstan», and also in compliance with the requirements of the legal techniques.

Keywords: court of biys, the informed people, forensic science expert, forensic expertise, forensic science activity, the Criminal Procedural Code, the forensic science institute, special information, special scientific knowledge, expert.

The issues of subordination and judicial jurisdiction in reference to trade charter violations under the Criminal Procedural Charter of 1864

SAKHNEVICH, Inna Valerievna — PhD in History, assistant professor, Department of Theory and History of State and Law, Kursk State University.

[iusta_causa@mail.ru]

Abstract. The article covers the issues of practical application of rules of separation of judicial jurisdiction of magistrates' courts and general judicial institutions while considering cases of trade charter violations following the enactment of the judicial charters on November the 20-th, 1864. As a result of elaboration and codification of criminal legal rules in 1845 in the Russian Empire there was created the Code of Criminal and Correctional Penalties which had a dramatic sustained impact on the implementation of the judicial reform. The liability for violating trading regulations acquired a consistent character, but certain rules were scattered within various parts and chapters of the Code. Trade charters used to be attributed to administrative ones and therefore, under Book 3 of the Criminal Procedural Charter, certain cases belonging to trading offences were excluded from the general order of the criminal procedure. The research is performed on the basis of methodological principles of objectiveness and historicism. Apart from these, the author employs traditional general scientific methods of comprehensive analysis and special scientific methods — the formal legal method and the method of legal interpretation. Systematization of legislation and dramatic reconstruction of criminal judicial procedure that had been carried out in the course of the judicial reform proved to be very beneficial for Russia. Nevertheless, the reform failed to solve many problems which had existed in criminal procedure: the absence of precise criteria discriminating between the judicial jurisdiction of the magistrates' courts and circuit courts while considering violations in the area of trading entrepreneurship, the ambiguity of a number of sanctions, the abundance of various references which have hindered the application of corresponding rules; the uniting of offences, having different legal nature, within the same chapter — that has been demonstrated and exemplified by the analysis of certain criminal and criminal procedural rules.

Keywords: trade charters, trading violations, magistrates' courts, judicial jurisdiction, the Criminal Procedural Charter, pecuniary redress, state government charters, government officer, trade books, deprivation of rights.

Indemnification for the committed offence in the framework of criminal judicial procedure in Russia: evolution over time and present-day situation

SMIRNOVA, Elena Vasilievna — Adjunct, Department of Criminal Procedure, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

[Smirnova_tutaev@mail.ru]

Abstract. The current article is devoted to the study of the genesis of civil liability for the harm inflicted by offence in the framework of criminal procedure of Russia. There has been given a brief description of historical evolution of regulation covering the issue of indemnification which has been caused by the committed offence commencing with the period of Old Russia's law and up to the present-day legislation. The author has based her article on the presumption that offence breaching objective rule, i.e. a law, at the same time violates the rights of individual. It entails the so called cumulation of different offences: criminal, civil, family, labour and other branches of substantive law. There have been studied the issues of correlation of civil and criminal liability for the committed offence in different historical periods. The study of the genesis of civil liability for the harm inflicted by offence in the framework criminal procedure of Russia is performed by means of the historical legal method and the comparative legal analysis. The author has come to the conclusion that the route taken by Russian justice in dealing with criminal offences follows the way of humanization, discriminating between civil liability for the committed crime and criminal liability (revealed in a sentence), aiming at satisfaction of private interests of victim. The author has also undertaken the attempt of forecasting the ways of evolution of civil liability for the crime commission. The scientific novelty of the research is in the fact that the author has made the attempt of concurrent singling out civil liability for the committed crime throughout the whole evolution of criminal procedure of Russia.

Keywords: indemnification for inflicted harm, criminal liability, civil liability, civil suit, claimant, civil suit procurement, imposition of arrest, material damage, humanization.

Development of a suspected person

SOPNEVA, Elena Vladimirovna — PhD in Law, Professor of Criminal Procedure Department, Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

[sopneva@mvd.stavedu.ru]

Abstract. The legislation and theory of criminal procedure establish backgrounds for creation of a suspected person as manifestation of suspicion in various spheres of relations. The article proposes that a suspected person should be viewed in terms of the following elements: identification, rights and obligations, the time of commencement and termination of functioning, the record making methods, the grounds for origination and the activity guarantees. The starting point for creation of state of the aforesaid participant in the emerging relations is the actual existence of the person with regard to whom a suspicion takes form, regardless of the suspect's status, the fact that a suspect has rights and obligations, as well as activity guarantees, which results in the necessity of assigning a name to the suspect and systematizing his/her records. As a result, the study provides an algorithm for creation and functioning of a suspect as a participant in the relations legalizing the suspicion. This approach allows the author to propose to law enforcement officials the understanding of a suspected person's records, the method of interaction with such a participant of the emerging relations and the guarantee of protection of his/her rights and lawful interests.

Keywords: status, suspicion, suspect, suspected person, legislation, theory, practice, problematics.

Public Prosecutor's review over bringing and investigating criminal cases: history and modern age

TABOLINA, KseniyaAndreevna — Post-graduate student, Criminal Procedure Law Department, Kutafin Moscow State Law University
[kysi-kyss@yandex.ru]

Abstract. This article is dedicated to the retrospective of development of the institute of the Public Prosecutor's supervision over bringing and investigating criminal cases. The author divides the key directions of development of the Public Prosecutor's review over pre-trial procedure during the pre-Soviet (before October 1917), Soviet (October 1917 to the end of 1991) and post-Soviet (the end of 1991 up to the present) periods. Within the aforesaid periodization, the article studies the history of establishment of the Public Prosecutor's review over bringing and investigating criminal cases conditioned by adoption of the main sources of criminal procedure law: the 1864 Criminal Court Procedure Statute, the 1922, 1923 and 1960 Criminal Procedure Codes of the Russian Soviet Federal Socialist Republic and the 2001 Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author arrives at a conclusion that the Public Prosecutor's review over bringing and investigating criminal cases has passed a long historical way, its key development directions are in any case related to supervisory activities, with criminal prosecution being an integral part of it. However, despite the accumulated intrastate experience of building up the Public Prosecutor's review over investigation and inquest, in recent years the Public Prosecutor's review over pre-trial procedure has been reformed illogically. It is obvious that the Public Prosecutor has insufficient powers for both efficient review over lawfulness and relevancy of decisions made by the preliminary investigation bodies and ensuring the efficient criminal prosecution in pre-trial procedure. The article is intended for lecturers, post-graduate students, students of law higher education establishments, practicing lawyers, and anyone interested in the criminal procedure law.

Keywords: jurisprudence, Public Prosecutor, Public Prosecutor's review, criminal prosecution, Public Prosecutor's powers, history of the Public Prosecutor's review, pre-trial procedure, bringing a criminal case, investigating a criminal case, preliminary investigation bodies.

The Institute of Challenge under the Criminal Procedure Charter and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Topical Parallels

TARAN, Antonina Sergeevna — PhD in Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Samara State University.
[taran_as@rambler.ru]

Abstract. The basic provisions of the institute of challenge according to the Criminal Procedure Charter have been studied. Parallels with the norms of the valid Criminal Procedure Code of the Russian Federation with this regard have been drawn up. The grounds, the procedural order for challenging a judge, a Public Prosecutor, a court investigator and an attorney at law under the charter have been revealed. Special attention has been paid to the requirements for a challenge request, the issue of the burden of proving the circumstances excluding participation of a judge in the criminal court procedure, the circle of subjects authorized to resolve on the challenge of trial participants. The resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation have been analyzed and practitioners have been questioned. The following methods have been used to write the article: historical, comparative-legal, analytical, comparative, polling, axiomatic and hypothetical-deductive. One can trace down significant similarity of the valid Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the provisions of the Criminal Procedure Charter as regards regulation

of the institute of challenging participants of a criminal procedure. Meanwhile, differences are also evident: The Criminal Procedure Code of the Russian Federation stipulates more opportunities for challenging, implementing the idea of publicity of this institute. The solution of a problem of a subject authorized to resolve on a challenge in the Criminal Procedure Charter to a larger extent corresponds to the idea of competitiveness of the criminal procedure.

Keywords: challenging subject, procedural order for challenging, grounds for challenging, subjects to be challenged, challenge request, criminal court procedure, challenge, Criminal Procedure Charter, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, institute of challenge.

***Special Court Proceedings:
The Influence of an Abridged Form of Court Procedure on the Implementation
of the Constitutional Principles***

TONKOV, Vyacheslav Evgen'evich — PhD in Law, judge, Belgorod Oktyabr'skii District Court.

[tonkov_v@bsu.edu.ru]

Abstract. The subject of the study are the peculiarities of legal and actual consequences of adoption of court decisions as stipulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the impact of the abridged form on the implementation of the constitutional principles in the criminal court procedure and potential deformation of consciousness of the law enforcement officials due to the actual deprivation of a number of basic obligations. The emergence, establishment and development of the institute of criminal procedure law — a special procedure for adoption of judicial decisions when the accused agrees with the accusation presented. The procedure for filing by the accused of a motion for consideration of the case in special proceedings without judicial examination. The applicable legislative norms regulating adoption of court decisions when the accused agrees with the presented accusation are analyzed. The need for reduction of time and official expenses for the justice function, positioning of the process of «court procedure optimization» as a type of manifestation of humanistic principles and mitigation of participation of guilty persons. During the analysis of the changes occurring in the country and the legislation and of the ambition of the public authorities to improve the previously established tools consistently, a tendency for development of simplified forms of judicial procedures can be distinguished, which is not least of all aimed at relieving the courts and reducing the periods of case consideration.

Keywords: judicial practice, criminal procedure, special court proceedings, motion, accused, law, court decision, defendant, act.

***Review of the Final Court Decisions under the 1864 Criminal Procedure Charter
and the 1960 Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic
(A Theoretical Approach)***

TUZOV, Andrei Gennad'evich — Post-graduate student of Criminal Procedure and Criminalistics Department, St. Petersburg State University.

[atuzov@me.com]

Abstract. In the article the author investigates the establishment of the procedures for revision of the final decisions on criminal cases. The article focuses on the grounds and backgrounds for introduction of an appeal and cassation proceedings during the two large reforms of the Russian criminal process — in the 1864 Criminal Procedure Charter and the 1960 Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic. The author considers not only procedural peculiarities, but also social-political grounds for the transformations, which allow him to speak of a theoretical approach to reviewing of sentences and its basic elements. The author has analyzed the key scientific discussions deployed on the eve of adoption of the Criminal Procedure Charter and the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic, as a result of which he has distinguished general theoretical approaches to reviewing of the final court decisions on criminal cases. As a result of the conducted study, the author has arrived at a conclusion that the two key reforms of the criminal process as regards modification of the procedures for reviewing of sentences are based on a single approach, with reallocation of the shares of its separate elements. The author distinguishes six elements: intolerance towards court errors; procurement of a mechanism for protection of rights and legally protected interests of participants in a criminal court procedure; rationality of the procedure; procedural economy; autonomy of the court system and its manageability; social value of criminal court proceedings.

Keywords: criminal procedure, reviewing of a sentence, Criminal Procedure Charter, Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic, appeal, cassation, supervision, court management, theoretical approach, criminal court procedure objectives.

Inquest through third persons as a method of proving circumstances characterizing the personality of the accused

UGOL'NIKOVA, Natal'ya Viktorovna — PhD in Law, Associate Professor of Criminal Procedure Department, Moscow University of the Russian Internal Affairs Ministry.

[nvugolnikova@yandex.ru]

Abstract. The subject of the study is legal regulation of the methods of proving circumstances which characterize the personality of the accused according to the Criminal Procedure Charter of the Russian Empire and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The subject of the study also includes the contents of the notion «circumstances which characterize the personality of the accused». The author has investigated the institute of «inquest through third persons» from the position of obtaining information about the personality of the accused, the procedure for implementation of this procedural institute, its positive and negative elements. The article also considers the methods of proving circumstances which characterize the personality as stipulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the possibility of using historical experience in the contemporary law enforcement system.

Study methodology and methods. The basis of the study methodology is the method of materialistic dialectics as a universal cognition method. General and particular methods have been applied in the course of the study, including comparative-legal, system-legal, sociological, historical, logical and other scientific cognition methods.

The article provides a comparative legal analysis of certain methods of proving circumstances which characterize the personality of the accused. It also considers the issues of the contents of the notion «personality of the accused». The author investigates the contents of the institute of «inquest through third persons» from the position of establishing the contents of circumstances which characterize the personality of the accused. The issues of the necessity for improvement of the Russian criminal procedure law have been discussed.

Keywords: proving, personality of the accused, Criminal Procedure Charter, criminal procedure, criminal case, fact in proof, proving methods, proving subjects, examination of a witness, through third persons.

Fact in Proof in a Criminal Court Procedure: Historical Experience and Contemporary Issues

SHAROV, Denis Vasil'evich — PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure Department, Moscow University of Internal Affairs of the Russian Federation.

[SharovDen@gmail.com]

Abstract. The article highlights the topical issues of the fact in proof in a criminal court procedure. It gives a definition of the fact in proof and traces down the key stages of development of this notion in the Russian criminal procedure science, beginning with the 1864 Criminal Procedure Charter and ending with the 2001 Criminal Procedure Code of the Russian Federation. A number of current issues related to the fact in proof are investigated, in particular, correlation of the fact in proof and the accusation fact, the influence of the fact in proof on the investigator's function in a criminal court procedure, the notion and meaning of interim facts in evidence, the principal fact in proof and its role in distinguishing direct and indirect evidence, the meaning of the fact in proof, etc. The methodological basis of the study is general scientific and particular cognition methods: dialectic, historical, comparative-legal, formal-logical, system analysis method, etc. The article reflects gradual formation of the current fact in proof from the 1864 Criminal Procedure Charter, through the Soviet legislation to the 2001 Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which allows the author to make a conclusion about the influence of the norms of the Criminal Procedure Charter relating to the fact in proof on the current legislation. The author has expressed his own position regarding the present day issues of the fact in proof.

Keywords: criminal court procedure, proof theory, fact in proof, genesis of the fact in proof, circumstances to be proven, principal fact, interim facts in evidence, meaning of the fact in proof, Criminal Procedure Charter, accusation fact.

Historical grounds of emergence and development of the institute of criminalistic assessment of crimes

BESSONOV, Aleksei Aleksandrovich — First Deputy Head of Investigation Department of the Investigation Committee of the Russian Federation for the Republic of Kalmykia, Colonel of Justice, PhD in Law, Associate Professor of Department of Criminal Legal Disciplines, Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy, [bestallv@mail.ru]

Abstract. The article considers the issues of establishment of the institute of criminalistic assessment of crimes in domestic criminalistics, the information grounds of the crime investigation techniques in criminalistics of foreign countries, and defines further lines for development of this scientific category.

Keywords: criminalistics; criminalistic assessment of crimes; crime; profiling.

The Issue of International Information Exchange

MOISEEV, Aleksandr Igorevich — Post-graduate student of International Law Department, Kutafin Moscow State Law University.

[lexxvc@gmail.com]

Abstract. The continuous exchange of up-to-date information should become a basis for efficient counteraction of terrorism, especially international terrorism. The necessity for such exchange has been reiterated on repeated occasions by the United Nations Organization, which has been reflected in a number of international documents. The issues related to information exchange in the area of counteraction of terrorism are touched upon in the activities of virtually all UN bodies. One can make a conclusion that with time the UN has come to pay sufficient attention to the issue of information exchange. The article not only presents and analyzes certain documents intended to expand interstate cooperation in exchanging relevant information, but also proposes strategically important lines, according to which, in the author's opinion, such exchange should take place. Analyzing the current state of affairs in the issues of international information cooperation, one can make a conclusion that a number of problems exists, such as difficulties with circulation of secrecy label information and low degree of participation of a number of states in information exchange. Based on that, the author has defined assumingly most significant ways of development and expansion of interstate interaction in the area of international information cooperation for counteraction of terrorism.

Keywords: international law, international terrorism, terrorism, international cooperation, information exchange, international security, the United Nations Organization, the UN Counter-Terrorism Committee, CIS Anti-Terrorism Centre, secret information exchange.

Legal aspects of relations between russia and eu within the framework of the world trade organization

KALINICHENKO, Paul' Alekseevich — Doctor of Law, Professor of European Union Law Department, Kutafin Moscow State Law University.

[paulkalinichenko@mail.ru]

Abstract. This article is dedicated to the legal aspects of interaction of Russia and the EU within the framework of the World Trade Organization (WTO) during the first two years of Russian membership in the WTO, analyzes the nature of changes in the bilateral regulatory framework between Russia and EU in the area of commercial and economic cooperation, as well as the first disputes between Russia and EU considered within the WTO. Being a full-fledged WTO member for over two years, Russia, nonetheless, is still considered a «beginner» in the organized processes of the global economy. On the other hand, today one can clearly understand Russia's place in the global market, its interests and capacities. The eighteen years of preparation for the WTO accession have not passed in vain for Russia, either.

Meanwhile, the WTO accession does not change anything related to export orientation and raw-material nature of the Russian economy. The European Union remains the principal and single-option trading partner for Russia.

On the whole the European Union consistently contributed to Russia's accession to the WTO. Russia's accession to the WTO has dramatically changed the nature of the contractual-legal framework of relations between Russia and EU in the commercial and economic area. As it has been already mentioned above, the main block of provisions of the valid 1994 Russia-EU Partnership and Cooperation Agreement has become conceptually obsolete and is no longer able to service the Russia-EU partnership in the new circumstances. The sector-specific agreements between Russia and the EU concluded in the area of commercial relations have become irrelevant.

The article analyzes the first cases pertaining to trade disputes between Russia and the EU considered within the WTO, as well as the issues and prospects of further development of commercial and economic relations between Russia and the EU based on the WTO norms and principles in the conditions of aggravation of the political situation and introduction of mutual sanctions.

Keywords: Russia, the European Union, WTO, commercial and economic cooperation, dispute resolution, antidumping duties, sanctions, New Framework Agreement, free trade area, integration.

Development of Legal Education in Post-Reform Russia: Lessons for Modern Russia (Part 1)

KORNEV Arkadii Vladimirovich — Doctor of Law, Professor of Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University.
[ktgp@msal.ru]

BORISOV, Aleksandr Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia.
[amvd@mail.ru]

Abstract. This article considers the issues of development of legal education in the post-reform time. This historical period is interesting for the modern age because the country has been undergoing the stage of permanent reformation for more than 20 years already. Certain historical parallels can be drawn in this regard. There are grounds to believe that the legal education reforms during the post-reform time are to a certain degree similar to the processes taking place today.

Keywords: reform, legal education, curricula, university charters, content of academic disciplines, correlation of theoretical and applied knowledge.

Legal scientometrics: the effective management of legal science

SEMISOROVA, Kseniya Nikolaevna — Head of the scientific publications policy of the organization of scientific activity, Kutafin Moscow State Law University.
[knsemisorova@msal.ru]

Abstract. The article states that in Russia there is already quite extensive array of norms which regulate relations in the field of science and technology, as well as assessing the effectiveness of the scientific activity of research institutes, universities and scientific and pedagogical personnel. The article examines the basic concepts, types and characteristics of evaluation of research activities. The author gives general characteristics to such as citation indexes as Web of science, Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI). Special attention is given to the general characteristics of publication activity, including indicators such as citations, h-index, impact factor, the index of efficiency. Basing on the statistical information contained in the RSCI the author also examines the state of publication activity of Kutafin Moscow State Law University, departments and authors. Particular attention is paid to the development of the Scientometrics juridical (legal) system and its role in the management of legal science. Despite the fact that the methodology of legal scientometrics has only begun to emerge and it is not so widely used to assess the development of legal science in Russia in comparison with other areas of knowledge, we should recognize its importance for the development of legal science in general and the need for its further development.

Keywords: scientometrics, bibliometric indicators, evaluation of scientific activity, citation index, h-index, publication activity, legal science, effectiveness of scientific activity, legal scientometrics, management of legal sciences.

Corypheus of Russian law

CHEDZHEMOV, Sergei Ruslanovich — lawyer, Doctor of Education, professor, Department of Theory and History of State and Law of the North Ossetian State University.
[srchedgemov@mail.ru]

Abstract. The article briefly analyzes the scientific and pedagogical activity of one of the famous Russian scientists in the field of history of state and law, Honored Scientist of the Russian Federation Roland Sergeevich Mulukaev. It is highlighted his original author's approach to the development of such institutions of state and law, as autonomy, police, law enforcement agencies, history of governing bodies of the Russian Empire and Soviet Russia.

Keywords: Ossetia, Lomonosov Moscow State University, Kutafin Moscow State Law University, autonomy, police, law enforcement agencies.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина),
в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы»
http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/actual_problems_of_russian_law/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
 - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
 - лица, имеющие ученые степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, т.е. согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию через сервис **online-редакция NOTA BENE**. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, а также включенных в Список сокращений, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

Список сокращений

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации
ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
ГрК РФ — Градостроительный кодекс Российской Федерации
ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации
ЗК РФ — Земельный кодекс Российской Федерации
КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации
СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации
ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации
ТК ТС — Таможенный кодекс Таможенного союза
УИК РФ — Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации
УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РФ — Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации

9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82-2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Научное редактирование и корректура: Н.Р. Бочкарева
Компьютерная верстка: О.В. Панова

Подписка на журнал возможна с любого месяца
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11178

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант».

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС77-125128 от 28 июля 2006 г.

ISSN 1994-1471

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Тел.: (499) 244-85-56. E-mail: actprob@msal.ru

Сайт: http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/

Подписано в печать 20.11.2014 г. Объем: 33,94 усл.печ.л., формат 60x84/8.

Тираж 250 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК